

XVIII
ВЕК

ПУТИ
РАЗВИТИЯ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
XVIII века

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII ВЕК

СБОРНИК

27

Пути развития
русской литературы
XVIII века

Санкт-Петербург
«Наука»
2013

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

В76

Ответственный редактор
Н. Д. КОЧЕТКОВА

Ответственный секретарь
А. О. ДЁМИН

Рецензенты:
П. Е. БУХАРКИН, Р. Ю. ДАНИЛЕВСКИЙ

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 13-04-16010*

ISBN 978-5-02-038327-2

© Коллектив авторов, 2013
© Российская академия наук и издательство «Наука», серия «XVIII век» (разработка, оформление), 1935 (год основания), 2013

ОТ РЕДАКТОРА

Книга содержит исследования и материалы, существенно расширяющие представления о культуре этого столетия, которое соединяет Петровскую эпоху со временем деятельности младших современников А. С. Пушкина. Участниками сборника стали сотрудники Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, а также ученые из других городов России (Москва, Саратов) и зарубежные слависты (Болгария, Латвия, США).

Помещенные в книге статьи охватывают период развития русской словесности, начиная с 1730-х годов и кончая первыми десятилетиями XIX века. В публикуемых исследованиях новое освещение получило творчество крупнейших писателей (А. Д. Кантемира, Г. Р. Державина, А. Н. Радищева). Особую ценность представляет публикация не известных ранее писем (1769 г.) Радищева и его друга А. К. Рубановского к профессору Х. А. Клодиусу во время обучения русских студентов в Лейпцигском университете. С новой точки зрения проанализированы мемуары Екатерины II, уделено внимание второстепенным и малоизвестным авторам (Н. Г. Курганов, А. М. Салтыков, А. Ф. Лабзин, Ф. П. Колоколов, В. В. Измайлов и др.). Привлекательный историко-культурный контекст позволил более глубоко охарактеризовать собственно литературные явления и эстетические взгляды русских писателей, проследить закономерности развития отдельных жанров (идиллия, дружеское литературное письмо, семейное посвящение). Важные материалы представлены в статьях, рассматривающих русско-европейские литературные связи. Статья, посвященная судьбе П. Корнеля в России, непосредственно соотносится с публикацией статьи Г. А. Гуковского «Расин в России XVIII века», впервые публикуемой на русском языке и тщательно прокомментированной.

Сборник завершается небольшой рубрикой «Из опыта работы над „Словарем русских писателей XVIII века“», включающей

небольшие, но содержательные дополнения к материалам «Словаря». Подобные публикации особенно ценны в связи с начатой нашим коллективом работой по подготовке справочного тома к этому изданию, вызывающему большой интерес научной общественности.

Н. Ю. АЛЕКСЕЕВА

ПРИМЕЧАНИЯ АНТИОХА КАНТЕМИРА К «ПИСЬМАМ ГОРАЦИЯ»

Эпистолы Горация были подготовлены к изданию А. Д. Кантемиром незадолго до смерти.¹ Их полное русское название «Письма Квинта Горация Флакка, переведены с латинских на русские стихи и примечаниями изъяснены в Париже 1742 года» мыслилось им как название будущей книги. О замысле ее издания можно судить по авторизованной белой рукописи (РНБ, Q XIV 1), подготовленной с той же тщательностью, что и другие труды, посылаемые Кантемиром в Петербург для напечатания. Успел ли ее отправить в Россию сам Кантемир, неизвестно. В Публичную библиотеку она поступила в 1813 г. от законоучителя 2-го кадетского корпуса иеромонаха Феофила. По предположению Б. А. Градовой, она попала в Россию уже после смерти поэта.² Труд Кантемира по этой рукописи был издан только в 1867 г. П. А. Ефремовым.³ В XX в. «Письма Горация» не издавались, в собрание стихотворений Кантемира в «Библиотеке поэта» включено лишь четыре из них в отрыве от авторских примечаний.⁴ Состоянию изданий «Писем Горация» соответствует их малая изученность. Только однажды они привлекли к себе

¹ Антиох Кантемир перевел и подготовил к изданию все 22 эпистолы Горация. «Науку о поэзии» («De arte poetica»), хотя она и является эпистолой, как правило, в книги эпистол Горация не включают.

² Градова Б. А. Рукописи А. Д. Кантемира // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1983. С. 17—33.

³ Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка // Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы: В 2 т. / Под ред. П. А. Ефремова, статья, примеч. В. Я. Стоюнина. СПб., 1867. Т. 1. С. 384—559.

⁴ Кантемир А. Писем книга I: Письмо I. К Меценату. Письмо VI. К Нумидию. Письмо XX. К своей книге. Писем книга II: Письмо I. Кантемир Августу // Кантемир А. Собрание стихотворений / Вступ. статья Ф. Я. Приймы; Подгот.

специальное внимание в небольшой статье А. А. Веселовского «Кантемир — переводчик Горация».⁵ Между тем перевод эпистол Горация наиболее полно выражает гораццианскую настроенность самого гораццианского из русских поэтов. Изучение «Писем Горация» в нескольких существенных для истории русской поэзии аспектах, например латинизированного поэтического стиля, а также реформированного Кантемиром силлабического стиха и введенного им безрифменного силлабического 13-сложника, каким написаны переводы эпистол, вне сомнения, дело будущего. Данная работа лишь вскользь касается этого кладезя раннего русского гораццианства. Ее задача состоит в осмыслении написанных Кантемиром примечаний к «Письмам Горация».

Филологическая наука начинается с работы по подготовке издания автора. Не вышедшие в свое время подготовленные Кантемиром издания переводов анакреонтических од⁶ и эпистол Горация принадлежат к первым памятникам русской филологической мысли и уже поэтому требуют самого внимательного к себе отношения. Но недостаточный интерес к истории становления русской филологии, которому посвящены лишь главы в коллективных монографиях,⁷ оставляет пока вопрос о первых русских комментированных изданиях за рамками изучения. Связь изданий Кантемира с началом становления русской филологии может подвергнуться сомнению. Во-первых, это неосуществленные издания, а значит, традиции они положить не могли. Во-вторых, они подготовлены за границей, под воздействием, чего не скрывал сам Кантемир, западноевропейской уже процветающей филологии. Тогда какая же это русская наука? Оба возражения по-своему справедливы. Однако вопрос, какой признак или условие делает науку, в том числе филологию, национальной, не кажется простым, ввиду же малой изученности истории русской филологии рассуждения на эти темы носят, как правило, спекулятивный характер. Не прост вопрос и о значении работ Кантемира для русской филологической традиции.

текста, примеч. З. И. Гершковича. Л., 1956. С. 317—334. (Б-ка поэта. Большая серия).

⁵ *Веселовский А. А. Кантемир — переводчик Горация // Известия ОРЯС. 1914. Т. XIX. № 1. С. 242—254.*

⁶ «Анакреонта Тиейца песни с греческого переведены и потребными историческими примечаниями изъяснены трудами князя Антиоха Кантемира. В Лондоне 1736 году». Полностью напечатаны П. А. Ефремовым: *Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы. Т. 1. С. 337—383.*

⁷ Возникновение русской науки о литературе / Отв. ред. П. А. Николаев М., 1975. С. 42—72, 92—119; История русского литературоведения / Отв. ред. П. А. Николаев. М., 1980. С. 32—39.

Хотя полный перевод «Писем Горация» был издан только в 1867 г., перевод и комментарий первых десяти писем в той же редакции, что и в рукописи РНБ, вошли в издание «Квинта Горация Флакка десять писем первой книги: переведены с латинских стихов на русские и примечаниями изъяснены от знатного некоторого охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов», вышедшем в Петербурге в 1744 г.⁸ Это было первое в России издание не только Горация, но и поэта древности вообще. Его переиздание в 1788 г.⁹ свидетельствует о сохранении к нему интереса и более сорока лет спустя. Издание писем 1744 г. было осуществлено по присланной Кантемиром в мае 1740 г. Хр. Гроссу рукописи. Не напечатанные тогда, письма были включены в издание стиховедческого трактата Кантемира «Письмо Харитона Макентина», которое курировал уже Н. Ю. Трубецкой, поручивший надзор за его подготовкой В. К. Третьяковскому.¹⁰ Нельзя исключить, что Третьяковский участвовал в решении о напечатании писем Горация вместе с «Письмом Харитона Макентина». Время присылки рукописи первых десяти писем помогает датировать работу Кантемира над подготовкой издания всех «Писем Горация» и считать, что дата, обозначенная в названии предполагаемой книги «1742», может относиться лишь к окончанию работы. Началась она, по-видимому, в самом конце 1730-х гг. Об этом говорит указание автора, что делалась она в Париже («переведены с латинских на русские стихи и примечаниями изъяснены в Париже»), куда Кантемир, будучи назначенным французским послом в апреле 1738 г., прибыл в начале сентября того же года.¹¹ По мнению Э. Д. Фролова, перевод Кантемира эпистол Горация, известный по двум изданиям XVIII в., «несомненно оказал влияние на последующие русские переводы Горация».¹² Хотя это мнение несколько категорично для

⁸ Квинта Горация Флакка десять писем первой книги: переведены с латинских стихов на русские и примечаниями изъяснены от знатного некоторого охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов. СПб., 1744.

⁹ Квинта Горация Флакка десять писем первой книги: переведены с латинских стихов на русские и примечаниями изъяснены от знатного некоторого охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов. СПб., 1788.

¹⁰ Пекарский П. Третьяковский Василий Кириллович, академик по кафедре красноречия // Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 91.

¹¹ Николаев С. И. Кантемир А. Д. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2 (И—П). С. 19.

¹² Фролов Э. Д. Русская наука об античности : (Историографические очерки). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2006. С. 31.

того, чтобы быть высказанным без предварительной работы по сверки русских переводов Горация, у него есть свои основания.

Работе Кантемира над переводом и подготовкой к печати эпистол Горация предшествовала многолетняя, начатая им в юности и не прекращавшаяся в продолжение всей жизни работа по переводу литературных, философских и исторических сочинений. Уже первые из них Кантемир снабжал примечаниями. Так, он включил примечания в подготовленное им в 1730 г. русское издание «Разговоров о множественности миров» Б. Фонтенеля, оговорив в предисловии к книге их характер.¹³ Делавшиеся им в тот же период переводы сатир Н. Буало, возможно, тогда же были откомментированы. Кроме переводных, что не столь удивительно, Кантемир истолковал практически все собственные сочинения. Более известны, как он их назвал, «изъяснения» к сатирам, но примечания сопровождают и его песни (оды), письма (послания), басни и эпиграммы. Позднейшая литературная традиция приучила нас, что авторские примечания к собственным сочинениям носят характер не филологической, а литературной работы. Достаточно вспомнить «Объяснения» на свои сочинения Г. Р. Державина. Однако примечания Кантемира совсем другого рода, в них он отстраняется от собственного текста, комментируя как сторонний читатель употребленные в нем малопонятные слова и выражения, а также реалии. Его примечания к своим сочинениям неотличимы от сделанных филологом; не случайно в работе над «изъяснениями» к сатирам он ориентировался, как показал И. З. Серман, на примечания К. Бросета к сатирам Буало.¹⁴ Вероятно, что и в примечаниях к другим оригинальным своим сочинениям Кантемир использовал не известный пока филологический образец. Забота Кантемира об издании своих и переведенных им текстов превратила его из поэта, переводчика в литератора-филолога, который пишет сам, переводит и издает других авторов, род деятельности малознакомый русским поэтам, но хорошо известный во Франции второй половины XVII—первой половины XVIII в.

При подготовке изданий анакреонтических песен и эпистол Горация Кантемир не просто ориентировался, но, как сам признавался, использовал готовые западноевропейские издания Анакреона и Горация как источники текстов для переводов и для работы над примечаниями. В предисловии к «Письмам Горация» он, объясняя назначение своих примечаний, разделяет их на два

¹³ *Кантемир А. Д.* Сочинения, письма и избранные переводы. Т. 2. С. 391.

¹⁴ *Serman I. Z.* The Literary Context in Russian Eighteenth-Century Esthetics // *Russian Literature Triquarterly*. 1988. N 21. P. 15—17.

рода: первые призваны изъяснить употребленные им при переводе эпистол «новые слова и речения» (филологический комментарий), вторые — «обычай древние, обряды и другие вещи и имена лиц, о которых в письмах Горациевых упоминается». Второй тип комментария (реальный) он, как сообщает, «от большей части <...> занял у Дассиера и других толкователей Горациевых».¹⁵ Если под Дассиером имеется в виду Андре Дасье (*André Dacier*; 1651—1722), наиболее авторитетный в то время издатель Горация, имена других толкователей, с которыми сверялся или у которых заимствовал примечания Кантемир, остались от нас сокрытыми. Установить издания, которые использовал Кантемир при работе, едва ли возможно. В этот и в более ранний период во Франции и в других западноевропейских странах выпускалось множество изданий Горация, со многими из них Кантемир, вероятно, был знаком. При обращении к работе Кантемира над примечаниями более важным кажется не поиск не упомянутых им «толкователей Горациевых», а прояснение меры и характера зависимости его примечаний от примечаний Дасье.

Подготовленная для издания книга Кантемира «Письма Горация» начинается с разделов, обычных для западноевропейских изданий древних авторов того времени: посвящение, предисловие, жизнеописание Горация. Принципиальное отличие книги Кантемира от западноевропейских изданий древних заключается в отсутствии в ней текста оригинала. К концу 1730-х гг. в западноевропейской филологии сосуществовало несколько типов изданий римских авторов, в том числе Горация.¹⁶ К первому из них исторически принадлежали издания с публикацией текста с комментариями на латинском языке. Ко второму можно отнести издания латинского текста оригинала с комментарием на национальном языке издателя и вероятного читателя. К третьему типу относятся издания, в которых воспроизводится латинский оригинал в сопровождении его перевода на национальный язык, как правило, такие издания были комментированными. Среди них выделяются издания французские, в которых перевод обязательно был прозаическим, независимо от формы оригинала, а комментарии стремились к толкованию всех древних реалий, всех выражений и отдельных необычно употребленных слов латинского текста. Именно такие издания отвечали быстрому развитию филоло-

¹⁵ *Кантемир А.* Письма Квинта Горация Флакка. С. 386.

¹⁶ Не привожу описаний изданий, так как они несравненно расширили бы рамки статьи. Знакомству с изданиями Горация, помимо петербургских книгохранилищ (РНБ, БАН), автор обязан Google Books (<http://books.google.com>), в особенности сайту HathiTrust Digital Library (<http://babel.hathitrust.org>).

гической науки, претендующей на возможно полное понимание древних. Перевод в прозе уже служил начальным комментарием (истолкованием) текста. Французские комментированные издания были чрезвычайно объемными; так, издание Горация Дасье насчитывает девять томов in octavo.¹⁷ Оно, как и аналогичные издания других французских переводчиков-комментаторов,¹⁸ включает в себя полное собрание сочинений Горация. Но были и издания отдельных жанров: од или сатир, также эпистол. Неполные издания в своих целях и задачах сильно различались. Среди них издания с обширным комментарием и без него, а также такие, которые явно не преследовали научных целей. Это прежде всего издания, в которых тексты Горация помимо латинского оригинала даются в художественных переводах, прозаических или стихотворных; краткое пояснение могло сопровождать текст, а могло и отсутствовать. Специальные издания предназначались для школы. Помимо текстов на языке оригинала школьный Гораций мог включать и их перевод; комментарий к ним носил прежде всего познавательный характер и был сравнительно небольшим. Во все условно выделенные типы изданий латинский текст обязательно входил как основной, а перевод, если включался, то как ему сопутствующий.

Отсутствие латинского текста эпистол Горация в предполагаемом издании Кантемира привело к тому, что он в отличие от западноевропейских комментаторов, в том числе, конечно, и от Дасье, делал примечания не к стихам Горация, а к стихам своего перевода. Хотя Кантемир и стремился переводить Горация, как он сам говорил, «слово от слова»,¹⁹ его русские стихи не совпадают с латинскими, и число стихов перевода больше, хотя сравнительно ненамного, числа стихов подлинника. Отсюда происходит несовпадение номеров стихов русских и латинских и уже от этого проистекает несовпадение указаний номеров стихов в примечаниях Дасье и Кантемира, а иногда и порядка самих примечаний. В отдельных случаях нарушение порядка существенно. Так, примечание к первому стиху XV письма «К Неию Нумонию Валле» Кантемир начинает с оговорки: «Гораций начинает письмо свое стихом 15 и 16 *Валла, друг, какова*

¹⁷ Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. Par m. Dacier, Garde des Livres du Cabinet du Roy. 3 ed. Paris, 1709. V. 1—9.

¹⁸ Например: Horace de la traduction de monsieur De Martignac. Lyon : Chez Antoine et Horace Molin, 1687. 3 ed. V. 1—2; Œuvres d'Horace : En latin traduites en françois par M. Dacier, et le P. Sanadon, avec les remarques critiques, historiques et géographiques, de l'un et de l'autre. Paris, 1735. V. 1—8.

¹⁹ *Кантемир А.* Письма Квинта Горация Флакка. С. 385.

скажи мне в Велии зима и проч., после которых следует в скобках около 14 стихов, кои совсем его вопрос к другу прерывают. Дасье правильно судит, что такое долгое отдаление от начатого вопроса в письме к другу неприлично. Для того я в начало письма вставил то, что в первоначальном лежит в скобках, а первые два стиха к прочим в свое место присоединил».²⁰ В решении вторгнуться в текст Горация Кантемир следовал Дасье, который в своем прозаическом переводе поменял местами первые два стиха с последующими четырнадцатью.²¹ Однако, комментируя начало XV письма, Дасье, привязывавший свои комментарии к тексту Горация, исходил из последовательности стихов у него, и потому вольность при переводе в его комментарии не отразилась.²² А у Кантемира отразилась. Давая примечания к своим стихам, он был вынужден поменять и в комментариях последовательность стихов Горация. Его комментарий к 15-му стиху соответствует комментарию Дасье к 1-му стиху. Этот пример показывает, что проблема комментария начинается с вопроса о тексте, к которому делается комментарий. Одновременная работа над филологическим комментарием к своим стихам и к стихам Горация создавала иллюзию единого идеального текста, приводила к ощущению совпадения, а несовпадения русского и латинского текстов оговаривались. В контексте западноевропейской эдиционной практики решение Кантемира издавать только свой перевод без оригинала и комментариев к своему переводу выглядит более чем странно. Почему Кантемир посчитал возможным отступить от установок западноевропейской филологии, заведомо сделав свой труд уязвимым? Можно было бы думать, что он пошел на это из снисхождения к русской необразованности, не надеясь встретить читателя, знавшего латынь. Но в предисловии к намечавшемуся изданию он говорит: «...я предпринял перевод сей не только для тех, которые довольствуются просто читать на русском языке Письма Горация, по-латински не умея; но и для тех, кои учатся латинскому языку и желают подлинник совершенно выразуметь».²³ При такой направленности издания, казалось бы, латинский текст был просто необходим. В решении давать в издании только перевод Кантемир мог исходить из русской издательской практики, в которой, недавно начав издавать древних, издавали их только в русском переводе. Вместе с тем он нигде не упоминает о жела-

²⁰ Там же. С. 471.

²¹ Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. V. 9. P. 3, 5.

²² Ibid. P. 12.

²³ Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 386.

тельности поместить в издании латинский текст оригинала, как и не прилагает оригинал к подготовленной им книге. Да и сами примечания, как уже говорилось, отнесены в ней к стихам перевода, а значит, при их подготовке печатание латинского текста не предполагалось.

Возможно, однако, что не русская действительность, с привычной для нее косностью в деле изданий, определила решение Кантемира. Идеальный текст, находящийся как бы вне, над языком, мог для Кантемира не быть чуждой идеей. Ведь сам его перевод, выполненный стихами без рифм с установкой «поблизку держаться первоначального»²⁴ латинского текста и стремящийся к буквальности, как бы воспроизводил текст Горация. Конъектуры текста, которые Дасье вносил в свой прозаический перевод и обсуждал в примечаниях, Кантемир вносил в свой поэтический перевод, и он представал как бы исправленным, очищенным текстом Горация. Так, например, он вносит конъектуру Дасье в 31-й стих VII эпистолы, вслед за Дасье считая правильным читать не *in cumeram frumenti* (в корзину с зерном), а *in cameram frumenti* («В житной вкралася амбар...»). В примечании он объясняет: «В житной вкралася амбар. Resperat in cumerum frumenti. Дасьер с довольным резонотом отменяет *cumerum* в *cameram*. Есть же *camera* амбар житной с сводом...».²⁵ Хотя в западноевропейской культуре начиная с поэтов Плеяды Горация перекладывали стихами, никто из западноевропейских литераторов никогда бы не счел поэтический перевод равным научному или учебному, не счел бы его точным. Потому-то французские филологи и переводили прозой, что в прозе можно достичь максимальной точности. Но, видимо, поэт в Кантемире был сильнее и ученого, и учителя, а сама идея буквального перевода в стихах («слово от слова») не казалась ложной. Восходит она к переводческой школе Славяно-греко-латинской академии, где учили эквилинейному, эквиметрическому и буквальному переводу.

Стремление Кантемира в своем переводе «поблизку держаться первоначального» и «переводить Горация слово от слова» принуждало его, как он сам признавался, «употреблять или слова, или образы речения новые и потому не вовсе вразумительные читателю, в латинском языке неискусному».²⁶ Или иначе: русский текст перевода писем Горация малопонятен тем, кто не знает латыни. И в то же время он должен помочь тем, «кои учатся латинскому языку и желают подлинник совершенно выразуметь».

²⁴ Там же. С. 385.

²⁵ Там же. С. 439.

²⁶ Там же. С. 386.

Кантемир ставит во взаимозависимость русский и латинский тексты эпистол. Его русский перевод должен помочь понять латинский текст, но при этом знание латинского текста должно помочь понять русский перевод. Естественно, что такой перевод на русский с привкусом латинского требовал толкования — «я не оставил оных [новых «слов или образов речения». — Н. А.] силу изъяснить в приложенных примечаниях» — то есть своего рода перевода этого нового русского на русский язык. И хотя, думается, Кантемир несколько преувеличивал непонятность своего текста, сама высказанная и, вероятно, владеющая им при переводе и работе над филологическим комментарием к нему идея возможности языка русского как проекции на латинский, русского как лексической и грамматической кальки с него кажется как глубокомысленной, так и замечательной. Конечно, в известной степени она не чужда всем, кто когда-либо переводил, но откровенность, с какою высказал и провел ее в своей работе над письмами Горация Кантемир, исключительна. Неудивительно поэтому, что филологический комментарий к русскому переводу занимает важное место в его примечаниях. С него начинается статья примечаний к стиху, а иногда им и ограничивается. Чаще всего он заключается в распространении краткой формулы перевода парафразисом: «Из атталских ли один предпочтешь ты город. Не предпочтешь ли к твоему жилищу один из атталских городов...».²⁷ Но нередко Кантемир оговаривает и свое словоупотребление: «Пользуемся. Повелительное, вместо станем пользоваться оба. His utere tecum. Сими пользуйся вместе со мной»²⁸ и формы слов: «Что отечеству предчли возбраненны сласти. Что вместо которые...»,²⁹ но предчли (от предчесть, предпочесть) им не обсуждается. В филологическом комментарии часто приводятся переводы «слово от слова», сопровождающие выписку латинского места, например к стиху 31 (у Горация — стих 28) X письма: «Не столь чувствительны. Propius medullis datum. Слова от слова: изъян, кой ближе мозгу в костях касается, сиречь изъян весьма чувствительный, понеже и кость за кожицею, котою покрыта, и периостион называется, и мозг к болезни весьма чувствительны».³⁰ Филологический комментарий к русскому и латинскому текстам сливается.

²⁷ Там же. С. 456.

²⁸ Там же. С. 435.

²⁹ Там же. С. 434.

³⁰ Там же. С. 453. Несомненно, что филологический комментарий к «Письмам Горация» требует отдельного исследования, так же как и сам язык его переводов; в идеале оно должно было бы стремиться к осмыслению их стиля в русле классической работы С. И. Николаева, см.: Николаев С. И. Трудный

Итак, читателями «Писем Горация», по мысли Кантемира, могли быть русские, не знающие латыни, то есть образованные, но не прошедшие курсов Славяно-греко-латинской академии, семинарий и Академического университета читатели, но также и ученики этих учебных заведений. Таким образом, «Письма Горация» должны были одновременно служить знакомству русских с Горацием и учебным пособием при чтении Горация по-латыни. Мысль Кантемира о тех, «кои учатся латинскому языку», то есть о семинаристах и студентах, которых знать он не мог, покинув Россию, когда те были еще младенцами, сама по себе знаменательна. Внимание к далекому незнакомому племени сродни, по-видимому, тому участию, с которым Кантемир некогда отнесся к работе гимназистов Академии наук над приветственной одой императрице Анне Иоанновне. Тогда он их подстрочный перевод латинской оды превратил в стихотворную оду,³¹ теперь уже следующему поколению в помощь изучению Горация и латыни предназначая свой труд. Видимо, Кантемиру было свойственно с интересом и вниманием относиться к молодым людям, осваивавшим науки. Если адресация своего труда студентам и семинаристам Кантемиром не только декларировалась, то уровень примечаний к «Письмам Горация» должен был соответствовать возможному уровню тогдашнего русского студента.

Реальный комментарий Кантемира не просто восходит к комментарию Дасье, но, как правило, представляет собой буквальный перевод больших или меньших его фрагментов. Практически все толкования римских реалий взяты Кантемиром у Дасье. Однако мера и характер зависимости при подражании определяется не только тем, что заимствуется из оригинала, но и тем, что остается в нем нетронутым. Используя примечания Дасье, Кантемир заметно их сокращает. В предисловии он писал: «...примечания большую часть труда моего составляют». Действительно, пропорция текста писем и примечаний к ним по числу слов имеет примерное соотношение 1 к 20. Но у Дасье эта пропорция 1 к 70. Сокращение примечаний Дасье сделало возможным поместить русские примечания под строкой (тогда как у Дасье примечания концевые). Но и сокращенные в сравнении с французскими русские примечания занимают почти всю страницу, оставляя на ней место для основного текста в среднем на шесть стихов (строк).

Кантемир : (Стилистическая структура и критика текста) // XVIII век. СПб., 1995. Вып. 19. С. 3—14.

³¹ *Либуркин Д. Л.* Русская новолатинская поэзия : Материалы к истории. XVII—первая половина XVIII века. М., 2000. С. 190—196; см. также: *Алексеева Н. Ю.* Русская ода : Развитие одической формы в XVII—XVIII вв. СПб., 2005. С. 73.

Расположение примечаний для Кантемира имело значение, как это становится известным из специального указания наборщику. Стоит заметить, что к собственным произведениям он помещал концевые примечания, тогда как к «Разговорам о множественности миров» и к анакреонтическим песням — подстрочные.³² Однако очевидно, что сокращение французских примечаний производилось Кантемиром не из желания уместить свои примечания под строкой, а преследовало другие цели.

Наиболее заметное сокращение затронуло преамбулы к каждой из эпистол, занимающие у Дасье несколько страниц, а у Кантемира один абзац. Заимствуя у Дасье основную идею преамбулы или статьи пространного примечания, он выражает ее существенно короче, опуская подробности и повторения. Сокращение достигалось и отказом от ссылок на предшествующих комментаторов Горация, обязательных у Дасье в преамбулах и частых в статьях его примечаний. Подобные отсылки у Кантемира встречаются лишь дважды. В примечании к 80-му стиху I письма он вслед за Дасье ссылается на «мнение Мюретово»,³³ то есть на комментарий М.-А. Мюре (Muret, 1526—1585) к Горацию.³⁴ В другой раз Кантемир вслед за Дасье обсуждает предложенную «господином ле-Февром»³⁵ конъектуру 59-го стиха VI эпистолы Горация,³⁶ однако, так же как Дасье, в текст свой ее не вносит.³⁷ Скорее всего, обе ссылки остались у Кантемира не из-за их принципиальной для него важности, а случайно. Но ссылки на самого Дасье у него нередки, как правило, они приводятся, чтобы подчеркнуть значение и правильность толкования Дасье и звучат в таком роде: «Дасьер изрядно изъясняет...».³⁸ Лишь однажды он оспаривает мнение Дасье, не соглашаясь с

³² Об истории расположения и оформления примечаний в западноевропейских изданиях см.: *Grafton A. The Footnote: A Curious History. Cambridge (Massachusetts), 1999.*

³³ *Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 401. Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. V. 8. P. 80.*

³⁴ *Horatius M. Antonii Mureti in eundem annotations. Aldi Manutii. De metris Horatianis. Eiusdem Annotationis in Horatium. Lugduni, apud Guliel. Rovillium, sub scuto Veneto, 1564.*

³⁵ Имеется в виду Таннеги Ле Февр (Le Fèvre Tanneguy, 1615—1672), учитель и тесть Дасье, и его издание Горация: *Quinti Horatii Flacci Opera, ad serenissimum Delphinum. Diligenter recensuit T. Faber et Notulae ac Monita ad Odas addidit, cum specimine novae interpretationis ad lectorem. Salmurii, apud Renatum Pean, 1671.*

³⁶ *Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 434.*

³⁷ *Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. V. 8. P. 342.*

³⁸ *Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 457.*

ним в толковании 4-го стиха IV эпистолы (*An tacitum sylvas inter reptare salubres...*): «Или молчалив, как человек, который с прилежанием размышляет, ища истину, прилежит к академической философии, исследуя книги Платоновы и других академических философов. Так Дасьер толкует сей стих <...>. Я охотнее тех мнению последую, которые чают, что Гораций Тибулла просто спрашивает: гуляешь ли в лесу молчалив...».³⁹ Однако кто эти несогласные с Дасье, установить не удалось. Примечательно, что следующий после Дасье авторитетный толкователь Горация Э. Санадон, нередко в своих комментариях не соглашаясь с Дасье, в данном случае повторяет его толкование.⁴⁰ Стоит сказать, что Кантемир вообще не учитывает издание Санадона, вышедшее впервые в 1728 г.

Изъятие Кантемиром из французских примечаний отсылок к предшествующим Дасье комментаторам можно объяснить только тем, что он не считал нужным отяжелять ими примечания, полагая их лишними для русского читателя, не знакомого с традицией осмысления Горация. Подобно ссылкам на ученых, Кантемир в большинстве случаев опускает постоянные у Дасье отсылки к древним поэтам, в том числе к самому Горацию, его одам или сатирам, а также цитаты из древних, приводимые французским комментатором чаще всего для лучшего толкования латинского слова, выражения или реалии текста эпистол. И причина здесь не в том, что Кантемир, не включив в издание латинского текста эпистол, упразднил саму проблему толкования латинских выражений Горация, как раз напротив, странным образом, от толкований латинских выражений он не отказался. Но так же как в случае с именами ученых авторов, он, видимо, не хотел перегружать свои примечания не столь уж хорошо знакомыми русскому читателю именами и текстами. Исключение, пожалуй, составляет лишь Эзоп, ссылки на которого у Дасье переходят в русские примечания.⁴¹ Оставленные Кантемиром ссылки на Эзопа показывают, что свои примечания он соотносил с уровнем русского читателя, ведь Эзоп был одним из немногих древних авторов, хорошо известных в России и по рукописной традиции, и по изданию 1712 г.⁴² Кантемир заметно прореживает ссылки Дасье на философов, давая их лишь в тех необходимых случаях,

³⁹ Там же. С. 403, 420.

⁴⁰ *Œuvres d'Horace : En latin traduites en François par M. Dacier, et le P. Sana-don; avec les remarques critiques, historiques et géographiques, de l'un et de l'autre.* V. 6. P. 470.

⁴¹ *Кантемир А.* Письма Квинта Горация Флакка. С. 439.

⁴² *Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р.* Эзоп на Руси : Век XVII : Исследования. Тексты. Комментарии. СПб., 2005.

когда Гораций сам их упоминает; справки о них и необходимые пояснения он заимствует у Дасье. В отборе из французских примечаний, пусть и не всегда последовательном, имен ученых, поэтов, философов проступает принцип работы Кантемира, она направлена на адаптацию французских примечаний русскому читателю. В незаимствовании Кантемира у Дасье можно увидеть фигуру умолчания, красноречиво говорящую об уровне русского читателя (студента), к которому адресовался Кантемир, или о его мнении о русском читателе. Наверное, это мнение в ряде случаев можно было бы оспаривать — так, имена Вергилия, Ю. Скалигера не могли быть неизвестными ученикам Славяно-греко-латинской академии и даже семинарий. Между тем при исследовании вопроса о русской образованности рубежа 1730—1740-х гг. стоило бы внимательно отнестись к примечаниям Кантемира и встающему из них образу читателя-студента.

Трудно объяснить чем-нибудь иным, кроме как заботой Кантемира о постигавшем латинский текст юноше, его толкования латинских оборотов и отдельных слов эпистол. Но практически все они взяты им из примечаний Дасье, пояснявшего трудные и спорные места чтения Горация. Кантемир переписывает, за редким исключением, все эти толкования Дасье, не прибавляя при этом к ним новых. Нельзя не признать, что школьное чтение Горация и, так сказать, академическое, рассчитанное на людей, знающих латынь, но сомневающих в правильности чтения или понимания отдельных оборотов и слов, сильно между собой разнятся. Русский студент получал толкование мест, трудных для знатока, а не для начинающего. При этом принцип отнесения комментария к стихам русского перевода и несоответствие их стихам Горация делает невозможным чтение в русских примечаниях толкований латинских оборотов и слов, превращая их в род филологического абсурда. Обычно, начав статью примечания с объяснения использованного им русского выражения, Кантемир без перехода говорит затем о латинском выражении, употребленном в том же стихе, не поясняя при этом, что русский и латинский стих не совпадают и номера их разные. Например, в примечании к 31-му, 32-му стихам VII письма он замечает: «...латинский текст трудноват кажется с первого взгляду, для того что предлог *pro* отделен от причастия: *Pro laudo merentis*, переложив частицу *tu* на свое место, легко понятен становится: *Dignum praestabo me etiam laude promerentis*».⁴³

⁴³ Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 438. У Дасье это место: *Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques*. V. 8. P. 378.

Однако в латинском тексте это 24-й стих, и такой комментарий понятен лишь в том случае, если читатель слово за словом сверяет перевод Кантемира с оригиналом, для чего должен держать перед собой издание Горация и самостоятельно проделывать филологическую работу по поиску и сверки его стихов с русскими примечаниями.

Уровень образованности русского читателя, во всяком случае каким виделся он Кантемиру, угадывается не только по изъятым им местам из примечаний Дасье, но и по его нередким дополнениям к ним. Так, он включает отсутствующие у Дасье справки об исторических лицах, хорошо известных французскому читателю и плохо — русскому, например, в примечании к первому стиху I письма — о Меценате,⁴⁴ а в примечании к 51-му стиху VI письма — о Лукулле.⁴⁵

Уровень знания русскими древности проступает и в объяснении Кантемиром латинских терминов и понятий, уже прочно к тому времени утвердившихся в европейской культуре. Дословно переводя начало примечания Дасье к выражению *Rude donatum* из 3-го стиха I эпистолы, Кантемир находит нужным пояснить слово *гладиатор*: «Quand les Maîtres d'armes donnoient leçon à leurs Gladiateurs, ils faisoient combattre avec des fleurets...»⁴⁶ — «Когда оружием учителя наставляли гладиаторов, то есть единоборцев, в их науке употребляли деревянные палаши...»,⁴⁷ — но в дальнейшем толковании этого места говорит уже только о борцах и единоборцах. В подобных заменах А. А. Веселовский усматривал русификацию перевода Кантемира, считая ее его слабостью, хотя едва ли был полностью прав.⁴⁸ Примером русификации может служить перевод Кантемиром 18-го стиха XI эпистолы Горация (*Penula solstitio, campestre nivalibus auris*): «...сколь среди лета толста шуба, Сколь занавеска в зиме, Тибр в мразное время...» (ст. 22—23). В примечании к нему он поясняет: «*Penula solstitio*. Епанча во время солнцестояния. Пенула епанча толстая, употребляемая в дождь и в студеное время, дорожная епанча. Я шубу в переводе употребил, понеже нашему обычаю не меньше,

⁴⁴ Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 390.

⁴⁵ Там же. С. 432.

⁴⁶ Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. V. 8. P. 25.

⁴⁷ Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 391.

⁴⁸ Веселовский А. А. Кантемир — переводчик Горация. С. 244—249, 253. О русификации говорит и П. Н. Берков (*Берков П. Н. Ранние русские переводчики Горация // Известия АН СССР. VII сер. Отд. обществ. наук. 1935. № 10. С. 1042—1043*).

чем намерению стихотворца, соответствует».⁴⁹ Но комментарий к этому месту заимствован у Дасье, который перевел стих Горация более вольно, чем Кантемир, не затронувший русификацией по крайней мере второе полустишие: «се qu'un gros manteau est en Esté, un simple calçon en Hyver...» («как толстое пальто летом, легкие штаны зимой»)⁵⁰ В замене древнего платья современным Кантемир всюду следует за Дасье, который всякую верхнюю одежду переводит словом манто (le manteau), и даже 25-й стих XVII эпистолы Горация «Contra quem duplici panno patentia velat» («Напротив того, в двойной лоскут — „длинный лоскут“ в переводе Н. С. Гинцбурга — терпение облакает») передает как: «au lieu que celui que la patience arme d'un manteau qu'il met en double...» («Напротив, терпение вооружает пальто на подкладке»)⁵¹ Кантемир, заменив манто епанчей («Напротиву же кого Терпение одело В удвоенну епанчу...»), дает подробное объяснение родам одеяний римлян в примечании к приведенным 34-му и 35-му стихам XVII эпистолы,⁵² однако оно восходит к Дасье, у которого эта справка много пространнее.⁵³ Французский аналог, а для Кантемира и источник таких решений перевода, не позволяет видеть в замене римских реалий русскими намеренную русификацию римской жизни и Горация. Она явилась необходимостью ввиду отсутствия разработанной терминологии римских реалий и достаточных о них представлений. Между тем как раз в те десятилетия, что отделяют работу Кантемира от работы А. Дасье над Горацием (его первое издание — 1683 г.), во французской науке начали подходить к изучению быта и обихода древних, к своего рода антропологическому их изучению. Одним из первых, кто исследовал эти вопросы, был Ш. Роллен (1661—1741), сопровождавший свою «Римскую историю» (*Histoire romaine depuis la fondation de Rome jusqu'à la bataille d'Actium* (1738)) специальными статьями о платье, столе, времяпрепровождении римлян. Работа Кантемира над Горацием по времени совпала с началом нового этапа освоения древности, с ее по-новому историческим постижением. Можно ли упрекать Кантемира, что он не отразил новейшее тогда течение в своих комментариях?

⁴⁹ Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 457.

⁵⁰ Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. V. 8. P. 479.

⁵¹ Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. V. 9. P. 87.

⁵² Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 487.

⁵³ Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. V. 9. P. 104—105.

О русификации, скорее, можно говорить в стремлении Кантемира давать параллели римским понятиям из русского духовного опыта. Так, он переводит слово *Genius* «духом твоим», поясняя: «*Гениус* есть бог язычников, который имел надзирательство над рождением и житием человека. Всякий человек имел своего такого божка, как мы в православной вере иметь верим своего ангела». ⁵⁴ И это оригинальное примечание, потому что для Дасье, переведшим латинского *Genius* французским *Génie* здесь не было вопроса.

Перевод и толкования могли приводить Кантемира к переосмыслению Горация. Одним из примеров может служить комментарий начала первого письма, где Гораций сравнивает себя с гладиатором. Воскликая вслед за Дасье: «Изрядно Гораций соравнял лирическое стихотворство боевому позорищу...», Кантемир продолжает: «и стихотворцев — единоборцам или подвижникам», ⁵⁵ переводя и здесь Дасье («*et les Poètes à des Athlètes, à des Gladiateurs...*» ⁵⁶). Если *единоборцы*, как явствует из примечания к предыдущему третьему стиху, служат переводом слова *gladiateurs*, то *подвижники* — *athlètes*. Такой перевод кажется смелым, поскольку изначально слово *подвижник* в русском языке употреблялось лишь в духовном смысле. ⁵⁷ Однако он далеко не случаен. В начатом Кантемиром, но не оконченном Русско-французском словаре, в котором русские слова на букву «П» расписаны, но за редким исключением оставлены без французского перевода, к слову *подвижник* дан перевод *athlète*. ⁵⁸ В том же значении «участника соревнования, состязания» ранее Кантемира слово *подвижник* было использовано в глоссах Сильвестра Медведева к лексикону Герасима Влаха при переводе греческого *ἀγωνιστής*. ⁵⁹ Очевидно, что Кантемир опирается на ту же традицию. Эта традиция отражена и в «Словаре Академии российской», который как первое значение слова *подвижник* дает: «у римлян и древних греков назывался всякий искусный в подвигах в употреблении тогда бывших». ⁶⁰ И схожим образом И. И. Татищев переводит слово *athlète* в своем французско-русском «Лексиконе»: «*Athlètes* — у древних греков так назывались борцы, подвижники,

⁵⁴ Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 444.

⁵⁵ Там же. С. 391.

⁵⁶ Les Œuvres d'Horace en latin et en françois avec des remarques critiques et historiques. V. 8. P. 30.

⁵⁷ Срезневский И. И. Материалы для истории словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 1033 (Репринт: М., 1959).

⁵⁸ Русско-французский словарь Антиоха Кантемира / Вступ. статья, публ. Е. Бабаевой. М., 2004. Т. 2: П—У. С. 889.

⁵⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1989. Вып. 15: (Персть—Подмышка). С. 232.

⁶⁰ Словарь Академии Российской. СПб., 1790. Ч. 2: От Г до З. Стб. 554—555.

бывшие при торжественных играх».⁶¹ Приведенный Татищевым французский оборот «Les athlètes de la foi» и данный им перевод — «поборники по вере, мученики»⁶² — проясняет перевод Кантемира. При переводе слова *athlète* Кантемир, по-видимому, исходил из французской традиции осмысления христианского аскетизма, в частности, стиха апостола Павла: «всяк подвижайся от всех воздержится» (1 Кор. 9, 25; во французском переводе Лувенской Библии: «tous les athlètes gardent en toutes choses»), к которому и восходит уподобление христианских подвижников языческим атлетам. В греческом тексте в этом месте стоит слово *ἀγωνιστής*, в Вульгате — оборот *qui in agone contendit*. Контекст значений и круг ассоциаций определили, по-видимому, заключение комментария Кантемира к следующему (4) своему стиху письма: «В прежнее позорище вновь ты включить ищешь...». Объяснив, что словом *позорище* он передал латинское *ludus* — «место, площадь <...> где единоборцы отправляли бой свой» (у Дасье — *la lice*, арена), он добавляет: «Подвигом, чаю, можно бы назвать, буде *позорище* не нравнее».⁶³ Слово *подвиг* и есть греческое *ἀών* (*арена, стадион*, но и *усилие, старание*), от которого произведены и греческое *ἀγωνιστής*, и латинское *qui in agone contendit*. В комментариях к началу первого письма Кантемир как бы переводит Горация на греческий язык посредством русского, и духовная коннотация в русском языке слова *подвиг* уводит от остроумного, но по-римски жесткого взгляда на судьбу и назначение поэта.

Хотя примечания Кантемира и были в части реального комментария сокращением и даже некоторым упрощением примечаний Дасье, по своей подробности они до сих пор превосходят все русские комментарии к эпистолам Горация. Делавшиеся с оглядкой на учащегося, они при этом не примитивны, а сохраняют ученый строй французских примечаний. Подготовленный Кантемиром к изданию Гораций совмещал в себе несколько типов изданий: литературное издание с художественным переводом, предназначенное для любителей поэзии; учебное с толкованием отдельных латинских оборотов и слов, предназначенное для школьников, и научное с продуманными (хотя и заимствованными) толкованиями реалий римской жизни, предназначенное для эрудитов.

Наиболее близко по времени к работе Кантемира стоит подготовленный спустя десять лет после «Писем Горация» перевод

⁶¹ Татищев И. Полный французский и российский лексикон, с последнего издания Лексикона Французской Академии. 2-е изд. СПб., 1798. Т. 1. С. 120.

⁶² Там же.

⁶³ Кантемир А. Письма Квинта Горация Флакка. С. 391.

Тредиаковского «Эпистолы Горация к Пизонам», вошедший в его двухтомные «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою» (1752). Несмотря на существенную разницу в объеме вводимых в русскую культуру текстов Горация, в работе двух поэтов-филологов есть общее. Тредиаковский, так же как Кантемир, предназначал ее, как и все свое издание, юным читателям. Правда, говорит он об этом вскользь, в примечании предисловия к двухтомнику.⁶⁴ Отличие заключается в том, что Тредиаковский, как и французские филологи, сделал перевод Горация в прозе, но как уже стало для русских изданий обыкновением, латинского текста рядом с ним не поместил. Как и Кантемир, свой перевод «Эпистолы к Пизонам о стихотворении и поэзии» Тредиаковский снабдил примечаниями. В этом он мог ориентироваться, хотя и не обязательно, на издание «Квинта Горация Флакка десять писем...» 1744 г. Вслед за Кантемиром он использует для своих примечаний французское издание Дасье, но также и издание Э. Санадона.⁶⁵ Однако сами примечания, взятые двумя русскими авторами практически из одного источника, заметно друг от друга отличаются. Это происходит в первую очередь, вероятно, потому, что для Тредиаковского примечания не были принципиально важной частью работы над переводом Горация, он внес их уже в корректуру.⁶⁶ Оттого, вероятно, что делались на ходу, они несравненно короче примечаний Кантемира, а также заметно уступают им в своем числе. Все они представляют собой буквальный перевод французских примечаний, свое дополнение к ним Тредиаковский дал только в одном месте.⁶⁷ Нарушая тем научную этику, Тредиаковский не оговорил источника своих примечаний, как это сделал Кантемир. Главное же, пожалуй, отличие его примечаний от примечаний Кантемира состоит в том, что он не учитывал в них возможной осведомленности юношей. Уже в первом из них, данном к названию эпистолы, Тредиаковский сыплет едва ли известными им именами: «В предисловии объявлено мною, что Гораций все свои правила взял из Аристотелевы „Пиитики“, но, сверх того, много он выбрал, по свидетельству Порфирионову, из Критона, Зенона, Демокрита и особливо из Неоптолема Па-

⁶⁴ Тредиаковский В. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подгот. Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009. С. 15 (Лит. памятники).

⁶⁵ Алексеева Н. Ю. Работа В. К. Тредиаковского над переводом «Эпистолы к Пизонам» Горация // В. К. Тредиаковский: К 300-летию со дня рождения. Матлы Междунар. конф. Санкт-Петербург, 12—13 марта 2003. СПб., 2004. С. 60—69.

⁶⁶ Тредиаковский В. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. С. 362.

⁶⁷ Алексеева Н. Ю. Работа В. К. Тредиаковского над переводом «Эпистолы к Пизонам» Горация. С. 67.

росского)». ⁶⁸ Подобные глубокомысленные отсылки к известным, малоизвестным, а нередко и к неизвестным авторам, характерная примета научного стиля Третьяковского. Готовя «Сочинения и переводы», как он сам говорил, для юношества, он никак не удержал себя от своей слабости упомянуть звучное имя. Статьи и слова «Сочинений и переводов» пестрят именами филологов древности и эпохи гуманизма ничуть не в меньшей мере, чем другие филологические и философские труды Третьяковского, так же как в других трудах он обильно цитирует по-латыни. Если Кантемир, как мы видели, почти всюду опускает в примечаниях приведенные Дасье цитаты из древних, Третьяковский в примечаниях к «Эпистоле к Пизонам» выписывает из Дасье латинские и даже дважды греческие стихи. В контексте русской культуры, который в какой-то мере был определен и изданиями Кантемира («Разговоров о множественности миров» и «Квинта Горация Флакка десяти писем...»), пристрастие Третьяковского к отсылкам и цитатам выглядело странно. В контексте западноевропейской традиции оно не обратило бы на себя внимания.

Из иностранных изданий эпистол Горация труд Кантемира можно соотнести с поэтическим переводом эпистол на английский язык, сделанным Ф. Френсисом (1708?—1773), и с его комментарием к ним. ⁶⁹ Ровесники, русский и английский переводчики, работали над Горацием в одно время. Френсис впервые издал свой стихотворный английский перевод всего Горация и комментарий к нему в 1747 г. В издании Френсиса напечатанные параллельно латинский и английский тексты сопровождается подстрочный комментарий, относящийся к латинскому оригиналу и не обсуждающий его перевод. С «Письмами Горация» издание Френсиса сближает стихотворный перевод эпистол и компилятивный характер примечаний, в основе своей заимствованных из лучших латинских и французских комментариев. Сами примечания Френсиса заметно отличаются от примечаний Кантемира, прежде всего компиляцией в них разных авторов, со ссылками на них, хотя преимущественно Френсис опирается на Дасье. Примечания Френсиса рассчитаны на образованного англичанина, знающего древние языки, в том числе греческий, и классическую поэзию, из которой приводятся цитаты. Успех труда Френсиса, выдержавшего десятки изданий, определила,

⁶⁸ Там же. С. 52.

⁶⁹ A poetical translation of the works of Horace; with the original text, and critical notes / By the Rev. Philip Francis. London, 1750. Эпистолы вошли в четвертый, последний том подготовленного им полного издания Горация, впервые вышедшего в 1747 г.

по-видимому, обстоятельность его примечаний в сочетании с их соразмерностью тексту, примерная пропорция по числу слов комментария и текста 1 к 5. Хотя из десятков просмотренных мною изданий Горация, выпущенных в этот и несколько более ранний период (начиная с последней трети XVII в.), труд Френсиса наиболее близок к труду Кантемира, относительная близость делает особенно явными различия между ними. Как уже понятно, они заключаются прежде всего в присутствии в английском издании латинского текста оригинала, в отнесении примечаний к нему, а не к переводу, в ориентированности комментария на образованного читателя, а значит, во включении в него литературного контекста эпистол Горация и традиции их осмысления; вместе с тем — в отсутствии толкования выражений перевода, в заметно меньшем обсуждении латинских выражений.

Сравнение одного из первых русских филологических изданий с современным ему английским столь смело, что кажется некорректным. Действительно, как можно сравнивать памятник, позволявший русскому читателю робко причаститься к европейской учености, с изданием, явившимся результатом многовекового изучения латинской поэзии. Но без сравнения нет осмысления. Предложенное сравнение, как и предпринятое исследование, позволяет отчетливо представить особенности работы Кантемира над изданием эпистол Горация. К одной из них можно отнести его ориентированность на широкий для того времени круг читателей. Если западноевропейская наука, с момента своего зарождения замкнутая в себе самой, не предполагала аудитории профанов и лишь с Просвещением постепенно начала демократизироваться, русская наука, ввиду особенностей русской культуры и образованности, с самого начала была тесно связана с просвещением и изначально была, да и не могла не быть, демократичной. В далеком Париже Кантемир очень точно почувствовал в семинарской среде возможную аудиторию своих ученых трудов, и его желание помочь студентам в освоении древности определило просветительский характер его издания. Дальнейшее развитие русской науки показало, что предугаданный Кантемиром демократизм — ее родовая черта.

Другая особенность труда Кантемира в сравнении с западноевропейским опытом состояла в его решении перевести письма Горация стихами и дать перевод без оригинала. Хотя в русских школах и учили эквивалентному переводу латинских поэтов, такие переводы носили все же школьный характер. Первое русское издание древнего поэта («Квинта Горация Флакка десять писем...») закрепило школьную традицию, передав ее уже новой русской переводной поэзии. Лежащая в основе эквивалентно-

го перевода идея возможной синонимии перевода и оригинала определила ту высоту, которой достигли впоследствии русские переводы. Но в ней же, по-видимому, следует искать основание прочно установившейся традиции русских изданий древних лишь в блистательных русских переводах, без текстов оригиналов. Такие издания рассчитаны на тех, кто не знает языков и далек от филологических проблем, возникающих при чтении авторов. Уровню подачи текста соответствует комментарий русских изданий, делающийся к тексту перевода и в основе своей заимствованный из иностранных источников. Не стоит говорить, что для развития русской классической филологии такая традиция порочна. Однако для развития русской поэзии она плодотворна. Стремясь к конгениальности, русский перевод берет на себя не только часть филологической работы, часто заменяя собой комментарий, но и воссоздает звучание оригинала, его дух. Благодаря этому русский читатель может воспринимать древнюю поэзию как себе близкую; но что еще более удивительно, русский поэт может обсуждать метрические нюансы од и эпистол Горация по опыту чтения их в русском переводе.⁷⁰ Тем, что И. А. Бродский мог воплотить звучание Горация в оригинальных своих стихах, переживая его, как и других римских поэтов, по русским переводам, мы в конце концов обязаны Кантемиру.

⁷⁰ *Бродский И.* Письмо Горацию // Бродский И. А. Сочинения. СПб., 2000. Т. 6. С. 366, 368, 369.

Е. Э. БАБАЕВА

ЯЗЫК В ЗЕРКАЛЕ РАЗМЫШЛЕНИЙ ПОЭТА

(К реконструкции лингвистических воззрений Антиоха Кантемира)

«Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен, / В тишине знает прожить от суетных волен / Мыслей, что мучат других...», — писал Кантемир в VI сатире «О истинном блаженстве». Покой и воля — вот план жизни истинного поэта — план, о котором писал еще Гораций.¹ Поэт и переводчик по призванию, военный по воле обстоятельств, дипломат по воле монаршей — А. Кантемир мыслил себя философом, предающимся уединенным размышлениям. Однако современники прочили ему иное: агент Сорбонны аббат Жюбе де ла Кур, прибывший в Россию в 1728 г., возлагал на него большие надежды в деле распространения янсенизма в России,² о нем говорили как о воспитателе малолетнего сына-императора Анны Леопольдовны,³ как о молдавском государе⁴ и, наконец, как о президенте Академии на-

¹ См. комментарий: Щеглов Ю. К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб., 2004. С. 315—316.

² См. подробнее: Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Третьяковский и янсенисты // Успенский Б. А. Вокруг Третьяковского : Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008. С. 326 и сл.

³ См.: «Personne en effet n'étoit plus en état de former l'Esprit et le Coeur d'un grand Monarque, qu'un Seigneur qui joignoit des lumières supérieures à des sentiments nobles, à l'amour du Bien public, et à une exacte probité fortifiée par la Région: mais la Révolution, qui survint, délivra le Prince Cantemir de la crainte, qu'il avoit d'un emploi, dont il sentoit d'avance la contrainte, et qu'il redoutoit, comme le tombeau de sa Liberté» ([*Guasco O. de*]. Vie du Prince Antiochus Cantemir // *Satyres de Monsieur le Prince Cantemir avec l'histoire de sa vie* : Traduites en François. A Londres, 1749. P. 92—93).

⁴ О такой возможности, в частности, идет речь в письме сестры Антиоха Кантемира Марии, написанном в сентябре 1736 г. в Москве: «Тот, кто будет

ук.⁵ Хорошо известна энциклопедичность интересов Антиоха Кантемира, который помимо литературного творчества занимался философией, историей, математикой, физикой, астрономией, искусством миниатюры, увлекался театром и музыкой.⁶ Один из фрагментов мозаичной картины мировоззрения А. Кантемира составляют его взгляды на общее и конкретное в языках.

История лингвистических концепций доломоносовского периода не знает имени Антиоха Кантемира. Вместе с тем он упоминается в истории русской лексикографии как автор опубликованной в 1727 г. «Симфонии на Псалтирь».⁷ К числу источников, позволяющих в какой-то степени реконструировать лингвистические воззрения Кантемира, следует отнести, прежде всего, его обширный, хотя и не доведенный до конца рукописный русско-французский словарь, обнаруженный Б. А. Градовой в отделе рукописей РГБ,⁸ а также, конечно, знаменитое «Письмо Харитона Макентина к

владыкой своей страны, должен нести всю необходимую ответственность, и если Бог вверит вам, как князю, владение нашей страной, то Вам придется проститься с уединенной философской жизнью» (см.: Переписка кн. А. Д. Кантемира с сестрой Марией 1734—1744 гг. / Публикация Джини Майелларо // Русско-итальянский архив II / Сост. Даниэла Рицци, Андрей Шишкин. Салерно, 2002. С. 51). Надежды на возвращение трона были вызваны русско-турецкой войной 1735—1739 гг.

⁵ *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 133.

⁶ См.: *Бабаева Е. Э.* Кантемир-энциклопедист: К постановке вопроса // Acta linguistica petropolitana : Тр. Ин-та лингвистических исследований. Т. V. Ч. 3. СПб., 2009. С. 7—23.

⁷ Эта книга использовалась М. В. Ломоносовым при написании «Предисловия о пользе книг церковных в российском языке» (см.: *Кайнерт Г.* Церковные книги в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» М. В. Ломоносова // Русистика сегодня. 1995. № 4. С. 37).

⁸ См.: *Градова Б. А.* 1) А. Д. Кантемир — составитель первого русско-французского словаря // Краткие тез. Докл. науч. конф. «Россия—Франция : Век Просвещения» (по материалам выставки в Париже и Ленинграде) 12—14 мая 1987 г. Л., 1987; 2) А. Д. Кантемир — составитель первого русско-французского словаря // A Window on Russia : Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Gargnano, 1994. La Fenice Edizioni, 1996. P. 155—159. В настоящее время опубликован: Русско-французский словарь Антиоха Кантемира / Вступ. статья, публ. Е. Бабаевой. М., 2004. Т. I—II. Основная работа над словарем проходила, по всей видимости, во второй половине 1730-х гг. Примерно к этому же времени относятся лексикографические опыты В. Татищева и А. Богданова (см.: Рукописный лексикон первой половины XVIII века / Подгот. к печати, вступ. статья А. П. Аверьяновой. Л., 1964; *Макеева В. Н.* Неизвестный отрывок первого академического словаря русского языка // Лексикографический сборник. М., 1963. Вып. VI).

приятелю о сложении стихов русских» и многочисленные комментарии к переводам и оригинальным сочинениям.⁹

Подход Кантемира к лингвистической проблематике был обусловлен целым рядом факторов, берущих начало в его личной биографии и поддержанных его деятельностью как политика,¹⁰ культуртрегера и гражданина République de lettres.

Очевидно, что собственно языковая рефлексия была напрямую связана с тем, что Кантемир владел несколькими языками.¹¹ Механизмы «пересчета», обычно сопутствующие освоению языков, поддерживались и совершенствовались благодаря постоянно присутствовавшей в жизни Кантемира практике перевода.¹² Вместе с тем, как хорошо известно, переводы рассматривались в 1720—1730-е гг. как один из мощнейших механизмов перестройки внутрироссийского культурно-языкового пространства; таким образом, соположение языков, соположение текстов и соположение культур оказываются связанными теснейшим образом. Неудивительно, что пребывание А. Кантемира в Европе в качестве представителя России заставило его задуматься о необходимости представить Европе русский язык как не уступающий

⁹ О комментариях Антиоха Кантемира к своим переводным и оригинальным текстам см. подробнее: *Бабаева Е. Э.* Кантемир-энциклопедист: К постановке вопроса. С. 17—23.

¹⁰ О проблеме титула Анны Иоанновны см.: *Бабаева Е. Э.* Антиох Кантемир как автор дипломатических и церемониальных текстов // *Язык. Культура. Гуманитарное знание* : Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999. С. 56—57.

¹¹ По свидетельствам современников, Кантемир кроме русского владел новогреческим, молдавским, итальянским, французским, в какой-то степени английским и испанским, а также древнегреческим, латынью и церковнославянским. Ср. сообщение английского резидента при русском дворе Клавдия Рондо статс-секретарю Гаррингтону от 15 ноября 1731 г. (*Шимко И. И.* Новые данные к биографии князя А. Д. Кантемира и его ближайших родственников. СПб., 1891. С. 74), а также свидетельство О. Гуаско ([*Guasco O. de*]. *Vie du Prince Antiochus Cantemir*. P. 138).

¹² Мысль о том, что перевод есть лучший способ к познанию языков, была усвоена Кантемиром еще в юности. В предисловии к своему раннему переводу — Хронике Константина Манасия — он писал: «Сию книгу аз преведохово да тем екзерцицию возимею в латинском языке слыша пословицу оную *usus est bonus Magister* употребление есть добрый учитель» (РНБ. Q. IV. 25. Л. 2), ср. также в предисловии к переводу истории Юстина, начатом в 1729 г.: «Перевод Юстиновой истории я начал в самых молодых своих летах, когда обучался латинскому языку узнав чрез искус, что к скорому приобретению чужстраннаго языка лучшей способ есть перевод» (РНБ. Q. IV. 382. Л. 2). См. также: *Grasshoff H. A. D.* *Kantemir und Westeuropa: Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literatur und Kunst*. Berlin, 1966. S. 43.

по богатству европейским, что, по всей видимости, и привело к созданию русско-французского словаря.¹³

Вместе с тем освоение языков связано с изучением основных разделов грамматики. И тут, как и во многих других областях знаний, приобретенных Кантемиром, переплетаются самые различные влияния — ученость, полученная в недолгие периоды «правильного» институционального обучения, разрасталась впоследствии благодаря его кабинетным штудиям. С одной стороны, Кантемир хорошо знал печатные труды таких ревнителей традиционной книжности первой четверти XVIII в., как Ф. Поликарпов и Ф. Максимов, а с другой — имел возможность изучить филологические труды европейских (главным образом французских и итальянских) авторов.¹⁴

Наконец, помимо филологии, посвященной церковнославянской книжности и европейским языкам, Кантемир, по всей видимости, имел возможность познакомиться с нарождавшейся в России новой лингвистической мыслью. Ее появление навязывалось самой культурно-языковой ситуацией середины 1720-х гг., когда на повестке дня оказалась разработка русского литературного языка нового типа.¹⁵ В Академии наук в период президентства Л. Блюментроста (1725—1733), то есть в так называемый «немецкий» период ее истории, по всей видимости, велась активная работа по нормализации русского языка. При Л. Блюментросте в Академии трудились в основном иностранцы, однако они, как пишет В. М. Живов, «предпринимали попытки обращаться к русскому обществу».¹⁶ В 1728 г. было издано «Краткое описание комментариев Академии наук», в этом же году начали издаваться «Санкт-Петербургские ведомости» и «Примечания к ведомостям», в Академической гимназии велось преподавание

¹³ Известно, например, что во время аудиенции у французского короля 13 июля 1739 г. он беседовал с Людовиком XV «о письменах, о языке русском и о подобных любопытных материях» (см.: Стоюнин В. Я. Князь А. Кантемир в Париже // Вестник Европы. 1880. № 8—9. С. 593; об этой аудиенции см. также: Ehrhard M. Un ambassadeur de Russie à la cour de Louis XV : Le Prince Cantemir à Paris (1738—1744). Paris, Les Belles lettres (Annales de l'Université de Lyon). 1938. P. 85 и сл.).

¹⁴ См. подробнее: Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. XIII и сл., XXXVII и сл.

¹⁵ См.: Успенский Б. А. 1) Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994; 2) Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века : Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. Гл. II; Живов В. М. 1) Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 162 и сл.; 2) Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М., 2004. С. 103 и сл.

¹⁶ Живов В. М. Литературный язык и язык литературы в России XVIII столетия // Russian Literature. LI. 2002. С. 13.

русского языка иностранцам. В «немецкий период» Академия наук выступает с рядом инициатив в области кодификации русского языка. Так, 15 марта 1725 г. И.-В. Паус получает поручение «переводить с латинского и немецкого языков, работать над совершенствованием русского языка, созданием грамматики и словаря».¹⁷ В 1729 г. И.-В. Паус представляет в Академию наук свою грамматику «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache zum Nutzen Sonderl. der teutschen Nation aufgesetzt».¹⁸ В 1731 г. Академия наук издает Вейсманнов лексикон с приложенным к нему кратким очерком русской грамматики («Anfangs-Gründe der russischen Sprache»), составленным В. Адодуровым;¹⁹ готовит «Compendium Grammaticae Russicae» (так называемая «Академическая грамматика»)²⁰ Эта деятельность, как отмечает В. М. Живов, говорит о том, что внутри данного института во второй половине 20-х гг., то есть за несколько лет до создания Российского собрания (1735), активно велась не только переводческая, но и кодификаторская работа.²¹

Хорошо известно, что в 1726 г. Кантемир стал одним из первых студентов Академического университета и числился таковым еще в июне 1727 г.²² Его знакомство с филологами и переводчи-

¹⁷ Летопись Российской Академии наук. СПб., 2000. Т. I: (1724—1802). С. 38.

¹⁸ Текст грамматики см. в: *Михальчи Д. Е.* Славяно-русская грамматика Иоганна Вернера Паузе : Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1969; об этой грамматике и ее влиянии на последующие кодификации русского языка см. также: *Живов В. М., Кайперт Г.* О месте грамматики И. В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: Интерпретация отношений русского и церковнославянского // Вопросы языкознания. 1996. № 6. С. 3—30; *Huterer A.* Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache (1705—1729) von Johann Werner Paus : Slavistische Beiträge. München, 2001. Bd. 408. Грамматика И.-В. Пауса продолжает традицию, начатую пастором Глюком, составившим грамматику на немецком языке (1704), см.: *Johann Ernst Glück.* Grammatik der russischen Sprache (1704) / Hrsg. und mit einer Einleitung versehen von H. Keipert, V. Uspenskij, V. Živov // Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe V: Editionen. Neue Folge. Bd. 5 (20). Köln; Weimar; Wien, 1994.

¹⁹ Это издание было в библиотеке Кантемира под № 225, см.: *Александренко В. Н.* К биографии князя Кантемира // Варшавские университетские известия. 1896. Кн. II. № 225.

²⁰ Рукопись этой грамматики была обнаружена Г. Кайпертом в 1988 г.; в настоящее время издана; см.: *Compendium Grammaticae Russicae (1731).* Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache / Hrsg. von H. Keipert in Verbindung mit A. Huterer; Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Abhandlungen, Neue Folge. Hf. 121. München, 2002.

²¹ См. подробнее: *Живов В. М.* 1) Язык и культура в России XVIII в. С. 195 и сл.; 2) Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII вв. С. 119—121.

²² *Радовский М. И.* Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М.; Л., 1959. С. 17.

ками академического круга — В. Адодуровым, М. Шванвицем, В. Третьяковским, В. Татищевым²³ — несомненно; несомненно и то, что он должен был быть в курсе как общих дискуссий, так и предлагавшихся конкретных, часто сугубо индивидуальных, решений. Так, например, Кантемиру, видимо, были известны учебные материалы Ивана Горлицкого, преподававшего в Академической гимназии в 1725—1727 гг. В сохранившихся в составе конволюта, принадлежавшего англичанину Томасу Консетту, фрагментах рукописи грамматики И. Горлицкого славянской букве *ω* соответствует латинский эквивалент *ō*, что объясняется, по всей видимости, влиянием французской орфографии, где в первой трети XVIII в. циркумфлекс служил для указания на долготу.²⁴ Написание *ō* вместо омеги встречается в русско-французском словаре А. Кантемира.²⁵

В русско-французском словаре Кантемира обнаруживаются также следы знакомства с узловыми проблемами нормализации русского языка, отраженными в «Академической грамматике» и в «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» В. Адодурова.

1. Кантемир замечает, что в русских словах в начальной позиции в соответствии с *e* может употребляться *io* (то есть утверждает наличие вариативности типа *iōrsh/erh*), и это единственный случай, когда слова могут начинаться с буквы *i* десятиричное.²⁶ Сочетание *io*, соотносимое с немецким *jo*, упоминается в «Академической грамматике»: «*io ungeachter dieses noch nicht im Gebrauch ist, so haben doch schon einige angefangen sich desselben zu bedienen in den Wörtern Умїонъ und andern, welche wie das Teutsche jo ausgesprochen werden*»;²⁷ за введение особой буквы в соответствии с латинским *jo* выступал также В. Татищев.²⁸ Кантемир уехал из России в январе 1732 г., так что его знания об употреблении

²³ О контактах Кантемира с В. Третьяковским см. в работе: Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Третьяковский и янсенисты // Символ. 1990. № 23. С. 131—132; о его научных контактах с В. Татищевым см.: Астраханский В. С., Малиновский К. В. Неопубликованное письмо и список книг В. Н. Татищева 18 октября 1731 г. // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 163.

²⁴ И. Горлицкий составил французскую грамматику, а также перевел французскую грамматику М.-А. Декомбля (Николаев С. И., Осипов В. И. Иван Семенович Горлицкий // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А—И). Л., 1988. С. 220).

²⁵ См. подробнее: Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. XIII, XLV. Циркумфлекс Кантемир в словаре соотносит с термином *кавычка* (с. 495).

²⁶ Там же. Т. I. С. 492.

²⁷ Compendium Grammaticae Russicae. С. 144.

²⁸ См.: Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке. М., 1975. С. 85, 211.

данного буквосочетания восходят, по всей видимости, к самому началу 30-х гг.

2. Кантемир замечает, что в отглагольных существительных на *-ие* следует писать *-ье* («dans presque tous les Substantifs verbeaux elle [i] est changé en y. ех. Гуляние — Гулянье, Казание — Казанье»).²⁹ Такой же точки зрения придерживался В. Адодуров, сообщавший, что форма *питье* предпочтительнее, чем *питие* («häuffiger», «zierlicher»)³⁰

3. Кантемир в статье *падеж* перечисляет существующие в русском языке падежи: *именительный* (Nominatif), *родительный* (Genitif), *дательный* (Datif), *винительный* (Accusatif), *звательный* (Vocatif), *творительный* (Instrumental), *сказательный* (Narratif).³¹ Соотнесение *сказательного* падежа с *нарративом* представлено как в грамматическом очерке В. Адодурова, так и в «Академической грамматике».³² Особый интерес представляет то, что Кантемир упоминает также относительный падеж, соотнося его с латинским аблативом: «NB: On amprunte de Latins l'Ablatif относительный».³³ Выделение относительного падежа как параллели к аблативу является, по всей видимости, изобретением Якова Брюса, который перевел известную в Европе книгу Вилима Севела «Искусство нидерландского языка» (1717).³⁴ Перечисляя падежи, существующие в голландском, Яков Брюс сообщает, что *аблативу* в русском соответствуют два падежа: *сказательный* и *твори-*

²⁹ Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. 492. Такое же написание кодифицируется Кантемиром и в «Письме Харитона Микентина»: «Можно бесспорно все имена, кончащиеся на *ие*, кончать на *ье* и писать, например, *счастье* вместо *счастие*, *знание* вместо *знание*» (Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 426).

³⁰ Вейсманнов лексикон. СПб., 1731. С. 27. См.: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 81.

³¹ Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. II. С. 821.

³² Вейсманнов лексикон (приложение). С. 13; Compendium Grammaticae Russicae. С. 175. В. Адодуров использует термины *Narratiuus oder Objectiuus*; термин *objectivus* введен в «Академической грамматике», видимо, под влиянием грамматики И.-В. Пауса вместо первоначально использовавшегося в этом же тексте термина *localis* (см. подробнее: Compendium Grammaticae Russicae. С. 85).

³³ Вслед за И.-В. Паусом составители «Академической грамматики» отказываются признавать наличие в русском языке *ablativus 'a*, замечая, что этому падежу соответствуют предложные конструкции с родительным падежом типа «от брата, von dem Bruder; из дома, aus dem Hause»; см.: Compendium Grammaticae Russicae. С. 75, а также комментарий, с. 8586.

³⁴ См. подробнее: Бабаева Е. Э., Запольская Н. Н. Языковой континуум Петровской эпохи: Обзор грамматических трактатов первой четверти XVIII в. // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 194—195.

тельный.³⁵ В конкретных же парадигмах место *творительного* падежа занимает *относительный*, которому приписывается значение отделения (предлог *от* + падежная форма, омонимичная родительному).³⁶ При этом, в соответствии со своей установкой, Яков Брюс не приводит форм *сказательного* падежа. Справщики, вычитывавшие текст грамматики, всюду последовательно восставили эти формы, и таким образом в этом трактате оказалась представлена такая же восьмичленная падежная система, что и у Кантемира. На возможное знакомство Кантемира с грамматикой В. Севела в переводе Я. Брюса указывал Б. А. Успенский.³⁷

4. Кантемир упоминает формы превосходной степени прилагательных на *наи-*: «На <sic!> est quelqui fois marque du Superlatif. Наилучший le meilleur. Наилюбезнейший le plus aimé».³⁸ Эти формы впервые на русской почве попали в зону кодификации в том же переводе «Искусства нидерландского языка» В. Севела. Изначально в соответствии с системой нидерландского языка в русском переводе различались формы суперлатива и элатива: *должайший* — *наидолжайший*.³⁹ В процессе правки перевода суффикс *-ейш-* был переосмыслен как показатель сравнительной степени, а значение превосходной степени соотнесено с префиксами *пре-* и *наи-*, соединяемыми с формами сравнительной степени. Формы с префиксом *наи-*, присоединяющимся к превосходной степени (*наикратчайший*, *наитончайший*) кодифицируются в «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» В. Адодурова и в «Академической грамматике».⁴⁰

5. Кантемир включает в словник названия трех прошедших времен глаголов: *прешедшее*, *преходящее* и *мимошедшее*. При этом мимошедшее время он соотносит с французским *plusquepassé*.⁴¹ В грамматической традиции это особое прошедшее время, как правило, соотносилось с имперфектом или плюсквамперфектом, при этом в качестве форм мимошедшего времени указывались итеративные формы.⁴² По всей видимости, Кантемир соотносит итеративность исключительно с основой, используя

³⁵ См.: РГАДА. Ф. 381. № 1017 («ковычный» экземпляр). Л. 127. О трактовке аблатива в грамматиках см.: Успенский Б. А. Доломоновские грамматики русского языка : (Итоги и перспективы) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. III : Общее и славянское языкознание. М., 1997. С. 477—479.

³⁶ Там же. С. 478—479.

³⁷ Там же. С. 545.

³⁸ Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. 644.

³⁹ РГАДА. Ф. 381. № 1017. Л. 178 об.

⁴⁰ Вейсманнов лексикон. С. 12. Compendium Grammaticae Russicae. С. 179.

⁴¹ Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. 612.

⁴² См. подробнее: Успенский Б. А. Доломоновские грамматики русского языка. С. 468—469.

термин *Frequentatif*: «...бываю *Frequentatif du verbe substantif* есмь». ⁴³

6. При составлении словника Кантемир употребляет формы прилагательных единственного числа мужского рода как на *-ый*, так и на *-ой* (например, *абрисной, академской, акцизной, армейской, арсенальной, атласной, басной, безносой*). В подавляющем большинстве случаев это прилагательные, которые отсутствуют в триязычном словаре Ф. Поликарпова 1704 г. ⁴⁴ Формы на *-ой* появляются также в отсылочной зоне, даже если заголовочное слово имеет окончание *-ый*: *алабастровый* см. *алебастровой*, *безголовный* см. *безглавной*. Наконец, эти формы преобладают в метаязыке (*барометр — инструмент математической; амуниция — припас военной, антарктик — противосеверной*) и в зоне иллюстраций (ср.: *Императрица апробовала указ Сенаторской; безкровелной дом; стол безножной*). В ряде случаев приведены обе формы: *апрельской, -ский; багряный, -ной; бахромной, -ый*. У отдельных прилагательных с основой на *-к* окончание *-ой* правится на *-ий* (см., например, *авторской, адмиралской, адъютантской*). В «Письме Харитона Макентина к приятелю» нормой признается именно окончание *-ой*, тогда как за *-ый/-ий* закрепляется статус вольности. ⁴⁵

Кодификация форм на *-ой* восходит, по-видимому, к «Академической грамматике», где даются формы *добрый, доброй* и объясняется, что прилагательные на *-ый* являются по преимуществу письменными («*ои wird im gemeinen Reden, ыи aber und ји mehrentheils im Schreiben gebraucht*»). ⁴⁶ Вместе с тем один из редакторов «Академической грамматики», так называемый «красный глоссатор», оспаривает данное противопоставление, замечая, что окончание *-ой* встречается и в книжном языке («*ой wird nicht allein im reden, sondern auch im schreiben vor ый gebraucht*»). ⁴⁷

⁴³ Аналогично в грамматическом очерке В. Адодурова; см.: Вейсманнов лексикон. С. 41.

⁴⁴ Об ориентации на этот словарь см.: Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. XLIII.

⁴⁵ *Антиох Кантемир*. Собрание стихотворений. С. 425—426.

⁴⁶ *Compendium Grammaticae Russicae*. С. 177. Формы на *-ой* упоминаются и В. Адодуровым, полагавшим, что они возникли под влиянием дательного падежа единственного числа женского рода (Вейсманнов лексикон. С. 11). Кодификация, представленная в «Академической грамматике», опирается на мнение И.-В. Пауса, который вслед за Г. Лудольфом соотносил формы на *-ый/-ий* и на *-ой* как славянские и русские; см.: *Compendium Grammaticae Russicae*. С. 89.

⁴⁷ *Compendium Grammaticae Russicae*. С. 177. Статус форм на *-ой*, как хорошо известно, активно обсуждался и позднее, в 40-е гг. (см.: *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. С. 212—214).

В наследии Кантемира содержатся некоторые данные, позволяющие в самых общих чертах реконструировать его взгляды на социалингвистическую ситуацию в России 1720—1730-х гг. в целом.

В 1725—1726 гг. Кантемир при характеристике языка своих переводов пользовался термином «славенороссийский» язык или «славенороссийский диалект».⁴⁸ В начале XVIII в. прилагательное «славяноороссийский» могло использоваться как номинация для церковнославянского («славянского») языка.⁴⁹

С 1729 г. Кантемир предпочитает говорить о «русском» языке;⁵⁰ ср. использование этого термина, например в переводе «Разговора о множестве миров» (1730), истории Юстина (1729—1742) или песен Анакреонта (1736—1743).

Термин «русский» язык используется переводчиками в 1720-е гг. Так, он фигурирует в предисловии к переводу «Увещаний на приклады политические» Юста Липсия (1721), выполненному Симоном Кохановским или в посвящении Петру I перевода Гавриила Бужинского «Введения в историю европейскую» С. Пуфендорфа.⁵¹ Термин «российский» язык представлен в предисловии к переводу «Утешения духовного» Фомы Кемпийского, выполненном А. Ф. Хрущовым (1719): «переведена с французского на российской язык»,⁵² а также в предисловии к его переводу «Похождений Телемака» (1724): «переведется внове на российской язык».⁵³

⁴⁸ Этот термин встречается в предисловиях к таким разным текстам, как переводы «Хроники» Манасия (1725), «Описания Парижа и французов» (1726), а также в «Симфонии на Псалтирь» (1726).

⁴⁹ Данное прилагательное было образовано, как предположил Б. А. Успенский, в XVII в. по аналогии с прилагательным «еллиногреческий». См.: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 175. Об употреблении этого термина И. Копиевичем см.: Бабаева Е. Э., Запольская Н. Н. Языковой континуум Петровской эпохи: Обзор грамматических трактатов первой четверти XVIII в. С. 192—193, 199; Успенский Б. А. Доломоновские грамматики русского языка : Итоги и перспективы. С. 525.

⁵⁰ Ср. также частое в комментариях указание «по русски».

⁵¹ См.: Николаев С. И. О стилистической позиции русских переводчиков Петровской эпохи : (К постановке вопроса) // XVIII век. Сб. 15 : Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 113—114.

⁵² См.: Круглов В. М. «Утешение духовное» Фомы Кемпийского : Русский рукописный перевод Петровской эпохи // Acta linguistica petropolitana / Тр. Ин-та лингвистических исследований. СПб., 2009. Т. V. Ч. 3. С. 79.

⁵³ См.: Круглов В. М. Формирование русского литературного языка нового типа : (Два рукописных перевода 1720-х годов) // Проблемы диалектной лексикологии и лексикографии : К 80-летию Федора Павловича Сороколетова. СПб., 2004. С. 277.

Можно сказать, что к началу 30-х гг. наметилось две концепции соотношения языков традиционной и новой культуры:

1. Противопоставление «славянского» и «русского» начал. Ярким примером такого восприятия двух языков является позиция В. К. Третьяковского, о которой он заявил в предисловии к переводу «Езды в остров любви» П. Тальмана (1730).⁵⁴ Ср. мнение А. Ф. Хрущева, для которого «славенский» был исключительно языком «святого писания».⁵⁵

2. Объединение «славянского» и «русского» начал. Внутри этой концепции происходило, по-видимому, сближение терминов «славенороссийский» и «российский» для указания на новый литературный язык, воспринимавшийся как проводник просвещения и европейской культуры. В частности, термин «славенороссийский» употреблен И. Сечихиным в первом предисловии к переводу трактата «Анфроскопия» (1732), озаглавленном «К меценату», тогда как во втором предисловии («К беспристрастному читателю») язык перевода назван «российским».⁵⁶ Представляются особенно интересными рассуждения этого автора в третьем предисловии («К Зоилу»), посвященном защите В. К. Третьяковского. Сечихин пишет, что в своем переводе использовал «славенский» и «общий российский» языки: «позволяется в различных языках употреблять слов иностранных для лутчего изъяснения, или для красоты, или просто за употребление. Для чего же мне запретит кто мешать в славенском языке российский общий или в российской славенския слова? Понеже сии оба языки от рождения моего мне природныя суть и с собою всякое сходство и согласие имеют».⁵⁷

Это рассуждение перекликается с мнением И.-В. Пауса, который в конце 1720-х гг. говорит о том, что в России распространен восходящий к двум диалектам полифункциональный «русский славянский» язык (*russische slawonische Sprache*), внутренняя цельность которого доказывается единством алфавита, совпадениями в базовом лексическом составе и грамматической структуре.⁵⁸

По всей вероятности, в 1730-е гг. для Кантемира также представлялось принципиально важным функциональное объеди-

⁵⁴ См.: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 73 и сл.

⁵⁵ Круглов В. М. «Утешение духовное» Фомы Кемпийского. С. 79.

⁵⁶ См.: Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 138, 139.

⁵⁷ Там же. С. 142. См. также: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 143—146.

⁵⁸ См.: Михальчи Д. Славяно-русская грамматика Иоганна Вернера Паузе. С. 39—40.

нение двух языковых стихий. Оба термина используются им в русско-французском словаре: на титульном листе к первому тому язык описания определен как «русской», а в начале самого текста — как «славенорусской».⁵⁹

Краткие сведения о «славянском» и «русском» языках содержатся также в комментариях к книге Ф. Локателли «Московские письма», к которым Кантемир имел непосредственное отношение.⁶⁰ В частности, сообщается, что церковнославянский («старый славянский») язык был введен в IX в. и используется «при богослужении, в церковных делах и других высокодуховных предметах».⁶¹ Что же касается русского языка, то он восходит к этому языку («обычный, используемый в повседневной жизни русский язык — это дочь славянского языка»)⁶² и связан генетически с другими славянскими языками. Любопытно, что русский язык при этом возводится к языку «венедов», хотя «русские, если иметь в виду этот диалект, кое-что в нем изменили».⁶³ Основная

⁵⁹ См.: Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. 1, 3.

⁶⁰ Книга Локателли, содержащая описание его пребывания в России, без упоминания имени автора, вышла в Англии на французском языке в 1736 г. В 1738 г. она была переиздана в немецком переводе; к этому изданию были приложены пространные возражения и комментарии. Относительно авторства этих комментариев существуют разные мнения. Современные немецкие исследователи считают автором секретаря Кантемира Генриха Гросса (см.: *Grasshoff H.* Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung. Berlin (Ost), 1973. С. 157; *Matthes E.* Der veränderte Russland. Studien zum deutschen Russlandverständnis im 18. Jahrhundert zwischen 1725. und 1762. Frankfurt a/M.; Bern, 1981. С. 324—335). Однако существует гипотеза, согласно которой Гросс только перевел на немецкий текст, составленный Кантемиром (см.: *Мезин С. А.* Взгляд из Европы : Французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С. 141). Наконец, высказано предположение, что комментарии — совместный труд Христофора Гросса и А. Кантемира (см.: Россия и Запад : Горизонты взаимопознания : Литературные источники XVIII века (1726—1762). М., 2003. Вып. 2. С. 158—160).

⁶¹ «Die Sprache der Rußischen Nation anlangend: so ist in ihrem Gottes-Dienst, Kirchen-Sachen und andern hohen geislichen Dingen die alte Slavonische Sprache eingeführet» (*Locatelli Fr.* Die so genannte Moscovitische Brieffe oder die wider die lobliche Russische Nation. Franctfurth und Leipzig, 1738. С. 460; Россия и Запад : Горизонты взаимопознания. С. 199, 259).

⁶² «Die ordentliche und durchgehends im gemeinem Leben übliche Rußische Sprache ist eine Tochter der Slavonischen» (*Locatelli Fr.* Die so genannte Moscovitische Brieffe oder die wider die lobliche Russische Nation. С. 460; Россия и Запад: горизонты взаимопознания. С. 200, 259).

⁶³ *Locatelli Fr.* Die so genannte Moscovitische Brieffe... Этот пассаж перекликается с примечанием, сделанным В. Тредиаковским к «Военному состоянию Оттоманския империи» (1737), где также говорится о церковнославянском как об основе для русского языка и о южнославянских языках как исходному общеславянскому фонду; см.: *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 108—110.

характеристика этого языка — лексическое богатство («язык этот весьма богат словами»).⁶⁴

Использование критерия «лексическое богатство» достаточно значимо. Обсуждение данного критерия происходило как в рамках европейского спора «древних» и «новых», так и внутри дискуссии о совершенной структуре языка.⁶⁵ Дискуссия о том, какое устройство языка является наиболее совершенным, начатая в Европе в конце XVII в. и продолжавшаяся в первые десятилетия XVIII в., апеллировала к функционированию языка. В центре этой дискуссии, которая разворачивалась как спор между итальянцами, отстаивавшими преимущества своего языка, и защитниками французского языка, стоял вопрос о лексическом богатстве языка и о структуре фразы, то есть о свободном и фиксированном порядке слов в предложении. В области лексики европейскими лингвистами обсуждалась возможность использования устаревших и диалектных слов, а также неологизмов, особый разряд которых составляли заимствования. Любые неологизмы — как образованные на базе существующих языковых элементов, так и заимствованные, должны были, по мысли итальянцев, отвечать одному требованию: соответствовать «гению» и «природе» языка. Моделью политики в этой области в Новое время провозглашается Англия, где существует установка на использование любых «удобных» для англичан слов, в том числе и заимствованных у соседей.⁶⁶ Кроме того, сторонники итальянского языка полагали, что совершенство языка проявляется в широких словообразовательных возможностях, отсутствовавших во французском языке.

Обеспечение богатства языка и предьявление этого богатства являются центральными пунктами лингвистической программы Кантемира, объединяющими его поиски как в области строительства литературного языка нового типа в целом, так и в области строительства одной его составляющей — поэтического языка. В соответствии с просветительской программой Кантемира переводы должны служить, в частности, обогащению языка. В предисловии к переводу истории Юстина он писал: «Все те народы [греки, римляне, итальянцы, англичане, французы, немцы] один другого книги переводили, от чего не только знание наук и художеств размножилось, но и язык их обогащен многими новыми

⁶⁴ «Zelbiche [Rußische Sprache] ist sehr wortreich» (*Locatelli Fr. Die so genannte Moscovitische Brieffe oder die wider die lobliche Russische Nation. С. 460; Россия и Запад : Горизонты взаимопознания. С. 200, 259*).

⁶⁵ См.: *Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в. С. 221—225, 308 и сл.*

⁶⁶ *Fenelon. Œuvres. Paris, 1997. V. II. С. 1140.*

словами»;⁶⁷ ср. также обоснование использования в переводе Писем Горация новых слов: «Да еще и другая польза от того произойдет, ежели напоследок те новыя слова и речения в обыкновение войдут, понеже чрез то обогатится язык наш, который конец в переводе книг забывать не должно».⁶⁸

В сущности, обоснование практики комментирования переводов оказывается тесно связанным с апологией неологизмов. Уже в предисловии к читателю, предваряющем перевод «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля Кантемир пишет: «Приложил я к ней [книжке] краткие примечания для изъяснения чужестранных слов, которые и не хотя принужден был употребить, своих равносильных не имея, как и для русских, употребленных в ином разумении, нежели обыкновенно чинится»;⁶⁹ ср. в предисловии к переводу Писем Горация: «...я не оставил оных [то есть новых слов. — Е. Б.] силу изъяснить в приложенных примечаниях, так чтоб всякому были вразумительны, нужны были теперь те примечания; со временем оныя новизны, может быть, так присвоены будут народу, что никакого толку требовать не будут».⁷⁰

Одновременно Кантемир стремится обосновать необходимость использовать устаревшие и новые слова в поэтическом языке, для чего обращается к опыту античных авторов; ср.: «Гораций советует стихотворцу возобновлять употребление старинных забытых речей. Цицерон и Квинтилиан того же мнения; но должно беречься, чтоб те речи не искать в гораздо отдаленной древности»;⁷¹ «Не только стихотворец должен многосильныя древния речи воскрешать, но и новыя присвоять».⁷²

Славянизмы, участвуя в создании нового поэтического языка, являются для Кантемира маркированными элементами. В словаре он выделяет их в особую группу, снабжая пометой *esc.* (*escl.*), ср.: *абие Esc. Adv. voyez Tomчac; бальство <...> Magie. Enchantement (:mot Escl.); венрь C'est proprement en Russe sanglier mais les Esclavons donnent ce nom a toutes sorte de cochon et pour les distinguer ils disent венрь домовои cochon, венрь лесныи или дикуи Sanglier венрь кормный Pourceau gras Verrat венрь мор-*

⁶⁷ РНБ. Q. IV. 382. Л. 2 об.

⁶⁸ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. СПб., 1867. Т. I. С. 386.

⁶⁹ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. СПб., 1868. Т. II. С. 391.

⁷⁰ Там же. С. 386.

⁷¹ Там же. Это правило хорошо соотносится с введением славянизмов в поэтический язык, обоснованным в «Письме Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских».

⁷² Там же. С. 552.

ский *Dauphin. Marssuin венпр скопчоной Porceau, cochon châtré*.⁷³ Хорошо известно также, что Кантемир, как следует из «Письма Харитона Микентина к приятелю о сложении стихов русских», полагал, что славянизмы должны играть особую структурную роль в русском литературном языке, являясь важной составляющей поэтического языка, противопоставленного языку прозы.⁷⁴

Любопытно, что в русско-французском словаре А. Кантемир вводит также помету 'поэтически' (*poëtiquement*). Ею снабжается слово *дерево* — «*poëtiquement vaisseau*».⁷⁵ Речь идет о переносных (метафорических и метонимических) употреблении слов, которые характерны, по мнению Кантемира, для поэтической традиции;⁷⁶ ср: в комментарии к переводу XVI письма Горация: «Стихотворныя речения суть: наводить ночь и наводить облак на что нибудь вместо прикрыть, укрыть, заслонить»,⁷⁷ а также: «Часто стихотворцы латинские медными и железными называют стены крепкие»;⁷⁸ «Стихотворцы и самые историки часто железо вместо оружия употребляют; для чего ж бы сталь таже не употреблять?»;⁷⁹ «Грудь вместо сердца часто у стихотворцев употребляется»;⁸⁰ «Трижды вместо многожды стихотворцам употребительно»;⁸¹ «Сухари тут вместо сухоядения и поста положены, так как часто обыкли стихотворцы часть вместо всего ставить, напр. *Diverso interea miscent moenia lactu*, т. е. различным между тем смущаются стены плачем, где стены вместо всего города Вир-

⁷³ Там же. Т. I. С. 4, 25, 110. О номинациях для прозы у Кантемира см. подробнее: *Бабаева Е. Э.* О грамоте и грамотеях : (Ф. Поликарпов и А. Кантемир : Опыт сопоставительного анализа некоторых ключевых понятий филологии) // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004.

⁷⁴ См. подробнее: *Живов В. М.* Язык и культура XVIII века. С. 239—242; *Маиелларо Л.* Концепция «поэтического языка» А. Кантемира и ее итальянские источники : Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

⁷⁵ Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. 262.

⁷⁶ Феофан Прокопович в своем пособии по поэтике «*De arte poetica*», говоря о построении поэтического текста, обращает внимание на роль синонимии. В частности, он замечал, что тропы являются богатейшим источником синонимии («*unde bene obsreva, tropos esse opulentissimum promptuarium pro sensibus synonymicis*»; см.: *Феофан Прокопович.* Сочинения. М.; Л., 1961. С. 242).

⁷⁷ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 483.

⁷⁸ *Антиох Кантемир.* Собрание стихотворений. С. 207.

⁷⁹ Там же. С. 140. Ср.: «Сталью разумеется орудие лекарское, чем кровь пускают; обыкновенно, с французского [*lancette*], мы ланцетою, сиречь копейцом, зовем» (Там же. С. 178).

⁸⁰ Там же. С. 142.

⁸¹ Там же. С. 275. Ср.: «Стихотворцы трижды вместо многожды употребляют, так, например, *Виргилий*» (Там же. С. 268).

гилий употребил»;⁸² «Ад вместо смерти греческие стихотворцы употребляют».⁸³

А. Кантемир, выступая за расширение лексического фонда языка, воспроизводит сформулированную в античности и повторенную европейскими филологами идею фильтра, регулирующего лексическое новаторство. Лексические единицы должны вводиться по мере необходимости, при отсутствии нужной номинации, а также соответствовать «духу» языка, в терминологии Кантемира — не противиться «сродству языка русскаго»:⁸⁴ «Можно возобновлять в стихах речи, которые народ забывать начинает, а не те, которые совсем позабыты, и то, когда те речи многу силу в себе имеют и других подобных не находим»;⁸⁵ «новые речи такие быть имеют, которые народ произвел, которые народу могут быть вразумительны».⁸⁶ Размышления об уместности новых слов проникают в XVIII сатиру («На бесстыдную нахальчивость»): «Чтоб всякое, на своем месте стоя, слово // Не слабо казалось, ни столь лишно ново, // Чтоб в бесплодном звуке ум не мог понять дело».⁸⁷

Новым лексическим единицам посвящено большое количество комментариев Кантемира; см., например: *свобожденник* — «*adrasus* значит не только человека, который только что обрит, но и свободеннаго от неволи, понеже обычай был обривать рабов, которых их хозяева на волю пускали. Свобожденник слово новое чаю изрядно соответствует французскому *Afranchi*, и собою свое знаменание довольно показывает»;⁸⁸ «свобожденник, слово от меня вновь употребленное, которым изображаю латинское *libertinus*. Либертины называлися рабы, на волю пущен-

⁸² Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 271.

⁸³ Там же. С. 273.

⁸⁴ Там же. С. 386. Ср. также установку придерживаться «свойства русского языка», о которой А. Кантемир говорит в предисловии к переводу истории Юстина (РНБ, Q. IV. 382. Л. 3). В 1731 г. В. Адодуров в своем грамматическом очерке говорит о *гении* языка (*der Genius der Rußischen Sprache*); см. подробнее: *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 77.

⁸⁵ Там же. С. 386.

⁸⁶ Там же. С. 552.

⁸⁷ Ср. комментарий к этим строкам со ссылкой на Горация: «Хвально в стихотворении употреблять необыкновенные образы речения и новизну так в выдумке, как и в речении искать; но новость та не такова должна быть, чтоб читателю была невразумительна. Не могу удержаться напомнить здесь изрядные правила, которые Гораций для сочинений стихотворных предписует»; см.: *Антиох Кантемир.* Собрание стихотворений. С. 173.

⁸⁸ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 441.

ные»;⁸⁹ *критик* — «судьи, кои о состоянии и доброте книг судят, критиками называются у латин и других народов; мы не имеем сему имени другое равносильное»;⁹⁰ *элементы* — «элементы суть первая наставления, начала какой либо науки, которую речь мы в нашем языке не имеем, для того я употребил: начальнейшие законы. Ведаю, что то латинскому не соответствует, да не знаю чем пособить»;⁹¹ *календарь* — «календарь есть слово латинское, деривацию имеет от *calendae*, еже есть первый день всякаго месяца. По русски календарь называется *месяцослов*»;⁹² *мода* — «мода слово французское. *Mode* — значит обыкновение в платье и уборах, и самых нравов человек. Крестьяне у нас называют поверьем»;⁹³ «мода слово французское, значит обычай в ношении платья, в употреблении всяких уборов и в самих наших поступках».⁹⁴

Вместе с тем к 1740-м гг. относятся более критические высказывания Кантемира, касающиеся церковнославянского наследия. Перерабатывая IV сатиру, Кантемир прибегает к характеристике *жесток ушам*⁹⁵ по отношению к стихотворным житиям святых архиепископа Иоанна (Максимовича). Эта характеристика связана с традицией, которая идет от В. Третьяковского, оценивавшего таким образом церковнославянский язык в противоположность «нежности» языков, ориентированных на живое разговорное употребление.⁹⁶

В эти же годы в нескольких комментариях к переводу писем Горация Кантемир прибегает к характеристике *грубый*, также маркированной и связанной с характеристикой *жест(о)кий*.⁹⁷

⁸⁹ Там же. С. 515.

⁹⁰ Там же. С. 520. О понятии «критика» у Кантемира см.: Кондаков И. В. Единство литературной и социальной критики в представлении А. Д. Кантемира // Антиох Кантемир и русская литература. М., 1999.

⁹¹ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. С. 396.

⁹² Там же. С. 242.

⁹³ Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. С. 82—83.

⁹⁴ Там же. С. 139.

⁹⁵ В переводе «Разговора о множестве миров» Фонтенеля А. Кантемир так толкует прилагательное *жеска*, при помощи которого он переводит французское *seche*: «свойство неприятное, не дающее никакой забавы» (см.: Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. С. 393). В русско-французском словаре он соотносит прилагательное *жестокый* с фр. *dur, rude* (см.: Там же. Т. I. С. 335).

⁹⁶ Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 85—86.

⁹⁷ В Вейсманновом лексиконе прилагательные *грубый* и *жестокый* упоминались в одном синонимическом ряду; см. подробнее: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 82.

Кантемир оценивает как *грубые* «темные» священные тексты, написанные в древности: «вышепомянутыя Нумовы молитвы писаны были стихами, грубым старинным римским языком, который во времена Горациевы уже никто почти не разумел».⁹⁸ Вместе с тем характеристика *грубый* прилагается им к отстоящему во времени народному языку, к чисто фольклорному началу: «Гораций, предложив похвалы стихотворства, исследует онога начало и доводить принимается, что богослужение оному повод подало. Первые люди, все пастухи и земледельцы, собиралися, говорит он, после жатвы приносить Богу благодарение за дарованные им плоды. Праздник у них тогда бывал, и между прочими забавами те поселяне грубыми стихами друг друга шутя пятнали»;⁹⁹ «в забаву свою те грубые пастухи и земледельцы перебранивалися на стихах, и начальниками стихотворства были. Не трудно судить, каковой грубости были те стихи, которые голое движение природы производило в мужиках, всякаго искусства лишаемых, без всякаго предъидущаго размышления. Мы и сами много таких стихов имеем, которые суть вымысл простолюднаго нашего народа и от которых можем о тех первых римских стихах судить. Например, я помню начало одной песни о браке царя Ивана Васильевича».¹⁰⁰

В русско-французском словаре такое сближение книжной (церковнославянской) и народной (фольклорной) стихии проявляется соотнесением рус. *грубый* с франц. *rude, grossier, impoli, païsan, rustique*.¹⁰¹ Таким образом, можно считать, что Кантемир — один из первых авторов, увидевших в церковнославянском и фольклорном тексте общее, а именно — отклонение от основных эстетических требований, предъявляемых к образцовому тексту — понятности, ясности, сладости, приятности.

Любопытно, что в сцене «Вечер у Кантемира» Батюшкова Кантемир говорит о том, что «изгнал» из языка «грубых слова славянския, чужестранныя, несвойственныя языку русскому».¹⁰² Этот пассаж перекликается с мнением Гуаско, который писал, что Кантемир «изгнал» («a bannis») из своей поэзии слова, заимство-

⁹⁸ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 524.

⁹⁹ Там же. С. 528.

¹⁰⁰ Там же. С. 528—529.

¹⁰¹ Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. 244. Ср. в Вейсманновом лексиконе: homo rusticus — «грубыи, простые человек, деревенский мужик» (С. 513). Об оппозиции *грубый/приятный* см.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. II: Язык и культура. М., 1996. С. 476—479.

¹⁰² Батюшков К. Н. Сочинения. СПб., 1886. Т. II. С. 235.

ванные из «славянского и других иностранных языков», которые часто «примешивают» в русский язык («On mêle fort souvent dans le Russien des mots tirés de l'Esclavon et d'autres Langues étrangères»).¹⁰³ При этом Гуаско сообщает, что эта правка показала, насколько русский язык богат сам по себе («ce que fait voir, que la Langue est assez riche d'elle-même»).¹⁰⁴ Очевидно, что эти суждения восходят к мнению самого Кантемира, который, в частности, в предисловии к переработанному тексту истории Юстина (1742) заявляет о том, что «не отдалялся свойства русского языка» и старался не использовать «чужестранных речей».¹⁰⁵

С демонстрацией внутреннего потенциала русского языка связана, по всей видимости, разработка в русско-французском словаре его словообразовательных возможностей.¹⁰⁶ В составе словника представлены разветвленные словообразовательные гнезда, в некоторых случаях насчитывающие до 14 элементов и включающие потенциальные слова. При этом отдельные морфемы вступают в отношения синонимии: например, показатели лица (*алмазник, алмазчик, алмазница, алмазщица*), показатели принадлежности (*алмазников, алмазчиков, алмазничей, алмазницыи, алмазщицый*); показатели уменьшительности (*баулец, баулик, баулок, баулчик*).

Кантемир обратил внимание на диалектную неоднородность языка: в комментариях к переводам из Анакреонта он писал: «...греческий язык разделяется на разныя наречия по провинциям и городам, как мы видим в русском, что розница некакая находится от одной провинции к другой».¹⁰⁷

Наконец, Кантемиру принадлежат едва ли не самые ранние свидетельства существования социальных диалектов. В комментариях к «Московским письмам» Локателли говорится: «В основе стиля, употребляемого при дворе, находится обычный язык, который содержит, однако, много темных мест и использует почти все искусственные слова иностранцев. Петр Великий внедрил этот стиль во все канцелярии».¹⁰⁸

¹⁰³ [Guasco O. de]. Vie du Prince Antiochus Cantemir. P. 71.

¹⁰⁴ Ibid. С. 71—72.

¹⁰⁵ РНБ. Q. IV. 382. Л. 3 об. Об отказе от заимствований как сознательной установке, возникающей в 1740-е гг. в России, см. подробнее: Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. С. 296—298.

¹⁰⁶ См.: Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. XXVI—XXVII.

¹⁰⁷ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 351.

¹⁰⁸ «Der Hoff-Stylus hat zwar die gewöhnliche Sprache zum Grunde, dabey aber viel dunckles in sich, und bedienet sich fast aller Kunst-Wörter der Ausländer. Petrus der Grosse hat diesem Stylum in allen Cantzelleynen im Gange bringen lassen»

В сочинениях Кантемира содержатся более конкретные ссылки на социальные диалекты.

1) В русско-французском словаре Кантемир описывает аканье как явление, свойственное определенной социальной группе: «Il est a remarquer que les Gentilhommes et leurs imitateurs changent souvent L'o en a, tant au comencement qu'au milieu de mots, dela viennent les deux sortes de Prononciations, qui distignent les Gens de mise avec le Peuple, ceux la par Exemple disent: Агурцы, Акошко пападья, башмак, et ceux ci: Огурцы, Окошко, попадья, бошмак. Je suivi dans le Dictionnaire la Prononciation et maniere d'ecrire du Peuple qui est la bonne».¹⁰⁹ Известно, что Петр I акал, что в принципе могло придать этой фонетической особенности некоторую престижность среди его окружения. Вместе с тем аканье могло особенно обращать на себя внимание в составе лексики, не имеющей установленной традиции произношения, а именно в новых заимствованиях. Так, М. В. Панов заметил, что при написании заимствованных слов *e* в безударных слогах часто передается буквой *a*: *санатор, гранадир, ватарпас, камарер*;¹¹⁰ ср. в словаре у Кантемира — *батарея (batterie), гранадир (grenadier), лотаре (lotterie)*.

Кантемир называет социальную группу акающих *Gentilhomme* или *Gens de mise*, то есть имеет в виду придворных (ср. *homme de la Cour*), при этом отказывается от этой нормы в пользу «народного» употребления (по всей видимости, соотносимого с термином «чисто русский язык»).

2) В русско-французском словаре Кантемир описывает использование показателя *-вичь*, относя его к частицам. Он пишет: «Вичь Particule qu'on ajoute au nom du pere pour les gens de quelque distinction. Ex. Петр Алексеевич Pierre fils d'Alexe. Pour les hommes ordinaires on ne dit pas вичь mais on met le nom de pere en simple adj. Ex. Михаило Петров Michel fils de Pierre».¹¹¹

(Locatelli Fr. Die so genannte Moscovitische Brieffe oder die wider die lobliche Russische Nation. С. 461; Россия и Запад : Горизонты взаимопознания. С. 200, 259).

¹⁰⁹ «Надо заметить, что благородные люди и те, кто им подражает, часто меняют о на а как в начале, так и в середине слов, откуда происходит два типа произношения, отличающие благородных людей от народа. Одни говорят агурец, акошко, пападья, башмак, а другие огурец, окошко, попадья, бошмак. В словаре я следую произношению и правописанию народа, которые почитаю за правильные» (Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. 3). До Кантемира аканье попадало в сферу внимания кодификаторов (например, Ф. Поликарпова) как некнижное явление, которое не должно проникать в книжный язык.

¹¹⁰ Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XIX вв. М., 1990. С. 397—398.

¹¹¹ «Вичь частица, которую присоединяют у людей знатных к имени отца. Например, Петр Алексеевич Петр сын Алексея. Обычные же люди не имеют

Ср. в комментарии к одному из писем Горация: «Менелай часто Атридом у стихотворцев называется, понеже он был сын Атрея; как бы по нашему сказать Атреевич».¹¹²

Любопытно, что регламентация использования форманта *-ичь* становится предметом особого рассмотрения в 60-е гг.¹¹³ В феврале 1763 г. Академия наук объявила конкурс на лучшую работу, посвященную трактовке показателя *-вичь*. Сохранилось рукописное анонимное сочинение, правленное Миллером, в котором, в частности, доказывается, что *-вичь* является заимствованием, но его использование предпочтительнее по сравнению с *-ов*: «...кого назвать Иван Петров, сие звание имени вид свой голоса кажет слышателю грубой, а назвать кого сим Иван Петрович, есть вежливее и честнее и умильнее».¹¹⁴ И далее, выступая за признание форм на *-ич* как нормативных автор пишет: «Ныне у нас в великороссийском народе приложенная частица *вичь* <...> уже во употребление крепко вошла, не токмо меж гражданы нарочитыми и знатными особами, но и в простом подлом народе за действительный знак почтения принято».¹¹⁵

3) По всей видимости, социально отмеченными являются и формы превосходной степени на *наи-*, о которых уже шла речь выше. Экспансия этих форм связана, скорее всего, с польским влиянием. Она отражена и в переводческой деятельности Третьяковского, который регулярно использует формы на *наи-* в переводе «Езды в остров любви» Тальмана.¹¹⁶

Наконец, в сочинениях Кантемира находятся отголоски так называемого щегольского употребления.¹¹⁷ Так, Кантемир одновременно с Третьяковским вводит в оборот слово *вкус* как семантическую кальку с французского слова *goût*: «Вкус только

этого *вичь*, но используют обычное прилагательное от имени отца. Например, Михайло Петров. Михаил, сын Петра» (Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. С. 125). При этом «частица» *-вна* оставлена без комментариев (Там же. С. 134).

¹¹² Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 440.

¹¹³ Об истории данного форманта см.: Успенский Б. А. Социальная жизнь русских фамилий // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. II. С. 216 и сл.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 181. № 231. Л. 4 об.

¹¹⁵ Там же. Л. 8—8 об. Интересно, что на л. 8 есть вставка, сделанная Миллером, в которой содержится ссылка на латинский язык, а именно на формы *Stephanus—Stephanides*.

¹¹⁶ На новизну и заимствованный характер таких форм обращает внимание М. Ломоносов, замечая: «Новые превосходные, с польского языка взятые, с приложением *наи*: *наилутчий*, *наичистейший* российскому слуху неприятны» (Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. VII. С. 467).

¹¹⁷ См. подробнее: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 134 и сл.

в кушаньях говорят; а тут кажется для того употреблено слово сие, что щоголям оно обычно с французского языка, в котором если хотят похвалить, что платье какое искусно выдуманно и прибрано хорошо, то говорят: это платье хорошева вкусу».¹¹⁸ Ср. также кодифицированные в русско-французском словаре *амурищик* (Un galant. Amant. Amoureux), *амурица* (Coquette. Maitresse), *амурюся* (faire l'amour, faire le galant), *лазарь* ((En terme burlesque:) Galant. Un qui fait l'amour).¹¹⁹

В своих сочинениях Кантемир дает фрагментарные примеры современной ему разговорной стихии. В комментариях к текстам он иногда прибегал к термину *простое* или *простолюдное* слово: «Прощай вместо прощайте, часто и многим говоря, в простом речении употребительно»;¹²⁰ во II сатире как *простолюдное* характеризуется использование слова *польги* вместо *пользы*, в III сатире — *вишь* вместо *видишь*.¹²¹ Термин *простолюдный* соотносится с принятой в русско-французском словаре пометой *terme bas* (см., например, *балакую*, *звончатый*).¹²² Любопытны выделенные Кантемиром особые «бурлескные» употребления, относящиеся к области «низкой» лексики; ср. ряд глаголов со значением «ударить по голове»: *благословляю*, *колпачу*, *всучаю*, *гвозжжу*, *звездю*, *деру*, *гунуть*.¹²³

В комментариях к различным произведениям также фрагментарно рассыпаны сведения о речевых особенностях разных социальных групп, ср.: «Обыкновенно купцы, когда продают, чрезмерно божатся. Если у них что торгуешь, часто услышишь: Как пред Богом стать — себе больше стоит; Бог свидетель — в лавку выше пришло; еже ей-ей для переду тебе в свою цену уступаю»;¹²⁴ «Если у них что торгуешь, часто услышишь: как пред Богом

¹¹⁸ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 224. В одном из списков есть фр. *c'est un habit de bon gout*; см.: *Глаголева Т.* Материалы для полного собрания сочинений князя А. Д. Кантемира // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1906. Т. 11. Кн. 1—2. С. 201.

¹¹⁹ Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. С. 11, 572.

¹²⁰ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 343.

¹²¹ *Антиох Кантемир.* Избранные стихотворения. С. 78, 104.

¹²² Во франкоязычной лексикографии термины *style bas* и *style bas peuple* (*bas peuple* синонимично словосочетаниям *petit peuple*, *menu peuple*, *commun peuple*). Ср. использование А. Кантемиром термина *petit peuple* при описании некоторых русских реалий: *балалайка* (instrument de musique a deux cordes comun parmi le petit peuple en Russie); *балахон* (habit de toile, la plupart blanche dont les gens du petit peuple et particulièrement les garçons des boutiques s'abillent); см.: Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. 24.

¹²³ См.: Там же. С. XXXV.

¹²⁴ *Антиох Кантемир.* Избранные стихотворения. С. 104.

стать — себе больше стоить; Бог свидетель — в лавку в рубль пришло; ей-же-ей для переду тебе за свою цену уступлю»;¹²⁵ «нищие в Риме прашивали милостыню с напевом, как и у нас в обыкновении»;¹²⁶ а также примеры высказываний, приведенные в III, V и VIII сатирах.

Сложность изучения наследия Кантемира связана не только с тем, что вопрос о его культурной ориентации и связях с традицией не имеет единственного ответа, имеющего объяснительную силу по отношению ко всему его творчеству. Кантемир восхищался английской политической системой и не любил Францию. При этом он ценил французскую филологию и поэтику, оставаясь итальянистом. Свою собственную систему взглядов в каждой конкретной области он выстраивал, как кажется, просеивая разные источники. Исследователи, однако, обращаясь к его наследию, сталкиваются с чисто текстологическими проблемами, и в целом — с узостью круга источников и спектра развернутых суждений самого Кантемира о литературе и языке. Вместе с тем можно надеяться, что внимательное системное прочтение русско-французского словаря и всего свода комментариев к различным сочинениям, которое лишь только начато, позволит уточнить, каковы были границы его филологического мира — в сопоставлении с путями, избравшимися его современниками.

¹²⁵ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 243.

¹²⁶ Там же. С. 492.

А. ВАЧЕВА

**СОФИЯ-ЕКАТЕРИНА.
ИМЯ И МИФОЛОГИЯ В АВТОБИОГРАФИИ
ЕКАТЕРИНЫ II**

В мемуарах Екатерины II проблема имени эксплицитно не обсуждается. Однако этот вопрос она живо комментирует в своей переписке с Вольтером и Гриммом. Поводы для этого подаются как личные праздники императрицы, так и переход в православие ее невесток, выбор имен для ее внуков. Производит впечатление, что именно эту тему императрица охотно обсуждает в письмах в отличие от темы своего дня рождения и родного города. В письме Ф. М. Гримму от 29 апреля 1775 г. она умоляет своего корреспондента не упоминать о дне ее рождения, так как уже 46 лет, как она слышит о нем и поэтому уши ее оглохли от этого: «Я не люблю этого дня, всегда прибавляется еще один год и в этом [праздновании? — *А. В.*] нет здравого смысла».¹ Сходным образом Екатерина упоминает об этом и в письмах к г-же Бьелке. Если в письме от 21 мая 1770 г. она просто принимает поздравления подруги своей матери, удивляясь быстротечности времени, и отмечает свой возраст: ей минул 41 год,² то три года спустя, 9 мая 1774 г., Екатерину уже беспокоит надвигающаяся старость: «Это 2 мая, которое так часто возвращается, — несмотря на все, что вы мне говорите и желаете прекрасного по этому случаю, всегда приносит мне в подарок лишний год, и по этому самому я не очень-то жалею этот день: что бы ни говорили, а стареться — очень неприятная вещь».³ В одном из писем императрица

¹ Письма императрицы Екатерины II к Гримму / Под ред. Я. К. Грота // Сборник Императорского русского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1878. Т. 23. С. 24.

² Сб. РИО. 1874. Т. 13. С. 20.

³ Там же. С. 406.

пресекает любопытство Гримма насчет ее родного города всего одним предложением: «Я не могу понять, почему вы так жалеете о логове принцесс и об этом прославленном Штеттине, которого вы и не видели, неужели вы верите, что трава и вода формируют человека?»⁴ Уверенность в том, что не «трава и вода» формируют человека, а его судьба — его личное дело — основная идея екатерининских мемуаров. Императрица с хладнокровием встречает и бесчисленные, явно ей приятные, славословия французских философов. Она не поощряет ее прославление наравне с Богом, однако тем не менее принимает это. Проблема имени, символики пронизывает как тексты, связанные с собственным имиджем, так и с желаемыми тенденциями в истолковании судеб империи, как это хорошо было показано А. Зориным и В. Проскуриной.⁵ Однако если в научной литературе широко обсуждалось обращение к римской мифологии, то мотивы, связанные с новой небесной покровительницей после перехода Екатерины в православие, не привлекали внимания ученых.

Вопрос об имени, родном и приобретенном, возникает поочередно в начале переписки Екатерины II и с Вольтером, и с Гриммом. Есть три письма обоим корреспондентам — Вольтеру от сентября и декабря 1773 г. и письмо к Гримму от 1776 г., имеющие почти аналогичное содержание по отношению к этой теме. Все они написаны по поводу перехода в православие обеих ее невесток — великой княгини Натальи Алексеевны и будущей императрицы Марии Федоровны. Во всех трех письмах императрица выступает с позиции «главы Греческой церкви». Она категорически заявляет, что русские великие княгини, иностранки по происхождению, проходят не новое крещение, а конфирмацию.⁶ Особенно обстоятельно она объясняет обряд Вольтеру:

⁴ Сб. РИО. Т. 23. С. 57.

⁵ *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... : Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII—первой трети XIX века. М., 2002; *Проскурина В.* Мифы империи : Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.

⁶ Достаточно известны отрывки из писем юной Софии-Фредерики к ее отцу, в которых она просит разрешения на переход в православие (письмо от 3/14 мая 1744 г.) и описывает сам обряд и получение нового имени (письмо от 5/16 июля 1744 г.). В первом письме она, обещавшая отцу при отъезде в Россию сохранять верность лютеранству, старается убедить его в правомерности своего обращения: «Так как я не нахожу почти никакой разности между верами греческою и лютеранскою, то решилась, после того как вникнула в милостивые наставления вашей светлости, переменить (исповедание), и пришлю к вам в первый день мой символ веры» (Сб. РИО. 1871. Т. 7. С. 4). Это письмо лишено прежней теплоты в отношении дочери к любимому отцу. В следующем же письме новообращенная Екатерина пишет отцу в том же официальном тоне о церемониях перехода в православие и обручения: «Ее императорское ве-

«Как глава Греческой церкви не могу я без нарушения совести оставить вас в заблуждении, не выведя из оногo. Вы хотели бы, чтоб великая княгиня перекрещена была в церкви Св. Софии; перекрещена, говорите вы? Нет, государь мой, Церковь греческая никогда не перекрещает, она признает всякое крещение в прочих христианских церквях совершенно истинным и действительным; вследствие чего великая княгиня, по прочтении на русском языке исповедания православной веры, принята в недро церкви посредством нескольких крестных знамений благовонным елеем, которые совершены с великой церемонией; которой обряд как у вас, так и у нас называется миропомазанием. При том же случае и имя дается; но что касается до сего, то у нас очень на них скупы; вы дюжинами награждаетесь, а мы по одному только получаем, для нас и одного довольно».⁷

Акцент в объяснениях падает на то общее, что объединяет обе Церкви, точно так же, как идеология Российской империи еще со времен Петра I искала свои общие корни с Римской империей и пользовалась ее символикой. Екатерина ловко обходит в письме неприятный ей вопрос о затянувшейся осаде Константинополя, известия о взятии которого ожидал от нее Вольтер.

Императрица протестует против беспокойства Гримма, что «прекрасное имя Софии будет утоплено»⁸ в обряде. Вот что пишет она Гримму в 1776 г. по поводу смены имени ее невестки Софии-Доротеи Вюртембергской (будущей императрицы Марии Федоровны), у которой было то же имя: «Знайте, что у нас христи-

личество внезапно решила, чтобы мое обращение совершилось в прошлый четверг, а обручение — в пятницу. Она признала также за благо присоединить ко прочим моим именам имя Екатерины» (Сб. РИО. Т. 7. С. 5). Очевидно, что в отличие от зрелой и опытной мемуаристки юная будущая великая княгиня не прониклась еще русским духом и воспринимает новое имя как дополнение к традиционным нескольким именам в западной аристократической традиции. Об этом она пишет также Вольтеру. Для нее имя «Екатерина» все еще не стало символом ее новой судьбы. Есть еще одно официальное письмо от того же числа на немецком языке (предыдущие написаны на французском) о том же событии: «Светлейший князь, высокоуважаемый родитель! После принесения прежде всего искреннего благодарения Всевысочайшему Существу, как источнику всякого блага, за достижение мною, по материнскому соизволению ее величества, моей всемилостивейшей императрицы, настоящего моего достоинства, я считаю моей дочернею обязанностью известить вашу светлость, что 28 прошедшего июня, вследствие данного мне вами отеческого благословения, я приняла восточную веру, основанную на греко-русском вероисповедании, а на другой день была обручена с его императорским высочеством великим князем и наследником всея России» (Там же. С. 6).

⁷ Письмо от 26 декабря 1773/7 января 1774 г. См.: Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с г. Вольтером. СПб., 1802. Т. 2. С. 178.

⁸ Сб. РИО. Т. 23. С. 55.

ан не подвергают новому крещению; речь идет лишь о конфирмации, при которой, как и у католиков, вам дается имя. Однако это имя, данное Греческой церковью, вы носите, а остальные кладете в карман».⁹ Отрепетированный в письмах к Вольтеру ответ на этот довольно щекотливый вопрос получает развитие: актуальны все имена человека, независимо от частоты их использования, и они несут в себе его предопределение. В опубликованных письмах Екатерины II есть, кажется, лишь один случай, в котором она использует свое имя, полученное при рождении. Это своеобразная декларация по поводу наследства Иевера, которую императрица посылает одному из своих немецких кузенов.¹⁰

В раннем письме 1765 г. Вольтер выражает свое неудовольствие по поводу имени «Екатерина»: «Могу ли я осмелиться всемилостивейшая государыня, сказать, что мне несколько досадно, что Вы именуетесь Екатериною. Древние героини никогда не заимствовали имена из святцов. Гомер и Виргилий нашли бы себя в великом от сих имен затруднении. Вы сотворены не для святцов».¹¹ Перед тем как сделаться певцом «св. Екатерины Петербургской», фернейский мудрец предлагает в этом письме своей сиятельной корреспондентке метонимические названия, заимствованные из римской мифологии: имена Юноны, Минервы, Венеры, Цереры. Ответ не запоздал. В письме от 28 ноября 1765 г. (очевидно эта дискуссия имела место накануне дня ангела императрицы) Екатерина остроумно отвечает:

«Государь мой!

Голова моя столько же тупа, сколько и мое имя не гармонично: и потому на прекрасные ваши стихи я буду отвечать дурною прозою. <...> Как я ни почитаю себя вправе быть воспеваемою, то не променяю своего имени на имя завистливой и ревнивой Юноны, и тщеславие мое не столь велико, чтоб принять на себя Минервино; не хочу также и имени Венеры; потому что слишком много говорят на счет сей красавицы. Не могу быть и Церерой, потому что жатва в России сего года была весьма дурна. Мое же собственное имя по крайней мере обнадеживает меня в ходатай-

⁹ Цит. по: *Карп С. Я.* Французские просветители и Россия : Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998. С. 231. Письмо от 18 августа 1776 г. (Сб. РИО. Т. 23. С. 55). Стоит, однако, привести до конца этот пассаж: «...сохраните это письмо, оно будет драгоценным для антиквариев через две тысячи лет, когда будут обсуждать дела и нравы нашего времени».

¹⁰ Сб. РИО. Т. 23. С. 614 (письмо от 23 марта 1795 г).

¹¹ *Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с г. Вольтером.* СПб., 1802. Т. 1. С. 10. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте.

стве за меня моей прокровительницы там, где она находится; и так сообразя все сие, думаю, что оно есть для меня лучшее».¹²

Разумеется, императрица лукавила. Как это убедительно показано учеными, символика Минервы была давно положена в основу ее «сценария власти», вбирая в себя элементы предыдущих эпох — Петровской, Елизаветинской, и приведена в действие еще во время коронационных торжеств, а потом мультиплицирована множеством зрелищ, изображений, поэтических текстов.¹³ Что же касается славы Венеры, то и о самой Екатерине будут говорить многое, причем не одно столетие. Екатерина же заставит также своих западных корреспондентов «полюбить» данное ей при переходе в православие имя и славословить его. Тот же Вольтер в ответе на вышеупомянутое письмо от 24 января 1766 г. несколько озадачен заявлением корреспондентки. Он склонен подождать и посмотреть, насколько преуспеет все еще новая тогда российская императрица прославить свое «неблагозвучное» имя: «Прискорбно умирать, не выдав той, которая предпочитает имя Екатерины именам древних божеств и которая сделает его предпочтительнее оных» (С. 14). В будущем, следя за военными действиями в 1769 г.; он уже будет почти обожествлять ее: «Тебе Бога хвалим или, лучше сказать, тебе, Европейская героиня» (17 октября 1769 г. С. 70), выступать ее пророком, славя ее на латыни: «Te Catharinam laudamus, te dominam confitemur» (30 октября 1769 г.; С. 72). В начале 1771 г. Вольтер пишет уже похвальные стихи св. Екатерине:

Что я из всех святых святой Екатерине
Стал наиболее почтенья отдавать,
То это потому, что нашей Героине
Досталось именем ее себя назвать.

(22 января 1771 г. С. 187).

Вольтер собирается в Петербург на поклонение «св. Екатерине Второй» (11 декабря 1773 г.; С. 144), для него рай земной «везде, там, где Екатерина» (сентябрь 1771 г.; С. 47), еще в 1768 г. он склонен объявить ее Первой, а не Второй, и пр. Смещение «небесной» и «земной» Екатерин начинает проводиться последовательно и обрастает дополнительными смыслами. Местопребывание русской императрицы, как и территории ее побед, становятся в его

¹² Там же. С. 11, 15.

¹³ См.: Уортман Р. С. Сценарии власти : Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1 : От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 153—199 и 200—224 (главы «Торжествующая Минерва» и «Минерва и Телемак»); Зорин А. Кормя двуглавого орла... С. 40, 43, 119; Проскурина В. Мифы империи. С. 35, 59, 67, 77, 80.

письмах новым сакральным европейским пространством. Русская императрица в интерпретации Вольтера становится покровительницей религиозной толерантности, героически защищает ценности христианства и, главное, Просвещения. Екатерина II успела заставить своего «учителя» «полюбить» ее покровительницу и если не забыть о любимых им римских богинях, символах потерянной и подлежащей восстановлению античной цивилизации, то хотя бы поставить ее рядом. Это можно рассматривать и как осуществление в жизни императрицы одного из ведущих мотивов жития святой Екатерины — прения с философами, в которых прекрасная и юная восемнадцатилетняя девушка одерживает победу над непререкаемыми авторитетами. Сама императрица осознавала свое приобретенное имя как миссию. По ее мнению, оно не пристало каждой женщине. Известен ее шуточный отзыв в письме Гримму по поводу вероятности того, что у нее появится внучка, носящая то же имя. В письме, написанном через несколько месяцев после появления на свет Александра Павловича, Екатерина как бы предвидит будущее, предполагая рождение многочисленных внуков. По ее шуточному предсказанию, они будут несносны, капризны, красивы, но непоследовательны, будут пренебрегать предрассудками, этикетом, не будут интересоваться общественным мнением, что столкнет их с множеством препятствий, но хуже всех будет та, которая будет названа Екатериной. Из-за своего имени она встретит больше трудностей, чем ее сестры. Смягчить их участь сможет только имя Пресвятой Девы Марии, которое сиятельная бабушка дала бы всем, будь их даже десятеро.¹⁴

Фигура небесной покровительницы императрицы св. Екатерины, одной из самых почитаемых всеми христианскими церквями, приобретает особое значение в переписке с французскими философами и потому, что она соответствует интерпретации образа Екатерины II как объединяющего начала при конфессиональном разделении континента. Сама императрица активно пользуется этими коннотациями в выработке концепции собственного образа в автобиографии.

Болгарская исследовательница Милена Кирова отмечает, что несмотря на распространенное убеждение, что родина — это то место, где человек родился, еще в Ветхом Завете есть представление о том, что родина — это также пространство, которое может быть создано и усвоено.¹⁵ Такому же строительству, по мнению

¹⁴ Письмо от 8 июня 1778 г. // Сб. РИО. Т. 23. С. 91—92.

¹⁵ Кирова М. Една библейска история и два начина да имаш родина. Электронная версия: LiterNet, 11.02.2007, № 2 (87) <http://litenet.bg/publish2/mkirova/edna.htm> (2.01.2011).

исследовательницы, подлежит и имя: «Очень интересна стратегия создать личное имя делами того, кто его носит. Кроме того, видим, как две из основных ценностей бытия человека — место и имя — оказываются подвержены строительству в соответствии с общим законом: импульс, полученный от Бога, может стать действительностью только путем целенаправленных, сознательных усилий человека. И место, и имя, другими словами, являются не столько фиксированной данностью, сколько процессом, в котором создаются определенные значения».¹⁶

* * *

В своей книге о романских моделях в автобиографии Екатерины II я кратко остановилась на семантической игре в тексте, связанной с именем, данным российской императрице при рождении и полученным ею при переходе в православие. Эта семантическая игра, по моему мнению, тесно связана с автобиографической установкой екатерининских мемуаров.¹⁷ Напомню некоторые из своих тезисов. Рациональное начало в автобиографическом рассказе, заданное вступительным силлогизмом и получившее подтверждение в его «решении» в конце поздней редакции, вписывается как нельзя лучше в екатерининский миф: российская императрица предстает как Минерва, земное воплощение мудрости или, в другом варианте, — Астрея, богиня счастья, приносящая с собой золотой век человечеству. Оба мифологических образа активно включались в литературные тексты, сценарии дворцовых праздников, которые должны были демонстрировать авторитет самодержавной власти в России.¹⁸ Вводя в последнюю редакцию своих записок философский силлогизм, Екатерина отсылала читателя к символике имени, данного ей при рождении, — София (мудрость), синонимической с образом римской богини. Такое автобиографическое прочтение не исключается, если иметь в виду «концентрированную мифологию»¹⁹ этого имени, которое часто носили добродетельные героини романов и комедий. О том, что Екатерина II была исключительно внима-

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Вачева А. Автобиографичният пакт в «Собственоръчните записки» // Вачева А. «Романът на императрицата». Романовият дискурс в автобиографичните записки на Екатерина II. Ракурс на четене през XIX век. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2008. С. 61—80.

¹⁸ См. также упоминавшиеся исследования Р. С. Уортмана, А. Л. Зорина и В. Проскуриной.

¹⁹ *Fauchery P. La destinée féminine dans le roman européen du 18e siècle: 1713—1807 : Essai de gynécomythie romanesque. Paris: Armand Colin, 1972. P. 70.*

тельна к подобным символам, говорят «номинативные шедевры» в выборе имен Александра и Константина для ее первых внуков, которым предназначалось возглавить соответственно Российскую и подлежащую восстановлению Византийскую империю.²⁰

В одном из ранних автобиографических отрывков Екатерина упоминает другую причину смены ее имени: аллюзии с царевной Софьей. Напоминание о неблагоприятном политическом контексте не входило в планы владетельной мемуаристки. В смысле подчеркнутой преемственности ее правления с делом Петра Великого (лапидарно выраженной в известной надписи к Медному Всаднику: «Петру I Екатерина II»), которая была характерна для мифологии ее царствования, для нее было выгоднее больше не напоминать о своей предшественнице, носившей то же имя, образ которой ассоциировался с деструктивным политическим поведением. В то же время Екатерина переосмыслила и развила заложенную Елизаветой Петровной идею возобновления имен ее родителей в великокняжеской чете. Мемуаристка подчеркивает именно преемственность по отношению к политике Петра I, не отказываясь, однако, от символики имени, данного ей при рождении, которое она продолжает «держат в кармане». Таким образом, первое имя императрицы София еще раз напоминает о предопределенности ее судьбы, об «обреченности» на мудрость, которые хорошо вписывались в мифологию екатерининского правления.

В то же самое время не надо пренебрегать значением имени, с которым императрица остается в истории, — Екатерина — «вечно чистая». Оно напоминает об иллюзии искренности, характерной для жанра автобиографии.

Книга Г. Маркера²¹ о развитии культа св. Екатерины и его роли в политических сценариях русского двора, и особенно в сакрализации женских правлений, позволяет дополнить картину тщательно разрабатываемой в автобиографии императрицы мифологии собственной личности.

По мнению Г. Маркера, «в отличие от своих предшественниц, Екатерина пользовалась преимуществом иметь перед собой несколько примеров женского правления, в результате чего ей не надо было, в отличие от остальных владетельниц, так старательно обосновывать свое правление, окружая себя пантеоном женщин-святых. Однако она была вынуждена формулировать свое собственное право на власть, что она и делает на протяжении всего своего правления внушительным рядом прокламаций,

²⁰ Зорин А. Кормя двуглавого орла... С. 63.

²¹ Marker G. Imperial Saint : The Cult of St Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. Northern Illinois Univ. Press, De Kalb, 2007.

ритуальных представлений, портретов и публичных церемоний. Кроме того, она, наиболее светски настроенная по сравнению с другими русскими царицами, многократно обращается к образу св. Екатерины и — шире — к корням женской святости, в том числе к мифу о непорочности, чтобы создать свою репутацию православной правительницы». ²² Автобиография Екатерины в этом контексте — важное неконвенциональное средство, рассчитывающее на условную искренность жанра, имеющее целью поддержание и дополнение тщательно разрабатываемой на протяжении всего царствования мифологии личности императрицы. Мемуары императрицы, предназначенные для потомков, внесли дополнительный штрих в мифологию ее собственной личности. Имена — и полученное при рождении, и приобретенное при переходе в православие и обручении — влияют на концепцию автобиографического образа.

* * *

Собственное имя София имплицитно содержит в себе обещание мудрости в юной принцессе. В ранних черновых отрывках 50—60-х гг. XVIII в., предшествующих первой редакции автобиографии 1771 г., посвященной графине П. А. Брюс, императрица сообщает о необыкновенных качествах своего ума, проявившихся в самом раннем детстве:

«В три с половиной года, говорят, я читала по-французски; я этого не помню... <...> Я так часто слышала, что я умна, что я большая девочка, что я это и вообразила себе <...> я во всем принимала участие, я трещала, как сорока, и была чрезмерно смела, вот тому свидетельство: когда мне было четыре года, в Штеттин приехал покойный прусский король; мне сказали, что следует поцеловать его камзол; он спросил обо мне, меня привели, я пошла к нему и так как старалась поймать край его камзола, а он не позволял этого, то я повернулась в сторону матери и сказала ей угрюмо: „Его камзол так короток, что я не могу его достать“. Он спросил, что я сказала; не знаю, кто ему повторил это, он сказал: „Das Mädchen ist naseweis [девочка умничает]“, и с тех пор каждый раз, как мой отец ездил в Берлин или король приезжал в Штеттин, он меня к себе требовал». ²³

²² Ibid. P. 222.

²³ Записки императрицы Екатерины Второй. Репринтное воспроизведение издания 1907 года. М., 1989. С. 468—469. Далее все цитаты из русского перевода мемуаров даются по этому изданию. В дальнейшем — РТ («русский текст»). Буквами Б, Ч, СРЗ обозначаются соответственно основные редакции — по-

«Я выучилась по-французски и в трехлетнем возрасте уже умела читать и говорила на этом языке. Мать совершала частые поездки к своей многочисленной родне и обыкновенно брала меня с собою. Меня очень любили; я очень хорошо помню, что семи лет я знала, что я очень некрасива, но очень умна. Я училась в детстве истории, географии, читать и писать по-немецки и по-французски, немного рисовать, немного музыки, танцам и разным рукоделиям. Меня наставляли в лютеранской вере: я ужасно любила задавать вопросы, была довольно упряма, очень вкрадчива; у меня было доброе сердце, я была очень чувствительна, легко ударялась в слезы и была крайне подвижна. Я совсем не любила кукол, но очень любила всякие телесные упражнения; не было мальчика отважнее меня; я хвасталась, что я такова, и часто я скрывала, когда мне было страшно; стыд производит это движение; я была довольно скрытная». (РТ. С. 501. Отрывок 1760-х гг.).

К этим вариантам можно добавить еще эпизод продолжительной беседы Фридриха Великого с едущей к своему жениху принцессой, причем «философ на троне» отдает должное достоинствам своей будущей конкурентки на европейской сцене.

В эпизодах, связанных с рассказом о юности, Екатерина II рисует образ юного философа в соответствии с именем, полученным ею при рождении. «Юный философ», кстати, — шуточное прозвище, которым называют ее в своей переписке мать и наставник — шведский граф Гюлленборг,²⁴ а также часть заглавия не дошедшего до нас и уничтоженного великой княгиней во время следствия над А. П. Бестужевым первого автобиографического опыта, написанного по предложению наставника, — «Портрет философа в 15 лет». Образ юной Софии, носительницы зрелости и мудрости еще с самого младенчества, вписывается в дальнейшем в автобиографический образ разумной, последовательной и целеустремленной великой княгини Екатерины, которая уже на престоле будет прозвана современниками Минервой, Семирамидой и прочими льстящими ее самолюбию именами. Эти черты соответствуют также агиографическому образу небесной покровительницы русской царицы.²⁵

священная графине Брюс 1771 г.; посвященная барону А. Черкасову начала 90-х гг.; опубликованная А. И. Герценом под названием «Собственноручные записки», над которой императрица предположительно работала в середине 90-х гг. вплоть до своей смерти.

²⁴ См. об этом: *Вачева А.* Ментор и принцесса : (Образ воспитателя в автобиографии Екатерины II) // *Реката на времето. Сборник в памет на проф. Людмила Боева. София: Университетско издателство, 2007. С. 199—207.*

²⁵ Интересно отметить, что подобную ассимиляцию культа Софии—Премудрости Божией культом св. Екатерины в конце XVII—начале XVIII в.

Центральный эпизод жития св. Екатерины — эпизод обручения с Небесным Царем Христом. Этот эпизод, как убедительно показал Г. Маркер, прочно вошел в символику русского абсолютизма еще в Петровское время и в эпоху правления Екатерины I.

Эпизод перехода в православие и обручения концептуален в автобиографическом тексте. В различных вариантах автобиографии можно найти лишь скурые заметки по поводу перехода в православие и в новое качество — невесты наследника российского престола. Это небольшие фрагменты в редакции 1771 г., посвященной графине Брюс, в позднейшей редакции 1794—1796 гг., известной под названием «Собственноручные записки», и редакции конца 1750-х гг., по предположению академика А. Н. Пыпина, предназначенной Станиславу-Августу Понятовскому. Самым обстоятельным образом обращение в православие описано в редакции 1771 г. В ней автор останавливается на подготовке к обращению, упоминая о своем старании произносить правильно Символ веры по-русски, избегая украинского акцента, о догадках в связи с выбором крестной матери и решении императрицы Елизаветы по этому поводу. Сам обряд описан довольно немногословно:

«Когда меня одели, я пошла к исповеди и, как только настало время идти в церковь, императрица сама зашла за мной; она заказала мне платье, похожее на свое, малиновое с серебром, и мы прошли торжественным шествием в церковь через все покои среди нескончаемой толпы. У входа мне велели стать на колени на подушке. Потом императрица приказала подождать с обрядом, прошла через церковь и направилась к себе, оттуда через четверть часа вернулась, ведя за руку игуменью Новодевичьего монастыря, старуху по крайней мере лет восьмидесяти, со славой подвижницы. Она поставила ее возле меня на место крестной матери, и обряд начался. Говорят, я прочла свое исповедание веры как нельзя лучше, говорила громко и внятно, и произносила очень хорошо и правильно; после того, как это было кончено, я видела, что многие из присутствующих заливались слезами и в числе их была императрица; что меня касается, я стойко выдержала, и меня за это похвалили. В конце обедни императрица подошла ко мне и повела меня к причастию» (РТ—Б. С. 49—50).

отмечают ряд ученых, исследовавших политические сценарии русского двора. См.: *Thyrêt I. Between God and Tsar. : Religious symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. De Kalb, 2001. P. 147; Marker G. Imperial Saint. P. 15* и др.

Следуют подробности о полученных подарках, мимоходом упоминается обручение с великим князем («...мать повела меня к императрице, где мы нашли великого князя. Е. И. В. вышла из своих покоев с большой свитой и отправились пешком в собор, где я была обручена великому князю архиепископом Новгородским, принявшим накануне от меня исповедание веры, и там в церкви, тотчас после обручения, я получила титул великой княгини с наименованием — императорского высочества» (РТ—Б. С. 50). Больше внимание, однако, уделяется интригам в связи с прибавлением определения «наследница» в указе Сената относительно титулов. В дальнейшем довольно подробно идет рассказ о составлении двора.

В позднейшей редакции описание события еще лаконичнее. Обо всем упоминается всего в нескольких строчках:

«Вернувшись с великим князем в Москву, мы с матерью стали жить более замкнуто; у нас бывало меньше народу, и меня готовили к исповеданию веры. 28-е июня было назначено для этой церемонии и следующий день, Петров день, для моего обручения с великим князем <...>. В июле месяце императрица праздновала в Москве мир со Швецией, и по случаю этого праздника она составила мне двор, как обрученной русской великой княжне...» (РТ—СРЗ. С. 215).

В автобиографическом фрагменте 1750-х гг. эпизод обращения в православие более сходен с его концепцией в ранней редакции. Сообщаются некоторые подробности, и только в нем идет речь о получении нового имени:

«За день до Петрова дня я прочла свое исповедание веры и приняла святое причастие в общей придворной церкви, в присутствии неисчислимой толпы народа: я прочла на русском языке, которого даже не понимала, очень бегло и с безукоризненным произношением 50 листов в четвертку, после чего прочла наизусть Символ веры; архиепископ Новгородский и настоятельница Девичьего монастыря, со славой подвижницы, были моими восприемниками; мне дали имя, которое я теперь ношу, исключительно по той причине, что то, которое я имела, было ненавистно из-за козней сестры Петра Великого, которая носила такое же» (РТ. С. 479).

Гораздо обстоятельнее описано шествие в церковь («между гвардейскими полками, которые были расставлены шпалерами») и церемония обручения («на возвышении среди церкви, покрытое бархатом, где архиепископ Амвросий нас обручил, после чего императрица обменяла кольца...») (РТ. С. 480), пушечные салюты, торжества, бал. Сообщаются также бытовые факты, входящие в резкий диссонанс с возвышенностью происходящего, — о сто-

имости колец, о претензии самовлюбленной матери мемуаристки на более почетное, чем положено, место в церемонии, о «привилегиях» в танцах и пр.

Наличие такого эпизода в двух основных редакциях мемуаров и в раннем автобиографическом этюде говорит о значении, которое императрица придавала этому ответственному моменту своей жизни. Именно в этот момент она делает важнейший шаг в стремлении преодолеть свою чуждость новой родине, прилагая значительные усилия. Наряду с упорными занятиями русским языком,²⁶ едва не стоившими жизни юной героине, интересом к обычаям и поведению русских, желанием быть во всем, как они, церемония перехода в православие заканчивает инициацию героини в русское пространство, создание ею новой родины. Очевидно, это была особо важная церемония и в жизни других великих княгинь — иностранных невест наследников российского престола, членов царствующей фамилии. Судя по сообщаемым Екатериной сведениям, это были торжественные и пышные церемонии, свидетельствовавшие о высокой значимости церемониала в жизни русского двора. Описание достойного поведения и самообладания юной героини во время церемонии поддерживало имидж мемуаристки как носительницы высоких моральных качеств.

Что же касается интерпретации этого эпизода в различных редакциях, то надо отметить, что в движении от более экстенсивного рассказа, полного всевозможных подробностей, имен и пр., к лапидарному упоминанию обстоятельств сказывается часто применяемый Екатериной прием в автобиографическом повествовании. Такой же прием прослеживается в ее переписке, в которой часто об особенно важных вещах упоминается как будто мимоходом, часто одной и реже двумя—тремя фразами. Это на фоне обстоятельных отчетов о комнатных собачках, обсуждении сюжетов картин, рассказах о строительстве зданий и незначительной светской болтовне. Императрица старательно устраняет из автобиографического рассказа то, что могло бы повредить желаемым внушениям. В первых двух по времени редакциях подчеркивается роль императрицы Елизаветы Петровны, проявляющей свою благосклонность и демонстрирующей своеобразную преемственность с будущей невесткой — она сама ведет принцессу

²⁶ Кстати, усердие великой княгини было доведено до сведения публики. В «Санкт-Петербургских ведомостях» (1744. № 25. С. 198) было сообщено, что «молодая принцесса показывает великую охоту к знанию русского языка и на изучение оногo ежедневно по несколько часов употреблять изволит...» (Сб. РИО. Т. 7. С. 26).

в храм, сама находит достойную и почитаемую крестную мать, дарит будущей невестке платье, сшитое из такой же материи, как ее собственное (тут же вспомним ревность Елизаветы по поводу конкурирующих нарядов других дам, хорошо описанную самой Екатериной в мемуарах). Фигура же крестной матери со славой подвижницы предполагает духовное наставничество в новой вере, подчинение авторитету почитаемой в обществе особе. Концепция *self-made women* в поздней редакции автобиографии приводит к тому, что автор устраняет, как это происходит и в случае с образом наставника графа Гюлленборга,²⁷ присутствие авторитетов и ставит акцент на собственной личности, не пускаясь в лишние подробности.

Следует, однако, обратить внимание на факт, что во всех рассматриваемых редакциях в центре внимания стоит обручение, а не сама свадьба. В автобиографическом этюде есть упоминания о том, что день свадьбы приближается, но мемуаристка вообще не описывает самого события. В редакции, посвященной графине Брюс, эпизод свадьбы является финальным, на нем текст первого варианта автобиографии обрывается. Он является довольно обширным и исчерпывающим, занимает две-три страницы. В редакции текста, посвященной барону Черкасову, начала 1790-х гг. повествование начинается днем после свадьбы. В редакции 1771 г. мемуаристка сообщает всевозможные детали, связанные с ее внешним видом, — типично по-женски она вспоминает перипетии с прической, платье, поведение разных лиц и пр.

В «Собственноручных записках», следуя установившейся манере повествования, автор отказывается от описания события. Вся церемония, бесспорно составлявшая интерес для любого читателя, сосредоточена в одном коротком и сухом предложении: «Свадьба была отпразднована с большой пышностью и великолепием» (СРЗ. С. 236). Сама рубрика «Свадьба» в последней редакции занимает 5-6 строчек печатного текста. В отрывке акцент ставится на недобром предчувствии несчастного замужества, но и на уверенности в том, что именно ей предстоит стать владычицей своей новой родины:

«Из Петергофа к концу июля мы вернулись в город, где все приготовлялось к празднованию нашей свадьбы. Наконец, 21 августа было назначено императрицей для этой церемонии. По мере того как этот день приближался, моя грусть становилась все более и более глубокой, сердце не предвещало мне большого счастья, одно честолюбие меня поддерживало; в глубине души у меня было что-то, что не позволяло мне сомневаться ни минуты в том,

²⁷ Там же.

что рано или поздно мне самой по себе удастся стать самодержавной русской императрицей» (СРЗ. С. 236).

Эти предчувствия вписываются в две главные сюжетные линии мемуаров — описания несчастного замужества мемуаристки и старательной ее подготовки к своему великому предназначению. Однако, если обратиться к более общему фону перемен, произошедших в рассматриваемый период жизни автора, надо вспомнить и о принятии нового имени, так и оставшемся «за кадром». Предпочтение эпизода обручения эпизоду свадьбы прочитывается на фоне вопроса о новом имени, в биографии мемуаристки связанного и с приобретением ею нового статуса.

В цитированных отрывках обращает также на себя внимание повторяющееся упоминание даты обручения — Петрова дня. Событие действительно имело место в день именин наследника престола, но императрица услужливо «вспоминает» лишь такие подробности, которые могли бы вписаться в позднейшие сценарии ее жизни. Не надо забывать, что именно в Петров день восемнадцать лет спустя, пользуясь праздником, она совершит свой решительный шаг к власти. Подобным образом, кстати, воспользовалась именинами своей матери Елизавета Петровна: «Восшествие Елизаветы на престол было тщательно спланировано и хорошо организовано (*choreographed*). Вечером 24 ноября 1741 года царица Елизавета Петровна присутствовала на службе по случаю дня св. Екатерины, хорошо зная, что пока она на коленях молится покровительнице своей матери, совершается переворот, который должен был возвести ее на престол на следующий же день».²⁸

Как уже было упомянуто, Екатерина II отмечает в черновом варианте 1750-х гг., предположительно предназначавшемся Понятовскому, желание Елизаветы воспроизвести в великокняжеской чете имена своих родителей. Г. Маркер комментирует богатую символику акта повторения имен Петра и Екатерины: «Не имея официального супруга и легитимных потомков, она ритуально воспроизвела своих собственных предков, как бы разыгрывая символически роды девы. Это было единство супруга и супруги, императора и императрицы, Петра и Екатерины, от которых Елизавета выводила свое собственное происхождение и свою способность управлять и которое она режиссировала при женитьбе своего племянника, нового Петра на новой Екатерине».²⁹ Обручение с империей — основная идея, заложенная в ритуале самой Елизаветой,³⁰ была отлично понята Екатериной II и воплощена

²⁸ *Marker G. Imperial Saint. P. 215.*

²⁹ *Ibid. P. 217.*

³⁰ *Ibid.*

ею в автобиографии. Очень интересно взглянуть с этой точки зрения на широкое использование мотива несчастного брака в мемуарах. Брак с империей — это то, что непостижимо на земле и возможно только на небесах. Эта мысль лежит в основе главной сюжетной линии мемуаров, это та цель, во имя которой можно вытерпеть все: интриги, сплетни, неудовольствие императрицы, причуды и враждебность супруга, рисковать и делать роковые ставки, вести в течение восемнадцати лет «такую жизнь, что десяток иных могли бы сойти с ума, а двадцать на моем месте умерли бы с горя» (Ч. С. 93). Об этом повествовательница упомянула в редакции, посвященной графине Брюс: «...я с моего приезда в империю была глубоко убеждена, что венец небесный не может быть отделен от венца земного» (РТ—Б. С. 45). Брак с империей — это цель жизни юной немецкой принцессы: «...он [великий князь. — А. В.] был для меня безразличен, но не безразлична была для меня русская корона» (РТ—СРЗ. С. 214).

Екатерина II продолжила дело своей предшественницы (и наставницы, у которой она, несмотря на амбивалентное и порой неласковое отношение, многому научилась). Она поддерживала и развивала в дальнейшем культ св. Екатерины и широко использовала основанный Петром орден, применяя и то и другое в «сценариях» своей власти. Кроме того, она потрудилась создать свой «культ», «св. Екатерины Петербургской», как в шутку, но чтобы польстить, называет ее Вольтер, пользуясь не только русскими интерпретациями образа святой, но также и своим имиджем среди западноевропейских просветителей,³¹ то есть она творила свое имя.

Помимо эпизода обручения, в концепции автобиографического образа можно найти соответствие еще с одним эмблематическим сюжетным мотивом жития св. Екатерины. Это любовь к знанию и чтению.

Наиболее актуальным по времени вариантом по отношению к автобиографическому тексту императрицы было житие св. Екатерины в интерпретации Димитрия Ростовского. Как отмечает Г. Маркер, «когда во второй половине петровского царствования клерикальные панегиристы взялись за изобретение нового и более имперского культа св. Екатерины, сочинения Димитрия, которые сами содержали несколько панегириков, предоставили им плодотворное и политически неопровержимое основание, на

³¹ Можно вспомнить еще одну черту из международной репутации императрицы, которой она гордилась как свидетельством своей просвещенности и прогрессивности: оспопрививание. В тексте публичной жизни владительницы оно в какой-то степени соответствует культу св. Екатерины как целительницы. Известно, что многие верующие, и особенно женщины, молятся святой, надеясь исцелиться.

котором можно было сконструировать политическую агиографию». ³² Исследователь обращает внимание на то, что Димитрий Ростовский, первый канонизированный в 1757 г. Синодом русский святой, умер в 1709 г., задолго до того, как будущая Екатерина I была публично коронована, поэтому его работы не подвергались унижительному подозрению, что были написаны под политическим диктатом. ³³

Основные мотивы жития св. Екатерины в варианте Димитрия Ростовского — знатное происхождение, высокий интеллект, обручение с Христом, способность победить мужчин в философском диспуте, а также сила, храбрость, мужество, даже рыцарство и черты девы-воина — качества, отличающие образ этой святой, ³⁴ — прочно вошли в имперский сценарий Петра Великого в связи с мифологизацией личности его супруги — императрицы Екатерины I. Эти традиционные и привнесенные Димитрием Ростовским качества святой входят также в символику ордена св. Екатерины.

Екатерина II не только хорошо знала житие своей покровительницы и символику ордена, который она присуждала заслуженным дамам империи. Она вводит отсылки к одному из популярнейших в то время житий в своей автобиографии, отказываясь при этом от эксплицитно выраженных аналогий, так же как отказалась от слишком упрощенного утверждения в черновом этюде мемуаров о том, что императрица Елизавета Петровна хотела повторить в великокняжеской чете имена своих родителей. В то же самое время концепция собственного образа в автобиографии отсылает к основным эпизодам жития св. Екатерины. Все это не противоречит высказанным ранее тезисам о романном дискурсе в автобиографии императрицы. Черты, введенные в собственный образ в соответствии с житием, сочетаются с мотивами, которые можно рассматривать как заимствованные из западноевропейского романа того времени. Именно через мотивы, взятые из жития, можно объяснить специфику использования некоторых романских мотивов.

Сама концепция образа мемуаристки как «мудрой девы» на протяжении первых лет ее пребывания в России, рыцаря в душе, сочетающей женскую привлекательность и мужскую смелость и ловкость, находит соответствия в образе ее небесной покровительницы в интерпретации Димитрия Ростовского.

Самое большое сходство, однако, которое сразу же бросается в глаза, — это высокая образованность, любовь к книгам, преи-

³² Marker G. Imperial Saint. P. 105.

³³ Ibid. P. 106.

³⁴ Ibid. P. 115—118, 120.

мущество перед многими мужчинами просвещенной Екатерины — как святой, так и царственной обладательницы этого имени.

«Во времена нечестивого царя Максимиана бѣ во градѣ Александрии дѣвица именем Екатерина, дочь Консты, прежняго царя, зѣло красна, возрастом высока, осьмнадцать лѣтъ имущая, зѣле премудра, научися бо всякому еллинскому писанию, навъче мудрости всѣх древних книготворцев: Омира, Виргилия, Аристотеля, Платона и прочих. Не токмо философов, но и врачей книги добрѣ увѣда: Асклипиа, Ипократа, Галина, и просто речи, всему риторскому и силлогистическому мудрованию и всякому речению и языку изучися, яко всѣм дивитися премудрости ея».³⁵

Начало жития в интерпретации Димитрия Ростовского вызывает в памяти репертуар «серьезного чтения» мемуаристики, глотавшей от скуки кучи романов, но *читавшей* и внимательно штудировавшей произведения не только древних, но и прежде всего современных «мудрецов»: П. Бейля, Вольтера, Монтескье. Это и объясняет факт отсутствия романских заглавий в тексте мемуаров при всем значительном присутствии романной топики в них. Напомню, что упоминается всего лишь одно романное заглавие, да и то не слишком известного романа — «Tiran le blanc», да еще какой-то «Espion Turk» (РТ—Ч. С. 118). Сюжеты этих книг, однако, «идеологически корректны» и соответствуют одному из главных аспектов внешней политики Екатерины — стремлению к взятию Константинополя и так называемому Греческому проекту, поскольку первое описывает подвиги рыцаря, участвовавшего во взятии византийской столицы.

В автохарактеристиках, введенных императрицей, следует обратить внимание на упоминание возраста св. Екатерины. Ей было всего восемнадцать лет от роду, когда она в совершенстве изучила творения всех языческих писателей и всех древних стихотворцев и философов, как например Гомера, Вергилия, Аристотеля, Платона и других. Перед царем Максимином святая заявляет: «Аз есмь дочь царя, прежде тебе бывшаго, нарицаюся Екатерина, научена же есмь всему художеству, писменем риторским, философским, землемѣрию и прочым премудростям». Юная великая княгиня Екатерина примерно в том же возрасте по внушению графа Гюлленборга³⁶ стала заниматься развитием своего ума и читать «Жизнеописания» Плутарха, «Жизнь Цицерона» и «Причины величия и падения римской республики» Монтескье. Примерно в том же возрасте с огромным терпением и настойчивостью одо-

³⁵ *Свт. Димитрий Ростовский*. Книга житий святых. Книга первая: сентябрь, октябрь, ноябрь. Киево-Печерская лавра, 1764. Л. 454.

³⁶ См.: *Вачева А.* Ментор и принцесса. С. 199—207.

левала она четыре толстейшие тома «Словаря» Бейля, как гордо сама заявляет, по одному в полгода. Тут можно добавить целый ряд исторических и философских сочинений различных времен, пятитомную «Историю путешествий», читаемую «с картой на столе» и первые тома «Энциклопедии», согласно черновому плану записок (РТ. С. 464). Юность и ученость героинь, превосходящих своими познаниями многих своих современников, — общий мотив, который удачно используется императрицей.

С точки зрения мотива «мудрой девы» несколько по-другому можно подойти и к мотиву неконсуммированного брака на протяжении первых девяти лет замужества в автобиографии. По житию, св. Екатерина отказывается выйти замуж, пока не найдется достойный жених, который был бы равным ей по своим качествам. «Аще хотите, да посягну за мужа, то обрящѣте ми такового юношу, да будет подобен мнѣ в четырех дарованиях, имиже аз (якоже сами исповѣдуете) превосхожду вся прочыя отроковицы, и тогда взятии его в мужа изволю, понеже недостойнѣшаго мене и худдшаго пояти не хошу: испытуйте убо повсюду, аще будет кто подобен мнѣ во благородии, в богатствѣ, в красотѣ, в премудрости».³⁷ Святая требует равного себе мужа прежде всего по знаниям и интеллекту: «...без книжнаго жениха имѣти не изволю».³⁸ Если всмотреться внимательно в автобиографический текст, то можно увидеть отсылки и к этому мотиву. Великий князь Петр Федорович и во всех редакциях екатерининских мемуаров, и в воспоминаниях других современников — далеко не идеальный жених. В позднейшей редакции автобиографии он иллюстрирует своим поведением антитезу, отрицательный полюс, в предложенном в начале повествования силлогизме. В тексте автобиографии во всех редакциях проводится устойчивый мотив противопоставленности супругов, крайней их несовместимости, диаметрально противоположных интересов, характеров. Причем с течением времени в различных вариантах текста старательно устраняются мотивы, которые могли бы быть истолкованы неоднозначно: о наличии известной симпатии между ними в юности, о кое-каких общих интересах и переживаниях. Мемуаристка нигде не пропускает возможности подчеркнуть добродетельность своего поведения, положительные качества, рыцарское благородство и мужественное поведение в сложных и щекотливых ситуациях, свое преимущество перед супругом даже в физической выдержке (мотив амазонки³⁹) и ловкости. Таким об-

³⁷ *Свт. Димитрий Ростовский*. Книга житий святых. Л. 454.

³⁸ Там же.

³⁹ См.: *Вачева А.* «...Я страшно люблю верховую езду»: Топос амазонки в автобиографии Екатерины II // *Болгарская русистика*. 2005. № 3—4. С. 48—59.

разом, автор мемуаров в рассказе о своей молодости делает постоянный идеологический акцент, цель которого — представить ее историю до восшествия на престол как длительную терпеливую, полную испытаний, но вполне осознанную и режиссированную ею одной подготовку к трону и своей миссии. Мотив сохранения девства, непорочности, во время интеллектуального развития (на протяжении девяти! лет) соответствует аналогичному мотиву из жития небесной покровительницы. Само же «грехопадение», свою первую любовную историю, Екатерина представляет как результат соблазна, пользуясь романной «маской»⁴⁰ и отказываясь от модели чистосердечного признания. Мемуарный рассказ оставляет впечатление пережитой, но не прощенной до конца горечи от осознания себя жертвой придворной интриги и предательства возлюбленного. Обманутая и преданная непорочность и в то же время испытание силы характера — это дополнительный мотив, который можно добавить к интерпретации рассматриваемого эпизода мемуаров.

Екатерина II писала, однако, не свое житие, а автобиографию. Реалистичность и житейский прагматизм, свойственные ее мышлению, сделали невозможным идеальный житийный образ страстотерпицы. Автобиографический образ чужд мистике, экзальтации. Тем не менее она удачно пользовалась в создании автобиографического рассказа известными мотивами популярнейшего в ее время религиозного культа св. Екатерины, своей покровительницы, которые к тому времени и не без ее участия прочно вошли в политическую символику, активно использовавшуюся русским двором. Сюжетные мотивы, соотносимые с житием св. Екатерины, хорошо сочетались с рационально и мастерски подобранными романскими мотивами, а также бесконфликтно укладывались в метафорический язык государственных посланий. В автобиографическом рассказе мотивы, заимствованные из религиозного текста, и мотивы, заимствованные из арсенала романной поэтики, становились средствами создания мифологии собственной личности императрицы, которыми она стремилась дополнить бытовавшие в общественном пространстве не только России, но и Европы положительные представления о своей личности и если не устранить, то хотя бы уменьшить и нейтрализовать накопленную отрицательную мифологию. Таким образом, Екатерина II «строила свое имя» не только в жизни, но и в автобиографии.

⁴⁰ См.: *Вачева А.* «Не судите обо мне, как о других женщинах...»: Мемуары Екатерины II и «Письма мисс Фанни Батлер» г-жи Риккбони // Новое литературное обозрение. 2006. № 80. С. 111—130.

А. Ю. ВЕСЕЛОВА

ПЕРЕПИСКА А. Т. БОЛОТОВА С Н. Е. ТУЛУБЬЕВЫМ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИСТОЧНИК

В предисловии к мемуарам Андрей Тимофеевич Болотов объяснил выбор эпистолярной формы так: «...что принадлежит до расположения описания сего образом писем, то сие учинено для того, чтоб мне тем удобнее и вольнее было рассказывать иногда что-нибудь и смешное».¹ На первый взгляд такое объяснение кажется удовлетворительным. Вместе с тем обращение к эпистолярному наследию автора показывает, что болотовский тезис требует как минимум комментария. В данной статье предпринята попытка понять, что именно Болотов перенес в мемуары из реальной эпистолярной практики, а также из какой именно. На протяжении всей жизни он писал довольно много писем: родственникам, друзьям, знакомым, а также различным корреспондентам, связанным с ним какой-либо деятельностью, например издательской или в Вольном экономическом обществе. О большей части этих писем известно с его собственных слов, то есть из мемуаров, сами документы до нас не дошли. Виной тому, скорее всего, не сам Болотов, а такие обстоятельства, как «небрежение потомков» или «прожорливость крыс», потому что он относился к своей переписке более чем бережно. В болотовских архивах есть несколько образцов такого добросовестного отношения к своему эпистолярному наследию, показывающего, что он не только переплетал, но даже переписывал собственные письма и ответы на них. В качестве примера можно привести переписку с дальним родственником Н. С. Арцыбышевым (1808—1809),² или сборник

¹ Жизнь и приключения Андрея Болотова, написанные самим им для своих потомков. СПб., 1870. Т. 1. Стб. 2.

² Переписка двух родственников, не знающих друг друга лично // РО БАН. Собр. 69. № 395.

избранных писем и фрагментов писем от сына и внуков (1825).³ До нас дошло много писем к сыну и от сына, вероятно, сохранил их сам Павел Андреевич (отчасти они включены в мемуары за период с 1789 по 1790 г.).

Как известно, главы болотовских мемуаров имитируют дружескую переписку и начинаются с обращения «любезный приятель», поэтому в первую очередь имеет смысл сопоставить записки именно с дружеской перепиской. Образец такой переписки сохранился и относится к довольно раннему времени, то есть периоду военной службы Болотова в Семилетнюю войну, а точнее, к периоду его службы переводчиком в Канцелярии русского губернатора Восточной Пруссии в Кенигсберге. Там Болотов познакомился с неким лейтенантом флота Николаем Еремеевичем Тулубьевым. Р. М. Лазарчук удалось выяснить некоторые сведения о нем — это был дворянин 1735 г. р. (на 3 года старше Болотова), в 1755 г. окончил Морской кадетский корпус мичманом.⁴ Вот что пишет о Тулубьеве Болотов: «Он был человек еще молодой, однако несколькими годами меня старше, и, как всякому морскому офицеру свойственно, нарочито учен и во многом столь сведущ, что можно было с ним всегда о многих вещах с удовольствием говорить. Но все сие не сдружило бы нас с ним так много и так скоро, если б не случилось у обоих нас нравы и склонности во всем почти одинакие и такая между обоими нами натуральная симпатия, что мы с первого почти свидания полюбили друг друга, а чрез несколько дней так сдружились и так сделались коротки, как бы ближние родные».⁵ Вскоре Тулубьева перевели в Мемель и между ним и Болотовым завязалась переписка, которая длилась как минимум полгода: с октября 1760 по март 1761 г. За этот период Болотовым было написано 27 писем. В разных частях мемуаров Болотов дает разные объяснения тому факту, что переписка прервалась. В одном месте он пишет, что получил предписание отправляться в полк и прервал переписку.⁶ В другом — что Тулубьев ушел в море.⁷ Имеющиеся письма обрываются так, как будто никакого договора о прекращении переписки не было, то есть последнее письмо не выглядит таковым. Сохранились только письма Болотова Тулубьеву. Со слов

³ Любопытная переписка между ближайшими родственниками. Ч. II // РО ИРЛИ. Ф. 89. Ед. хр. 28.

⁴ Лазарчук Р. М. Роман Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» в контексте писем А. Т. Болотова Н. Е. Тулубьеву // Карамзинский сборник : Россия и Европа : Диалог культур. Ульяновск, 2001. С. 168.

⁵ Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 1. Стб. 996.

⁶ Там же. Т. 2. Стб. 46.

⁷ Там же. Т. 1. Стб. 997.

Болотова, Тулубьев «вскоре умер» и перед смертью приказал вернуть письма их автору. Установить время, когда это произошло, пока не удалось. Болотов в мемуарах несколько раз упоминает об утрате своих книг и бумаг за период военной службы. Можно предположить, что тогда же были утрачены письма Тулубьева, а свои собственные письма Болотов получил позже, после отставки. Впрочем, нельзя не отметить, что интерес к собственной персоне у Болотова был достаточно высок и образцы собственного творчества он хранил с большим тщанием. Некоторые фрагменты болотовских писем готовились к публикации в журнале «Русская старина», сохранилось написанное М. И. Семевским предисловие к ним. В научный оборот эти письма ввела Р. М. Лазарчук в своей кандидатской диссертации о дружеской переписке XVIII в.⁸

Письма Болотова Тулубьеву дошли до нас в двух вариантах. Первый источник — это 27 писем из архива редакции журнала «Русская старина», куда они были присланы тульским помещиком А. И. Цвилленевым в 1872 г. по запросу М. И. Семевского.⁹ Письма написаны на бумаге голландского производства 1750—1760-х гг.¹⁰ формата in quarto и переплетены в бумагу с водяным знаком 1800 г.¹¹ Все письма датированы и пронумерованы, расположены в хронологической последовательности. В письмах с 1 по 10 приписана другой рукой дата получения. Тетрадки, сшитые в общую тетрадь, разной толщины, на стыке двух сложенных листов в углу расположены значки перехода (звездочки, стрелы, цветочки, встречаются также птичка и зайчик). Все это подтверждает, что перед нами именно те письма, которые Болотов получил назад после смерти своего друга.

Второй источник представляет собой сборник из 15 писем¹² в картонном переплете с кожаным корешком, на котором стоит оттиск «ПИСМА 1760» и красным обрезом. Бумага формата in

⁸ Лазарчук Р. М. Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.

⁹ Письма А. Т. Болотова Н. Е. Тулубьеву (РО ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 29. 175 л.). Далее цитаты из писем по этому источнику даются в тексте с пометой «ИРЛИ» и указанием листа.

¹⁰ Филигрань «Pro Patria», литеры GR и J. Honig and Zoon. См.: Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII—начала XX века. М., 1978. № 1044—1049.

¹¹ Именно в этом году Болотов приступил к написанию той части мемуаров, которая касается его службы в Кенигсберге и дружбы с Тулубьевым. Поэтому логично предположить, что он обращался к этим письмам для создания записок и поэтому заново переплел их.

¹² Болотов А. Т. Письма к разным лицам. 1760 г. (РО РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 110. 85 л.). Далее цитаты из писем по этому источнику даются в тексте с пометой «РНБ» и указанием листа.

quarto, предположительно литовского производства 1750-х гг.¹³ В книге содержатся письма с 4 октября 1760 по 30 декабря 1760 г. Все они датированы и пронумерованы, расположены в хронологической последовательности. Часть этих писем (с 5-го по 7-е и с 9-го по 15-е) повторяет первые десять писем Тулубьеву из архива ИРЛИ. Кроме того, в книге содержатся письма сестре Марфе Тимофеевне Травиной (2-е письмо), ее мужу, болотовскому зятю Андрею Федоровичу Травину (1-е письмо), дяде Матвею Петровичу Болотову (8-е письмо), а также некому «господину Ч.» (4-е письмо)¹⁴ и «секретарю Н. С. С.» (3-е письмо), который, судя по содержанию, обещал быть посредником в переписке с Ч., то есть передавать ему письма. Этот источник дает возможность установить, какую еще переписку вел Болотов. Письмо к Ч. по стилю и содержанию немного похоже на письма к Тулубьеву. Из этого письма можно понять, что Болотов уже получил от своего приятеля письмо, но задержался с ответом. Вероятно, эта попытка завести дружескую переписку в итоге оказалась неудачной, но она свидетельствует о том, что Болотов в принципе к этому стремился.

Различия в письмах к Тулубьеву в двух тетрадах в целом незначительные и в основном сводятся к перестановке и несущественной замене отдельных слов, что можно проиллюстрировать на следующем примере (разночтения выделены полужирным шрифтом):

ИРЛИ. Письмо № 1

Государь мой <зачеркнуто: Николай Еремеевич>

Вы обманывались, думая, что корреспонденция наша зачнется вашим письмом, как говорили вы прежде вашего отъезда. Нерадив бы был приятель ваш и худо бы познавал цену того дружества, которым

РНБ. Письмо № 1 к Н. Е. Кенигсбергу ноября 16 д. 1760

Гдрь мой Н. Е.

Вы обманывались, думая, что корреспонденция наша зачнется вашим письмом, как говорили вы прежде вашего отъезда. Нерадив бы был приятель ваш и худо бы познавал цену того дружества, которым

¹³ Точного соответствия в справочниках по филиграням на бумаге XVIII в. установить не удалось, но сходные по рисунку филигранные изображения с изображением прусского орла с ключом, цепью и литерами DK в лапах, а также литеры IFA и IFHM встречаются на бумаге литовского производства 1750—1770-х гг. См.: *Laucevicius E. Popierius Lietuvoje XV—XVIII a. Atlasas*. Vilnius, 1967. № 265, 269, 297, 300, 310, 314, 2404, 2845.

¹⁴ Анализируя именной указатель к мемуарам Болотова на литеру «Ч», с учетом содержания письма, из которого следует, что его адресат служил вместе с Болотовым и происходил из близких мест, можно предположить, что это Иван Егорович Челищев, поручик, впоследствии советник Тульской уголовной палаты.

удостоили вы его **толь** в короткое знакомство, **если** б преминул того, которого принудило его не знаю что с самого первого свидания высокопочитать и стараться приобрести благосклонность, которой нимало не посумнился принять его в число своих приятелей и который тому несколько проб уже оказал, ежели б мог, говорю я, преминуть поздравить его с благополучным приездом. По крайней мере **того** я уповаю и не смею себе вообразить, чтоб какое-нибудь нещастие могло вам на сей короткой поездке приключиться, ибо про **такое что** никогда слуху моему не можно будет слышать без чувствительнейшей печали. Итак, полагаю я, что **Всевышний** защитил вас от всех противных случаев и **доставил до места** в радости. Куда желал бы я, чтоб поздравление мое с благополучным вашим приездом было первое, которое вы услышите. Но что нужды? Хотя б оно и не такое было: довольно, что оно есть **самое искреннейшее** и происходящее от сердца, которое вам предано. Правда, охотно б хотел я, и тысячу бы раз для меня приятнее было, если б такие поздравления вам чинить мне нужды не было.

Но что делать, когда отняли вас неотвратимые обстоятельства **от нас** и лишили меня удовольствия пользоваться присутствием вашим. Но тщетно будет жаловаться о том, чего отвратить не можно, лучше повиноваться времени, чему следуя, обнимаю в мыслях вас, любезный приятель, и желаю, чтобы не только все минуты пребывания вашего в Мемеле вам приятны были, но чтобы каждая и новую радость приносила. Не менее ж бы желал, чтобы некоторые из них и того на мысль вам приводили, который, искреннейшее к вам высокопочитание имея, за великое щастие себе ставит вам другом называться, и сие драгоценнейшее имя

удостоили вы его **столь** в короткое знакомство, **ежели** б преминул того, которого принудило его не знаю что с самого первого свидания высокопочитать и стараться приобрести благосклонность, которой нимало не посумнился принять его в число своих приятелей и который тому несколько проб уже оказал, ежели б мог, говорю я, преминуть **он** поздравить его с благополучным приездом. По крайней мере **сего** я уповаю и не смею себе вообразить, чтоб какое-нибудь нещастие могло вам на сей короткой поездке приключиться, ибо про **таковой случай** никогда слуху моему не можно будет слышать без чувствительнейшей печали. Итак, полагаю я, что **вышний** защитил вас от всех противных случаев и **до места доставил** в радости. Куда желал бы я, чтоб поздравление мое с благополучным вашим приездом было первое, которое вы услышите. Но что нужды? Хотя б оно и не такое было: довольно, что оно есть **самоискреннейшее** и происходящее от сердца, которое вам предано. Правда, охотно б хотел я, и тысячу бы раз для меня приятнее было, если б такие поздравления вам чинить мне нужды не было.

Но что делать, когда отняли вас неотвратимые обстоятельства и лишили меня удовольствия пользоваться присутствием вашим. Но тщетно будет жаловаться о том, чего отвратить не можно, лучше повиноваться времени, чему следуя, обнимаю в мыслях вас, любезный приятель, и желаю, чтобы не только все минуты пребывания вашего в Мемеле вам приятны были, но чтобы каждая и новую радость приносила. Не менее ж бы желал, чтобы некоторые из них и того на мысль вам приводили, который искреннейшее к вам высокопочитание имея, за великое щастие себе ставит вам другом называться, и сие драгоценнейшее имя поситъ величайшим

носить величайшим удовольствием
имея, всегда того достойным де-
латься и быть не преминет

удовольствием имея, всегда того
достойным делаться и быть не пре-
минет

Вашим покорнейшим слугою

вашим и проч.

<подпись зачеркнута>

Кенигсберг

Ноября 16 дня

Есть основания предполагать, что соотношение этих источников следующее. Сначала писались письма из архива ИРЛИ, которые потом были отправлены, дошли до адресата, после его смерти вернулись к Болотову и были позднее переплетены. Но перед отправкой эти письма переписывались в готовую, заранее сшитую из равных по объему тетрадок, книгу.¹⁵ Почерк в книге из архива РНБ четче,¹⁶ рукопись оформлена виньетками и заставками, все страницы заполнены, на последней рисунок карандашом на полстраницы: гроза, туча из которой бьют молнии, над тучей солнце, и большая птица летит к солнцу, внизу фигурка человека с ружьем или с палкой наперевес. В этой книге имена и слова «господин» и «государь» сокращены, нет подписей под письмами, что лишний раз подтверждает, что эти письма не отправлялись. Показательна сноска-комментарий под звездочкой в 7-м письме (3-м из адресованных Тулубьеву). Она дана к упоминанию некоей Мемиски, которой Болотов периодически передавал привет. Из контекста не понятно, что это за существо женского пола, можно предположить, например, что это какое-то домашнее животное или певчая птица. Но сноска, отсутствующая в аналогичном письме из архива ИРЛИ, гласит: «Приятель мой, к кому сие письмо послано, будучи здесь в Кенигсберге купил себе табакерку, на которой нарисована была одна женщина, сидящая в унынии в лесочке; между шутками, именовал я ее Меми. С кою и о сей же Мемиске говорю я теперь» (РНБ. Л. 20). Эта сноска могла быть сделана для памяти, но может также свидетельствовать и о предполагаемом стороннем читателе писем. Наконец, последняя часть 4-го письма из архива ИРЛИ, которая была написана в канцелярии в ожидании отправки почты, сокращена в архиве РНБ под заголовком «Екстракт того, что было писано в канцелярии», то

¹⁵ Помимо прочего, это дает представление о свободном времени офицера на канцелярской службе.

¹⁶ В целом белые и черновые рукописи Болотова существенно отличаются почерком: от почти каллиграфического четкого почерка тех рукописных «книг», которые он переплетал и предназначал для чтения другими, до плохо читаемой скорописи набросков «для себя».

есть, вероятно, содержание части отправленного письма было восстановлено по памяти.

Предваряя будущую публикацию отрывков из писем, Семевский дал им весьма исчерпывающую характеристику: «Содержание писем не представляет интереса: известий о современных автору событиях, о войне или описаний пребывания русских в древней столице Бранденбургии¹⁷ — или нет, или очень мало. 28-летний¹⁸ офицер выражает пылкую любовь к своему другу, беспрестанно высказывает это чувство, анализирует его, то благодарит за письма, то дружески пеняет „любезному приятелю“ за его молчание и т. п. Известия, какие попадают в письмах: о балах, маскарадах, лотерее, смене кенигсбергского губернатора Корфа В. И. Суворовым, о рекомендации, какую сделал первый, представляя Болотова своему преемнику, наконец, хлопоты о том, чтобы отделаться от похода и остаться в Кенигсберге («худая стоянка — лучше доброго похода» — говорит Болотов), — все это почти дословно перенесено Андреем Тимофеевичем из этих писем в свою автобиографию, за которую он принял почти тридцать лет спустя <...>. Заметок о прочитанных книгах в письмах Болотова 1760 г. попадает мало, но много общих рассуждений о смерти, «о пресовершеннейшем порядке, который во всей натуре имеется» (стр. 143 рукоп.), о милости и премудрости Творца, о любви и женитьбе (стр. 101 рукоп.), о чувствах при мысли о смерти, о истине (стр. 100 рукоп.) <...> Все это, конечно, имеет некоторый интерес, если вспомнить, что это писал молодой офицер русской армии более ста лет тому назад, почти самоучка и представитель лучшей части тогдашнего служилого дворянства...».¹⁹ Следует сказать, что Семевский действительно перечислил абсолютно все темы, которые составляют содержание писем Болотова. Далее он указывает, что «форма писем 1760—1761 гг. та самая, которую Андрей Тимофеевич принял 29 лет спустя для своей автобиографии, так что без сомнения кенигсбергская переписка и дала образец тем эпистолам к „любезному приятелю“, из которых и состоит жизнеописание нашего автора».²⁰

Замечание по поводу формы справедливо, причем эта форма выработалась в процессе развития заочного общения. Первые два

¹⁷ Ошибка Семевского. Кенигсберг был столицей Восточной Пруссии, столицей герцогства Бранденбургии был Берлин.

¹⁸ Еще одна ошибка. Болотову на момент написания писем было 23 года.

¹⁹ Болотов Андрей Тимофеевич. Отрывки писем к Тулубьеву Николаю Еремеевичу. Копии с примечаниями к ним, опубликованные в «Русской старине» (РО ИРЛИ. Ф. 537. № 43. Л. 8). Несмотря на то что данный архивный документ содержит гранки с корректорской правкой, публикация писем не состоялась.

²⁰ Там же.

письма Болотов написал почти подряд, не дожидаясь ответа и обращаясь к своему другу «Государь мой, Николай Еремеевич». Получив ответ, который он расценил как подтверждение дружеских чувств, с 3-го письма он стал обращаться «Любезный приятель!», причем первый раз такое обращение было снабжено пометой в скобках «(сие имя да будет всегда мое начало)» (ИРЛИ. Л. 6). Такое же обращение «Любезный приятель!» мы видим не только в мемуарах, но и в журнальных публикациях. В 1770—1780-х гг. Болотов издавал два журнала сельскохозяйственного и экономического содержания, в которых большую часть статей писал сам, причем в форме писем. Он придумывал корреспондентов с говорящими фамилиями (например, Садозадов) и в письмах «от издателя» обращался к ним «любезный приятель!».

Но помимо формальных приемов переписка значительно отличается от мемуаров за тот же период. В мемуарах, во-первых, много внимания уделено политике и военным действиям (и здесь Болотов явно пользовался рядом исторических источников), во-вторых, в них много бытовых зарисовок. В письмах всего этого почти нет. Что касается военных действий, то Тулубьев и сам был отчасти в курсе событий (хотя служба в канцелярии давала Болотову некоторые информационные преимущества), кроме того, определенные ограничения могла налагать военная цензура. Но в уходе от бытовых тем заметны личные предпочтения. По меткому замечанию Р. М. Лазарчук, здесь, вероятно, можно наблюдать случай, когда «дружеское письмо как литературный факт было одновременно и отрицанием бытового письма». В приведенной выше цитате из Семевского перечислены все фрагменты, перешедшие в мемуары, их немного, и они воспроизведены почти дословно. Примером может служить сцена представления вновь назначенному губернатору Восточной Пруссии В. И. Суворову.

ИРЛИ. Письмо № 12, л. 71—72

Хотя я и бесспорно уповал, что без рекомендации не останусь, однако же оказанная мне от прежнего губернатора милость превзошла все мои чаяния. Он, возвращаясь из задней канцелярии, нарочно для меня в моей комнате остановился и новому губернатору с следующими словами меня представил: «Сего офицера в особенности вашему превосходительству рекомендую». За сим следовали похвалы малым моим каче-

Записки. Т. 1. Стлб. 34—35

Я хотя нимало не сомневался в том, что не останусь никак без рекомендации от старого губернатора новому, однако оказанная мне от прежнего при сем случае милость превзошла все мои чаяния и ожидания. Он, возвращаясь с ним из задних канцелярских комнат, нарочно для меня в моей комнате остановился и новому губернатору с следующими словами меня представил: «Сего офицера я в особенности вашему

ствам, и могу сказать, что почти все они не только не позабыты, но, по моему мнению, несколько еще преувеличены были. Одним словом, я сам не знал до сего времени, что поведение мое так тонко было ему известно. Состояние мое, в котором я тогда находился, предаю я на собственное ваше представление. А только скажу, что я ту четверть часа, в которую беспрестанно похвалы слышать принужден был, как на огне горел. Вы, любезный приятель, на меня и подивить не можете, что сие причиняло мне немалое удовольствие, а особливо, когда чрез сей случай узнал, какого обо мне все мнения, ибо не только губернатор, но и все прочие с ним бывшие, почти взапуски меня выхвалять старались, а особливо когда чрез то в той правде удостоверен был, что добрые поступки никогда в забвении не останутся, но сами себе рекомендацию сыскивают, ибо могу вам сказать, что об рекомендации просить у меня и на уме не было. Не хорошее ли побуждение для меня к дальнейшему приобретению отчасу множайших совершенств? Не так ли, любезный приятель?

Новый губернатор не успел о имени моем услышать, как спрашивал меня, кто мой отец был. По ответе моему сказывал он, что родителя моего довольно знал, и спрашивал о некоторых, до фамилии нашей касающихся обстоятельств, и у какой я должности, и прочая. На сие последнее мне отвечать и времени не было: тотчас голосов в пять про то сказано было. Ему, как я заключил, было не неприятно о том слышать, а особливо, что я до наук и чтения книг охотник, ибо он и сам тому не неприятель. Коротко, он до такого любопытства доведен был, что не мог преминуть, чтоб не посмотреть, какие у меня на столе книги. И тут-то сожалел я, что почти никаких

превосходительству рекомендую». За сим и пошли исчисления и похвалы всем моим способностям, качествам и добрым свойствам, и могу сказать, что все оне были не только не забыты, но еще и увеличены. Одним словом, я сам не знал до сего времени, что поведение мое было ему так тонко и коротко известно. Состояние, в каком я тогда находился, не могу я никак описать, а только скажу, что всю ту четверть часа, в которую принужден я был слышать себе от всех бывших тут беспрерывные и наперыв друг пред другом производимые похвалы, горел как на огне и сам себя почти не помнил от смешения неожиданности, удивления и удовольствия. Новый губернатор не успел о имени моем услышать, как спросил меня, кто мой отец был. И как я ему сказал, то уверял меня, что он родителя моего знал довольно и спрашивал меня потом о некоторых, до фамилии нашей касающихся обстоятельствах и у какой нахожусь я тут должности. На сие последнее отвечать мне не было времени, ибо тотчас голосов в пять ему было ответствовано и вкупе сказываемо, как я нужен и прилежен, и прочее, и прочее. Сколько казалось, то было ему очень непротивно все сие слушать, а особливо уверения всех о том, что я охотник превеликий до наук, до рисованья и до читанья книг, которые у меня, как они говорили, не выходят почти из рук. Он сам имел к тому охоту, и любопытство его было так велико, что он восхотел посмотреть некоторые лежавшие у меня на столе книги. Тогда сожалел я, что не было тут никаких иных, кроме лексиконов, ибо прочие, все тут бывшие, отослал я на квартиру, и если б знал сие, то мог бы приготовить к сему случаю наилучшие. Со всем тем губернатор и все те пересмотрел и говорил со мною об них

не было, oprичь одних лексиконов. Ибо прочие все отослал я на квартиру, но кто же знал про то, а то бы я нарочно из лутчайших своих книг несколько приготовил. Из некоторых его вопросов мог я заключить, что он в книжном свете не незнакомый, он перебрал все мои книги и со мною про них разговаривал.

столько, что я мог заключить, что он довольно обо всем сведущ.

Среди случаев содержательного расхождения между записками и письмами стоит отметить только два, но и они не очень существенны. Так, с годами, очевидно, изменилась оценка лотереи, в которой Болотов участвовал: Тулубьеву он пишет об этом скорее с иронией, в мемуарах с резким осуждением и самого мероприятия, и своего участия в нем. Другой пример — описание частного бала, который устроили офицеры. В записках опущен тот факт, что на этом балу они разыгрывали роли губернатора и генералов, вероятно, со временем эта шалость перестала казаться Болотову забавной.

В целом следует признать, что письмам Болотова, по выражению Р. М. Лазарчук, «чужда повествовательная стихия».²¹ Наоборот, в них прослеживается стремление «превратить письмо в средство духовного общения».²² При этом, если говорить об их содержании, то можно выделить три основные составляющие: рефлексия по поводу самой переписки, философский самоанализ и анализ дружеских чувств (в теоретическом и практическом преломлении) с попыткой проследить их эволюцию.

Эпистолярная рефлексия выражается в рассуждениях о длине писем, изъявлениях благодарности за письма и упреках за их задержку или краткость, похвалах письмам друга и самокритике в отношении стиля, рассказах о том, как ждал письма, получил его, читал, перечитывал и т. д. Так, в 9-м письме Болотов пишет, что брал накануне полученное письмо с собою на бал и, несмотря на все веселье, пять раз перечитывал его там (ИРЛИ. Л. 50). Характерное и принципиальное отличие писем от воспоминаний — это использование грамматического настоящего времени и стремление фиксировать события, мысли и чувства здесь и сейчас. Например, в 10-м письме Болотов описывает свои

²¹ Лазарчук Р. М. Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. С. 34.

²² Там же. С. 26.

переживания при чтении страниц полученного письма, отделяя каждый фрагмент звездочкой:

«Какие приятности! На первой странице!..

*

Какие мысли и какие благоразумные рассуждения! На второй, третьей и четвертой, но какое же и удивление умножается во мне отчасу...

*

Опять уже похвалы моим письмам. Вы, право, меня гордым делаете, о письмах многое думать заставляете. По моему мнению, того они недостойны.

*

Какие нежности, и какие приятные шутки далее!.. ей, ей, меня как вершка на два приросло, что вас неленивым и для меня трудолюбивым сделал.

*

Теперь вы спать пошли... прости, братец, добра ночь помолись завтра обо мне... » (ИРЛИ. Л. 54).

Следует отметить, что прием прерывающегося письма использовался как комический в пародиях на эпистолярные романы (например, часто в романе Г. Филдинга «Шамела» (1741) — пародии на «Памелу» С. Ричардсона).²³ В мемуарах и журнальных статьях Болотова отчасти произошла формализация этого приема: они часто заканчиваются фразой о том, что писать больше некогда или что письмо и так уже велико.

Самоанализ в основном касается той работы Болотова над собой, которую он называл постижением науки быть спокойным и которая впоследствии была изложена в его «Путеводителе к истинному человеческому счастью».²⁴ Практическое применение этой науки касалось прежде всего его переживаний по поводу возможной отправки в полк (Болотов отмечает, что Тулубьев упрекает его за «запах малодушия» (ИРЛИ. Л. 51 об.)). Иногда также

²³ Я благодарю О. О. Рогинскую, обратившую на это мое внимание.

²⁴ [Болотов А. Т.]. Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных, отчасти философических рассуждений о благополучии человеческой жизни и средствах к приобретению онаго. М., 1784. Ч. 1—3. О философских воззрениях Болотова см.: Веселова А. Ю. Эстетика Андрея Тимофеевича Болотова : Литературная критика и садово-парковое искусство. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. С. 19—55.

Болотов пишет об отношении к нему в канцелярии и своей реакции на это: «Какие имена и какие названия мне придаваемы уже ни были. Нехристь, бусурман, законопреступник (надобно знать за то, что мяса по постам ем). Но это ведь еще мало, иные совсем уже богоотступником и атеистом меня жаловали. Другие совсем противное говорят: ОН, БРАТ, ЧЕЛОВЕК УЧЕНЫЙ, ФИЛОСОФ, или ЧТО ТЫ ОБ ЭТОМ ГОСПОДИНЕ ФИЗИКЕ, АСТРОНОМЕ (хотели б они иногда и больше сказать да не знают) ДУМАЕШЬ? Или НЕ ТРОНЬ ЕГО, ОН ВЕДЬ СВЯТ МУЖ. Одним словом, в насмешках своих иные уже меры не знают. Что делать, пусть свое веселятся, но только жаль бедненьких, что они дурачат себя тем, иной бы и про глупость их и знать случая не имел, ежели б не сами они, хотя умными казаться, глубокое свое незнание изобличают. НЕ правда ли говорю? ...» (ИРЛИ. Л. 114 об.). Здесь невольно возникает аналогия с литературным типом маленького человека 40-х гг. XIX в., таким, как Макар Девушкин.

Кроме того, письма содержат обширные рассуждения философского характера о Боге, смерти и смертности и подобные им, причем обычно применительно к себе. С одной стороны, эти вопросы действительно волновали Болотова и его корреспондента. С другой — он, начав посещать занятия в университете, возможно, использовал переписку как площадку для тренировок в жанре философского диспута, отталкиваясь от какого-то повода, как например в 13-м письме: «Вчера, пришедши впервые домой обедать, нашел уже в горнице моей стол для меня набранный. Между тем как кушанье подавали, сел я под окно и дал волю своим мыслям. В самое сие время пришел к дверям нашим нищий и просил милостыни. Какой был то повод к размышлениям! Сей человек, думал я сам в себе, принужден целое утро, наг, бос и на стуже ходить и с великими трудами хлеба для дневной своей пищи приобретать. Ты же беспопечно теперь есть садишься. Но не такой ли ж ты человек, как он, не одним ли создателем создан ты с ним, и не одни ли природные выгоды имеешь? Не легко ль мог бы и ты таким же быть?» (ИРЛИ. Л. 85 об.). Эпизод с нищим здесь использован как риторический прием. В другом письме Болотов прямо заявляет: «Вот ваша тема! Теперь проповедь последует!» (ИРЛИ. Л. 45). Среди писем есть также отдельное философское рассуждение на заданную Тулубьевым тему: «Кто был гордее, Платон или Диоген?». Этот вопрос восходит к известному сюжету о Диогене, прошедшем по богатым коврам Платона, являвшемуся традиционным для риторических упражнений.

Наконец, в письмах Болотов постоянно обращается к тому, что есть дружество, возможна ли дружба на расстоянии, приводит примеры истинной и ложной дружбы. По письмам Болотова

можно проследить эволюцию дружеских чувств. Первые коротки и сдержанны, потом они становятся все более пространными (до 25 страниц), и в них все чаще появляется поиск примет истинной дружбы, обещания и опасения, что эти обещания не будут взаимными. Наконец нарастает «градус» нежных изъявлений дружеских чувств, адекватное восприятие которых, по-видимому, возможно только в сентиментальном контексте ((например, в 4-м письме Болотов пишет «...маленькому, белый кафтан с зелеными обшлагами и камзол носящему, послал бы двадцать поцелуев по воздуху» (ИРЛИ. Л. 12 об.)).

Р. М. Лазарчук усматривает в таком проявлении элементов сентиментального сознания некоторое опережение литературного процесса: «...захваченные процессами, которые несколько лет спустя приобретут ЗАКОНЧЕННОСТЬ в литературе, выльются в ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ, письма Болотова объективно делались „первоначальными накоплениями“, сыгравшими свою роль и в становлении жанра сентиментального романа, и в развитии русской традиции психологического анализа».²⁵ Это пронизательное и справедливое утверждение необходимо дополнить. Следует принимать во внимание культурный контекст, в котором находился Болотов, а именно воздействие немецкой литературы, о чем можно судить лишь в самом общем виде. Болотов в мемуарах пишет, что много читал, причем преимущественно философскую литературу и романы и, посещая кенигсбергские библиотеки, пользовался местной рекомендательной библиографией. Возможно, среди этих книг были письмовники и эпистолярные романы, повлиявшие на стиль его писем. В частности, отдельные фрагменты его писем совпадают с цитатами, которые Болотов выписывал в «Памятную книжку или собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях записанных» (1761).²⁶ В качестве примера можно привести болотовское рассуждение о дружбе: «О пользах дружества и коль они велики и многообразны, я пространно и упоминать не хочу; я скажу лишь вкратце, что истинному обоим сторонам благополучию ничто не может так поспешествовать, как истинное дружество, когда оно надлежащим образом содержано будет. Не

²⁵ Лазарчук Р. М. Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. С. 37. Данный тезис позволил исследовательнице провести сравнение писем Болотова с более поздним литературным произведением — романом Ф. А. Эмина (см.: Лазарчук Р. М. Роман Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» в контексте писем А. Т. Болотова Н. Е. Тулубьеву).

²⁶ Болотов А. Т. Памятная книжка, или Собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях записанных (РО РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 55. Л. 10 об., 121 об.—122).

весьма ли удобная вещь к получению обоюдных наших желаний будет (ибо я не думаю, чтоб и вы столько же, как и я, благополучным быть не желали), ежели мы обще и обоюдными силами оное себе искать и всеми образами и возможностями друг другу подавать вспоможение станем? Не величайшее ли и не чистейшее ли удовольствие оба иметь будем, когда в обоюдных наших благополучиях и злополучиях равное участие брать, и во всем либо советом либо делом руку помощи подавать? И друг другу все тайны наших сердец безопасно открывать, и друг от друга взаимное утешение получать станем? <...> Неложно говорил один древний цесарь что ДРУГ ЕСТЬ НАИБОЛЬШЕЕ БОГАТСТВО» (ИРЛИ. Л. 33). Цитируемый фрагмент, по-видимому, представляет собой вольную компиляцию нескольких цитат, выписанных Болотовым в «Памятную книжку». К сожалению, источники цитат в книжке не указаны и установить их пока не удалось.

Следует также сказать о том самом смешном, о котором шла речь в первой цитате из предисловия к запискам. В письмах практически нет комических эпизодов, какие в изобилии представлены в записках. Но есть многочисленные насмешки и подтрунивания над другом (вероятно, взаимные), а также поддразнивания. Так, Болотов трижды заводит разговор о том, что в Кенигсберге появилась некая Каролинка, и каждый раз оставляет ее секрет нераскрытым. И только с четвертого раза наконец объясняет, что это сатирические листки под именем Каролины (ИРЛИ. Л. 56), на которые он подписался и которые хотел переводить для друга. Можно привести еще один пример иронии, во 2-м письме, которое начинается с упреков в том, что друг не отвечает на письма: «...где считать мне вас, в числе ли живых вы обретаетесь или уже в царство мертвых переселились? Если паче чаяния последнее, и вы ныне на смертных уже с облаков взираете, то скажи мне любезная тень, каковы ваши тамошние обиталища, чем препровождаете вы там время, и веселее ли там здешнего или скучнее? Не теряете ли вы при всшествеии туда память о минувшей жизни и о делах, во время оной имевших. Мне кажется, что я не обманываюсь. Конечно, вы там совсем уже про земное позабыли, а то бы нельзя, чтоб вы приятеля своего уведомлением о себе не обрадовали. В живых я уже совсем вас не считаю, кольми ж паче, чтоб вы столь близко находились» (ИРЛИ. Л. 3—3 об.). Вероятно, для Болотова ирония в общении с другом была обязательной составляющей, и не исключено, что у этого представления был некий литературный источник.

В целом на имеющемся материале можно проследить некоторый сюжет развития дружбы. Сначала надежда на ее заочное продолжение. Сам Болотов свою переписку называл «заочные»

или «отсутственные» разговоры,²⁷ поэтому он нередко обращается и к диалогической форме, предлагая вопросы и возражения от имени друга: «Мне недосуг, — слышу я, что вы говорите, — я тому верю, — мне должно суетиться туда и сюда, за квартирою, за тем и за другим ходить, все сие может статься, — но для того право мое не пропадает, и то не уменьшает желание мое получать ваши письма, что вам меньше праздного времени остается, нежели я желал» (ИРЛИ. Л. 3). Есть также несколько фрагментов, описывающих мысленное посещение друга: «Тело мое теперь здесь, но дух, драгоценный приятель, конечно, с вами. Воображение мое представляет вас мне в моем доме, у меня в гостях и со мною забавляющегося. Мне мнится, что слышу приятные ваши разговоры, нежные шутки, что вижу те ласки, наслаждаюсь той уверенностью и тем драгоценным согласием, которое сделало минуты нашего знакомства вовек незабвенными. <...> О как бы желал я, чтоб мечта сия, хотя на одну минуту в правду обратилась» (ИРЛИ. Л. 11—11 об.). Здесь Болотов как будто не уверен в возможности продолжения отношений через письма и имитирует реальное общение.²⁸ На этом этапе идет постоянная сверка мнений, Болотов объясняет «должности дружбы», дает обещания соблюдать их и спрашивает Тулубьева, готов ли тот следовать его примеру. Потом наступает радостное признание того факта, что дружба сохранилась, несмотря на расстояния, их разделяющие. Следуют постоянные восторги по поводу совпадения мнений и объяснения своих чувств. Одновременно появляются и обиды: Тулубьев, вероятно, назвал Болотова архимандритом, Болотов ответил на это следующим пассажем: «Два приятеля имели собою переписку, один вздумал писать между прочим и о таких вещах, которые от материи обыкновенных писем отличны. Другой терпел долгое время такое болтанье и, поласкав несколько, не мог терпеть, чтоб в одном письме не назвать приятеля своего, не знаю архимандритом, не знаю игуменом, только приложенный ему ти-

²⁷ Формулировка «отсутственные разговоры» восходит к рассуждению о слоге писем Х.-Ф. Геллерта (*Gellert Chr. Praktische Abhandlung von dem guten Geschmacke in Briefen*. Leipzig, 1756) и повторяется в большинстве письмовников XVIII в., в том числе переведенных на русский язык, но чаще всего без указания автора. См., например: Новейший самый полный и подробный письмовник, или Всеобщий секретарь... Ч. 1—2. М., 1812—1815. Ч. 1. С. 2. Подробнее см.: *Дмитриева Е. Е.* Русские письмовники середины XVIII—первой трети XIX в. и эволюция русского эпистолярного этикета // *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1986. Т. 45. № 6. С. 543—553.

²⁸ Несмотря на то что такой эпистолярный прием был весьма распространен, для Болотова он, видимо, был насыщен реальным содержанием, так как по мере развития переписки диалогичность как способ построения текста постепенно исчезает.

тул на то схоже был. Правда, сказываєте, что все то ведено было издевкой, но как бы то ни было, однако приятель его почел сие почти за насмешку, и хотя к какому раздору их дружества чрез то повод дать он, конечно, не намерен, однако ж для лучшего препровождения приятелю своему времени, почти в скором в своей откровенности раскаявшись, вздумал снять с себя преподобных отцов платье и надеть немецкий албышь светский кафтан, чтобы впредь набожного и прочего тому подобного не писать ничего больше, ибо он неискусством своим в таких вещах приятелю своему нагнал скуку...» (ИРЛИ. Л. 94—94 об.). В следующем письме Болотов оправдывается, что не имел намерения высказать обиду, и этот сюжет еще некоторое время продолжается, пока не наступает окончательное примирение.

Подводя итог, следует сказать, что, за исключением некоторых формальных элементов и отдельных немногочисленных эпизодов, переписка Болотова с Тулубьевым не стала источником для его последующих записок. Но для него самого она, безусловно, была очень важна, потому что явилась, во-первых, лабораторией стиля, а во-вторых, полем для тренировок в философско-теологической проблематике. Самое главное заключается в том, что письма впервые дали возможность осмысления и описания собственной личности, которые Болотов уже не прекращал в дальнейшем, хотя и в других формах.

И. В. КОЩИЕНКО

ЭПИГРАФЫ В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ НИКОЛАЯ КУРГАНОВА

Среди немалого количества учебных пособий, написанных и переведенных профессором математических и навигатских наук Николаем Гавриловичем Кургановым, выделяется целый ряд книг, неотъемлемой частью которых является эпиграф. Первым опытом, послужившим стимулом для дальнейшего постоянного обращения к этому компоненту текста, стала «Российская универсальная грамматика» (1769).¹ Эта книга, по содержанию не соответствующая основному роду занятий Курганова, многие десятилетия оставалась значительным в своей области трудом.

Первое издание «Грамматики» открывал латинский эпиграф:

*Clericus es! legito haec. Laicus! legito ista libenter.
Crede mihi, invenies hic quod uterque voles.*

D. Collis

На титуле второго издания 1777 г., давшего пособию его общепринятое название «Письмовник»,² стоял «таковой замысловатый», как назвал его В. Г. Белинский,³ эпиграф, представлявший собой уже перевод латинских строк:

*Духовной ли, мирской ли ты? Прилежно се читай:
Все найдешь здесь, тот и другой; но разуметь смекай.*

¹ Полное название: «Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей» (СПб., 1769).

² «Книга Письмовник, а в ней Наука российского языка с семью присовокуплениями, разных учебных и полезно-забавных вещесловий».

³ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1979. Т. 6. С. 682.

Долгое время оставался неизвестным загадочный автор первоначального варианта эпиграфа. Александр Иванович Кирпичников в статье 1903 г. «Курганов и его „Письмовник“» указывал, что фамилия автора расшифровывается, «вероятно, д-р Коллинз».⁴ Прояснил ситуацию Павел Наумович Берков: Курганов привел «одно из стихотворных посвящений Оуэну,⁵ которыми, по тогдашнему обычаю, друзья приветствовали поэта еще до выхода его книги в свет. Такие стихотворения печатались в самом начале книги;⁶ Курганов выбрал первое из них. Подписанное инициалами „D. Du. Tr. Med.“...».⁷ Для сравнения Берков дал более точный перевод двустишия, отметив, что перевод Курганова, ставший эпиграфом для второго издания «Письмовника», выполнен «довольно топорно»:

Клирик ты? Это прочти. Мирянин? Прочти тем охотней.
Верьте мне: тот и другой, что им по вкусу, найдут.⁸

Еще на рубеже XVII—XVIII вв. многочисленные эпиграммы Оуэна стали предметом перевода Ивана Величковского, малоизвестного украинского поэта. У него отыскивались и рассматриваемые строки, к которым перевод Беркова весьма близок:

До чительника
Мних ли еси? Чти сия. Мирский ли? Чти ова:
суть zde и духовные, и мирские слова.⁹

Курганов, так же как и Ломоносов, не могли знать об этих переводах, опубликованных уже в наше время. Они практиковались в своих знаниях латинского языка.

Итак, автором латинских строк является один из друзей Джона Оуэна, расшифровать инициалы которого, к сожалению, не

⁴ Кирпичников А. И. Очерки по истории новой русской литературы. М., 1903. Т. I. С. 54.

⁵ Джон Оуэн, или в латинизированной форме Аудоэнус (Audoënus) — один из наиболее популярных новолатинских поэтов XVII—XVIII вв. Скорее всего, Курганов обратил внимание на эпиграммы Оуэна, когда работал под руководством Ломоносова. В «Письмовнике» были анонимно перепечатаны эпиграммы Оуэна «Пророки, поэты», «Смерть» и некоторые другие в переводе А. Дубровского и самого Курганова (см.: Берков П. Н. Литературные интересы Ломоносова // Литературное творчество М. В. Ломоносова : Исследования и материалы. М.; Л., 1962. С. 49—53).

⁶ Почти все издания неолатинских поэтов имели стихотворные посвящения или обращения к читателям.

⁷ Берков П. Н. Литературные интересы Ломоносова. С. 53.

⁸ Там же.

⁹ Иван Величковский. Твори. Київ, 1972. С. 150.

представляется возможным.¹⁰ Курганов, подписав латинский эпитаф вымышленным именем «D. Collis», мистифицировал читателя. Перевод данной фразы стал эпитафом для всех последующих, начиная со второго, изданий книги.¹¹ Отказ от латинского эпитафа мотивирован, возможно, допускаемой нами следующей позицией автора: грамматике русского языка надлежит открываться эпитафом на родном языке. Книга Николая Курганова отвечала запросам широкого читателя и давала полный первоначальный круг знаний и круг чтения для малограмотного человека.¹² Этот аспект также мог повлиять на отказ автора от эпитафа на латинском языке, считавшимся со времен средневековья «продуктом высокой „учености“». ¹³ Белинский писал о «Письмовнике»: «Он не был приурочен к понятиям или потребностям какого-нибудь класса общества, но был издан как книга веселая, с рассказами и анекдотами, и полезная, с чем-то вроде энциклопедического изложения некоторых знаний...».¹⁴ Эпитаф ориентировал на такую «бесклассовость» («Духовной ли, мирской ли ты?») и масштабность включенного материала («Все найдешь здесь, тот и другой...»).

При сравнении переводов стихотворного посвящения, выполненных Берковым и Кургановым, у последнего обнаруживается

¹⁰ Неолатинских поэтов было около 700, большинство из них предпочитали скрывать свое имя под инициалами или вымышленными именами. В сборнике «Неолатинская поэзия» в разделе «Стихотворения, посвященные изданиям эпитаграмм Джона Оуэна» данное двустишие напечатано без указания автора (Неолатинская поэзия: Избранное / Пер. с лат.; Вступ. статья, примеч. Ю. Шульца. М., 1996. С. 382):

А н о н и м

Клирик ты? Это прочти. Коль мирянин, читай себе вволю;
Верь мне, ты здесь обретешь, что им двоим подойдет.

¹¹ 2-е (1777), 4-е («Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезно-забавного вещесловия. Четвертое издание, вновь выправленное, приумноженное и разделенное в две части»; 1790) и 5-е (1793) издания выходили с изменениями и значительными дополнениями Курганова; в 8-м (1809) издатели добавили раздел «Неустрасимость духа, геройские подвиги и примерные анекдоты русских и иностранных великих мужей и прочих особ»; 10-е (1831) и последнее 11-е (1837) опубликованы с цензурными купюрами. В 1790 г. «Письмовник» был перепечатан Иваном Петровичем Глазуновым (3-е изд.) без ведома Курганова, что вызвало большое недовольство его составителя.

¹² Например, А. С. Пушкин в «Истории села Горюхина» упоминает о ней в числе обязательных деталей, характеризующих русскую глубинку (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: Т. 1—16. М.; Л., 1937—1949. Т. 8. С. 127).

¹³ Косиков Г. К. Средние века // История французской литературы: Учебник / Сост. Л. Г. Андреев, Н. П. Козлова, Г. К. Косиков М., 1987. С. 96.

¹⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 12 т. М., 1953—1956. Т. IX. С. 301.

«лишний» текст: «разуметь смекай». Курганов сместил смысловой акцент на эти добавленные от себя слова «разуметь смекай», тем самым подчеркивая познавательный, обучающий характер книги. Нужно заметить, что на Руси существовала книжная традиция подчеркивать необходимость сознательного постижения читаемого — «умом *разумети* словесе»¹⁵ (курсив наш. — *И. К.*), и в предисловии к московскому изданию «Грамматики» Мелетия Смотрицкого¹⁶ отмечено: «Разумевше ли, и постигшее глаголете; или не разумееше, и не постигше» (глагол «разуметь» в самых разных его словоформах часто употребляем в этом предисловии). Вот и Курганов, учитывая опыт этой первой подробной грамматики церковнославянского языка, решил следовать древним «законам», вынеся вопрос об осмысленности чтения на первый план, то есть на титульный лист. Подобная установка не случайно включена в главный эпиграф ко всей книге: «Письмовник» насыщен множеством примеров, облегчающих усвоение, «уразумение» грамматических правил.

Под переведенным двустигмием мистифицирующая подпись (*D. Collis*) отсутствует: в качестве одной из возможных причин снятия авторства, пусть и ложного, может учитываться проявленная самостоятельность переводчика, необходимая для уточнения задач «Письмовника».

¹⁵ А. А. Бахтиаров обратил внимание, что «в древних рукописных псалтырях встречается особый „указ“ или правила, как читать псалтырь: „Зри, внимай, разумей, рассмотри, памятуй, как псалтирь говорити. Первое — что говорити; второе — всяко слово договаривати; третье — на строках ставитися; четвертое — умом разумети словесе, что говорити; пятое — пословицы знати, да и памятовати, как которое слово говорити: сверху слово ударити голосом, или прямо молвити, слово поставити. <...> А весь сей указ умом, да языком, да гласом держитися и красится во всяком человеце и во всяких пословицах книжных“» (*Бахтиаров А. А.* История книги на Руси. М., 1890. С. 55). Инок Евфросин, к примеру, в «Сказании о различных ересех и хулениях на Господа Бога и на Пречистую Богородицу ...» (XVII в.) взывает: «Бога ради молим, внимайте разумно».

¹⁶ Первое издание вышло в 1619 г. в Евье (близ Вильны). В 1648 г. «Грамматика» М. Смотрицкого была переиздана в Москве без имени автора и несколько отредактирована справщиками Московского печатного двора Михаилом Роговым и Иваном Наседкой с учетом особенностей живой славянской речи (см.: Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подгот. текста, науч. коммент., указатели Е. А. Кузьминовой. М., 2000. С. 17). Возможно, что ими же было составлено предисловие, позднее выходящее и отдельной книжкой, см., например, издание 1782 г.: «Предисловие ко Грамматике славенской, напечатанной при Иосифе патриархе, в котором содержится: О пользе грамматики, о нужде чтения Священного Писания, о необходимости исправления книжного, со многими другими душеполезными наставлениями, собранными из различных сочинений Святых Отец и Церковных учителей; с присовокуплением известия о первом издании сея книги».

На обороте титула были напечатаны еще пять эпиграфов, содержащих авторитетные мнения о пользе науки грамматики:¹⁷

.....Суть же убо слова (речи) частей осмь елика глаголем и пишем, внеже сих ничто же есть, и неможно слова изъяснити без сих.

Якоже рече Иоанн святыи Дамаскин

Грамматика есть знание как писать и познавать читаемое, и оная есть всех наук основание.

Аристотель в книге VII, Топиков

Грамматика есть дражайшее паче иных свободных наук знание.

Виргилий в книге I, в главе 7, о изобретателях вещей

Туа Оратория, косноязычна Поезия, неосновательна Философия, неприятна История, сомнительна Юриспруденция без Грамматики.

М. Ломоносов

*Нельзя чтоб тот себя письмом своим прославил,
Кто грамматических не знает свойств, ни правил.*

В Епистоле II, А. Сумароков

Первые три эпиграфа имеют общее происхождение: они вычитаны Кургановым в «Грамматике» Федора Поликарпова-Орлова (1721), перепечатавшего с незначительными изменениями труд Смотрицкого. В «Предисловии любомудрому читателю» этот проницательный издатель отмечал, что без знания «осмочастного чинорасположения» «не мощно своего совершенства получитьи» и «высоту и глубину книжной премудрости <...> без приличного ей орудия не возможно разумети. А тако не ложна суть глаголемая, свидетельствует премудрый *Аристотель в книге шестой топиков*, сице пишуш. *Грамматика есть ведение еже писати и познавати читаемое.*

И паки: *Грамматика есть всех наук основание.*

¹⁷ В четвертом издании 1790 г. пять эпиграфов о грамматике отсутствовали (как и общее приношение и вступление от автора), потом (с 1793 г.) появились снова. В изданиях, вышедших после смерти Курганова (1796), начиная с седьмого, стали печататься после «Приношения общего» и «Предисловия» непосредственно перед «Оглавлением Первой части». «Письмовник» в четвертом издании получил свое окончательное название: «Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавного вещесловия» (СПб., 1790), был разделен на две части, каждая из которых предварялась одним и тем же переводным (с латинского) эпиграфом. В части второй, посвященной литературе и науке, эпиграфы о грамматике не перепечатывались.

И Полидор Виргилий в книге 1 в главе 7, о изобретателе вещей, глаголет. *Грамматика есть дражайшее паче иных свободных наук знание*. Понеже прочих наук едино есть основание. Убо сие учение, паче всех преславнее есть: ибо показывает путь к прочим вниманию. И ниже к единой вещи совершенств, разве предыдущим началом прийти возможно есть». ¹⁸ Через несколько строк упоминается «великий святой Церкви восточной богослов, Дамаска паче же вселенский светильник святой Иоанн», однако в предисловии представлена только первая часть фразы, ставшей одним из эпиграфов «Письмовника»: «Суть же убо слова частей осмь елика глаголем и пишем, внеже сих ничто же есть». Финал этих слов Дамаскина весьма гармонично вплетен в заключительную часть «Грамматики» 1721 г. — своеобразное наставление тем, кто уже усвоил ее правила: «... и роды разбирай, и виды указуй, и числа сказуй, и начертания убавляй <...> и падежи узнавай, и склонения не забывай, и залогии и времена рассуждай, и качества расписывай <...> аще хочещи известну ведати осмочастный разум: вне бо сих ничто же есть и немощно слова изъяснити без сих. Якоже рече Иоанн святой Дамаскин». Курганов объединил две половинки одного целого, которые действительно являются единым текстом.

Слова «Суть же убо слова (речи) частей осмь елика глаголем и пишем, внеже сих ничто же есть, и немощно слова изъяснити без сих» встречаются в трактате «О осми частех слова», который с XIV в. без имени автора предварял в большинстве списков «Диалектику» Иоанна Дамаскина. ¹⁹ Позднее эти сочинения объединялись авторством Дамаскина под названием «Осьмочастие» или «Книга философская...». ²⁰ Приписывание трактата этому

¹⁸ Грамматика: Повелением благочестивейшего великого государя нашего царя, и великого князя Петра Алексеевича, всей великой, и малой, и белой России самодержца... Напечатана книга сия грамматика в царствующем великом граде Москве справщиком Федором Поликарповым... От рожества по плоти бога слова, 1721. <С. 4>. Курсив в этой и нижеследующей цитате наш. — И. К.

¹⁹ Общее число сохранившихся списков «Диалектики» Иоанна Дамаскина превышает 150. В некоторых списках трактат следует за «Диалектикой» или отсутствует (крайне редко). См.: *Гаврюшин Н. К.* О ранних списках славяно-русской «Диалектики» // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 45. М., 1986. С. 279—284. См. также: *Гаврюшин Н. К.* 1) «Диалектика» Иоанна Дамаскина на Руси // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность: Сб. науч. тр. Киев, 1987. С. 74 — 79; 2) Митрополит Даниил — редактор «Диалектики» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1988. Т. XLI. С. 357—363; *Жуковская Л. П.* Барсовский список грамматической: сочинения «О восьми частях слова» // Східно-слов'янськи грамматики XVI—XVII ст. Київ, 1982. С. 29—51.

²⁰ В восточнославянском списке начала XVI в. она называлась «Книга святого Ивана Дамаскина философская об осмих частех слова, преводе же еа

богослову в условиях господства религиозной идеологии сыграло позитивную роль в его распространении, ведь грамматическое искусство освящалось одним из авторитетных христианских авторов.²¹ В те времена грамматика почиталась еще не наукой, а «свободным художеством» или «свободной мудростью».²² Таких свободных мудростей, по средневековой традиции, насчитывалось семь: грамматика, диалектика, риторика, мусика (музыка), арифметика, геометрия и астрономия. Грамматика была первой из них, она открывала дорогу ко всем остальным «художествам».

В анонимной «Грамматике» фраза, представленная у Поликарпова, имеет несколько иной вид. Воспроизведем ее по Синодальному (Царскому) списку: «Кроме бо сих изъяснити о них же слово немощно. Соуть же убо слова частей осмь, елика глаголем и пишем, вне сих ничто же есть».²³ В «Грамматике» 1721 г. предложения поменяны местами: цитата начинается со второго суждения, представленного без изменений, а первое становится заключительной частью, где перестановка слова «немощно» смещает на него смысловое ударение: «...и немощно слова изъяснити без сих». Достаточно вольное обращение с текстом Дамаскина (Поликарпов, без сомнения, считал эти слова принадлежащими великому святому) «оправдано» следующим образом: Поликарпов не указывает конкретный источник цитаты, как в случае с Аристотелем или Полидором Вергилием, а заканчивает его так: «Якоже рече Иоанн святой Дамаскин» («Как говорил святой Иоанн Дамаскин»). Такая форма подачи может свидетельствовать о воспроизведении цитаты по памяти. Помня, что книга Поликар-

Иван пресвитеръ, ексархъ болгарский, от еллинскаго языка въ словенский» (Калайдович К. Ф. Иоанн Эксарх Болгарский. М., 1824. С. 167). См. также: Гаврюшин Н. К. О ранних списках славяно-русской «Диалектики». С. 281—282.

²¹ Как гораздо позже отмечал в «Предуведомлении к читателю» издатель «Предисловия к Грамматике славенской...» М. Смотрицкого (М., 1782), чтение подобных книг «не попустило меня более сомневаться и слушаться ложных учителей, а остаться при своей родившей духовной матери, Святыя соборныя Апостольския Восточныя и Великороссийския церкви, в которой и ныне нахожусь, благодатию Христовою, без всякого сумнения». И все-таки среди причин, побудивших издателя М. К. А. С. к переизданию «Предисловия», помимо душевной пользы и удовольствия, названа и такая: «...отразить мнение людей невежд, опровергающих оное учение» (С. <I>), то есть грамматику, что свидетельствует о недостаточном ее распространении и понимании значения этой науки и во второй половине XVIII в.

²² Одним из классических древнерусских сочинений является «Сказание о семи свободных мудростях». В 1672 г. переводчик Посольского приказа Николай Спафарий переработал это «Сказание» в «Книгу избранную вкратце о девяти музах и семи свободных художествах».

²³ Великие Минеи-Четии. Вып. 10. Дек., дни 1—5. СПб., 1901. Стб. 294.

пова — это «новопечатное грамматическое издание» «Грамматик» Мелетия Смотрицкого, исследование не могло не обратиться к московскому изданию последней 1648 г. В предисловии к ней, рассказывающем об известных составителях «Грамматик», обнаружился небольшой отрывок из трактата «О осми частех слова», включающий в себя и рассматриваемый фрагмент, совпадающий здесь с Синодальным списком. Эта цитата приписана Дамаскину, а его философский труд анонимный автор предисловия упоминает без наименования. Скорее всего, поэтому Поликарпов, опиравшийся на это издание, а следом и Курганов не могли полностью атрибутировать фразу, указав только имя автора.

Источник следующего эпиграфа («*Грамматика есть знание как писать и познавать читаемое, и она есть всех наук основание*») назван достаточно точно: «Аристотель в книге VII, Тописков». Однако у Поликарпова указана шестая книга. Может быть, Курганов смог уточнить источник цитаты? «Тописка» — последний трактат, входящий в сводку логических трактатов Аристотеля под названием «Органон». «Топику» называют «учением о нахождении доказательств по любому вопросу»,²⁴ «руководством по проведению диспутов»,²⁵ в ней изложена «не отвлеченная логика чистого разума, но конкретная логика самого обыкновенного человеческого общения».²⁶ В книге VII аристотелевской «Тописки» схожая с эпиграфом фраза не обнаружена. А восьмая глава книги VI содержит близкие по смыслу строки, соотносимые с первой частью высказывания, заключительный же вывод о грамматике как «основании» для всех наук в ней отсутствует. Считаем необходимым дать эти строки в небольшом контексте: «...знание есть постижение того, что познается, а желание — стремление к благу. Точно так же — если *грамоту определили бы как знание письменности* (курсив мой. — И. К.), ибо в определении следовало бы указать или то, с чем соотносится определяемое, или же то, с чем соотносится его род».²⁷ В своем трактате Аристотель обращался к понятиям «грамматика», «граммота» или «знание» для примера, соотнося свою терминологию с доступным в практическом отношении материалом.

Несомненно, во все издания «Письмовника» вкралась ошибка, незамеченная Кургановым: начальная часть фразы относится к шестой книге, как и указывал Ф. Поликарпов, владевший

²⁴ Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 644.

²⁵ Там же. С. 645.

²⁶ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. IV : Аристотель и поздняя классика. М., 1975. С. 716.

²⁷ Аристотель. Сочинения. Т. 2. С. 480. В этой книге «Тописка» на русском языке публикуется впервые. Перевод М. И. Иткина.

греческим языком, подтверждением чего явился знаменитый «Лексикон трехязычный» (1704). С большой долей уверенности можно утверждать, что Поликарпов опирался на оригинальный текст. Н. Курганов, как переводчик, имевший постоянный опыт во французском, немецком, английском и латинском языках, этого древнейшего языка не знал, но мог быть знаком с «Топикой» Аристотеля в латинском комментированном переводе,²⁸ хотя практически дословное цитирование отрывка из «Предисловия» 1721 г. делает маловероятным это предположение. Курганов, позаимствовав переведенные Поликарповым строки из Аристотеля, объединил их, как и в случае с Дамаскиным. Строка «*Грамматика есть всех наук основание*»²⁹ у Поликарпова выделена абзацем и начинается со слов «и паки» («и еще»), то есть фрагменты разграничены графически: возможно, это указывает на принадлежность их разным источникам. Однако вторую часть эпиграфа не удалось выявить ни в «Топике» (как и в «Органоне» в целом), ни в других книгах древнегреческого философа, в том числе «Поэтике», «Риторике» и «Категории», где предмет излагаемого касался и этой науки. Скорее всего, мы имеем дело с особенностями видения его философии и прочтения текстов. Дело в том, что у Аристотеля, по мнению А. Ф. Лосева, «грамматика, логика, диалектика и риторика понимаются как единое целое, как постепенное конструирование мыслительно-языковых принципов».³⁰ Во времена Аристотеля грамматика, будучи учением о буквах, не могла предоставить никакого материала для диалектики, ее развитие находилось на начальной стадии развития. Философ относил грамматику к риторике и поэтике, не предоставляя ей самостоятельного места в ряду наук. Следовательно, в его трудах вряд ли могло содержаться подобное определение.

Вступление к своей книге «О азбуке и о грамматике вообще» Курганов начинает со строк: «Грамматика есть знание, как

²⁸ До XII в. «Топика» Аристотеля была известна преимущественно по переводу и комментариям Бозция (VI в.), в 1128 г. трактат перевел Яков из Венеции. Трактат «Топика» в России не переводился и не излагался (вплоть до конца XIX в.). П. Г. Редкин в 1891 г. обстоятельно изложил содержание «Топики», снабдив его собственными обширными переводами. См.: *Редкин П. Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще.* СПб., 1891. Т. 6. С. 1–45.

²⁹ Подобная оценка звучит и в русском азбучнике конца XVI в.: грамматика — «основание и подошва всем свободным хитростям» (наукам и искусствам. — *И. К.*). Цит. по: *Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса.* М., 1958. С. 12.

³⁰ *Лосев А. Ф. Средневековая диалектика* // www.philosophy.ru/library/losef/dial.html

говорить и писать правильно,³¹ то есть по свойству и лучшему употреблению языка. Сие слово произошло от греческого *Грамма* значащего *писмена* или *буквы*; и так Грамматика есть наука о свойствах и о употреблении букв».³² Это определение при сравнении с церковнославянским вариантом³³ обнаруживает большую основательность, ведь уже существовал труд М. В. Ломоносова.³⁴ Однако ориентация на «Грамматику» 1721 г. осталась, где в разделе «Что есть грамматика» читаем: «Грамма с эллинского писмо или писание глаголется, первую в седмих наук свободных в научение православным...». Нельзя не заметить близость этого толкования с цитатой из Полидора Вергилия Урбинского (1470—1555),³⁵ также перекочевавшей со страниц «Предисловия любомудрому читателю» на оборот титула «Письмовника»: «Грамматика есть дражайшее паче иных свободных наук знание. Виргилий³⁶ в книге I, в главе 7, о изобретателях вещей».

Трактат «Об изобретателях вещей», написанный на исходе XV в. (1499), долгое время был наиболее авторитетным энциклопедическим изданием по различным вопросам изобретений, открытий, происхождения культурных и социальных явлений, представляя собой попытку классификации наук. Эта книга была впервые переведена на русский язык и издана по распоряжению Петра Первого в 1720 г. Именно это только появившееся издание нашло отражение в предисловии Федора Поликарпова, выбравшего стержневую фразу следующего фрагмента седьмой главы: «Прилично мнится быти, да писмен описавшее начало донельже

³¹ В первом издании вместо слова «правильно» стояло «исправно» (*Курганов Н. Г.* «Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие». СПб., 1769. С. 3.)

³² *Курганов Н. Г.* Книга Письмовника... СПб., 1777. С. 3.

³³ Грамматика у Мелетия Смотрицкого «есть известное художество благо и глаголати и писати учащее» (1619). В свою очередь он опирался на работу Лаврентия Зизания («Грамматика словенска совершенна искусства осмии частей слова и иных нуждных»; Вильна, 1596), у которого грамматика «есть известное вежество, еже благо глаголати и писати» (Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. С. 135; 33).

³⁴ Ср.: Формулировка, данная Ломоносовым в § 86 «Российской грамматики»: «Довольно для краткости будет знать, что общая грамматика есть философское понятие всего человеческого слова, а особливая, какова российская грамматика, есть знание, как говорить и писать чисто российским языком по лучшему, рассудительному его употреблению» (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 420).

³⁵ Итальянский ученый, богослов, историк, гуманист первой половины XVI в. родом из Урбино. Значительную часть жизни прожил в Англии.

³⁶ Позднейшее неправильное написание; англ. Polydore Virgil либо Vergil; лат. Polydorus Vergilius.

ко истолкованию иных вещей приступлю, о начале грамматики возглаголю, сиесть еже *дражайшее есть паче иных свободных наук знание*. *Понеже прочих учений едино есть основание* (курсив мой. — И. К.). И имя взя от писмен, понеже грамма, гречески, письма, именуется». ³⁷ Курганов взял в эпитаф только первую часть выделенной курсивом фразы, очевидно посчитав следующее за ним утверждение повторяющим слова Аристотеля: «Грамматика есть основание для всех наук».

В предисловии Николай Курганов указал, что подражал «славянским и чужестранным писменарям». В случае с грамматикой Мелетия Смотрицкого, переизданной Ф. Поликарповым (а именно это издание было наиболее доступно читателю второй трети XVIII в.), особенно заметным оказывается влияние предисловия, ставшего источником обильного цитирования.

Основной раздел «Письмовника» — «Грамматика» — составлен по «Российской грамматике» (1755) М. В. Ломоносова. ³⁸ Курганову, по его собственному признанию в предисловии, эта книга «показалась трудною» для обучения своих детей, поэтому он был «принужден <...> преобразить» ее, создав «для научения юношества» собственное пособие. О своем «учителе» Курганов постоянно напоминал: цитировал его стихи, произведения, привлекал материалы биографии, высказывания и в первую очередь вписал его имя среди авторов эпитафов: «*Туа Оратория, косноязычна Поезия, неосновательна Философия, неприятна История, сомнительна Юриспруденция без Грамматики*. М. Ломоносов». Цитата взята из вступления к «Российской грамматике», где Ломоносов заявил о неисчислимых богатствах и возможностях русского языка: «И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать должен»

³⁷ *Полидор Виргилий Урбинский*. Осмь книг о изобретателях вещей. Переведены с латинского на славенороссийский язык в Москве, и напечатаны повелением Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Первого Всероссийского Императора. 1720, 5 мая. С. 26.

В 1782 г. Н. Новиков издает свой перевод книги «О первых изобретателях всех вещей». Приведем для сравнения этот же фрагмент седьмой главы «О начале Грамматики, и сколь оная наука важна»: «...прилично кажется, чтоб предложив о начале писмен или букв, прежде нежели к изъяснению других вещей приступим, сказать о начале Грамматики, поелику она больше имеет важности, нежели всех свободных наук знание: понеже она всех прочих единственным есть основанием, и имя свое получила от писмен: ибо греческое слово *граница*, письма или буквою называется» (*Полидор Виргилий Урбинский*. О первых изобретателях вещей / Пер. Н. Новикова. М., 1782. Ч. I. С. 41—42).

³⁸ См.: *Рак В. Д.* «Российская грамматика» М. В. Ломоносова и «Письмовник» Н. Г. Курганова // Ломоносов и книга. Л., 1986. С. 124—138.

ствуем».³⁹ Знание грамматики необходимо во всех науках⁴⁰ — эту мысль Курганов выделил как доминантную, взяв ее в эпиграф. Интересно, что в «Письмовнике» нашли отражение передовые знания наук и те области словесного творчества, которые перечислены главным образом в этом эпиграфе: просветительской философии, поэзии в образцах разных жанров, риторики, естественных наук и др. Кургановым был составлен даже «Всеобщий чертеж наук и художеств» (присовокупление VI).

Последний эпиграф на оборотной стороне титула «Письмовника» подписан именем еще одного прославленного современника Курганова — Александра Петровича Сумарокова. Хотя Сумароков не был автором «Грамматики», его перу принадлежало немаловажное произведение — «Эпистола о стихотворстве» (1747), 11-я и 12-я строки которой предстают в качестве заключительного эпиграфа:

*Нельзя чтоб тот себя письмом своим прославил,
Кто грамматических не знает свойств, ни правил.*

В Епистоле II, А. Сумароков.⁴¹

Не мог Курганов обойтись и без примеров из творчества этого поэта: в присовокупление V «Сбор разных стихотворств»,⁴² которое, по верному замечанию В. Д. Рака, является «первой печатной антологией русской поэзии»,⁴³ в большом количестве вошли произведения Сумарокова, иллюстрирующие жанры лирики: эпистолу, притчу, мадригал, станс, эпиграмму и др.

Курганов очень последователен в выборе эпиграфов для «Письмовника». Если в каждом из них выделить главное, то получатся следующие тезисы: 1) без грамматики невозможно

³⁹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 392.

⁴⁰ О важности изучения правил грамматики Ломоносов заявлял также в «Кратком руководстве к красноречию» или «Риторике», во время работы над которой у Ломоносова и возникло намерение написать «Российскую грамматику»: «Особливо для того выдаю на свет, что уже Риторика есть, а без Грамматики разуметь трудно» (см.: Там же. С. 844).

⁴¹ Ломоносов в «Риторике» (1748 г., § 165) также заявлял, что «чистота штиля» зависит прежде всего «от основательного знания языка», чему «способствует прилежное изучение правил грамматических» (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 236).

⁴² В первом и во втором изданиях — «Сбор разных стиходейств».

⁴³ Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 : (К—П) / Отв. ред. А. М. Панченко. СПб., 1999. С. 172. В этом присовокуплении напечатаны также произведения М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, М. М. Хераскова, А. А. Ржевского, А. И. Дубровского, М. И. Попова и др. См.: Хамицаева О. А. «Сбор разных стихотворств» Н. Г. Курганова // Проблемы изучения художественного произведения : Тез. докл. М., 1968. Ч. 1. С. 82—83.

изъясняться, говорить; 2) невозможно писать и читать; 3) грамматика — главная из наук; 4) без грамматики нет других наук; 5) без нее не добиться успехов в письменном творчестве. Таким образом, эпиграфы охватывают все основные направления в реализации полученных по грамматике знаний. Однако главное из них, к которому подводит Курганов, — это литературная деятельность или какой-то писательский, авторский труд, о чем он говорит (следом за эпиграфами) и в «Приношении общем» «благочестивому читателю» от лица «нашему благонаравно доброжелателя»: «Писатели не тщеславием, но добродетелью побужденные, имеют по возможности упражняться в полезных делах и отечеству своему жертвовать плодами оных. <...> за щастие себе почитает, естли он нам как любителям словесных наук и всем нашим одноземцам между прочим и сею маловажностью услужить может. Главное мое намерение и желание состоит в том, чтоб вы сею книгою благоприятно пользовались».⁴⁴ Это желание составителя «Письмовника» воплотилось также в многочисленных пособиях по навигации, морской тактике, приморской фортификации и береговой обороне, по астрономии, арифметике, геометрии и тригонометрии, явившихся плодами его самостоятельного или переводческого труда как до, так и после создания книги о грамматике. При этом все его учебники отличались содержательностью, логической стройностью и доходчивостью изложения материала. «Письмовник» — первый и единственный труд Курганова по языковой дисциплине — стал доказательством прекрасного владения им грамматической наукой. К тому же именно эта книга прославила его имя на всю Россию и на многие десятилетия.

«Письмовник», аккумулировавший знания предшествующих «Грамматик», открывали имена авторитетов древности и современности. Такое обилие эпиграфов (шесть, не считая первого варианта главного эпиграфа на латинском языке) для произведения русской литературы конца 1760-х гг. — явление, можно сказать, уникальное. Конечно, эпиграф иногда появлялся в разного рода учебных пособиях.⁴⁵ Однако необходимо учитывать и опыт использования эпиграфов в литературной среде. Яркой приметой того времени стали сатирические журналы, где эпиграф стал

⁴⁴ Курганов Н. Г. Книга Письмовника... С. <I>.

⁴⁵ Например, среди учебников морской тематики в Амстердаме в 1701 г. была издана «Книга учащая морскому правлению, юже издаде шхиперский мастер и учитель Аврам де Граф, аже по указу Великого Государя <...>. С латинского языка переведена на славенороссийский <...> Ильею Копьевым», на обороте титула имела надпись: «Сходящии в море в Кораблях творящии делания в водах многих, тии видеша дела Господня и чудеса Его во глубине. Псал. 106» (106: 23—24).

частым и довольно значимым, как в случае с «Трутнем», элементом.⁴⁶ Этот пример не мог пройти мимо Курганова. «Письмовник» был «ориентирован» на такие журналы: по мнению В. Д. Рака, «в «Письмовнике» явственно проступает сатирическая струя»,⁴⁷ что выражалось в высмеивании явлений, являющихся объектами и в сатирических журналах. Наставительный тон, заданный эпиграфами о серьезной и весьма востребованной науке грамматике, постепенно «смягчался» шванками, фациями, переводными афоризмами, анекдотами, «разговорами» и др. Наверняка не случайно Курганов поместил среди «грамматических» эпиграфов один «поэтический»: он отозвался на заметное литературное событие (обильное появление сатирических журналов) сумароковским эпиграфом, тем самым подчеркивая современность и актуальность своего труда. Назидательный оттенок позволил включить эти строки из «Эпистолы о стихотворстве» в общий и без того внушительный список эпиграфов. Вообще, подобное изречение среди эпиграфов к учебным пособиям того времени является новаторским, так как его источником послужил литературный текст, а не библейский или обучающий той или иной науке.

К еще одному фактору, несомненно повлиявшему на появление эпиграфов, можно отнести работу над переводами книг по морскому и навигатскому делу, европейские авторы которых активно пользовались такими надписями перед произведением.

Эпиграфы «Письмовника» явились первым опытом Курганова, и в скором времени этот структурный компонент превратился в его излюбленный прием. Некими предвестниками эпиграфов можно условно считать две большие цитаты о пользе геометрии из Платона («в VII книге его республики») и Плутарха («в восьмой книге вопросов»), которые завершают «Предупреждение» «Генеральной геометрии» (СПб., 1765). Выдержки значительных представителей той или иной науки Курганов научился применять

⁴⁶ В 1769 г. появляется несколько еженедельных журналов: «И то и сьо» М. Д. Чулкова с эпиграфом «*Concordia res parvae crescent, discordia magna dilabuntur*» («От согласия малые вещи позрастают, а от несогласия и великие разрушаются!»), «Поденьшина или ежедневные издания» В. В. Тузова с эпиграфом «*Labor omnia vincit. Improbus et duris urgens in rebus egestas. Virg.*» («Трудами все преодолевается. Неприятен и к трудным вещам понуждает недостаток. Вирг.»). 1 мая 1769 г. начал свое существование журнал Н. И. Новикова «Трутень», в котором эпиграф «Они работают, а вы их труд ядите. Г-н Сумар<оков> в XLIII притче первой книги» через два месяца из-за цензурных нареканий пришлось заменить на другой: «Опасно наставленья строго, / Где зверства и безумства много. Прит<чи> г<осподина> Сумар<окова>». Подчеркнем, что оба эпиграфа — сумароковские строки.

⁴⁷ Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 173.

по-новому, что впервые стало постоянной чертой, отличающей его учебники и переводы.

«Универсальная арифметика» (СПб., 1757) Курганова не имела эпиграфа, зато ее второе издание, вышедшее через два года после «Письмовника», «Новая арифметика, или Числословие, содержащее в себе все правила цыфирного вычисления ...» (1771), отличалось объемным эпиграфом:

*Прииме юне, премудрости цветы,
Разумных наук обтечая верты.
Арифметике любезно учися,
В ней разных правил и действ придержиися.
Ибо в гражданстве к делам есть потребно,
Лечити твой ум, аще числит вредно.
Та пути в небе, решит и на море,
Еще на войне, полезна и в поле.
Обще всем людем образ дает знати,
Дабы исправно в размерах ступати.
О ней ты цвети как крин благовонный,
Равно и к иным наукам будь охотный.*

Л. Магницкой. 1703 года

Это стихотворное обращение к юному ученику, специально для своей «Арифметики» сочиненное Магницким, было напечатано на обороте заглавного листа под рисунком, изображающим пышно цветущий куст и двух юношей, держащих в руках ветви с цветами. На виньетке рисунка строки: «Тако цветет человек, яко цвет селный» («Так цветет человек, как цвет полевой»). Здесь переосмыслены знаменитые слова царя Давида: «Человек, яко трава дни его, яко цвет селный, тако оцветет» (Дни человека — как трава; как цвет полевой, так оцветет; Псалтирь, 102:15). Важно отметить, что у Магницкого «цветет» грамотный человек, что является своеобразным ответом некоторым церковным деятелям, запрещавшим изучение наук, в частности математики.

Во втором издании «Арифметики», вышедшем с некоторыми исключениями и пополнениями, Курганов оставил «только все надлежащее до цыфирного счисления и, расположа в лучшем для наставления юношества (курсив мой. — И. К.) порядке и объяснении», «старался содержащиеся в ней арифметические правила представить всякому читателю яснее и вразумительнее». На роль эпиграфа, обозначившего приоритетное направление книги, как нельзя лучше подошло посвящение-наставление Магницкого. Эпиграф сохранился и в третьем издании: «Арифметика, или Числовник, содержащий в себе все правила цыфирного вычисления...» (СПб., 1776).

Переводы сочинений морской тематики, искусно выполненные Николаем Гавриловичем, долгое время были востребованы в навигатских школах и военно-морских учебных заведениях. Ряд таких работ украшены эпитафиями. В 1773 г. появляется книга «О точности морского пути, или Искусство, как измерять на море ход корабля и описание о вооружении французских военных судов, с прибавлением о теории правления кораблем». Это перевод с французского языка «L'art de mesurer sur mer le sillage d'un vaisseau» (Paris, 1750; «О правлении кораблем, или Искусство, как чинить всякие корабледвижения»⁴⁸) Александра Саверьена (Alexandre Julien Savérien). Курганов дает на обороте титула тот же эпитаф, что и на титульном листе оригинала, а следом его перевод (у Саверьена перевод латинской фразы на французский язык отсутствовал):

Cumque procul cursum navigii videris, non dubitare, quin id ratione atque arte moveatur. Cic. d. Nat. deo.

То есть:

Когда видишь в море далеке корабль плывущий, не сомневайся, чтоб оный там не был управляем разумом и искусством. Циц. <ерон> о прир. <оде> богов.

Эти строки действительно встречаются в трактате Цицерона «О природе богов» («De natura deorum»; 2 кн., 87).⁴⁹ В том, что они переведены Кургановым, сомневаться вряд ли приходится.⁵⁰ Слова эпитафа, выхваченные из контекста, начинают жить в новом художественном пространстве, теряя в данном случае соотнесенность с содержанием философского трактата. Они обретают

⁴⁸ Такой перевод названия дан в предисловии Курганова.

⁴⁹ В этой части трактата, направленного против типичных для античного мира суеверий, ставится вопрос о разумности и целесообразности мирового порядка с применением эстетически совершенных аналогий. Цицерон защищает тезис: мир разумен и прекрасен. Ниже дается современный перевод контекста фразы: «Ведь если то, что создала природа, лучше, чем произведения искусства, а искусство ничего не создает без участия разума, то должно считать, что и природа также не лишена разума. Когда ты смотришь на статую или нарисованную картину, то знаешь, что в этом было применено искусство; когда издали видишь плывущее судно, не сомневаешься, что оно движется благодаря разуму и искусству; когда наблюдаешь солнечные или водяные часы, понимаешь, что они показывают время не случайно, а благодаря искусству. А мир, включающий в себя и эти самые произведения искусства, и их создателей, и все вообще, что же, ты считаешь, лишен разума и рассудка?» (Цицерон. Философские трактаты / Пер. М. И. Рижского. М., 1985. С. 129).

⁵⁰ Через несколько лет появился полный перевод трактата, выполненный Г. Колековым («Цицерона Марка Туллия о естестве богов. Три книги». СПб., 1779).

реальный практический смысл, о чем свидетельствует следующее утверждение из «Письма к мореплавателям», предваряющего основной текст: «Искусство мореплавания есть всех труднее», и «в оном надлежит упражняться людям превосходным в разуме и крепкого сложения», «для моря требуется великое знание от тех, кои осмеливаются верить себя оному».

Следом за книгой «О точности морского пути» издается «Наука морская, сиречь опыт о теории и практике управления кораблем и флотом военным, что с французской книги перевел с присовокуплением к тому многих потребных изъяснений и действий издал Николай Курганов, майор и математических и навигационных наук профессор» (СПб., 1774). Этот «многострадальный» перевод пособия Ж. Бурде де Вильгюе (*Bourdé de Villehuet. Le manoeuvrier, ou Essai sur la théorie et la pratique des mouvements du navire et des évolutions navales. Paris, 1765*) должен был выйти в свет намного раньше. Книгу пришлось переводить второй раз, поскольку, как отмечено в сноске «Курганова уведомления повестного», «первого перевода лишился я (и с домишком моим в 16 линии от Невы пятым, в коем состояло все мое богатство, нажитое праведными моими трудами в 30-тилетнюю мою службу отечеству) от презельного пожара, бывшего 1771 года мая 23 дня в 1 часу вечера при ясном небе и крепком ветре от ОНО».

На титуле стоял эпиграф, занимавший такое же место и на книге Бурде де Вильгюе:

Hoc opus, hic labor est. Virg. Aeneid.

Это цитата из «Энеиды» Вергилия (VI, 128—129): «Вот что труднее всего».⁵¹ На оборот же титульного листа Курганов самостоятельно поместил две цитаты, отделенные друг от друга чертой:

Государя, не имеющие морского флота, суть об одной руке, а имеющие оной, с обеими.

в предисл. устава морского.

*Cet importance utile au Commerce à la Guerre,
va chercher nos besoins aux deux bouts de la Terre.*

Первый кургановский эпиграф «Опыта о теории и практике управления кораблем и Флотом военным» точно указывал на несколько важных моментов: во-первых, Морской устав («Кни-

⁵¹ Публий Вергилий Марон. Собр. соч. Энеида / Пер. С. Ошерова; Под ред. Ф. Петровского. СПб., 1994. С. 222.

га устав морской. О всем, что касается к доброму управлению, в бытности флота на море...», 1720) был написан при непосредственном участии Петра Первого; во-вторых, при Петре Россия превратилась в морскую державу; в-третьих, манифест императора, откуда взяты эти строки, выражал основной принцип военной науки как прошлых лет, так и настоящего времени — единство армии и флота. При сравнении цитаты с соответствующей частью предисловия документа обнаруживаются существенные различия: «И понеже сие дело необходимое есть государству (по оной пословице: «Всякий потентат,⁵² который едино войско сухопутное имеет — одну руку имеет. А который и флот имеет — обе руки имеет»), того ради сей воинский устав учиним, дабы всякий знал свою должность и неведением никто не оправдывался». Курганов, следуя тематике книги, упростил выведенный в пословице принцип единства, ставший одной из крылатых фраз Петра I, вовсе не упомянув о сухопутных войсках, и заменил латинское «потентат» на более понятное и привычное всем «государя». Вероятнее всего, профессор математических и навигационных наук воспроизвел фразу по памяти, передав ее общий смысл. Переводчик ощущал себя последователем великого дела, начатого первым императором; поставив перед «Наукой морской» эпитафию из «Морского устава», он обращал внимание на важность содержания книги: мало иметь флот, им надо уметь управлять. Перевод был принят как руководство в Морском корпусе и был весьма популярен среди командного состава русского флота.⁵³

Смысл французской фразы затемнен грамматическими ошибками, которые затрудняют однозначный перевод и определение источника второго эпитафия. Можно дать лишь приблизительный перевод: «Сия важность, для торговли <и> войны полезная, отправиться искать наших нужд на обоих концах Земли». В эпитафии отмечена несомненная польза «исправности кораблевождения» (с. <XX>, «Уведомление повестное») не только для военного флота, но и для торгового. Кроме того, подчеркнуты огромные возможности, открывающиеся перед государствами, имеющими профессионально подготовленные в этой области кадры.

Вообще, нужно отметить непрестанное стремление Курганова к распространению просвещения, ко всему новому, новаторскому, что дает наука, в первую очередь европейская. Например, об этой

⁵² Потентат (*лат.*) — правитель, властитель.

⁵³ Многие из учеников профессора Курганова стали впоследствии выдающимися деятелями морского флота, знаменитыми флотоводцами (Ф. Ф. Беллинггаузен, И. Ф. Крузенштерн, В. М. Головнин, Ю. Ф. Лисянский, Д. Н. Сенявин, Ф. Ф. Ушаков и др.).

книге Бурде де Вильгюе он в «Повестном уведомлении» писал: «В ней все теоретические и практические предложения описаны основательно и доказаны простою геометриею. А на английском таковых книг нет» (с. <XXV>). И еще: «Доныне о многих их (мореплавателей. — И. К.) делах в ней (книге. — И. К.) находящихся <...> не писано на нашем языке. И тако имею щастие определенных и желающих обучаться сей науке россиян поздравить, что они, имея ныне такую же книгу на своем языке, которая и у французов, древнейших мореплавателей, почитается за новейшую, да еще с помянутым прибавлением,⁵⁴ могут получать желаемое свое с малым трудом и с большим основанием и совершенством нежели прежде» (с. <XXVII>). Свою же деятельность характеризовал так: «Яже яко не наемник, что могу, то издаю» (с. <XXVIII>). Осуществленные Кургановым переводы, составленные к ним обширные дополнения помогают оценить вклад ученого в развитие морской науки в России еще более полно.

«Книга Морской инженер, то есть теория и практика о укреплении напольных и приморских мест: о защищении флотов во укрепленных гаванях, и о бывших знатнейших атаках многих портов с присовокуплением науки о перспективе, о напасти и обороне разных крепостей и словаря инженерного»⁵⁵ (СПб., 1777) является самостоятельным плодом творчества Курганова и открывается на первый взгляд неожиданным эпиграфом: «*Взбранной воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем ти раби твои, Богородице: но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем ти: радуйся Невесто неневестная. Повесть о сем в Триодионе лист 615*».

Триодион — это богослужебный гимнографический сборник, содержащий песнопения о днях с начала до конца церковного года. Пение Акафиста Божией Матери в составе богослужения допускается только один раз в году — в субботу пятой седмицы Великого поста (поется накануне). В пятницу вечером совершается торжественная служба Похвалы Пресвятой Богородицы. Исторически этот праздник связан с защитой Константинополя, когда греки, помощью и заступлением Богородицы, одержали победу над скифскими и персидскими войсками, осаждавшими город.⁵⁶ Акафист читывается в четыре приема, каждый из

⁵⁴ Кургановым был составлен «Словарь морской» и помещен как дополнение к переводу «Науки морской».

⁵⁵ У книги есть и второе название: «Книга о науке военной, содержащая в себе умозрение и деяние о укреплении всяких полевых и приморских мест...».

⁵⁶ Эта победа считается чудоподобной: ночью, когда соединенные силы агарян и персов с моря и с суши двинулись на город, внезапно восстала страшная буря, которая рассеяла и потопила суда нападавших. Остальные враги со

которых начинается и оканчивается пением первого кондака, который и представлен в эпитафье. Акафист читается и в другие дни и завершается краткой молитвой к Заступнице Небесной о том, чтобы Она спасла христиан от бед и напастей, избавив от врагов видимых и невидимых. Курганов несомненно знал об истории появления этого акафиста, о его особой торжественности и важности. Таким образом, это молитвенное обращение нельзя назвать случайным в военно-морском пособии, повествующем об укреплении гавани и о «напасти и обороне разных крепостей» и портов. Но, учитывая все же практическую и обучающую направленность книги, улавливается авторский намек, который можно сформулировать при помощи известной поговорки: «На Бога надейся, а сам не плошай».

Опыт использования эпитафьи у Курганова весьма показатель: он как переводчик, переняв некоторые приемы эпитафирования из европейской традиции, развивал их на русской почве. В то же время как автор и составитель учебников, осознавая в первую очередь дидактическую сторону этого компонента текста, уделяя ему особое внимание. Иногда это находило выражение в объеме эпитафьи или их количестве, чем подчеркивалась особая значимость предмета изложения. Идея употребления изречений в качестве обозначения преемственности в изучении той или иной науки пришла Курганову во время написания «Письмовника» и прижилась в дальнейших трудах. Переводные произведения сопровождалась «родными» эпитафиями из оригиналов, а добавленные педагогом-просветителем эпитафии свидетельствовали об осмыслении французских учебных пособий как остро востребованных для русской морской школы.

стыдом бежали. Тогда во всю эту ночь благодарный народ, пребывавший во Влахернском храме Константинополя, возгласил Заступнице града победную, всенощную и неседальную (акафист, греч. букв. *неседальный*) песнь: «Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем Ти раби Твои, Богородице!». С того времени (IX в.), в воспоминание столь великого чуда, Православная церковь постановила празднество Похвалы Пресвятой Богородицы. Сначала праздник акафиста совершался во Влахернском храме, где хранились чудотворная икона Божией Матери и священные предметы земной ее жизни — риза и пояс; но позднее праздник был внесен в типиконы (уставы) монастырей святого Саввы Студийского и потом в церковные богослужебные книги и с того времени сделался общим для всей Восточной церкви.

Д. Р. НЕВСКАЯ

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ XVIII ВЕКА ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ МИФА

В статье 1803 г. «О Богдановиче и его сочинениях»,¹ вызванной смертью писателя, Н. М. Карамзин подробно анализирует поэму «Душенька», не оставляя без внимания и другие произведения И. Ф. Богдановича: «Правда, что Богданович еще писал, но мало, или с небрежением, как будто бы *нехотя* или в дремоте гения. Иной сказал бы, что поэт, любя свою Душеньку, *хотел* оставить ей честь быть единственным изящным творением его таланта».² «Иной сказал бы...», но не Карамзин, который сразу же дает лаконичную характеристику другому произведению Богдановича: «...он сочинил *Историческое изображение России*, часть 1 (опыт легкий, несовершенный, но довольно приятный)...».³ Внимание писателя к этому произведению Богдановича не случайно: Карамзин еще до 1803 г. проявлял интерес к историческим сочинениям. Однако в дошедших до нас документах и письмах Карамзина 1780—1790-х гг., где он отмечает произведения не только известных, но и менее известных авторов, нет упоминаний о Богдановиче и его трудах. И только в 1803 г., после смерти поэта, Карамзин обращается к брату покойного и людям, хорошо знавшим писателя, с просьбой предоставить ему материал для написания статьи о Богдановиче. Для того чтобы написать столь подробный очерк о жизни и творчестве писателя, Карамзину пришлось обратить внимание на его труды, среди которых было и «Историческое изображение России». В резуль-

¹ Вестник Европы. 1803. № 9. С. 3—18; № 10. С. 75—111. Подпись: Ц. Ф.

² Там же. № 10. С. 103.

³ Там же. Речь идет об издании: [Богданович И. Ф.]. Историческое изображение России. СПб., 1777. Ч. 1.

тате появляется приведенная выше оценка этого произведения, характеризующая не только труд Богдановича, но и взгляды самого Карамзина на историческое сочинение в целом. Важно отметить, что столь неоднозначная оценка опыта Богдановича могла появиться именно в 1803 г., когда Н. М. Карамзин принимает решение и «записывается в историки», не переставая, однако, оставаться писателем.

И. З. Серман, характеризуя позицию Богдановича как историка, поставил его взгляды в прямую зависимость от французской беллетристической историографии начала XVII в., а именно от сочинений аббата Р.-О. Верто д'Обефа, славившегося красочностью и живостью описаний. Исследователь подметил, что Богданович «применил манеру Верто к изображению Киевской Руси».⁴ Действительно, как только Богданович заканчивает переводить «Историю о бывших переменах в Римской республике» (1771—1775) Верто, он сразу начинает писать свое «Историческое изображение России», избрав самый «темный» и затруднительный для писателя и историка период Древней Руси, о котором Карамзин позднее напишет: «...в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источник Поэзии! Взор наш, в созерцании великого пространства, не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкого, ясного — к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?».⁵ У историка-неофита Богдановича, начавшего свою историографическую деятельность с описания событий Киевской Руси, мог возникнуть «соблазн», о котором писал Н. Я. Эйдельман: «Надежных фактов мало, первые века Киевской Руси во мгле — зато немногие древние легенды тянут в „омут“, к повести, к поэме».⁶ Однако Богданович не пошел путем, предначертанным автору «Душеньки». Видимо, для того чтобы талант историка «не затянуло» в привычный для «певца Душеньки» «омут», сочинитель обращается к новому для себя жанру «сокращенной истории», в рамках которого, возможно, преднамеренно сдерживает свои художественные способности. В результате, вместо того чтобы «оживить тлеющие хартии» летописными преданиями и баснями, Богданович совершает по своему усмотрению отбор «наиважнейших и наиболее полезных предметов», «оставляя же все невероятные или маловажные описания

⁴ Серман И. З. И. Ф. Богданович // Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л., 1957. С. 23.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1. С. XIII (Репринтное воспроизведение издания пятого, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П. М. Строева. М., 1988).

⁶ Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М., 1983. С. 51.

и сокращая летопись», выполняя, по его словам, «свойственное людям желание получать легчайшим образом нужные сведения и отвергать все то, что бесполезно обременяет память их».⁷ Стоит отметить особо, что Богданович сокращает не сами летописи, а их изложение, предпринятое М. М. Щербатовым в его «Истории Российской», на которую как на единственный источник своего труда ссылается сам сочинитель. Так, например, Богданович, отвечая на критические выпады Г. Л. Брайко,⁸ помещенные в июльском номере «Санкт-Петербургского вестника» за 1778 г.,⁹ отмечает, что «сии подробности не входят в план» его «Исторического изображения», которое есть «простое повествование самонужнейших вещей к сведению», и предлагает критику «удовольствовать свое любопытство чтением российской истории почтенного нашего историка князя Михайлы Михайловича Щербатова».¹⁰ Суть своих претензий критик выразил, отвечая в свою очередь обидевшемуся на него сочинителю: «...и мы конечно знаем, что разбирать старые бумаги и приводить содержащиеся в оных дела в связь историческую есть совсем другого рода заслуга и несравненный труд, — но из разобранных и в порядок приведенного выписывать сократительно и выписанное разного рода цветками украшать, есть совсем другое дело».¹¹ К «цветкам» Брайко относит как красноречие самого автора, так и речи некоторых исторических героев, вымышленные Богдановичем. В частности, недоумение критика вызвала речь старого воина перед князем Владимиром: «Простые воины в 993 году, не думаем, чтобы упражнялись в со-

⁷ Богданович И. Ф. Историческое изображение России // Богданович И. Ф. Сочинения. СПб., 1848. Т. 2. С. 152.

⁸ О Г. Л. Брайко см. подробнее: Мартынов И. Ф. Журналист, историк и дипломат Г. Л. Брайко // XVIII век : А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1977. Сб. 12. С. 225—241.

⁹ Брайко Г. Л. Известие о новых книгах: Историческое изображение России, часть первая // Санктпетербургский вестник. 1778. Июль. Ч. 2. С. 49—65. Критик дает характеристику историографическому фону, на котором появляется опыт Богдановича, и высказывает свои требования: «Итак, не имеем мы доньне основательной и приятностию слога пленяющей отечества нашего истории, которая бы совершенно очищена была от бесполезных, маловажных и невероятных сказаний, царствующих в древних летописях, коя бы, справедливое справедливим, правдоподобное правдоподобным и сомнительное сомнительным представляя, сохраняла при том в течении повествования чистый, плавный, сильный и приятный российский слог».

¹⁰ Богданович И. Ф. Ответ сочинителя Исторического изображения России к его неизвестному вопросителю // Богданович И. Ф. Сочинения. Т. 2. С. 234—235.

¹¹ Брайко Г. Л. Ответ на письмо г. сочинителя «Исторического изображения России», включенное им в № 64 «Санктпетербургских ведомостей» // Санктпетербургский вестник. 1778. Август. С. 149.

чинении таких высокопарных риторических речей», — пишет Брайко. Такими речами и авторским красноречием, по мнению критика, Богданович заполняет «пустоты», образовавшиеся из-за самовольного сокращения им древних летописей: «Господин сочинитель пишет не вымышленную повесть, но сокращенную историю нашего отечества, которую он сам выдумать не может, но придерживаться должен древних летописцев и других, вероятно достойных преданий, сохранивших нам изящнейшие повести, и самовольно их поправлять, или, по словам его „цветками украшать“, нам кажется ему не надобно».¹²

Брайко критиковал Богдановича не только за риторические излишества, но и за то, что тот не сохранил в своем «Изложении» «вероятия достойных преданий, сохранивших нам изящнейшие повести», и «самовольно их поправил». В частности, Брайко указал Богдановичу на то, что тот скорректировал предание о сыне того старого воина, который не «несколько ребер выломил наивеличайшему волу», а «младой ременщик, по летописи Нестора, мимо его бежавшему разъяренному быку вырвал, схватя за бок, кожи с мясом столько, сколько рукою захватить мог...».¹³ Прочитав Нестора, Брайко сетует: «К чему такое странное поправление в летописи! Первое хоть трудно, но возможно, а другое совсем кажется нам невозможным».¹⁴ Обращает на себя внимание приверженность в 1778 г. (!) историка Брайко к летописным преданиям о деяниях, которые маловероятны, но возможны, и предпочтение таких летописных преданий их исправленным версиям. Критик настойчиво оставляет без внимания заявленное в «Предисловии» к «Историческому изображению России» намерение Богдановича избегать «все невероятные или маловажные описания и, сокращая летопись», выполнять тем самым «свойственное людям желание получать легчайшим образом нужные сведения и отвергать все то, что бесполезно обременяет память их».¹⁵ Предположим, что Богданович совершает отбор «наиважнейших и наиболее полезных предметов», руководствуясь при этом как здравым смыслом человека эпохи Просвещения, так, по всей видимости, и эстетическими критериями *победившего классицизма*: то есть, то, что не является правдоподобным, не может быть эстетически значимым, а следовательно, полезным и приятным читателю. Так, например, Богданович в «Предисловии» к своему «Историческому изображению России» заявляет,

¹² Там же. С. 152.

¹³ Там же. С. 153.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Богданович. И. Ф.* Историческое изображение России. С. 152.

что его не интересует, например, «чем провинились древлянские послы, которым велено было ночевать на реке в ладьях, а на другой день придворным нести их с ладьями на головах и после бросить в глубокую яму»,¹⁶ однако упоминает о самом факте мести княгини Ольги как об исторической данности: «... между тем, мстя древлянам разными образами, пошла в самом деле к ним с войском».¹⁷ Рассказывая о смерти князя Олега как о реальном событии, писатель при этом опускает такую «подробность», как предсказание волхвов. В результате в историческое повествование вносится элемент случайности, и легенда о смерти Олега приобретает бытовую мотивировку, становясь заурядным фактом: «Олег получает нечаянную смерть от мертвой головной лошадиной кости, которую он, идучи мимо, толкнул ногою и тут же в ногу был ужален змеею, исочившею изнутри сей головы, где она таилась».¹⁸ Даже у М. М. Щербатова — рационалиста и прагматика — полностью приводятся летописные предания о смерти Олега и о хитростях и мщении княгини Ольги, которые историк сопровождал своими комментариями. Можно привести еще несколько примеров, свидетельствующих о представлениях Богдановича о правдоподобии:

- князь Владимир во время крещения очищается от слепоты душевной (в летописи говорится о слепоте физической);

- Изяслав у Богдановича становится на несколько лет старше и способен сам, приняв решение, защитить свою мать Рогнеду-Гориславу от Владимира (в летописи малолетний Изяслав используется Рогнедой, дабы смягчить сердце Владимира).

Когда в 1803 г. Карамзин характеризовал историческое сочинение Богдановича как опыт «довольно приятный», то, скорее всего, он имел в виду «слог» произведения, который после трудов Ломоносова, Татищева и Щербатова даже строгому критику Брайко показался «изрядным», а самому Карамзину «легким». «Историческое изображение России» могло произвести на Карамзина — автора «Марфы Посадницы» — действительно приятное впечатление. В произведении Богдановича есть чувствительные монологи, которые вызвали в 1778 г. критику Г. Брайко-историка, но в 1803 г. могли привлечь внимание как Карамзина-читателя, так и Карамзина-писателя. К таким монологам, например, относится и речь, сказанная старым воином князю Владимиру, где старец предлагает князю своего младшего сына для единоборства с печенегом: «Государь! Жизнь моя и детей моих принадлежит

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 174.

¹⁸ Там же. С. 169.

отечеству. Во младости моей не отрекся бы я сам сразиться с гордым и страшным исполином, вызывающим ныне от россиян себе соперника; но нагбенная старость, в изнеможении сил, представляет к услугам твоим единое только усердие. Я и дети мои, служащие ныне в полках твоих, готовы сражаться с самыми ужасными чудовищами за славу и честь России...»¹⁹ Можно сказать, что во многом благодаря этой речи характер безымянного старца оказался едва ли не самым ярким и живым образом в достаточно «сухом» изложении истории, лишенном даже прелестных летописных преданий. Позднее, в «Предисловии»

¹⁹ Там же. С. 219. Возможно, что нападки Брайко на эту речь окончательно отвратили Богдановича не только от продолжения историографических опытов, но и от творчества в целом. Брайко в своей критической статье использовал прием «исторической живописи», но не для того чтобы заинтересовать читателя наглядностью и достоверностью изображаемого исторического «предмета», а для того чтобы продемонстрировать сочинителю и его читателям всю нелепость недостоверного изображения этого «предмета» на картине: «Если бы искуснейший живописец написал сего старика с седою бородою и бердышем в руке, в французском кафтане, в кружевных манжетах и в кошельке, похвалили ль бы его сию острую выдумку?» (Санктпетербургский вестник. 1778. Август. С. 154). Можно думать, что критик набрасывает карикатурный портрет самого Богдановича, так как из воспоминаний И. И. Дмитриева известно, что тот «всегда был во французском кафтане, кошелек на спине, и тафтяная шляпка (кляк) под мышкою...» (Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. Ч. 1. Кн. 3. С. 58). Богданович очень болезненно отреагировал на критику и весьма сердито ответил на все замечания Брайко на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» (1778. № 64. 10 августа. Прибавление). Однако последнее слово осталось за критиком, в результате чего первая часть «Исторического изображения России» осталась единственной. Возможно, Карамзин знал о реакции Богдановича на критику «Исторического изображения России». Следуя своей традиции, начатой еще в статье «Что нужно автору?» (1794), Карамзин обращается не только к «букве», но и к «духу» писателя, и, вероятно, опасаясь потревожить память Богдановича, он дает крайне осторожные и противоречивые оценки не только его творчеству, но и его человеческим качествам: «Никто не замечал в нем авторского самолюбия...», — утверждает Карамзин и тут же продолжает: «Не мудрено, что он не любил критики, пугающей всякое нежное самолюбие, и признавался, что она своею грубою строгостию могла бы совершенно отвратить его от авторства» (Вестник Европы. 1803. № 10. С. 110). Богданович мог действительно очень сильно переживать по поводу своего неудачного историографического опыта, в котором он ощутил свою несостоятельность именно как писателя, который ничего, кроме «Душеньки», написать так и не смог. Последнее воспоминание о Богдановиче связано с именем актера М. С. Щепкина, который еще мальчиком застал «певца Душеньки» в Курске в последний год его жизни. Известный писатель давал мальчику книги из своей библиотеки. И первое сочинение, предложенное Богдановичем Щепкину, было «Ядро российской истории» А. И. Манкиева. «Одно меня долго удивляло, — вспоминает актер, — при жизни еще Богдановича я несколько раз просил у него прочитать его Душеньку, но он всегда отказывал, приговаривая: „После, после, душенька! Еще успеешь!“» (Записки актера Щепкина / Изд. подгот. Н. Н. Панфиловой, О. М. Фельдманом. М., 1988. С. 63).

к «Истории государства Российского», Карамзин сформулирует свое отношение к вольностям при изображении исторического характера, обратив при этом внимание и на «удовольствие читателя», которое к тому времени перестает быть для него главным мерилom ценности исторического сочинения: «Самая прекрасная выдуманная речь безобразит историю, посвященную не славе писателя, не удовольствию читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истине, которая уже сама собою делается источником удовольствия и пользы».²⁰ Вполне вероятно, что в 1803 г., оценивая труд Богдановича, Карамзин руководствовался и таким критерием, как «удовольствие читателя», на которое могли рассчитывать поклонники «Душеньки». Но одна только эта вымышленная речь старца не могла принести удовольствия от всего «Исторического изложения». Для Карамзина, в эти годы подбирающего ключи к исторической истине, становилось ясным, что украсить любое историческое произведение может не замена летописных преданий вымышленными речами и авторскими нравственными рассуждениями, а сами предания и мифы. Карамзин подходит к пониманию того, что подлинным источником удовольствия и пользы для читателя может стать сам летописный материал, не украшенный, не усеченный, но прокомментированный. Возможно, оценка опыта Богдановича как «несовершенного» явилась результатом произошедшего перелома в отношении Карамзина к летописному преданию.

Ю. М. Лотман, анализируя эволюцию взглядов Карамзина-историографа, отметил новую по сравнению с 1790-ми гг. тенденцию в его творчестве 1802—1803 гг.: «предпочтение не мифа, а исторического факта», однако «миф не опровергается, но отношение к нему становится принципиально иным: сам миф воспринимается как порождение своей эпохи».²¹ Однако Карамзин не сразу пришел к осознанию исторической и эстетической значимости летописного предания. В статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» (1802) Н. М. Карамзин, вслед за Ломоносовым и Сумароковым, призывая живописца выбрать тот или иной сюжет из древнерусской истории, сам предпринимает попытку такого отбора, мотивируя и комментируя его следующим образом: «Если бы Гостомысл был в самом деле историческим характером, то мы, конечно, бы захотели его изображения; но Нестор не говорит об нем ни слова. — Вадим Храбрый принадлежит также к бас-

²⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. С. XII.

²¹ Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Н. М. Карамзина (1789—1803) // Учен. зап. Тартуского университета. 1957. Вып. 51. С. 149.

нословию нашей истории».²² Может показаться, что Карамзин делает выбор в пользу исторического факта. В то же время автор предлагает художнику и сюжет о смерти князя Олега, и «любое из десяти возможных представлений» о хитростях и мести княгини Ольги, относящихся также к «баснословию нашей истории». В «Случаях и характерах» Карамзин еще пользуется правом писателя-беллетриста выбирать те исторические сюжеты, которые не только обладают исторической достоверностью, но и могут воздействовать на воображение читателя/зрителя. При этом он уже отделяет исторические сюжеты от баснословных, не умаляя эстетической значимости последних.

Через несколько лет в «Истории государства Российского» Карамзин повторит «Нестеровы простые сказания о мести и хитростях Ольгиных», но с важной для нас оговоркой: «Здесь летописец сообщает нам многие подробности, отчасти несогласные ни с вероятностями рассудка, ни с важностию истории, и взятые, без всякого сомнения, из народной сказки; но как истинное происшествие должно быть их основанием. И самые басни древние любопытны для ума внимательного, изображая обычаи и дух времен...».²³ Это высказывание Карамзина отражает два возможных подхода историка к летописному сказанию:

- поскольку в основе летописного сказания лежит истинное происшествие, то следует освободить его от «чудесной» эпической скорлупы и показать читателям уже ядро сказания, то есть само происшествие;

- поскольку сами сказания изображают обычаи и дух времен, то принять их без предварительного очищения, воспринимая «как порождение своей эпохи».

Следует особо подчеркнуть, что первый подход предполагает восприятие мифа как исторической категории, второй — как исторической, так и эстетической. Оба подхода к мифу имели место в историографической практике самого Карамзина. Причем к «мифу как к порождению своей эпохи» писатель пришел не сразу, а через осознание сначала эстетической, а потом и исторической значимости мифа. Если в 1790-е гг. Карамзин «отдает предпочтение мифу перед историей» и его как писателя-беллетриста более всего в мифе привлекает «поэтическая сторона»,²⁴ то в период работы над первыми томами «Истории государства Рос-

²² Карамзин Н. М. О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств // Карамзин Н. М. Сочинения: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 157.

²³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. Гл. VII. С. 97.

²⁴ Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Н. М. Карамзина. С. 138—139, 141.

сийского» Карамзин в поисках ядра сказания так или иначе разоблачает чудесную природу летописных сказаний в ущерб именно этой поэтической стороне. Предполагая, что «истинное происшествие должно быть» основанием летописных сказаний и о мести княгини Ольги древлянам, и об осаде Константинополя Олегом, Карамзин как бы «помогает» мифу превратиться в исторический факт, доискиваясь до его вероятной исторической сущности.

Очевидно, что Карамзин в своих взглядах на эстетическую и историческую ценность летописного мифа имел предшественников среди писателей-историков так называемого «риторического» направления в русской историографии. К этим историкам-неофитам, помимо Богдановича, можно причислить Ф. А. Эмина, И. П. Елагина, Н. А. Львова, Екатерину II. К осознанию эстетической и исторической значимости мифа они шли тем же путем, каким позднее прошел Карамзин. Однако их путь к осознанию как эстетической, так и исторической значимости мифа начинался с полного непризнания каких-либо эстетических или исторических достоинств летописного предания. В чем же заключалась причина этого неприятия мифа?

Каждый из писателей XVIII в., следуя завету Петра I и «записавшись в историки», стремился написать монументальное историческое сочинение, в котором бы русская история была бы представлена последовательно и достоверно. Желая предстать перед своими читателями в новом амплуа историка, они больше всего опасались получить упрек в недостоверности повествования. А начинали они свои труды, как и Богданович, с истории Древней Руси. И для того чтобы писателей не затянуло в привычный для их литературной практики «омут», они изначально восприняли поэтическую сторону мифа как антиисторическую и антиэстетическую.

Отказ от летописного сказания обосновывался историками-неофитами по-разному. Так, например, Эмин, претендовавший на роль продолжателя дела В. Н. Татищева по составлению полной истории России, с 1767 по 1769 г. написал три тома «Российской истории». «Записавшись в историки», он стал ориентироваться на неискушенного в чтении «древних хартий» читателя и поэтому при отборе летописного материала руководствовался критериями исключительно эстетического порядка. Например, он не допускал в первый том своего сочинения описания некоторых «обычаев и нравов» древних славян, так как они, по его мнению, были «лишь мерзостью в невежество погруженного народа».²⁵ Свою задачу писатель видел в сличении множества

²⁵ Эмин Ф. Российская история. СПб., 1767. Т. 1. С. 17.

разных летописных списков, чтобы «праведные повествования отделять от неосновательных».²⁶ Боясь «набавить тьму сказок», Эмин, по его собственному признанию, сталкивал документы с «площадными» списками, «в которых часто, если не очевидная вещь, то, по крайней мере, тень оныя обрящется, кою здравым рассуждением расчистя, можно будет и важность дела увидеть».²⁷ Одним из таких «площадных списков», по мнению писателя, был Никонов список, наполненный «грубым суеверием», «разными, больше смешными, нежели удивительными приключениями множественных колдунов и волшебниц». Писатель в предисловии к своему сочинению даже упрекнул издателя «Никоновской летописи» А. Шлецера в том, что тот «оный список <...> от басен не очистил».²⁸ Утверждая, что Никонов список «полон „басен“», Эмин апеллирует к самолюбию просвещенных читателей: «Сто лет назад наши купцы, да и прочие такую б книгу расцеловали, но ныне наш народ в просвещении со всеми прочими равняется, и потому такими баснями, какими наполнен Никонов список, нас прельстить не можно».²⁹ В то же время писатель признает, что «очень много найдется в свете людей, ребяческие мысли имеющих, которым великолепно рассказанные басни нравятся».³⁰

Историки риторического направления, по всей видимости, не относили себя к людям с «ребяческим мышлением». Они, как и Карамзин в 1790-е гг., так и не смогли прийти к осознанию «поэтической стороны мифа» и либо выкидывали из своих сочинений прелестные летописные сказания о мщении княгини Ольги, смерти князя Олега, либо пытались дать этим басням достоверное объяснение, докапываясь до исторического ядра мифа, тем самым расправляясь с его поэтической стороной. При этом историки руководствовались не критерием правдивости/достоверности, а критерием правдоподобия, который классицисты понимали как облагороженное сходство с правдой. А поскольку классицисты различали то, что действительно произошло, и то, что могло произойти, а последнее вслед за Аристотелем относили к сфере поэзии, то можно с уверенностью говорить, что принцип поэтического «правдоподобия» лег в основу отбора и интерпретации летописных сказаний историками-неофитами. Прекрасным для них являлось то, что было похоже на правду. Так, например, Эмин в «Предисловии» к своему сочинению признавался, что, описы-

²⁶ Там же. Предисловие. С. XI.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

вая каждое действие обстоятельно, он находил «оного причины и изъяснял следствия, которые хотя может статья по случаю и не были, однако легко бы быть могли».³¹

В «Записках касательно Российской истории» Екатерина II также лишила чудесной подоплеки сказание о смерти Олега, сообщив читателям, что как-то осенью «Олег вспомнил о любимом коне своем, его перед собой привести велел, но узнав, что он умер в его отсутствие, сел на лошадь, поехал мимо костей этого коня, из головы которого выскочила змея и ужалила в ногу, отчего Олег умер в 912 году».³² Из сочинения было также исключено предание о мщении княгини Ольги, за исключением пожара в «Коростени», происшедшего, по версии автора, случайно: «...учинился во граде пожар и сгорел город Коростен весь».³³

Эмин также приходит к бытовой мотивации летописных мифов: повествуя о чудесном прозрении Владимира, он пытается объяснить потерю зрения и его обретение с позиции правдоподобия: «Может статья, бессоние тому было причиною; ибо Владимир, чрезмерно будучи склонен к женскому полу и размышляя о красоте царевны, которую ему послы описали с великим его удовольствием, не спал несколько ночей, зная о приближении своей невесты. От бессония обыкновенно случается, что глаза пухнут и возгораются. Поэтому от радости по прибытии в его дворец царевны, может быть, Владимир сверх обыкновенного повеселился напитками, что боление его глаз умножило. Царевна <...> приказала его пользоваться своим искусным лекарем. Болезнь Владимира отвращена была, и он, выздоровев, крестился».³⁴

И. П. Елагину же, как следует из его «Опыта повествования о России» (1803), вообще представляется невероятным поджог древлянского городка «тремя воробьями» и «тремя голубьями» с каждого двора, которых в качестве дани Ольга потребовала у древлян. Возмущению Елагина нет предела: «Что может нелепости басни сея уподобить? И как писатели наши могли себе позволить такими народными преданиями, сказками затмевать истину деяний и освятить оные помещением в житии святых? Для того кажется, чтоб и мы, им последующие, не дерзнули исторгнуть их из повествования о России».³⁵ И Елагин не решается «исторгнуть» миф, однако доверительно делится с читателями

³¹ Там же. С. L—LI.

³² *Екатерина II. Записки касательно Российской истории.* СПб., 1787. Ч. 1. С. 50.

³³ Там же. С. 69.

³⁴ *Эмин Ф. Российская история.* Т. 1. С. 333.

³⁵ *Елагин И. П. Опыт повествования о России* : В 3 кн. М., 1803. Кн. 1. С. 259.

своими сомнениями на счет «правдоподобия» этого эпизода. Он убежден, что птицы не смогли долететь до своих домов, так как испытывали боль и страх: «Мне самому случалось опыта такого над воронами быть свидетелем. Привязанный к их ногам огонь понуждал птицу, крутясь, вознестись на высоту и упасть почти на то же место, откуда пущена была».³⁶

Попытка объяснить летописное сказание с точки зрения его правдоподобия встречается и в первых томах «Истории государства Российского». Карамзин, повествуя о легендарной осаде князем Олегом Константинополя, не может удержаться от следующего рационального комментария: «В летописи сказано, что Олег поставил суда свои на колеса и силою одного ветра, на распушенных парусах, сухим путем шел с флотом к Константинополю. Может быть, он хотел сделать то же, что сделал после Магомет II: велел воинам тащить суда в гавань, чтобы приступить к стенам городским; а баснословие, вымыслив действие парусов на сухом пути, обратило трудное, но возможное дело в чудесное и невероятное».³⁷ Карамзин в своем стремлении обнажить факт, скрытый под позднейшими эпическими напластованиями, как и его предшественники, лишает летописное сказание его поэтической прелести, превращая его тем самым в вероятный исторический факт.

Но откуда тогда к историкам XVIII в. пришло осознание и эстетической, и исторической значимости мифа «как порождения своей эпохи»? Попытаемся ответить на этот вопрос. Елагин, чтобы яснее представить читателям картину искушения Святослава греками, приводит легенду об Улиссе и Ахилле, вероятно считая летописную красочную версию событий недостаточно убедительной.³⁸ Вспомним, что и Эмин в своем стремлении «не набаять тьму сказок» и в поисках исторических аналогий обращается к древнегреческому мифу: «В том случае славяне сделались подобными грекам, которые многие от троян терпели обиды и принуждены были долгое время все оные сносить. Но когда Парис похитил их Гелену, в то время все греческие царства, соединясь, пошли на Троию».³⁹

Использование столь широко понятых исторических аналогий писателями риторического направления еще раз подтверждает как жизнеспособность летописной традиции, в которой было принято сравнивать события русской истории с подобными со-

³⁶ Там же. С. 259.

³⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. Гл. V. С. 80.

³⁸ Елагин И. П. Опыт повествования о России. Кн. 3. С. 305.

³⁹ Эмин Ф. Российская история. Т. 1. С. 82.

бытиями из византийских хроник и библейских книг, так и силу воздействия литературной традиции классицизма, в которой античный эпос обладал несомненной ценностью и воспринимался амбивалентно — с точки зрения его исторической и эстетической значимости.

Между тем в числе доказательств, подтверждающих вероятность того или иного летописного эпизода у Эмина, Елагина и у Екатерины II, встречаются примеры из русского песенного эпоса, из былин и из русских народных сказок. Так, И. П. Елагин, повествуя о князе Владимире, упоминает и о русских богатырях Илье Муромце, Алеше Поповиче и Соловье-Разбойнике как об исторических личностях: «Сомневаться в существовании их потому не находим причины, что во времена киевского великого кн. Владимира I видим мы в повествовании Нестора имена героев, которые в древних песнях нам остались».⁴⁰ По мнению историка, нельзя отвергать и «свидетельства древних наших песен», так как «справедливость вещания их доказывает простота повествовательного их содержания». В примечании Елагин продолжает говорить о русском народном эпосе как факте истории, содержащем «живые черты времени»: «...песни они еще и ныне скоморохами и больше нищими поются, особливо в Москве по рынкам. Они величают и жен Владимировых, и богатырей. Или героев его; равно как и в сказках скажут о Илье Муромце, Алеше Поповиче, Соловье Разбойнике, Дюке Стефановиче и прочих многих богатырях, в летописях упоминаемых. Сказки сии певались на распеве, подобно песням Гомеровым в его эпических поэмах».⁴¹

Елагин склонен безоговорочно поверять летописные сведения более древними и авторитетными для него эпическими сказаниями, не применяя к ним слова «баснь» в значении «выдумка». Как следует из «Записок касательно российской истории», Екатерина II также подтверждает летописное свидетельство о том, что Владимир привлекал на Русь «храбрых богатырей отовсюду», фольклорным источником: «В том числе были Ян или Иоанн Хамович, Алексей Попович, Илья Иванович Муромец, Андриян Добрянков, Добрыня Никитич, Рогдай, который на всякую силу один выезжал, и иные многие. О сих много повествуют в народных сказках».⁴²

⁴⁰ Елагин И. П. Опыт повествования о России. Кн. 2. С. 138.

⁴¹ Там же. С. 138—139.

⁴² Екатерина II. Записки касательно российской истории. Ч. 1. С. 115. Нельзя не учитывать и тот факт, что Екатерина II в своем историческом опыте использовала сведения в целях пропаганды собственных политических взглядов. Поэтому «отбор» летописного материала, который она осуществляла, мог носить не столько эстетический, сколько идеологический характер: Екатери-

Особенно явственным это новое отношение к мифу выглядит в третьем томе «Российской истории» (1769) Эмина. В первых томах писатель, отказываясь от летописных преданий или давая им бытовую трактовку, вынужден был заполнять образовавшиеся пустоты в истории выдуманными речами и авторскими рассуждениями по поводу исторических событий. В процессе работы над третьим томом, пытаясь установить причинно-следственные связи между событиями истории, Эмин пришел к очень важному выводу о том, что «каждое обыкновение имеет свою собственную историю или по малой мере свою баснь».⁴³

Следуя логике Эмина, можно заключить, что если в основе каждого обыкновения (события) лежит или другое «обыкновение», или «баснь» как душа этого «обыкновения», то и «обыкновение» может быть основанием любого «баснословного сказания». Эмин как раз подтверждает подобное допущение: «Все обыкновения имеют свои начала и причины, которые бывают основаны или на легковых мнениях, либо на важных действиях; но и те легковые мнения произошли от каких-нибудь действий и имеют свои причины».⁴⁴ Таким образом, Эмин, эволюционируя как историк, приходит к осознанию значимости мифа в русской истории и миф уже воспринимается им как «порождение своей эпохи». Спустя 30 лет в процессе работы над первыми томами своей «Истории» Карамзин делает вывод о том, что «истинные происшествия должны быть основанием» любого «баснословного сказания», а «сами басни древние любопытны для ума внимательного, изображая обычаи и дух времени».⁴⁵ И подтверждая эту мысль, Карамзин в примечании приводит следующую аналогию: «Так Гомеровы поэмы, будучи зеркалом древних обычаев и нравов, весьма любопытны для самого историка».⁴⁶ В связи с частым употреблением историками слова «баснь» следует заметить, что Карамзин никогда не использовал это слово в значении «выдумка». Между тем эволюция взглядов Эмина на миф отразилась и на употреблении этого понятия от первого до третьего тома. В XVIII в. слово «баснь» имело несколько значений, среди которых: 1) мифологическое сказание, миф; 2) ложное воззрение, теория, мнение.

на II хотела видеть в древнерусских памятниках отражение тех представлений о поведении людей, какие она пыталась «воспитать у своих „верноподанных“ в России в XVIII веке» (*Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 93—94).

⁴³ Эмин Ф. Российская история. СПб., 1769. Т. 3. С. V (Предисловие).

⁴⁴ Там же. С. IV.

⁴⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. Гл. VII. С. 97.

⁴⁶ Там же. Примечание № 367.

В предисловии к первому и второму томам своего сочинения Эмин употребляет слово «баснь», скорее всего, во втором значении, а в предисловии к третьему тому слово «баснь», как душа любого «обыкновения», приобретает иную коннотацию, соответствующую первому значению этого слова — миф.

Отношение к мифу как к «порождению своей эпохи» было связано не только с особым отношением писателей к эпосу, но по причине, позднее обозначенной Карамзиным в предисловии к «Истории государства Российского»: «Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимым; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают».⁴⁷

К сходному выводу, но на 30 лет ранее пришел и историк-неофит Н. А. Львов. В 1792 г. он издает новонайденный «Летописец Ефимьевского монастыря» и в предисловии просит у читателей извинения за слог, за который он не может «отвечать и исправлять», но спешит уверить, что решился на то, чтобы «исправить ошибки писцов, объяснить неупотребительные слова и вычеркнуть некоторые нелепости», а некоторые «чудеса, затмевающие историческую истину, он стремился несколько объяснить».⁴⁸ Примечательно, что спустя шесть лет после издания «Летописца Ефимьевского монастыря» Львов издает другую летопись, найденную вместе с первой, по поводу которой сообщает читателям, что она «несравненно более первого была разобрана и растеряна, то и времени более требовала для приведения оной в некоторый порядок».⁴⁹ Львов получил летопись в крайне разоренном состоянии, были утеряны целые листы источника, и поэтому, чтобы восстановить целостность летописного повествования, Львов занялся поиском пропавших событий в других источниках, и в результате он «привел в порядок избранный список, подвел хронологические числа и дополнил в тетрадах недостававшие листы».⁵⁰ Таким образом, Львову уже не приходилось выбирать между летописными «нелепостями», находящимися вне пределов эстетических представлений писателя о правде, и исторически значимыми событиями истории. В результате в предуведомлении к летописи издатель признается, что он «не касался <...> нигде до слога оной и оставлял во всей целости подлинности все нелепости, суеверия невежественных времен без разбора с прав-

⁴⁷ Карамзин Н. М. Предисловие // История государства Российского. Т. 1. С. XIII.

⁴⁸ Львов Н. А. Летописец Русской от пришествия Рюрика до кончины Царя Иоанна Васильевича. СПб., 1792. Ч. 1. С. 14.

⁴⁹ Львов Н. А. Подробная летопись от начала России до Полтавской Батлии. СПб., 1798. Ч. 1. С. III.

⁵⁰ Там же. С. V.

дою перемешанные, потому что для писателя истории не одни только несомненные происшествия важны, но и голые волки, поедавшие Москву, и кровавое озеро в Тропце означают степень просвещения народного и дополняют картину века, которая одними деяниями была бы несовершенна, когда бы причины оных сокрыты были».⁵¹

Таким образом, факт осознания эстетической и исторической значимости мифа предшественниками Карамзина позволяет нам еще раз убедиться в том, что «реформа произошла задолго до появления реформатора».⁵² Как мы видим, некоторые из писателей, «записавшихся» в историки, смогли пересечь эту условную «границу», отделявшую их от историографического подхода к летописному мифу и понимания его эстетической и исторической значимости. Богданович остался за пределами этой границы. И осторожное суждение Карамзина о его первом историческом опыте только подтверждает нашу догадку о том, что будущий «Колумб русской истории» в 1803 г. уже понимал, что эволюция взглядов писателей, обратившихся к историографии, может и должна привести к переоценке летописного наследия, приблизив историческую истину. Сам Карамзин прошел тот же путь, но пошел он гораздо дальше своих предшественников, лишь на время «поравнявшись» на этом пути с некоторыми из них.

⁵¹ Там же. С. IV.

⁵² *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 525.

К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

ДРУЖЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПИСЬМО: СПЕЦИФИКА, ИСТОКИ*

Как известно, легитимация словосочетания «дружеское письмо» в качестве литературоведческого термина была начата Ю. Н. Тыняновым и Г. О. Винокуром в 1920-е гг. и получила наиболее полное обоснование в статье Н. Л. Степанова «Дружеская переписка 20-х годов», опубликованной в 1926 г.¹ В этой работе, важность которой, учитывая данные ею импульсы, трудно переоценить, Степанов со всей определенностью писал о дружеском письме как о литературном жанре,² хотя с куда большей частотностью использовал понятие «литературный факт», почерпнутое у Тынянова. Варьируя идеи своего учителя, Степанов отмечал, что ряд явлений за литературные факты разными эпохами то признается, то не признается, что «письма писателей начала XIX века были фактом литературы», что видно «как из отношения к ним современников, так и из всей литературной обстановки той эпохи», что дружеские письма были порождены «борьбой за новую

* Исследование проведено в рамках проекта РГНФ «Литературная деятельность Н. А. Львова» (руководитель К. Ю. Лаппо-Данилевский), № 06-04-00200а, 2006—2008 гг.

¹ Степанов Н. Л. Дружеское письмо начала XIX в. // Русская проза / Под ред. Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова. Л., 1926. С. 74—101. Здесь и далее ссылки даются на несколько расширенную версию статьи в кн.: Степанов Н. Л. Поэты и прозаики. М., 1966. С. 66—90. Позднее, во второй половине 1960-х гг., Р. М. Лазарчук впервые отметила, что под концепцию «дружеского письма» подпадает также ряд явлений эпистолярной практики XVIII в. (см. об этом подробнее ниже).

² Об этом можно заключить хотя бы по следующему немаловажному пассажиру: «Среди литературного круга письма были распространены не меньше, чем прочие жанры литературы, но благодаря своему „автобиографизму“ и интимному бытовому материалу они не попадали в печать» (Там же. С. 67).

прозаическую речь», что стали «в результате работы „младших карамзинистов“ над малыми жанрами — фактом литературы» и проч.³

Столь важное место тыняновского термина в рассуждениях Степанова побуждает уделить ему некоторое внимание, прежде чем будет очерчена система аргументации, позволяющая исследователю зачислить дружеское письмо начала XIX в. в разряд художественных произведений.⁴ Прочитую поэтому один из ключевых, хрестоматийно известных пассажей в статье Ю. Н. Тынянова «Литературный факт», наиболее полно поясняющий заглавный термин:

«Определения литературы, оперирующие с ее „основными“ чертами, наталкиваются на живой *литературный факт*. Тогда как твердое *определение литературы* делается все труднее, любой современник укажет вам пальцем, что такое *литературный факт*. Он скажет, что то-то к литературе не относится, является фактом быта или личной жизни поэта, а то-то, напротив, является именно литературным фактом. Стареющий современник, переживший одну-две, а то и больше литературные революции, заметит, что в его время такое-то явление не было литературным фактом, а теперь стало, и наоборот. Журналы, альманахи существовали и до нашего времени, но только в наше время они сознаются своеобразным „литературным произведением“, „литературным фактом“».⁵

Как нетрудно заметить, понятие «литературный факт» имплицитно оценивает, а его выявление из массива фактов «не-» или «внелитературных» должно происходить не на основании анализа сущности и специфики, но в результате оценки этого факта извне. При этом постулируется, что «любой современник» будто бы способен мгновенно провести грань между фактами литературными и нелитературными, что со всей очевидностью делало для Тынянова излишним более детальные дефиниции. Говоря о постоянном перемещении неких «фактов» из центра на периферию и обратно, о ломке границ, об обретении «фактами» статуса «литературности» и о его утрате, Тынянов считает возможным понимать под ними и собственно приемы (заумь), и малые игровые (шарада, логогриф), и обширные повествовательные жанры (повесть, роман), и виды печатных изданий (журналы, альманахи).

³ Там же. С. 66—67.

⁴ Здесь и далее, чтобы подчеркнуть именно этот аспект, речь будет вестись о «дружеском литературном письме».

⁵ Тынянов Ю. Литературный факт // Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 8—9.

О том, сколь малоубедительно и малопродуктивно утверждение о всеобщей очевидности чего бы то ни было, распространяться не приходится. Вряд ли поэтому можно усомниться, что Тынянов, привлекая столь зыбкую инстанцию, как «любой современник», в первую очередь выражал убежденность в способности своей и своих ближайших единомышленников говорить от лица «любого современника» и присваивать определенным явлениям ретроспективно статус «литературного факта». В сущности, таковым оказывается то, что с точки зрения Тынянова инновативно, открывает новые возможности перед литературой, способствует преодолению клише и эпигонства. Все же вряд ли этого достаточно для того, чтобы причислить «литературные факты» к художественной литературе, возвести некую их группу в разряд «литературного жанра».

Что же позволяет Н. Л. Степанову, ученику и последователю Ю. Н. Тынянова, видеть в дружеских письмах К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина, А. И. Тургенева и других арзамасцев⁶ и литературный факт, и литературный жанр? Попробуем, по возможности систематично, очертить его аргументацию. Первая группа доводов касается *внешних, экстратекстуальных* аспектов: так, исследователь подчеркивал, что имеются «многочисленные свидетельства тому, что письма мастеров этого жанра ходили по рукам и читались в литературном кругу не меньше, чем остальные литературные произведения», но в силу их «автобиографизма» и интимного бытового материала не попадали в печать; Степанов отмечал также тщательную работу их авторов над письмами, бережное отношение получателей к ним, сознание их высоких художественных достоинств.⁷

Погружаясь в интересующие его тексты, Степанов так определяет их *differentia specifica*:

«Основные черты дружеского письма: в его ориентации на устную речь, пародийное использование поэтических и традиционно „высоких“ стилистических штампов, мозаичность конструкции, вбирающей в себя разнообразные тематические и стилистические пласты, чередование прозы и стихов и т. п.»⁸

Эти положения касаются, если попытаться несколько систематизировать их, — тематики, общей композиции, фонетического, лексического, синтаксического и семантического уровней языко-

⁶ Их прямым и единственным предшественником в русской литературе объявлялся Карамзин, литературность писем которого «несомненна, когда им вводятся в письма разговорные обороты и стихи».

⁷ Степанов Н. Л. Поэты и прозаики. С. 66—67.

⁸ Там же. С. 73.

вого построения текста повествующей инстанции и ее адресата, вписанных в текст. Как нельзя лучше это видно из следующих цитат, развивающих положения о том, что же свойственно дружескому письму: «неканонизованность, свобода речевого выражения, возможность смешения устных и письменных языковых форм, разнообразие тематических переходов и обращенность письма к определенному, чаще всего близкому, собеседнику-корреспонденту»; «амальгама различных литературных элементов: пародий, стихов, острот, — которые в нем заключены»; «постоянное ощущение личности автора, обилие „домашних“ намеков», «пестрота тем», мозаичность как композиционный принцип письма; комическое обыгрывание метафор, вставные анекдоты, каламбуры; отказ от формул традиционного литературного этикета, крайняя широта использования лексики, и, как их следствие: макаронизм, спадание в вульгарность, обилие неологизмов и проч.⁹

Общие выводы исследователя все же не лишены некоторой двойственности, что явствует из сделанных им оговорок:

«Конечно, письма писателей не являлись литературными произведениями в том смысле, как повести и романы. Они писались не из расчета на посторонних читателей, лишены были художественной выдумки и прежде всего служили для выражения тех фактов, дел, мыслей и переживаний писателя, которые он желал высказать своему корреспонденту».¹⁰

Иначе говоря, Степанову было важным в первую очередь показать, исходя из тыняновской теории литературной эволюции, что дружеское письмо Пушкинской эпохи было литературным фактом; что же касается его принадлежности к художественной литературе, то она имплицировалась ее формалистским пониманием, в силу которого усложненность, повышенный риторизм языковой фактуры являлся одним из главных аргументов в пользу причисления к ней того или иного произведения. Весьма характерно поэтому, что, объявляя дружеское письмо «фактом литературы», исследователь видел основную к тому причину в «том процессе развития литературного языка, который выдвинул письмо для решения определенных стилистических проблем, как лабораторию для языковых экспериментов».¹¹ На обманчивость (но в то же время и на не совсем очевидную для меня полезность)

⁹ Там же. С. 70, 73, 76—77.

¹⁰ Там же. С. 68.

¹¹ Там же. Последнее соображение, на мой взгляд, автоматически приводит к принижению значения многих дружеских писем именно как произведений определенного литературного жанра, способных достигать лишь одним им свойственных художественных эффектов.

данной аналогии с «лабораторией», нашедшей широкое применение в работах В. А. Малаховского (1937, 1938), И. С. Ильинской (1946), И. М. Семенко (1962), Г. М. Фридендера (1967) и др.,¹² справедливо указал в своей монографии «Дружеское письмо как литературный жанр в Пушкинскую эпоху» Уильям Миллз Тодд III.¹³ Все же одна из основных посылок исследователя о том, что художественная литература — «это язык в его эстетической функции», которую заново определяет каждая эпоха, вряд ли может ныне серьезно обсуждаться.¹⁴ К несомненным достоинствам этой книги следует отнести попытку обозреть арзамасскую переписку в более широком европейском контексте.

В двухтомном издании, содержащем, по определению В. Э. Вацура, одного из его составителей, «документальную историю „Арзамаса“», закономерным образом оказалось воспроизведено немало дружеских писем, чьей стилистике уделено несколько страниц во введении. Имен Тынянова и Степанова Вацура не упоминает, термина «дружеское письмо» не употребляет. Все же вывод исследователя не предполагает разночтений: «Что же касается письма, то под пером арзамасцев оно обретает черты особого литературного жанра».¹⁵

Но вернемся к концепции Степанова. Думаю, из всего сказанного выше очевидна прежде всего малая пригодность формалистской концепции художественной литературы для решения центрального вопроса, занимающего нас, — а именно: отношение «дружеского письма» к основному массиву текстов, безоговорочно зачисляемых в разряд изящной словесности. Так, например, уже неоднократно справедливо указывалось, что рекламные тексты, демонстрирующие порой крайнюю усложненность и на-

¹² Из позднейших исследований по теме укажем здесь на книгу Я. Л. Левкович «Автобиографическая проза и письма Пушкина» (Л., 1988) и диссертацию Г. Б. Омаровой «Диалогичность эпистолярной поэтики А. С. Пушкина» (Омск, 2004).

¹³ *Todd III У. М.* Дружеское письмо как литературный жанр в Пушкинскую эпоху. СПб., 1994. С. 16.

¹⁴ Другое важнейшее для него понятие «жанра» У. М. Тодд III определяет, опираясь на Р. Уэллека и О. Уоррена, как «форму, отличную от других форм, чей материал организован так, чтобы в типологическом отношении удовлетворять ожиданиям читателей» (Там же. С. 9). Попутно отмечу досадную неточность при переводе и в трактовке переводчиком книги Тодда одного из центральных понятий «новой критики» — «intentional fallacy» — как «умышленной погрешности». Куда более удачным следует признать вариант «заблуждение в отношении намерения», предложенный в словаре: Современное зарубежное литературоведение: Концепции, школы, термины: Энциклопедический справочник. М., 1996. С. 48.

¹⁵ «Арзамас»: Сборник. В 2 кн. / Под общ. ред. В. Э. Вацура, А. Л. Осповата. М., 1994. Кн. 1. С. 23.

сыщенные элементами языковой игры, все же никоим образом нельзя причислить к художественным текстам. Попробую сформулировать несколько исходных посылок, которыми, на мой взгляд, целесообразно руководствоваться при рассмотрении «дружеского письма» как феномена.

Его сущность, думается, лучше всего постигается в соотносительности с собственно «письмом» — одной из основных и древнейших форм человеческой коммуникации, начальная история которого документирована еще ближневосточными глиняными табличками середины III тысячелетия до н. э.; а в наши дни оно все в большей мере использует электронные носители. Несомненно, что письма (независимо от того, курсировали ли они в частной или в официальной сфере, а также независимо от их интенций¹⁶) на всем протяжении истории своего существования мыслились и сочинялись прежде всего как тексты фактуальные, с установкой на достоверность сообщаемого. Прагматика письма побуждает рассматривать его уже в античности как речь в письменной форме, обращенную к отсутствующему, как реплику в дискретном диалоге (ср. высказывания в этом духе Артемона, издателя писем Аристотеля), и ведет к его рассмотрению как риторической проблемы у Псевдо-Деметрия и Юлия Виктора.¹⁷

Основы эпистолярного этикета, почерпнутые у античных предшественников, средневековые излагает уже как *ars dictaminis*, полагая тем самым начало обильной традиции письмовников, призванных «отладить» преимущественно деловую коммуникацию. Обретение в эпоху Ренессанса обширного эпистолярного наследия Цицерона (до нас дошло в общей сложности около 900 его писем) способствует возникновению латинской переписки гуманистов, в которой обсуждению подвергается широчайший круг вопросов — философских, политических, литературных и др.¹⁸ Этот гуманистический культ писем дает толчок эпистолярной культуре во всей Европе, образованная элита которой с те-

¹⁶ Отмечу, что именно различные авторские интенции положены в основу классификации писем Карлом Эрмертом, позволяющей наиболее рельефно представить специфику разного рода писем: 1) информационная; 2) оценочная; 3) побудительная; 4) направленная на поддержание контакта (*Ermert K. Briefsorten. Untersuchungen zur Theorie und Empirie der Textklassifikation. Tübingen, 1979. S. 68—75, 95—102*).

¹⁷ *Cugusi P. Evoluzione e forme dell'epistolografia latina nella tarda repubblica e nei primi due secoli dell'impero. Con cenni sull'epistolografia preciceroniana. Roma, 1983. P. 27—41, 43—72; Stowers S. K. Letter and Writing in Greco-Roman Antiquity. Philadelphia, 1986. P. 186 et passim.*

¹⁸ *Smidt P. L. Die Rezeption des römischen Freundschaftsbriefes (Cicero—Plinius) im frühen Humanismus (Petarca—Coluccio Salutati) // Der Brief im Zeitalter der Renaissance / Hrsg. F. J. Worstbrock. Weinheim, 1983. S. 25—59.*

чением времени предпочитает интернациональной латыни либо французский, либо свои национальные языки. XVIII столетие по праву называют «веком писем» — тому причиной и расцвет частной корреспонденции, и обилие самых разнообразных сочинений в форме писем, и, не в последнюю очередь, исключительные художественные достижения, связанные с крайне популярной формой эпистолярного романа (достаточно вспомнить столь несхожие между собой создания Мариво, Монтескье, Мари де Севинье, Шодерло де Лакло, Ричардсона, Руссо, Гете, Виланда, Гельдерлина и др.).

Возвращаясь к проблеме «дружеского письма», хочется подчеркнуть, что подход, намеченный Тыняновым и Степановым, означает его трактовку как «письма литературного», именно в смысле принадлежности его к художественной литературе, а не в связи с литературностью темы, хотя и не без определенных оговорок. Разделяя мнение о плодотворности подобного подхода, следует все же признать, что как раз критерии, в соответствии с которыми эта принадлежность должна была бы быть проанализирована, не подверглись необходимой дифференциации и обсуждению. Именно с этого пункта хотелось бы начать анализ «дружеского письма».

Если русские формалисты понимали художественность литературы прежде всего как реализацию поэтической функции (то есть как замкнутость текста на себе, как манифестацию его формальной усложненности),¹⁹ то большинство авторитетных литературоведов второй половины XX в. видят ее в фикциональном характере определенной категории текстов (О. Уоррен, Р. Уэллек, Ц. Тодоров, Ж. Женнет и др.).²⁰ Дружеское литературное письмо необходимо, на мой взгляд, рассматривать поэтому как некую

¹⁹ При этом по сей день дает себя знать многовековая традиция дефиниций понятия «художественная литература» через понятие мастерства, умелой «сделанности», через наличие в ней особых красот. Весьма показательна в этом отношении этимология слова «художественный», восходящего в конечном счете к готскому «handags» («словкий») от «handus» («рука»). Еще большей степени путаницы способствует традиционное употребление слова «поэзия» в смысле «художественная литература»; здесь и далее под поэзией будут пониматься лишь стихотворные произведения в их противопоставленности прозе. Сама же по себе стихотворная форма, как известно, отнюдь не является признаком принадлежности произведения к художественной литературе, чему наилучшее свидетельство — существование таких жанров, как стихотворные трактаты (поэтологические, натурфилософские и проч.).

²⁰ Уоррен О., Уэллек Р. Теория литературы. М., 1978. С. 43—44; Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика / Сост., вступ. статья, общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 357—358; Женнет Ж. Фигуры: Работы по поэтике. М., 1998. Т. 1/2. С. 342—343, 359—363 et passim.

производную собственно письма, то есть текста, в основе своей фактуального, но подвергшегося фикционализации. Под данным понятием, являющимся во многом ключевым для дальнейших рассуждений, имеется в виду динамический процесс обретения текстом нехудожественным черт литературности, вплоть до перехода его в иное качество. Именно некая изначальная двойственная сущность письма, о которой столь охотно говорилось многими в связи с эпистолярной формой, избираемой для самого разного рода сочинений, проявляется особенно явственно в том, что на протяжении одного письма степень его фактуальности будет различной.

Если фактуальность и фикциональность относятся по преимуществу к качеству сообщаемого — и связаны потому с коммуникативной (референтивной) функцией, — то уже априорное рассмотрение «количественного» соотношения функций между собой приводит к мысли о том, что в дружеском письме по сравнению, например, с деловым должны быть усилены функции экспрессивная, фатическая и поэтическая в ущерб коммуникативной, апеллятивной и метаязыковой.²¹ И действительно, дружеское письмо оказывается, с одной стороны, в большой степени эмоционально заряженным, нацеленным на то, чтобы поверить и поддержать контакт адресанта с адресатом, умышленно усложненным на основных текстообразующих уровнях (фонологии, морфологии, синтаксиса, семантики и графемики). В то же время собственно сообщаемое багателлизируется и отрывается от нужд практической жизни, оно обычно не должно побуждать к какому-либо конкретному действию или решать металингвистические задачи.

С фикционализацией дружеских писем напрямую связан феномен двойной или «*сообщенной коммуникации*», определенный Дитером Яником как неотъемлемое свойство художественных текстов (феномен, известный давно, но в других исследованиях не столь четко очерченный).²² Его сущность видят в том, что в художественные тексты вписаны «внутренние» инстанции повествователя и читателя, не тождественные «внешним» адресанту и адресату. Если у нас нет оснований сомневаться в авторстве сообщаемого в фактуальном тексте (это адресант), в отношении текста фикционального всегда необходимы известные оговорки — повествователь либо служит, либо лишь до известной сте-

²¹ Здесь и далее в качестве одного из основных исходных пунктов размышлений избрана статья Р. Якобсона «Поэтика и лингвистика» (1960), в которой была детализирована трехчастная модель К. Бюлера и развито учение о шести функциях речевой коммуникации.

²² Janik D. *Literatursemiotik als Methode : Die Kommunikationsstruktur des Erzählwerks und der Zeichenwert literarischer Strukturen*. Tübingen, 1985. S. 9—74.

пени служит, либо же вовсе не служит рупором идей автора. Сама же нетождественность автора и повествователя в литературных произведениях при этом, как известно, сомнению не подвергается. Дело, однако, осложняется тем, что читатель сплошь и рядом имеет дело с автобиографическими повествователями, на первый взгляд идентичными реальному автору, а в действительности лишь являющимися его масками (случай типичнейший как раз для дружеских писем).

Заявленное выше понимание художественной литературы как фикциональной, предполагающей многозначность и стремящейся к ней, а также реализующей систему двойной коммуникации, уже указывает возможные направления «литературизации» фактуальных текстов — то есть их фикционализацию, как общую, через обнажение фикциональной сущности сообщаемого, так и частную, посредством введения вставных фикциональных эпизодов;²³ через разрушение однозначности сообщаемого; через развитие инстанций повествователя и имплицитного читателя в фактуальных текстах. Динамизм и напряженность дружеского литературного письма как жанра, происходящие в нем колебания от фактуального к фикциональному наилучшим образом объясняют его гетерогенность, отражающуюся в композиционных и стилистических особенностях, отмеченных в работах предшественников, — мозаичность, полистилизм, пренебрежение эпистолярным этикетом и проч.

Таким образом, дружеское литературное письмо — это письмо, переводимое в разряд художественных текстов за счет оттеснения на периферию референциально-коммуникативной составляющей в результате его многообразной «литературизации», реализующейся прежде всего в его «дружеской поэтике». Дружеское литературное письмо поэтому следует признать гибридным жанром, оказывающимся на границе фактуального и фикционального миров, соединяющим в себе черты и собственно письма, и послания.²⁴ Немаловажно отметить наряду с данными сущностными особенностями, что дружеское литературное письмо сразу нашло свою нишу в системе прагматической коммуникации, что обладало собственной, хотя и ограниченной аудиторией, ощущавшей его именно как эстетический феномен.

²³ Думается, этот второй род фикционализации, сколь он ни важен, все же не в такой степени является характерной чертой дружеского литературного письма, как первый.

²⁴ Именно эта «устремленность» дружеского литературного письма к посланию как жанру просматривается в ряде писем Н. А. Львова, в которых стихотворные пассажи по объему превосходят прозаические, как например в его письме к П. В. Лопухину от 18 июля 1801 г. (см. подробнее ниже).

Дружеские письма начала XIX в., к которым преимущественно обращались исследователи, не отдавались авторами в печать. В то же время их получатели неоднократно отмечали высокие художественные достоинства эпистолярных текстов этого рода, а также то, что они читались обычно не только адресатом, а целым кругом лиц.²⁵ Поэтому здесь имеет смысл вкратце коснуться проблемы конвенционности литературы, то есть того незримого договора, который заключает (или не заключает) читатель с обособившимся представителем реального автора — литературным произведением, соглашаясь или не соглашаясь считать его таковым. Конвенционность исторически изменчива, как подвержены изменениям и представления о литературности, практическим выражением которых она является. Очевидно, что дружеские письма не соответствовали господствующим представлениям эпохи о литературности; при этом их необыденный, неделовой характер живо ощущался в определенной среде. Не будет преувеличением поэтому утверждение о том, что взгляд на дружеское письмо как на составляющую художественной литературы был укоренен в сознании ряда литераторов начала XIX в., но лишь в веке XX получил научное осмысление.

Если первая часть данной работы ставила своей целью прояснить теоретические соображения при рассмотрении феномена дружеских литературных писем и наметить парадигму их анализа, то ее вторая часть преследует, скорее, историко-литературные задачи, а именно обратить внимание на тот факт, что дружеское письмо рассмотренного выше типа, связываемое обычно с Пушкинской эпохой, в действительности существовало в России намного ранее и что его формирование в качестве определенного жанра связано с львовско-державинским кружком и в первую очередь с личностью Н. А. Львова.²⁶

²⁵ Ср. свидетельство А. И. Тургенева в письме Вяземскому от 14 мая 1819 г. о том, что последнее письмо Вяземского читалось Жуковским и так ему понравилось, что он хотел «отнять» его у адресата (Остафьевский архив. СПб., 1889. Т. 1. С. 232), а также другие примеры коллективного восприятия писем, приводимые Степановым (*Степанов Н. Л. Поэты и прозаики. С. 67 et passim*).

²⁶ Нельзя не отметить значительный интерес к русскому эпистолярному наследию XVIII столетия за последние тридцать лет, а также то, что проблема дружеского литературного письма при этом затрагивалась лишь в единичных случаях. Так, в основу одного из крупнейших научно подготовленных эпистолярных корпусов XVIII в. положено понимание письма как «бытового документа, фиксирующего общение их авторов с различными людьми» (Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С. 15). Нельзя обойти вниманием также издание: *Дружинин П. А. Неизвестные письма русских писателей князю А. Б. Куракину (1752–1818)*. М., 2002. Укажем и следующие общие работы: *Бухаркин П. Е. Письма писателей XVIII века и развитие прозы (1740—1780-е*

Но сначала хотелось бы коснуться истории эпистолярного этикета в России, учет которого существен для дальнейшего изложения. Е. Е. Дмитриева, специально изучившая историю вопроса, отмечает, что традиция древнерусских письмовников в XVIII в. оказалась прерванной (известное значение она имела лишь для старообрядцев); в первой половине столетия законодателями русского эпистолярного этикета находились преимущественно под немецким влиянием, а затем под французским. Особенно важную роль в этом процессе сыграло «Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов» (М., 1765; переизд.: 1769, 1773, 1783, 1786), популяризовавшее основные положения эпистолярной теории Ш. Баттё. «Наставление» и другие аналогичные сочинения (по большей части компилятивные и переводные) во второй половине XVIII в., по мнению исследовательницы, выполнили «роль учебно-стилистическую по преимуществу и приобщили русскую публику к европейскому стилю поведения „благородного человека“». К началу XIX в. в России можно констатировать уже широко распространенное хорошее знание и соблюдение церемониала общих частей письма, что создает предпосылки для игры с этикетом, критического и шутливового отталкивания от него.²⁷

Укажу вкратце на наиболее значительные эпистолярные массивы, оставленные русскими писателями XVIII столетия. Так, в 1784 г. в первой части «Полного собрания сочинений» Ломоносова были впервые напечатаны его письма И. И. Шувалову 1751—1757 гг. (в общей сложности 16).²⁸ В них — наряду с чисто биографическими и научными — нередко затрагиваются темы литературные; при этом референтивная функция неизменно доминирует. Несколько раз Ломоносов приводит в письмах свои стихи, но цитирует их именно как некую внеположную данность, которую следует сообщить, а не пишет их специально для письма,

годы). Автореф. ... канд. филол. наук. Л., 1982; *Buhks N.* The Role of the Everyday Letter in the Development of Russian Sentimental Prose of the Late Eighteenth Century // *The Modern Language Review*. 1985. Vol. 80. Part 4 (October). P. 884—889; *Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века : (По материалам переписки). М., 1999; в том числе специальный номер журнала «*La revue russe*» (2009. № 32: *L'épistolaire en Russie*).

²⁷ См. подробнее: *Дмитриева Е. Е.* Русские письмовники середины XVIII—первой трети XIX в. и эволюция русского эпистолярного этикета // *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1986. Т. 45. № 6. С. 543—552.

²⁸ *Ломоносов М. В.* Письма к его высокопревосходительству Ивану Ивановичу Шувалову, которые никогда не были еще напечатаны // *Полное собрание сочинений Михайла Васильевича Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений.* СПб., 1784. Ч. 1. С. 319—345.

делая их неотъемлемой его частью. При всей «дружественности» этот эпистолярный невозможно назвать «дружеским», ибо всюду чувствуется дистанция, отделяющая поэта от его вельможного покровителя. Столь же далеко от очерченного выше понятия дружеского литературного письма эпистолярное наследие Д. И. Фонвизина, обращенное в своей значительной части к родным и призванное сообщить им впечатления от его второй, третьей и четвертой зарубежных поездок.²⁹

По количеству сочиненных писем пальма первенства в России XVIII столетия должна быть, бесспорно, отдана М. Н. Муравьеву. Из этого обширного корпуса в настоящий момент издана лишь одна пространная подборка: 67 писем 1777—1778 гг., обращенных к отцу и сестре. Как опубликованная, так и неопубликованная часть муравьевского эпистолярного наследия неизменно привлекает внимание исследователей его творчества — в первую очередь как биографическое свидетельство и как материал для установления истоков отдельных мотивов в его художественных произведениях. Стремление Р. М. Лазарчук рассматривать письма Муравьева в свете идей Тынянова и Степанова вызвало справедливые возражения Л. Росси: «Как видим, здесь речь идет прежде всего о принципах восприятия и воспроизведения действительности, о „веяньях“, охватывающих в равной мере эпистолярную и художественную прозу, но при этом жанр письма в рассуждении исследователя [Р. М. Лазарчук. — *К. Л.-Д.*] утрачивает свою специфику. Нам кажется, что Ю. Тынянов, наоборот, рассматривал письмо как определенный жанр, со своими специфическими „исконными“ конструктивными принципами, которые в определенные эпохи становятся актуальными для литературного развития, а другие не играют в нем никакой роли».³⁰ Уделив большое внимание теоретическим дебатам, Л. Росси видит свою задачу все же в ином, а именно в том, чтобы «проверить, на самом ли деле, а если да, то в какой мере, „приемы“ и „принципы конструкции“, примененные писателем в своих художественных произведениях, восходят к его семейной и дружеской переписке».³¹

Обратимся наконец к эпистолярному наследию Н. А. Львова. Одно из его писем к П. Л. Вельяминову от 17 августа 1791 г. было напечатано в 1791 г. в карамзинском «Московском журна-

²⁹ Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 412—453, 500—553, 559—562.

³⁰ Росси Л. К вопросу о соотношении эпистолярной и художественной прозы в России в последней четверти XVIII в. // *Slavica Tergestina (Trieste)*. 1994. Vol. 2: *Studia russica*. P. 93.

³¹ *Ibid.* P. 93.

ле».³² В 1886 г. его переписка с Державиным была опубликована Гротом в «Сочинениях» последнего;³³ в 1886 г. в томе XXXII «Архива кн. Воронцова» было напечатано 13 писем Львова А. Р. и С. Р. Воронцовым. Остальные письма (в том числе обращенные к жене, В. В. Капнисту, а также деловые) были опубликованы уже в XX в. На то, что в этом обширном массиве имеется ряд писем, для которых релевантна концепция «дружеского письма», было впервые отмечено в работах Р. М. Лазарчук. Исследовательница рассматривала письма Львова вкупе с его посланиями и полагала, что раскрепощенный стиль и тех и других формировался как реакция на литературу русского сентиментализма, как результат внутреннего отторжения от нее.³⁴ Этот основной тезис исследовательницы вряд ли может быть принят хотя бы потому, что эпистолярная манера Львова складывается уже в 1780-е гг., то есть до выхода Карамзина на литературную арену.³⁵

Одним из наиболее ранних, подпадающих под очерченное выше понятие дружеского литературного, следует признать письмо Львова к Державину от 13 августа 1786 г., посланное из Москвы. В то время Львов был увлечен идеей добычи бурого угля в России; несколько позднее поэты выступили в качестве компаньонов и на свой страх и риск занялись разработкой угольного месторождения в Боровичах, о котором Львов восторженно

³² [Львов Н. А.]. Письмо к П. Л. В«ельяминову» из Арпачева от 17 августа 1791 <года> // Московский журнал. 1791. Ч. IV. Октябрь. С. 91—101.

³³ В «Сочинениях Державина» (СПб., 1865, 1869—1871. Т. II, V—VI) Я. К. Грот в общей сложности опубликовал: 26 писем Н. А. Львова к Г. Р. Державину, 7 писем Г. Р. Державина к Н. А. Львову, 2 письма Н. А. Львова к Е. Я. Державиной, 1 письмо М. А. Львовой к Г. Р. и Е. Я. Державиным, 1 письмо М. А. Львовой к Г. Р. Державину. Отметим также обзор писем Львова и его жены к Державину в Тамбов за 1786—1788 гг., хранящихся в Российской национальной библиотеке в Петербурге (с воспроизведением ряда писем), без указания на то, что они уже были опубликованы Я. К. Гротом в «Сочинениях Державина»: Никитина А. Б. Из писем Н. А. Львова к Г. Р. Державину в Тамбов // Воронцовы — два века в истории России / Труды Воронцовского общества. Петушки, 1999. Вып. 4. С. 70—83.

³⁴ Лазарчук Р. М. 1) Из истории дружеского письма конца XVIII в. (Н. А. Львов) // XXII Герценовские чтения. Филологические науки. Л., 1969. С. 93—95; 2) Послание Н. А. Львова и его роль в литературной борьбе 1790-х—начала 1800-х гг. // Филологический сборник / Уч. зап. ЛГПИ. 1970. Т. 460. С. 29—45; 3) Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. С. 16—17.

³⁵ Помимо отмеченных хронологических несообразностей есть и чисто биографические аргументы. Если отстаивать точку зрения, что главным объектом полемических выпадов Львова в письмах и посланиях были Карамзин и близкие к нему писатели-сентименталисты, то нельзя, например, объяснить ни причину написания самим Львовым сентиментальных стихов в 1790-е гг., ни его участия в карамзинских изданиях.

здесь как раз и пишет. Конец совместному предприятию, обернувшись немалыми убытками, положило событие осенью 1799 г., увековеченное Львовым в стихотворении «На угольный пожар», когда сгорела значительная партия угля на его даче близ Александро-Невской лавры. Но когда это предприятие только зарождалось, оба поэта были настроены весьма оптимистично.

Письмо от 13 августа 1786 г. содержит ряд достоверных сведений, важных для истории деловых отношений между Державиным и Львовым, но для сообщения этой информации избрана избыточная и затемняющая смысл сообщения форма, предполагающая дешифрацию намеков, которую, конечно, лучше всего могли произвести те, кто принадлежал к родственному львовско-державинскому кругу.

Нерегулярность почтового сообщения с Тамбовом, где в то время Державин служил губернатором, нередко становилась причиной необоснованных упреков со стороны «русского мурзы». Львов избирает иронию как форму защиты — пародируя в первых строках эпистолярный этикет, он выражает признательность именно за нападки по адресу собственной персоны:

«Милостивый государь мой Гаврила Романович. Бранное письмо ваше через г. Носова на Бронницах получил и за ругательство ваше покорно благодарствую.

За то, за что вы меня ругаете, могу я теперь сказать вашему превосходительству: „Сам съешь“, потому что требуемые вами теперь мои ответы кучею уже, чаятельно, к вам приехали».³⁶

Сообщая далее, что он прибыл в Москву для окончания деятельности с некоей «Абалдуехой», Львов с гордостью извещает о найденных до этого месторождениях, впадая в былинный гиперболизм:

«...а в Валдай послан я по именному повелению искать угля и нашел; твоему тучному украинскому смыслу, я чаю, и в голову мотыгою не вобьешь, сколько это важно для России; мы только, великие угольники, сие смекнуть можем. А сколько я сего угля нашел, скажу только то, что если ваш тамбовский архитектор возьмется сделать над светом каменный свод, то я берусь протопить вселенную» (ИС, 327).

³⁶ *Львов Н. А.* Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева; Вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Перечень архитектурных работ Н. А. Львова подготовлен А. В. Татариновым. Кёльн; Веймар; Вена, 1994. С. 327 (в книгу вошло восемь писем Н. А. Львова к Г. Р. Державину, опубликованных ранее Гротом). Данное издание цитируется далее в тексте статьи в круглых скобках с указанием страницы после аббревиатуры ИС. В случаях, когда в текст писем, опубликованных впервые Я. К. Гротом, внесены уточнения, приводятся также архивные шифры рукописей.

В следующем абзаце Львов сменяет патетический тон на простонародно-балагурский и вводит в свой текст мини-новеллу о своем дядюшке со стороны матери, Василии Ивановиче Хрипунове, доставляющем племяннику массу забот, ибо тот проматывал родовые имения и из-за какого-то «убивственного дела» должен был быть выкуплен и тем был избавлен «от затюремного заключения». Вмешательство графов Воронцовых и возможная словесная схватка Хрипунова с Державиным, названным уже впрямую богатырем, описываются в духе пародии на фольклорный гиперболизм, предполагающий магическую силу высказываемых слов:

«Граф А<лександр> Романович через Романа Лар<ионовича> старался его ввести в резон, чтобы он по крайней мере новгородские деревни, сто душ, мне уступил, где я с ним во всем половинщик, и он дал слово, от которого Роман Ларионович и умер. Попробуйся-тко ты, авось, либо он тебя не так скоро свалит; да смотри, брат, ведь, богатырь, ты обиняком иногда так режешь, что и дух вон; а ведь он мне каков ни есть, да дядя» (ИС, 327).

Следующий за этими строками пятый абзац письма совершенно выпадает из общего изложения; он, кажется, призван лишь дать выход экспрессии, обуревающей повествователя, как видно по его синтаксической неупорядоченности:

«Рад я, как курва, так сказать... что вам весело и мне любо, любо так за честь!» (ИС, 327; РНБ. Ф. 247. Т. 13. Л. 110 об.–111).

Заключительные три абзаца посвящены празднику, который незадолго до того состоялся в Тамбове и о котором Львову Державин и его супруга сообщали в предыдущих письмах. Крайне витиеватый поток речи, прерываемый эмфатическими восклицаниями и избыливающий эллиптическими конструкциями, должен, кажется, донести до адресатов следующее: Львов беспокоится о долгах, которые приходится делать его друзьям в связи с праздником, он спрашивает, должны ли были гости покупать билеты (это, видимо, могло до известной степени снизить затраты на его устройство), он хочет узнать, участвовали ли в спектакле девушки или только юноши, изображавшие гениев. Впрочем, все это выражено с такой словесной избыточностью, столь стилистически неоднородными средствами и столь эмоционально, что от читателя требуется особое интеллектуальное усилие, чтобы понять это. Затемнению смысла на синтаксическом уровне способствуют эллиптические конструкции и инверсии, на лексическом — обильная субституция, употребление слов, стилистически и даже семантически диссонирующих, противоречащих контексту. Так, например, говоря о гостях, Львов называет их «богами», впадая при этом в некоторое псевдопростонародное

самоуничижение: «Скажи, матушка К<атерина> Я<ковлевна>, по билетам что ли? или так просто, или как иным образом зовете, ваше превосходительство, богов-то к себе в гости? и нам бы они были надобны — может, бы иной блажной богатый долг запла-тил» (ИС, 327).

Лишь в последней фразе Львов сбрасывает маску слово-обильного балагура и с предельной ясностью сообщает близким ему людям о том, как тяжела для него разлука с любимой женой, и тут же завершает кольцевую композицию письма пародией на заключительные формулы эпистолярного церемониала — вместо того чтобы пожелать Державину покоя, отдыха, он желает, чтобы у того «работы не переводились», а о себе с напускной серьезностью утверждает, что «трудится ежедневно и еженощно».

В сходном стиле написано следующее письмо Львова к Державину из Боровичей 18 сентября 1786 г. Оно начинается с вполне нейтрального сообщения о более качественном угле, найденном им, который «на всякую уже потребность годен». Затем поэт подхватывает еще одну тему предшествовавшего письма — задержек корреспонденции с Тамбовом и так, крайне мудро, пытается донести до своего друга мысль о неспешности почты в провинции:

«Сделалось у меня одно только помешательство, а именно, что Дарья Алексеевна пишет ко мне, что блаженный тамбовский губернатор, заехав в захоlustье, где никакая почта вовремя не приходит, не получая от меня множества отправленных писем, говорит, что он очень сердит и более писать не хочет. Плюнь ты ему, братец Г<аврила> Р<оманович>, в бороду и скажи ему, что мелет дребедень:

Как ему не лень?
Ведь он не пень
Иль не тюлень,

что в один день требует, чтобы доходили письма: пусть-ка он, рожа проклятая, справится, скоро ли тамбовские архитекторы курьером ездят, и посмотрит на мое письмо» (ИС, 329).

Примененная антономасия («блаженный тамбовский губернатор», то есть сам Державин) позволяет «расщепить» адресата письма на две личности и столкнуть их между собой: Державин ставится перед необходимостью самому урезонить себя, «плюнуть себе в бороду». Этот пассаж подвергается усложнению не только на семантическом, но и на фонетическом уровне — в него введено рифмованное трехстишие, в основу которого положен пеон четвертый. При этом первый, «вводный», стих обогащен в начале дополнительным слогом, ударность которого

подчеркивает содержащийся здесь вопрос («Как ему не лень?»).³⁷ Игровой характер этой части текста особенно ощутим, ибо второй и третий стихи «перетекают» в прозу, будучи зачином пространной фразы. Стихотворный характер вставки подчеркнут и графемно — рифмованные стихи вытянуты в столбик.

В конце письма, поведав о слышимых из Петербурга новостях, Львов дает волю своей страсти к метонимической прономинации — Е. Я. Державину он именуется «чернобровой и несравненной губернаторшей», «художницей преизящной», Державина — уже Ганюшкой (его рекомендует, впрочем, «вымарать сажею»), а самого себя — угольщиком.

Героем следующих трех писем осени 1786 г. становится мифический «однодворец» — так именуется Львов известную речь Державина, произнесенную однодворцем П. М. Захарьиным 22 сентября 1786 г. при открытии Главного народного училища в Тамбове. Она привлекла всеобщее внимание и была опубликована в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Зеркале света», «Новых ежемесячных сочинениях» и дважды — отдельными изданиями (в 1788 г. и вскоре после 1792 г.). Подлинное авторство некоторое время скрывалось ввиду сложности отношений Державина с двором, в силу чего и в задачу Львова входило, как можно дольше сохранив секрет, представить это сочинение как результат благотворного воздействия просветительской политики Екатерины II на представителей простого народа. Поэтому на протяжении нескольких писем он повествует о похождениях «однодворца», «сильным своим красноречием» прервавшего в столице «силу магнита и толки чудес». Думается, здесь мы имеем редкий случай удвоенной семантической субституции — и по смежности, и по сходству, то есть синтез двух основных тропов. И действительно, наименование сочинения по тому, кто его произнес (или был его автором) — прием метонимический. В то же время прозопопея, также имеющая здесь место, — прием в основе своей метафорический (сочинению придаются черты живого существа; ему, в частности, наращивают бороду, потом эту бороду бреют и проч.).

Письмо Державину из Киева от 23 марта 1787 г. примечательно еще большей экспансией стихотворной стихии в жанр письма. Львов прибыл в административную столицу Малороссии в свите Екатерины II, здесь состоялась его встреча с Капнистом, о рождении сына которого он сообщает Державину. Однако внезапно

³⁷ Н. Л. Степанов считал одной из основных черт дружеского письма начала XIX в. чередование стихов и прозы: *Степанов Н. Л. Поэты и прозаики. С. 77.*

поэт отказывается от прозы («Да от тебя, брат, как не под рифму, так не добьешься и ответу») и включает в письмо 19 ямбических строк,³⁸ предвосхищающих тематику его более поздних посланий к Державину и А. М. Бакунину — о самодостаточности семейного счастья и о соблазнах Фортуны:

И для того хотя представь ты силуэт,
Что с подлинника здесь великого я снял,
Бесценной барыне, досузей чернобровке,
Скупой своей жене! а госпоже мотовке,
Которую я чтить вовек не перестал,
Скажи, что чтущего она меня забыла
И с полгода уже пера не омочила,
Чтобы хоть знак подать, что помнит обо мне,
Живущем на чужой, на дальней стороне
Без счастья, без жены, в толпе, но наедине,
По должности скопец; но, как и черт, в пустыне
С собою заключа мирскую суету,
Сквозь дырку щупает Фортуны наготу,
Летающей под облаками,
Так точно и со мной (да будет между нами):
Я жизнь покойную, цыганскую веду,
Воспоминанием друзей моих питаюсь,
Увидеть скоро их надеждой утешаюсь
И ходом раковым ко счастью иду.

(ИС, 332—333).

Эти стихи поэт далее метафорически именуется «скороспелками весеннего киевского воздуха» (ИС, 333), явно стремясь «преодолеть» невеселые нотки заключительных строк. Однако имеются серьезные основания для того, чтобы усомниться в неподготовленности экспромта — в «Путевой тетради № 1» находится четверостишие, показывающее, что здесь Львов использовал свой старый поэтический набросок.³⁹ И хотя сомнению не подлежит, что поэт в письмах нередко импровизировал, данный случай делает наглядным, что дружеский эпистолярный поэт понимался им как некоторая художественная задача, при решении которой, с одной стороны, в ход шли разного рода лирические заготовки;

³⁸ Подавляющее число этих стихов — шестистопные ямбы, тем ощущимее перебой в 14 строке: и метрический, и ритмический («Летающей под облаками»); из четырех ямбических иктов здесь ударны только два.

³⁹ В рукописи текст датирован февралем 1779 г.: «Скучную ровно жизнь те<перь>, мои д<рузья>, веду / И ходом раковым ко счастью иду / Несчастьем моим лишь только занимаюсь, / А мысль о тебе, лишь только утешаюсь» (Львов Н. А. Путевая тетрадь № 1 // ИРЛИ. 16470. Л. 40 об.).

с другой — здесь же начинается разработка тем, актуальных позднее для чисто лирических жанров.

Завершается письмо от 23 марта 1787 г., как кажется, и впрямь экспромтом, написанным бойким трехиктовым двусложником с чередующимися нулевой и односложной анакрузами. Судя по помете, предшествующей ему, экспромт рекомендовалось петь на мелодию песни, которая под № 25 вошла в «Собрание народных русских песен с их голосами», изданное в 1790 г. Львовым и Прачем.⁴⁰

(На голос: Ивушка, ивушка зеленая моя...)
Вот тебе, Гаври́ла,
Самуи́лова ре́чь:
Дневно́е свети́ло
Письмо́ велит пресе́чь.⁴¹

(ИС, 333).

Выше было обращено внимание на несколько наиболее ярких образцов львовского эпистолярия 1780-х гг., подпадающих под понятие дружеского литературного письма, как оно было сформулировано в 1920-х гг. Хотелось бы остановиться еще на двух текстах, за которыми сам поэт признавал художественное значение (они включены в рукописный том, объединивший литературные произведения поэта; ныне хранится в составе Державинского архива в Российской национальной библиотеке).⁴² Это письма к Державину от 24 мая 1799 г. и к П. В. Лопухину от 18 июля 1801 г., их большую часть составляют стихи. Эта тенденция к изгнанию прозаического текста указывает на жанр, наиболее близкородственный, а именно на поэтические послания, грань между которыми и дружескими литературными письмами порой весьма зыбка.

Письмо к Державину от 24 мая 1799 г. — полемическое выступление против использования арсенала скандинавской мифологии в державинской «Оде на победы французов в Италии фельдмаршалом графом Суворовым-Рымникским в 1799 году» (СПб., 1799). Первый стихотворный отрывок введен признанием о том, что в этой оде Львову полюбилась державинская «мистика»:

⁴⁰ Этот аспект, а именно: «взрывание» границ чисто вербального кода за счет подключения музыкального медиума — оригинальная черта полиморфности эпистолярия Львова, нашедшая выражение и в его письме к П. Л. Вельяминову от 17 августа 1791 г. (об этом см. ниже).

⁴¹ Здесь (а в ряде случаев и далее) грависы используются для обозначения иктов для облегчения соотнесения стихов с их метрической схемой.

⁴² РНБ. Ф. 247. Т. 37. Л. 28 об.—29, 80—80 об.

И девѣтый вѣл в морскѣх волнѣх
И вѣждь воспитанный во льдѣх,
Затѣм, что наше дѣвно чѣдо,
Как выйдег из-под спѣда,
Ушѣтами и шѣйкой льѣт
На свѣой огѣнь в Крещѣнье льѣд.

(ИС, 353).

Если в первых двух строках почти дословно цитируется «Ода на победы французов в Италии», а именно приветствие Рюрика из Валгаллы, обращенное к наследнику его военной славы — А. В. Суворову,⁴³ то смысл дальнейшего шестистишия способен поставить читателя в тупик. Лишь соотнесение с уже цитированными письмами и, шире, с теми поздними произведениями Львова, которые отличает патриотический гиперболизм, позволяет понять, что же имелось в виду в заключительных стихах: «под дивным чудом» — русская мощь, тяжелая на подъем, но которая, если уж она войдет в раж, должна остужать себя ледяной водой в крещенские морозы. В последних стихах находим одновременно и катахрезу (лить лед ушатами и шайками, строго говоря, невозможно в силу его кристаллической, нежидкой структуры), и метафору (лед выступает как субститут мороза или крайне холодной воды, а ушаты и шайки — для больших объемов). Если державинский претекст написан четырехстопным ямбом с большим количеством полноударных строк и с заметной тенденцией к спондеизации первой стопы («Вѣждь бѣурь», «Мѣч Пѣвлов», «Кнѣзь слѣвы»), то метрический рисунок львовского шестистишия куда более прихотлив. Пять из шести стихов — четырехстопные ямбы, первый и последний без пиррихий; в четвертом стихе — перебой, он усечен до ямба трехстопного. Первый стих открывает весьма заметная ритмическая вольность — двусложная анакруза вместо ожидаемой односложной. Строфику державинской «Оды на победы французов в Италии», написанной восьмиштишиями с перекрестной рифмовкой, Львов проигнорировал, избрав парные двустишия.

Перекидывая прозаический мостик ко второму шестистишию, Львов формулирует основной полемический пункт — неприятие им скандинавской мифологии («не вижу я никакой причины к воскресению замерзших и нелепых богов Северного океана»).

⁴³ Ср.: «„Се мой“, гласит он, „воевода, / Воспитанный в огнях, во льдах, / Вождь бурь полночного народа, / Девятый вал в морских волнах, / Звезда, прешедша мира тропы, — / Которой след огня черты, — / Меч Павлов, щит царей Европы, / Князь славы!“ — Се, Суворов, ты!» (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1865. Т. II. С. 274).

Надо сказать, что способ их компрометации, избранный Львовым, отнюдь не бесспорный и не самый удачный, и если бы она была предпринята «не в рифму» и не в дружеском письме, то вряд ли могла претендовать на какую-либо убедительность и дружественный прием. Сам говоря чуть выше именно о «норвежском богословии», Львов затем презрительно отзывается о «чухонском звуке имян», а в следующем стихотворном отрывке говорит о «шайке маймистов»,⁴⁴ которых задумал воскресить «парнасский еретик» и которыми смущены греко-римские боги. «Хрипучие и жалкие песни» этой шайки уподобляются «волчьему вою», и возникающая паронимазия со словами «валка» (валькирия) и «Валкал» (Валгалла) должна еще раз указать на варварское неблагозвучие имен. Справедливости ради следует все же сказать, что обращение Державина в его стихотворении именно к скандинавской мифологии художественно в высшей степени оправдано, хотя бы потому, что в нем фигурирует скандинав Рюрик и, следовательно, вполне закономерно речь идет о его богах.

Последний, четвертый, стихотворный пассаж львовского письма от 24 мая 1799 г. выдает, так сказать, «положительную программу», в которой, как выясняется, автор отнюдь не против вытеснения античных богов из русской литературы, он лишь желает, чтобы это было произведено славянскими божествами — «Эрот бы место Лелю дал иль Ладе строга Янона». Избранная Львовым манера изложения должна привести и приводит к созданию двойственного впечатления — с одной стороны, со всей несомненностью выражена симпатия к «исконному, коренному» баснословию, с другой — вся «художественная» часть письма пронизана иронией, и это лишает сказанное полемической однозначности. Сходную функцию выполняют и два последних прозаических, подчеркнуто фактуальных абзаца письма: Львов пишет о глазных болях, вызванных работой в школе глинобитного строения, и о книготорговых делах.

Письмо к Петру Васильевичу Лопухину (1753–1827), крупному сановнику и своему давнему знакомому, от 18 июля 1801 г. Львов начал с подтверждения контакта между двумя друзьями, отличающегося особенной степенью искренности, и с метафорического указания на свою недавнюю тяжелую болезнь. Без всякого предупреждения о смене фактуального регистра на фикциональный, без всякого означения грани между ними он развертывает перед взором читателя воображаемую картину праздника, народного веселья:

⁴⁴ Петербургское прозвище коренных жителей Ингерманландии финно-угорского происхождения (от финск. «от эй мойста» — не понимаю).

«К вам, милостивый государь мой Петр Васильевич! и с добрым, и с худым; едва я сюда приехал с того света на костылях, тотчас мне плясать захотелось, дай ноги. Камердинер говорит: „Забыл, сударь, в Москве...“ Ну, так пусть другие пляшут, я стану петь... Запел, и никто не удивляется, что во все горло... Перекричишь ли шлюпки, шайки певцов, хоры на воде и на сухом пути. Что за пропасть?» (ИС, 358).

Следующие затем стихи переключают повествование в фикциональный план; скупая информация о пении на воде и на суше развернута в масштабную поэтическую картину:

Или свѣт переменился,
Или я переродился?
Или здѣсь я с головой,
А там был все безголовый;
Жил и не жил целый год,
Не летал, не пресмыкался;
Здесь я точно так попался,
Как на ярмонку урод:
Между пляшущих, прекрасных,
Дней цветных, весенних, ясных
В иступленный хоровод!
Да в Москвѣ-то что же будет?
Там-то голос вознесется
Русской пѣсни высоко!
Там-то уж рекой прольется
Медовое молоко!
Грянут лодки стовесельны
Наших удалых ребят,
Берега у них кисельны,
Да и ложки в них торчат!
Все, чего душа желает,
Подымается горой:
Рот всепело разевает,
Да сказать не успевает:
«Ешь, ребята, пей... да пойд!»

(ИС, 358).

Ритмика приведенного пассажа, написанного четырехстопным хореем, весьма изящна, ибо на весь отрывок из 25 стихов приходится 16 ярко выраженных пеонов третьих (из них шесть — акаталектические), а полноударных хореев всего два (тем явственнее и контрастнее они звучат). Вольная рифмовка (лишь один стих оставлен холостым) должна была, видимо, способствовать впечатлению о спонтанности написания этих стихов; отметим и довольно редкий случай для русской поэзии

XVIII в. — неточную разноударную рифму «с головой / безголовый», составляющую одновременно «*figuram etymologicam*». Тем же четырехстопным хореем с обилием пеонических строк и вольной рифмовкой написаны еще два стихотворных отрывка в этом письме (9 и 5 стихов).⁴⁵

Лишь из заключительной прозаической части письма выясняется, что П. В. Лопухин обратился к Львову с предложением организовать в Москве празднество и что набросанная имажинативная картина всеобщего ликования была «прокинута в будущее», преследуя цель выразить согласие поэта и дополнительно убедить заказчика в правильности выбора кандидата: «Извольте, я берусь за это дело, купцы, говорят, свое дело сделали, пусть дворяне согласятся не отстать от них, я первый кладу два рубля семьдесят пять копеек, которые остались мне от бескорыстности никольского аптекаря, учрежу, напишу и устрою такой праздник, от которого всем будет нескучно, кому весело» (ИС, 358). Это письмо как посредник во вполне деловой коммуникации, с одной стороны, «взорвано» включенной в него фикциональной картиной, в эстетической состоятельности и ценности которой трудно усомниться, с другой — именно ее художественность по замыслу адресанта должна послужить исполнению вполне прагматического назначения этого текста.

Думается, рассмотренные образцы львовского эпистолярия вполне подпадают под то понятие дружеского литературного письма, которое было выработано при анализе явлений более поздних, а именно — первой трети XX в., и позволяют отодвинуть начало истории этого жанра на несколько десятилетий в прошлое, а именно в 80-е гг. XVIII столетия. Следует также пожалеть о том, что до нас не дошли письма Львова к рано скончавшемуся Хемницеру — возможно, благодаря им эту границу можно было бы сместить еще далее. Отметим также, что из сохранившихся писем к Капнисту (подавляющая часть из них — это деловые и семейно-бытовые) лишь одно содержит стихотворную вставку от 28 ноября 1794 г. и может быть причислено к рассматриваемому литературному жанру:

«Посылаю к тебе, мой друг, целый груз стихов — посредственных, дурноватых и дурных, между прочим, по старшинству следует „Песнь Екатерине II“, которую намахал наш искренний приятель. И я накануне ему предсказал, что ему вымоют голову — и вымыли. Не пиши дурных стихов, а слушайся приятелей;

⁴⁵ Отметим игру с анакрузой в начальных стихах второго отрывка, написанного двусложником: «Москóвский нáш нарóд / Нé забýл старíнную пёсню...».

а как я его, впрочем, накануне ни просил многое выкинуть, кое-что поправить.

Но можно ль удержать советом бурю
Такого автора, который за столом
В беседе и с пером
Все любит тьюю.⁴⁶

Я сам не пишу к тебе для того, что у меня глаза болят» (ИС, 347).

Характерно, что в тот момент, когда речь здесь заходит о Державине, Львов избирает манеру, которая утвердилась в его письмах именно к нему. Этот стиль со всей очевидностью был спровоцирован непростой личностью певца Фелицы и позволял Львову обходить острые углы, сделав акцент на манифестации дружеских чувств. Как известно, Львову не раз приходилось выступать и в качестве посредника, сглаживавшего конфликты между его друзьями (одним из наиболее острых было столкновение 1789 г. в связи критикой Капнистом оды Державина «Изображение Фелицы»).⁴⁷ Стоит упомянуть и о том, что Львов порой сильно расходился с Державиным в литературных оценках, Капнист-критик и литератор был ему намного ближе. Видимо, поэтому разговор о литературе с Капнистом, если заводился, то велся намного задушевнее и более по существу — так, к критическому эссе тяготеют письма к Капнисту от 23 декабря 1789 г. и от 28 сентября 1795 г. (ИС, 337—338, 348—349), посвященные исключительно литературным вопросам, что побудило автора сделать к первому из них приписку «Voilà une lettre bien littéraire» («вот воистину литературное письмо»).⁴⁸ Письма Капниста, которые можно зачислить в разряд «дружеских литературных», относятся уже к более позднему времени. В них находим стихотворные вставки, мозаичность композиции и проч. — это письма к А. Н. Оленину от 15 декабря 1809 г., А. Л. Нарышкину от 15 декабря 1809 г., А. М. Бакунину от 10 декабря 1810 г.⁴⁹

При просмотре пятого и шестого томов «Сочинений Державина», изданных Гротом, бросается в глаза, что в письмах к сво-

⁴⁶ Отмечу попутно редкий метрический рисунок этой стихотворной вставки с охватной рифмой, написанной вольным ямбом (Я5ж+Я5м+Я3м+Я2ж).

⁴⁷ Об этом подробнее: *Литпо-Данилевский К. Ю.* К истории дружеской полемики вокруг оды Державина «Изображение Фелицы» (1789) // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26. С. 203—220.

⁴⁸ Характерно, что Львов называет здесь свое письмо литературным в смысле его посвященности литературным темам.

⁴⁹ *Капнист В. В.* Собрание сочинений / Ред., вступ. статья, примеч. Д. С. Бабкина. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 456—458, 464.

им ближайшим друзьям поэт ни разу не перенимает львовской манеры. Наиболее приближенным к поэтике дружеского письма оказывается ряд державинских писем к И. И. Дмитриеву 1790—1800-х гг., именно здесь появляются стихотворные вставки.⁵⁰ Все же дистанция между Державиным и его более молодым другом остается весьма ощутимой — достаточно упомянуть, что, несмотря на искреннюю взаимную симпатию, корреспонденты неизменно обращаются к друг другу на «вы». Тематика этих писем подсказывает, почему Державину потребовалось «фикционально разрядить» пространство своих писем — речь в них шла о темах сугубо литературных, и Державин всячески стремился смягчить свои критические замечания по адресу Карамзина (что-то подобное наблюдалось и в случае, когда Львову приходилось обходить острые углы в коммуникации с «оригиналом татарским»). В связи с рассматриваемой темой заслуживает внимания и следующий эпизод: в ноябре 1794 г. Державин обратился к А. В. Суворову с признанием, что желает воспеть полководца и процитировал начальный вариант четырех стихов, вошедших затем в «Оду на взятие Варшавы».⁵¹ Суворов ответил 21 декабря того же года письмом, вполне «литературно-дружеским», в которое включил два ямбических отрывка, насчитывающих в общей сложности 26 стихов. Не без самоуничижения Суворов предварил первый из них, более пространный и явно пародирующий стиль торжественных од, следующими словами: «...не буду вам ответствовать так, как громкий лирик; но в простоте солдатского сердца моего излию чувства души своей» (VI, 22).⁵²

В заключение статьи хотелось бы остановиться еще на двух львовских письмах. Первое из них, обращенное к П. Л. Вельяминову, от 17 августа 1791 г., как уже упоминалось выше, вскоре после его сочинения было напечатано в «Московском журнале»,⁵³ став фактом литературной жизни своего времени. Налицо, таким

⁵⁰ См. письма к Дмитриеву от 5 августа и 6 октября 1796 г., от 5 июня 1804 г. и 8 марта 1806 г. (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1871. Т. VI. С. 54—56, 153—154, 176).

⁵¹ Там же. С. 20. Первоначально ода была опубликована под названием «Песнь ея императорскому величеству Екатерине II на победы графа Суворова-Рымниковского» (СПб., 1794; ср.: Т. I. С. 636—653).

⁵² Нужно отметить, что в сборнике, объединяющем эпистолярный 18 литераторов XVIII в., находим стихотворные вставки разве как цитаты, а не как органичную составляющую писем, играющую важную композиционную роль в них как в художественном единстве. Ср.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.

⁵³ [Львов Н. А.]. Письмо от Н. А. Л<ьвова> к П. Л. В<ельяминову> // Московский журнал. 1791. Ч. IV. Октябрь. С. 91—101. Под заглавием в круглых скобках приведена следующая информация: «Прислано из Петербурга от

образом, и акт признания высоких художественных достоинств этого сочинения со стороны столь важной фигуры, как Карамзин, и тот редкий случай, когда дружеское письмо покидает домашний круг, для которого предназначалось, и радикально расширяет свою аудиторию. Естественны поэтому следующие вопросы, на которые сложно ответить с полной определенностью: рассматривал ли Львов изначально возможность напечатания этого письма или же, как это нередко бывало, лишь адресовал его достаточно широкому кругу родственников и друзей? Во всяком случае несомненно, что Львов в первую очередь стремился запечатлеть в памяти близких ему людей столь значительное событие, как освящение церкви по его проекту в селе Арпачево Новоторжского уезда Тверской губернии, принадлежавшем дяде поэта Петру Петровичу Львову и находящемся рядом с Никольским-Черенчицами — любимым именем самого поэта. Лишь те, кто мог раскрыть инициалы адресата, кто представлял себе песенные и другие традиции клана Львовых, знал о градостроительных занятиях адресанта и проч., мог в полной мере усвоить собственно информационную, но отнюдь не определяющую его специфику, часть письма. Думается, и Карамзин, и большинство читателей «Московского журнала» с интересом прочли его главным образом как оригинальную эстетизированную манифестацию русских семейно-родовых традиций, проникнутых христианским духом.

Композиция письма отличается соразмерностью и продуманностью распределения повествовательного материала: в первом вводном абзаце Львов напоминает о своем споре с Вельяминовым по поводу иконостаса для Арпачевской церкви и отстаивает свой замысел; во втором продолжает уже начатое описание всенощной 16 августа и освящение церкви; в третьем речь идет о первой обедне на следующий день; затем описываются послеобеденное празднество львовского клана с песнями и плясками (о них обронено с просторечной самоиронией: «ломанье пристрашное»); печальную ноту в разгульное веселье привносит предложение П. П. Львова спеть песню, сочиненную в народном духе его отцом по пути из Персидского похода, песню, которую «не удалось ему пропеть дома». Ее текст составляет пространную, столь типичную для дружеских писем, хотя и на первый взгляд обособленную, стихотворную вставку, которая заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробно. Но сначала приведу ее текст:

неизвестной особы». Ниже указана дата и место написания: «Село Арпачево, 17 августа 1791 <года>».

Песня П<етра> С<еменовича> Л<ьвова>

Уж как пал туман на сине море,
А злодей-тоска в ретиво сердце;
Не сходить туману с синя моря,
Уж не выйти кручине из сердца вон.
Не звезда блестит далече во чистом поле,
Куруется огонечик малешенок;
У огонечка разостлан шелковой ковер,
На коврике лежит удал доброй молодец,
Прижимает белым платом рану смертную,
Унимает молодецкую кровь горячую.
Подле молодца стоит тут его бодрой конь,
И он бьет своим копытом в мать сыру землю,
Будто слово хочет вымолвить хозяину:
Ты вставай, вставай, удалой доброй молодец!
Ты садися на меня, на своего слугу;
Отвезу я добра молодца в свою сторону,
К отцу, к матери родимой, к роду-племени,
К малым детушкам, к молодой жене.
Как воздохнет тут удалой доброй молодец;
Подымалась у удалого его крепка грудь;
Опустились у молодца белы руки,
Растворилась его рана смертоносная,
Пролилась ручьем кипячим кровь горячая.
Тут промолвил доброй молодец своему коню:
Ох ты конь мой, конь, лошадь верная!
Ты товарищ моей участи,
Доброй пайщик службы царския!
Ты скажи моей молодой вдове,
Что женился я на другой жене;
Что за ней я взял поле чистое,
Нас сосватала сабля вострая,
Положила спать калена стрела.

(ИС, 341—342).

Несмотря на четкую атрибуцию, предлагаемую в письме к Вельяминову, трудно освободиться от сомнений, что она написана П. С. Львовым. Кажется, впервые с критикой версии, содержащейся в письме к Вельяминову, выступила А. М. Новикова в книге «Русская поэзия XVIII—первой половины XIX века и народная песня» (1982). С одной стороны, она подчеркивала, что «стиль „львовского“ варианта не имел книжных черт и был чисто народным», с другой — что тема неоднократно разрабатывалась в фольклоре. Не подвергая сомнению участие П. С. Львова в Персидском походе Петра I 1722—1723 гг., исследовательница полагала, что речь должна вестись о народной, не авторской

песне, которая была услышана им от солдат и затем «передана» родным и близким.⁵⁴

Генеалогические разыскания, проведенные сравнительно недавно, предоставляют в наше распоряжение ряд биографических данных о Петре Семеновиче Львове, хотя и весьма скудных, но позволяющих еще более критически отнестись к сообщаемому в письме к П. Л. Вельяминову. Во-первых, факт его смерти во время возвращения домой из Персидского похода никоим образом не подтверждается — Петр Семенович Львов скончался, по всей видимости, в 1736 г., в мирное время.⁵⁵ Из документов от 13 января 1733 г. по продаже им пустошей Новошино, Плутнево и Голицыно в Тверском уезде в Воловицком стане вдове тайного советника Ивана Ивановича фон Менгден Софье Васильевне и ее детям известно, что в это время он был в чине капитана.⁵⁶ Женат он был на Пелагее Ивановне Соймоновой; младший сын от этого брака родился, вероятно, около 1736 г.⁵⁷ Следовательно, единственное, что можно предположить, — это то, что Львов скончался от ран, полученных ранее, во время русско-турецкой войны 1735—1739 гг.; и что, возможно, она имелась в виду под «Персидским походом».⁵⁸ В любом случае, не отвеченным в пись-

⁵⁴ Новикова А. М. Русская поэзия XVIII—первой половины XIX века и народная песня: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Русский язык и литература». М., 1982. С. 59—61.

⁵⁵ Именно этот год указан в одном из наиболее авторитетных генеалогических справочников XIX столетия: Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1. С. 575. И. А. Бочкарева без достаточных на то оснований сомневается в правильности этой даты, полагая, что в цитируемой ею челобитной вдовы П. С. Львова содержится ошибка: «Мой муж, а детям моим отец родной Петр Семенович, сын Львов ... в прошлый год, „736“ году, в службе вашего императорского величества умре» (Львова А. П., Бочкарева И. А. Род Львовых. Торжок, 2004. С. 16; оригинал документа: ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 2370. Л. 104).

⁵⁶ СПб ИИ РАН. Ф. 180. Оп. 1. Ед. хр. 10. л. 85. В этом же чине П. С. Львов и скончался, как следует из исповедной росписи церкви Николая Чудотворца села Арпачево Новоторжского уезда за 1748 г., в которой упомянута вдова капитана Пелагея Ивановна Львова в возрасте 55 лет (ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 18026. Л. 232). Выражаю искреннюю признательность С. Д. Дзюбанову за сообщение этих архивных данных и обсуждение источниковедческих аспектов львовской генеалогии.

⁵⁷ Фигурирующая в литературе дата рождения Петра Петровича Львова (1741) документально не подтверждена и опровергается цитируемой выше челобитной его матери и упомянутой исповедной росписью 1748 г., где указан его возраст — 11 лет (ср.: Львова А. П., Бочкарева И. А. Род Львовых. С. 20).

⁵⁸ Отмечу, что именно «привязка» «Песни П<етра> С<еменовича> Л<ьвова>» к Персидскому походу Петра I стала основанием для ее датировки 1722 г. при воспроизведении в разделе «Песни, канты и стихи» в кн.: Западов В. А. Русская литература XVIII века, 1770—1775: Хрестоматия. М., 1979. С. 23—24.

ме остается и вопрос о том, кто сообщил родным песню, сочиненную П. С. Львовым, если бы он и впрямь умер вдали от них. Впрочем, само название «Песня П<етра> С<еменовича> Л<ьвова>» допускает и следующую интерпретацию — та, что сочинена от его лица, та, что могла быть пропета им в драматической ситуации, о которой затем узнали родственники. Противоречия, обнаруживающиеся в рассказе о сочинении песни, наводят на мысль, что, скорее всего, в данном случае мы имеем дело с литературной мистификацией внука П. С. Львова — Н. А. Львова, как раз в это время увлекавшегося народной поэзией и подражавшего ей.

Важное значение имеет и следующее обстоятельство — как отмечает Новикова, варианты песни «Уж как пал туман на сине море...» встречаются в рукописных песенниках XVIII столетия;⁵⁹ два из них находим напечатанными до появления львовского «Собрания народных русских песен с их голосами» в «Собрании разных песен» М. Д. Чулкова и в «Письмовнике» Н. Г. Курганова.⁶⁰ Лирические сюжеты всех этих вариантов мало различаются — то умирающий воин обращается к коню, то — к товарищам. Если же принять предположение о том, что автором «Песни П<етра> С<еменовича> Л<ьвова>» (конкретного варианта широко бытовавшей песни) был его внук, то отсылка к Персидскому походу должна была до известной степени легитимировать упоминание именно «моря» (в других редакциях — «поля») и «привязать» песню к конкретным историческим событиям. В таком случае становится ясно, почему «Песня П<етра> С<еменовича> Л<ьвова>» была для Н. А. Львова авторской, а не безымянной и почему он не включил ее в «Собрание народных русских песен с их голосами», вышедшее в предыдущем, 1790 г. Тем примечательнее, что даже близкими знакомыми этот текст воспринимался как несомненно фольклорный. Так, И. И. Дмитриев воспроизвел без всякого заглавия песню «Уж как пал туман на сине море...» в своем песеннике

⁵⁹ Исследовательница цитирует зачин песни, почерпнутой ею в одном из рукописных сборников первой половины XVIII в., содержащем и другие песни о петровских походах: «Ох, как пал, братцы, туман да на синё море, / Злодейка блаж-кручина в ретиво сердце, / Не бывать, братцы, туману со синя моря, / Не схаживать кручины с ретива сердца. / Ой, здалече, ой, здалече во чистом поле...» (Новикова А. М. Русская поэзия XVIII—первой половины XIX века и народная поэзия. С. 61).

⁶⁰ Эти варианты, имеющие идентичную начальную строку «Ах! как далече, далече в чистом поле...», различаются количественно — они содержат соответственно 36 и 23 стиха (Чулков М. Д. Новое и полное собрание российских песен. СПб., 1770. Ч. 1. С. 140; [Курганов Н. Г.]. Книга писмовник, а в ней наука российского языка с семью присовокуплениями. СПб., 1777. Ч. 2. Присовокупление V. С. 313).

явно по «Московскому журналу»,⁶¹ как народную опубликовал ее и Державин в разделе «О песне» «Рассуждения о лирической поэзии, или Об оде».⁶²

Но вернемся к «Письму к П. Л. В<ельяминову>». «Песня П<е-тра> С<еменовича> Л<ьвова>» погружает присутствующих в не-веселое состояние духа. Это всеобщее настроение, вызванное нахлынувшими воспоминаниями о представителях львовского клана, павших в сражениях за родную землю, а также о тех из родственников, кто в это время как раз находился на Русско-ту-рецкой войне, развеивается внезапной радостной вестью о ее за-вершении.⁶³ Строго говоря, окончательный мирный договор в Яс-сах был заключен через несколько месяцев — 31 июля (11 августа) 1791 г. были подписаны лишь его прелиминарные артикулы.

«Уголок» провинциальной действительности, изображенной в письме к Вельяминову, заставляет вспомнить «Ямщиков на под-ставе»; он также наделен чертами социальной утопии — в день освящения церкви и господа, и их крестьяне, которые под конец названы вполне патриархально «добрыми нашими поселянами», преисполнены завидного единодушия. Явно, что празднество и известие о прекращении войны останутся одинаково памя-тными и тем и другим. Стоит отметить, что повествование от первого лица единственного числа перемежается рассказом от первого лица множественного, в результате чего в тексте по-является некий коллективный герой, переживаниям которого посвящено письмо, — и это не только родные Львова, но, шире, все прихожане нового храма независимо от их сословной при-надлежности.

Что касается собственно повествования, то оно носит ярко выраженный разговорный, сказовый характер и представляет

⁶¹ Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен. М., 1796. Ч. III. С. 211—212 (раздел «Былевые»). От публикации в соста-ве «Письма к П. Л. В<ельяминову>» этот текст отличается минимально; речь должна вестись, по-видимому, об искажениях, возникших при наборе, — так, «бодрый конь» становится «добрым», «белый плат» — просто «платком» и проч.; фольклорные окончания «ой» заменены всюду на «ый» («добрый моло-дец» вместо «добрый»).

⁶² Чтение в Беседе любителей русского слова. 1815. Чт. 14. С. 21—22. По-сле текста песни Державиным сделано допускающее различные толкования указание об авторстве: «сочин<ителя> неизвестного». Примечательно и то, что размышляя о народных песнях в этом разделе «Рассуждения», Державин опирается главным образом на подготовленное Львовым и Прачем «Собрание народных русских песен с их голосами» (1790).

⁶³ Эта дата названа самим Львовым («Я распечатал письмо мое, чтобы только сказать тебе, что сейчас получил твою одну строчку: „Мир заключен 31 июля“. Стоит она поэмы»; ИС, 342).

собой еще одну, нетривиальную реплику в длительном диалоге двух близких друзей. Уже первая фраза письма — «Чур не отпираться!» — выдает укорененность манеры письма в стихии устной дружеской речи. Общее впечатление это подкрепляется и многочисленными эмфатическими обращениями-деминутивами, и эллиптическими конструкциями, и постоянным смещением стилей — славянизмы органично соседствуют с просторечием при изображении радостного возбуждения, охватившего Львова и его близких. Не скупится поэт и на яркие эпитеты и метафоры — «пучеглазое позлащение», «купол, мною согнутый», «война оставила рану глубокую». Рассмотренные выше особенности письма к Вельяминову убеждают, что хотя Львов и стремился сообщить своему другу о ряде событий (и сделал это), но в куда большей степени он ставил перед собой чисто эстетические задачи, творя художественный миф о себе и своих близких.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одном шедевре эпистолярной прозы Львова — его письме от 28 мая 1800 г. к графине Екатерине Александровне Головкиной (1733—1821). Несмотря на его высокие литературные достоинства, оно никак не может быть отнесено ни к собственно художественной литературе, ни к жанру дружеского письма, в то же время позволяя лучше увидеть специфику последнего.

Как можно понять из письма к Головкиной, его написанию предшествовало обращение к Львову сначала устно через некоего Скворцова, а затем в эпистолярной форме. Дело шло о крепостном Александре (фамилия его не упомянута), который был за несколько лет до того подарен графиней Львову и теперь довольно беззастенчиво потребован назад. При этом равнодушие к судьбе молодого музыканта сказалось хотя бы в том, что, когда он был «на время» послан в дом его бывшей владелицы, та даже не соблаговолила взглянуть на него. Нетрудно представить, что у нее Александра ждало бы постепенное угасание музыкальных дарований, безысходность крепостного состояния, занятия, не соответствующие той выучке, которую он получил по воле Львова и о которой графиня не имела четкого представления, как можно заключить из ответов на ее вопросы: «Во все время продолжал я его учить музыке у капельмейстера Сартти в намерении иметь для управления маленького хора, а когда с летами его и учение довершится, если благодарность его будет порукою вперед за доброе поведение его, то дать ему свободу на некоторых для него же полезных условиях: поелику безвременное увольнение послужило бы к пагубе его таланта и его собственно» (ИС, 355—356).

Львов оказался в крайне щепетильной ситуации. С одной стороны, величайшей несправедливостью по отношению к юно-

му музыканту было бы возратить его Головкиной, с другой стороны, как светский человек он никоим образом не мог позволить себе намека на неблаговидность поведения своей знакомой. Львову несомненно ясны мотивы его корреспондентки, но он надевает маску простодушия и пытается увидеть в ее действиях «посторонние внушения и прихоти», поясняет неоплатность понесенных затрат на воспитание Александра:

«Наконец, угодно вам спрашивать: „Могу ли я иметь его у себя?“ — если это на время, так как я и понимал, то я приказание ваше тотчас исполнил и послал его к вашему сиятельству», как скоро за ним прислали, по возвращении сказал он мне, что он вас не мог видеть. Из чего вторично я подумал, что в этом деле мешаются более посторонние внушения и прихоти, нежели собственная ваша воля, основанная на чувствах благородных и справедливости. Сие самое убеждение мое не допустило меня подумать, чтобы желание ваше было взять у меня безвозвратно отданного мне мальчика, не приняв во уважение, что я воспитал его под собственным моим смотрением, что сей труд известен каждому, желающему воздержатъ от подлых понятий и поступок подлого человека, что на сие я потерял много времени и труда в надежде пользоваться плодами учения моего. И, наконец, по окончании учения сего лишиться сих надежд и самого воспитанника от той же самой руки, которая вручила мне молодость его под видом подарка. Я не забыл, милостивая государыня! что вам не угодно было принять от меня за него денег при совершении крепости. Что же касается до издержки, которую ныне предлагаете заплатить мне за учение его, то я смею донести вашему сиятельству, что этого мне никто заплатить не может, я скорее с сердечною благодарностию сам внесу за него деньги, нежели приму оные от кого ни есть, потому что за труд воспитания мне заплатить непристойно, за учеников посторонних Сарти брал в год по полторы и по две тысячи, о чем можете узнать от господина Хлебникова и прочих. Я ему денег не давал, но дарил его картинами, он учил его заплаатою дружбы, а я на учение сие терял свои к нему услуги, случай и время, которое для меня всех денег дороже» (ИС, 356).

Письмо к Головкиной, в сущности, пронизывает глубокая ирония — обращаясь к графине как к представительнице своего круга и носительнице близких понятий, Львов прекрасно понимает, сколь мало его корреспондентка соответствует образу, вписанному в текст. В то же время он так строит свою аргументацию, что реальная Головкина оказывается весьма затруднена в ее прихотях, ей неминуемо приходится соотносить свое поведение с образом, созданным Львовым, и тем самым

преодолевать весьма значительные моральные препятствия при осуществлении желания вернуть себе крепостного. Несмотря на столь мастерское построение, письмо к Головкиной почти во всех отношениях представляет собой противоположность дружеским литературным письмам, рассмотренным выше. Оно направлено в первую очередь на то, чтобы устранить сложность, возникшую в реальной жизни, донести до корреспондентки некоторую систему аргументов. Таким образом, референтивная функция доминирует в этом тексте; поэтическая являет себя прежде всего в риторической отточенности аргументации и в пронизывающей ее иронии; а все то, что как раз составляет специфику дружеских писем (многотемность, повышенная экспрессивность, стилистическая и синтаксическая «разболтанность» и проч.), сведено к минимуму. Их сопоставление с более традиционными эпистолярными формами убеждает и в том, что этот многоликий жанр утверждался прежде всего апофатически — через отвержение и расшатывание сложившегося этикета, насаждавшегося многочисленными письмовниками, через маргинализацию информационной составляющей, через вторжение в письма фикциональной, а- или даже антипрагматической стихии.

Завершить данную работу хотелось бы соображениями преимущественно историко-литературного характера — длительная неизданность наследия Львова, а также недооценка художественных достоинств его произведений в XIX в. (тут с сожалением нельзя не упомянуть имени Я. К. Грота), вызвавших живой интерес в XX в., помимо всего прочего, привели к тому, что его эпистолярное наследие долгое время «не замечалось» исследователями. Вместе с тем именно с Львовым связано появление в русской литературе столь важного жанра, как «дружеское литературное письмо», возникновение которого обычно оказывалось приуроченным к первой четверти XIX в. и которое в действительности начинает свою историю с 1780-х гг. Весьма характерно при этом, что этот гибридный жанр оказывается неотторжимым от истории содружеств, объединивших наиболее значительных литераторов своего времени, — львовско-державинского кружка в XVIII в. и «Арзамаса» в XIX в.

Н. Д. КОЧЕТКОВА

СЕМЕЙНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ В РУССКИХ ИЗДАНИЯХ XVIII ВЕКА

Опираясь на свидетельства отечественных мемуаристов, а также зарубежных наблюдателей, Н. Д. Чечулин отмечает прочность семейных связей как одну из характерных черт русской жизни XVIII столетия.¹ Исследователь останавливается на размышлениях П. А. Вяземского в связи с его рассказом о семье Оболенских: «Теперь семейное начало потрясено и урезано, на Западе еще более, нежели у нас. Семейства раздроблены, одни личности выступают вперед. <...> Семейное начало есть начало, есть почва, на которой зиждется и общественное. Если не признавать семейного авторитета и даже не приучаться уважать его, едва ли будем мы способны уважать авторитет общественный и честно и с любовью служить ему. Если мы из родительского дома выносим начало розни, то неминуемо внесем ту же рознь и в общество».² С большим сочувствием цитируя эти строки, Н. Д. Чечулин отмечает: «Холодность, индифферентность между родственниками тогда были редки и казались странными».³

Конечно, картина семейных отношений далеко не всегда была идиллической, но даже отдаленное родство имело немаловажное значение, в том числе, конечно, и при покровительстве. Достаточно вспомнить комический эпизод, рассказанный Д. И. Фонвизинным в дневнике его последней поездки за границу (1786—1787). При возвращении, по прибытии в Киев, во время сильного дождя трактирщик не хотел открывать ворота путешественникам. Про-

¹ Чечулин Н. Д. Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб., 2010. С. 413—419.

² Вяземский П. А. Московское семейство старого типа // Русский архив. 1877. Кн. 1. № 3. Стб. 314.

³ Чечулин Н. Д. Русская провинция... С. 417.

вожавший их мальчик закричал: «Отворяй: родня Потемкина!». «Лишь только произнес он сию ложь, — рассказывает писатель, — в ту минуту ворота отворились, и мы въехали благополучно. Тут почувствовали мы, что возвратились в Россию».⁴

В некоторых посвящениях литераторы благодарили знатных покровителей за милости, полученные не только ими самими, но и их близкими. Так, например, Т. П. Кириак⁵ благодарил В. И. Бибикова как «виновника счастья» своего «любезного брата».⁶ Максим Сапожников, посвящая Г. П. Гагарину перевод, осуществленный его покойным братом Федором Сапожниковым,⁷ писал: «...брат мой, трудившийся в переводе сей книги, и я, посвящающий оную Вашему сиятельству, первые пред целым светом превозносим имя и милости Ваши. Книга сия посвящается не от меня собственно, но от трудившегося <...> а я, брат его, будучи благодетельствован Вашим сиятельством, приношением сего перевода отдаю долг и моей признательности к милостям и брата моего желанию, который хотя ныне уже мертв, но предписывает мне быть благодарным; он чувствовал: я и ныне вкушаю Ваши благотворения; посвящаю Вашему сиятельству себя и книгу брата моего...».⁸ С. Орлов⁹ в дедикации благодарил М. В. Олсуфьеву за «великие благодеяния и милости», которыми его «сродники многократно имели счастье пользоваться».¹⁰ Подобные примеры можно умножить.

Противопоставление личной заслуги «знатной породе», начавшееся с петровских преобразований, получило деятельную поддержку у русских писателей, начиная с А. Д. Кантемира. Тем не менее дворяне на протяжении всего столетия стремились подчеркнуть древность своего рода и заслуги предков. С этим был непосредственно связан их интерес к собственным родословиям. Одно из ярких свидетельств такого интереса в последние десятилетия XVIII в. — многочисленные родословия, составлявшиеся по за-

⁴ Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 571.

⁵ См. о нем: Фоменко И. Ю. Кириак (Кириак, Кирияков) Т. П. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К—П). С. 59—60.

⁶ [Саси К.-Л.-М.]. Игра счастья / Переведено с французского. СПб., 1778. С. 5 нenum.

⁷ См. о нем: Данилевский Р. Ю. Сапожников Ф. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р—Я). С. 96—97.

⁸ [Людовици К. Г.]. Начертание полной купеческой системы <...> в пользу российского купечества переведенное надворным советником Федором Сапожниковым. М., 1789. С. 6—7 нenum.

⁹ См. о нем: Рак В. Д. Орлов С. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: (К—П). С. 388—389.

¹⁰ Краткое домашнее нравственное воспитание для детей всякого состояния / Перевод с немецкого <С. Орлова>. М., 1787. С. 5 нenum.

казу монахом Ювеналием (И. Г. Воейковым, 1729—1807).¹¹ Обращаясь с письмом к одному из своих заказчиков П. Ф. Карабанову, Ювеналий Воейков заявлял: «Сей труд и старание мое клонилось не к иному чему, а единственно, чтобы для незабвенной памяти предков ваших представить свету их превосходные деяния: храбрость, ратоборство, мужественное ополчение и проч.: а вам и потомкам вашим преизящный пример подражания оным».¹²

В. А. Левшин, происходивший из дворянского обедневшего рода и вынужденный добывать средства литературной работой,¹³ настолько дорожил своей родословной, что, тщательно собрав связанные с ней материалы, издал их отдельной книгой и посвятил ее всем своим родственникам:

«Любезные родственники! Благородные дворяне Левшины!

Усердие и почитание мое ко всем вам единокровным моим понудило меня приступить к сочинению полного нашего родословия, а потом и к печатанию оно: дабы всяк из нас, в каком бы месте ни жил, мог знать чрез то как о выезде своей фамилии, так праотц и поколении, от которого происходит; да притом, чтоб все мы, быв отрасли от единого праотца и обитая во отдаленных округах разных губерний, не учинили бы разноречия в подании поколенных росписей на основании Всемилоливейшей грамоты, пожалованной дворянству».¹⁴

Придавая исключительно большое значение родственным связям, Левшин при этом старался решительно отмежеваться от своих однофамильцев, замечая: «Другое, не меньше важное для всех нас обстоятельство побуждало меня к трудам таковым. Небезызвестно вам, любезные родственники, что некоторые, незнаемо почему, приняв прозвание нашего роду, пишутся Левшины и чрез то делают нам честь, которой мы никогда не просили и без которой легко можем обойтись».¹⁵

Подробно рассказывая о предпринятых им архивных разысканиях, Левшин упоминал также и о тех своих «единокровных», которые помогли ему в сборе сведений, называя персонально

¹¹ См. о нем.: *Николаев С. И.* Воейков И. Г. (в монашестве — Исаакий, Ювеналий или Иувиналий) // *Словарь русских писателей XVIII века.* Л., 1988. Вып. 1 : (А—И). С. 164—165.

¹² Краткое историческое родословие благородных дворян Коробановых, сочинил игумен Ювеналий Воейков / Печ. иждивением премьер-майора Павла Феодоровича Коробанова. М., 1795. С. 5 нунум.

¹³ См. о нем: *Пухов В. В.* Левшин В. А. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2 : (К—П). С. 198—201.

¹⁴ *Левшин В. А.* Родословная книга благородных дворян Левшиных / Печ. на иждивении полковника Павла Федуловича и коллежского асессора Гавриила Федуловича Левшиных. М., 1791. С. III нунум.

¹⁵ Там же. С. IV.

каждого из них: «Алексей Андреевич, Гавриил и Павел Федоровичи, Федор Алексеевич, Петр Алексеевич и Николай Иванович Левшины». Автор с гордостью обращал внимание «любезных родственников» на заслуги их общих предков:

Со удовольствием благородного сердца воззрите, любезные родственники, на сию сокращенную картину истории нашей фамилии, в течение многих веков здесь изображенную: вы не увидите в ней, кроме верных сынов отечеству, oprичь верных подданных всероссийскому престолу, и ни одного изменника, ни одного наказанного, ниже который бы положил на род наш пятно, коего должны были мы стыдиться.

Во все смутные времена, толико раздиравшие недра нашего отечества, когда столько фамилий пострадали от соблазнов, предки наши вышли со славою гордящихся патриотов, вынесли раны или пролили кровь свою за истинную сторону и отечество: верность и храбрость их увенчана свидетельством самых российских монархов; от них приняли они мзду подвигов своих в награждениях...¹⁶

Этот достаточно обширный экскурс Левшин заключал непосредственным обращением к адресатам своего посвящения:

«О, любезные родственники, с каким удовольствием посвящаю я вам сей труд мой, сию картину литеральную примеров, кои должны мы иметь всегда в очах наших! Примите мое приношение вам, удостойте благоволения вашего труд мой, но чем? Прошу вас, да составит он книгу классическую при воспитании детей ваших: внушайте им деяния их предков, образцы, достойные подражания, и старайтесь да умножит потомство наше заслуги нашего рода, да не явит в себе кроме верных подданных, истинных и верных сынов отечества. Уверен, что желания ваши с моими согласны и в их расположениях с любовью и почитанием есмь, любезные родственники!

Ваш не лестный друг и покорнейший слуга
Василей Левшин, вотчинник Термянской
Августа 20 дня 1788 года. В Термьяне».¹⁷

Это посвящение стоит как бы особняком среди других дедикаций, включая посвящения самого Левшина к его прочим трудам.¹⁸ Вместе с тем это показательный знак трансформации жанра, возможности которого расширяются.

В русских изданиях XVIII столетия начинают появляться не только дружеские посвящения,¹⁹ но и семейные, что было связа-

¹⁶ Там же. С. VI.

¹⁷ Там же. С. VIII.

¹⁸ Среди адресатов его посвящений были весьма влиятельные люди: «государев наместник» в Калужской, Тульской и Рязанской губерниях М. Н. Кречетников; тобольский губернатор Д. И. Чичерин; сенатор князь П. М. Волконский.

¹⁹ См.: *Кочеткова Н. Д.* Дружеские посвящения в русских изданиях XVIII века // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26. С. 132—168.

но с усилением личностного начала и в самой литературе. В том и в другом случае действовали сходные принципы. Если правомерными оказывались дедикации не только государю, но и членам его семьи, то — соответственно — не только вельможе, но и его близким: жене, детям. Немаловажное значение приобретали в дедикациях упоминания родительских заслуг адресата.

Крепостной литератор В. Г. Вороблевский,²⁰ посвящая своему господину Петру Борисовичу Шереметеву (1713—1788) перевод книги П. О. Аллеца «Сокращенное описание жизни Петра Великого...» (1771), писал: «...окончав переводом сию малую книжку, но весьма великие и преславные дела Петра Великого содержащую, в которой также и военные дела покойного родителя Вашего заключаются, дерзаю посвятить имени Вашего сиятельства в знак моей чувствительнейшей благодарности, ибо Вы виновники моего благополучия и счастья».²¹ Упоминание о славном фельдмаршале, сподвижнике Петра I Борисе Петровиче Шереметеве (1652—1719), вполне уместное на страницах этой книги, несомненно, было приятно его сыну Петру Борисовичу. Впоследствии Вороблевскому была доверена библиотека графа, и среди рукописей он обнаружил сочинение П. Н. Крекшина о Петре I. Издавая это «Сказание о рождении, воспитании и наречении на всероссийский царский престол его царского пресветлого величества государя Петра Первого...» (1787), Вороблевский также сопровождал его дедикацией П. Б. Шереметеву.²²

В следующем году появилась другая книга Крекшина — «Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого...» (1788). Она была опубликована книгоиздателем и книгопродавцем Т. А. Полежаевым, который тоже предпослал тексту посвящение П. Б. Шереметеву. Полежаев не преминул упомянуть о «дражайшем родителе» адресата и, подчеркивая соразмерность заслуг отца и сына, писал: «...издавая, за необходимо нужное почел я украсить ее [книгу. — *Н. К.*] именем Вашего графского сиятельства яко достойнейшего наследника Вашему родителю в добродетелях и славе, описываемых в сей книге».²³

²⁰ См. о нем: Кузьмин А. И. Вороблевский В. Г. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 : (А—И). С. 175—176.

²¹ [Аллец П. О.]. Сокращенное описание жизни Петра Великого, императора всея России / Переведено с французского. СПб., 1771. С. 5—6 нenum.

²² Это посвящение было сохранено и во 2-м тиснении книги: М., 1795.

²³ [Крекшин П. Н.]. Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого... СПб., 1788. С. 5 нenum. Во 2-м и 3-м тиснениях (1789 и 1794) посвящение отсутствует.

Иногда, чтобы заслужить расположение человека, занимавшего какой-либо значительный пост, или высказать ему благодарность за благодеяние, книга «дедиковалась» его сыну. Так, С. И. Писарев²⁴ посвятил один из своих переводных трудов «благородному и почтенному господину лейб-гвардии Конного полку капралу Кириллу Семеновичу Нарышкину». «Почтенный господин» еще не вышел из отроческих лет, о чем упоминал и переводчик, стремившийся таким образом угодить его отцу — видному вельможе Семену Кирилловичу Нарышкину (1710—1775), генерал-аншефу и обер-егермейстеру:

«Чувствуя то благодеяние, коим я от Вашего великодушного родителя одолжен, побуждена себя нашел оказать хотя малейший, однако усерднейший знак моей благодарности чрез приписание Вам сея моего труда книжки. С тем упованием, что она, яко древностию славных мужей мнения и нужные к жизни наставления в себе содержащая, ко украшению Ваших отроческих нравов не бесполезна будет...».²⁵

Обращаясь к юному Кириллу Семеновичу, Писарев восхвалял его отца как «ревностного науколюбителя», прилагающего «неусыпное попечение» о воспитании сына. Семен Кириллович был человеком образованным: в 1742 г. он находился в Англии в качестве русского посланника; был близок с А. Д. Кантемиром, занимался литературной деятельностью.²⁶ Позднее переводчик Л. И. Крауцольд, надеясь на участие и помощь С. К. Нарышкина как обер-егермейстера в деле сбережения и описания лесов, посвятил ему свой перевод книги И. Г. Бекмана «Лесной времяник...» (1773).

В. Г. Рубан,²⁷ хорошо знавший толк в «ласкательстве», обратился со стихотворным посвящением к младенцу — сыну графа В. Г. Орлова Александру Владимировичу (1769—1787). «Дедикованной» ему книгой был перевод «Отроческого наставления» М.-А. Мюре, в котором содержалось подходящее поучение: «Во-первых, Бога чти и чти тебя родивших...».²⁸ О том, что

²⁴ См. о нем: Николаев С. И. С. И. Писарев // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 : (К—П). С. 437—438.

²⁵ Гномологик, или Собранные из разных творцов мнения Хрисолорovy <...> / Переведено с эллиногреческого языка статским советником Стефаном Писаревым. [М.], 1767. С. 5 нenum.

²⁶ См. о нем: Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т.: «Нааке-Накенский—Николай Николаевич». С. 97—98; Кросс Э. Г. У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 26.

²⁷ О нем см.: Николаев С. И. В. Г. Рубан // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 : (К—П). С. 68—72.

²⁸ [Мюре М. А.]. Марка Антония Мурета <...> Отроческое наставление, данное племяннику его М. Антонию Мурету в 1578 году / Перевел с латинских стихов на российские переводчик Василей Рубан. СПб., 1770. С. 7 нenum.

А. В. Орлов был еще в весьма нежном возрасте, свидетельствуют строки:

Орлов! Хотя еще ты днесь птенец молодой;
Но орлей бодрости уж есть в тебе приметы
И в самые сии твои юнейши леты.
Подобие мы зрим в твоих чертах лица
Разумной матери и мудрого отца,
Приятной коих ты усмешкой узнаваешь
И тем взаимно их обеих утешаешь.²⁹

Стремясь угодить всем могущественным в это время Орловым, Рубан желал новому члену их семейства быть подобным не только его отцу, но и «дядьям», то есть фавориту императрицы Г. Г. Орлову и его братьям.

Переводчик, подписавшийся инициалами «А. З.», в 1796 г. посвятил свой труд юному прапорщику Семеновского полка Ивану Николаевичу Дурново (р. 1784),³⁰ напоминая ему о заслугах его отца: «Вы, подражая как добродетелям, так ревности и усердию родителя Вашего к службе, не оставляете особенно упражняться в науках, к подвигам воинским надлежащих».³¹ Речь шла, по всей очевидности, о Николае Дмитриевиче Дурново (1733—1815), который в течение многих лет служил в Семеновском полку, а к этому времени был генералом-кригс-комиссаром и сенатором.

Порадовать родителей могли и посвящения, адресованные их дочерям. Если сыновьям посвящались книги, преимущественно поощрявшие занятия воинской службой, то дочерям — сочинения, которые могли и наставить, и развлечь, и утешить. Так, студент Санкт-Петербургского водоходного училища Козьма Голубянский, переведший сборник сказок «Забавные вечера...» (1789), открыл книгу стихотворным посвящением Любове и Надежде Акининым. Главным же адресатом фактически был их отец, как явствует из заглавного текста:

«Его Высокоблагородия Санктпетербургского губернского магистрата председателя Никиты Ивановича Акинина детям, благовоспитываемым девицам Любове Никитишне и Надежде Никитишне,

²⁹ Там же. С. 5 нenum.

³⁰ И. Н. Дурново служил в Семеновском полку с 1793 по 1811 г., постепенно повышаясь в чинах, в 1809 г. он стал полковником, в 1811 г. переведен в 18-й Егерский полк. См.: *Дирин П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 2. С. 77.

³¹ Искусный полководец, или Правила, как в поле давать сражения... / Перевод с иностранного. М., 1796. С. 3 нenum.

Всеусерднейшее приношение от переводчика».³²

Далее следовали стихи, содержавшие и комплиментарную часть, и некоторое поучение:

Младых *Акининых* сестр милая чета!
Любовь с Надеждою, которых красота
Во нежной юности являться начинает
И тем родителей сердца увеселяет:
Вы радований Их единственный предмет,
Старайтесь среди цветущих жизни лет
Не столько телеса, как души украшати
И тщитесь разум свой ученьем просвещати
Прилежным чтением, в свободно время, книг
И, что полезно есть, то замечайте в них.
На сей конец Вам суть и Сказки подносимы,
Чрез кои детские умы руководимы
К благотворению и нравов чистоте,
К презрению пышности, к любви ко простоте...³³

Посвящая юным Храповицким свое «Собрание новых романсов и песен» (1798), С. Н. Глинка уже не называл ни должности, ни даже имени их отца (по-видимому, Ивана Юрьевича Храповицкого, 1739—1800), а имена адресатов скрыл за инициалами: «Милостивым государыням П... И., С... И. и А... И... Хрпвцкм». Однако в этих посвячительных стихотворных строках тоже прозвучала тема родительской любви и привязанности к ним детей:

<...>

Тот, кто таких, как вы, родителей имеет,
Тот может ли грустить?
Старайтесь всегда отрадою им быть;
Они живут для вас, и вы для них живите.
И дни осенние с весенними сравните.³⁴

Родственные связи получали самое разное отражение в дедикациях. Так, например, своеобразный семейный подарок составили «Лирические переводы Василья Вороблевского» (1779). Книга включала несколько переведенных им пьес, ставившихся в театре Шереметевых. Почти каждая из них имела свое особое по-

³² Забавные вечера, или Собрание нравственно-увеселительных детских сказок, говоренных наизусть по вечерам / Переведены с немецкого языка Санктпетербургского водоходного училища студентом Козмою Голубянским. СПб., 1789. С. 3 нenum.

³³ Там же. С. 5 нenum.

³⁴ Собрание новых романсов и песен с прибавлением некоторых мелких стихотворений, изданное С. Глинкою. М., 1798. С. 3 нenum.

священие: перевод пьесы де Ферьера «Башмаки Мордоре», открывавший сборник, был посвящен Петру Борисовичу Шереметеву; затем следовал перевод пьесы «Живописец, влюбленный в свою модель», с посвящением Алексею Кирилловичу Разумовскому (1751—1818), зятю П. Б. Шереметева, женившемуся в 1774 г. на его дочери Варваре Петровне; затем перевод пьесы «Опыт дружбы» с посвящением Николаю Петровичу Шереметеву (1751—1809), сыну Петра Борисовича, и, наконец, перевод пьесы «Две сестры» с посвящением Варваре Петровне Разумовской (урожденной Шереметевой, 1759—1824).³⁵

Посвящение члену семьи влиятельного человека иногда могло быть более действенным, чем лестная дедикация ему самому. Уместно в этой связи вспомнить историю с одним из посвящений Н. П. Осипова,³⁶ который оказался замешанным в политическом процессе А. Н. Радищева и был вызван в Тайную канцелярию. Обдуманно отвечая на допросах известного сыскных дел мастера Степана Ивановича Шешковского, он сумел отвести нависшую угрозу и воспользовался покровительством сына С. И. Шешковского — Ивана Степановича. Ему Осипов посвятил один из главных своих литературных трудов — «Вергилиеву Енеиду, вывороченную наизнанку» (1791).

Таким образом, побуждения и цели, с которыми литераторы «приписывали» свои труды родственникам влиятельной персоны, были очень различны, но главным адресатом в конечном счете оставалась именно эта персона. Традиция обращения к «миловитцу» с надеждой получить его покровительство была очень устойчива.

Можно указать на любопытный пример, когда эта традиция оказалась препятствием для появления семейного посвящения.

³⁵ Благополучие этой семьи длилось, однако, недолго: в 1784 г. А. К. Разумовский выдворил Варвару Петровну из дома, отобрав у нее всех их четверых детей и запретив ей с ними общаться, но заставив выделять для них средства. В отличие от Н. П. Шереметева, обвенчавшегося со своей крепостной П. И. Ковалевой (Жемчуговой), Разумовский не стал оформлять брак с крепостной М. М. Соболевской, от которой имел еще десять детей. См.: *Васильчиков А. А. Семейство Разумовских*. СПб., 1880. Т. 2. С. 40, 114—118; *Разумовская М. Разумовские при царском дворе: Главы из российской истории 1740—1815 гг.* 1-е изд. на русском языке, переработанное и дополненное. СПб., 2004. С. 142—143.

³⁶ См. о нем: *Пухов В. В. Осипов Н. П.* // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2 : (К—П). С. 391—392; *Веселова А. Ю.* Концепция «истинной лжи» Н. П. Осипова // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 83—193; *Кочеткова Н. Д.* О первом появлении «Приключений барона Мюнхгаузена» в России и переводчике этой книги // *Uomini, opera e idee tra Occidente europeo e mondo slavo. Scritti offerti a Marialuisa Ferrazzi a cura di A. Mingati, D. Cavaion, C. Criveller*. Trento, 2011. P. 413—425.

Юный Василий Лисаневич посвятил свой ученический перевод «Мысли десятилетнего сочинителя» (1776) влиятельной персоне — генерал-поручику, сенатору Е. А. Щербинину. В посвящении переводчик со всею наивностью признавался: «Перевод сей книжки <...> выбранной по моим летам и понятию от моего учителя, желание имел я приписать моим родителям яко первый плод моего во французском языке упражнения и в знак должной за попечение их о моем воспитании благодарности. Но как имел счастье удостоен быть высокомилоостивого призрения Вашего высокопревосходительства и теперь достаиваюсь оногo, то, не имея, чем изъяснить моих благодарностию и ободрением преисполненных чувствований, за непременный долг почел сей, хотя весьма малый, но от величайшего усердия приносимый, по мере сил моих, опыт посвятить Вашему высокопревосходительству яко виновнику моего благосостояния...».³⁷ Можно предположить, что сами родители Василия Лисаневича посоветовали ему «приписать» перевод знатному покровителю. Тем не менее очень скоро стали появляться и посвящения, обращенные автором к членам собственной семьи: прежде всего родителям, а также супругам, братьям, сестрам, дядюшкам, тетушкам и другим «сродственникам».

* * *

При всей значимости любых семейных связей, в них существовала несомненная иерархия. Н. Д. Чечулин писал: «Особенно высоко стоял авторитет родительской власти — не в том смысле, чтобы родителям удавалось создать в семье такие отношения, при которых дети сознательно стремились бы действовать согласно с общим духом своих родителей, но в смысле подчинения воле отца, подчинения, привычного до такой степени, что оно казалось и признавалось совершенно неизбежным».³⁸ Именно отец считался главой семейства. Известны случаи дикого деспотизма мужа по отношению к жене, не говоря уже о детях, которые находились в материальной и юридической зависимости от отца. С. Т. Аксаков вспоминал, что его дедушка Степан Михайлович Багров дочерей считал «ни за что», никогда не целовал руки у жены, «а свою давал целовать в знак милости».³⁹ Однако во мно-

³⁷ Мысли десятилетнего сочинителя, с французского переведены лейб-гвардии Преображенского полку фурыером Васильем Лисаневичем. СПб., 1776. С. 5—6 нenum.

³⁸ Чечулин Н. Д. Русская провинция во второй половине XVIII века. С. 413.

³⁹ Аксаков С. Т. Семейная хроника // Аксаков С. Т. Собр. соч. М., 1986. Т. 1. С. 35, 52.

гих семьях родительский авторитет основывался на искреннем уважении детей и их чувстве благодарности и любви, о чем свидетельствуют и некоторые книжные посвящения, появляющиеся в 1780—1790-х гг.

Одно из первых таких посвящений открывает переведенную И. В. Лопухиным⁴⁰ книгу Э. Юнга «Торжество веры над любовью...» (1780). Текст дедикации предельно краток и официален:

«Его превосходительству милостивому государю Владимиру Ивановичу Лопухину, господину генерал-поручику и кавалеру орденов Святого Александра Невского и Святыя Анны

Всепокорнейше приносит

Переводчик И. Л.»⁴¹

В этом тексте нет никакого упоминания о близких родственных связях адресата и переводчика. Между тем отец и сын были очень привязаны друг к другу, жили вместе в одном доме. В своих «Записках» И. В. Лопухин вспоминал: «Родители мои были самые чадолюбивые: и, бывши весьма добродушны и от природы отлично разумны, всеми силами старались наставлять меня в честности и благонравии...»⁴² Его мать Евдокия Ильинична (урожденная Исаева, 1717—1774) скончалась, когда он был еще ребенком. Отец, генерал-лейтенант Владимир Иванович Лопухин (1703—1797), достиг весьма преклонных лет, когда его сын оказался замешан в политическом процессе, развернутом в 1792 г. против Н. И. Новикова и его сподвижников. И. В. Лопухин писал: «Беспокоила меня только мысль о том, что происходящее со мною может поразить отца моего, который тогда имел уже около девяноста лет, и, лишенный зрения, был в крайней слабости тела; кроме головы, коей здравость сохранилась в нем почти до последнего часа его жизни; а для того и старался я все от него скрывать».⁴³ С большими предосторожностями отцу было сообщено о грозящей сыну ссылке. «Минуты объявления сего были для меня таковы, — признавался мемуарист, — что я думаю, не мучительнее были бы они для меня на эшафоте. При всей беспредельной любви ко мне и привязанности отца моего Бог помог ему точно чудесным образом терпеливо принять сей удар. <...> Легко можно представить себе, сколько

⁴⁰ См. о нем: Кочеткова Н. Д. Лопухин И. В. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 : (К—П). С. 229—235.

⁴¹ Торжество веры над любовью. Поема, сочиненная г. Юнгом. С французского г. Ле Турнером перевода на российский язык перевел И<ван> Л<опухин>. М., 1780. С. 3 нenum. Во 2-м изд. (1787) посвящение сохранено.

⁴² Записки сенатора И. В. Лопухина. Лондон, 1859. Репринтное воспроизведение. М., 1990. С. 3 нenum.

⁴³ Там же. С. 50.

оставление меня в Москве утешило отца моего, и меня — для него». ⁴⁴

Весь этот рассказ в мемуарах резко контрастирует с сухим официальным посвящением И. В. Лопухина отцу. Но в сознании литераторов XVIII столетия долго еще держалось представление о законах жанра дедикации: казалось, что важнее назвать чин и награды адресата, чем сказать о своих родственных отношениях. Но постепенно семейные посвящения все-таки завоевывали право на свое существование.

Никита Сумароков, сержант лейб-гвардии Семеновского полка, ⁴⁵ обращался к своему отцу, решившись внести в официальную формулу упоминание о родственных связях: «Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Степановичу Сумарокову, дражайшему родителю». В самом тексте дедикации, написанной с простодушной искренностью, также идет речь об их семейных отношениях: «Примите благосклонно от сына Вашего сей малый перевод; знаю, что он Вам будет приятен, соображая Вашу ко мне любовь. Но притом осмеливаюсь просить Вас рассмотреть его не отеческими глазами и поправить во оном ошибки, дабы вперед таковых погрешностей тщательно мог избежать...». ⁴⁶

От отца в первую очередь зависела и возможность получить хорошее образование, и дальнейшая служебная карьера. Отец выступал в роли и мецената, и покровителя, и наставника. Поэтому во многих посвящениях, адресованных отцу, все-таки сохранялась еще официальность обращения и привычные формулы дедикаций, адресованных влиятельному лицу. Г. П. Ершов (1772—1839) ⁴⁷ выпустил свой перевод книги Ж.-П.-Г. Катто-Кальвиля «Просвещенная принцесса...» (1788)

⁴⁴ Там же. С. 61, 62.

⁴⁵ П. Дирин в «Истории лейб-гвардии Семеновского полка» (Т. 2. С. 162) упоминает без имени и отчества Сумарокова, который был уволен из полка в 1796 г. в чине поручика.

⁴⁶ Некоторые полезные статьи, выбранные из удивительных секретов Великого Алберта <...> / Переведено с французского языка <...> Никитою Сумароковым. СПб., 1783. С. 3, 5 нум. Спустя 8 лет Никита Сумароков напечатал другой свой перевод с французского языка: «Описание Константинополя, с присовокуплением известия о некоторых обрядах, вере и нравах тамошних жителей...» (М., 1791), с посвящением правителю Костромского наместничества Ивану Варфаломеевичу Лампу. Формулу своего первого посвящения «соображая Вашу ко мне любовь» переводчик почти дословно повторил: «...соображая Благосклонность Вашу» (с. 3 нум.). По-видимому, этот переводчик и Никита Сумароков, владелец костромской типографии, работавшей в 1793—1796 гг., — одно и то же лицо.

⁴⁷ См. о нем: *Искюль С. Н.* Ершов Г. П. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 1 : (А—И). С. 311.

с посвящением: «Его высокоблагородию господину надворному советнику Петру Ивановичу Ершову, милостивому государю батюшке». Тут же сообщалось, что книга переведена по приказанию отца. Благодаря за воспитание, послушный сын смиренно просил его: «Удостоите принятия Вашего сей первый издаваемый мною в свет опыт упражнения моего в переводах с французского языка и тем поощрите к большему рачению в моем учении...».⁴⁸ Очевидно, памятуя распространенную формулу — желание «пред целым светом» прославить покровителя, юный переводчик писал: «Позвольте, дражайший родитель, показаться в свете сему переводу с Вашим именем, дабы чрез то известна была благодарность, которою дети родителям за рождение, тем паче за воспитание обязаны. И которой сердце мое никогда чувствовать не престанет».⁴⁹

Подобные дедикации «дражайшему» или «любезному родителю», написанные юными переводчиками, часто предваряли учебные переводы, представлявшие собой «первые труды весеннего возраста», как выразился Александр Жеребцов, посвящая отцу свой перевод повести «Земледелец» (1789).

Тринадцатилетний Павел Гаврилович Гагарин (1777—1850), посвящая переведенную им книгу Дж. Литтлтона «Опыт чувствительности, или Письма одного персиянина из Лондона к другу его...» (1790) своему отцу Гавриилу Петровичу Гагарину (1745—1806),⁵⁰ еще следуя принятому шаблону, начинал так:

«Его сиятельству князю Гавриле Петровичу Гагарину,

Двора ее императорского величества действительному камергеру, Правительствующего Сената обер-прокурору, орденов святого равно-апостольного князя Владимира второй степени и святыя Анны кавалеру, милостивому государю моему

Усерднейшее приношение».⁵¹

Дальнейший текст, следовавший за этим выдержанным по всем правилам обращением, открывал родственные отношения между адресатом и переводчиком, хотя и сохранял многие привычные формулы официальной дедикации:

⁴⁸ [Катто-Кальвиль Ж.-П.-Г.]. Просвещенная принцесса, или Жизнь Ренаты, герцогини Феррарской, сочиненная г. Катто / Перевод с французского. [М.], 1788. С. 6 нenum.

⁴⁹ Там же. С. 7—8 нenum.

⁵⁰ См. о них: Кочеткова Н. Д. 1) Гагарин Г. П. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 : (А—И). С. 187—189; 2) Гагарин П. Г. // Там же. С. 191—192.

⁵¹ [Литтлтон Дж.]. Опыт чувствительности, или Письма одного персиянина из Лондона к другу его, живущему в Испагане / Переведены с аглинского языка на французский г. Флорианом, а с оного на российский язык перевел к[нязь] П[авел] Г[агарин]. М., 1790. С. 3 нenum.

«Любезнейший родитель! Милостивый государь!

Маленькое сие сочинение, которое я перевел на российский язык, основано на сыновней любви и горячности к своему родителю. Кому же приличнее посвятить оное, как не Вам, любезнейший родитель, к которому сердце мое пылает сею благородною страстию? Удостойте, милостивый государь, благосклонного принятия сей маловажный труд мой как слабый знак чувствуемой мною беспредельной благодарности за все Ваши ко мне милости. Я знаю, что сие мое приношение весьма мало и недостойно Вас, но не отриньте его, взирая на мое усердие и на праведную причину, побуждающую меня учинить оное...»⁵²

Посвящение было явно связано с содержанием переведенной книги, в которой рассказывалось о добродетельном магометанине, который хотел не только отдать все свое состояние за выкуп отца, попавшего в плен к иезуитам, но даже «предаться добровольно в рабство» и всю жизнь служить на галерах вместо отца. Освободив его, герой умирает.

Самое заглавие переведенной Л. И. Голенищевым-Кутузовым (1769—1846) пьесы Ж.-П.-К. Флориана «Добрый отец» (1790) соотносится с посвящением переводчика отцу — «Милостивому государю батюшке Ивану Логгиновичу».⁵³ Директор Морского кадетского корпуса, адмирал И. Л. Голенищев-Кутузов был человеком весьма заслуженным и известным, но в этой дедикации не упоминаются его титулы, посты и награды, что придает посвящению бóльшую теплоту. Сохранив еще в обращении слова «милостивый государь», переводчик далее пишет: «Примите, милостивый родитель, слабое сие начертание доброго отца, приносимое вам сердцем, наслаждающимся во всем пространстве блаженством иметь отца несравненного. Простительно сочинителю, что доброго отца не в совершенстве представил. — Он вас не знал...»⁵⁴ Почтительный сын приурочил свой подарок к двадцатипятилетию бракосочетания родителей,⁵⁵ но речь шла только об отце, о матери, Евдокии Ильиничне Бибиковой (1745—1807), не было даже упомянуто.

⁵² Там же. С. 5 нenum.

⁵³ См. о них: *Лепехин М. П.* 1) Голенищев-Кутузов И. Л. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1 : (А—И). С. 200—203; 2) Голенищев-Кутузов Л. И. // Там же. С. 203—204.

⁵⁴ [Флориан Ж.-П.-К.]. *Добрый отец*. Комедия в одном действии / Переведена с французского подлинника Логгином Г. Кутузовым. [СПб., 1790]. С. 5 нenum.

⁵⁵ См.: *Кочеткова Н. Д.* *События частной жизни в русской литературной культуре XVIII века // Оказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века*. СПб., 2010. С. 260—261.

Платон Шагаров, делая «всеусерднейшее приношение» «его высокоблагородию милостивейшему государю Федору Федоровичу Шагарову, дражайшему родителю», писал: «Воспитанием и попечением Вашим доведен теперь я до такой степени, что нахожу уже себя несколько в силах показать Вам плоды успехов моих и не напрасно принимаемых Вами стараний...».⁵⁶ Авраам Лопухин (1774—1835)⁵⁷ обращался к отцу Василию Авраамовичу (1746—1821) со словами: «Сыновняя горячность побуждает меня посвятить Вам сию книжку, первый плод упражнения моего как в иностранных, так и в своем отечественном языке, в засвидетельствование пред Вами тех живейших чувствований благодарности, высокопочитания и преданности, которые долг и Природа, а паче бесчисленные Ваши ко мне милости и благодеяния воспламеняют в моем сердце...».⁵⁸ Василий Боборыкин посвящал «его высокоблагородию коллежскому советнику и кавалеру Дмитрию Лукьяновичу Боборыкину»,⁵⁹ «милостивому государю батюшке» свой «первый опыт трудов» как «первому своему благодетелю».⁶⁰

Свои литературные труды посвящали отцу не только сыновья, но и дочери.⁶¹ Надежда Никифорова⁶² в посвящении своего перевода книги Ф. Фенелона «О воспитании девиц» (1794) благодарила «вседражайшего родителя» Петра Федоровича, называя его «зиждителем» своих познаний. Она, так же как и ее братья Павел и Степан,⁶³ получила хорошее домашнее образование благодаря отцу. Никифорова писала: «Пред Вашими очами я трудилась в переводе четырех книжек, не отваживаясь из них ни единой приписать Вам яко виновнику моих упражнений; хотя не могу сказать

⁵⁶ [Палере Ж.]. Сокращенное географическое описание Турецкой империи из Географии г. Паллере / Перевел с французского Платон Шагаров. М., 1790. С. 5 нenum.

⁵⁷ См. о нем: *Травников С. Н.* Лопухин А. В. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2 : (К—П). С. 228—229.

⁵⁸ Сусанна, или Торжество невинности над клеветою двух злобных судей израильских : Пастушеская поэма в пяти песнях. Творение г. Мертгена / Перевел с французского Авраам Лопухин. М., 1791. С. 5—6 нenum.

⁵⁹ См. о нем: *Серков А. И.* Русское масонство. 1731—2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 121—122.

⁶⁰ Розалий, или Счастливый человек / С французского перевел В...Б... Б...М., 1796. С. 3, 5 нenum.

⁶¹ Особую роль отца в образовании дочерей отметила И. П. Кулакова. См.: *Кулакова И.* Дочь и сестра: Дворянская семья как образовательное пространство в XVIII—начале XIX века // XVIII век: Женское/мужское в культуре эпохи. М., 2008. С. 142.

⁶² См. о ней: *Силинская Г. Г.* Никифорова Н. П. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2 : (К—П). С. 349.

⁶³ См.: *Степанов В. П.* Никифоров П. П. // Там же. С. 348; *Разумовская М. В.* Никифоров С. П. // Там же. С. 348—349.

и ныне, чтоб я достигла уже совершенства в переводах, но как опыты и особенное тщание, употребленное на сию книгу, питают меня надеянием, что оная совершеннее тех, мною переводимых, а потому и взяла смелость посвятить ее имени Вашему...».⁶⁴

В семье Корсаковых⁶⁵ заботы об обучении детей тоже проявлял отец, живший в родовом имении Псковской губернии. Его жена почти постоянно жила в Петербурге. В начале 1790-х гг. было издано несколько переводов, осуществленных Анной (1769—1843), Никитой (1775—1857), Алексеем (1767—1811) Корсаковыми для подарка ко дню рождения отца. Они переводили моралистические сочинения своего учителя П.-К. Шлейснера, сопровождая издания посвящениями «любезнейшему родителю». Видя в нем «пример честности», Анна благодарила отца за его «искреннюю горячность», за то, что он воспитывал в детях «сердце и разум».⁶⁶

Особого внимания заслуживают посвящения в книге «Остаток человеколюбия во Франции...» (Ч. 1—2. М., 1798—1799). Посвящения в каждой части имеют подпись «М***, А*** В*ы». Первая часть «приписана» «Его высочородию, милостивому государю Николаю Ивановичу Вельяминову, статскому советнику и кавалеру». Судя по дальнейшему тексту, авторы дедикации — это дети Н. И. Вельяминова. Они писали: «Вот первый плод наших трудов! Кому ж его поднести, как не Вам. Вы первый научили нас извлекать из познаний наших пользу, Вам первым должно видеть опыт своих попечений. — Хотя сия безделка и слабо обнаруживает нашу привязанность; но в сердцах наших повсегда запечатлена к Вам любовь, которой ничто уменьшить не в состоянии...».⁶⁷ Вторая часть книги имела посвящение Екатерине Афанасьевне Протасовой. Известное имя сводной сестры В. А. Жуковского позволяет определить имена юных переводчиц: это Мария Николаевна Вельяминова (в замужестве Свечина, 1781—1821) и Авдотья Николаевна Вельяминова (в замужестве Арбенева, 1784—1831). Они обе были племянницами Жуковского: их мать — родная сестра Екатерины Афанасьевны Наталья

⁶⁴ О воспитании девиц. Сочинение г. Фенелона. <...> / Переведено с французского девицею Надеждою Никифоровою. Темниковской округи. В селе Богородском, Новое Мансырево тож. Тамбов, 1794. С. 5—6 нум.

⁶⁵ См.: *Лепехин М. П.* Корсакова А. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2 : (К—П). С. 130.

⁶⁶ [*Шлейснер П.-К.*]. Рассуждение о истинном величестве человека. Сочинение г. Шл...ра / Перевела с немецкого А[нн]а Карс[аков]а. СПб., 1792. С. 5 нум.

⁶⁷ Остаток человеколюбия во Франции, или Анекдоты Республики / Перевод с французского М. и А. В[ельяминовых]. М., 1798. Ч. 1. С. 5 нум.

Афанасьевна (урожденная Бунина, 1756—1785). Жуковский с детства был тесно связан с этой семьей. В 1790-е гг. в Туле в доме В. А. Юшковой поэт получал домашнее образование вместе со старшей сестрой Марией Николаевной, к которой чувствовал нежную привязанность. После ее замужества в доме Свечиных в начале 1800-х гг. часто бывал Андрей Тургенев, который в письмах к Жуковскому с большой симпатией писал о Марии Николаевне и Авдотье Николаевне.⁶⁸ Таким образом, их первый литературный труд представляет интерес и в связи с изучением раннего окружения Жуковского. Очевидно, Екатерина Афанасьевна Протасова (1770—1848) принимала деятельное участие в воспитании племянниц, почтивших ее своим посвящением, которое они, однако, не стали объединять с посвящением отцу. Тем не менее оно написано очень тепло:

«Екатерине Афанасьевне Протасовой, милому другу, сердечное приношение.

Одной мысли, что этот малый труд заслужит Ваше одобрение, Вашу снисходительную улыбку, было довольно, чтоб заставить нас перевести эту книжку. Ваша драгоценная похвала будет для нас дороже всего в свете. Какое радостью обливается тогда наше сердце, когда мы думаем, что Вы, читая эту книжку, вспомните нас, будете говорить: *оне делали это для меня, оне думали тогда обо мне*; одна улыбка, один взор милого, нежного друга заменяет нам все старания. — Вот, примите эту книжку. Мы перевели ее — рука наша писала, но искреннее сердце подносит ее Вам.

М****, А**** В****ы».⁶⁹

Если труд «приписывался» обоим родителям, то дедикация была общей. Таким примером могут служить посвящения Е. П. Демидовой (род. 1767),⁷⁰ внучатой племянницы известного мецената П. А. Демидова, основавшего Московский воспитательный дом и Коммерческое училище в Петербурге. Она была одной из дочерей тайного советника Петра Григорьевича Демидова (1743—1826) и его жены Екатерины Алексеевны (урожд. Жеребцовой, 1762—1810).⁷¹ В возрасте четырнадцати лет Елизавета Пе-

⁶⁸ См.: Письма Андрея Тургенева к Жуковскому / Публ. В. Э. Вацура, М. Н. Виролайнен // Жуковский и русская культура : Сб. науч. трудов. Л., 1987. С. 350—431.

⁶⁹ Остаток человеколюбия во Франции, или Анекдоты Республики. Ч. 2 / Перевела с французского Д[евица] М[ария] В[ельяминова]. М., 1799. С. 5 нунум.

⁷⁰ См.: Данилевский Р. Ю. Е. П. Демидова // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 : (А—И). С. 248—249.

⁷¹ О П. Г. Демидове как любителе старины писал Ф. Ф. Вигель, бывавший в его «полуаристократическом» доме на Большой Мещанской улице в Петербурге. Мемуарист, вероятно, задетый равнодушием хозяина дома, заметил о нем: «Одни седины и морщины давали право на его приветливость; на молодых

тровна преподнесла родителям к Новому 1782 году свой первый литературный труд, изданный очевидно ими же, — «Духовные оды и песни господина Х. Ф. Геллерта, переведенные в прозе некоторою благородною девицею» (1782). В открывающем книгу посвящении «Дражайшим родителям» переводчица писала: «...почитаю за важнейший долг принести Вам, любезнейшие родители, сей малый труд моих переводов яко новый и первый плод подаемого от Вас мне воспитания, в знак чувствительнейшей моей благодарности за все являемые ко мне родительские милости и попечения...».⁷² Следуя стандартной формуле дедикаций, Демидова выражала надежду на «милостивое принятие» ее труда и завершала посвящение подписью: «Ваша всепокорнейшая и усердная дочь Е. Д.» с датой: «Генваря 1-го дня 1782-го года». Через пять лет появилась ее следующая книга — «Время, непраздно препровожденное...» (1787), представлявшая собой собрание переводов разных нравоучительных историй. Обращаясь к тем же адресатам, Елизавета Петровна в этот раз называла по имени, отчеству и фамилии «дражайших родителей»: «Государю батюшке Петру Григорьевичу, Государыне матушке Екатерине Алексеевне Демидовым». Переводчица вновь благодарила за «неусыпное попечение» родителей о ее воспитании и просвещении. При этом она по-своему переиначивала расхожую формулу дедикаций, в которых упоминалось, что автор или переводчик трудился «в свободное от службы время»: «Милостивое вами принятие сего моего приношения усугубит мое тщание о употреблении свободного мне от других полезных и приличных состоянию моему упражнений время на чтение книг, наполненных нравоучением...».⁷³

Предельно краткое посвящение поместил анонимный переводчик в книге Ж. Руа «Друг старых» (1787): «Переводчик посвящает *Друга старых* своим родителям». Выбор адресатов, как и в некоторых других случаях, явно соотносился с содержанием переведенного сочинения, в котором говорилось о нравственном превосходстве зрелого возраста и о необходимости «почтения к старости». Достаточно краткой была и ученическая дедикация

людей, даже на молодых женщин, он не обращал ни малейшего внимания. Ими с большею любезностью занималась супруга его Екатерина Алексеевна, урожденная Жеребцова». (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2003. Кн. 1. С. 140—141). Можно предположить, что дочери она уделяла больше внимания, чем отец.

⁷² Духовные оды и песни господина К. Ф. Геллерта, переведенные в прозе некоторою благородною девицею. СПб., 1782. С. 3 нenum.

⁷³ Время, непраздно препровожденное в чтении, или Собрание полезных повествований разных писателей девицы Елисаветы Демидовой. СПб., 1787. В титульном издании этой книги тот же текст посвящения.

Александры Козловой в переведенной ею пастушеской повести Ж.-П.-К. Флориана «Естелла» (1789): «Дражайшим родителям приносит и посвящает сии начатки своих трудов, при руководстве учителя совершенных, послушнейшая дочь Александра Козлова».

Более интересно и по форме и по содержанию развернутое посвящение Екатерины и Анны Волконских в переведенной ими книге «Рассуждения о разных предметах природы, художеств и наук» (1792). Переводчицам трудно было найти соответствующую форму для учтвого обращения к обоим родителям, князю Михаилу Петровичу и княгине Елизавете Петровне (урожд. Макуловой, ум. 1796), и, вероятно, исходя из представления о главенстве отца, они писали: «Милостивые государи! Дражайшие родители!», неоднократно повторяя это странное обращение в тексте дедикации. «Принося первые плоды учения нашего Вашему сиятельству, — продолжали они, — мы исполняем одним деянием два долга; первый, что мы сим свидетельство сердец наших обнаруживаем, в которых храним благодарнейшую признательность, усердие, искренность и благоговение за беспокойство в воспитании нашем, за попечение о просвещении сердца и разума нашего, за те милости, кои не по обряду или обычаю, но по побуждению сердечной вашей любви к нам, и теперь жизнь нашу делают спокойною и впредь готовят благополучную. Второй, что мы переводом сей книжки отдаем отчет о времени, нами употребленном, и, заимствуя все, милостивые государи, от вас, к вам же относим труды наши...».⁷⁴ Этот довольно нестандартный текст посвящения, так же как и удачный перевод, вызвавший похвальный отзыв Н. Я. Озерецковского, свидетельствовал об известной самостоятельности юных переводчиц — Екатерины Михайловны (1775—1834) и Анны Михайловны (1776(?)—1827) Волконских.⁷⁵ Подпись Екатерины как старшей стоит первой под текстом посвящения.

Переводчики сборника «Нравственные картины» (1800), которые называли себя «Марья и Григорий Иваненки», в кратком посвящении писали: «Любезнейшим нашим родителям всеусерднейшее сыновнее приношение».⁷⁶ Если Волконские обращались к родителям «милостивые государи», то брат и сестра говорили о своем совместном труде как о «сыновнем приношении». Все это было еще одним характерным штрихом, подчеркивавшим главенство роли отца или брата.

⁷⁴ Рассуждения о разных предметах природы, художеств и наук. СПб., 1792. Ч. 1. С. 5 нenum.

⁷⁵ См.: *Разумовская М. В.* Волконская А. М. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 1 : (А—И). С. 173.

⁷⁶ *Нравственные картины / Перевели с французского Марья и Григорий Иваненки.* М., 1800. С. 3 нenum.

Тем не менее одновременно стали появляться и дедикации, обращенные к матери. Свой явно ученический перевод пьесы «Опыт детской любви» (1786) Василий Попов (1771—1842)⁷⁷ посвятил «с глубочайшим высокопочитанием» «дражайшей родительнице». Еще более официально обращался к матери двенадцатилетний Сергей Тишевский: «Ея превосходительству милостивой государыне Анне Степановне Тишевской в знак чувствительной благодарности за воспитание и сыновнего усердия посвящаю».⁷⁸ Значительно интереснее развернутое посвящение Павла Бабушкина⁷⁹ его матери Елисавете Дмитриевне Бабушкиной:

«Дражайшая родительница!

Кому приличнее могу посвятить первые начатки моих трудов, как не Вам, любезная мать! Вам обязан я жизнью, Вам должен тем благородным воспитанием, просвещением и исправлением души и сердца, кои, усовершенствовавшись и осуществовавшись примером Вашея жизни, предобещают мне многое. Примите же, дражайшая родительница, в знак чувствования вечной моей благодарности сии первые плоды Ваших попечений и моих успехов. Ласковый взор, коим Вы удостоите сию книжку, и нежная матерняя любовь составляет для меня неоцененную награду и, поощряя к бóльшим успехам, осчастливят Вашего сына, преданнейшего слугу Павла Бабушкина».⁸⁰

Хотя переводчик использует обычные формулы дедикации («кому приличнее», «первые плоды», надежда на поощрение к «бóльшим успехам», «преданнейший слуга»), ему удается придать тексту более личный характер и выразить свою искреннюю привязанность к матери: вместо обычного официального выражения надежды на «благосклонное принятие» труда, он ждет ее «ласкового взора» и «нежной любви».

Еще более заслуживает внимания посвящение в книге Ф.-Т.-М. Бакюляра д'Арно «Фания, англинская повесть. Перевод с французского» (1794). Переводчица не назвала ни своего имени, ни имени своей матери, которой она пишет:

⁷⁷ См. о нем: *Данилевский Р. Ю.* Попов В. М. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2 : (К—П). С. 466—467.

⁷⁸ [*Жанлис С.-Ф.*]. Голубок. Комедия, сочинение госпожи де Жанлис перевел с французского лейб-гвардии Преображенского полку сержант 12 лет от рождения Сергей Тишевский. СПб., 1789. С. 3 нenum.

⁷⁹ См. о нем: *Кафанова О. Б.* Бабушкин П. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 1 : (А—И). С. 45.

⁸⁰ [*Мармонтель Ж.-Ф.*]. Сельская добродетель, нравоучительная сказка из сочинений господина Мармонтеля / Перевел вольно с французского языка лейб-гвардии Преображенского полку сержант Павел Бабушкин. [М.], 1788. С. 5—6 нenum.

«Милостивая государыня, дражайшая и любезнейшая родительница!

Неограниченная Ваша ко мне нежность дает право осмелиться поднести Вам сию маленькую книжку собственного моего перевода, обнадежена будучи, что Вы удостоите ее своим чтением. О! сколь бы наградились слабые труды мои, если б она могла доставить несколько приятных минут, заслужив внимание и одобрение такой особы, которая всего в свете для меня драгоценнее. Я, ведая преисполненное чувствительности и добродетели сердце Ваше, нарочно избрала сию повесть для моего упражнения <...> Вы, моя возлюбленная, употребляя всевозможные старания для доставления мне полезных и приятных познаний, наиболее всего тщились вселить в меня ту добродетель, которая обитает в душе Вашей <...>. Ах, дражайшая родительница! Мне ничем невозможно заплатить за неусыпные Ваши о мне попечения и доказать, сколь далеко простирается моя к Вам благодарность и приверженность, как повиноваться всему тому, что угодно будет воле Вашей и в самоуважнейших обстоятельствах жизни моей вручить себя мудрому Вашему руководительству и честь иметь с наи глубочайшим почтением и дочерней горячностью пребыть до конца дней моих Вам,

Милостивой государыне, дражайшей родительнице!
Покорная и преданная дочь, переводчица сей книги».⁸¹

Примечательно упоминание о том, что переводчица «нарочно избрала сию повесть», то есть проявила достаточную самостоятельность, а не действовала по чьему-то указанию. Она сохранила в тайне от непосвященного читателя свое имя и имя своей матери, отказываясь от обыкновения заявлять «пред целым светом» о том, кто и кому благодарен. С тем большей убедительностью и теплотой должны были звучать ее трогательные признания матери. Но, кроме того, решение анонимно выступить в печати могло быть связано и с «топосом скромности», имевшим особое значение для женщин, только начинавших публиковать свои переводы и сочинения.⁸²

В этой связи можно оценить смелость княгини В. В. Голицыной (урожд. Энгельгардт, 1752—1815),⁸³ которая отважилась напечатать свой перевод книги Б. Эмбера «Заблуждения от любви, или Письма от Фанелии и Мильфорта» (1790. Ч. 1—2) с посвящением не родителям, но мужу — Сергею Федоровичу Голицыну (1748—1810). Племянница Г. А. Потемкина, Варвара

⁸¹ *Бакюляр д'Арно Ф.-Т.-М.* Фания, английская повесть / Перевод с французского. М., 1794. С. 3—6 нenum.

⁸² См.: *Рослин В.* Женщины-переводчицы в России XVIII в. // *Художественный перевод и сравнительное изучение культур* : (Памяти Ю. Д. Левина). СПб., 2010. С. 14—15.

⁸³ См. о ней: *Исколь С. Н.* Голицына В. В. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 1 : (А—И). С. 215—216.

Васильевна была хороша собой, образована, в юности вела полушутливую, походившую на любовную игру переписку со своим дядей.⁸⁴ С 1777 г. она стала фрейлиной, а в 1779 г. вышла замуж за С. Ф. Голицына. В их имении Зубриловка близ Тамбова бывал Г. Р. Державин. В одном из лучших его стихотворений «Осень во время осады Очакова» (1788) создан пленительный портрет княгини Голицыной, в волнении ожидавшей известий о муже, участвовавшем в военных действиях:

Она, задумчива, печальна,
В простой одежде и, власы
Рассыпав по челу нестройно,
Сидит за столиком в софе,
И светло-голубые взоры
Ее всечасно слезы льют.
Она к тебе вседневно пишет,
Твердит то славу, то любовь...⁸⁵

В «Объяснениях» к своим стихотворениям Державин вспоминал о Голицыной: «Она жила тогда уединенно в селе своем Зубриловке <...> и дождалась нетерпеливо известия о муже и дяде из-под Очакова».⁸⁶ В написанных ранее «Примечаниях» поэт писал о том, что она «весьма страстно любила своего мужа».⁸⁷ Ф. Ф. Вигель, позднее живший в имении Голицыных, отмечал противоречивость и даже необузданность ее характера. Вместе с тем мемуарист рассказал интересный эпизод. Увольнение Голицына со службы из-за внезапной немилости Павла I вызвал у княгини необыкновенный приступ гнева: «Забывая, что свидетелями она имеет детей и слуг, она проклинала царя, всех, народ и войско, которые ему повинуются. И успокоилась только от изнеможения сил».⁸⁸ Ко времени публикации ее перевода Голицына была уже не молода, и ее посвятительное письмо разительно отличается от юношеских робких дедикаций начинающих переводчиков, благодаривших родителей за воспитание. Правда, своего адресата переводчица называет еще достаточно официально, хотя и не перечисляет должностей и наград: «Его сиятельству князь Сергию Федоровичу Голицыну». Самый же текст посвящения представляет собой замечательный в своем

⁸⁴ См.: Русская старина. 1875. № 3. С. 512—521.

⁸⁵ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 229.

⁸⁶ Там же. СПб., 1866. Т. 3. С. 621.

⁸⁷ Примечания на сочинения Державина / Публ. Е. Н. Кононко // Вопросы русской литературы. Львов, 1974. Вып. 1 (23). С. 83.

⁸⁸ Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 1. С. 113.

роде образец эпистолярного стиля: оно написано просто, с подкупающей искренностью и любовью:

«Любезный друг!

Увидя друга своего издателем сей книги, не удивляйся тому; ибо выпустить в свет сей слабый мой перевод дерзнула я не с намерением тщеславия или желания угодить тому же самому свету; но побудительною сего причиною было то, что я уверена, сколь для тебя лестно бывает, когда я занимаюсь чем-нибудь полезным и к просвещению ведущим. Не упрекай меня за содержание перевода, которое само по себе дурно: я рассуждаю, что мы не от одних хороших примеров получаем пользу; но равно, кажется, ежели не большую, то, верно, не меньшую и от худых. Несчастье более просвещает и научает человека, нежели его непрерывное и постоянное благополучие; пример гнусного порока столько же нас отвращает от зла, как и пример редкой добродетели; и я надеюсь, что слезный конец жизни описываемого в сей книге Мильфорта возбудит всякого, по путям его заблуждений ходящего, и к рассудку приведет. Итак, прияв сей труд для одного тебя, мой друг, твоей ко мне горячности его и посвящаю. Прими его, дражайший супруг, как новый знак любви, которую я к тебе ощущаю, и скажи в себе: хотя издание сие и недостаточно, но посвящение оно для меня совершенно и всего драгоценнее. Такая мзда будет мною более всего уважена. И иной награды я не желаю. С сим заключая навсегда образ твой в сердце моем, умоляю Всевышнего да содержит он тебя под покровом своим и да сохранит тебя невредимо для благополучия и счастливых дней искреннего твоего друга,

Варвары княгини Голицыной».⁸⁹

В этом тексте почти нет традиционных посвячительных формул. Упоминаемая «дерзость» отнесена не к посвящению как таковому, а к самому факту выступления в печати. Признавая слабость своего перевода, Голицына независимо рассуждает о содержании книги, «которое само по себе дурно», но может служить лучшим нравственным примером, чем непосредственное нравоучение. Предвидя возможное недовольство мужа, Варвара Васильевна заранее обезоруживает его признаниями в своих чувствах к нему. Ф. Ф. Вигель, не щедрый на доброжелательные характеристики, признавал, что С. Ф. Голицын «был добр, умен и храбр», а «страсть к женщинам превратилась у него в постоянную любовь к одной». Однако, по словам мемуариста, «кажется, кроме военной истории стратегических книг, он другого чтения не любил; о литературе и помину не было».⁹⁰ Его жена проявила немалую независимость и смелость, переведя французский ро-

⁸⁹ [Эмбер Б.]. Заблуждения от любви, или Письма от Фанелии и Мильфорта / Перевод с французского. Тамбов, 1790. Ч. 1. С. 5—6 нenum.

⁹⁰ Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 1. С. 115—116.

ман и предварив свой печатный литературный труд столь еще необычным для той поры посвящением.

Дедикации мужа жене тоже были редким явлением. Так, Николай Дудин посвятил свой перевод книги «Темира, или Невинность в Цитере» (1797) «Дражайшему другу моему Анне Петровне ее благородию Дудиной», по всей очевидности, своей молодой супруге. Любящий муж писал: «Любезнейшая! Ты желала, чтобы перевел я на русский язык Темиру. Исполняя твое желание, весьма буду доволен, если перевод мой прочитаешь с таким же удовольствием, какое при чтении на французском языке подлинника ты имела».⁹¹ В книге прославлялись «сладоности постоянства», «любовь вместе с невинностью» и завершалось все обращением «к молодым любовникам».

Краткое посвящение непосредственно на титуле книги сопровождало перевод комедии «Рещик» (1799), осуществленный Павлом Приклонским:

«Жене моей

Вот плоды тех праздных часов, в которые я бываю не с тобой, милый друг моего сердца, — и их тебе же посвящаю».⁹²

Посвящение было подписано лишь инициалами «П. П.».

Как бы ни были единичны подобные дедикации, они открывали новые возможности жанра. Этими возможностями сразу стали пользоваться и женщины-переводчицы. Так же как В. В. Голицына, ее тамбовская приятельница Елизавета Корнильевна Нилова (урожд. Бороздина)⁹³ опубликовала один из своих переводов — роман Ф.-Л. Жерара «Граф Вальмонт...» (Т. 1—7. 1793—1796) с посвящением «Детям моим Петру Андреевичу и Корнилию Андреевичу Ниловым». Обычно, со времен Владимира Мономаха, к детям обращался отец, причем не с посвящением, а с поучением.⁹⁴ Довольно пространный текст дедикации Ниловой тоже содержит наставления, но в соответствии с особенностями жанра переводчица при этом ссылалась на содержание переведенной ею книги, которая должна была служить иллюстрацией к преподносимым правилам поведения:

⁹¹ Темира, или Невинность в Цитере. М., 1797. С. 5 нenum.

⁹² Рещик. Комедия в одном действии / Перевод с французского. М., 1799.

⁹³ См. о ней: Муравьева О. С. Нилова Е. К. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 : (К—П). С. 357—358.

⁹⁴ См., например, «Завещание отеческое к сыну, со нравоучением...» И. Т. Посошкова (1720), «Завещание родительское господину барону Александру Сергеевичу Строганову чрез питомца Кирияка Кондратовича объявленное» (1756), «Наставление малолетнему сыну моему, вступающему в службу» М. Д. Чулкова (1788).

«...Подвизательные истины, содержащиеся в письмах сих, горячая любовь благоразумного отца к сыну и сыновняя нежность и почтительное внимание отеческим наставлениям побудили меня приписать перевод книги сей вам, любезные дети, для поощрения вас к внимательнейшему чтению и созерцанию непоколебимого основания истинного счастья на земли и в вечности. <...> Вы будете читать книги, в которые со многими полезными писаниями вмешаны хитрым и нечувствительным образом яд законоборный и своевольное умствование мудрецов, опровергнувших умы и добрые нравы своих соотчичей. Колико страшусь я, дабы не поколебались юные и неопытные сердца ваши сим стремлением... Благоволи, Боже, да послужит сие к предохранению ваших добрых нравов, да вспомоществует вам пребыть непоколебимо деятельными почитателями законов священных и гражданских и полезными сынами Отечества. Сего искренно желает вам истинный ваш друг и мать Е. Н.»⁹⁵

Это редкий случай в истории русских семейных посвящений XVIII в., когда не младший член семьи обращался к старшему с дедикацией, а наоборот. Нилова смело преступила традицию, ориентируясь, возможно, на посвящения наставников и учителей своим ученикам. Самая ее подпись «друг и мать» отразила появление нового характера отношений между родителями и детьми: иерархическая граница между ними исчезала, и мать становилась старшим другом детей. Об образе жизни и душевных качествах Елизаветы Корнильевны красноречиво свидетельствует и посвящение, адресованное ей ее «питомицей» М. Г. Орловой.⁹⁶ Называя Нилову своей матерью и благотворительницей, Орлова писала: «С младенчества моего, с того самого времени, как отец мой и мать оставили свет сей и все в сиротстве семейство наше, Господь же и Вы нас восприяли, видела я Вас беспрестанно на сем поприще пользы и чести. Привыкла Вас находить по окончании домашних дел за книгою, чтением оной или переводом занимающуюся».⁹⁷ Орлова упоминала, что стала заниматься переводом, стремясь подражать своей благодетельнице, а в работе ей помогал сын Ниловой Петр Андреевич. Так, семейные связи расширялись и родственные отношения возникали даже между людьми, не имевшими кровного родства, что находило отражение и в посвящениях.⁹⁸

⁹⁵ [Жерар Ф.-Л.]. Граф Вальмонт, или Заблуждения рассудка. Письма, собранные и обнародованные господином М... <...> / Перевод с французского. Тамбов, 1793. Ч. 1. С. 5—6 нenum.

⁹⁶ О ней см.: Кочеткова Н. Д. Орлова М. Г. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 : (К—П). С. 390—391.

⁹⁷ [Ганнинг С.]. Аббатство, или Замок Барфордской / Аглинское сочинение, переведено с французского. Тамбов, 1788. Ч. 1. С. 8 нenum.

⁹⁸ Е. К. Ниловой было также посвящено стихотворение «Бог» за подписью «И. К-ко» (И. А. Кованько), опубликованное в журнале «Новости русской литературы» (1802. Ч. 1. С. 9—16).

Если семья рано оставалась без отца, его главенствующая роль покровителя переходила или к старшему брату, или к дяде, или к какому-либо влиятельному родственнику или опекуну. Это тоже прослеживается по литературным дедикациям. Посвящая брату Ивану Васильевичу свой перевод поэмы К. М. Виланда «Искушение Авраамова» (1780), Гаврила Медведев⁹⁹ писал:

«Милостивый государь! Любезнейший брат!

Удалися от меня лезть, раболепствующая величеству и богатству; душа моя, исполненная горячности, дружбы и братския любви желает ныне излить сии сладчайшии чувствования пред отцем, пред братом, пред благодетелем своим. Священный долг благодарности сделать сие повелевает! Тебе, о брат любезный, посвящаю первый плод моего учения: ибо кому оное приличнее поднести, как не тому, кто в юности моей, в сиротстве моем, заступя место родителя, неусыпными попечениями насадил оное в моем сердце и о произращении неутомимое прилагает старание <...> да познает <...> свет, что истинная братская любовь еще на земле существует...»¹⁰⁰

Другой переводчик, пожелавший остаться анонимным, тоже «приписал» свой труд брату, не называя и его имени. Текст посвящения более лаконичен и менее патетичен:

«Любезный брат!

Вот перевод, которого ты желал. Труд мой довольно награжден будет, если ты, любезный друг, почтешь оный знаком дружеского старания делать угодное тебе. Я пребуду во всю мою жизнь со всеми чувствованиями истинного дружества, покорный тебе брат и верный друг, переводчик. 27 марта 1780 года, Москва».¹⁰¹

Можно полагать, что с этими словами именно младший брат обращался к старшему, очевидно руководившему выбором нравоучительного сочинения для перевода. Примечательно, что должность и чин адресата делаются уже необязательным элементом в семейных посвящениях: если Медведев еще по традиции называл своего брата «милостивым государем», то анонимный переводчик просто пишет: «любезный брат».

Правда, даже Н. М. Карамзин, посвящая старшему брату в 1786 г. один из своих ранних переводов, счел необходимым

⁹⁹ См. о нем: *Данилевский Р. Ю.* Медведев Г. В. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2 : (К—П). С. 278—279.

¹⁰⁰ [Виланд К. М.]. *Искушение Авраамова* : Поэма в трех песнях / Переведена с немецкого на французский, а с ононого на российский язык. СПб., 1780. С. 5—6 нenum. 2-е изд.: СПб., 1787 (с тем же посвящением).

¹⁰¹ *Нравоучительное рассуждение о супружеских должностях*, переведено с французского. М., 1780. С. 3 нenum.

почтительно величать его по всей форме: «Его высокоблагородию милостивому государю Василию Михайловичу Карамзину». Однако самый текст посвящения совершенно не официален и проникнут искренней теплотой и сердечностью: «Родство и дружба соединяют сердца наши союзом неразрывным. Всегда почитаю я то время счастливейшим временем жизни моей, когда имею случай излить пред Вами ощущения сердца моего; когда имею случай сказать Вам, что я Вас люблю и почитаю. Да внушит же Вам приношение сие оную истину и да послужит новым для Вас уверением, что я во всю жизнь свою буду Вашим покорнейшим братом и слугою. Николай Карамзин».¹⁰² Вскоре после своего рождения в 1769 г. писатель потерял мать, а после смерти отца в 1782 г. Василий Михайлович (ум. 1827), который был значительно старше Николая, стал опекуном над малолетними братьями и сестрой. Текст посвящения непосредственно соотносится с письмами Карамзина Василию Михайловичу. В. Э. Вацуро, опубликовавший и тщательно прокомментировавший их, заметил, что «это, конечно, качественно иной текст, хотя в самом деле стилизованный под письмо и содержащий формулы, которые мы находим и в подлинной переписке».¹⁰³ Рассматривая посвящение Карамзина в контексте других семейных дедикаций, можно заметить, что «язык чувства» постепенно проникал и в этот жанр, отражавший общие тенденции литературного движения.

Обстоятельства личной жизни, о которых так редко и скудно писали в официальных дедикациях, становятся полноправной темой в семейных посвящениях. Издавая свое раннее сочинение «Селим и Роксана...» (1798), С. Н. Глинка¹⁰⁴ посвятил его «Брату моему В... Н... Г...». Адресатом был старший брат автора Василий Николаевич, который в отличие от младших братьев, получивших образование в Петербурге в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, оставался с родителями дома в Смоленской губернии и лишь «наездом» учился в Шклове в корпусе, учрежденном С. В. Зоричем.¹⁰⁵ Текст посвящения С. Н. Глинки, как и у Карамзина, по своей тональности приближается к лирическому этюду:

«С каким удовольствием принимаюсь я за перо, чтобы изъяснить сердечные мои к тебе чувства!.. Ты уклонился от бле-

¹⁰² [Галлер А.]. О происхождении зла : Поэма великого Галлера / Перевод с немецкого. М., 1786. С. 3 нenum.

¹⁰³ Письма Н. М. Карамзина к В. М. Карамзину (1795—1798) / Публ. В. Э. Вацуро // Русская литература. 1993. № 2. С. 85.

¹⁰⁴ О нем см.: Киселева Л. Н. Глинка С. Н. // Русские писатели. 1800—1917 : Биографический словарь. М., 1989. Т. 1 : (А—Г). С. 576—578.

¹⁰⁵ См.: Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 165.

стящей стези почестей, на которой, может быть, ожидало тебя счастье со всеми лестными дарами: уклонился для того, чтоб вспомоществовать матери и братьям своим. <...> Пусть злословие усиливается изливаться на тебя свой яд, ты презирай его — не ослабевая в подвиге своем! Собственное твое сердце и один взор нежной и чадолюбивой матери могут тебя наградить за все твои труды и за порицание холодных душ...»¹⁰⁶

Более официальный характер имели дедикации дяде, старшему и влиятельному родственнику, опекуну. Дмитрий Сергеевич Ланской (1767—1833) с немалой долей подобострастия обращался к двоюродному брату — известному фавориту Екатерины II А. Д. Ланскому (1758—1784), называя все его титулы и награды и уверяя в своей «совершеннейшей преданности и глубочайшем высокопочитании».¹⁰⁷ С. И. Голицын (1767—1831), лишившийся отца в год своего рождения и воспитывавшийся в доме дяди генерал-поручика П. А. Голицына (1731—1810), посвящал свой перевод книги Г. Филдинга «Бог мститель за невинно убиенных» (1782) «Его сиятельству двора ее императорского величества оберъегермейстеру, сенатору, действительному камергеру, лейб-гвардии Измайловского полку секунд-майору и кавалеру, князь Петру Алексеевичу Голицыну». Благодаря дядю за «оказанные милости», переводчик даже не упомянул об их родственных отношениях и подписал свою дедикацию: «всепокорнейший слуга К[нязь] С. Голицын».¹⁰⁸ Е. П. Рунич,¹⁰⁹ отец которого погиб в 1770 г. при взятии Бендер, посвящал свой первый переводческий труд дяде — «Его высочородию господину бригадиру Павлу Степановичу Руничу, милостивому государю». Завершая дедикацию, в которой благодарил дядю за его «прямо отеческие попечения», переводчик обращался к нему достаточно официально, соблюдая необходимую дистанцию: «Позвольте входящему в чувство юноше лобызать человеколюбивую руку своего дражайшего благотворителя

¹⁰⁶ Глинка С. Н. Селим и Роксана, или Превратность жизни человеческой : Восточная повесть. М., 1798. С. 3, 5 нenum.

¹⁰⁷ Вольтер. Надгробное похвальное слово Людовику XV, королю французскому <...> с французского переведенное на российский язык Дмитрием Ланским. СПб., 1782. С. 3—5 нenum.

¹⁰⁸ В связи с награждением П. А. Голицына орденом Андрея Первозванного брат Сергея Голицына Алексей написал дяде поздравительные стихи. Подробнее см.: Кочеткова Н. Д. События частной жизни в русской литературной культуре XVIII века // Окациональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. С. 248.

¹⁰⁹ См. о нем: Топорков А. Л. Рунич Е. П. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 : (К—П). С. 75—76.

и удостойте его и впредь Ваших милостей и благоволения».¹¹⁰ Рунич, как и С. Голицын, тоже не упомянул о родственных отношениях и подписался: «покорнейший и обязаннейший Вам слуга Ефим Рунич».

При совпадении фамилии автора дедикации и ее адресата нетрудно констатировать, что они находятся в родстве, хотя степень этого родства можно только предполагать: скорее всего, это племянник и покровительствующий ему дядя. Так, Александр Черемисинов благодарил за «отеческие милости» и «великое попечение» Герасима Ивановича Черемисинова.¹¹¹ Аврам Романус уверял своего благодетеля генерал-поручика Аврама Ивановича Романуса: «Великие попечения Ваши о моем воспитании не могут никак из моего ума исчезнуть. Премудрые советы, коими Ваше высокопревосходительство меня и поныне наставляете, суть неоспоримые знаки Ваших отеческих ко мне благоволений; я цену оных совершенно понимаю, никогда не перестану их возвеличивать и все соберу свои силы, дабы оных соделаться достойным».¹¹² Оставшийся сиротой, Алексей Свищов¹¹³ выражал надежду на «благосклонность» своего благодетеля — директора казенных заводов надворного советника Михаила Александровича Свищова. Упомянув об их «ближайшем родстве», переводчик завершал свое посвящение традиционным штампом, прося «милостиво принять» его труд и называя себя «покорнейшим слугою».¹¹⁴

Эти посвящения однотипны, но все-таки сохраняют какие-то отдельные индивидуальные черты. Между тем нашелся один автор, который не затруднил себя сочинением дедикации и полностью заимствовал текст упоминавшегося посвящения А. Черемисинова, соответственно поставив в заглавии имя своего

¹¹⁰ [Кредок Дж.]. Письма некоторой духовной особы и его дочери к его сыну, находящемуся в Лондоне / Переведены с французского... М., 1784. С. 6 нenum.

¹¹¹ Посвящение в кн.: [Белен де Монтерзи]. Сокращенное описание жизни и дел Скандербеге, короля Албанского и князя Эпирского... / Переведено с французского Александром Черемисиновым. СПб., 1782. С. 5 нenum.

¹¹² [Шоффен Д.]. Краткое описание славных женщин Ветхого Завета, переведенное с французского на российский язык Аврамом Романусом. СПб., 1782. С. 6 нenum.

¹¹³ См. о нем: Кукушкина Е. Д. Свищов А. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3 : (Р—Я). С. 103—104.

¹¹⁴ [Маларм Ш. де]. Дружеству все возможно, или История милорда Лове-Роза и Софии Мостени <...> переведенная Алексеем Свищовым. М., 1788. Ч. 1. С. 7—8 нenum. О «благосклонном принятии» этого труда Свищов упоминал в посвящении тому же адресату другого своего труда — перевода книги М. де Кюбьера «Рензий, или Великодушный сын» (М., 1788).

собственного родственника и введя в этот текст минимальные изменения. Речь идет об Александре Рылееве, переводчике книги Н. Дюпюи Ла Шапелья «Наставление отца дочери своей» (1786), вышедшей через четыре года после книги, переведенной Черемисиновым. Приведем его посвящение, подвергнутое бесцеремонному плагиату, выделив замененные или вставленные слова курсивом, а пропущенные поставив в скобки.

Его высокородию милостивому государю
[Герасиму Ивановичу Черемисинову]
моему Никите Ивановичу Рылееву

[Ваше высокородие,]
Милостивый государь!

Желая засвидетельствовать достодолжную вам благодарность за оказанные ваши ко мне отеческие милости и за ваше великое (*великое ваше*) обо мне попечение, не нахожу лучшего к оному средства, как только то, чтоб посвятить вашему имени новые сии *плоды* упражнения моего в науках [плоды], которые хотя сами собою и весьма малы, но великого моего к вам усердия будут истинным залогом.

Счастливым себя почту, если вы соизволите удостоить *оный* милостивым вашим принятием [оный], чем возбудите во мне смелость и охоту к *дальнейшему* предприятию [другого].

Я несомненно надеюсь, что вы не преминете меня милостиво извинить в погрешностях и неисправностях перевода, *как скоро узнаете* [если вспомните], что сей самый первейший моих трудов опыт; [и, препоручая] *поднося* вам оный, препоручаю и себя в [дальнейшее] ваше покровительство, пребывая с глубочайшим почитанием, почту себе за честь называться навсегда

[Вашего высокородия]
милостивого государя всенижайшим слугою
[Александр Черемисинов] *Александр Рылеев*.¹¹⁵

Предприимчивый переводчик «выправил» некоторые стилистические шероховатости Черемисинова, дословно воспроизводя в своем посвящении чужой текст. Этот пример, хотя и единственный, свидетельствует, как безлики могли быть посвящения даже близким людям.

¹¹⁵ [Дюпюи Ла Шапель Н.]. Наставление отца дочери своей. Сочиненная г. Депуй, а с французского на российский переведена А. Р. СПб., 1786. С. 3—7 нenum.

Но при всем следовании заданной форме жанра в эти дедикации проникали какие-то черты, характеризующие отношения автора с адресатом, иногда упоминания о родстве. Алексей Сергеев, «малолетний отрок», обращаясь к Алексею Ивановичу Лутовинову, упомянул о том, что он «имеет счастье» быть его «сродственником».¹¹⁶ Василий Овцын благодарил князя Платона Степановича Мещерского, генерал-губернатора Казанского и Вятского наместничеств, за его попечения о своем воспитании «с самого младенчества».¹¹⁷ Яков Вестман в дедикации Петру Федоровичу Герингу писал: «...Вам препоручен я от моего родителя; Вашим старанием определен в Корпус, в котором молодые сердца и разумы образуются. Могу ли не признавать в Вас великодушного моего благодетеля? Могу ли не чтить Вас истинным отцом, не изъявлять Вам чувствительнейшей благодарности?»¹¹⁸ Е. И. Титова, посвящая свой «первый плод трудов» князю Николаю Борисовичу Юсупову (1750—1831), заявляла, что к этому ее побуждает «долг родства».¹¹⁹

К концу столетия в текстах дедикаций стала чаще означаться степень родства между автором и адресатом. Так, Иван Морков посвятил свой перевод «его высокопревосходительству господину генерал-поручику Ивану Петровичу Моркову, милостивому государю и дядюшке».¹²⁰ Николай Неплюев, обращаясь к «его превосходительству действительному статскому советнику Орловскому губернатору и кавалеру» Семену Александровичу Неплюеву, назвал себя его «двенадцатилетним племянником».¹²¹ Владимир Васильев, нарушив установленный этикет, не упомянул не только чинов своего адресата, но даже его имени и отче-

¹¹⁶ [Геснер С.]. Потоп / Перевел с французского на русский Алексей Сергеев. М., 1783. С. 5 нenum.

¹¹⁷ [Палере Ж.]. Краткое описание Швейцарии / Перевел с французского Василий Овцын. М., 1789. С. 5 нenum.

¹¹⁸ [Флориан Ж.-П.-К.]. Миртиль и Клоэ, пастушеская драма. Переведенная с французского языка на русский Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса кадетом Яковом Вестманом. СПб., 1793. С. 5 нenum.

¹¹⁹ [Жанлис С.-Ф.]. Слепая в Спа, комедия в одном действии. <...> / Перевела с французского Е... [Елизавета] Т... [Титова]. М., 1797. С. 5 нenum. О Е. И. Титовой см.: Рабинович А. Титова Е. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 : (К—П). С. 245.

¹²⁰ [Юм Д.]. Жизнь Давыда Гума, описанная им самим / Переведена с аглинского языка на французский, а с французского на русский Иваном Морковым. М., 1781. С. 3 нenum. Об И. А. Моркове см.: Рак В. Д. Морков И. А. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 : (К—П). С. 299.

¹²¹ Вольтер. Слово похвальное французским офицерам, умершим на войне в 1741 году. <...> / Перевод Николая Неплюева. М., 1787. С. 5—6 нenum.

ства, начав свое посвящение словами: «Милостивый государь дядюшка!»¹²²

Естественно, что покровителями юных родственников чаще всего оказывались лица мужского пола, но есть и примеры дедикаций, обращенных к «тетушке». Так, Е. А. Саблукова (1777—1846) «приписала» свой перевод княгине Анне Андреевне Урусовой (по первому мужу Муравьевой, урожденной Волковой), называя ее «милостивой государыней тетушкой» и уверяя ее в своем «почтении и преданности» за полученные от нее милости.¹²³ Посвящая свой труд «Ее высокоблагородию милостивой государыне тетушке Катерине Алексеевне Демидовой, урожденной Жеребцовой», Андрей Стахив писал: «Великие Ваши милости, каковые Вы всегда изволили мне изъявлять, исполнили сердце мое истинною к Вам признательностию и возжгли во мне желание изъявить Вам оную; радостный день Вашего ангела избрал я к сему способнейшим, в который при поднесении Вам моего усерднейшего поздравления, осмеливаюсь также повергнуть Вам и сей малый опыт моих трудов, яко знак моей к Вам благодарности».¹²⁴

Редки, но знаменательны посвящения сестре: на первом плане здесь оказывались родственные чувства, а не благодарность за милости. Эти посвящения отличаются своей лаконичностью. Б. К. Бланк (1769—1825)¹²⁵ сопроводил один из своих переводов следующей дедикацией: «Ее высокородию милостивой государыне Софье Карловне Замятниной. В знак искреннейшего почтения и нелестной преданности посвящает брат ее Борис Бланк».¹²⁶ Посвящение Н. Д. Горчакова сестре Дарье Дмитриевне явилось непосредственным откликом на постигшее их семью горе — смерть матери. Свой небольшой прозаический этюд «Плач мой на гробе моей матери» автор открыл трогательными строками: «Дарье

¹²² Изображение честного и благоразумного человека / Перевел с французского Владимир Васильев. СПб., 1797. С. 3 нenum.

¹²³ Упражнение Аделаиды / Перевела с французского К: [Катерина] С: [Саблукова]. СПб., 1791. С. 5—6 нenum. О Е. А. Саблуковой см.: *Кочеткова Н. Д.* Саблукова Е. А. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 3 : (Р—Я). С. 84.

¹²⁴ [*Жоффре Л.-Ф.*]. Прелести детства и удовольствия матерния любви / Переведено с французского Андреем Стахивым. СПб., 1794. С. 5 нenum.

¹²⁵ О нем см.: *Степанов В. П.* Бланк Б. К. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1 : (А—И). С. 94—95.

¹²⁶ Платонический опекун, аглинский роман / Перевод с французского. М., 1795. Ч. 1. С. 3 нenum. Родственные связи прослеживаются и в посвящении Павла Бланка (брата Б. К. Бланка?) Михаилу Алексеевичу Замятнину (вероятно, мужу С. К. Замятниной, урожденной Бланк), см.: *Мартин Б.* Грамматика философических наук <...> переведена на французский, с французского же предложена на российский Павлом Бланком. М., 1796. Ч. 1. С. 3 нenum.

Дмитриевне Горчаковой с искреннейшею любовью сочинение сие посвящает брат ее Н... Г...».¹²⁷

Так семейные посвящения, как и дружеские, при всей своей неразрывной связи с традициями жанра, открывали новые возможности для его дальнейшего развития. В тексты этих дедикаций, писавшихся нередко еще «в мундире», постепенно проникали живые человеческие чувства, отражавшие отношения между разными членами семьи. Авторами посвящений были, как правило, молодые люди, иногда подростки, и для них выступление в печати оказывалось большим событием. «Милостиво» принимавшие их дары старшие могли гордиться своими детьми или юными родственниками, и это сближало разные поколения. Литературные труды оставались в семье как памятные реликвии, а культура дедикаций постепенно избавлялась от своего помпезного официального характера. Личное, частное завоевывало право на свое место в литературной культуре.

¹²⁷ Плач мой на гробе моей матери. Сочинение Николая Горчакова. М., 1799. С. 3 нenum.

Й. КЛЕЙН

ИСТИНА И ИСКРЕННОСТЬ В ПАНЕГИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ Державина*

16 ноября 1786 г. Державин написал письмо княгине Е. Р. Дашковой,¹ одной из самых блестящих фигур при дворе Екатерины II и крупной представительнице ее культурной политики. Поводом для этого письма был разговор, о котором он узнал от княгини и в котором речь шла о нем. Неясно, кто был ее собеседником, однако есть основания думать, что это была императрица.

В письме к княгине Дашковой Державин обращается к личности, стоявшей гораздо выше него на общественной лестнице, что выражается тяжеловесной церемониальностью стиля и частыми уверениями в скромности. Письмо было написано, по-видимому, в состоянии какой-то тревоги — Державин не жалеет слов, он повторяется, ход его мыслей неясен и нередко порывист. Никак не являясь образцом эпистолярного искусства, это письмо заслуживает нашего внимания потому, что оно проливает свет на самосознание Державина-панегириста и на его представление о торжественной («пиндарической» или панегирической) оде, ведущем лирическом жанре русской литературы XVIII в.² Это письмо

* При переводе этой статьи мне помогала И. Паперно.

¹ *Державин Г. Р.* Сочинения. С объяснительными примечаниями Я. Грота : В 7 т. 2-е изд. СПб., 1868—1878. Т. V. С. 637—640. В дальнейшем указываются в скобках тома и страницы этого издания. Анализ державинского письма см.: *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005. С. 310—312.

² См. основную работу: *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. О русской панегирической традиции см. также: *Панегирическая литература Петровского времени* / Изд. подгот. В. П. Гребенюк; Под ред. О. А. Державиной. М., 1979. С. 5—38: «Панегирические произведения первой четверти XVIII в. и их связь с петровскими преобразованиями»; *Сазонова Л. И.* От русского панегирика XVII в. к оде М. В. Ломоносова // *Ломоносов и русская литература* / Под ред. А. С. Курилова. М., 1987. С. 103—126; *Погосян Е.* Восторг русской оды и реше-

свидетельствует также о сомнениях, которые беспокоили Державина — «певца Екатерины», и о том, с какими врагами ему приходилось бороться в этой роли и как он защищался против них.

Державин, Ломоносов и «Святая истина»

Разговор княгини Дашковой с неназванным собеседником шел о поэтических достижениях Державина; в своем письме он благодарит ее за доброе мнение о его «малых дарованиях» (V, 638). Его, по-видимому, сравнили с Ломоносовым; это заставляет его скромно уверять, что он «никогда столь самолюбиво о себе не помышля<ет>, чтоб не токмо мог превзойти, но и сравняться с покойным Михайлом Васильевичем» (Там же). Тем не менее Державин считает, что он лучший поэт; его дальнейшие высказывания сводятся к критике Ломоносова, которую он, однако, высказывает сдержанно и с частыми уверениями в благоговении перед «славным нашим поэтом» (Там же). Это не были пустые слова: Державин действительно отталкивался в своем поэтическом творчестве от Ломоносова, добываясь «совсем особого пути»;³ тем не менее он всю жизнь относился с глубоким уважением к «русскому Пиндару».⁴

ние темы поэта в русском панегирике 1730—1762 гг. Тарту, 1990. Существует монография о панегирической поэзии в истории русской литературы, которую я, однако, нашел менее полезной: *Garstka Ch. Das Herrscherlob in Russland : Katharina II, Lenin und Stalin im russischen Gedicht : Ein Beitrag zur Ästhetik und Rhetorik politischer Lyrik*. Heidelberg, 2005. В целом исследователи мало интересовались панегирической литературой, что, пожалуй, связано с неодобрением, испытываемым читателем наших дней к «сервильной» литературе этого рода; см., например, эссе: *Enzensberger H. M. Poesie und Politik // Enzensberger H. M. Einzelheiten II. Poesie und Politik. Fünfte Auflage. Frankfurt a/M., 1980. S. 113—137*. Из научных трудов см.: *Drux R. Panegyrikus // Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft*. Berlin; New York, 2003. Bd. III. S. 5—8; *Wiedemann C. Barockdichtung in Deutschland // Neues Handbuch der Literaturwissenschaft : Renaissance und Barock / Hrsg. A. Buck. Frankfurt a/M., 1972. Bd. II. S. 182—187*; *Verweyen Th. Barockes Herrscherlob. Rhetorische Tradition, sozialgeschichtliche Aspekte, Gattungsprobleme // Der Deutschunterricht*. 1976. Bd. 28. Hf. 2. S. 25—45; *Heldt K. Der vollkommene Regent : Studien zur panegyrischen Casuallyrik am Beispiel des Dresdner Hofes Augusts des Starken*. Tübingen, 1977; *Pütz P. Politische Lyrik der Aufklärung // Erforschung der deutschen Aufklärung / Hrsg. P. Pütz. Königstein/Ts., 1980. S. 321—325* («Похвальные стихотворения»); *Enenkel K. A. E. Lateinische Panegyrik als Mythologisierung der Vergangenheit: Der Panegyricus auf Kaiser Konstantin d. Gr. aus dem Jahre 310 // Hermes: Zeitschrift für Klassische Philologie*. 2000. Bd. 128. S. 91—126.

³ Об этой часто цитируемой фразе см. примеч. 74.

⁴ См.: *Стенник Ю. В. Ломоносов и Державин // Ломоносов и русская литература*. М., 1987. С. 235—267.

Стремление Державина пощадить великого предшественника объясняет неожиданный сдвиг его мысли: его критика сначала направлена не против Ломоносова, как следовало бы ожидать в данном контексте, а против его эпигонов — против «наших братьев»-поэтов, которые также воспевали «божественную Фелицу».⁵ Державин упрекает этих поэтов в том, что они «изъясняются» в своих стихотворениях «так холодно и сухо <...> что будто они совсем не чувствуют того, что́ пишут» (Там же). В лирическом жанре, служившем для выражения восторга перед возвышенным адресатом, это было, конечно, непростительно.

Как обосновывает Державин свою критику? Когда он в стихотворении «Памятник» (1795)⁶ оглядывается назад на свои поэтические достижения, он гордится в том числе и тем, что «первый я дерзнул в забавном русском слоге / О добродетелях Фелицы возгласить» (I, 534). В свете этого известного высказывания можно было бы ожидать, что Державин критикует эпигонов Ломоносова в первую очередь за поэтический стиль. Однако это не так. Он, правда, высказывается в своем письме также против риторической пышности. В то же время Державин упрекает своих «братьев»-панегиристов в «холодности» и «сухости» в первую очередь не за клишированный слог, но за содержание — за то, что они в своих одах прибегают к «вымыслам», а не к «голой одной истине» (V, 638). При этом Державин думает не о какой-то «высшей», а о фактической истине, то есть о реальных чертах характера восхваляемой императрицы и ее политических достижениях: речь идет о такой «истине, с которой и после меня история будет согласна» (Там же), чем смывается граница, разделяющая поэзию от историографии в традиционной — аристотелевой — теории.

«Истина» — это также «правда» или «натура»; перед нами ценность, которая стоит в центре поэтического самосознания Державина. Таково, например, его сатирическое стихотворение «К самому себе» (1798), где он говорит о себе, что он «в правде черт» (II, 109). Этот пафос истины проявляется у Державина уже в начале поэтического поприща, в рукописной оде 1767 г. в честь Екатерины. В первой строфе этого стихотворения лирический субъект обращается за помощью не к «Музам Парнаса», как это

⁵ С такими эпитетами обычно обращались к царям в XVIII в., следуя западноевропейскому образцу; см.: Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог: (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1996. Т. I. С. 205—337.

⁶ О датировке «Памятника» см. комментарий В. А. Западова в: Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 417. Сам Державин называет не 1795, а 1796 г. (III, 538).

было принято в оде (и в героическом эпосе), но к «Истине святой» (III, 184).⁷ Мы сталкиваемся с подобной установкой и в прозаическом эскизе одной из его ранних од в честь Екатерины.⁸ Обращаясь к «Великой государыне», Державин здесь говорит, что когда он думает о ее многочисленных заслугах, «тогда, не спрашивая, нравится ль то Аполлону, моя Муза в жару меня предупреждает и тебя хвалит» (I, 103). В обоих случаях Державин выступает просветителем, которому в поэзии как будто дорога не художественность, а фактическая истина, то есть апелляция к разуму.

Это заметно и в том месте письма, где Державин критикует не эпигонов Ломоносова, а его самого: в одах Ломоносова не хватает «истины»; поэтому ему, Ломоносову, «надобно было прибегать к великолепным всегда небылицам и к постороннему украшению, а не к одной натуре» (V, 638). Однако Державин при этом никак не считает истину, на которую он претендует и которой как будто нет у Ломоносова, своей нравственной заслугой. Он также не намерен осуждать Ломоносова за нелюбовь к истине, как это сделает позднее Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву».⁹ Напротив, Державин объясняет отклонение Ломоносова от «истины» внешними обстоятельствами. По его мнению, Ломоносов и он писали свои оды для совсем различных адресатов. При этом Ломоносов как будто находился в более трудном положении, чем он, будучи «в необходимости героиню свою <императрицу Елизавету Петровну> прославлять через героя, родителя ея <Петра Великого>». Ему, Державину, напротив, не нужно было прибегать в своих похвалах Екатерине II ни к «богам», то есть к мифологической орнаментике, ни к «славным предкам»: он мог ограничиться указанием «на одне дела ея» (Там же).

Державин снова пытается пощадить Ломоносова, утверждая, что тот писал свои оды «по надобности», а не добровольно, как это было на самом деле:¹⁰ руководствуясь соображениями тактич-

⁷ «Вдохни, о Истина святая! / Свои мне силы с высоты; / Мне, глас мой к пенью напрягая, / Споборницей да будешь ты! / Тебе вослед идти я тщуся, / Тобой одною украшуся. / Я слабость духа признаваю, / Чтоб лирным тоном мне греметь; / Я Муз с Парнаса не сзываю, / С тобой одной хочу я петь».

⁸ «Приложение к оде: „Фелица“. Эскиз первоначально задуманной оды к Екатерине» (I, 102—103). Я. К. Грот датирует этот текст 1770-ми гг. (I, 102).

⁹ Радищев обращается к Ломоносову со следующими словами: «Не завидую тебе, что, следуя общему обычаю ласкати царям, нередко недостойным не токмо похвалы, стройным гласом воспетой, но ниже гудочного бряцания, ты льстил похвалюю в стихах Елисавете» (*Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / Под ред. В. А. Западова. СПб., 1992. С. 121*).

¹⁰ Ломоносов писал свои торжественные оды не «на заказ», как иногда говорят; ср.: *Живов В. М. Первые русские литературные биографии как социаль-*

ности, Державин не допускает мысли, что Ломоносов в качестве панегириста императрицы, которая отличалась скорее капризами, чем заслугами,¹¹ мог также и воздержаться от поэтических восхвалений.

Фундаментальная критика панегирической поэзии

Державин радуется, что обстоятельства позволяют ему сосредоточиться в своих одах на реальных достижениях императрицы и избегать стилевых украшений. Приводя соответствующие цитаты, он противопоставляет свой простой стиль пышному стилю Ломоносова и утверждает: «<Е>жели б он [Ломоносов. — *Й. К.*] доньше жив был, то бы без сумнения стихи его более трогали сердце, для того, чтобы мы в них усматривали более истин нам приятных и нас пленяющих» (V, 639). В дальнейшем он восхваляет «истину», которая «никогда не стареется, никогда цены своей не теряет и всегда любви достойна, а паче, когда она изъясняется в пользу нашу» (Там же). Воспевая в своих одах добродетель и заслуги Фелицы, Державин не только умножает ее славу и трогает публику, но также преследует педагогическую цель. В одном из «примечаний», которыми Державин прокомментировал свои стихи на старости лет, он утверждает, что всегда соединял в своих панегирических одах «ласкательные выражения» с «нравоучением».¹² Перед нами общее место, распространенное с античности в европейской поэтике и риторике:¹³ главная задача панегириста — превознесение добродетели. Подхватывая это традиционное представление, Державин действует в духе Просвещения, причем просвещенные стремления к морализаторству распространяются у него не только на комедию или басню, но также и на торжественную оду.

В письме к Дашковой, после фрагмента о дидактической функции панегирической поэзии, мысль Державина принимает неожиданный поворот:

ное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 603; см. также: Алексеева Н. Ю. Русская ода. С. 176.

¹¹ См.: Анисимов Е. Елизавета Петровна. М., 1999. С. 114—142 («Царь-Девца, или Как править Россией, лежа на боку»).

¹² Кононко Е. Н. Примечания на сочинения Державина (продолжение) // Вопросы русской литературы. Львов, 1974. Вып. 1 (23). С. 86.

¹³ См. документацию в: *Hardison O. B., jr.* The Enduring Monument : A Study of the Idea of Praise in Renaissance Literary Theory and Practice. Chapel Hill (NC), 1962.

«Я бы конечно не оставил ее [истину. — *Й. К.*] по мере сил моих превозносить и прославлять в великих добродетелях несравненной Фелицы, ежели б не был уверен, что ей приятнее действия наши, отвечающие божественной воле ее, нежели слова, к несчастию рода человеческого приписуемая иногда таковым, которые их не заслуживают» (V, 639).

Нелегко понять смысл этого высказывания. Ранее Державин подчинил свою панегирическую поэзию закону «истины», чем обосновывал свое превосходство над Ломоносовым. Теперь он вдруг утверждает, что он или отказался, или намерен отказаться от панегирической поэзии и тем самым также от прославления «истины» в пользу Екатерины.

В краткой автобиографии Державина, написанной в 1808 г., мы читаем, что он действительно бросил свои поэтические занятия после публикации оды «Фелица» в мае 1783 г. — стихотворения, которое ему сделало «много славы и огорчений». Как и в других своих автобиографических текстах, Державин здесь говорит о себе в третьем лице: «...видя, что многие знатные люди стихотворства его не жалуют, его гонят, то оставил было совсем на несколько лет в оном упражняться, но как и то не помогло, то по прибытия его из Тамбова в 1789 году принялся паки за перо с большею силою...».¹⁴

Нельзя не заметить, однако, что в письме к Дашковой Державин обосновывает решение больше не заниматься поэзией иначе, чем в автобиографии: то, что побудило его к этому решению в письме, были не «гонения» врагов, а установка Фелицы, отвергавшей панегирическую поэзию как бесполезную и подозревавшей панегирического поэта в неправдивости.

Такую же фундаментальную критику панегирической поэзии встречаем у Державина не только в письме к Дашковой, но и в другом месте — в стихотворении «Видение Мурзы», написанном также в честь Фелицы. Ввиду значительных совпадений, существующих между обоими текстами, возникает вопрос о хронологии. «Видение Мурзы» датируется 1783 г., то есть стихотворение как будто было создано за три года до письма. Между тем эта датировка не совсем точна, так как она относится только к началу работы Державина над «Видением Мурзы», а он занимался этим стихотворением еще в 1790 г., пока оно не вышло

¹⁴ См.: *Кононко Е. Н.* Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР // Русская литература. 1972. № 3. С. 84. (Как известно, Державин написал кроме этой краткой также длинную автобиографию — «Записки» 1812 г.). Отметим, впрочем, что он снова принялся за поэтические занятия не в 1789 г., но на год ранее, о чем свидетельствует его стихотворение «На смерть графини Румянцевой» (1788).

в свет в 1791 г.¹⁵ Таким образом, остается неясным, какой из двух текстов — письмо Дашковой или «Видение Мурзы» — был создан первым.

В «Видении Мурзы» продолжается сказочная фикция, характерная для всех стихотворений Державина в честь «Фелицы». Мурза, который и здесь выступает лирическим субъектом, рассказывает о ночном «видении»: ему явилась Фелица и столкнула его со «страшными истинами» о ничтожности панегирической поэзии; на этом основании она повелела ему бросить поэзию: Мурза должен умножить славу Фелицы скорее служебными, чем литературными достижениями. Порицательная речь Фелицы достигает кульминации в риторическом вопросе: «А где поэты не льстецы?» (I, 109). Эта фраза отсылает к еще одному общему месту европейской традиции: «все поэты лгут».¹⁶ Таким образом, мысль о сравнительной ценности практической деятельности по отношению к поэтической вновь сочетается с вопросом о правдивости панегириста. Наряду с «истиной» поэтического слова подвергается сомнению и искренность поэта.

Тематическое совпадение державинского письма с «Видением Мурзы» относится не только к критике панегирической поэзии, но и к мотиву «видения». Однако число совпадений этим еще не исчерпано: в качестве обоснования решения больше не заниматься поэзией Державин в своем письме приводит почти дословно все 28 строк той порицательной речи, с которой Фелица обращается к Мурзе в «Видении Мурзы», причем поэтическая форма этой речи образует странный контраст с тяжеловесной прозой письма. Как было уже сказано, нельзя определить, какой вариант порицательной речи возник ранее. Однако нет сомнений, что образ Фелицы в обоих текстах отсылает к Екатерине II.

Фиктивная Фелица и реальная Екатерина

Удивительно, что критика панегирической поэзии, приписываемая Державиным Фелице, была очень далека от воззрений Екатерины.¹⁷ Сам Державин рассказывал, что императрица отреаги-

¹⁵ См. комментарий Я. К. Грота (I, 112).

¹⁶ См.: *Blumenberg H. Wirklichkeitsbegriff und Möglichkeit des Romans // Nachahmung und Illusion / Hrsg. H. R. Jauß. München, 1964. S. 9.* Из многочисленных источников данного топоса автор называет также 10-ю главу «Государства» Платона.

¹⁷ Ср.: *Западов В. А. Проблема литературного сервилизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина // XVIII век : Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. Сб. 16. С. 71.*

ровала на это стихотворение отнюдь не отрицательно, а слезами умиления и роскошным подарком — усеянной бриллиантами золотой табакеркой и 500 золотыми же голландскими червонцами;¹⁸ позднее императрица неоднократно давала понять Державину, что она отнюдь не против его дальнейших воспеваний.¹⁹

Как объяснить это противоречие? Вспомним, что Державин как автор оды «Фелица» использовал восточную сказку, написанную Екатериной для пятилетнего внука, будущего императора Александра I; отсюда он позаимствовал образ киргиз-кайсацкой царевны Фелицы. Этот вымысел, правда, отсылает к реальной императрице, однако он дает автору также определенные возможности. Благодаря этому приему открывается для Державина пространство творческой фантазии, которого бы не было, если бы он не использовал вымышленный образ Фелицы, непосредственно обращаясь к реальной Екатерине. Таким образом, Державин может приписать Фелице слова, которые реальная Екатерина никогда бы не сказала. Сам Державин высказался в другом месте не о тематических, а о стилистических возможностях данного приема: использование вымышленного персонажа позволяло ему прибегать к шутливому стилю, который был бы неуместен в тексте, прямо адресованном императрице²⁰ (тем не менее его упрекнули, что он в оде «Фелица» использовал слишком свободный тон²¹).

Размышляя о противоречии между порицательной речью державинской Фелицы и мнением реальной Екатерины, следует также учитывать остроумный парадокс: фундаментальная критика, направленная Фелицей против панегирической поэзии, служит в свою очередь панегирической цели. В «примечании» к «Видению Мурзы» Державин говорит, что он «сделал» Екатерине

¹⁸ См.: Кононко Е. Н. Примечания на сочинения Державина // Вопросы русской литературы. Львов, 1973. Вып. 2 (22). С. 113 (о слезах); см. также письмо Державина от 11 мая 1783 г. младшему другу и шурина В. В. Капнисту в работе: Кононко Е. Н. Рукописи Державина. С. 78—79 (о голландских червонцах).

¹⁹ См., например, «Записки» (VI, С. 663).

²⁰ Ср. «примечание» Державина к его стихотворению «На рождение царицы Гремиславы» (1796): Кононко Е. Н. Примечания... Вып. 1 (23). С. 92—93. Державин объясняет читателю, почему он в этом стихотворении не называл императрицу «Фелицей», а «Гремиславой»: «Гремиславой она тут названа потому, что имя Фелицы другие стихотворцы везде уже обратили к Екатерине, а автор <Державин> в прежних своих сочинениях назвал ее так единственно для того, чтобы удобнее было писать свободно и шутливо, ибо при настоящем имени императрицы шутить ему казалось непристойно».

²¹ В «Видении Мурзы» Державин намекает в том числе на неблагоприятное восприятие оды «Фелица» придворными. Одному из этих критиков как будто не понравилось, что Мурза говорит с Фелицей «очень своевольно» (I, 110).

«тончайшую похвалу тем самым, что будто запрещает себя хвалить, сказав, что дар поэзии не должен быть обращен к тленной похвале и самих монархов».²² Таким образом, критическая речь Фелицы как бы демонстрирует, что она — а вместе с ней и Екатерина — принадлежит к редкой разновидности тех правителей, которым величие души не позволяет допускать восхвалений. Здесь вновь возникает противоречие с действительностью, поскольку императрица, как мы уже видели, вовсе не была лишена тщеславия, скорее наоборот. Однако можно предположить, что Державин еще не знал об этом, когда он писал письмо княгине Дашковой. Ситуация изменилась, насколько известно, лишь в начале 1790-х гг. В это время Державин, будучи статс-секретарем, оказался в непосредственной близости к Екатерине. Увидев вблизи «подлинник человеческий с великими слабостями», он разочаровался в своем «прежнем идеале» (VI, 663).

Поэтому Державин не смог исполнить желание императрицы и сочинять дальнейшие похвальные стихотворения в ее честь. Как он писал позже в своих «Записках», «<с>колько раз ни принимался, сидя по неделе для того запершись в своем кабинете, но ничего не в состоянии был такого сделать, чем бы он [Державин. — *Й. К.*] был доволен: все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, как у прочих цеховых стихотворцев, у коих слышны только слова, а не мысли и чувства» (VI, 663). Отметим, однако, что это разочарование оказалось не слишком длительным — позднее оно не помешало Державину написать дальнейшие стихотворения в честь императрицы, например «Провидение» (1796).

Державин и его противники

Кроме скрытой похвалы императрице мы находим в письме Державина и ряд фрагментов с открытой похвалой — он явно надеялся, что княгиня Дашкова покажет его письмо Екатерине. Таким образом, Державин обращается здесь не только к княгине, но через нее также к императрице.

Это подтверждается заключительной частью письма, которая следует за порицательной речью Фелицы. Как мы уже знаем, эта речь имела не критическую, а панегирическую функцию. Поэтому Державин мог себе позволить игнорировать как высказанное там «<за>прещение» (V, 640) панегирической поэзии, так и соответствующие аргументы. Вместо этого он дает понять, опять неожиданным образом и без всяких объяснений, что он готов про-

²² Кононко Е. Н. Примечания... Вып. 2 (22). С. 115.

должать свои поэтические занятия. Апеллируя к авторитету императрицы, он, однако, хочет знать, будет ли «подлинно угодно» его «иногда в поэзии упражнение и не причтется сие в укоризну должности и званию моему» (V, 640). В случае положительного ответа он намерен и в дальнейшем посвятить свои «слабые <...> способности <...> на прославление благодетельницы человеческого рода», «не взирая на ненависть моих недоброжелателей, не терпящих сильно стихотворства» (Там же).

28 июня 1784 г., то есть в годовщину восшествия на престол императрицы, Державин произведен в действительные статские советники, и он надеется, что поэтические занятия, которым он, впрочем, хочет предаваться только «иногда», не будут считаться нарушением его служебного долга. Этим самым открывается перед нами социальный контекст его поэтической деятельности. Державин действительно подвергся тем упрекам, о которых он писал в своем письме. Дело в том, что его начальник по службе, обер-прокурор князь А. А. Вяземский, «почитал неспособными и ленивыми заниматься своей должностию тех, которые упражнялись в поэзии».²³

Лесть

Такие упреки болезненно поразили Державина, совестливого носителя петровского служебного этоса, — так болезненно, что он вновь и вновь уверял, что пишет стихи лишь на досуге, что, другими словами, *fuor poeticus* посещает его только в свободное от службы время.²⁴ Представление Фелицы о том, что все поэты — «льстецы», также имело личное значение для Державина: его, прославленного автора оды «Фелица», упрекали при дворе в том, что его стихотворение написано «чрезвычайно ласкательно».²⁵

²³ См. «примечание» Державина к стихотворению «Благодарность Фелице» (1783): Кононко Е. Н. Примечания... Вып. 2 (22). С. 114.

²⁴ Ср. последнюю строфу стихотворения «Благодарность Фелице»: «Когда небесный возгорится / В пиите огонь, он будет петь; / Когда от бремя дел случится / И мне свободный час иметь, — / Я праздности оставлю узы, / Игры, беседы, суеты; / Тогда ко мне приидут Музы, / И лирой возгласишься ты» (I, 105—106). Один исследователь нашел в державинских «примечаниях» «почти дюжину» мест такого рода (Loewen D. Questioning a Poet's Explanations: Politics and Self-Presentation in Derzhavin's «Footnotes» and *Explanations* // The Russian Review. 2005. Vol. 64. P. 392). См. также: Фоменко И. Ю. Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // XVIII век : Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. Сб. 14. С. 146 и сл.

²⁵ Кононко Е. Н. Примечания... Вып. 2 (22). С. 115.

В «Видении Мурзы» Державин отвечает на эту критику, говоря о «зависти» придворного общества.²⁶ Однако дело обстояло гораздо сложнее. То, что Екатерина заслужила его восхваления, то есть что он написал «истину» в оде «Фелица», не подлежало сомнению. Однако упрек в лести мог относиться также к личным побуждениям Державина. В этом случае он оказался уязвимым. Державин, будучи не только поэтом, но и чиновником, находился в ситуации ролевого конфликта. В данном контексте это относится не к его роли поэта вообще (в связи с вопросом о «злоупотреблении» служебным временем), а к его конкретной роли панегирического поэта, то есть к его статусу чиновника, который писал похвальные стихотворения в честь высочайшей начальницы.

Сам Державин, правда, рассказывает, что ода «Фелица» была опубликована против его воли, так как он боялся гнева тех вельмож, против которых были направлены сатирические строки стихотворения.²⁷ Однако нельзя отрицать, что Державин преследовал в это время не только поэтические, но и карьерные цели. В том же 1782 г., когда он писал оду «Фелица», он обратился письменно к императрице с просьбой о продвижении по службе (V, 352). Эта просьба была удовлетворена, и он в том же году был пожалован в статские советники (следующей степени на лестнице карьеры он достиг, как мы уже знаем, в 1784 г., когда стал действительным статским советником). Кроме того, Державин снова обратился 20 февраля следующего 1783 г. к императрице с просьбой на этот раз о финансовой помощи для устранения убытков, возникших во время Пугачевского восстания в его деревнях; была ли эта вторая просьба удовлетворена, неизвестно (V, 355—356).

Впрочем, Державин-панегирист сам прекрасно знал, что его личные побуждения могли быть не так поняты не только придворным обществом, но и самой императрицей: когда он в мае 1783 г. пишет Дашковой об успехе «Фелицы» (V, 357), он говорит не только о «неизреченном удовольствии», полученном им от богатого подарка императрицы, но также о «неяком приятном унынии». Формулируя свою мысль как афоризм, он говорит затем, что не нужно «сокровищей», чтобы уметь «чувствовать цену добродетелей». В дальнейшем он задает княгине тревожный вопрос,

²⁶ В соответствии со сказочной фикцией стихотворения, придворные фигурируют здесь в восточных костюмах: «Довольно кадиев, факиров, / Которы в зависти сочли / Тебе их [мои песни. — *И. К.*] неприличной лестью» (I, 110).

²⁷ Ср. его «объяснение» к «Фелице» (III, 482 и сл.). (Как известно, Державин прокомментировал свои стихотворения на старости лет не только «примечаниями» 1805 г., но также «объяснениями» 1809 г.).

не думает ли она, что он надеялся получить награждение, и не написала ли она недавно письмо императрице по этому поводу?

Мотив панегирического бескорыстия встречается также в предпоследней строфе оды «Фелица», где Мурза дает понять Фелице, что он не ждет награждения за свои стихи. Возникающая при этом юмористическая окраска коренится в использовании мотивов из татарского быта:

Послушай: где ты ни живешь, —
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешмета
За них я от тебя желал.

(I, 89—90)

Принимая упрек в лести столь серьезно, Державин следовал духу своей просвещенной эпохи — культу искренности, направленному против «политичных» норм придворного поведения, то есть против этики, ставившей личный успех выше всего и рекомендовавшей притворяться и скрывать собственные намерения. Это учение было сформулировано с особенным успехом испанским иезуитом Бальтазаром Грацианом (1601—1658);²⁸ русское издание его книги «El Discreto» было опубликовано с 1741 г. в трех изданиях под заглавием «Придворной человек».²⁹ Просветительская полемика с этой этикой в свою очередь продолжала общеевропейскую традицию литературной критики придворной жизни. В буржуазной Германии эта традиция получила выражение в личностном идеале «честного человека при дворе».³⁰

²⁸ Ср.: *Barner W.* Barockrhetorik : Untersuchungen zu ihren geschichtlichen Grundlagen. Tübingen, 1970. S. 135—150 («„Политичное“ движение»). См. также: *Словарь Академии российской.* 1789—1794. М., 2004. Т. IV. Стб. 965—966. Фраза «политично поступать» толкуется здесь следующим образом: «поступать, говорить, скрывая свои намерения, мысли» (стб. 966).

²⁹ См.: *Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века.* 1725—1800. М., 1963. Т. I. С. 254.

³⁰ Так гласит заглавие популярного в свое время дидактического романа: *Loen J. M. von.* Der Redliche Mann am Hofe; Oder die Begebenheiten Des Grafens von Rivera (опубл. 1740). О теме искренности в раннем немецком Просвещении см.: *Martens W.* Die Botschaft der Tugend : Die Aufklärung im Spiegel der Moralischen Wochenschriften. Stuttgart, 1968. S. 342—354 («Придворный мир в зеркале моралистических журналов»); см. также: *Kiesel H.* «Bei Hof, bei Höll» : Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller. Tübingen, 1979. S. 199—261 («Общие места традиционной критики придворной жизни в буржуазной литературе XVIII века») и сл. В России критиком придворной жизни выступал Фонвизин, назвавший в письме к сестре от 1773 г. эту жизнь «адам» (*Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 356). Ср. также «Всеобщую придворную грамматику» Фонвизина и его комедию «Недоросль», где Стародум порицает придворную жизнь (Там же. Т. 1. С. 131—133).

Стремился к этому идеалу и русский дворянин Державин: в его «Записках» 1812 г. мы читаем, что он не хотел вести себя как «хитрый царедворец» (VI, 625). Оглядываясь назад, в тех же «Записках» Державин упрекает Екатерину II в том, «что она управляла государством и самым правосудием более по политике или своим видам, нежели по святой правде» (VI, 627). В этой связи также стоит взглянуть на оду Державина «Вельможа» (1794). В ее двадцать второй строфе превозносится «бесстрашный Долгоруков», который дал «монарху грозному ответ» (I, 436). Имеется в виду «славный сенатор кн. Яков Федорович Долгоруков, который разодрал определение Сената, подписанное Петром I»:³¹ в личностном идеале Державина немецкое представление о «честном человеке при дворе» находит свой русский эквивалент.³² Державин реагировал на упрек в лести столь нервно еще и потому, что он видел в нем опасность для своей посмертной славы, как явствует из двадцатой строфы его оды «Мой истукан» (1794).³³

Он также боялся попасть в «плохое общество». В русской литературе XVIII в. Державин был не первым поэтом, подвергавшимся упреку в лести. Так было и с авторами, которые посвящали свои похвальные стихотворения не императрице, а вельможам, давая понять при этом, что они ждут вознаграждения.³⁴ Самым известным представителем этого литературного «сервилизма» был В. Г. Рубан (1742—1795).³⁵ В этом качестве он стал мишенью «Сатиры первой» Капниста. Сатирик здесь задает следующий

Этому соответствует стремление Стародума к искренности, выражающееся в том, что он обращается к младшему Правдину на «ты»: «Я говорю без чинов. Начинаются чины — перестает искренность» (Там же. С. 129).

³¹ См. «объяснение» этого стихотворения (III, 517).

³² Ср. «Недоросле», где Стародум превозносит «человека государственно-го, который говорит правду государю, отваживаясь его прогневать» (*Фонвизин Д. И. Собр. соч.* Т. I. С. 158).

³³ Лирический субъект обращается к самому себе: «Увы! легко случиться может, / Поставят и тебя льстецом: / Кого днесь тайно злоба гложет, / Тот будет завтра въявь врагом. / Трясут и троны люди злые: / То, может быть, и твой кумир / Через решетки золотые / Слетит и рассмешит весь мир, / Стуча с крыльца, ступень с ступени, / И скатится в древесны тени» (I, 426—427). См. комментарий Я. К. Грота к этой и предыдущей строфам: «...поэт как будто предугадал нарекания, которым он подвергся в наше время по случаю выхода в свет его „Записок“, напечатанных в 1859 году в „Русской беседе“ и вызвавших со стороны большей части журналов резкие нападения на нравственный характер писателя» (I, 429—430).

³⁴ Ср.: *Гинзбург Л. Я.* Неизданные стихотворения Рубана // XVIII век. М.; Л., 1935. <Сб. 1>. С. 411—432; *Западов В. А.* Проблема литературного сервилизма. С. 59 и сл. Исследователь говорит о «десятках» таких поэтов (С. 62).

³⁵ См.: *Николаев С. И.* Рубан В. Г. // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 2010. Вып. 3 : (Р—Я). С. 68—72.

риторический вопрос, слегка при этом изменяя фамилию Рубана: «Но можно ли каким спасительным законом, / Принудить Рубова мириться с Аполлоном? / Не ставить на подряд за деньги гнусных од / И рылом не мутить кастильских чистых вод?»³⁶

Подобно другим поэтам этого рода Рубан был недворянского происхождения: в русском дворянском обществе XVIII в. представление о продажном поэте имело «плебейскую» окраску.³⁷ Державин, по-видимому, разделял это мнение. В прозаическом эскизе «Видения Мурзы», где он обстоятельно разбирает значение слова «льстец», Державин не хочет принадлежать к «шайке стихотворцев, которых я, а особенно похвальных од подносителей, почитаю подобными нищим, сидящим с простертыми руками и ковшичками на мостах» (III, 490).³⁸

Искренность

Мы теперь понимаем, почему Державин-панегирист так усиленно уверял публику в своей искренности.³⁹ В уже упоминавшемся прозаическом эскизе одной из своих ранних од он обращается к Екатерине со следующими словами:

«Я не могу богам, не имеющим добродетели, приносить жертвы и никогда и для твоей хвалы не скрою моих мыслей: и сколь твоя власть ни велика, но если бы в сем мое сердце не согласовалось с моими устами, то б никакое награждение и никакие причины не вырвали б у меня ни слова к твоей похвале» (I, 103).

Нельзя себе представить более отчетливого отказа от «политичных» форм придворного поведения, главным пороком которого издавна считалась лесть.⁴⁰ Державин хочет, чтобы читатели воспринимали его панегирическую поэзию как выражение чувства, возникающего перед лицом «истины». С его точки зрения, эта «истина» служит восхвалению адресата, трогает и назидает читателя и не в последнюю очередь она окрыляет творческие

³⁶ В подлиннике: «кастильских вод» (*Капнист В. В.* Собр. соч.: В 2 т. / Под ред. Д. С. Бабкина. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 73). Текст был впервые опубликован в 1780 г.

³⁷ Ср.: *Гинзбург Л. Я.* Неизданные стихотворения Рубана.

³⁸ «Приложение. Первоначальный эскиз „Видения Мурзы“» (III, 487–491).

³⁹ О литературной искренности см.: *Peyre H.* Literature and Sincerity. New Haven; London, 1963; *Trilling L.* Sincerity and Authenticity. Cambridge (Mass.), 1973. (Third printing). См. также: *Погосян Е.* Восторг русской оды. С. 23–34: «Искренность гражданского чувства как тема панегирической культуры Петровской эпохи».

⁴⁰ См.: *Kiesel H.* Bei Hof, bei Höll. S. 17.

силы поэта. Для Державина «истина» является одновременно панегирическим аргументом, педагогическим средством, источником поэтического вдохновения и основой панегирической искренности.

Об этом свидетельствует прозаический эскиз «Видения Мурзы». Отметим, что этот текст не был предназначен для публикации. Обращаясь к Фелице, Державин здесь рассказывает: «... плененный твоими добродетелями, как дурак такой, при напоминании имени твоего от удовольствия душевного плакал и, будучи приведен в восторг, в похвалу твою разные марал стихи». Далее он говорит, что эти стихи были не очень хороши, так что он их «драл» и «сжигал в печи» (III, 490). Сегодняшнему читателю, может быть, не совсем легко вжиться в верноподданнические излияния такого рода, но в русской литературе это не единственный случай — такие же чувства волнуют Николая Ростова при виде Александра I в тильзитских главах романа Толстого «Война и мир».

Восторженное отношение Державина к Екатерине может приобрести даже эротическую окраску, как например в том же эскизе «Видения Мурзы». Державин говорит здесь не только о своей «страсти» к Фелице, но также о «пламени» своего «сердца», о своих «пламенных <...> чувствованиях» и о своих «слезах», которыми он «омочает» бумагу (III, 490). Ср. также пятую строфу «Изображения Фелицы». Лирический субъект обращается здесь к Фелице как «владычице души моей» (I, 191). Об эротическом характере этих чувств также говорит один литературный подтекст. По его собственным словам, Державин подражает здесь (псевдо-)Анакреонту, который в своей 28-й оде просит живописца написать портрет его «любовницы». ⁴¹ В «Изображении Фелицы» анакреонтическая любовница заменяется Фелицей.

Такие увлечения интересны не только для истории эмоций и менталитетов. В них проявляется также новое литературное сознание. Авторы русского классицизма руководствуются еще традиционным, восходящим к ренессансному гуманизму представлением о поэзии как ученой деятельности (*scientia*, наука), в которой нужно упражняться со знанием, вдумчивостью, в соответствии с литературными образцами и «правилами». ⁴² Когда ли-

⁴¹ Кононко Е. Н. Примечания. Вып. 1 (23). С. 81.

⁴² Ср.: Кулакова Л. И. О спорных вопросах в эстетике Державина // XVIII век : Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века. Л., 1969. Сб. 8. С. 28—30. См. также: Buck A. Der Begriff des «poeta eruditus» in der Dichtungstheorie der italienischen Renaissance // Buck A. Die

рический субъект ломоносовских од говорит о своем «восторге», это не больше чем условность пиндарической оды без всякого автобиографического значения.⁴³ «Восторженный поэт» тут является не более чем ролью, которую играет автор подобно актеру.⁴⁴ В жизни Ломоносов видел себя не поэтом-пророком, а академическим профессором, писавшим стихи в свободное от службы время. Нет никаких оснований предполагать, что он писал свои торжественные оды по поводу какого-то душевного подъема, какого-то переживания («Erlebnis»).

Очень далекий от поэтической спонтанности, Ломоносов-панегирист не стремился к самовыражению. Он ставил себе задачу сочинить по возможности совершенный и приятный высочайшему адресату образчик одического жанра на праздничный случай вроде дня рождения императрицы или годовщины ее восшествия на престол. В середине XVIII в. язык и стиль считались при этом особенно важными элементами художественного строя — вокруг них шли современные дискуссии о торжественной оде. Однако торжественная ода подчинялась в качестве панегирического жанра не только эстетическим, но также прагматическим нормам, таким как официальные потребности культа царя и пропагандистские цели правительства. Что при этом думал и чувствовал автор как частный человек, не имело никакого значения. В России не интересовались тогда искренностью панегирического поэта; о нравственной проблематике панегирической поэзии никто, по-видимому, не думал.

Совсем иначе обстоит дело у Державина — частные мысли и чувства были для него существенными элементами творческого процесса.⁴⁵ Характерно, что он сочинил оду «Фелица» не по заданному «случаю», а спонтанно. В его глазах поэтическое произведение не было более или менее удачным артефактом или уместным вкладом в придворный церемониал, а аутентичным выражением собственных эмоций и мыслей. Вместе с Карамзи-

humanistische Tradition in der Romania. Bad Homburg v. d. H.; Berlin; Zürich, 1968. S. 227—243.

⁴³ Ср.: Кулакова Л. И. О спорных вопросах в эстетике Державина. С. 29.

⁴⁴ См. основной труд: Kayser W. Der rhetorische Grundzug von Harsdörffers Zeit und die gattungsgebundene Haltung <1932> // Deutsche Barockforschung / Hrsg. R. Alewyn. Köln; Berlin, 1966. Zweite Auflage. S. 324—335. Автор полагает, что ролевая установка барочного поэта восходит к школьному обучению риторике: студентов заставляли обсуждать тот же самый предмет с противоположных точек зрения. Ломоносов мог освоить эту виртуозную технику во время своего учения в Славяно-греко-латинской академии.

⁴⁵ См.: Кулакова Л. И. О спорных вопросах эстетики Державина; Николаев С. И. Вдохновение и творческий процесс в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 26—38.

ным, который придерживался подобных воззрений, можно было бы также сказать: для Державина лирическое стихотворение является «зеркалом его души».⁴⁶

В этой субъективации поэтического творчества нельзя не заметить родства с романтической концепцией поэзии⁴⁷ в том виде, как она была основана в середине XVIII в. в Германии Фридрихом Готтлибом Клопштоком. (Как известно, Державин переводил в молодые годы две песни его религиозного эпоса «Мессиада»;⁴⁸ эпитафия программно стихотворения Карамзина «Поэзия» 1787 г. является немецкоязычной цитатой из первой песни той же «Мессиады»). Однако в отличие от Клопштока (и Карамзина) Державин не хочет порвать в данном контексте со своим литературным прошлым, а только защищается против обвинений в том, что он писал свои стихи в честь Екатерины не от чистого сердца, а по расчету.

Этот апологетический замысел выражается особенно ярко в «Видении Мурзы». Мурза упрекает Фелицу в том, что она своей критикой панегирической поэзии принимает сторону его врагов: «Довольно без тебя людей, / Довольно без тебя поэту / За каждую мысль, за каждый стих / Ответствовать лихому свету / И от сатир щититься злых!» (I, 110). В дальнейшем он заставляет свою Музу страстно уверять,

⁴⁶ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Под ред. Ю. М. Лотмана, Н. А. Марченко, Б. А. Успенского. Л., 1984. С. 388. Используемая Карамзиным метафора встречается также у Гете, пусть с религиозной окраской, но также в связи с литературными занятиями. Герой романа «Страдания юного Вертера» обращается в письме 10 мая к самому себе: «Ach, könntest Du das wieder ausdrücken, könntest du dem Papiere das einhauchen, was so voll, so warm in dir lebt, daß es würde der Spiegel deiner Seele, wie deine Seele ist der Spiegel des unendlichen Gottes!» (Goethes Werke. Hamburger Ausgabe in 14 Bd. München, 1977. Neunte Auflage. Bd. VI. S. 9). В доступном мне русском переводе метафора «Spiegel» (зеркало) передается словом «отражение»: «Ах! как бы выразить, как бы вдохнуть в рисунок то, что так полно, так трепетно живет во мне, запечатлеть отражение моей души, как душа моя — отражение предвечного Бога!» (Гете И. В. Страдания юного Вертера / Пер. Н. Г. Касаткиной // Гете И. В. Собр. соч.: В 10 т. М., 1978. Т. 6. С. 10. Благодарю Н. Ю. Алексееву, предоставившую мне этот перевод). Как у Карамзина, так и у Гете речь идет о романтическом варианте античного общего места *speculum animi*; см.: Müller W. G. Der Brief als Spiegel der Seele : Geschichte eines Topos der Epistolartheorie. Von der Antike bis Samuel Richardson. Berlin; New York, 2009.

⁴⁷ Ср.: Гуковский Г. А. Г. Р. Державин // Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1947. 2-е изд. С. XLII; Кулакова Л. И. О спорных вопросах эстетики Державина. С. 30.

⁴⁸ Державин сообщает в своей краткой автобиографии, что этот перевод утрачен (Кононко Е. Н. Рукописи Г. Р. Державина. С. 83—84). Ср. неопубликованную диссертацию: Rosendahl G. Deutscher Einfluß auf Gavriil Romanovič Deržavin. Bonn, 1953. S. 62—77 («Friedrich Gottlieb Klopstock, 1724—1805»).

Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю
И что не из чужих анбаров
Тебе наряды я крою.
Но, венценосна добродетель!
Не лесть я пел и не мечты,
А то, чему весь мир свидетель:
Твои дела суть красоты.

(I, 111)

Крик о помощи

«И Музе будь моей подпорой и щитом»⁴⁹

Можно интерпретировать порицательную речь, с которой выступает Фелица как в письме Державина 1786 г. к Дашковой, так и в «Видении Мурзы», как фикционализированную и панегирически осмысленную реакцию на те нападения, которым был подвержен Державин при дворе в качестве успешного автора оды «Фелица».⁵⁰ С этой точки зрения, его письмо является не только авторской исповедью, но и обращенным к Екатерине криком о помощи — она должна защитить его от А. А. Вяземского и других, кто презирает поэзию, и поощрять его к созданию новых стихотворений.

Неизвестно, показала ли Дашкова это письмо Екатерине и каким образом Екатерина реагировала на него. Однако думается, что такой реакции не было, так как Державин решил только в сентябре 1789 г., то есть через три года после этого письма, сочинить новые стихи в ее честь. Однако при этом возникло противоречие с принципом панегирического бескорыстия (но не обязательно с принципом панегирической искренности). Екатерина обещала Державину после его увольнения с тамбовского губернаторства новый пост, хотя исполнение этого обещания заставило себя ждать. Чтобы напомнить императрице о себе, Державину, по собственным словам, «не осталось другого средства,

⁴⁹ «Приношение монархине» (1796). Этим стихотворением Державин посвящает императрице рукописное собрание своих стихов.

⁵⁰ Порицательная речь Фелицы анализируется с другой точки зрения в статье: *Погосян Е.* Уроки императрицы: Екатерина и Державин в 1783 году // «На меже меж Голосом и Эхом»: Сб. статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 246—248.

как прибегнуть к своему таланту. Вследствие чего написал он оду „Изображение Фелицы“» (VI, 586).

Нетрудно поймать Державина на таких «грехах»: выдержать установку бескорыстного панегириста не всегда было легко при петербургском дворе. Однако Державин был способен также проявлять значительное мужество, как например в оде «На возвращение графа Зубова из Персии» (1797). В ней никак не выражается «голос лестии», как считал А. С. Пушкин,⁵¹ скорее напротив: она посвящена адресату, попавшему в немилость у Павла I. Державин сам рассказывает в «объяснениях», что ода написана в доказательство того, что он «никому не льстит, а пишет истину, что́ его сердце чувствует» (III, 554). Таковы также его выпады против политической элиты его времени, продажность и некомпетентность которой он разоблачает, например, в оде «Вельможа» (1794). Наконец, нельзя забыть о тех случаях, в которых Державин подражал князю Долгорукому (деятелю Петровской эпохи, которым он восхищался, — см. выше), осмеливаясь отстаивать собственное мнение в служебных разговорах с Екатериной II или Павлом I, причем ему не всегда удавалось найти подходящий тон.⁵² Державин был одним из немногих представителей петербургской придворной элиты, которые пытались противиться требованиям «политичного» поведения и сохранять свою нравственную самостоятельность.

Однако вернемся к «Изображению Фелицы». В этот раз крик о помощи не остался без отклика. Князь П. А. Зубов, последний фаворит стареющей императрицы (и старший брат В. А. Зубова, кому адресована ода «На возвращение...»), взял на себя необходимую при дворе роль посредника; через него «Изображение Фелицы» попало к высочайшему адресату. Об этом мы читаем

⁵¹ Ср. его письмо А. А. Бестужеву от мая—июня 1825 г.: *Пушкин А. С. Полное собр. соч.*: В 10 т. Л., 1979. 4-е изд. Т. 10. С. 115; указанием на этот источник я обязан Л. Гольбурт.

⁵² Ср., например, автобиографическую оду «На умеренность» (1792), где Державин говорит о своих дискуссиях с императрицей; о своем конфликте с Павлом I он рассказывает в «Записках» (VI, 673—674). О характере Державина см.: *Гуковский Г. А. Г. Р. Державин. С. LII—LIV*. Можно, правда, не согласиться с Г. А. Гуковским в том, что поведение Державина представляло «опасность» для самодержавия (Там же. С. LIV); однако он справедливо подчеркивает его способность не подчиняться придворному благоразумию. Отрицательное мнение о характере Державина представлено в кн.: *Schmid U. Ichentwürfe : Russische Autobiographien zwischen Avvakum und Gergen. Zweite Auflage. Zürich, 2003*. Вместо необходимого для такого исследования учета исторического контекста автор прибегает в своей главе о Державине к таким популярно-психологическим клише, как «нарцистическая фантазия» (С. 166) и «мания величия» (С. 167, 173).

в державинских «Записках»: «Государыня, прочетши оную [оду. — *Й. К.*], приказала любимцу своему [Зубову. — *Й. К.*] на другой день пригласить автора [Державина. — *Й. К.*] к нему ужинать и всегда принимать его в свою беседу» (VI, 586). Это была вожделенная демонстрация царской милости: Державин теперь имел свободный доступ к особенно влиятельному царедворцу из самого близкого окружения Екатерины. Кроме того, ему удалось поддерживать хорошие отношения с княгиней Дашковой. В «Записках» он рассказывает, что она «по старому знакомству <...> как и прежде благосклонно принимала [его. — *Й. К.*] и говорила Императрице много о нем хорошаго, твердя беспрестанно с похвалою о вновь сочиненной им оде Изображение Фелицы, чем вперила ей мысли взять его к себе в статс-секретари или, лучше, для описания ее славнаго царствования» (VI, 587—588).

Пожалование в придворные историографы не состоялось, но через два года, 12 декабря 1791 г., Державин был назначен статс-секретарем при императрице; его главный враг, А. А. Выземский, умер в январе следующего года. Однако огорчения Державина не кончились; новые конфликты уже успели назреть, так что он снова получал возможность проявлять моральную стойкость — но это другая история.

Экскурс о «Собеседнике»

Ряд державинских стихотворений был, как известно, опубликован в журнале «Собеседник любителей российского слова» (1783—1784), в их числе ода «Фелица». Этот журнал, который издавался княгиней Дашковой под эгидой Екатерины II,⁵³ представляет для нас исключительный интерес: в нем трактуются те предметы, которые через несколько лет будут занимать и Державина в письме 1786 г. к княгине Дашковой, — речь идет о врагах поэзии, о пользе панегирической поэзии и об этосе панегирического поэта. Разбор соответствующих текстов может обогатить наше понимание не только литературного сознания, но также и литературного (и придворного) быта эпохи.

⁵³ См.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 330—341; Кочеткова Н. Д. Дашкова и «Собеседник любителей российского слова» // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 140—146.

Борьба против «знаменитых невежд»

Конфликт Державина с князем А. А. Вяземским имеет аналог в полемике, которую вели авторы «Собеседника» со знатными гонителями поэзии. К числу этих авторов принадлежал Фонвизин, написавший «Челобитную российской Минерве от российских писателей». ⁵⁴ Публикация этого произведения являлась актом солидарности с русскими писателями, не в последнюю очередь с Державиным. ⁵⁵ Этот акт был тем более уместен, что спор Державина с А. А. Вяземским обострился в течение 1783 г., то есть в год публикации «Челобитной», до такой степени, что Державин наконец почувствовал необходимость уйти со своего служебного поста под начальством Вяземского: в феврале следующего года он попросил увольнения от службы. ⁵⁶

Сочинение Фонвизина представляет собой переложение челобитной — жанровой формы, с помощью которой в России издавна обращались к властям. Используя эту форму, автор подчеркивает, что он говорит от лица лояльных российских граждан, чему соответствует его верноподданнический стиль. Однако в качестве представителя «челобитчиков» подписывается не Фонвизин, а некий «Иван Нельстецов», вымышленный персонаж, говорящее имя которого отсылает к положительным персонажам комедий и моралистических журналов эпохи. Прибегая к этому приему, Фонвизин намекает на литературный характер «Челобитной», что подтверждается ее публикацией в литературном журнале.

Этот «документ» расчленен на три «пункта», третий из которых в свою очередь подразделен на два «пункта». Обращаясь к Екатерине, Нельстецов придерживается панегирической традиции эпохи, называя ее «Минервой», богиней мудрости и покровительницей русской литературы: она должна защитить русских писателей от «знаменитых невежд» (Соб. IV, 8). Как выясняется потом, Нельстецов имеет при этом в виду высокопоставленных чиновников, среди них, наверное, и Вяземского, которые не одобряют поэтические занятия своих подчиненных. Умолив ее «**БОЖЕСТВЕННОЕ ВЕЛИЧЕСТВО**» прекратить «беззаконные» каверзы этих вельмож (Соб. IV, 10), Нельстецов демонстрирует в заключительной части текста рвение совестливого чиновника:

⁵⁴ Собеседник любителей российского слова. 1783. Ч. 4. С. 7—11 (далее в тексте: Соб. IV, 7—11); см. также: Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 2. С. 268—270. В состав этого издания входит также настоящая — нелитературная — челобитная молодого Фонвизина (Там же. С. 609—610).

⁵⁵ См.: Грот Я. Жизнь Державина. М., 1997. С. 213—215; Кочеткова Н. Д. Фонвизин в Петербурге. Л., 1984. С. 183—184.

⁵⁶ См.: Кононко Е. Н. Рукописи Державина. С. 83.

подобно Державину в письме Дашковой, он пишет, что русские писатели намерены служить «российским музам» лишь на досуге, посвящая «главное жизни нашей время <...> на дело для службы *ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА*» (Соб. IV, 10).

«Челобитная» Фонвизина носит остро полемический характер. Это памфлет, с помощью которого он защищает интересы определенной группы людей — служащих дворян, занимающихся литературой. Читатель должен поддерживать требования этой группы. Существовали, однако, веские основания для того, чтобы не следовать этому призыву. Дело в том, что во второй половине XVIII в. русские чиновники продвигались по карьерной лестнице, как мы уже знаем на примере Державина, не только благодаря административным, но и литературным заслугам. Поражает эта «литературность» режима: при Екатерине и в следующие годы получили высокие посты кроме Державина поэты Ю. А. Нелединский-Мелецкий (1752—1829), И. И. Дмитриев (1760—1837) и О. П. Козодавлев (1754—1819). Такие знатные чиновники, как И. П. Елагин (1725—1793) и А. А. Ржевский (1737—1804),⁵⁷ выступали в молодости в качестве поэтов. Елагин помогал императрице в сочинении драматических сочинений,⁵⁸ то же самое относится к ее статс-секретарю (и сослуживцу Державина) А. В. Храповицкому (1749—1801), который и сам писал стихи.⁵⁹ Далее стоит упомянуть, что молодой Фонвизин был обязан местом в Коллегии иностранных дел успеху, который имела его комедия «Бригадир» у графа Н. И. Панина, возглавлявшего это учреждение.⁶⁰ Ранее Фонвизин таким же образом стал секретарем Елагина, которому понравился его на шумевший тогда перевод вольтеровской трагедии «Альзира».⁶¹ Тот, кто не одобрял административные порядки такого рода, считая их нарушением меритократического принципа петровской традиции, не обязательно был «невеждой».

⁵⁷ См.: *Виролайнен М. Н.* Нелединский-Мелецкий Ю. А. // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Вып. 2 : (К—П). С. 341—345; *Макогоненко Г. П.* Дмитриев И. И. // Там же. Вып. 1 : (А—И). С. 269—272; *Степанов В. П.* Елагин И. П. // Там же. С. 304—309; *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Ржевский А. А. // Там же. СПб., 2010. Вып. 3 : (Р—Я). С. 42—48; *Кулябко Е. С.* Козодавлев О. П. // Там же. Вып. 2 : (К—П). С. 100—102.

⁵⁸ См.: *Мораччи Дж.* [Moracci G.]. К изучению комедий Екатерины II : Проблемы авторства // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 2002. N 30. P. 12—17.

⁵⁹ См.: *Степанов В. П.* Храповицкий А. В. // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 2010. Вып. 3 : (Р—Я). С. 370—373.

⁶⁰ См. автобиографию Фонвизина «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях»: *Фонвизин Д. И.* Собр. соч. Т. 2. С. 98—99.

⁶¹ Там же. С. 94—95.

Кроме того, следует учесть обстоятельства, в которых протекала жизнь при императорском дворе, политико-административном центре Российской империи. Подобно другим дворам европейского абсолютизма, жизнь была здесь постоянной борьбой за близость к престолу и за милость «богоподобной» монархини.⁶² Если же императорский чиновник мог привлечь внимание высочайшей начальницы не только служебными, но и поэтическими достижениями, должно было возникнуть чувство обиды у тех, которые не обладали литературным талантом. С этой точки зрения, блестящие карьеры Державина и других поэтов-чиновников могли восприниматься как проявления того фаворитизма, который разоблачается, например, в политическом трактате Фонвизина «Рассуждение о непременных государственных законах».⁶³

Однако вернемся к «Челобитной» Фонвизина. Как в случае письма Державина 1786 г. к Дашковой, также явившегося криком о помощи, мы не знаем, читала ли императрица это произведение и как она реагировала на него. Но вспомним, что «Челобитная» увидела свет в «Собеседнике», которому покровительствовала императрица и в котором она сама отдавалась своей писательской страсти, публикуя в том числе объемистые «Записки» о древнерусской истории. Что же касается княгини Дашковой, она была не только издательницей «Собеседника», но с 1783 г. также президентом новооснованной Российской академии — учреждения, которое заботилось по образцу Французской академии об усовершенствовании русской литературы и русского языка. Публикуя «Челобитную» Фонвизина в своем журнале, Дашкова приняла на глазах у всех сторону «российских писателей» против А. А. Вяземского, обер-прокурора Правительствующего сената и других «врагов поэзии».⁶⁴

Фонвизин не был единственным среди авторов «Собеседника», который участвовал в этой полемике. Возникает впечатление настоящей кампании против «знаменитых невежд». В ней участвовал также О. П. Козодавлев, состоявший в это время сотрудником Дашковой и редактором «Собеседника». Он был приятелем Державина; в предыстории публикации оды «Фелица» он сыграл

⁶² В этом отношении «Записки» Державина содержат богатый материал. Из литературы о придворной жизни западноевропейских стран в эпоху абсолютизма см.: *Elias N. Die höfische Gesellschaft. Vierte Auflage. Neuwied, 1979; Kruedener J. von. Die Rolle des Hofes im Absolutismus. Stuttgart, 1973.*

⁶³ Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 2. С. 256 и сл. Текст не датирован; он не был опубликован при жизни автора.

⁶⁴ Подробнее об этом см.: *Кочеткова Н. Д. Дашкова и «Собеседник»; о конфликтах Дашковой с Вяземским см. ее «Записки»: Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 159—161.*

важную роль.⁶⁵ В стихотворном «Письме к Ломоносову», опубликованном в «Собеседнике» (Соб. XIII, 167—171),⁶⁶ он горячо восхваляет Державина, усматривая в нем достойного преемника Ломоносова, «чести и славы Россов» (Соб. XII, 167).

Уже ранее Козодавлев опубликовал в «Собеседнике» стихотворное «Письмо к татарину Мурзе, сочинившему Оду к премудрой Фелице» (Соб. VIII, 3—8). Подобно Державину в письме 1786 г. к Дашковой, Козодавлев обращается здесь одновременно к двум адресатам — не только к Державину, но через него также к императрице, демонстрируя свое восхищение ее персоной (вообще говоря, большая часть «Собеседника» посвящена прославлению Екатерины). Именно в этом духе следует понимать в «письме» Козодавлева укоризненно-приятельский вопрос, обращенный к Державину, почему тот перестал воспевать Екатерину, этого «ангела во плоти»; ее новые подвиги, которые перечисляются, дали бы богатый материал для новых стихов в честь императрицы. Намекая на те шуточные строфы «Фелицы», в которых изображается беспечная жизнь Мурзы, Козодавлев подозревает, что лень ему мешает приняться за перо. Однако он может себе представить еще другую причину для молчания Мурзы, причем он явно имеет в виду противников Державина, не любящих поэзии:

Иль может быть тебя невежды уверяют,
Что люди дельные стихов не сочиняют,
И словом, что стихи постыдно сочинять.

(Соб. VIII, 6)

Следует объемистая, написанная в аллегорической форме поэма с врагами просвещения и литературы. Они живут в некоем *locus terribilis*, месте хаоса и мрака, где находится «железный» храм с названием «Невежество»:

Есть остров на море, проклятый небесами,
Заросший весь кругом дремучими лесами,
Покрытый искони густейшим мраком туч,
Куда не проник ни разу солнца луч;
Где ветры вечные кипяще море роют,
Вода пускает гром, леса колеблясь воют.
Исчадь мерзкое подземна бога там
Построило себе железный мрачный храм.
Невежеством оно издревле нареченно,
Великим божеством невеждами почтенно.

(Соб. VIII, 7)

⁶⁵ См. «объяснения» Державина (III, 483—484).

⁶⁶ См.: Кулябко Е. Н. Козодавлев О. П. С. 101.

К выступлениям против «невежд» на страницах «Собеседника» относится также стихотворное послание Княжнина ново-назначенному президенту Российской академии княгине Дашковой.⁶⁷ В его глазах, основание академии, членами которой стали Державин и другие поэты, представляет собой сокрушительное поражение «невежества», причем оно также изображается аллегорически: от ярости «скрежещет» зубами (Соб. XI, 7). В отличие от Фонвизина и, подобно Козодавлеву, Княжнин не говорит прямо о социальном статусе «невежд», но читатель понимает, что речь идет о высокопоставленных представителях непросвещенного прошлого, которые при Екатерине якобы утратили свою власть.⁶⁸ Перед нами традиционный с эпохи Петра I полемический прием — противопоставление «старой» и «новой» России. В данном случае этот прием используется с тем, чтобы дискредитировать придворные круги, которые не приветствовали основание Российской академии.

Далее Княжнин, ополчаясь против этих «бывших», выступает с обстоятельной апологией поэзии, которую он отождествляет с панегирической, что было естественно в придворной среде. Однако в отличие от Державина он говорит здесь не об «истине» панегирической поэзии, а о ее пользе. При этом он явно отдает себе отчет в огромном значении, которым обладала идея славы и земного бессмертия для европейских монархов, в том числе Екатерины.⁶⁹ С точки зрения Княжнина, задача поэзии состоит в увековечении ее всемирной славы, то есть она служит официальному культу императрицы. Это было, конечно, мощным аргументом: в заданной Княжниним перспективе те, кто был против поэзии,

⁶⁷ «Письмо ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой <!> на день, в который ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ благоволила пролиять свою благодать здешним музам, учреждением Российской Академии» (Соб. XI, 3—9; см. также: Княжнин Я. Б. Избранные произведения / Вступ. статья, подгот. текста, примеч. Л. И. Кулаковой. Л., 1961. С. 649—653).

⁶⁸ «Пускай невежество скрежещет, / Смотри на быстрый ваш <муз> полет; / И ползая, взор тусклы мечет, / Жалея щастия тех лет, / Когда оно собой довольно, / Надменное и своевольно, / Вздывая гордое чело, / Сердясь, за ум карать могло. / Но грозным быть оно престало, / Его уже без действия жало; / Минервы нашей твердый щит / Вам явно с Дашковой открыт» (Соб. XI, 7).

⁶⁹ См.: Griffith D. To Live Forever: Catherine, Voltaire and the Pursuit of Immortality // Russia and the World of the Eighteenth Century / Ed. R. Bartlett et al. Columbus (Ohio), 1986. P. 446—459; см. также: Brown P. The Fabrication of Louis XIV. New Haven, 1992. P. 5. Об истории культа славы и земного бессмертия в античности и в Новое время см. известную книгу: Burckhardt J. Die Kultur der Renaissance in Italien <1859>. Stuttgart, 1966. S. 132—143; подробнее см.: Zilsel E. Die Entstehung des Geniebegriffs. Tübingen, 1926. S. 52 u. a., S. 111 u. a.

в том числе и против панегирической, давал повод к сомнениям в своей политической благонамеренности. После выпада против «скрежещущего» зубами «невежества» Княжнин обращается к музам со следующими словами, не упуская при этом возможности превозносить императрицу:

<...>

Стремитесь бессмертья в путь;

<...>

Возвысьтеся вы вашим пеньем
Монархини до славных дел;
Да Росс, который толь процвел
Ея преславнейшим правленьем,
Велик и в мире, и в войнах,
Останется у вас в стихах
На век вселенной удивленьем.

(Соб. XI, 7–8)

Определяя функцию поэзии таким образом, Княжнин подхватывает общее место традиционной поэтики: самая важная задача поэтов заключается в том, чтобы воспевать героев и обеспечить им земное бессмертие, поэт — «распределитель славы» (*dispensator gloriae*).⁷⁰ Это представление встречается как у античных авторов, так и у авторов Нового времени. Особенным влиянием пользовалась разработка этой темы у Горация, любимого поэта XVIII в., в 9-й оде IV книги о власти поэта («*Ne forte credas...*»). Программная седьмая строфа этого стихотворения приводится в таком авторитетном издании, как Французская энциклопедия, в статье Ж.-Ф. Мармонтеля о «Славе».⁷¹ Русский перевод этой строфы гласит:

Немало храбрых до Агамемнона
На свете жило, но, неоплаканы,
Они томятся в вечном мраке,
Вещего не дал им рок поэта.

С точки зрения Горация, задача поэта заключается в том, чтобы спасти героев от забвения; в следующей, восьмой строфе его оды мы читаем: «Безвестный подвиг, словно бездействие / В мо-

⁷⁰ См.: *Burckhardt J. Die Kultur der Renaissance. S. 141; Zilsel E. Die Entstehung des Geniebegriffs; Hardison O. B., jr. The Enduring Monument. P. 24—42 (глава II: «Риторика, поэтика, теория похвалы»).*

⁷¹ *Marmontel [J.-F.]. Gloire // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers / Ed. Diderot, D'Alembert. Paris, 1957. T. VII. P. 717.* Текст стихотворения приводится здесь в латинском подлиннике и без указания источника: автор предполагает, что эти стихи всем известны.

гилу сходит...».⁷² Эта мысль выражена у Княжнина в той части эпистолы, где речь идет о «горсти» греческих героев, о которых давно бы забыли, если бы поэты их не воспевали. В качестве праотца панегирической поэзии при этом фигурирует Гомер, что связано с тем, что героический эпос считался панегирическим жанром, в котором превозносятся герои прошлого; ср., например, «Генриха IV» Вольтера или «Петра Великого» Ломоносова. Панегирическая функция, традиционным символом которой была звонкая труба, также приписывалась историографии⁷³ (вспомним о несостоявшемся назначении Державина в придворные историографы). Соответствующий фрагмент эпистолы Княжнина гласит:

Напрасно слава там была,
Где муз жилище неприступно;
Она как легка тень прошла.
С героями исчезли купно
До греков громкие дела.
Народы целые забвенны,
Во тьме без чести погребенны;
Меж тем как Греков горсть одна
Умов бессмертными дарами
Прославленна, почтенна нами
Пребудет век оживлена.

(Соб. XI, 8)

Традиционное представление о панегирической миссии поэта встречается также у Козодавлева в «Письме к Ломоносову». С его точки зрения, поэтическая заслуга этого «великого мужа» заключается в том, что он способствовал вечной славе Елизаветы Петровны, а также собственной:

На свете, знаешь ты <Ломоносов>, все вещи переменны;
Бывают и дела великие забвенны.
Забвенью предают летящи времена
Героев и царей почтенны имена,
Когда их Музы глас звучащую трубою,

⁷² Перевод Н. С. Гинцбурга см.: *Квинт Гораций Флакк*. Оды, эподы, сатиры, послания / Пер. с латинского. Редакция перевода, вступ. статья, комментарий М. Гаспарова. М., 1970. С. 196. В этой связи можно привести также 8-ю оду IV книги «Donarem pateras...»: «Главной мыслью этой оды является старый топос древнегреческой поэзии, особенно хоровой: Великие подвиги остаются во мраке, если бы искусство Муз не придавало им вечную жизнь»; это высказывание документируется отсылками к разным авторам античности; см.: *Syndicus H. P. Die Lyrik des Horaz : Eine Interpretation der Oden*. Bd. II: Drittes und viertes Buch. Darmstadt, 2001. S. 350. Интерпретацию 9-й оды IV книги см.: *Ibid.* S. 357—367.

⁷³ См.: *Zilsel E. Die Entstehung des Geniebegriffs*. S. 54—55.

Во храм бессмертия не вводит за собою.
Безсмертным вечно ты останешься у нас —
Ты истинный пиит; божественный твой глас
Проникнув нам в сердца, в нас души восхищает,
И что ты воспевал, то вечным сотворишь,
ЕЛИСАВЕТИНЫ душевны красоты
У Россов навсегда в сердцах оставил ты...

(Соб. XII, 168)

Еще раз об истине и искренности

Кроме Княжнина и Козодавлева чувствуют необходимость оправдать существование поэзии и другие авторы «Собеседника», причем они имеют в виду панегирическую поэзию. К сожалению, нам непосредственно доступны только аргументы любителей поэзии; о воззрениях их оппонентов мы можем лишь догадываться. Эта дискуссия образует интеллектуальный фон державинского письма 1786 г. к княгине Дашковой, и особенно той порицательной речи, с которой выступает Фелица. В данном контексте смысл этой речи заключается в том, что Державин формулирует в ней возможные — или действительно произнесенные — аргументы противников поэзии, особенно панегирической, однако только в том специфическом преломлении, о котором уже шла речь.

Среди апологетов панегирической поэзии встречаем также И. Ф. Богдановича. В 1783 г. он выступил не только автором шуточной поэмы «Душенька», но и большой статьи об истории поэзии, особенно русской; все три части его статьи напечатаны в «Собеседнике». Оправдание панегирической поэзии мы находим во второй части — «Продолжение о древнем и новом стихотворении» (Соб. III, 6—23). Подобно Княжнину и Козодавлеву, Богданович говорит о пользе панегирической поэзии, имея, однако, в виду не политическую, а нравственную пользу. В его глазах, «похвала» является самым лучшим награждением «безмездной добродетели» (Соб. III, 14). Предвосхищая аргумент возможных оппонентов, он продолжает: «<...> и хотя бы люди не согласились во мнениях, кто и когда таковою добродетелию отличается, нет однако сомнения в том, что добрая похвала заслуженная есть пища душ чувствительных» (Соб. III, 14).

Вспомним мнение Державина о том, что из двух императриц, Елизаветы и Екатерины, только последняя заслужила похвалу поэта. Однако Богданович далек от того, чтобы сомневаться в заслугах Елизаветы, и то же самое относится к поэтическим до-

стижениям Ломоносова. Мало того: с точки зрения Богдановича, и незаслуженная похвала хороша — она поощряет адресата быть достойным ее (Соб. III, 14). Затем Богданович неожиданно порицает тех, кто «во всяком действии изыскивает худые намерения», причем он имеет в виду тех, кто упрекает панегирического поэта в нечестных побуждениях; такой человек «всегда найдет лесть, ложь и обманы; но кто знает более сердце человеческое, тот, конечно, знает и благонамеренность ему свойственную». Далее Богданович подчеркивает, опять несколько неожиданно, что это относится прежде всего к Ломоносову: «Доводы сей истинны <!> могут быть более ошутительны в стихотворениях господина Ломоносова» (Соб. III, 14).

Можно заключить из статьи Богдановича, что Державин в своем письме 1786 г. к Дашковой не был первым, кто сомневался в «истине» ломоносовских од. Вообще, при чтении «Собеседника» возникает впечатление, что панегирическая ода стала для некоторых современников уже в начале 1780-х гг. проблематичной не только в эстетическом,⁷⁴ но и в нравственном отношении. На фоне этого кризиса неудивительно, что вопрос о «лести» и «истине» возникает также у других авторов «Собеседника». Один из них является анонимным автором стихотворного «Письма Китайца к Татарскому Мурзе, живущему по делам своим в Петербурге» (Соб. V, 5–8)⁷⁵ — заглавие, которое отсылает к первоначальному

⁷⁴ В этом отношении два стихотворения «Собеседника» представляют особенный интерес — «Письмо к творцу оды, Сочиненной в похвалу Фелицы Царевне Киргизкайсацкой» Е. И. Кострова. (Соб. X, 25–30; см. также: Поэты XVIII века. Т. 2. С. 151—154) и «Письмо» Княжнина к княгине Дашковой (см. выше). В обоих текстах выражается то резко критическое отношение к традиционному стилю торжественной оды, известное нам уже из письма Державина 1786 г. к Дашковой. По мнению обоих авторов, этот стиль «вышел из моды» (Костров: «Признаться, видно, что из моды / Уж вывелись парящи оды» — Соб. X, 29; Княжнин: «Я ведаю, что дерзки оды, которы вышли уж из моды, / Весьма способны докучать» — Соб. XI, 5). Перед нами знаменательный сдвиг литературно-эстетических масштабов: критики уже не говорят о «правильности» художественного произведения, о его соответствии «вечному» идеалу прекрасного, а о его оригинальности, о «свежести» эстетического впечатления. «Письмо» Кострова достигает кульминации в радостном восклицании по поводу того, что Державин нашел в своей оде «путь непротопанной и новой» (Соб. X, 26); ср. известную нам уже формулировку, которой сам Державин характеризует начальный период своего поэтического поприща в краткой автобиографии 1808 г.: сначала подражая Ломоносову, он как будто понял, что ломоносовское «парение» не соответствует его поэтическому темпераменту, из-за чего он в 1779 г. «избрал <...> совсем особый путь» (Коновко Е. Н. Рукописи Державина. С. 84).

⁷⁵ Автором этого стихотворения является М. В. Сушкова (1752—1803), урожд. Храповицкая, сестра статс-секретаря Екатерины; см.: Грот Я. Жизнь Державина. С. 228.

заглавию оды «Фелица»;⁷⁶ в свою очередь «китайский» автор предстает литературным эквивалентом татарского «мурзы».

Читатель этого стихотворения узнает, что слава Фелицы и слава ее певца гремят даже в далеком Китае. При этом автор неожиданно считает нужным защитить Державина от упрека в «лести»:

Монархам похвалы не редко лесть плетет:
Но если с их певцем согласен целый свет,
И их дела твердит со чувством удивления,
Достойны те цари любви и почтения.

(Соб. V, 5)

Подобное читаем в поэтическом послании Козодавлева «К другу моему» (Соб. VII, 40—47). Стихотворение написано одическими строфами. Его главной темой являются любовные чувства лирического субъекта. Однако в первых строфах он говорит об ином — о своем отношении к панегирической поэзии. По-видимому, автор этого стихотворения вмешивается таким образом в злободневный тогда спор на эту тему. При этом его интересует вопрос, который мы уже затронули в связи с державинским письмом 1786 г. Дашковой — вопрос о поэтическом «сервизлизме»:

Я в песнях не люблю хвалами
Вельможей пышных забавлять,
Чтоб слух их щекотать стихами,
На лире не могу бряцать;
Делами же вельможей славных,
И добродетельми похвальных,
Хвалить мне право нужды нет;
Их добрые дела хвалюю,
Как слава звучною трубою,
Гремят во весь известный свет.

(Соб. VII, 41)

Лирический субъект выражает здесь отрицательное отношение к панегирической поэзии, однако это относится только к похвале «вельмож», а не императрицы. Во второй строфе он превозносит оду «Фелица», неожиданно подчеркивая при этом любовь Державина к «истинне» <!> и отсутствие лести. С точки зрения автора, именно это объясняет умиленное воздействие

⁷⁶ «Ода к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице, писанная некоторым татарским мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санктпетербурге. Переведена с арабского языка 1782» (I, 91).

державинской оды на читателей — мысль, которая нам также известна из письма Державина 1786 г.:

Мурза в стихах своих к Фелице
Одну лишь истинну писал,
Не льстя премудрой сей Царице,
Что сделала она, сказал —
И звуки правды раздался,
И нежны слезы полилися
У всех из радостных очей.
Стихи лишь истинной пленяют
И наши души восхищают
Неложной повестью своей.

(Соб. VII, 40)

В дальнейшем лирический субъект дает нам понять, что он бы хотел подражать Мурзе и сочинить похвальную песнь Фелице. Однако он должен признаться в том, что у него на это не хватает поэтических способностей. Затем он обращается к главной теме послания, говоря о делах своего сердца.

Тема панегирической верности истине возникает, пусть только мимоходом, также в эпистоле Княжнина к Дашковой — здесь речь идет о гипотетическом поэте, стихотворение которого в честь Екатерины не состояло бы из одических штампов. Такое стихотворение шло бы из «сердца» и было бы «наполнено правдой, не мечтой» (Соб. XI, 7). Этот мотив встречается также у В. М. Жукова (1764—1799),⁷⁷ еще одного автора «Собеседника», в его «Сонете к сочинителю оды к Киргиз-Кайсацкой Царевне» (Соб. III, 46). В первых двух строфах автор восхваляет Мурзу за отличное знание русского языка, за наглядное изображение добродетелей Фелицы и не менее удачную картину пороков вельмож. В следующей, третьей, строфе он говорит о любви Мурзы к истине и чистоте его побуждений:

Не лесь твоим языком управляет,
И так же не корысть твое перо ведет,
Фелицын весь народ и сам то ощущает.

В заключительной, четвертой, строфе речь идет о благодарности русских подданных, обязанных своим «блаженством» Фелице.

У читателей оды «Фелица» выражается новое для России требование истины и искренности, обращенное к панегирическому

⁷⁷ О нем см.: Степанов В. П. Жуков В. М. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 : (А—И). С. 316—317.

поэту. У одного анонимного автора «Собеседника» это требование повлияло на проблематику собственного творчества (мы видели соответствующие уверения в одах Державина). Речь идет о стихотворном послании «Ея Величеству Великой государыне Екатерине Второй Императрице и Самодержице всероссийской»; лирический субъект начинает свое панегирическое стихотворение с обращения к монархине:

Престола красота, утеха смертных рода,
Блаженство Твоего любимаго народа
<...>
Позволь мне песнь мою повергнуть пред Тобюю;
Великих дел Твоих я восхищен красою.
Се жертва пред Тобой усердия горит!
Что сердце чувствует, о том и стих гласит;
Язык мой лести чужд, и лесть я чту изменой.
Блаженною прельщен отечества пременой,
Я истину пишу, любя ея закон;
Без истинны <!> хвала, пустой лишь речи звон.
<...>.

(Соб. X, 6)

З а к л ю ч е н и е: к р и з и с п а н е г и р и ч е с к о й п о э з и и

Подведем итоги экскурса о «Собеседнике». Одна из точек соприкосновения, существующих между этим журналом и письмом Державина 1786 г. к Дашковой, заключается в нелюбви к знатным бюрократам, которые не одобряют поэтическую деятельность подчиненных им чиновников-литераторов. «Собеседник» при этом был платформой для кампании против этих «знаменитых невежд»; в этой кампании участвовали Фонвизин, Козодавлев и Княжнин. Она велась под покровительством княгини Дашковой, издательницы журнала, и, по-видимому, Екатерины. Своей полемикой Фонвизин и Козодавлев публично продемонстрировали солидарность с Державиным и, возможно, также с другими «российскими писателями», то есть чиновниками, которые занимались поэзией в свободное от службы время. В случае Княжнина дело обстоит несколько сложнее. Его полемика против «невежества» должна дискредитировать тех государственных деятелей, которые не одобряли основание Российской академии, в задачи которой входило усовершенствование русского языка и литературы. Поэтому неудивительно, что Княжнин в этой связи считает также нужным защищать поэзию.

Княжнин не единственный из авторов «Собеседника», пытавшихся оправдать занятия поэзией. При этом имеется в виду именно панегирическая поэзия, в том числе и державинская (значительная часть релевантных текстов «Собеседника» восхваляет Державина, создателя оды «Фелица»). Главным аргументом этих апологетов является «польза» панегирической поэзии, причем Козодавлев и Княжнин говорят о политической пользе: превозносы монарха, поэт играет существенную роль в его официальном культе.

Богданович, напротив, утверждает не политическую, а нравственную пользу панегирической поэзии, что его сближает с Державиным: главной темой панегирического поэта является добродетель адресата, что в свою очередь служит морализаторским целям. Кроме того, Богданович защищает панегиристов против обвинения в «лести», конкретно имея в виду «Господина Ломоносова». Другие авторы восхваляют «Фелицу» Державина за «истину» и отсутствие той же «лести».

* * *

Итак, Державин был не единственным среди современников, кто дорожил панегирической правдивостью и искренностью. Это имеет большое значение для истории русской литературы XVIII в., в частности для торжественной оды, ее главного поэтического жанра. Дело в том, что новые для русской литературы нормы «истины» и «искренности», выдвигаемые авторами «Собеседника», могли быть использованы в полемических целях, как показывает пример Державина, подвергавшегося обвинению в «лести» и «чрезвычайном ласкательстве». Это значит в свою очередь, что с начала 1780-х гг. не только Державину, но каждому, кто собирался писать стихи в честь монарха, приходилось считаться с возможными сомнениями в бескорыстии своих побуждений. Поэтому думаю, что закат торжественной оды в России объясняется в первую очередь не эстетическими факторами, а новым пониманием соотношения поэзии и личных убеждений и эмоций. Перед нами кризис панегирической поэзии, который впоследствии углубился — по мере того как русский монарх постепенно утрачивал свой сакральный авторитет под влиянием идей Просвещения.

А. А. КОЙТЕН, Е. Е. ЗЕМСКОВА

ФИЛАНТРОПИСТ И «ФЕЛИЦА»

(Историческое пояснение к неизвестному немецкому переводу державинской оды в учебной книге К. Г. Вольке, 1785)¹

При жизни Державина, как известно, целый ряд его произведений был переведен на немецкий язык.² Многие из этих переводов создавались в Петербурге немцами, принимавшими непосредственное участие в интеллектуальной жизни российской столицы. Таков по своему происхождению и текст, до сих пор считавшийся первым переводом из Державина не только на немецкий, но и на иностранные языки вообще — перевод «Видения Мурзы», напечатанный в 1792 г. в Петербурге Августом фон Коцебу, в то время чиновником на российской службе, а также автором драм, пользовавшихся значительным успехом на многих европейских сценах.³

¹ Авторы выражают глубокую признательность фонду Gerda Henkel Stiftung (проект Nachlass Christian Heinrich Wolkes, AZ 42/V/07), при поддержке которого была подготовлена данная статья.

² Основной массив этих переводов зафиксирован в составленном в 1863 г. М. А. Корфом и опубликованном Я. Гротом «Указателе переводов из Державина на иностранные языки». См.: *Державин Г. Р. Собрание сочинений <...> с объяснительными примечаниями Я. Грота*: В 9 т. СПб., 1864—1883. Т. 9. С. 512—538. Ряд дополнительных данных приведен в: *Исаков С. Г. Материалы по русской литературе и культуре на страницах немецкой прибалтийской печати начала XIX века*: (Обзор) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1966. Вып. 184. С. 186; *Reißner E. Deutschland und die russische Literatur 1800—1848*. Berlin [Ost], 1970. S. 351—352; *Данилевский П. Ю. Немецкие журналы Петербурга в 1770—1810-х гг.*: (Характеристика литературных позиций) // Русские источники для истории зарубежных литератур. Л., 1980. С. 90.

³ Видение Мурзы. *Der Traum des Mursa. Aus dem Russischen des Herrn von Derschawin übersetzt von A. v. Kotzebue*. St. Petersburg / Gedruckt bey J. K. Schnoor, 1792. Коцебу, чья творческая и служебная деятельность в разные периоды жиз-

Между тем за несколько лет до того, как к державинской поэзии обратился Коцебу, в учебной книге, под названием «Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken», изданной в 1785 г. другим петербургским немцем, педагогом-филантропистом Кристианом Генрихом Вольке, уже можно было прочесть перевод державинской «Фелицы». Очевидно, именно этот текст и следует считать наиболее ранним переводом из Державина.

Новонайденный перевод «Фелицы», появившийся спустя два года после того, как ода стала известной в петербургских кругах и в одночасье прославила ее автора, представляет собой интерес, безусловно, прежде всего в качестве библиографической находки. Это — новый источник, пополняющий наши сведения и представления о прижизненных переводах произведений Державина, поэтому, кажется, в этом месте мы вполне могли бы закончить вступление и начать говорить о самом переводе. Традиционный для сравнительно-исторического литературоведения подход к переводам русской классики на европейские языки направляет нас здесь по проторенному пути: вначале исследователь обращается к обстоятельствам выхода перевода в свет, приводит сведения о переводчике, а затем сопоставляет перевод с оригиналом, выявляя стилистические особенности переводного текста. Аналогичным образом этот подход функционирует, разумеется, и в обратную сторону — при описании переводов с европейских языков на русский.

При ближайшем рассмотрении перевода, ставшего поводом для написания этой статьи, довольно скоро, однако, становится ясно, что немецкий текст Вольке ни в коей мере неспособен удовлетворить эстетическое читательское ожидание от перевода одной из вершин русской поэзии. Наш переводчик ничего не сообщает об авторе оды, делает существенные выпуски из текста и, главное, совершенно не заботится о передаче образной системы, стиля и стихотворной формы оригинала. Поэтическое новаторство Державина, которое уже чутко уловили его современники, Вольке как будто совершенно не заинтересовало.

Значит ли это, что первый немецкий перевод «Фелицы» — это всего лишь пример неадекватного восприятия шедевра русской поэзии, а переводчик выразил в своем тексте вместо неповто-

ни протекала между Ревелем, Петербургом, Веной, Берлином и Кенигсбергом, был также автором отдельно опубликованного перевода «Изображения Фелицы», а в 1793 г. выпустил целый сборник стихотворений Державина в переводе на немецкий язык. См.: *Felizens Bild. Aus dem Russischen des Herrn Gawrilo Romanowitsch v[on] Derschawin übersetzt von A. v. Kotzebue. Reval / Gedruckt bey Iversen und Fehmer 1792; Gedichte des Herrn Staatsraths von Derschawin. Aus dem Russischen übersetzt von A. v. Kotzebue. Leipzig: Bey Paul Gotthelf Kummer, 1793.*

римого своеобразия державинского стиля лишь собственную некомпетентность? Чем тогда вообще может быть мотивировано подробное рассмотрение перевода, главной характеристикой которого является крайне небрежное отношение переводчика к оригиналу? То есть: стоит ли писать историю плохого перевода, оправдываясь лишь тем, что этот перевод был первым?

Ответы на эти вопросы требуют прежде всего уяснения той категориальной системы, в которой мы собираемся рассматривать перевод «Фелицы». Нам представляется, что текст Вольке отнюдь не случайно сопротивляется исследовательской установке рассматривать его в качестве свидетельства интереса немцев к шедеврам русской поэзии XVIII в.

В возникшем в 30-е гг. XX в. и позднее программно разрабатывавшемся славистами ГДР историко-литературном нарративе о раннем знакомстве с русской литературой за рубежом⁴ центральное место традиционно занимал документализм. Главной задачей исследователя было выявление как можно большего числа зарубежных откликов об успехах становления русской литературы, а также библиографирование переводов произведений русских писателей на иностранные языки. То, что многие из этих исследований несомненно были инспирированы идеологическими установками, существенной роли в данном случае не играет: легитимность такого подхода в его фактографическом аспекте не вызывает сомнений. Тем не менее у него есть свои границы. Они становятся ощутимыми тогда, когда мы осознаем тот факт, что в процессе собирания источников по истории раннего восприятия русской литературы за рубежом переводы русских текстов неизменно «прикрепляются» к оригиналу, то есть в историко-литературной иерархии они приобретают свое место *под* соответствующим национальным автором, тем самым перевод (как один

⁴ См., напр.: Берков П. Н. 1) Изучение русской литературы иностранцами в XVIII в. // Язык и литература. Л., 1930. Т. 5. С. 87—136; 2) Изучение русской литературы во Франции : Библиографические материалы : Обзор // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33—34. С. 721—768; Boehme E., Luther A. Frühe deutsche Übersetzungen aus dem Russischen // Philobiblon. 1933. Bd. 6. S. 277—370; Reißner E. Deutschland und die russische Literatur 1800—1848; Grasshoff H. Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung : Die Propagierung russischer Literatur im 18. Jahrhundert durch deutsche Schriftsteller und Publizisten. Berlin [Ost], 1973. Значительный массив отдельных статей по этой тематике учтен в библиографии: West-östliche Spiegelungen: Russen und Rußland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis zum 20. Jahrhundert (=Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbilder). Reihe A: 5 Bde. und Reihe B: 4 Bde. München, 1985—2006. Reihe A: Russen und Rußland aus deutscher Sicht. Bd. 2. S. 892—893, 900—903.

из источников рецепции) неизбежно рассматривается в рамках истории восприятия русского автора в чужой культуре. В этой системе координат, если мы не захотим ограничиваться только библиографированием и обратимся к самим переводам, нам неминуемо придется оценивать их по отношению к оригиналу.

Исследований рецепции «вглубь», а не «вширь» требовал в свое время восточнонемецкий славист Эберхард Райсснер,⁵ но в отношении XVIII в. выполнить это требование тогда, похоже, было малореально. Начав анализировать ранние переводы с русского, слависты вряд ли смогли бы обойти стороной момент «неадекватности» многих текстов — пафос открытия русской поэзии, традиционно имплицированный в этом дискурсе, оказался бы явно неуместным. Неудивительно поэтому, что свободный от идеологического давления швейцарский ученый Ф. Келлер признал в свое время переводы державинских од, выполненные упомянутым выше Августом фон Коцебу, «весьма неудовлетворительными».⁶ С подобных же позиций одна из авторов этих строк показала в свое время тривиализацию оригинала на примере немецких переводов «Бедной Лизы» Карамзина и увидела в этой тривиализации причину холодного восприятия повести в Германии.⁷

При рассмотрении ранних переводов в качестве свидетельств рецепции русского автора в инациональной культуре не менее проблематична, кроме того, и другая, казалось бы, столь правомерная посылка сравнительно-исторического метода — идентификация национальной культуры по языку. Внимательный взгляд на тексты подводит нас к выводу о том, что в XVIII в. язык перевода отнюдь не подразумевал автоматической адресации текста читателю, смотрящего на этот перевод, так сказать, из чужой национальной литературы. Так, например, мы хорошо знаем, что целый ряд немецкоязычных переводов, подобно учебной книге Вольке, был опубликован в России, а ряд франкоязычных — в Германии, где культурное пространство вовсе не представляло собой сумму отдельных, замкнутых в себе моноязычных сегментов.

Размышляя о сравнительно-историческом подходе к переводной литературе, можно заметить, что читательская неудовлетворенность от «небрежных» переводов классических оригиналов

⁵ См.: *Reißner E.* Die Forschung auf dem Gebiet der Rezeption russischen Literaturgutes in Deutschland, ihre Problematik, ihre Methodik und ihre Aufgaben // *Zeitschrift für Slawistik.* 1963. Bd. 8. S. 24—45.

⁶ *Keller F.* August von Kotzebues Deržavin-Ausgabe von 1793 // *Zeitschrift für Slavische Philologie.* 1983. Bd. 43. S. 384.

⁷ *Койтен А. А.* К истории немецкой рецепции Карамзина // *Arbor Mundi.* Мировое древо. 2002. Т. 9. С. 100—108.

возникает из необходимости описывать литературные пространства в категориях истории национальной литературы. Несмотря на массивную и ведущуюся в течение ряда десятилетий с разных сторон критику этого — сегодня несомненно уже явственно осознанного в своем историческом измерении — конструкта, мы все еще склонны считать скорее «естественной» установку переводчика знакомить читателя со своеобразием чужих национальных пантеонов и поэтому слишком часто готовы оценивать переводы в зависимости от того, насколько удачно это своеобразие передано в переводе.

Происхождение этой установки в общем ясно — она набирает силу в XIX в. одновременно с самой наукой о литературе и опирается на крайне важное для романтического мировоззрения представление об оригинальном тексте как о проявлении национального духа, обладающего вневременной эстетической ценностью, не только не связанной с прагматикой публикации или просвещения читателя, но и часто ей противоположной. В переводческой культуре это представление закрепляется в новом отношении переводчика к переводимому тексту, удачно определенное А. Польгерманном как «открытие оригинала».⁸ Речь идет о восприятии текста как индивидуального высказывания автора, так называемом «понимающем» чтении этого высказывания и о переводе этого понимания на другой язык. Внутри «эстетического дискурса», который, по мнению того же исследователя, начинает развиваться уже в XVIII в., литература уже непосредственно не служит ни общественным, ни политическим целям и обращена не к определенной читательской публике, а к некоему эстетически культивированному читателю.⁹

Самыми авторитетными и влиятельными манифестациями «понимающего чтения» остаются и на сегодняшний день берлинская лекция Шлейермахера «О разных способах перевода» (1813), а также авторские пояснения Гете к его «Западно-восточному дивану» (1819). Апелляция исследователей к этим двум источникам обычно сопровождается цитированием пассажей о «переводе, который <переводчик> стремится сделать идентичным оригиналу, так чтобы первый не заменил собой последний, но мог быть поставлен на его место»¹⁰ или об идеальном переводе, работая над которым переводчик «оставляет автора в покое

⁸ Poltermann A. Die Erfindung des Originals : Zur Geschichte der Übersetzungskonzeptionen in Deutschland im 18. Jahrhundert // Die literarische Übersetzung: Fallstudien zu ihrer Kulturgeschichte. Berlin, 1987. S. 14—52.

⁹ Ibid. S. 15.

¹⁰ Goethe J. W. Berliner Ausgabe. 22 Bde. + 1 Suppl.-Bd. Berlin [u. a.], 1965—1978. Bd. 3. S. 308.

и продвигает читателей к оригиналу».¹¹ Суждения того же Гете о других видах перевода, рассматривавшихся им как исторически легитимные и для своего времени целесообразные (как, например, переводы шекспировских драм Виландом), известны куда меньше. Внимание исследователей сегодня, как и прежде, в подавляющем большинстве случаев сосредоточено на изучении «понимающих переводов так называемых оригинальных творений»¹² (и именно эти тексты формируют наше читательское представление о переводе как таковом), в то время как другие исторические формы переводческой практики, как и самая историческая обусловленность «понимающего чтения», упускаются из виду.

В отношении XVIII в. романтический или, точнее, приспособленный к написанию историй национальных литератур подход к переводной литературе не может не оказаться тупиковым, поскольку бóльшую часть ее истории (при том, что переводные тексты играли огромную роль в эту эпоху!) он превращает в исчисление посредственных, незрелых переводов, выполненных переводчиками, невнимательно относившимися к оригиналу и не умевшими передать его неповторимое своеобразие, а кроме того, слишком часто переводившими «незначительных» авторов. В рамках такой историко-литературной конструкции невнимание и ученичество прощаются — и то не всегда — лишь тому, кто сам принадлежит к пантеону, то есть в том случае, когда «великих» переводят «великие».

Доромантическое мировоззрение в широком смысле не оперирует понятиями литературного канона, гения создателя, целостности текста или авторского права. Однако в культурной практике Просвещения весь массив «неадекватных» и/или «незначительных» переводных текстов документирует далеко не только первые пробные шаги незрелых литераторов, не умевших сделать лучше или не знавших, кого надо переводить. Просветительские переводы были ориентированы не на передачу индивидуального стиля автора, а на воспроизведение общезначимого «разумного» содержания переводимого текста и на потребности определенных социальных групп читателей.¹³ Для тиражирования идей и знаний порой были необходимы именно переводы, пренебрегавшие формой оригинала, отчуждавшие его от автора,

¹¹ *Schleiermacher F. D. E.* Kritische Gesamtausgabe. Berlin [u. a.], 1980 (продолжается). Abt. 1. Bd. 11. S. 74.

¹² *Poltermann A.* Die Erfindung des Originals.

¹³ См. обзор теорий перевода, опубликованных в XVIII в. на немецком языке: *Senger A.* Deutsche Übersetzungstheorie im 18. Jahrhundert. Bonn, 1971. S. 38—41, 48—49, 58—59; а также: *Koponik I.* Lesebilder in französischen und deutschen Übersetzungskonzeptionen des 18. Jahrhunderts. Tübingen, 1997.

воспринимавшие текст через призму других языков и/или интерпретаторов, а также в поисках «полезных» и «верных» идей исправлявшие и обрабатывавшие переводимый источник.

Стоит напомнить, что в контексте русской переводной литературы XVIII в. специфика различных типов переводов уже не раз становилась предметом исследования. «Классицистское» отношение к переводу как к попытке воплотить лежащий вне текста оригинала идеал было описано еще Г. А. Гуковским.¹⁴ Позднее вопрос о специфике русского литературного перевода в XVIII в. подробно рассматривался в работах Ю. Д. Левина,¹⁵ В. Д. Рака,¹⁶ а также разрабатывался в ряде статей, посвященных переводным источникам конкретных русских изданий.¹⁷ Исследователи неоднократно подчеркивали ту огромную роль, которую играла переводная литература в культурных процессах, происходивших в России XVIII в., а также тот факт, что оценка этой роли невозможна вне изучения читательского восприятия переводов, то есть понимания того, какие эстетические и прагматические задачи переводчик решал в процессе своей работы. Этот подход был довольно последовательно реализован в «Истории переводной литературы», охватившей период от истоков до конца XVIII в., где авторы сочли нецелесообразным подразделять переводы соответственно национальной принадлежности переводимых оригиналов (!), а при определении значения переводов стремились учитывать «не столько место соответствующих произведений в их национальной литературе, сколько восприятие переводов русскими читателями».¹⁸

¹⁴ См.: *Гуковский Г. А.* К вопросу о русском классицизме : (Состязания и переводы) [впервые: в 1928 г.] // *Гуковский Г. А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 251—276.

¹⁵ См.: *Левин Ю. Д.* 1) Об исторической эволюции принципов перевода : (К истории переводческой мысли в России) // *Международные связи русской литературы.* М.; Л., 1963. С. 5—63; 2) В. А. Жуковский и проблема переводной поэзии // *Левин Ю. Д.* Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 8—25; 3) *Восприятие английской литературы в России : Исследования и материалы.* Л., 1990.

¹⁶ См.: *Рак В. Д.* Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. СПб., 1998.

¹⁷ См., напр.: *Кочеткова Н. Д.* 1) И. Г. Рахманинов — переводчик немецких поэтов и творчество молодого Крылова // XVIII век. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Сб. 10. Л., 1975. С. 251—257; 2) Немецкие писатели в журнале Н. И. Новикова «Утренний свет» // XVIII век : Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. Сб. 11. С. 113—124; *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984.

¹⁸ *История русской переводной художественной литературы : Древняя Русь. XVIII век: В 2 т.* СПб.; Köln; Weimar; Wien, 1995—1996. Т. 1. С. 12, 15.

Подчеркнем, однако, следующее: русская переводная литература XVIII в. в целом вряд ли может быть рассмотрена в качестве исключения на фоне европейской просветительской переводческой традиции. У нас есть серьезные основания говорить о том, что, несмотря на всю специфичность российского Просвещения, характер переводческой практики в России определяла далеко не только лишь «необходимость догнать в своем развитии передовые европейские литературы, встать с ними наравне» путем «активного усвоения их достижений <...> творческого пересоздания их на русской почве».¹⁹ Этот характер был обусловлен прежде всего переводческой практикой тех культурных сообществ, «достижения» которых осваивались в России. В исследованиях по истории европейской переводческой традиции также отмечается культурная обусловленность просветительских переводов, их роль в возникновении новых культурных парадигм, в связи с чем подчеркивается необходимость рассматривать переводы как тексты *sui generis* и описывать их не в отношении к оригиналу, а в отношении к другим текстам собственной культуры.²⁰ Речь идет, таким образом, об одной из общих составляющих просветительской парадигмы, вот почему все сказанное выше имеет непосредственное отношение и к ранним переводам с русского.

Переводы XVIII в. в качестве источников рецепции национальных авторов требуют учета многих дополнительных факторов, а библиографирование ранних переводов этих авторов несомненно требует рефлексии научного инструментария. При этом мы вовсе не намерены отрицать возможность восприятия переводов (при наличии соответствующей интенции) в качестве фактов рецепции национальных авторов, но во многих случаях у переводных текстов XVIII в. есть и другие культурные функции, выявить которые можно только тогда, когда мы освободим перевод от оригинала.

У первого перевода «Фелицы» похоже нет своей отдельной истории. В этой связи вполне симптоматично, что перевод был

¹⁹ Левин Ю. Д. В. А. Жуковский и проблема переводной поэзии. С. 10; История русской переводной художественной литературы. Т. 1. С. 13.

²⁰ Обобщающую характеристику исследовательских направлений, работавших начиная с 1970-х гг. с концепцией перевода как самостоятельного текста, наделенного специфическими историко-культурными функциями, см.: Greiner N. *Übersetzung und Literaturwissenschaft (Grundlagen der Übersetzungsforschung. Bd. 1)*. Tübingen, 2004. S. 54—65. Здесь же автор «проверяет» эту концепцию на двух репрезентативных примерах, показывая соответственно «культурную обусловленность» и «культурно-созидательную» роль немецких переводов английских комедий и трагедий в XVIII в. (S. 65—100).

обнаружен нами случайно, в том смысле, что эта находка никак не была и не могла быть связана с разысканиями по теме «немецкие переводы Державина». Исследование учебных книг Вольке было предпринято с целью изучения филантропической педагогики в России. Кроме того, сам факт помещения перевода «Фелицы» в учебной книге заставляет предположить, что переводчик обратился к тексту оды отнюдь не оттого, что пленился красотой и выразительностью державинской поэтической речи.

С другой стороны — если перевод Вольке не размещать «под сенью Державина», то есть сосредоточить внимание только на учебной книге, как тогда сделать явственным (находимым) присутствие перевода в культурной истории? Останемся реалистами: пока историко-литературное решение этой проблемы вряд ли может быть лишь своего рода балансом — балансом между тем, что задано традиционным дискурсом, и материалом, который в него не вмещается.

Мы сочли необходимым поставить в центр повествования не перевод державинской оды, а книгу Вольке, но одновременно задаться и вопросом о логике трансформации и функционирования актуальной придворной оды в учебнике для приобретения начальных знаний. На примере первого перевода «Фелицы» мы хотели бы показать, что у «неадекватного» перевода в XVIII в. есть функции, которые не только оправдывают его существование в культурной истории, но и легитимизируют его освобождение от оригинала.

Филантропист

Комментарии к неизученной теме

Кристиан Генрих Вольке (Christian Heinrich (в другом варианте: Hinrich) Wolke, 1741—1825), педагог и соучредитель «Филантропина» — учебно-воспитательного заведения нового типа, основанного в Дессау в 1774 г., — был одним из тех деятельных представителей эпохи Просвещения, которые не только рефлексировали интеллектуальные устремления своего времени, но и занимались непосредственным претворением многих из них в жизнь — в практику образования и воспитания просвещенного человека. На фоне педагогической практики сформировались и лингвистические интересы Вольке: в течение ряда лет он работал над созданием общепонятного (знакового) письменного языка, испытывал возможности его механической передачи на расстоянии (то есть использования в оптической телеграфии),

обучал глухонемых языку, применяя гальванический ток, а также разрабатывал новую немецкую орфографию.

Несмотря на более или менее регулярное упоминание имени Вольке в работах и энциклопедиях по истории педагогики, а также, более узко, в литературе, посвященной филантропистам,²¹ всестороннее и внимательное исследование его деятельности еще только предстоит.²² С одной стороны, до сих пор остается недостаточно изученным обширный архив Вольке, хранящийся в Дрездене, в собрании рукописей Саксонской земельной библиотеки.²³ С другой стороны, Вольке, приехавший в Петербург в 1784 г. из Дессау и живший в России до 1801 г., оказался впоследствии — и это, к сожалению, не редкость для представителей XVIII в. — между двумя национальными историографиями, поэтому немецкие и российские исследователи освещали педагогическую деятельность Вольке пока в основном отдельно друг от друга. Изданные в Петербурге и давно уже зафиксированные в российских библиографиях книги Вольке продолжают оставаться неизвестными немецким исследователям, занимающимся историей педагогики,²⁴ а в российских публикациях не учтен

²¹ См., напр.: *Pinloche A. Geschichte des Philanthropinismus.* Leipzig, 1896; *Schröder K. Biographisches und bibliographisches Lexikon der Fremdsprachenlehrer des deutschsprachigen Raumes: Spätmittelalter bis 1800.* 6 Bde. Augsburg, 1987—1999. Bd. 4. S. 301—310; *Lempa H. Bildung der Triebe: Der deutsche Philanthropismus.* Turku, 1993. Из недавних работ см. прежде всего книгу Ханно Шмитта, подведшую итог многолетним исследованиям автора по истории немецкого филантропизма: *Schmitt H. Vernunft und Menschlichkeit : Studien zur philanthropischen Erziehungsbewegung.* Bad Heilbrunn, 2007, а также обзорно-реферативную публикацию: *Hinrichs F. T. Christian Hinrich Wolke (1741—1825) : Zum 250. Geburtstag eines Pädagogen und Sprachtheoretikers aus Jever // Oldenburger Jahrbuch.* 1992. Bd. 92. S. 99—121.

²² Единственное опубликованное на сей день монографическое исследование о Вольке своим названием («Кристиан Генрих Вольке — педагог эпохи Просвещения») будит, к сожалению, напрасные ожидания. На самом деле это не что иное, как хаотическая эссе-компиляция, не обладающая, несмотря на привлеченные архивные материалы, научной релевантностью. См.: *Wolf U. Christian Heinrich Wolke: Ein Pädagoge der Aufklärungszeit.* Dessau, 2004. Мы не сочли целесообразным учитывать эту публикацию в нашей работе.

²³ Sächsische Landesbibliothek — Staats- und Universitätsbibliothek Dresden (далее: SLUB Dresden). Handschriftensammlung. Nachlass Christian Heinrich Wolke. Mscr. Dresd. e 166.

²⁴ Ср., напр., современную библиографию трудов Вольке в: *Topsch W. Christian Hinrich Wolke: Bibliographie seiner selbständigen Werke // Oldenburger Jahrbuch.* 1992. Bd. 92. S. 123—127; где целый ряд петербургских публикаций педагога дан с вопросительным знаком, хотя они без труда отыскиваются на позицию Wolke/Вольке соответственно в «Сводном каталоге книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701—1800» (Л., 1986. Т. 3) и в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800» (М., 1963. Т. 1).

целый ряд фактов, реконструированных несколько десятилетий назад на основании материалов дрезденского архива Вольке. Так, в статье О. Н. Блескиной, обратившейся к петербургскому периоду жизни Вольке,²⁵ сведения о пребывании педагога в российской столице заимствуются из старой биографии, написанной сразу после смерти Вольке И. П. Хассельбахом — человеком, лично Вольке не знавшим, но пользовавшимся, как он сам признается, поддержкой друзей педагога, предоставивших в распоряжение биографа какие-то бумаги покойного.²⁶ Хассельбах посвятил пребыванию Вольке в Петербурге всего несколько страниц своей книги, воспользовавшись, судя по многочисленным дословным совпадениям, во-первых, сохранившимся в бумагах Вольке автобиографическим наброском, датированным апрелем 1799 г.,²⁷ а во-вторых, опубликованным фрагментом из задуманной Вольке уже в 1820-х гг., но так и несостоявшейся его автобиографии.²⁸ Очевидно, Хассельбах консультировал также ряд авторских послесловий к изданиям Вольке 1785—1814 гг.²⁹

Между тем в 1960-е гг. петербургским периодом Вольке много занимался восточногерманский историк Георг Опиц, писавший о русско-немецких контактах. Исследователь работал с дрезден-

²⁵ Блескина О. Н. Х. Г. Вольке в Петербурге // Немцы и развитие образования в России. СПб., 1998. С. 28—35. Отдельное внимание заслуживает описанный в этой же статье рукописный альбом Вольке с видами Петербурга и его окрестностей и авторскими подписями к ним. Как указывает исследовательница, рукопись «Ansichten von Petersburg und Umgebung», датированная 1785—1786 гг., поступила в БАН из собрания С. А. Клепикова в 1977 г. (см. также: Рукописная иллюстрированная книга Библиотеки АН СССР : Каталог выставки иллюстрированных рукописей XI—XIX вв., написанных латинским алфавитом. Л., 1991. С. 40—41).

²⁶ *Hasselbach J. P. Lebensgeschichte des Kaiserlich-Russischen Hofrathes und Professors Christian Hinrich Wolke. Mit Gedichten und Briefen von ihm, und mehreren andern...* Aachen, 1826. На этот же источник опирается автор статьи о Вольке в: *Allgemeine deutsche Biographie*. 56 Bde. Leipzig, 1875—1912. Bd. 44. S. 134—136.

²⁷ SLUB Dresden. Handschriftensammlung. Nachlass Wolke. Mscr. Dresd. e 166, 8. Bl. 108—109 v.

²⁸ См.: *Allgemeine Schulzeitung: Ein Archiv für die neueste Geschichte des gesammten Schul-, Erziehungs- und Unterrichtswesens der Universitäten, Gymnasien, Volksschulen und aller höheren und niederen Lehranstalten*. Darmstadt, 1825. H. 111. Sp. 885—887; *Ibid.* H. 22, 31. Sp. 176, 243—247.

²⁹ На последние опирался, насколько можно судить, и йенский педагог Г. Грефе в обширном некрологе Вольке (см.: *Gräfe H. Christian Heinrich Wolke // Neuer Nekrolog der Deutschen*. 3. Jg. 1825. Ilmenau, 1827. S. 28—100), опубликованном практически одновременно с книгой Хассельбаха. Однако текст Грефе, в петербургской части даже более точный и подробный, чем биография Хассельбаха, и снабженный, кроме того, обширной библиографией трудов Вольке, был оставлен позднейшими исследователями практически без внимания.

ским архивом Вольке и выявил целый ряд новых фактов. К сожалению, его диссертация,³⁰ одна из глав которой была посвящена педагогу, осталась неопубликованной и ее результаты нашли отражение лишь в двух небольших, фактически забытых сегодня публикациях.³¹

То, что они не упомянуты в статье Блескиной, совсем неудивительно. Оставшиеся вне поля зрения многих исследователей разыскания Опица не смогли рассеять и давно кочующий из работы в работу миф о том, что Вольке приехал в 1784 г. в Петербург по приглашению своей «соотечественницы» Екатерины II, желавшей внедрить филантропическую систему обучения на российской почве.³² Этот миф отражает прежде всего положение дел с историческим изучением восприятия филантропических идей в России³³ и ведет к клубку других неточностей и искажений фактов, касающихся русских контактов основателя филантропической школы в Германии Иоганна Бернгарда Базедова (Johann Bernhard Basedow, 1724—1790), чьим ближайшим сотрудником и соавтором Вольке был начиная с 1770 г.

Затронем несколько существенных для нашего сюжета аспектов, поскольку вне этого контекста невозможно понять ха-

³⁰ *Opitz G.* Die wirtschaftlichen und kulturellen Beziehungen zwischen Anhalt und Rußland in der Zeit von 1760 bis 1871. Diss. Halle/Saale, 1968 [машинопись]. 2 Bde. [сквозная пагинация]. При подготовке статьи использовался экземпляр рукописи, хранящийся в: SLUB Dresden. Sign.: 43.4°187.

³¹ *Opitz G.* Christian Heinrich Wolke in Rußland und die Wirkungen des Philanthropismus in Rußland // Zwischen Wörlitz und Mosigkau : Schriftenreihe zur Geschichte der Stadt Dessau und Umgebung. H. 1. Dessau, 1969. S. 27—31; *Opitz G.* Die pädagogischen Kontakte zwischen Anhalt-Dessau und Rußland in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Zwischen Wörlitz und Mosigkau : Schriftenreihe zur Geschichte der Stadt Dessau und Umgebung. H. 33. Dessau, 1991. S. 18—45.

³² Ср., напр.: *Боленко К. Г.* Филантропизм и филантрописты в России во второй половине XVIII—первой половине XIX века : (К постановке проблемы) // Немцы и развитие образования в России. СПб., 1998. С. 23; *Блескина О. Н.* Х. Г. Вольке в Петербурге. С. 29 (цитируемый здесь пассаж из книги Вольке неверно толкуется исследовательницей как авторское свидетельство о приглашении педагога в Россию в 1784 г.); *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 783. Другие, более ранние версии этого мифа оспариваются в работах Георга Опица. Ср.: *Opitz G.* 1) Die wirtschaftlichen und kulturellen Beziehungen zwischen Anhalt und Rußland in der Zeit von 1760 bis 1871. Bl. 90—98; 2) Christian Heinrich Wolke in Rußland und die Wirkungen des Philanthropismus in Rußland. S. 27. Отрядным исключением на этом фоне является работа Клауса Шарфа, в которой в значительно более широко исследовательском контексте эпизод пребывания Вольке в России излагается на основании результатов исследований Опица. См.: *Scharf C.* Katharina II. : Deutschland und die Deutschen. Mainz, 1995. S. 137—139.

³³ Первое приближение к этой теме представляет собой публикация: *Боленко К. Г.* Филантропизм и филантрописты в России во второй половине XVIII—первой половине XIX века : (К постановке проблемы).

рактёр деятельности и положение Вольке в Петербурге в 1784—1786 гг.

Темпераментный поборник новых методов воспитания и образования, направленных на гармоничное и многостороннее развитие ребенка — будущего полноценного члена (просвещенного) общества, — Базедов пользовался в 1770-е гг. огромным авторитетом в ученой республике Просвещения, его имя называлось в одном ряду с Локком и Руссо. Программным в обосновании новой педагогической системы был прежде всего труд Базедова «Elementarwerk», вышедший в свет в 1770 г. первым, а в 1774 г. — вторым, значительно переработанным, изданием. Эта книга была одновременно и учебным пособием и инструкцией воспитателям, а по сути — своего рода «микрокосмосом знания»,³⁴ поскольку в ней «элементарно», то есть от простого к сложному, были энциклопедически сведены воедино основные понятия из самых разных областей знания, необходимых просвещенному человеку. В работе над «Elementarwerk» активное участие принимал и Вольке: он составил описания к эстампам, специально изготовленным для книги знаменитым берлинским иллюстратором Даниэлем Ходовецким, и написал целый ряд глав по естествознанию. Позднее непримиримые критики Базедова даже нередко называли Вольке главным автором книги.³⁵

«Elementarwerk» был задуман Базедовым как масштабный культурный проект, успех которого зависел от активной финансовой поддержки приверженцев Просвещения, и привлек пристальное внимание общественности. О проекте узнали в Петербурге, российская императрица была в числе покровителей издания. Об этом свидетельствует прежде всего посвящение к изданию 1774 г., в котором Базедов приносит Екатерине и Павлу благодарность за «поощрение этого труда» («Beförderung dieses Werkes»),³⁶ а также данные из общего списка поощрителей книги, где указаны конкретные суммы, выделенные Екатериной и Павлом на подписку.³⁷ Утверждения же о том, что Екатерина якобы пожертвовала крупную сумму на «Филантропин»³⁸ (основанный

³⁴ Schmitt H. Vernunft und Menschlichkeit : Studien zur philanthropischen Erziehungsbewegung. S. 245.

³⁵ Basedow J. B. Elementarwerk mit den Kupfertafeln Chodowieckis u. a. Kritische Bearbeitung in drei Bänden : Mit Einleitungen, Anmerkungen und Anhängen... Leipzig, 1909. Bd. 1. S. XIX—XX, XXVI—XXVII.

³⁶ Ibid. XXX—XXXI.

³⁷ Ibid. Bd. 2. S. 533.

³⁸ Woltner M. Das wolgadeutsche Bildungswesen und die russische Schulpolitik. Teil 1: Von der Begründung der Wolgakolonien bis zur Einführung des gesetzlichen Schulzwanges. Leipzig, 1937. S. 7; Боленко К. Г. Филантропизм и филантрописты

Базедовым в 1774 г. при поддержке Ангальт-Дессауского князя Леопольда Фридриха Франца), не имеют под собой оснований и возникли явно вследствие неверной интерпретации сведений из списка пренумерантов.

Приобретенные Екатериной и Павлом экземпляры «Elementarwerk» были переданы в различные учебные заведения.³⁹ Тогда же, как указывает Базедов, задумывался и русский перевод его труда,⁴⁰ осуществление которого затянулось на многие годы и который, насколько можно судить, так и не был напечатан.⁴¹ Неосуществленной осталась и идея создания учебного заведения для девочек, которое Базедов из благодарности к российской императрице за поддержку его книги намеревался назвать ее именем. «Catharineum», чей план (вкуче с просьбами о финансовой поддержке) был объявлен публике в 1776 г.,⁴² так и не был основан.

Известно, что в 1770 г., то есть как раз в период работы над «Elementarwerk», Базедов через президента петербургской Академии наук графа В. Г. Орлова приглашался в Петербург в качестве советника по вопросам учебной реформы.⁴³ Несмотря на отказ Базедова приехать, контакт с Петербургом прерван не был: после основания «Филантропина» педагог посылал в 1775—1777 гг. в Академию наук разные тексты с рекламой нового учебного за-

в России во второй половине XVIII—первой половине XIX века : (К постановке проблемы). С. 22.

³⁹ *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках. СПб., 1912. С. 317.

⁴⁰ *Basedow J. B.* Elementarwerk mit den Kupfertafeln Chodowieckis u. a. Bd. 2. S. 533.

⁴¹ Как указал Семенников, сочинение Базедова, озаглавленное по-русски «Книжка для родителей и учителей», числилось в списке переводов, оставшихся в 1783 г. неизданными после упразднения «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». См.: *Семенников В. П.* Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768—1783 гг. СПб., 1913. С. 78. Перевод был осуществлен около 1780 г., и, на наш взгляд, за ним явно стояла первая часть базедовского «Elementarwerk», а именно — «Methodenbuch für Väter und Mütter der Familien und Völker». Семенников указывает также, что «Собранием...» приблизительно в то же время, возможно, было переведено еще одно сочинение Базедова (какое — неизвестно), и здесь, конечно, напрашивается предположение о том, что это могла быть вторая часть «Elementarwerk».

⁴² Von einem Catharineum, oder weiblichen Institute, in Verbindung und Trennung mit dem Philanthropin // Philanthropisches Archiv: Worinn von dem gegenwärtigen Zustande des Dessauischen Educations-Instituts Nachricht gegeben wird. 1776. 2. St. S. 47—50. Указание на этот источник в: *Lempa H.* Bildung der Triebe: Der deutsche Philanthropismus. S. 149.

⁴³ *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках. С. 320—321; *Семенников В. П.* Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. С. 78.

ведения. Концепция «Филантропина» была одобрена Академией наук.⁴⁴ Несомненно, именно на этой волне внимания к филантропизму, также от имени Академии наук, в Россию приглашался и Вольке, имя которого как деятельного сотрудника Базедова и главного организатора учебного процесса в «Филантропине» стало широко известно, особенно после публичного экзамена в мае 1776 г. Однако Вольке, как и Базедов, ответил отказом.⁴⁵

Всего несколько лет спустя интерес к филантропическим программам в России смещается на периферию образовательной деятельности. Причиной этого становится прежде всего масштабная образовательная реформа: с приездом в 1782 г. Янковича де Мириево и основанием Комиссии об учреждении народных училищ в России начинается внедрение так называемой «венской системы» начальных школ. Разворачивается деятельность по изданию новой стандартизированной учебной литературы, подготовке учителей и открытию первых школ в Петербурге.

Насколько можно теперь судить, методы обучения в этих начальных школах заметно отличались от тех, которых придерживались филантрописты. Так, сторонники филантропического воспитания нередко критиковали венскую систему за присущий ей «универсальный школьный деспотизм» и «механистичность», то есть однообразие методов обучения в народных школах.⁴⁶ Однако вряд ли можно говорить о том, что филантропизм как система педагогических воззрений полностью противоречил новому направлению,⁴⁷ — прежде всего потому, что венская система

⁴⁴ *Opitz G.* Die pädagogischen Kontakte zwischen Anhalt-Dessau und Rußland in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. S. 25; *Боленко К. Г.* Филантропизм и филантрописты в России во второй половине XVIII—первой половине XIX века : (К постановке проблемы). С. 23. О «Филантропине» и условиях приема туда детей петербургским читателям сообщало также издание: *St. Petersburgisches Journal.* 1779. Bd. 8. Julius. S. 71—79 (Nachricht von dem philanthropischen Erziehungs=Institut zu Dessau (Auf Verlangen eingerückt)).

⁴⁵ *Opitz G.* Christian Heinrich Wolke in Rußland und die Wirkungen des Philanthropismus in Rußland. S. 29. Источник этих сведений — упоминание в одном из писем Вольке к жене: SLUB Dresden. Handschriftensammlung. Nachlass Christian Heinrich Wolke. Mscr. Dresd. e 166. [Wolkes Briefwechsel mit seiner Frau], без пагинации. Brief Nr. 24 m, без даты. [Bl. 2r.]. По содержанию письмо датируется концом 1784—началом 1785 г.

⁴⁶ Так отзывался о венских школах один из влиятельных рецензионных журналов Просвещения — «Allgemeine deutsche Bibliothek» (1785. Bd. 61. S. 523), издававшийся Фридрихом Николаи. Николаи был деятельным поклонником филантропической системы и издал целый ряд трудов филантропистов. См.: *Schmitt H.* Vernunft und Menschlichkeit : Studien zur philanthropischen Erziehungsbewegung. S. 157—168. В «Allgemeine deutsche Bibliothek» регулярно рецензировались педагогические сочинения, в том числе и книги Вольке.

⁴⁷ В этом плане показательна статья петербургского академика Ф. Эпипуса «Народные школы в России», напечатанная в 1785 г. в известных «Staats-

была нацелена на создание многоступенчатой образовательной структуры, в то время как филантропизм оставался еще в рамках единичных экспериментальных школ, обучение и воспитание которых были целиком замкнуты на отдельных ярких фигурах наставников. Первые попытки образовательных реформ на филантропической основе относятся к более позднему времени. Они были инициированы уже не самим Базедовым, а его последователями.⁴⁸ Влиянием этих последователей, филантропистов нового поколения, объединившихся вокруг Иоахима Генриха Кампе (Joachim Heinrich Campe, 1746—1818) в «Общество практических воспитателей» и работавших над изданием фундаментальной энциклопедии по воспитанию,⁴⁹ исследователи объясняют тот факт, что к середине 1780-х гг. филантропические методы обучения стали постепенно приобретать все большую популярность, в том числе и в Австрии.⁵⁰

Тем не менее в России в 1784 г. привлечь внимание как императрицы, так и ответственных чиновников к филантропическим методам обучения и воспитания было, как мы полагаем, не так просто. Тем более не могло быть речи о приглашении педагога, который занялся бы масштабным внедрением филантропической системы обучения на российской почве. Все образовательное строительство разворачивалось теперь в рамках опробованной

Anzeigen», издававшихся Шлецером. Эпинус был членом Комиссии об учреждении народных училищ и убежденным сторонником реформы, и его статья несомненно была написана с апологетической целью — в ответ на раздававшуюся в немецкой прессе критику австрийской образовательной системы, принятой в России за образец. Между тем, излагая принципы преподавания иностранных языков в новых школах, Эпинус считал целесообразным использование «новых Базедовых элементарных картинок», то есть эстампов, включенных в состав «Elementarwerk». Ср.: *Aepinus F. U. T. Normalschulen in Rußland // Staats-Anzeigen. 1785. Bd. 7. S. 91.* С другой стороны, аббат Фельбигер, непосредственный автор той самой школьной реформы, которая была введена сначала в прусской Силезии (в 1760-е гг.) и позднее (после 1774 г.) в Австрии, был в числе тех, кто оказал поддержку проекту издания «Elementarwerk». См.: *Basedow J. B. Elementarwerk mit den Kupfertafeln Chodowieckis u. a. Bd. 2. S. 534.*

⁴⁸ См.: *Schmitt H. Schulreform im aufgeklärten Absolutismus. Leistungen, Widersprüche und Grenzen philanthropischer Reformpraxis im Herzogtum Braunschweig-Wolfenbüttel. 1785—1790. Weinheim; Basel, 1979; Nieser B. Aufklärung und Bildung : Studien zur Entstehung und gesellschaftlichen Bedeutung von Bildungskonzeptionen in Frankreich und Deutschland im Jahrhundert der Aufklärung. Weinheim, 1992. S. 203—209; Schmitt H. Vernunft und Menschlichkeit : Studien zur philanthropischen Erziehungsbewegung. S. 279—304.*

⁴⁹ Речь идет о вышедшем в 1785—1792 гг. 16-томном издании «Allgemeine Revision des gesamten Schul- und Erziehungswesens von einer Gesellschaft praktischer Erzieher».

⁵⁰ См.: *Lempa H. Bildung der Triebe: Der deutsche Philanthropismus. S. 203—208.*

австрийской системы, в то время как филантропизм продолжал оставаться своего рода неиспользованной опцией, некоей умозрительной идеей, день ото дня все больше утрачивавшей свою актуальность.

«То, что Вы пишете мне о „Филантропине“, не весьма утешительно; я сама отдаю предпочтение [венской] системе начальных школ, которые начинают пользоваться у нас очень хорошей репутацией»,⁵¹ — писала Екатерина 8 мая 1784 г. Гримму в ответ на его отзыв о «Филантропине» как о заведении «задуман[ном] на основании слишком неопределенном, слишком широком и мечтательном, хотя его исполнение, как бы ни было несовершенно, должно произвести несколько благотворных перемен в общем воспитании».⁵²

Убедить императрицу в обратном стоило несомненно немалых усилий. Все эти обстоятельства сыграли важную и во многом решающую роль в истории издания в 1785 г. учебной книги Вольке «Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken».

Вольке в Петербурге

Причиной, побудившей Вольке весной 1784 г. оставить Дессау, стали крупные разногласия с Базедовым. Намереваясь отдохнуть какое-то время от несправедливых упреков и тяжелого нрава столпа филантропизма, педагог воспользовался случаем, чтобы отправиться в качестве сопровождающего одного из своих воспитанников, Эрнста Мантейфеля, в путешествие, проходившее через Копенгаген, Стокгольм, Ригу и Петербург. Как показал Георг Опиц, об этом неопровержимо свидетельствуют письма Вольке к жене, написанные во время путешествия.⁵³ Этот же источник довольно подробно документирует и пребывание Вольке в российской столице, охватывая период с конца сентября 1784 по октябрь 1786 г., то есть, очевидно, вплоть до того момента, когда Софи Вольке с дочерью выехала из Дессау к мужу в Петербург. Письма Вольке раскрывают ряд существенных деталей и в нашем сюжете.

Вскоре по приезде в Петербург Вольке уже писал жене о том, что «многие друзья российского юношества» склоняют

⁵¹ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1878. Т. 23. С. 306. Оригинал по-французски, перевод авторов статьи.

⁵² Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 33. С. 432. Оригинал по-французски, перевод Я. Грота.

⁵³ См.: *Opitz G. Die pädagogischen Kontakte zwischen Anhalt-Dessau und Rußland in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts.* S. 19—21.

его к тому, чтобы отложить на полгода возвращение в Дессау и «с дозволения государыни продемонстрировать свой метод [преподавания]»:

Es sind aber verschiedene Freunde der Russischen Jugend hier, welche wünschen, daß ich dazu kommen möge, mit Gutheißung der Monarchin eine Probe von meiner Methode zu machen. <...> Sie bewegen mich also, daß ich meine Rückreise aufschiebe, von dir, meine liebe gute Sophie, noch einhalb Jahr entfernt bleibe.⁵⁴

Вольке имел в Петербурге весьма влиятельных покровителей — таких, как граф Х. С. Миних,⁵⁵ в семье которого педагог жил в Петербурге, — и они способствовали тому, что «монархиня была уведомлена о пребывании» Вольке в российской столице.⁵⁶ Очевидно, Миних, в непосредственном общении с Вольке составивший благоприятное мнение о талантах педагога, видел для того в Петербурге карьерные перспективы. В петербургских письмах к жене Вольке неоднократно упоминает о приглашении 1776 г.: восемь лет спустя оно питает в педагоге надежду получить новый шанс, добиться успеха.

Вольке знакомится с устройством учебно-воспитательных заведений Петербурга и посещает Сухопутный шляхетный кадетский корпус, Воспитательный дом и Воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт). Первые впечатления Вольке от увиденного проникнуты бурным восторгом:

Hier ist der große Eifer für die Einrichtung der Schul- und Erziehungswesens rege. Kaum kan es auswärtigen Nationen glaublich vorkommen, was die Russische Monarchin unmittelbar dafür thut und welchen Aufwand sie dazu macht. Ich möchte gern schon itzt es in einer Beschreibung allen sagen.⁵⁷

⁵⁴ SLUB Dresden. Handschriftensammlung. Nachlass Christian Heinrich Wolke. Mscr. Dresd. e 166. [Wolkes Briefwechsel mit seiner Frau], без пагинации. Brief Nr. 18 (3/14.10.1784). [Bl. 1r.]. Далее ссылки на этот источник приводятся сокращенно, с указанием номера письма и листов внутри каждого письма. В соответствии с современными эдиционными нормами немецких текстов в цитатах сохранена историческая орфография, а помимо того и индивидуальная орфография Вольке, практиковавшего (хотя и не вполне последовательно) собственное рационализованное написание целого ряда слов. Перевод с немецкого, кроме специально оговоренных случаев, принадлежит авторам статьи.

⁵⁵ Семья воспитанника Вольке Эрнста Мантейфеля была в родстве с Минихами: мать Эрнста, Юлиана-Элеонора Мантейфель, была сестрой графа Христофора Сергеевича Миниха (1747—1824), внука легендарного фельдмаршала.

⁵⁶ Ср. в оригинале: «Diese haben es schon so weit gebracht, daß die Kaiserin von meinem Hierseyn benachrichtigt ist» (Brief Nr. 18. [Bl. 1r.]).

⁵⁷ Ibid. Эта же цитата не совсем точно приведена в: *Opitz G.* 1) Die wirtschaftlichen und kulturellen Beziehungen zwischen Anhalt und Rußland in der Zeit

[В устройении школьного и воспитательного дела здесь царит самое деятельное усердие. Чужестранные народы с трудом могут представить себе то, что российская императрица непосредственно делает в сей области и каких усилий это стоит. Я хотел бы уже теперь всем рассказать об этом в специальном описании.]

Одновременно педагог видит в петербургском проекте возможность добиться наконец признания своих заслуг и взять своего рода реванш за дессауские неурядицы в «Филантропине» — учебном заведении, которому было отдано столько времени и сил:

Ich riskire dabei etwas, aber die Hofnung, aus einem fatalen Zustand zu kommen, verschiedenen meinen Bekanten zu zeigen, daß ich in Dessau nach den Absichten des Fürsten und des Instituts treu, redlich handelte u[nd] aus allen Kräften Gutes zu stiften suchte, u[nd] daß ich noch itzt einer der vorzüglichsten Freunde der Anstalt bin, die ich anfang, und die ich als die meinige ansehen konte, <...> diese Hofnung überwindet alle Bedenklichkeit, da sie verknüpft ist mit Wahrscheinlichkeit, daß ich in dieser Zeit was Gutes stiften werde, daß in dem unermeßlichen Reiche von der ersten Monarchin unserer Zeit weiter verbreitet werden kann.⁵⁸

[При этом я иду на риск, но надежда выйти наконец из моего фатального положения и показать разным моим знакомым, что в Дессау я действовал честно и добросовестно, в интересах князя и института, и что я изо всех сил старался делать только добро, и что я и теперь являюсь одним из искреннейших друзей учреждения, которое я основал и мог считать своим <...> эта надежда преодолевает все сомнения, поскольку она связана с вероятностью того, что за это время мне удастся сделать нечто хорошее, то, что величайшая монархиня нашего времени сможет распространить затем по просторам своей беспредельной империи.]

Особенно по последней процитированной фразе видно, что первоначально Вольке лелеял довольно честолюбивые планы и действительно думал взять на себя роль своего рода инициатора или основоположника новых методов в российской педагогике. 30 лет спустя Вольке писал о том, что намеревался представить план «императорского учебного заведения, назначенного к образованию воспитателей, гофмейстров, домашних учителей для всех семей, каковые в них нуждаются, а также школьных учителей для школ и учебных заведений в больших городах Российской империи».⁵⁹

von 1760 bis 1871. Bl. 100—101; 2) Die pädagogischen Kontakte zwischen Anhalt-Dessau und Rußland in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. S. 23.

⁵⁸ Brief Nr. 18. [Bl. 1r.].

⁵⁹ *Wolke C. H. Alexander dem Ersten — dem Guten, dem mut- und kraftvollen Verteidiger...* [Dresden, 1814], без пагинации. О характере этого редкого источника см. примеч. 105.

Вскоре Вольке уже дает уроки в знатных семействах города, а также в Кадетском корпусе и Воспитательном доме. Шеф Кадетского корпуса граф А. Б. Бальмен намеревается предложить Вольке место директора по учебной части, но пока дело не идет дальше авансов и проектов. Одновременно, связанный обязательствами перед Ангальт-Дессауским князем, Вольке считает себя не вправе принимать подобные решения без высочайшей резолюции и ограничивается пробными занятиями с кадетами.⁶⁰

Вольке демонстрировал свой метод в Петербурге прежде всего на примере обучения иностранным языкам — немецкому и латыни. В основе этого метода лежал принцип «Versinnlichung», под которым понималось делание «ощутимыми», «непосредственно воспринимаемыми» понятий и предметов, то есть передача слова не через слово, а напрямую через представление, минуя перевод. В процессе преподавания Вольке активно пользовался прежде всего наглядными вспомогательными средствами — гравюрами, демонстрационными пособиями, а когда под рукой не было ни тех, ни других, видимо, и специально разработанной системой жестов.⁶¹ В конце декабря 1784 г., очевидно, уже после экзамена

⁶⁰ Так, 27 ноября/7 декабря 1784 г. (Brief Nr. 22 [Bl. 2r.-2v.]) Вольке писал жене: «Nun kann ich dir ferner noch die beruhigende Versicherung geben, daß man mir die Direction des Unterrichts und der Erziehung in einem 6mal größeren Institute als es unsrige ist, geben wollte, ich aber nicht Willens geworden bin, ein Engagement anzunehmen, so lang ich mein Amt in Dessau nicht aufgegeben habe; der Chef des Cadettencorps Sr. Excellenz der Graf v. Balmen hat gegen verschiedene Personen es gesagt, daß er gern es sähe, wenn ich mich zur Uebernahme der Direction verbindlich machen wolte, aber ich wolle nicht wegen der Verbindung, die ich noch in Dessau hätte». [«Теперь я могу дать тебе успокоительное заверение в том, что мне хотели предложить здесь место директора по учебной и воспитательной части в институте, который в 6 раз больше нашего, однако я не шёл для себя возможным принимать какие бы то ни было предложения, пока официально не оставил должность в Дессау; граф Бальмен говорил разным лицам, что он желал бы, чтобы я принял на себя обязанности директора, но что я не могу принять это предложение из-за обязательств, связывающих меня в Дессау».] Значительное время спустя, после получения резолюции князя из Дессау, Вольке в датированном августе 1786 г. авторском послесловии к одной из своих книг вновь пишет о том, что «граф Бальмен <...> через подполковника корпуса Ридингера делал [ему] весьма приятные обещания, исполнения которых [он], однако, еще ожидает». См.: *Wolke C. H. Beschreibung der zum Elementarwerk gehörigen und von Daniel Chodowiecki (bis auf 18) gezeichneten hundert Kupfertafeln, enthaltend die Methoden durch welche der Jugend auf eine leichte und angenehme Weise Kenntnisse der Sachen und Sprachen zugleich können mitgeteilt werden. Lieferung 1—2. Leipzig, bei Siegfried Lebrecht Crusius, 1782—1787. Lieferung 2. S. XXX.*

⁶¹ Подробно о методе «Versinnlichung» см. письмо бывшей ученицы Вольке, дочери Базедова, Эмили: *Ibid. Lieferung 1. S. XIV—XXVII*, а также «виртуальное посещение» дессауского «Филантропина», в виде реконструкции представленное в: *Schmitt H. Vernunft und Menschlichkeit. Studien zur philanthropischen Erziehungsbewegung. S. 184—185.* По-русски краткое описание своего метода

в Кадетском корпусе, на котором 12 кадетов блестяще продемонстрировали успех обучения по системе Вольке,⁶² педагог писал жене в Дессау:

Der Beyfall für meine Art zu unterrichten wuchs seit der Zeit ungemein. Ich kan itzt sagen, daß ich nun in den ersten und vornehmsten Russischen Familien hiesiger Prachtstadt nicht nur bekannt, sondern auch geliebt und hochgeachtet bin. <...> einem Mann, der bloß deutsch kan, nicht französisch, dem traut man nicht zu, daß er das Deutsche den Russen beibringen kan. Ich habe hier was Neues behauptet und bewiesen, daß ich durch meine Versinnlichungsmethode Sprachkenntniß ohne Hülfe einer andren mitgetheilt habe.⁶³

[Одобрение моего способа обучения за последнее время необыкновенно выросло. Отныне я могу утверждать, что в первых и благороднейших русских семействах здешнего великолепного города я теперь не просто известен, но и любим, и уважаем. <...> От человека, который знает лишь по-немецки и не знает по-французски, обычно не ожидают, что он окажется способным обучить русских немецкому языку. Я утверждал здесь нечто новое и доказал, что благодаря своему методу ошутимости я смог передать знание одного языка без помощи другого.]

Несмотря на эти успехи, Вольке довольно скоро убеждается в ненадежности своего положения в Петербурге. Он осознает, что время, когда можно было реально повлиять на ход вещей в российской образовательной сфере, упущено, что он приехал слишком поздно:

Wäre ich im Jahr 1780, auch noch 1781 hieher gereiset, so wäre ich wol sehr willkommen gewesen und hätte itzt eine vorzügliche Stelle etc. etc. Nun hat das pädagogische Wesen hier eine gewisse Form bekommen, die ich nicht rühmen kann, und die *hindert* [на наш взгляд, это явная описка, связанная с переключением мысли по ходу писания, по смыслу здесь должно быть нечто вроде: «die dazu führt». — *A. K., E. 3.*], daß man meine Einsichten und Erfahrungen in der Pädagogik verkennt, wenigstens nicht sucht (sic!).⁶⁴

Вольке опубликовал в: *Вольке Х. Г.* Книга для чтения и размышления, согласная с немецким подлинником и с французским переводом, сочиненная Х. Г. Волкем. Во граде святого Петра: Печатано при Императорском сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1786. С. 127—154.

⁶² Описание экзамена см.: *Wolke С. Н.* Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken. St. Petersburg : Aus der Breitkopfschen Buchdruckerey, 1785. S. 61—62; Allgemeine Schulzeitung. 1825. Nr. 111. Sp. 885—886.

⁶³ Brief Nr. 24 [датировка по содержанию: 30.12.1784]. [Bl. 1r., 2r.]. Подчеркивание в оригинале.

⁶⁴ Brief Nr. 23 [датировка по содержанию: 15/26.12.1784]. [Bl. 1v.]. Курсив наш. — *A. K., E. 3.* Эта же цитата приведена в: *Opitz G.* Christian Heinrich Wolke in Rußland und die Wirkungen des Philanthropismus in Rußland. S. 29, где последнее во фразе слово «sucht», на наш взгляд, неверно прочитано как «rühmt».

[Если бы я приехал сюда в 1780 или даже еще в 1781 г., то, вероятно, оказался бы желанным гостем и имел бы теперь превосходную должность и т. д. и т. п. Однако к нынешнему времени педагогическая деятельность приобрела здесь уже определенную форму, восторгаться которой я не могу и которая [является причиной того], что мои воззрения и опыт остаются непризнанными или по крайней мере их никто не ищет.]

Вольке стремится привлечь к себе внимание Екатерины и в течение многих недель тщетно пытается получить монаршую аудиенцию.⁶⁵ В этой борьбе за признание центральное значение постепенно приобретает «Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken» — книга, задуманная Вольке с целью «публично обнародовать [свой] методы и педагогические воззрения».⁶⁶

Уже 20 октября 1784 г. Вольке печатает объявление о готовящейся к выходу в свет книге и открытии на нее подписки, однако он не решается предать свой проект публичной огласке и распространяет объявление сначала только с помощью (и среди) своих знакомых.⁶⁷ Нужно думать, что к этому времени книга Вольке была либо закончена, либо близка к завершению, поскольку 15/26 декабря педагог уже мог надеяться на то, что в Дессау была получена рукопись «Das Buch...» и что Карл Вильгельм Кольбе (Carl Wilhelm Kolbe, 1757—1835), преподаватель французского языка в «Филантропине» и приятель Вольке,⁶⁸ приступил к переводу книги на французский язык.⁶⁹

⁶⁵ Brief Nr. 22 (вторая часть письма: 28.11/8.12.1784). [Bl. 3r.]; Brief Nr. 23. [Bl. 2r.].

⁶⁶ Brief Nr. 24 m. [Bl. 1v.].

⁶⁷ Это объявление сохранилось в составе частной коллекции россики в Геттингенской университетской библиотеке: Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen. Signatur: 4 H RUSS 540/3:1: *Wolke C. H. Ankündigung eines Buches für Anfänger im Lesen und Denken* // [Varia Russica (Privato studio collecta) 1]. Анонс Вольке, в котором он взял на себя смелость подписаться «директором и профессором воспитательного учреждения в Дессау», был также послан жене в Германию. Ср. Brief Nr. 21. [Bl. 2r.-2v.] (это письмо от 11 ноября 1784 г., какого календаря датировка, неясно), где Вольке пишет, что он по праву может называть себя директором «Филантропина», но просит жену решать по своему усмотрению, показывать ли анонс кому-нибудь кроме близких знакомых или нет. В действительности эта мнимая нескромность Вольке, похоже, вполне объективно отражала реальность. Так, сходного мнения о роли Вольке в Дессау придерживался в 1778 г. Кант. См.: [Kant I.]. *Kants gesammelte Schriften*. Berlin, 1900 (продолжается). Bd. 10 (=Abt. 2. Bd. 1). S. 217, 220—222 (письма Канта к Вильгельму Крихтону и к самому Вольке).

⁶⁸ *Opitz G. Die wirtschaftlichen und kulturellen Beziehungen zwischen Anhalt und Rußland in der Zeit von 1760 bis 1871*. Bl. 312—313.

⁶⁹ Brief Nr. 23. [Bl. 3r.].

Тем временем успех пробных занятий Вольке в Петербурге самым благоприятным образом сказывается и на судьбе подписки, так что педагог может сообщить супруге:

Besorgniß hatte ich, daß ich nicht zur Mittheilung meiner Methoden und pädag[ogischen] Einsichten gelangen würde, weil mir fast alle versicherten, daß kein Schriftsteller hier auf die Abnahme von 300 Ex[emplaren] seines Buches rechnen dürfe. In dem Falle wäre ich nicht öffentlich hier zur Sprache, und also auch nicht zu dem Verdienste gekommen, das ich nun hoffentlich um das Russ[ische] Publikum haben werde. Denn die Kosten, wo hätte ich sie hernehmen sollen, wie wären wieder herausgekommen. Nun ist die Sache schon in gutem Stande: Vor 14 Tagen wurde mir angekündigt, daß das Erziehungshaus in Moskau allein 300 Ex[emplare], das hiesige 100 Ex[emplare] nehme, und dafür 1200 Rubel bereit lägen; vorigen Sonntag liessen die beiden jungen Großfürsten Alexander und Constantin mir ein jeder 100 Rubel auszahlen; Graf Anhalt bestimmte gleich 60 Rubel <...> 500 Ex[emplare] sind im 2. Cadettencorps bestellt. Das Publikum wird hoffentlich nicht nachbleiben; und so genieße ich wirklich hier ein Zutrauen, das noch wol kein Schriftsteller in dem Grade hier gehabt hat. Ich bin gewiß, daß ich dadurch zu der unmittelbaren Bekanntschaft der Monarchin kommen und ihr nicht misfallen werde, da ich so ganz nach Ihren Wünschen und Absichten denke und arbeite. Wäre Ehre und Wolstand mir lieber gewesen, als die augenscheinliche Hofnung zu Dessau im Erziehungswesen zu wirken: so hätte ich um 1776 dem Rufe von *Demaschnew* (sic!) folgen müssen, wo mir 600 Rub[e]l jährlich, freie Station für mich und meine Familie geboten wurde, und wogegen ich 250 Th[a]ll[er] in Dessau behielt. Vor 2 Jahren noch, wär ich hier bald zu Arbeiten gekommen, die von der Monarchin vorzüglich geschätzt und belohnt werden. Nun bleibt es noch eine Zeitlang zweifelhaft, ob ich hier mich etabliren kan oder zurückkomme.⁷⁰

[Я тревожился о том, что мне не удастся обнародовать свои методы и педагогические воззрения, поскольку почти все уверяли меня, что ни один писатель не может рассчитывать здесь на то, что его книга разоидется в 300 экземплярах. В этом случае мне не удалось бы публично высказаться, а стало быть, я не смог бы приобрести те заслуги, которые, я надеюсь, я теперь приобрету перед русской публикой. В противном случае возникшие расходы не могли бы быть покрыты. Теперь же все складывается как нельзя лучше: 14 дней назад мне было объявлено, что один только Воспитательный дом в Москве возьмет 300, а местный — 100 экземпляров, на это положено уже 1200 рублей. В прошлое воскресенье от имени обоих великих князей Александра и Константина мне было выплачено по 100 рублей, граф Ангальт выделил на подписку 60 рублей <...>. 500 экземпляров заказаны вторым Кадетским корпусом. Я надеюсь, за читателями дело не станет. Итак, мне оказано доверие, которым не наслаждался здесь, кажется, в подобной мере еще ни один автор. Я не сомневаюсь в том, что благодаря этому обстоятельству мне удастся непосредственно быть представленным монархине и что я не вызову ее неудовольствия, поскольку я мыслю и работаю

⁷⁰ Brief Nr. 24 m. [Bl. 1v.-2r.].

в совершенном согласии с ее пожеланиями и намерениями. Если бы я предпочитал славу и состояние очевидной надежде быть полезным в сфере воспитания в Дессау, мне следовало бы еще в 1776 г. принять предложение *Демашнева* (sic!), составлявшее 600 рублей годовых, бесплатные стол и проживание для меня и моей семьи, я же предпочел остаться при 250 талерах в Дессау. Еще 2 года назад мне несомненно поручили бы здесь заниматься деятельностью, которую монархиня высоко ценит и вознаграждает. Теперь же будет оставаться еще некоторое время неизвестным, смогу ли я здесь обосноваться или вернусь назад.]

Заручившись столь солидной поддержкой подписчиков, Вольке решается публично объявить о своей книге. 27 декабря в «*St. Petersburgische Zeitung*» появляется обширный анонс издания с подробным планом и разъяснениями педагогических воззрений его автора.⁷¹ В конце января Вольке полностью оставляет преподавание, чтобы следить за ходом издания книги.⁷² Однако печать немецкого оригинала продвигается так медленно, что только 8/19 сентября 1785 г. Вольке может сообщить жене о том, что книга покинула наконец типографию и он приступает к ее распространению.⁷³ Все это время положение Вольке остается

⁷¹ Nr. 104 v. 27.12.1784. Anhang.

⁷² Опиц считал, что Вольке преподавал в Кадетском корпусе, находясь в 1785—1786 гг. на должности директора по учебной части, а позднее, очевидно из-за разногласий с новым шефом корпуса графом Ф. Е. Ангальтом (назначенным 8 ноября 1786 г.), вынужден был оставить эту должность (См.: *Opitz G.* 1) *Christian Heinrich Wolke in Rußland und die Wirkungen des Philanthropismus in Rußland.* S. 27—28; 2) *Die pädagogischen Kontakte zwischen Anhalt-Dessau und Rußland in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts.* S. 24). Это утверждение, однако, ничем не обосновано и противоречит ряду свидетельств самого Вольке, который писал о том, что давал «пробные уроки» кадетам в конце 1784 г., а в конце января уже полностью прекратил преподавание. Ср.: *Wolke C. H.* *Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken.* S. 61, а также авторское свидетельство Вольке, процитированное в примеч. 60, и упоминание в письме к жене от 27 ноября/7 декабря 1784 г. (Brief Nr. 22. [Bl. 1r.]): «Ich habe daselbst [im Cadettencorps. — *A. K., E. 3.*] einige Zimmer, worin ich von 11 Uhr bis 7 Uhr lebe und arbeite, auch schlafen kann, so bald es mir beliebt». [«Там [в Кадетском корпусе. — *A. K., E. 3.*] в моем распоряжении несколько комнат, в которых я с 11 до 7 часов живу и работаю, а если того пожелаю, могу и спать».] В письме от 2/13 февраля 1785 г. (Brief Nr. 25. [Bl. 1.-lv.]) Вольке писал: «Dein und unsers M[agister] Götzens letzter Brief hat mich determinirt, meine Versuche des Unterrichts in den beiden Kaiser[ichen] Institutionen und in den Familien aufhören zu lassen, um an meinem angekündigten Buche ungehindert zu arbeiten, und noch in diesem Jahre bei dir zu seyn». [«Твое и нашего магистра Гетце последнее письмо склонило меня к решению прекратить пробные занятия в обоих императорских учреждениях, а также в семьях, чтобы без помех заниматься объявленной мною книгой и еще в этом году быть у тебя».] О том, что занятия с кадетами носили «пробный» характер, Вольке упоминает также в позднем кратком автобиографическом наброске, опубликованном postum в: *Allgemeine Schulzeitung.* 1825. Nr. 111. Sp. 885.

⁷³ Brief Nr. 30. [Bl. 2 v.].

неясным: с одной стороны, педагог сам связывает с книгой решение своей судьбы в России и не может уехать, не дождавшись ее выхода в свет, а с другой стороны, еще и в 1786 г. формально он вынужден считать свое отсутствие в Дессау временным, поскольку не имеет резолюции дессауского князя о том, может ли он остаться в России или нет.⁷⁴ Наряду с французским переводом своего труда Вольке планирует также и русский,⁷⁵ — работу над ним поручают М. Н. Костину⁷⁶ и Р. М. Цебрикову.⁷⁷

Как свидетельствуют письма Вольке, работа над французским переводом, а потом и его печать по разным причинам затягивались все больше и больше,⁷⁸ а так как в отличие от немецкого и русского изданий книги французское издание печаталось в Германии, то попало оно в Петербург, очевидно, только весной 1787 г.⁷⁹

⁷⁴ Не случайно Вольке в это время и в книжных объявлениях, и в самих книгах постоянно упоминает о том, что находится в Петербурге временно. Послесловие к своей книге педагог подписал, к примеру, следующим образом: «Auf der Reise, zu St. Petersburg, im Sept[ember]. 1785» (*Wolke C. H. Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken. S. 294*). Аналогичные указания с другими датами можно найти и в русском, и во французском переводах книги. Ср.: «На пути, в Санктпетербурге 1786 года» (*Вольке X. Г. Книга для чтения и размышления. С. 6*); «Dans mon voyage à St. Petersbourg au mois de Juin, 1786» (*Wolke C. H. Livre pour apprendre a lire et a penser: Ouvrage consacré à la jeunesse. Traduit de l'allemand. St. Pétersbourg: S. n., 1785. P. 288*).

⁷⁵ Хассельбах упоминает о существовании латинского перевода книги Вольке (*Hasselbach J. P. Lebensgeschichte des Kaiserlich-Russischen Hofrathes und Professors Christian Hinrich Wolke. S. 98*), однако эти сведения ничем не подтверждены, сам же Вольке упоминает лишь о немецком, русском и французском изданиях своей книги. Указание Грефе (*Gräfe H. Christian Heinrich Wolke. S. 95*) на переиздание книги Вольке в 1803 г. в Гамбурге под названием «*Kleine Encyclopädie der nützlichen Kenntnisse für Anfänger im Lesen und Denken*», напротив того, сомнения не вызывает, так как подтверждается соответствующими данными в: *Gesamtverzeichnis des deutschsprachigen Schrifttums 1700 bis 1910. 160 Bde. München u. a., 1979—1987. Bd. 158. S. 160*. Несомненно, было бы крайне любопытно проштудировать это издание на предмет перевода державинской оды, однако, к сожалению, нам не удалось разыскать ни само издание, ни указаний на его местонахождение в каком-либо книгохранилище.

⁷⁶ Матвей Никитич Костин (?—1813), переводчик Коллегии иностранных дел, занимался литературной и редакторской деятельностью, участвовал (в 1780 г.) в «Санктпетербургском вестнике», где был опубликован ряд его переводов. См. о нем: *Николаев С. И., Степанов В. П. Костин М. Н. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1—3. СПб., 1988—2010. Вып. 2. С. 131*.

⁷⁷ Цебриков Роман Максимович (1763—1817), как и Костин, служил в Коллегии иностранных дел, опубликовал целый ряд переводов, позднее был членом Российской академии. См. о нем: *Арзуманова М. А. Цебриков Р. М. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. С. 382—386*.

⁷⁸ Brief Nr. 26. [Bl. 1v.]; Nr. 29. [Bl. 3v.]; Nr. 33. [Bl. 2v.-3v.].

⁷⁹ St. Petersburgische Zeitung. Nr. 89 v. 6.11.1786. Anhang; Санктпетербургские ведомости. № 89 от 6.11. 1786. Известия.

По выходе в свет русского издания (в июне 1786 г.⁸⁰) его успех сам Вольке изображал как триумф небывалого по своей географии размаха:

Diese Russ[ische] Uebersetzung ist über 12.000 gedruckt und ist in alle Theile und Städte des Russ[ischen] Reichs gegangen, nach Kamschatka, an die Gränzen von China, Persien, der Türkei und von Lappland etc.⁸¹

[Этот русский перевод был отпечатан более 12 000 раз и разослан во все части и города Российской империи: на Камчатку, до границ с Китаем, Персией, Турцией и Лапландией и т. д.]

Опубликованный в русском издании список пренумерантов свидетельствует о том, что тираж книги был несомненно намного скромнее и составил, вероятно, 1200 экземпляров, то есть один завод, однако, принимая во внимание масштабы российского книгопечатания того времени, Вольке с полным основанием мог говорить об успехе своего труда.⁸² По получении разрешения от дессауского князя⁸³ педагог принял решение остаться в России, где прожил до 1801 г.

Устраивать свою судьбу в России Вольке пришлось все же самому. Из двух поздних автобиографических свидетельств педагога явствует, что ему так и не удалось дожидаться исполнения «приятных обещаний», сделанных в его адрес графом Бальменом (к тому же к осени 1786 г., как известно, уже передавшего корпус в ведение графа Ангальта) и получить постоянную должность в Кадетском корпусе. Вольке узнал, что за его спиной в корпусе велись интриги и некие опасавшиеся за свои места преподаватели стремились убедить Комиссию по учреждению училищ в том, что обучение по методу Вольке противоречит «высочайше

⁸⁰ St. Petersburgische Zeitung Nr. 48 v. 16.6.1786. Anhang; Санктпетербургские ведомости. № 49 от 19.06.1786. Известия.

⁸¹ Brief Nr. 32 m (до 28 февраля 1786 г., датировка по отметке получателя). [Bl. 1v.].

⁸² Российскую книгопродавческую практику того времени хорошо характеризует также тот факт, что наиболее эффективным способом увеличить спрос на свои издания в России Вольке считал публикацию рецензии в газете «Hamburger Correspondent». Ср.: Brief Nr. 33 (16/27.02.1786). [Bl. 3v.-4r.], где Вольке упоминает об отсутствии в России подходящего рецензионного органа для его труда и о том, что «Hamburger Correspondent» в России «повсюду читается» («...wird <...> in Rußland überall gelesen»). Рецензия, организованная знакомыми Вольке по Дессау, действительно была опубликована в этом издании. См.: Staats- und Gelehrte Zeitung des Hamburgischen unpartheyischen Correspondenten. Nr. 55 (7.04.1786). Beilage.

⁸³ Разрешение было получено к августу 1786 г. См.: *Wolke C. H. Beschreibung der zum Elementarwerk gehörigen und von Daniel Chodowiecki (bis auf 18) gezeichneten hundert Kupfertafeln <...>. Lieferung 2. S. XXXII.*

данным предписаниям для нормальных школ»,⁸⁴ поэтому метод так и не был введен в Кадетском корпусе. Как бы то ни было, момент, выбранный Вольке для своей публичной филантропической кампании, был действительно малоподходящим: 5 августа 1786 г. был обнародован «Устав народных училищ», манифестировавший повсеместное введение в России школ нового типа. Неудивительно, что для Вольке в какой-то момент даже оказалось затруднительным получить оплату за подписанные Кадетским корпусом экземпляры «Das Buch...».⁸⁵

Однако ни эти обстоятельства, ни отсутствие высочайшей протекции, видимо, все-таки не стали для педагога решающими. Петербургская публика продолжала проявлять интерес к филантропическим методам обучения, и свою дальнейшую педагогическую деятельность Вольке осуществлял в стенах собственного учебно-воспитательного заведения, основанного после преодоления ряда препятствий к концу 1786 г.⁸⁶ Пансион, в котором обучалось вначале 30, а потом около 70 детей,⁸⁷ велся Вольке совместно с приехавшей к нему из Германии супругой вплоть до 1793 г.,⁸⁸ когда педагог увлекся экспериментированием в области оптической телеграфии⁸⁹ и оставил преподавание. Деятельность Вольке в качестве воспитателя пансиона сопровождалась подготовкой и выходом в свет еще целого ряда учебных пособий.⁹⁰

⁸⁴ SLUB Dresden. Mscr. Dresd. e 166, 8. Bl. 108 v. (рукописный автобиографический набросок, датированный апрелем 1799 г.).

⁸⁵ *Wolke C. H. Alexander dem Ersten — dem Guten...* Б. с.

⁸⁶ *Ibid.*

⁸⁷ *Allgemeine Schulzeitung*. 1825. Nr. 111. Sp. 886. К сожалению, об этом пансионе Вольке почти ничего неизвестно. В «*St. Petersburgische Zeitung*» (Nr. 7 v. 25.1.1788) нам удалось обнаружить одно-единственное упоминание о нем, это — объявление о переезде «учебно-воспитательного заведения профессора Вольке» с Невского проспекта № 762 в «более просторное помещение над серебряными лавками напротив католической церкви». Имена наиболее выдающихся своих учеников Вольке перечислял позднее в издании: *Wolke C. H. Alexander dem Ersten — dem Guten...*

⁸⁸ *Opitz G. Die wirtschaftlichen und kulturellen Beziehungen zwischen Anhalt und Rußland in der Zeit von 1760 bis 1871*. S. 115.

⁸⁹ Опыты «вдальречия», то есть передачи знаков искусственного языка (Pasiphrasie) механическими способами на расстоянии (Telegraphie), которыми Вольке увлекся в числе многих других своих современников, привлекли к себе внимание великого князя и демонстрировались в Гатчине. Они стали также поводом для путешествия Вольке в 1796—1797 гг. в Германию, во время которого он искал признания и поддержки своих изобретений у влиятельных немецких ученых. Подробнее об этом см.: *Opitz G. Die wirtschaftlichen und kulturellen Beziehungen zwischen Anhalt und Rußland in der Zeit von 1760 bis 1871*. Bl. 132—142.

⁹⁰ Подписку на книги Вольке осуществляли вначале пасторы немецких петербургских церквей, а затем — комиссионно — книгопродавцы К. В. Миллер,

Все эти факты несомненно дают повод в будущем задаться вопросом о распространении и использовании книг Вольке в России. Вопрос этот интересен прежде всего на фоне общей ситуации с учебными пособиями, поскольку, как известно, в то время был издан целый ряд книг, соответствовавших новой методе обучения и представлявших собой либо непосредственно переводы австрийских пособий, либо же их российские адаптации.⁹¹ И немецкие, и русские «Санктпетербургские ведомости» 1784—1786 гг. пестрят объявлениями о выходе в свет и продаже учебных пособий, изданных по поручению Комиссии об учреждении народных училищ, причем стоили эти учебные пособия намного дешевле, чем книги Вольке. К сожалению, об использовании учебных пособий и книг филантропистов в России до сих пор известно очень мало, тем не менее ряд фактов позволяет предположить, что Вольке, как и ряду других филантропических авторов, вероятно, каким-то образом удавалось находить свою нишу в стороне от нового педагогического главного направления.⁹² Выше мы уже упоминали о том, что книги Базедова, несмотря на то что они не были изданы в русском переводе, в оригинале распространялись в России. Хорошо известен факт огромной популярности Кампе у российской публики, мы располагаем также свидетельствами о том, что в России уже в 1780-е гг. циркулировали сочинения Ф. Э. Рохова, Ф. Г. Резевица и К. Г. Зальцмана, впоследствии отчасти переведенные на русский язык.⁹³

«Фелица» в книге Вольке

Выше уже говорилось о том, какое значение сам автор придавал «Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken». Несомненно, этот филантропический манифест был прежде всего своего рода

К. В. Вейтбрехт, И. К. Шнор и др. См., напр.: St. Petersburgische Zeitung Nr. 104 v. 27.12.1784; Nr. 41 v. 23.05.1785; Nr. 71 v. 5.09.1785; Nr. 100 v. 16.12.1785; Nr. 48 v. 16.06.1786; Nr. 91 v. 13.11.1786.

⁹¹ См.: *Воронов А.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С. Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. С. 17—18.

⁹² Такого же рода нишей в образовательной системе были, очевидно, и сами иностранные пансионы, преподавание в которых хотя и должно было формально соответствовать методам, употребляемым в народных училищах, но реально все-таки более восполняло пробелы в учебном плане последних. Ср.: *Воронов А.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С. Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. С. 35—37; *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках. С. 615.

⁹³ *Боленко К. Г.* Филантропизм и филантрописты в России во второй половине XVIII—первой половине XIX века : (К постановке проблемы). С. 23—24.

представлением на конкурс: автор надеялся на одобрение практикуемых им новаторских педагогических методов и связывал с этим одобрением перспективы в будущем широко внедрять свои методы в жизнь. Авторское вступление к книге, обращенное к ее читателям, «благонравным детям», заканчивалось заверением:

Zu dem, was ich seit September 1784 bis itzt für gute Kinder that, beseelte mich insonderheit der sehr aufmunternde Gedanke: Es werde meine Bemühung und dies Buch den menschenfreundlichen Absichten der unvergleichbaren Russischen Landesmutter CATHARINA DER ZWEITEN gemäß seyn, und bald oder spät vielen Kindern nützlich werden; da Höchstdieselbe mit Weisheit befiehlt, sehr wohlthätig sorgt, heilsame Einrichtungen macht, und durch geschickte Männer ausführt, zur Wohlfahrt der unzähligen Einwohner Ihres großen Erdtheils...⁹⁴

[К тому, что с сентября месяца 1784 года сделал я по сие время для благонравных детей, побудил[о] меня наипаче ободрительное упование: что труд мой и сия книга скоро или поздно учинятся полезными многим детям и будут соответственны человеколюбивым намерениям несравненной Российского Отечества Матери, ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ, мудрой повелительницы, пекущейся благотворительными и спасительными учреждениями, и посредством искусных мужей доставить благоденствие безчетным жителям, обитающим подвластную ЕЯ державе обширную земную часть...⁹⁵]

Одновременно издание Вольке продолжало традицию филантропической «элементарной» книги, заложенной в «Elementarwerk» Базедовым и развернутой в трудах других филантропистов, таких как Зальцманн, И. Г. Кампе, Резевиц и Рохов.

«Das Buch...» задумывалась с целью «начиная с азбуки, таким образом сообщить [детям] самые первоначальные знания, чтобы присущая от рождения каждому ребенку охота к знанию и учению не была задушена и уничтожена (как, к сожалению, это происходило веками), а возбуждена и умножена».⁹⁶ За этим высказыванием легко угадывается кредо филантрописта, а за ним стоит целый ряд более ранних педагогических наработок Вольке. Так, уже при одном только беглом взгляде на упомянутую в анонсе от 20 октября 1784 г.⁹⁷ и вышедшую двумя годами раньше книгу Вольке «Erste Kentnisse für Kinder von der Buchstabenkenntnis an bis zur Weltkunde» («Первоначальные знания для детей от алфавита до устройства мира»), становится очевидным сходство «Das

⁹⁴ Wolke C. H. Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken. S. 3.

⁹⁵ Перевод здесь и далее приведен по русскому изданию учебной книги. См.: Вольке Х. Г. Книга для чтения и размышления. С. 5.

⁹⁶ St. Petersburgische Zeitung. Nr. 104 v. 27.12.1784. Anhang.

⁹⁷ См. примеч. 67.

Buch...» с этим учебным пособием. Здесь, так же как и в «Das Buch...», начиная с упражнений по обучению чтению на немецком языке (от сочетания букв к слогам, и затем от простых слов к сложным), ребенок походя знакомился с латинским шрифтом, с фразатурой, с арабскими и римскими цифрами, а первые тексты, предназначавшиеся для его чтения, рассказывали о пяти частях земли, о предметах природы и искусства, о сотворении мира (по Библии), а одна из глав книги излагала такую просветительскую универсалию, как «религиозное учение для всех сынов человеческих».⁹⁸

Все это несомненно — вариации на тему базедовского «Elementarwerk», вернее, расписывание его частей в зависимости от конкретизируемой учебной цели. Не случайно в это же время Вольке работает над переизданием составленных им для «Elementarwerk» описаний гравюр Ходовецкого.⁹⁹ С идеей «Elementarwerk» связано и другое издание, подготовленное Вольке, — напечатанное на немецком и русском языках в типографии Кадетского корпуса в 1785 г.¹⁰⁰ описание гравюр Шульца, коллеги Вольке по «Филантропину».

⁹⁸ *Wolke C. H. Erste Kentnisse für Kinder von der Buchstabenkenntnis an bis zur Weltkunde.* Leipzig: bei S. L. Crusius, 1783.

⁹⁹ Первая часть описаний вышла на немецком языке в Лейпциге в 1782 г., вторая — в 1787 г., когда Вольке уже жил в Петербурге: *Wolke C. H. Beschreibung der zum Elementarwerk gehörigen und von Daniel Chodowiecki (bis auf 18) gezeichneten hundert Kupfertafeln...* Имеется также отдельная французская версия этого издания: *Wolke C. H. Méthode naturelle d'instruction.* <...> Livraison 1—2. Leipsic: chez Siegfried Lebrecht Crusius, 1782—1788, — первая часть которого была прислана в петербургскую Академию наук из Дессау еще до приезда Вольке в Петербург в 1783 г. См.: *Боленко К. Г.* Филантропизм и филантрописты в России во второй половине XVIII—первой половине XIX века: (К постановке проблемы). С. 23. В 1789 г. описания с параллельным текстом на четырех языках: русском, французском, немецком и латинском, — были переизданы в Петербурге: *Wolke C. H.* Сто естампов господином Даниилом Ходовицким начертанных к облегчению и приятному упражнению в языках и в науках, с описанием французским, немецким и латинским. Ч. 1—2. St. Petersbourg, 1789.

¹⁰⁰ *Wolke C. H.* Hundert und sechzig in Kupfer gestochene Bilder, mit Beschreibung derselben zum Vergnügen und Nutzen der Jugend die gerne Bilder sieht und gerne das lieset, was ihr verständlich ist: zu leichter Erlernung der russischen und deutschen Sprache, mit der russischen Uebersetzung übereinstimmend gemacht. St. Petersburg / Gedruckt bey J. K. Schnoor, 1785; *Вольке Х. Г.* Сто шестьдесят эстампов: С описанием оных к удовольствию и к пользе юношества, охотно смотрящего на изображения и охотно читающего то, что понимать не трудно. С немецкаго переведено титулярным советником М. Костиным. [СПб.], при Императорском сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1785. Оттиски гравюр были изготовлены в Германии. Ср. Brief Nr. 30 (фрагмент письма, датированный 8/19 сентября 1785 г.). [Bl. 2v.]

На этом фоне «Das Buch...» представляла собой адаптацию филантропического метода к российским условиям. Необходимо отметить, кстати, что факт издания книги на трех языках отнюдь не свидетельствует об адресации переводов трем разным читательским аудиториям. Вольке предназначал свою книгу детям, уже овладевшим в ежедневном обращении («aus dem Umgang») одним из языков: две другие версии могли использоваться в качестве вспомогательных пособий при изучении языков, детям еще неизвестных, — с аналогичной целью в Германии переводился в свое время на латинский и французский языки «Elementarwerk» Базедова. Конечно, эти факты констатируют определенную универсальность содержания учебников, но можно увидеть здесь и другое. Ведь универсальность обеспечивается восприятием языка в общем и целом вне его культурной ауры, только как средства коммуникации: язык индифферентен, функционален в отношении к обслуживаемому им культурному пространству.

Эти черты существенны и для интерпретации перевода Вольке державинской «Фелицы».

«Das Buch...» написана в форме доверительной беседы с детьми. Темы и сюжеты, представленные в ней (среди них такие, как органы чувств, живая и неживая природа, основы арифметики, части света, библейская история сотворения мира), «упакованы» в разные нарративы: письма, басни, притчи, молитвы. Сами тексты графически оформлены двояко: часть из них дана традиционной фрактурой, часть — латиницей. Российская тема появляется в книге уже на самых первых страницах, с кириллическим алфавитом, и как бы пронизывает повествование, поскольку Вольке то и дело обращается к российским реалиям, именам или историческим событиям. Кроме небольшого географического обзора Вольке посвятил России также крупный раздел «О российской истории», в котором правлению Петра I и Екатерины II уделено в 2.5 раза больше места, чем всем остальным российским правителям, вместе взятым. Правление Екатерины до 1785 г. расписано особенно подробно, с хронологией событий и указов (так, под 1783 г. Вольке пишет, например, о введении в России народных школ и об образовании школьной комиссии во главе с Янковичем де Мириево). После повествования о мудром правлении Екатерины, заботящейся о просвещении своих подданных, Вольке помещает раздел о воспитании вообще, о послушании детей, о любви их к родителям. Эта тема сформулирована педагогом как ответы на вопросы:

Welche Kinder haben Hofnung, in Zeit und Ewigkeit glücklich zu seyn?
Welches Vertrauen, welche Liebe müssen sie dieserwegen zu ihren Eltern,

Lehrern und Erziehern haben? <...> Wie gut, weise, verehrungswerth und nachahmungswürdig ist die Zarin Felice? Wo ist sie und die Rose ohne Dornen wirklich zu finden?¹⁰¹

[Которые дети надеются в сей временной и вечной жизни быть блаженными, и так какую доверенность, какую любовь, должны они иметь ради сего к своим родителям, учителям и наставникам? <...> Как добродетельна, премудра, почитания и подражания достойна царица Фелица? Где она и где найти можно действительно розу без шипов?]¹⁰²

Ответ на последние два вопроса был представлен обширным фрагментом державинской «Фелицы» в переводе на немецкий язык. Этим текстом заключалась учебная часть книги. За «Фелицей» следовало руководство «Для родителей, учителей и чадолюбцов»,¹⁰³ а также пояснения для иностранных подписчиков о деятельности Вольке в России, анонсы других изданий Вольке и детали подписки.

В русском издании в этом месте помещен державинский текст, в нем — целый ряд купюр, о значении которых речь пойдет ниже. Во французском издании перевод «Фелицы» отсутствует вовсе, почему это так, сказать трудно: сам Вольке не дает по этому поводу объяснений. Возможно, это обстоятельство следует объяснять какими-то техническими или организационными неувязками в процессе издания книги: как уже упоминалось, французский перевод «Das Buch...» печатался в Германии. Не исключено, конечно, и то, что Карл Вильгельм Кольбе, переводивший «Das Buch...» на французский язык, отговорил Вольке помещать перевод «Фелицы» во французском издании.

Однако каковы были мотивы обращения Вольке к оде Державина в немецком оригинале учебной книги?

Как мы знаем, Вольке работал над своей книгой осенью 1784 г., то есть сравнительно недолгое время спустя после того, как «Фелица» и ее автор наделали немало шума в петербургских кругах. После публикации оды в мае 1783 г. в «Собеседнике любителей российского слова» имя Державина и новый стихотворный стиль широко обсуждались при дворе и читающей публикой, ода ходила по рукам, так что неудивительно, что по приезду в Петербург о «Фелице» стало известно и Вольке. Скорее всего, Вольке знал и немецкий перевод «Сказки о царевиче Хлоре» Екатерины, опубликованный Б. Ф. Арндтом.¹⁰⁴ Следует полагать, однако, что перевод «Фелицы» делался Вольке с изготовленного кем-то из

¹⁰¹ Wolke C. H. Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken. S. XXVI.

¹⁰² Вольке X. Г. Книга для чтения и размышления. С. XXXVI.

¹⁰³ Там же. С. 127.

¹⁰⁴ Neues St. Petersburgisches Journal. 1781. Bd. 4. S. 75—92.

его петербургских знакомых подстрочника: по собственному признанию педагога, в то время он не знал и ста русских слов и, как мы помним, обучал кадет немецкому языку не прибегая к помощи перевода.¹⁰⁵

Что же касается возможности личного знакомства Вольке с Державиным, то мы склонны думать, что если оно действительно когда-либо состоялось, то произошло это уже значительное время спустя после того, как учебная книга Вольке с переводом «Фелицы» вышла в свет.

Во-первых, насколько можно судить по известным источникам, ни Вольке, ни Державин не оставили никаких свидетельств о своем знакомстве в 1784 г. Во-вторых, уже с начала октября 1784 г., то есть почти непосредственно после приезда Вольке в Петербург (первое письмо Вольке из Петербурга датировано 26 сентября 1784 г.¹⁰⁶), Державин, назначенный олонекским, а затем тамбовским губернатором, до второй половины июня

¹⁰⁵ *Wolke C. H. Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken. S. 62.* Позднее Вольке выучил русский язык и использовал его в своих лингвистических штудиях. А в 1813 г. 73-летнему Вольке довелось воспользоваться знанием русского языка и в совершенно новой для него ситуации: во время пребывания российской армии в Дрездене не хватало переводчиков, и педагог, оставив все ученые занятия, немедленно предложил свою помощь. См.: *Hasselbach J. P. Lebensgeschichte des Kaiserlich-Russischen Hofrathes und Professors Christian Hinrich Wolke. S. 45.* События тех лет послужили Вольке поводом для публикации небольшой брошюры, в которой автор «от имени ошастливленного немецкого народа» приносил российскому императору «благодарность на веки вечные». Издание, выдержанное целиком в разработанной Вольке новой немецкой орфографии, содержит оду Александру, оду на заключение мира, а также пояснения к авторской языковой реформе и к деятельности автора в 1784—1801 гг. в России. См.: *Wolke C. H. Alexander dem Ersten — dem Guten, dem müt- und kraftvollen Verteidiger seiner grossen Staten, dem grossmutigen Mitbefreier der Deutschen und anderer Völker; im Namen des beglückten Deutschvolkes ewigen Dank zurufend, ewigen Freudegenus wünschend, höchstdessen untertaniger, verdienstbelohnter Hofrat und Professor, Christian Hinrich Wolke, seit 1773 stiftender Vorsteher der philanthropischen — Schulunterricht und Erziehung bessernden — Anstalt zu Anhalt-Dessau; seit 1784 bis 1801 einer ähnlichen Anstalt in St. Peterburg, in jener und diser Bildner junger Russen, welche zum Teil in den bisherigen Mordkriegen für Rutheniens und Germaniens Freiheit tapfer fochten, zum Teil — Dankruhm inen! — filen als Helden. [Dresden, 1814], без пагинации.* Эту брошюру в свое время безуспешно пытался разыскать Георг Опиц (см.: *Opitz G. Die wirtschaftlichen und kulturellen Beziehungen zwischen Anhalt und Rußland in der Zeit von 1760 bis 1871. Bl. 118, 324*), между тем она сохранилась, например, в фондах Российской национальной библиотеки (шифр: 13.8.1.744), а также в библиотеке Славянско-балтийского семинара Мюнстерского университета (Westfälische Wilhelms-Universität Münster, Bibliothek des Slavisch-Baltisches Seminars (шифр: le WOLKE ale).

¹⁰⁶ *Opitz G. Christian Heinrich Wolke in Rußland und die Wirkungen des Philanthropismus in Rußland. S. 30* (примеч. 20).

1789 г.¹⁰⁷ практически не жил в Петербурге. Между обоими губернаторствами он провел в столице лишь время с октября 1785 по февраль 1786 г.,¹⁰⁸ а к этому моменту книга Вольке, как мы знаем, уже была напечатана. Только в 1791 г., в письме к В. В. Капнисту, Державин упоминает вскользь о пансионе некоего «Вельке» (sic!).¹⁰⁹ Очевидно, под этим (не вполне верно прочтенным Гротом в автографе?) именем действительно скрывается наш герой и к этому времени Державин знал Вольке лично. Значительно позднее имя Державина можно было прочесть в подписном листе на книгу Вольке, вызвавшую в свое время куда более широкий общественный резонанс, чем «Das Buch...». Речь идет об опубликованном в 1812 г. «Введении во всеобщий немецкий язык...» («Anleit zur deutschen Gesamtsprache...»),¹¹⁰ в котором автор излагал программу реформирования немецкой орфографии и в своих этимологических построениях опирался в том числе и на русский языковой материал.

Обратимся к тексту немецкого перевода.

Несмотря на то что к осени 1784 г. имя Державина как автора «Фелицы» было несомненно хорошо известно читающей публике, Вольке предпочел оставить неприкосновенным ориентальное облачение державинской оды. Он не указал имени автора и в какой-то степени даже усилил эффект мистификации, поскольку в его книге текст действительно оказался переводом с арабского: если первую оригинальную публикацию «Фелицы» в «Собеседнике...» сопровождало примечание — «...известно нам то, что сия ода точно сочинена на российском языке», — то у Вольке факт создания текста на русском языке вообще никак не упоминается. В переводе нет и пространного подзаголовка оды, где упоминается о том, что ода написана татарским Мурзою, «издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санкт-Петербурге». Конечно, вряд ли можно исходить из того, что подстрочник, которым располагал Вольке, дословно воспроизводил весь текст публикации в «Собеседнике», ведь он мог быть изготовлен и с отдельного оттиска оды, и с ее списка, — и то и другое, по всей вероятности, переходило тогда в Петербурге

¹⁰⁷ Державин Г. Р. Собрание сочинений <...> с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 8. С. 369, 577.

¹⁰⁸ Там же. С. 393, 404.

¹⁰⁹ Там же. Т. 5. С. 779.

¹¹⁰ Wolke C. H. Anleit zur deutschen Gesamtsprache oder zur Erkennung und Berichtigung einiger (zu wenigst 20) tausend Sprachfehler in der hochdeutschen Mundart: nebst den Mittel, die zahllosen — in jedem Jahre den Deutschschreibenden 10 000 Jahre Arbeit oder die Unkosten von 5 000 000 verursachenden — Schreibfehler zu vermeiden und zu ersparen. Dresden: bei C. H. Reclam in Leipzig, 1812.

из рук в руки.¹¹¹ Тем не менее Вольке несомненно был хорошо осведомлен и о том, кто был автором оды, и о том, что написана она была на русском языке. Однако в «Das Buch...» текст поименован следующим образом: «An die weise Kirgisische Zarin Felice. Aus einer Ode, geschrieben von einem tatarischen Mursa. Aus dem Arabischen übersetzt. 1782».¹¹²

С заглавием державинского текста на первый взгляд как будто перекликается примечание, помещенное Вольке к переводу строфы «Не слишком любишь маскарады...», где педагог счел необходимым уточнить:

Der Mursa lernte die Gesellschaften, und alles, wovon er hier spricht, vielleicht bei seinem Aufenthalte in Petersburg kennen und durch eine poetische Freiheit versetzt er sie hin, wo sie wol nicht sind.¹¹³

[Сходбища, беседы и все то, о чем ни упоминает здесь Мурза, спознал он, может статься, во время своего жития в Санктпетербурге, и по вольности пиитической он переносит то и представляет там, где, конечно, нет ничего из сих обыкновений.]¹¹⁴

Однако на фоне других изменений, внесенных Вольке в текст оды, это уточнение сигнализирует, как мы увидим в дальнейшем, смещение ряда акцентов в трактовке образа Фелицы и подчинено определенной прагматической переориентации державинского текста.

Вольке снабдил текст перевода целым рядом дополнительных примечаний, где пояснялись отдельные слова и исторические реалии, сочтенные педагогом затруднительными для своих молодых читателей. Так, педагог пояснил, кто был Тамерлан, «великий пророк» (Магомет) и как следует понимать астрономическую метафору «Den Chaos zu schneiden, die Sphären zu ordnen» («Деля хаос на сферы стройно»), а упомянутому Державиным отказу Екатерины от титулов, поднесенных ей в 1767 г. сенатом и депутатами, нашел историческую аналогию:

So lehnte jener Grieche, der weiser war, als die Uebrigen, den Namen des Weisesten ab, den die Götter ihn gaben.¹¹⁵

¹¹¹ Державин Г. Р. Собрание сочинений <...> с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 1. С. 132.

¹¹² Wolke C. H. Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken. S. 272. Заглавие в русском переводе книги Вольке полностью соответствует немецкому оригиналу: «Выписка из оды к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице, писанной некоторым татарским Мурзою и переведенной с арабского языка 1782 года» (Вольке Х. Г. Книга для чтения и размышления. С. 118).

¹¹³ Wolke C. H. Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken. S. 273.

¹¹⁴ Вольке Х. Г. Книга для чтения и размышления. С. 120.

¹¹⁵ Wolke C. H. Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken. S. 275.

[Так и оный грек, который прочих был премудрее, не принял имени Премудрейшего, данного ему от богов.]¹¹⁶

Кроме того, Вольке не случайно озаглавил свой перевод «Aus einer Ode...» (букв. «Из оды...»): он полностью выпустил в переводе строфы с 5-й по 11-ю, содержащие описание пороков и слабостей Мурзы, и 19-ю — с упоминаниями проступков, сурово каравшихся во время царствования предшественниц Екатерины, а также бывших ранее в ходу неблаговидных придворных забав. То, что эти пассажи показались Вольке неуместными в педагогической книге, хорошо видно по пояснению русского переводчика, которому пришлось сокращать помещенный в «Книге...» оригинал «Фелицы»:

Сочинитель сей книги не желая юношеству представлять изображений о пороках, выпустил из сей оды некоторые места, в коих упоминается о надменных веселостях. Где ж такой выпуск, там поставлена черта, подобная сему: -----.¹¹⁷

В русском издании сокращены те же строфы, что и в немецком, а кроме того, сделаны (с художественной точки зрения, разумеется, абсолютно недопустимые и ассоциирующиеся, скорее, со следами цензурного вмешательства) выпуски в том фрагменте, где Фелица хвалится за то, что она в отличие от Мурзы не проводит досуг за игрой в карты. Так, державинские строки:

Подобно в карты не играешь
Как я от утра до утра, —

приобрели в «Книге...» Вольке следующий вид:

---- в карты не играешь
----- От утра до утра.¹¹⁸

Если мы обратимся к немецкому тексту, то станет понятно, что русский переводчик лишь пытался таким образом отразить изменения, внесенные Вольке в текст оды в процессе ее перевода. В немецком переводе в этом месте педагог вовсе снял сопоставление с Мурзой и сформулировал более общо:

Du spielst die Zeit nicht weg mit Karten
Von einem Tage zum andern.¹¹⁹

¹¹⁶ Вольке Х. Г. Книга для чтения и размышления. С. 122.

¹¹⁷ Там же. С. 119.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Wolke С. Н. Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken. S. 273.

По этой корректировке хорошо видно, что именно не устраивало Вольке в державинском тексте. Дело было не просто в упоминании пороков и человеческих слабостей, а в том, *как* они были изображены Державиным. Для учебной книги Вольке была явно проблематична фигура самого индивидуального носителя перечисляемых отрицательных качеств — Мурзы, писавшего о них, как о чем-то совершенно естественном: «Таков Фелица я развратен, но на меня весь свет похож...».

В филантропических концепциях воспитания тематизация пороков как отдельного аспекта воспитательного процесса развивалась в русле идеи «негативного воспитания» Руссо, который считал, что на ранней стадии развития ребенка его следует прежде всего предохранить (изолировать) от негативных влияний внешнего мира, а не конфронтировать с моральными и религиозными понятиями, которые он не в состоянии постичь. Поэтому вместо внушения истин и правил филантрописты использовали в нравоведении («Sittenlehre») продуманные стратегии воздействия на эмоциональные центры воспитанников, на силу их воображения. «Нравственные установления, не подкрепленные рассказом, занимают лишь разум, но не силу воображения», — писал Базедов в «Методической книге для отцов и матерей семейств и народов» в 1771 г.¹²⁰ И основоположник филантропизма, и такой известный его адепт, как Кристиан Готтхильф Зальцманн (Christian Gotthilf Salzmann, 1744—1811), чей программный труд «Moralisches Elementarbuch» был опубликован примерно в то же время, что и «Das Buch...» Вольке, настаивали на необходимости «упаковки» порицания в истории, правильное понимание которых детьми гарантировалось только тогда, когда их рассказывали или растолковывали наставники или родители.¹²¹ В книге Вольке моральное поучение по сходному принципу было интегрировано в небольшие рассказы и басни. В этой связи становится понятно, что при переводе державинской оды педагог оказался перед своего рода моральной дилеммой: с одной стороны, педагогическая интенция книги не позволяла Вольке согласиться с тем, как в оде изображались пороки, а с другой стороны, оставаясь внутри державинского одического текста, реально у педагога не было возможности порицать порок. Вольке не оставалось ничего другого, как изъять все упоминания пороков из «Фелицы».

¹²⁰ Basedow J. B. *Ausgewählte pädagogische Schriften*. Paderborn, 1965. S. 123.

¹²¹ См.: Basedow J. B. *Elementarwerk mit den Kupfertafeln Chodowieckis u. a.* Bd. 1. S. 447—480; Salzmann C. G. *Moralisches Elementarbuch*. Mit 67 Illustrationen von Daniel Chodowiecki (Nachdruck der Ausgabe Leipzig, 1785). Dortmund, 1980. S. III—X.

Побочным эффектом этой операции стало то, что в переводе оказались сняты все отсылки к конкретным петербургским персонажам и историческим реалиям.¹²² Вся петербургская тема свернута в тексте Вольке к тому одному-единственному примечанию, где говорится о том, что автор оды жил некогда в Петербурге и узнал там нравы и обычаи, неизвестные на Востоке. Между тем и это уточнение в конечном итоге только еще больше «замораживает» текущие державинские аллегории. Если у Державина поэтический Восток, так сказать, населен петербургскими персонажами и предельно конкретен, то у Вольке Мурза действительно находится на Востоке, а не в Петербурге и описывает одну лишь мудрую восточную правительницу, однако при этом сама восточная локализация оды в переводе остается чисто номинальной. Последнее наглядно демонстрирует примечание, сделанное Вольке к строкам перевода «*Ohne Furcht vor Köpfung bei der Mahlzeit / Auf der Fürsten Wohlseyn auch nicht trinken*» («И, казни не боясь, в обедах / За здравие царей не пить»), в котором педагог неожиданно призывает киргизов почаще задумываться о преимуществах их нынешнего положения:

Es würde gewiß den Kirgiesen noch einen höhern Grad von Zufriedenheit mit ihren izigen Umständen erregen, wenn sie lebhaft ihren ehmaligen und izigen Zustand oft dächten und verglichen.¹²³

[Без сомнения Киргис-Кайсаки почувствовали бы еще и больше удовольствия по нынешним своим обстоятельствам, если бы они часто воображали хорошенько о преждебытном и теперишнем их состоянии, и оное бы сравнивали между собою.]¹²⁴

Вольке на протяжении всей оды стремится тем самым не покидать пределов восточного царства, подданные его Фелицы, «киргизской царицы», это действительно не кто иной, как сказочные киргизы, аллегорически замещающие собой россиян. Такая последовательная аллегоризация тем не менее не может заменить вещественно-конкретный мир державинской оды. Восток у Вольке безлюден и абсолютно умозрителен, а образ Екатерины изъят из своего повседневного придворного окружения и дан крупным планом, как на парадном портрете.

¹²² В переводе «Фелицы», изданном в 1793 г. Коцебу, выпущенные Вольке строфы были снабжены обширным историко-культурным комментарием, без которого неосведомленному немецкому читателю смысл стихов остался бы непонятным. Ср.: *Gedichte des Herrn Staatsraths von Derschawin*. S. 4—7, 11.

¹²³ *Wolke C. H.* *Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken*. S. 276.

¹²⁴ *Wolke X. G.* *Книга для чтения и размышления*. С. 123.

С другой стороны, Вольке, конечно, был далек от того, чтобы переписывать державинскую оду в традиции похвальной оды, от которой «Фелица» отталкивалась. По этой причине его не заинтересовал и четырехстопный ямб — традиционный размер жанра, употребленный в «Фелице» и поэтому так выпячивавший слом традиции. Вольке сохранил строфику оригинала, но его перевод — без рифмы и метра, четырехстопный ямб в тексте порой лишь проскальзывает, как например в строфе: «Du liebst nicht sehr die Maskeraden...».¹²⁵

Несмотря на фикцию «перевод с арабского» и на сохраненную Вольке трактовку образа Фелицы в аллегорическом ключе (в «Das Buch...», как и в «Собеседнике», в одном из примечаний разъяснялось, что под Фелицей следует понимать мудрость),¹²⁶ для Вольке несомненно центральным остается изображение Екатерины. Однако он пытается изолировать это изображение от найденной Державиным словесно-поэтической его реализации. Цель Вольке — не ознакомление читателя с русской поэзией, а трансляция определенных идей и представлений для своих читателей (воспитанников). Стихотворный текст обладает здесь строго дидактической функцией, поэтому собственно поэтическое решение текста — особенности языка, размер, рифма, так же как и его взаимоотношения с традицией, — отходит на второй план.

«Фелица» завершает книгу, автор которой представлял метод оптимального, по его понятиям, обучения и воспитания будущего просвещенного члена общества. Идеалом такого просвещенного члена общества была сама просвещенная государыня, поэтому ее качества человека и правителя увенчивали «Das Buch...» как пример, достойный подражания. Державин прославлял добродетели императрицы, которые как нельзя лучше соответствовали просветительскому идеалу, представленному в учебной книге Вольке. Воспользуемся здесь формулировкой Грота: Державин воспевал «простот[у] ее образа жизни, кабинетный труд, отсутствие суеверия и изуверства, кротость, человеколюбие, правосудие, любовь к литературе».¹²⁷ Филантрописту Вольке был очень близок именно этот образ Екатерины, не случайно он называл ее «Menschenfreundin»,¹²⁸ это — немецкий синоним греческого слова «филантропистка», а обозначение «Menschenfreunde» упо-

¹²⁵ Wolke C. H. Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken. S. 273.

¹²⁶ Ibid. S. 272; Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей. 1783. Ч. 1. С. 6.

¹²⁷ Державин Г. Р. Собрание сочинений <...> с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 8. С. 294.

¹²⁸ Wolke C. H. Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken. S. 53—54.

треблялось филантропистами лишь по отношению к себе и своим единомышленникам. Характерен в этом смысле и другой речевой оборот Вольке: в 20-й строфе оды он переводит державинскую строку «Когда ты просвещаешь нравы...» как

Wenn Du die Seelen bildest...¹²⁹ —

что буквально значит: «Когда ты образуешь/формируешь души...», — то есть, по существу, *воспитываешь* своих подданных.

В рецензии на немецкую учебную книгу Вольке, появившейся в 1786 г. в «Allgemeine deutsche Bibliothek» и принадлежавшей перу близкого филантропическим кругам Фридриха Габриэля Резевица (Friedrich Gabriel Resewitz, 1729—1806),¹³⁰ критиковался среди прочего выбор басен, рассказов и поэтических произведений, помещенных в «Das Buch...». По мнению рецензента, многие из них не годились для передачи элементарных знаний или по своему содержанию были несообразны целям книги, обращенной прежде всего к юному читателю. В ряду таких неудачно выбранных текстов рецензент особо выделил «длинное стихотворение некоего Мурзы в конце книги».¹³¹ Трудно сказать, стало бы суждение Резевица менее резким, знай он об истинной символике фигуры Фелицы. Ясно одно: перевод «Фелицы» в книге Вольке — несмотря на его потенциальную адресацию универсальному читателю и нивелирование петербургских реалий — мог быть правильно воспринят только тем читателем, который знал, чей образ скрывается за именем Фелицы и, пожалуй, даже более того — только тем, кто был знаком с историей появления в свет державинской оды.

В чем суть этой историко-культурной коллизии? Выше мы говорили о необходимости освободить перевод от оригинала, но, как мы видим, в ином (не эстетическом!) смысле как раз именно знание оригинала (или хотя бы *об* оригинале) было в книге Вольке необходимым условием восприятия текста перевода. Дидактическая функция перевода — в отличие от других текстов книги — могла «работать» только на российского читателя, иначе текст оставался сказочной аллегорией, в которой с не вполне понятной для учебной книги целью изображалось идеальное государство и его идеальная владычица.

¹²⁹ Ibid. S. 276.

¹³⁰ Рецензия, подписанная криптонимом, атрибутирована по: Parthey G. Die Mitarbeiter an Friedrich Nicolai's Allgemeiner Deutscher Bibliothek nach ihren Namen und Zeichen in zwei Registern geordnet. (Nachdruck der Ausgabe Berlin, 1842). Hildesheim, 1973. S. 22—23, 38.

¹³¹ Allgemeine deutsche Bibliothek. 1786. Bd. 67. St. 1. S. 281.

Конечно, трудно удержаться от того, чтобы не увидеть в такой педагогической концепции желание польстить той, от которой зависела судьба немецкого педагога. Мы думаем тем не менее, что изображение монархини Вольке ассоциировал в первую очередь с необходимостью привязать книгу к российской реальности, обратить ее к молодому поколению, воспитание и обучение которого столь занимало Екатерину в те дни. Вольке выбрал при этом текст Державина — текст, далекий от традиции пышных похвал, в котором, по признанию современников, их автор, «проложивший на верх Парнаса путь новый», воспевал монархиню «простым слогом», «не лстя» ей, и тем самым снискал одобрение не только самой Екатерины, но и петербургской читающей публики.

Державинский текст в книге Вольке, таким образом, имел две важные функции: во-первых, дидактическую, поскольку через него транслировались к читателю определенные понятия и правила поведения, выработанные филантропической педагогией (и делавшие неизбежными корректировки оригинала), а во-вторых, культурно-идентификаторскую, поскольку через текст оды (его узнаваемость) конкретизировалось то культурное пространство, в которое направлялась воспитательная интенция.

Скажем в завершении несколько слов о переводчице державинской поэзии, последовавшим за Вольке. Когда в 1793 г. Август Коцебу предлагал вниманию публики свои переводы из Державина, он говорил о том, что намеревался «познакомить читателя с русской поэзией». Однако не будем делать скоропалительных выводов: Коцебу отнюдь не стремился донести до читателя, не владевшего русским языком, неповторимое своеобразие инокультурного оригинала, а лишь желал продемонстрировать уровень развития чужой поэзии, то есть степень приближения русских поэтов к неким совершенным образцам, которыми должно обладать каждое развитое культурное сообщество. Коцебу писал, что хочет «показать немцам, какого прогресса (Fortschritte) достигли русские на крутой тропе, проложенной к горе муз».¹³² Аналогичная декларация содержалась в предуведомлении к более раннему переводу «Изображения Фелицы».¹³³ Язык для Коцебу, так же как и для Вольке, прежде всего функционален, поэтому в их переводах адекватная передача стилистических особенностей оригинала не могла быть целеполагающей. Ценность определенного комплекса идей и высказываний не зависела от того, на каком языке они были выражены, и с этой же точки зрения оценивалась

¹³² Gedichte des Herrn Staatsraths von Derschawin. S. V.

¹³³ Видение Мурзы. Der Traum des Mursa. S. 2.

развитость поэтического языка. Так что, какими бы несхожими ни были мотивы обращения Коцебу и Вольке к державинской поэзии, «неадекватность» их переводов имела один и тот же исток — культурную функциональность, транслировавшую неповторимое и особенное, а то, что транслятор идентифицировал как универсальное и истинное.

Н. С. БЕЛЯЕВ

**РУССКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ XVIII ВЕКА —
КОНФЕРЕНЦ-СЕКРЕТАРИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ
(А. М. Салтыков, Ф. Х. Фелькнер, А. Ф. Лабзин)**

Многие русские писатели XVIII столетия проявили себя не только на литературном поприще, но и являлись талантливыми государственными деятелями. Некоторые из них имели отношение к Императорской Академии художеств — школе отечественного изобразительного искусства. В академическом Уставе, подписанном Екатериной II в 1765 г., в разделе пятом «О конференц-секретаре» написано: «1. Секретарю надлежит быть человеку искусному в науках, по колику оные к художествам принадлежат. 2. Должность его, содержать журнал получаемым нашим указам и вносить в оный всякие рассуждения и установления Академического Собраниа, и производить переписку как с присутственными местами, так и с иностранными академиями и с знатными художниками, сочиняя притом и историю Академии, ему же вверяется и меньшая печать».¹ Должность конференц-секретаря предполагала серьезные познания в области истории искусств, владение иностранными языками, наличие литературных способностей. К сожалению, затем в круг обязанностей конференц-секретаря была включена вся хозяйственная часть, что потребовало несколько других навыков и умений, и это обстоятельство не всегда положительно сказывалось на его работе. Результатами литературного труда писателей, занимавших пост конференц-секретарей в Академии художеств, становились собственные сочинения в виде речей или трудов монографического характера, а также переводы.

¹ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств, 1764—1914: Часть историческая / Авт.-сост. С. Н. Кондаков. [СПб., 1914]. С. 158.

Имена А. М. Салтыкова, Ф. Х. Фелькнера, А. Ф. Лабзина давно известны отечественным исследователям в различных областях гуманитарного знания — в этой статье делается попытка дополнить уже имеющийся материал возможно новыми фактами и документами. Так, об А. М. Салтыкове существует обстоятельное исследование, написанное Б. Л. Модзалевским² в начале 2000-х гг. Е. М. Елизаровой и Н. П. Собко в «Словаре русских писателей XVIII в.»³ помещена статья, посвященная его литературной деятельности; о Ф. Х. Фелькнере есть статьи в Русском биографическом словаре⁴ и словаре Брокгауза.⁵ Ситуация с изучением деятельности А. Ф. Лабзина несколько иная: кроме общих работ П. А. Бессонова,⁶ Б. Л. Модзалевского,⁷ Н. Ф. Дубровина⁸ есть публикации, близко связанные с затронутой здесь темой Н. А. Державина⁹ и Н. Д. Кочетковой.¹⁰ Последняя работа представляет особую ценность, поскольку включает богатый аналитический материал, основанный на исследовании значительного количества источников.

Как известно, первым конференц-секретарем Императорской Академии художеств был русский гравер и живописец Евграф Петрович Чемесов (1737—1765). Он находился в этой должности в течение двух лет (1762—1764) и вынужден был покинуть пост, поскольку не смог найти общий язык с академическим советом по ряду положений. 1 января 1765 г. новым конференц-секретарем назначается А. М. Салтыков.¹¹ Точная дата рождения русского писателя и переводчика Александра Михайловича Салтыкова

² Модзалевский Б. Л. Конференц-секретарь Академии художеств А. М. Салтыков // Русская академическая художественная школа в XVIII в. М.; Л., 1934. С. 95—98.

³ Елизарова Е. М., Собко Н. П. Салтыков А. М. // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 2010. Вып. 3 : (Р—Я). С. 86.

⁴ Фелькнер Ф. Х. // Русский биографический словарь. СПб., 1901. Т. 21. С. 46.

⁵ Фелькнер Ф. Х. // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1902. Т. 35. С. 446.

⁶ Бессонов П. А. Ф. Лабзин: Литературно-биографический очерк // Русский архив. 1866. № 6. С. 817—836.

⁷ Модзалевский Б. Л. А. Ф. Лабзин // Русский биографический словарь. М., 1914. Т. Лабзина—Лященко. С. 2—12.

⁸ Дубровин Н. Ф. Наши мистики-сектанты : А. Ф. Лабзин и его журнал «Сионский вестник» // Рус. старина. 1894. № 9. С. 145—203; № 10. С. 101—126; № 11. С. 58—91; № 12. С. 98—132; 1895. № 1. С. 56—91; № 2. С. 35—52.

⁹ Державин Н. А. «Ученик мудрости»: (А. Ф. Лабзин и его литературная деятельность) // Исторический вестник. 1912. № 7. С. 137—175.

¹⁰ Кочеткова Н. Д. А. Ф. Лабзин // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 2010. Вып. 3 : (Р—Я). С. 178—183.

¹¹ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования: В 3 ч. / Сост. П. Н. Петров. СПб., 1864. Ч. 1. С. 101.

неизвестна, вероятно, это 1726 или 1727 г. Службу А. М. Салтыков начал в 1744 г. в Преображенском полку, затем в 1753 г. он получил чин поручика Тобольского полка и закончил свою военную карьеру в 1760 г. в чине секунд-майора.¹² По всей вероятности, именно его брат, Борис Михайлович Салтыков (1723—1808), русский писатель, представитель И. И. Шувалова¹³ в Женеве для поддержания контактов с Вольтером, поспособствовал тому, что в 1764 г. А. М. Салтыков поступил в Академию художеств в качестве смотрителя за материалами при строительстве ее нового здания по проекту архитекторов А. Ф. Кокоринова (1726—1772) и Ж.-Б.-В. Деламота (1729—1800). Президент Императорской Академии художеств Иван Иванович Бецкой был приверженцем французского Просвещения, поэтому он не мог не обратить внимания на превосходное владение А. М. Салтыковым французским языком. С этого времени он «принял довольно живое участие в делах Академии, являясь правою рукою Бецкого и состоя членом Совета Академии».¹⁴

28 июня 1765 г. Екатерина II посетила Императорскую Академию художеств, к этому событию была подготовлена «Речь, которую Академия художеств при своей инаугурации приносит Ее Величеству Екатерине Второй Императрице самодержице и всероссийской всемилостивейшей основательнице и покровительнице всеподданнейше приносит благодарение»,¹⁵ произнесенная Александром Салтыковым. Принято считать, что ее авторство принадлежит А. П. Сумарокову.¹⁶ А. М. Салтыков подготовил ее перевод на французский язык, который частично был опубликован историком П. Н. Петровым в 1864 г.¹⁷

¹² *Модзалевский Б. Л.* Конференц-секретарь Академии художеств А. М. Салтыков. С. 95.

¹³ О Шувалове И. И. см.: *Степанов В. П.* Шувалов И. И. // *Словарь русских писателей XVIII в.* СПб., 2010. Вып. 3 : (Р—Я). С. 428—430.

¹⁴ *Модзалевский Б. Л.* Конференц-секретарь Академии художеств А. М. Салтыков. С. 95.

¹⁵ *Салтыков А. М.* Речь, которую Академия художеств при своей инаугурации приносит Ее Величеству Екатерине Второй Императрице самодержице и всероссийской всемилостивейшей основательнице и покровительнице всеподданнейше приносит благодарение, говоренная той же Академии конференц-секретарем Александром Салтыковым. СПб.: [При Императорской Академии наук], 1765. 10 с. Издание определено по библиографическому указателю: *Материалы к библиографии по истории Академии художеств, 1757—1957.* Л., 1957. С. 32.

¹⁶ *Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств...* Ч. 1. С. 767; *Елизарова Е. М., Собко Н. П.* Салтыков А. М. С. 86.

¹⁷ *Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств...* Ч. 1. С. 776—778.

Примечательно, что в 1766 г. в Императорскую Академию художеств из Московского университета пришла промемория¹⁸ за подписью директора Московского университета Михаила Хераскова.¹⁹ Из письма следовало, что А. М. Салтыков в университетской типографии заказал напечатать свой перевод романа П.-К. Мариво де Шамблена «Жизнь Марианны» в трех частях,²⁰ однако не заплатил требуемых за эту работу 279 р. 60 к. В качестве залога были оставлены вторая и третья части романа. М. М. Херасков потребовал, чтобы академическое начальство взыскало названную сумму с должника. Из документов, имеющих в архивном деле А. М. Салтыкова, можно узнать, что тираж этого издания составил 400 экземпляров; кроме того, он пообещал заплатить за него типографии.²¹ О таланте А. Салтыкова-переводчика очень точно сказали Е. М. Елизарова и Н. П. Собко: «Переводчик не только обнаруживает прекрасное владение французским языком, но и проявляет себя как хороший стилист». ²² Среди других переводов Александра Салтыкова с французского языка на русский следует назвать: повесть Ж.-Ф. Мармонтеля «Все или ничего» (М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1763) и комедию Б. Сорена «Обычай нынешнего века» (СПб.: Тип. Акад. наук, 1764;²³ 2-е изд. — М.: Тип. Комп. типографич., 1788).

По всей вероятности, Александр Салтыков был знаком с Дени Дидро, так как известно, что на заседании Совета Академии художеств 8 июля 1768 г. зачитывалось письмо французского писателя и философа Д. Дидро, адресованное на имя конференц-секретаря.²⁴ В январе 1769 г. на заседании Совета Академии Александр Салтыков получил диплом «на достоинство почетного академика»²⁵ знаменитой Болонской Академии — первой академии художеств в Европе.

¹⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 638. Л. 5. Письмо датировано 30.03.1766 г.

¹⁹ Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807), в 1756 г. был назначен асессором Университетской конференции, в его ведении находились библиотека, минералогический кабинет и университетская типография, с 1762 г. являлся цензором университетских изданий, с 1763 по 1802 г. директором Московского университета. Более подробно см.: *Кочеткова Н. Д.* Херасков М. М. // *Словарь русских писателей XVIII в.* Вып. 3 : (Р—Я). С. 345—349.

²⁰ *Жизнь Марианны, или Похождение госпожи графини де**** изданные де Мариво / Перевел с франц. яз. Александр Салтыков. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1762. Первый том содержал все три части.

²¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 638. Л. 6.

²² *Елизарова Е. М., Собко Н. П.* Салтыков А. М. С. 86.

²³ Издание опубликовано на средства А. М. Салтыкова тиражом 1200 экз.

²⁴ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств... Ч. 1. С. 181.

²⁵ Там же. С. 124.

О дальнейшей деятельности А. М. Салтыкова можно узнать из его переписки с И. И. Шуваловым, датированной 1770—1771 гг.²⁶ Основными вопросами, обсуждаемыми в этих письмах, являлись: обустройство русских пенсионеров в Италии, Франции, Германии, поиск необходимых преподавателей, у которых можно было бы им обучаться в Европе; привлечение для этой цели в качестве комиссионера Академии И. Ф. Рейфенштейна;²⁷ приобретение 6 экземпляров трудов знаменитого итальянского гравера Д. Б. Пиранези (1720—1778); возвращение из-за границы рисунков русского архитектора И. Е. Старова. В 1771 г. Александр Салтыков делает предложение об определении необходимого для Академии количества канцелярских служащих, а также о принятии на службу переводчика для ведения делопроизводства на иностранных языках.²⁸

Между тем историк искусства П. Н. Петров явно не в приятном свете показывает образ А. М. Салтыкова. «Удаление Е. М. Чемесова — первое дело еще правящего должность конференц-секретаря — выставляет нам Салтыкова человеком далеко не таким, какой нужен для сохранения общего мира между художниками. Интриги, затем следовавшие, подтверждают вполне такое о нем наше мнение. Притом живя не по состоянию, Салтыков с первого же времени бытия своего в Академии постоянно занимал у всех деньги и, долгая на стороне,²⁹ клал под сукно поступавшие в его руки на имя Академии долговые претензии на себя, изворачиваясь до времени. В крайности своей, получив как член ревизионного комитета влияние на фактора Академии, А. М. Салтыков скоро после того нашел верный способ получать деньги на свои нужды заимствованиями из сумм факторской, конечно, тайно по сделке с фактором Пальмом».³⁰ В сентябре 1772 г. все злоупотребления А. М. Салтыкова открылись, было проведено служебное расследование с письменным допросом конференц-секретаря и фактора. В своих объяснениях Александр Салтыков указывал: «...льстил, что, конечно, будет время то, что я сию сумму и с процентами заплачу, а между тем старался искать приятелей, которые бы сложились, хотя по несколько и заплатили, да и теперь обещают. Есть ли сие дело может тайно

²⁶ Там же. С. 187—192.

²⁷ Рейфенштейн Иоганн Фридрих (1719—1797), историк искусств, комиссионер, почетный академик Академии художеств.

²⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 407.

²⁹ В деле А. М. Салтыкова сохранились документы, подтверждающие его долги. См.: РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 638. Л. 7—20.

³⁰ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств ... Ч. 1. С. 767.

быть, что б я мог только в публике быть, то, конечно, месяца через два или три заплачу сию сумму, а еще больше есть ли буду отправлен в Москву...».³¹ 2 октября 1772 г. Александр Салтыков получил отставку и разрешение уехать в Москву. Только в 1774 г. он полностью смог рассчитаться с Академией художеств. Любопытно, что в аттестате, данном ему 28 июня 1774 г., указано: «должность свою отправлял с похвальным усердием»,³² скончался он в 1782 г.

После увольнения А. М. Салтыкова обязанности конференц-секретаря недолго (02.10.1772—31.05.1773) исполнял Василий Иванович Полянский (1742—1801), писатель, ротмистр; затем это место занял Ф. Х. Фелькнер. Сведений о Федоре Христиановиче Фелькнере (Völkner Christian Friedr), писателе и переводчике, сохранилось не слишком много. Известно, что он родился в 1728 г., вероятно, в начале 1748 г. приехал из Галле в Россию,³³ где служил в качестве переводчика при Академии наук в ведомстве главы Коллегии иностранных дел Н. И. Панина, затем секретарем в Сенате. Генерал-прокурор Сената князь А. А. Вяземский писал о службе Ф. Х. Фелькнера следующее: «...во всю бытность свою при делах правительствующего Сената вел себя добропорядочно и возложенную на него должность исправлял с надлежащим усердием и искусством, в штрафах и подозрениях не бывал».³⁴

Весной 1773 г. Ф. Х. Фелькнер обратился к президенту Императорской Академии художеств И. И. Бецкому с прошением: «Уведомился я, что при Императорской Академии художеств имеется вакансия конференц-секретаря, я же нахожусь без места тому теперь полтора года и считаюсь при Герольдии находящимся не у дел, и желаю под Вашим повелением отправлять помянутую конференц-секретаря должность так, чтобы оной Академии почетный Совет, видя мои труды, через малое время мог засвидетельствовать о моем усердии. Сего ради приемлю смелость всепокорнейше просить Ваше превосходительство дабы пожаловать, приняв меня в свое высокое покровительство, определить в оное место, где я уповаю с Божьей помощью и при совершенном усердии сделаться Императорской Академии художеств бесполезным, а через непорочное поведение себя одобрить и заслужить Ваше благоволение...».³⁵ Определение Совета Императорской Академии художеств не заставило себя ждать: «...с первого

³¹ Там же. С. 768.

³² РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 638. Л. 52.

³³ Там же. Д. 615. Л. 22.

³⁴ Там же. Л. 22 об. Аттестат датирован 02.09.1769 г.

³⁵ Там же. Л. 2. Май 1773 г.

июня минувшего 1773 года в должности конференц-секретаря [числится] г. надворный советник Фелькнер, который отменным прилежанием и согласным с желанием признан весьма способным и достойным утвержденного в настоящие Императорской Академии конференц-секретари...».³⁶

Ф. Х. Фелькнер превосходно владел немецким, шведским и французским языками. Так, им для публичных чтений в Академии художеств в октябре 1776 г. было составлено на немецком языке «Краткое приветствие Их Императорским Высочествам», а также переведена на французский язык с сокращениями «Привилегия», данная вместе с уставом Академии Екатериной II в 1764 г.³⁷ Названный перевод представлял особую ценность, так как позволял широкому кругу европейской художественной интеллигенции ознакомиться с основными направлениями деятельности этого учреждения. В следующем, 1777 г., Ф. Х. Фелькнером была подготовлена на русском языке речь «О воспитании».³⁸ Благодаря записи в Журнале заседаний академического совета от 3 сентября 1782 г. известно еще об одной работе Ф. Х. Фелькнера: «...читано сочиненное господином конференц-секретарем краткое изъяснение о побудительной к публичным сей Академии собрании причине, и что в воспитании и обучении ныне выпускаемого из Академии юношества по правилам, предписанным в Уставе монаршем и соответственно силе Привилегии, всемилодивейше пожалованной, прилагаемо было о их благонравии и успехах всевозможное попечение».³⁹ Последние две речи Ф. Х. Фелькнера свидетельствуют об его интересе к педагогике, прежде всего имеющей практическое применение в стенах Академии художеств.⁴⁰

На конференц-секретаре лежала большая ответственность за хозяйство и финансы Академии. Ф. Х. Фелькнеру в этом отношении удалось многое сделать: привести в порядок факторскую, создать инвентарную книгу на все находящиеся в ней предметы (21 000 единиц); составить специальную инструкцию для эконома, чтобы более эффективно вести хозяйственную часть; грамотно распорядиться деньгами, выделенными на строительство и ремонт здания Академии художеств; погасить академический долг

³⁶ Там же. Л. 7.

³⁷ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств... Ч. 1. С. 136.

³⁸ Там же. С. 137.

³⁹ Там же. С. 142.

⁴⁰ К сожалению, речи Ф. Х. Фелькнера, произнесенные им в публичном собрании Академии художеств, видимо, не сохранились, поскольку не были найдены среди архивных дел, находящихся в РГИА, об их публикации также ничего неизвестно.

на фантастическую для того времени сумму — 25 000 рублей; поставить воспитательную работу среди учащихся Академии художеств на должную высоту.⁴¹ Столь плодотворная деятельность Ф. Х. Фелькнера была по достоинству оценена: в 1780 г. «во всемилостивейшее уважение за долговременную службу и радетельные труды» он был пожалован в коллежские советники.⁴²

Однако случай с бывшим воспитанником Академии художеств Иваном Комисаровым⁴³ поставил крест на его успешной карьере. 10 августа 1784 г. «Совет Императорской Академии художеств, имея полное собрание, между прочим слушал поданное в оное Ивана Комисарова прошение, дабы Совет приложил свое старание о возвращении ему, Комисарову, двух сот рублей денег, заплаченных им академии художеств господину конференц-секретарю Фелькнеру будто бы за приложенные им труды о сбережении его Комисарова имения».⁴⁴ Решение Совета было однозначно: Ф. Х. Фелькнеру предлагалось вернуть деньги и уйти в отставку. Архивные документы не позволяют с полной уверенностью принять в этом деле сторону просителя или конференц-секретаря; Совет Академии художеств, чтобы избежать возможного скандала решил этот вопрос наиболее для него простым путем. По просьбе Ф. Х. Фелькнера, от Академии художеств ему была назначена пенсия в размере 365 рублей в год,⁴⁵ официальная причина увольнения звучала: «...за настигшею старостью и умалением зрения от дел академических уволен».⁴⁶

Дальнейшая судьба Ф. Х. Фелькнера требует дополнительных изысканий. Известно, что в 1792 г. вышел его перевод на немецкий язык пьесы императрицы Екатерины II «Историческое представление из жизни Рюрика (Подражание Шекспиру)»,⁴⁷ кроме того, он занимался древней российской историей и незадолго до смерти, в 1796 г., опубликовал несколько отрывков из своего труда.⁴⁸

Следующим конференц-секретарем Императорской Академии художеств был Петр Петрович Чекалевский (1751—1817), писа-

⁴¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 615. Л. 18 об., 19.

⁴² Там же. Л. 13.

⁴³ Комисаров Иван Яковлевич (1761—?), архитектор, воспитанник Академии художеств, которую окончил с аттестатом второй степени, пенсионер Академии за счет наследства, оставленного ему его дядей ювелиром Ориотти.

⁴⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 615. Л. 17.

⁴⁵ Там же. Л. 25.

⁴⁶ Там же. Л. 34.

⁴⁷ *Historisches Drama nach Shakespears Muster, ohne Beibehaltung der sonst üblichen Kunstregeln der Schaubühne, aus Ruriks Leben; 2-te russische Ausgabe mit Anmerkungen von Generalmajor Boltin. St-Pb., 1792.*

⁴⁸ *Allgemeine Literatur Anzeiger. 1796. № 41; 1797. № 72—74.*

тель, переводчик, историк искусства, вице-президент Академии художеств (1799—1817); он занимал этот пост 14 лет (1785—1799). Его значение для развития теории и практики отечественного искусства настолько велико, что требует самостоятельного исследования.

В сентябре 1799 г. новым академическим конференц-секретарем становится Александр Федорович Лабзин (1766—1825), русский писатель, переводчик, издатель, искусствовед, религиозный философ, масон; его родители — Федор Максимович, секретарь при военной канцелярии генерал-киргис-комиссара Н. Д. Хитрово и Екатерина Васильевна (?—1814). А. Ф. Лабзин получил прекрасное образование: первоначально в Университетской гимназии, а затем как студент Московского университета, отлично владел французским, английским, немецким и латинским языками, являлся издателем знаменитого «Сионского вестника», директором Российского Библейского общества, создателем масонской ложи «Умиравший Сфинкс». Служебная карьера А. Ф. Лабзина на первых порах была столь же успешной: в 1789—1799 гг. он — цензор личной корреспонденции и иностранных газет в секретной экспедиции С.-Петербургского почтамта, с 1804 г. — директор Департамента военно-морских сил, затем непреременный член Адмиралтейского департамента, в начале 1804 г. А. Ф. Лабзин был удостоен чина действительного статского советника и стал кавалером орденов Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 2-й и 3-й степени.⁴⁹

А. Ф. Лабзин приобрел известность своей литературной деятельностью, которая может быть прослежена в нескольких направлениях. В 1780-х гг. им были переведены с французского языка комедия П.-О.-К. Бомарше «Фигарова женитьба» (1787), опера Ла Рибадьера «Безрассудная искренность» (1787), драма Л. С. Мерсье «Судья» (1788), затем в 1802 г. появился его вольный перевод стихотворения «Бессмертие» Ж. Делиля. Кроме того, А. Ф. Лабзин переводил работы иностранных религиозных философов Я. Беме, И.-Г. Юнга-Штиллинга, К. Эккартсгаузена. В 1799 г., по распоряжению Павла I, А. Ф. Лабзин и А. Вахрушев должны были подготовить «Историю ордена Иоанна Иерусалимского». В 1799—1801 гг. этот пятитомный труд был опубликован, а А. Ф. Лабзин был пожалован званием историографа ордена. В 1807—1808 гг. он принимал участие в издании собрания сочинений Г. Р. Державина, а в 1811 г. был избран членом литературного общества «Беседа русского слова».

⁴⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 886. См. формулярные списки. Л. 20, 41—43, 69—71, 145—148, 217—218, 225—228.

В первые годы своей службы в Императорской Академии художеств А. Ф. Лабзин пишет тексты речей, читаемых им в ежегодных торжественных собраниях Академии. Именно в этих трудах можно проследить его эстетические и педагогические взгляды. По мнению А. Ф. Лабзина: «Изящные искусства основываются на трех главных свойствах: 1) правильности в рисунке, 2) изобретательности в сочинении, 3) сим в выражении: сии суть три столпа, на коих утверждается изящность их. Рисунок есть язык художеств; правильность одного есть грамматика художника; изобретательность есть его поэзия, а выражение — слог. Картина, статуя, здание или чертеж одного есть его диссертация, из которой усматривается и ум, и знания, и практическое искусство художника».⁵⁰

А. Ф. Лабзин придерживался демократических взглядов на состав художников, чьи работы были представлены на ежегодных выставках в Академии. В 1803 г. он писал: «Академия, Милостивые Государи, дает ежегодно, так сказать, отчет всей публике в упражнениях своих, представляя ежегодно в июле месяце взору любителя и любопытного зрителя новые произведения своих художников и посторонних, по желанию их».⁵¹ Александр Лабзин подчеркивает необходимость постоянной практики для художника, поскольку от этого зависит результат его деятельности, при этом вполне соглашаясь, что «не всякий художник каждый год может иметь такую работу, которою бы он льстился обратить на себя внимание публики».⁵² Особое место в своих речах А. Ф. Лабзин уделял моменту награждения художников, которое проходило в торжественной обстановке при участии президента, членов академического совета, почетных любителей и «других знатнейших особ». «Присутствие Ваше возжигает новый огонь ревности в трепетном их сердце, чающем предложенной сим награды — предмета соревнования их — достижение которой будет им еще лестнее, еще драгоценнее при свидетельстве Вашем. Равно ободряет оно и тех из них, которые совершив свое учение, вступают ныне из состояния поучающихся в состояние трудящихся и плодоносящих граждан»,⁵³ — писал А. Ф. Лабзин. Здесь явно прочитывается не только его желание обратить взор высшего общества на художников, но и еще доказать важность труда людей, посвятивших себя искусству. Кроме того, А. Ф. Лабзин прослежи-

⁵⁰ Лабзин А. Ф. [Речь] // Московские ведомости. 1806. № 76. С. 1432.

⁵¹ Лабзин А. Ф. Речь, говоренная в сем Собрании конференц-секретарем действительным статским советником и кавалером Лабзиным // Северный вестник. 1804. Ч. 3. С. 357.

⁵² Там же.

⁵³ Лабзин А. Ф. [Речь] // Московские ведомости. 1806. № 76. С. 1431.

вает переход воспитанников Академии художеств из «состояния поучающихся» в положение уже самостоятельных творческих личностей и называет их не подданными монарха, а гражданами, что еще совсем недавно, в царствование Павла I, было просто невозможно. Примечательно, что в своих речах А. Ф. Лабзин не обходил вниманием не только достижения отечественной школы изобразительного искусства, но и успехи лучших представителей иностранных академий художеств, что позволяло его современникам судить о развитии искусства в целом.

Литературные труды А. Ф. Лабзина были по достоинству награждены. 3 декабря 1816 г. в собрании Совета Академии художеств была зачитана грамота о пожаловании ему ордена Св. Владимира 2-й степени: «Признавая истинною заслугою обществу всякий подвиг, совершаемый для распространения и укоренения в народе истин, служащих к его временному и вечному благу, с особенным удовольствием обратили Мы внимание на ревность и труды употребляемые Вами для издания на отечественном языке многих книг, руководствующих к образованию духа и жизни по началам религии, единым, твердым и истинным. <...> Во уверение, что сие изъявление Нашего благоволения утвердит вас в упражнениях ваших и что вы продолжите предпочтительно заниматься изданием тех книг, кои ведут к познанию простоты истин христианских...».⁵⁴

Б. Л. Модзалевский справедливо отмечал: «В качестве конференц-секретаря Академии художеств, а затем ее вице-президента Лабзин много сделал для Академии, как человек энергичный, дельный и с изящной натурою он принимал живейшее участие в судьбах русского искусства и его деятелей, которые сохранили о нем благодарное воспоминание. Помимо административной работы Лабзин с особенной любовью следил за педагогической стороною академической жизни: он часто приглашал к себе воспитанников, учил и заставлял их петь русские песни, устраивал для них домашние спектакли, в которых играл и сам, сочиняя для театра небольшие пьесы в стихах, что показывает живость его природы и здравый взгляд на воспитание».⁵⁵ Подобное отношение А. Ф. Лабзина к учащимся Академии художеств находило свое подтверждение в воспоминаниях его современников: «...воспитанники очень радовались, когда Лабзин приезжал на экзамены, которые производились обыкновенно в присутствии президента

⁵⁴ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств. Ч. 2. С. 85. На документе стояла подпись императора Александра I.

⁵⁵ Модзалевский Б. Л. А. Ф. Лабзин. С. 4.

Оленина. Войдя в зал, Лабзин принимался скрипеть сапогами и производить такой шум, что совершенно заглушал голос ученика, последнего отсылали на место и, таким образом, экзамен проходит благополучно»,⁵⁶ — писал русский художник Ф. Г. Солнцев (1801—1892).

Между тем в начальный период правления президента Академии художеств Алексея Оленина, связанного с проведением необходимых реформ по переустройству всей академической жизни, А. Ф. Лабзин занял враждебную позицию: «...в открытую конфронтацию с Олениным вступил лишь конференц-секретарь А. Ф. Лабзин <...> другие влиятельные члены Совета составили негласную оппозицию новому президенту Академии с первых же дней его правления. Началась борьба с устаревшими профессорами, учителями и классными смотрителями. <...> На всяком шагу новый президент наталкивался на противодействия. Советники и конференц-секретарь Правления (покойный Лабзин) возненавидели Алексея Николаевича; возбудили против него все академическое общество: ректоров, профессоров, академиков. Мало этого, г. Лабзин делал в Советах такие выходки, каких другой президент не перенес бы; но Алексей Николаевич не таков был, чтобы отступить от принятого правила: забывая все личности, он шел к улучшениям Академии».⁵⁷ Возможно, здесь сказался еще и характер А. Ф. Лабзина, точно подмеченный Б. Л. Модзалевским: «Избалованный подчас раболепным отношением к себе и зная силу своего влияния, Лабзин казался часто человеком гордым, надменным».⁵⁸ Кроме того, ему оказывали свое покровительство император Александр I и министр народного просвещения князь А. Н. Голицын. В 1817 г. скончался вице-президент Академии художеств П. П. Чекалевский и в январе 1818 г., несмотря на явное нежелание президента Академии, А. Ф. Лабзин был утвержден в этой должности.

Судьбу А. Ф. Лабзина решил случай, когда он на заседании академического совета высказался против избрания в почетные вольные общники В. П. Кочубея, Д. А. Гурьева и самого А. А. Аракчеева — приближенных к императору лиц. «Между тем лабзинская история стала достоянием гласности: 25 сентября 1822 г. Карамзин писал к И. И. Дмитриеву: «Вот анекдот: в Академии художеств предлагали графа Кочубея в почетные члены, как любителя искусств и человека близкого к государю;

⁵⁶ Императорская Санкт-Петербургская академия художеств: Краткий исторический очерк / Сост. С. К. Исаков. СПб., 1914. С. 37.

⁵⁷ *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин. СПб., 2004. С. 161.

⁵⁸ *Модзалевский Б. Л.* А. Ф. Лабзин. С. 10.

а Лабзин сказал академикам: „Если надобно выбирать в члены людей, близких государю, то предлагаю вам Илью кучера!“ Эта глупая шутка дошла до полиции, как слышно». ⁵⁹ Конечно, это явно необдуманное высказывание А. Ф. Лабзина было воспринято Александром I крайне негативно и послужило не только его отставке, но и высылке из столицы 20 октября 1822 г. в город Сенгилей. Только спустя полгода последовало разрешение А. Ф. Лабзину поселиться в Симбирске, где он и скончался 7 февраля 1825 г.

Кроме общеизвестной причины отставки А. Ф. Лабзина существует и другая косвенная версия. Известно, что император Александр I в последний период своего правления занял враждебную позицию по отношению к масонским организациям. 12 августа 1822 г. им был подписан указ «О запрещении тайных обществ и масонских лож», явно направленный против масонов, особенно тех из них, кто находился на государственной службе. В 3-м пункте этого документа значится: «Как несвойственно чиновникам в службе находящимся обязывать себя какой-либо присягою, кроме той, которая законами определена поставить в

⁵⁹ *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин. С. 168. Кроме того, есть описание этого события в письме известного скульптора И. П. Мартоса к И. Р. Мартосу от 16 января 1822 г.: «Из письма вашего я вижу, что вам известна участь Александра Федоровича Лабзина; я вам скажу, что он более несчастлив, нежели виноват; его уже здесь нет, он, как великий преступник, выслан отсюда в сопровождении полицейского офицера в город Синглей Симбирской губернии за 1519 верст отсюда. Известно, что в словах он был неводержан и в публике шел за дерзкого, но сам он этого в себе не видел, и ему казалось, что говорит безгрешно. В академическом совете в присутствии президента, при назначении в почетные любители графа Кочубея, графа Аракчеева и графа Гурьева, когда мною объявлено было сожаление, что академия за неимением места не может иметь своим сочленом графа Остермана-Толстого, который, как уже известно, покровительствует художников, а притом и близок государю, он сказал сии слова: и Илюшка близок к государю, то и его принять в члены (Илья — кучер государя). Сие слово разнеслось по городу и дошло до военного генерал-губернатора; в донесении же так преувеличено, что он будто бы сказал сие, ругая вышеописанные важные лица. Я имел случай говорить с графом Алексеем Андреевичем, удовлетворил его, что он их не ругал и объяснил в точной истине сказанное Лабзиным. Говорят, что его путешествие было несчастливо: в Москве не позволено было ему прожить более одного дня, а почтенная его жена в дороге, при падении кареты, так повердила себе ноги, что уже не ходит; сам же он имеет падучую болезнь, которой припадки часто с ним бывают, и в дороге с ним случились. Книга его перевода — Торжество Евангелия здесь не всеми хорошо принята, многие, прочитав объявление переводчика и начало книги, в коей находятся вопросы неверующего, бросают и не хотят дочитывать ее до конца, хотя в ней выставлены неопровержимые доказательства патера неверующему; они кажутся ужасными и говорят — на что делать такие вопросы, которые отрицают божественность Спасителя». См.: Частная переписка И. Р. Мартоса, 1817—1880. Киев, 1898. С. 18—19.

обязанность всем министерствам и другим начальствам, в обеих столицах находящимся, потребовать от чиновников, в ведомстве их служащих, чтобы они откровенно объявили, не принадлежат ли они к каким-либо масонским ложам или другим тайным обществам в Империи, или вне оной, и к каким именно?»⁶⁰ 19 августа 1822 г. в Академию художеств из Министерства духовных дел и народного просвещения поступили формы расписок для чиновников и преподавателей об их участии в масонских ложах и тайных обществах. 17 человек сознались в том, что были причастны к различным масонским ложам. Среди них можно обнаружить имена известного русского художника, советника Академии художеств В. Л. Боровиковского и протоколиста К. П. Скворцова,⁶¹ которые принадлежали к масонской ложе «Умиравший Сфинкс». В том числе сохранилась и расписка самого А. Ф. Лабзина, где раскрывалась деятельность его ложи.⁶² Таким образом, активное

⁶⁰ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 170. Л. 5.

⁶¹ Скворцов Козьма (Кузьма) Петрович (1784—?), протоколист в Академии художеств, учитель мифологии 2-го возраста Воспитательного училища при Академии художеств, попечитель Комитета Императорского Человеколюбивого общества, секретарь А. Ф. Лабзина.

⁶² «Я, нижеподписавшийся, объявляю, что я принадлежал к ложе так в просторечии называемых Новиковских братьев масонов в Москве, которая не только давно упразднилась, но и из членов ее составляющих едва ли, кто остается в живых. По возобновлении же лож здесь в Петербурге я был почетным членом двух лож, состоящих под ведением большой ложи Астреи: немецкой, Александра, коронованного Пеликана и русской — Российского Орла, также для братьев, не любящих шумных собраний и хвастовства, по праву, которое мне приобретенные в масонском ордене степени давали, держал особую независимую ложу умирающего Сфинкса, которая и самому Его Императорскому Величеству была известна, ибо когда 5 декабря прошлого 1821-го года г. обер-полицмейстер с г-ми полицмейстерами, частным приставом делами осмотр в квартире, которая нанималась для ложи, и в оной некоторые вещи запечатали и найденные тамо бумаги были ими взяты: то на другой же день по утру прислан ко мне был полицмейстер г. полковник Чихачев, который, извиняясь в причиненной нам вчерашнего дня тревоге, взятые из ложи бумаги мне возвратил и предложил свою готовность снять и наложенные на некоторые вещи печати, что в то же утро и исполнил, уверяя, что мы можем несомненно и беспрепятственно продолжать наше доброе дело. Вследствие чего по вступлении опять в нашу ложу мы единогласно положили праздновать ежегодно день рождения Его Императорского Величества, хотя бы и по времени и другой Государь сидел на российском престоле, яко истинного благодетеля и высокого покровителя нашего. Но несмотря на все поданные мне уверения в безопасности, мысль о прекращении масонских работ, как бы по предчувствию некоему, от меня не отставала и 28-го еще апреля я ложу свою закрыл, а как теперь и все другие вследствие высочайшего повеления также уже закрыты, то я ни к какой ложе более не принадлежу; к другим же тайным обществам, ни внутри, ни вне отечества нашего, никогда я не принадлежал. И как и по масонским, равно как и по христианским правилам, одна из первейших должностей каждого есть повиновение законной власти, то на основании последовавшего ныне Высо-

участие А. Ф. Лабзина в масонском движении, если не стало первопричиной его отставки, то во всяком случае вполне могло способствовать ей.

В заключение следует сказать, что служба в Академии художеств влияла на творчество А. М. Салтыкова, Ф. Х. Фелькнера, А. Ф. Лабзина, а иногда отражалась и на судьбе писателей, что безусловно необходимо учитывать при рассмотрении их наследия в рамках истории русской литературы XVIII столетия.

чайшего повеления обязуюсь отныне впредь ни сей ложе и ни к каким другим ложам или тайным обществам как в империи, так [нрзб.] народится могущим не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь» (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 170. Л. 30).

Э. ХЕКсельшнайдер

**НОВОЕ О СТУДЕНЧЕСКИХ ГОДАХ
А. Н. РАДИЩЕВА И ЕГО ДРУЗЕЙ.
ДВА НЕИЗВЕСТНЫХ ПИСЬМА К Х. А. КЛОДИУСУ**

Об источнике публикации

Дошедшая до нас переписка А. Н. Радищева не слишком обширна. В «*Полном собрании сочинений*» опубликовано всего 108 писем за период с 1779 по 1802 г.;¹ в позднейшие годы новых находок в этой области не было сделано.² За исключением официальных бумаг в составе следственного дела не сохранились и письма лейпцигского периода — не только от Радищева, но и от других русских студентов. Тем больший интерес представляют публикуемые здесь два письма студентов лейпцигской «екатерининской группы», а именно А. Н. Радищева и А. К. Рубановского их университетскому учителю Х. А. Клодиусу.

Прежде всего необходимо сказать о происхождении писем. В рукописном собрании Музея городской истории Лейпцига (*Stadtgeschichtliches Museum Leipzig*) хранятся два письма профессору философии Лейпцигского университета Х. А. Клодиусу, написанные различными почерками по-немецки и подписанные соответственно «*Alexander von Radistscheff*» (Лейпциг, 20 сент. 1769) и «*A. von Rubanofski*» (Лейпциг, 21 сент. 1769). Как следует

¹ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л. 1952. Т. 3. С. 307—536, примеч. с. 604—657.

² Стоит отметить, что в корпус Полного собрания сочинений не вошли три записки Радищева, находившиеся в том числе в известных редакторам архивных делах. Две из них были опубликованы позднее: *Старцев А. И.* Университетские годы Радищева. М., 1956. С. 46; *Бабкин Д. С.* Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952. С. 152; одна до сих пор остается неопубликованной (РГАЛИ. Ф. 1719. Оп. 2. № 5; частичная публикация (приписка Е. А. Радищевой): *Татаринцев А. Г.* А. Н. Радищев : Архивные разыскания и находки. Ижевск, 1984. С. 239).

из книги поступлений музея, эти два письма были приобретены в составе «собрания лейпцигских автографов» 18 января 1912 г. у фирмы Карла Эрнста Хенрици (Heinrici; фирма располагалась по адресу Berlin SW 75, Курфюрстенштрассе, 148); цена указана только за все собрание в целом. Откуда рукописи поступили в фирму Хенрици, здесь не отмечено — таким образом, проследить их историю далее не представляется возможным. Ничего не известно и о письменном или устном ответе адресата писем «Monsieur Clodious [sic], Professeur» (так он обозначен на подписанном неизвестным почерком конверте).

Оба письма до сих пор не упоминались исследователями жизни и творчества Радищева. Я познакомился с указанием на них при следующих обстоятельствах. В разделе новой пятитомной «Истории Лейпцигского университета. 1409—2009», названном «Истоки современной науки. Лейпцигский университет в период Просвещения до университетских реформ. 1650—1830/31» лейпцигский историк Детлеф Дёринг³ процитировал один абзац из публикуемого ниже письма Радищева, а именно — в связи с замечанием о действовавших в то время в Лейпциге салонах — фрагмент о дамах. По собственному признанию (23 ноября 2011 г.), историко-литературная значимость этой находки Д. Дёрингом не осознавалась. Проведенная мною в музее 8 ноября 2011 г. сверка de visu письма Радищева обнаружила в том же деле также и публикуемое ниже письмо Рубановского, писавшего Клодиусу о своих занятиях в переводах.

К сожалению, о подлинности документов нельзя говорить однозначно, поскольку источники для сверки почерков, близкие по времени создания к публикуемым письмам, отсутствуют. Образцы немецкого почерка Радищева редки. Единственный источник самого раннего известного до сих пор его немецкого письма — данный в начале мая 1771 г. официальный отказ от использования при обучении книги И. Г. Беме «О европейских государственных делах» и замене лекционного курса чтением сочинений Мабли (он записан как приписка к соответствующему отказу С. Н. Янова) — представляет собой писарскую копию.⁴ Еще более краткая записка, написанная по-немецки, была адресована Радищевым 20 июня 1790 г. И. Г. Шнору; в ней объяснялось, почему писатель

³ Bünz E., Rüdgersdorf M., Döring D. (Hrsg.). Geschichte der Universität Leipzig 1409—2009. Bd. 1 : Spätes Mittelalter und Frühe Neuzeit 1409—1830/31. Leipzig, 2009. S. 669 f.

⁴ Старцев А. И. Университетские годы Радищева. С. 46; оригинал: РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. № 62. Л. 212 об. Здесь же находится и единственный известный мне немецкий текст Рубановского (всего одно предложение!), который, по указанию А. А. Костина, также представляет собой писарскую копию.

все еще не может расплатиться с типографом за приобретенный у последнего печатный станок.⁵ Эта записка сохранилась в следственном деле о Радищеве и книгопродавце Зотове в подлиннике; несмотря на иной характер написания этой краткой и, по-видимому, спешной записки в отличие от обширного и тщательно продуманного письма 1769 г., в целом их сверка позволяет говорить, что перед нами один, хотя и существенно изменившийся за двадцать лет почерк (показательно не только сходное написание большинства букв, но и идентичные написания блоков букв «bli», «ich» и др.). Другим источником, по которому можно достоверно судить о подлинности радищевского почерка в публикуемом письме, служат немецкие фрагменты в письмах Радищева А. Р. Воронцову, написанных по-французски, подлинники которых хранятся в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. Обращение к ним наглядно подтверждает, что и в 1790-х гг. французская и немецкая рукописная графика у Радищева существенно различалась. Особо показательно письмо от 24 марта 1792 г.,⁶ где приводятся названия немецких книг — здесь Радищев переходит на характерное для лейпцигского письма написание «и» с галочкой сверху; различно пишет «F» в «Finlande» французского текста и «Finischen» немецкого; показательно различное написание «г» (во французском тексте — хвостиком влево; в немецком, как и лейпцигском письме, — галочкой с хвостиком вправо). Различаются также написания «z», «h», «v»; в целом написание этих букв сходно с лейпцигским письмом; сходно и написание большинства общих для двух график (немецкой лейпцигского письма и графики писем Воронцову) букв «m», «d», «a», «f» и других. Вместе с тем для лейпцигского письма характерно готическое написание «е» как «n» — в письмах Воронцову во французской и немецкой графике эта буква пишется одинаково и отличается от лейпцигского письма; в записке Шнору написание сохраняется. Таким образом, по мнению А. А. Костина, в отношении лейпцигского письма, в целом, можно сказать, что перед нами радищевский немецкий почерк, изменившийся со временем.

Я склонен согласиться с этим мнением, поскольку в пользу подлинности письма служат и другие доводы. Все факты, сообщаемые в обоих письмах, вполне соответствуют сведениям, известным по имеющейся литературе о пребывании Радищева в Лейпциге. Письма адресованы находившемуся в гостях у род-

⁵ Бабкин Д. С. Процесс Радищева. С. 152; оригинал: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 2760/1. Л. 62.

⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 1220. Л. 236; ср.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 430—436. Письмо к А. Р. Воронцову от 24 марта 1792.

ственников в Цвикау профессору Клодиусу; непродолжительная разлука с ним стала поводом сообщить ему некоторые сведения об общественной жизни Лейпцига (начало книжной ярмарки и театрального сезона), о которых адресату, конечно, давно было известно. Хотя нельзя исключить (в том числе основываясь на подписанном третьим почерком конверте), что в обоих случаях мы имеем дело со списками писем, беловые варианты которых студенты подготовили своему учителю из «эстетических» сообщений, между тем стоит отметить, что оба письма написаны разными почерками, поэтому подобную версию без дополнительных доводов вряд ли стоит рассматривать.

Личные связи группы русских студентов с лейпцигскими профессорами и студентами. Новые материалы

Находка двух писем представляется мне удобным поводом вновь поднять заброшенные в последнее время исследования и предложить некоторые новые (а также забытые) материалы, связанные с пребыванием в Лейпциге первой группы отобранных лично Екатериной II и отправленных в Лейпцигский университет студентов. В данном случае речь может идти как об отношениях русских студентов с их соучениками по университету, так и об их связях с некоторыми немецкими профессорами.

Как известно, в 1767 г. в эту группу было включено 12 студентов, из которых 11 добрались до Лейпцига. Места, становившиеся вакантными как вследствие смерти, так и из-за возвращения студентов в Россию, вплоть до 1775 г. заполнялись новыми учениками, что позволило в последнее время А. Ю. Андрееву условно назвать эту группу «русским студенческим институтом».⁷ Впрочем, параллельно с этой группой в те же годы в университет поступали, хотя и редко, другие студенты. Во главе группы стояли инспектор Егор Федорович Бокум (Gerhard George von Alten-Bockum), иеромонах Павел и с марта 1772 г. в качестве учителя русского языка — Сергей Иванович Подобедов (1753—после 1815), в то же время обучавшийся в университете. Содержание группы стоило российской казне ежегодно около 15 000 рублей (что равнялось в то время штатной сумме Московского университета),⁸ целью ее создания предполага-

⁷ Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII—первой половины XIX века. М., 2005. С. 186.

⁸ Там же. С. 191.

лась подготовка высокообразованных чиновников для государственной службы. До сих пор исследования этого «института» были связаны главным образом (не в последнюю очередь из-за круга доступных источников) с тремя темами: а) с так называемым «бунтом» студентов против их инспектора в первый учебный семестр (1767—1768), вылившимся в конфликт с университетским начальством и потребовавшим вмешательства дрезденского посланника; б) взаимоотношениями студентов внутри группы, отличавшимися чрезвычайно высоким уровнем сложившейся в этом коллективе солидарности и взаимопомощи;⁹ наконец, в) с учебными планами и ходом занятий студентов (эта область до сих пор остается наименее изученной).

Почти не изучено, чем занимались студенты в свободное время, каково было их положение в лейпцигском обществе, как они общались с другими студентами и какие личные отношения устанавливались у них с их учителями и профессорами. Иначе говоря, мы до сих пор не можем ответить на вопрос: с кем встречались русские студенты в свободное время, помимо официальных контактов с немецкими преподавателями и встреч с проезжавшими через Лейпциг русскими путешественниками? Известные на данный момент материалы на эту тему пока незначительны по числу и маловыразительны. Лейпцигский университет рассматривается обычно как учреждение, где коллективом выдающихся ученых студентам давалось фундаментальное образование; между тем город был также центром моды и светской жизни. Поэтому лейпцигские власти неоднократно делали попытки оградить университет от «опасностей», к которым сводилось по большей части свободное времяпровождение студентов. Имелись в виду связи с противоположным полом, азартные игры, чрезмерное посещение театров; поездки на празднества в окрестностях Лейпцига;

⁹ См. об этом: *Старцев А. И.* Университетские годы Радищева. Второе дополненное издание под названием «Радищев. Годы испытаний» (М., 1990) не сообщает ничего нового по данному вопросу; *Старцев А. И., Шлухтер Б. А.* Волнения русских студентов в Лейпциге в 1767 году // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1956. Вып. 18. С. 230—327; *Татаринцев А. Г.* А. Н. Радищев в Лейпциге // *Zeitschrift für Slawistik*. Berlin. Jg. 20 (1974). Hf. 5. S. 629—649; *Андреев А. Ю.* «Золотая пора» // Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах. С. 182—208; из немецкой литературы см.: *Hoffmann P.* 1) *Russische Studenten in Leipzig 1767—1771* // *Deutsch-slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten*. Berlin, 1956. S. 337—348; 2) *Radiščev in Leipzig* // *Karl-Marx-Universität Leipzig 1409—1959: Beiträge zur Universitätsgeschichte*. Leipzig, 1959. Bd. 1. S. 193—207; *Hexelschneider E. A. N.* Radiščevs Leipziger Studiengang // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig*. GSR 26. Jg. (1977). H. 4. S. 357—367.

даже фехтование и верховая езда считались чрезмерно опасными для нравственности студентов.¹⁰

Обучение студентов в том, что касалось необходимых к слушанию курсов, было строго определено высочайшей «инструкцией». Оно включало в первую очередь языки (латынь, немецкий и французский), а также такие предметы, как нравственная философия, логика и история, и наконец, основные предметы — естественное и народное право, «несколько» римского права (§ 2) и математика. Требовалось обязательное участие в «публичных диспутах» и других ученых торжествах университета (§ 3).¹¹ В выборе других предметов студентам предоставлялась свобода: «Прочим наукам обучаться оставить всякому на произволение» (§ 2). Досуг и свободное время строго регламентировались инспектором (в том числе и в духе приведенных выше предостережений университета от «опасностей», поджидавших студентов в городе): прогулки разрешались только группами и только в черте города, причем студентам позволялись только «пристойные увеселения» — «прогуляться на известные часы, только б не одному и не в дальное от города место. Газартные игры им запрещаются». В результате прочими студентами они чаще всего воспринимались как группа «обучающихся в здешней академии двенадцати русских благородных господ»,¹² а не как отдельные лица. Впрочем, русские студенты смело нарушали строгие предписания и создавали собственные рамки свободы. Уже в первом донесении от 1 мая 1767 г. о поведении «своих» студентов Бокум сообщал А. В. Олсуфьеву, что они отправились в деревню под Лейпцигом, где «ели пирожки, нарушая пост».¹³ Со временем список нарушений студентов против пунктов инструкции только рос: студенты (по Бокуму) «без разрешения и надзора бегают по всему городу»; были уличены в (запрещенной) «скачке верхом по городу». Наконец, русские студенты общались с девушками; позднее гофмейстер говорил о «непреодолеваемой их склонности к женскому полу» (в нарушении этих запретов саксонские и прочие студенты Лейпцига также уличались неоднократно).¹⁴ Жалобы Бокума были вовсе

¹⁰ Bünz E., Rüdersdorf M., Döring D. (Hrsg.). Geschichte der Universität Leipzig 1409—2009. Bd. 1. S. 195, 612, 615, 618 u. a.

¹¹ Старцев А. И., Шлуктер Б. А. Волнения... С. 315—318.

¹² Leipziger Zeitungen. Extract der eingelaufenen Nachrichten 20. Stück vom 14. Mai 1768. См. подробнее: Hillert S. Neue Materialien aus der Leipziger zeitgenössischen Presse über den Aufenthalt der russischen Studenten in Leipzig 1767—1769 // A. N. Radiščev und Deutschland. Berlin, 1969. S. 31—32.

¹³ Старцев А. И. Университетские годы Радищева. С. 55.

¹⁴ Там же. С. 119 и сл.

не беспочвенны — позднее появились достоверные упоминания о связях студентов в Лейпциге с женщинами, в том числе и с проститутками, — как об интрижках, так и о подлинных любовных чувствах. Так, например, Радищев в своем рассказе о быте студентов прямо признается: «...не утаю и того, что деньги, нами из домов получаемые, послужили к нашему в любовострастии невоздержанию»,¹⁵ находя, впрочем, причину этого факта в недостаточном контроле за юношами, помещенными в «развратное общество». Известно также о венерических болезнях Ф. В. Ушакова и В. Н. Зиновьева, о чем последний открыто говорит в своей автобиографии. Об А. К. Рубановском рассказывали, что чрезвычайно усердные занятия (он работал «каждый день 14 часов») не помешали ему «улучить время для любовной интриги»¹⁶ с некоей немецкой девушкой (она оказалась беременной). Рассказывают также другую историю, которая случилась в 1771 г. со старшим из братьев Олсуфьевых и позволяет пролить свет на порядки того времени. Их отец, Адам Васильевич Олсуфьев, был статс-секретарем при Екатерине II. Дмитрий влюбился в дочку немецкого торговца, о чем стало «знаемо всему городу». Но в то время это было совершенно исключено, связь между представителями дворянского происхождения и торгового сословия была невозможна и по приказу отца прекращена.¹⁷

Отношения студентов и их инспектора достигли стадии открытого конфликта и вызвали взаимные жалобы в Санкт-Петербург и Дрезден. Развитие конфликта заставило власти вмешаться и провести расследование, после чего некоторые студенты сочли для себя возможным вместо читавшихся по-немецки исторических лекций профессора И. Г. Беме начать посещать лекции профессора Х. Ф. Шмида по нравственной философии, которые читались на более понятном для них французском языке.¹⁸ Итог этого «бунта» против наставника хорошо известен. В результате проведенного дрезденским посланником А. М. Белосельским расследования было решено, что поведение студентов по отношению к Бокуму «отвечало их намерениям и желанию отделаться от своего наставника и жить свободно по примеру многих студентов

¹⁵ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 168—169.

¹⁶ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.; Л., 1959. С. 54.

¹⁷ Хексельшнейдер Э. Русские студенты и стажеры Лейпцигского университета до Первой мировой войны // Е. Тумим, Э. Хексельшнейдер (ред.). Русский мир Лейпцига. Лейпциг, 2011. С. 79.

¹⁸ Хексельшнейдер Э. Профессор Христиан-Фридрих Шмид, учитель русских студентов в Лейпциге // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7. С. 220—227.

в Лейпциге».¹⁹ Эта борьба за бóльшую свободу быта и обучения завершилась успехом, поскольку более Бокум их не притеснял. Как заметил позднее Радищев, «с того времени жили мы с ним почти как ему неподвластные; он рачил о своем кармане, а мы жили на воле и не видали его месяца по два».²⁰ Подобное мнение разделялось всеми студентами, поскольку даже самый молодой из них, В. Н. Зиновьев, достаточно отчетливо отмечает в своих воспоминаниях «два периода <...> пребывания в Лейпциге», разделяемые «побегом (fuite) майора» и расселением студентов в два дома.²¹

Теперь русские студенты могли более интенсивно приняться за учебу, в том числе заниматься интересовавшими их научными проблемами, а также выстраивать собственное свободное время подобно прочим воспитанникам университета. Конфликт русской группы с ее инспектором и вмешательство университетских властей не остались незамеченными лейпцигской публикой. Уже при разборе происшествия с Насакиным в апреле 1767 г., когда Бокум дал (или собирался дать) студенту пощечину, Ф. В. Ушаков (воспринявший ее, как и Насакин, оскорблением чести всего дворянства) замечал: «На нас указывают пальцами, вот, говорят, русские господа, одному из которых майор дал пощечину!», и заключал: «Это — бесчестие для всех русских».²² Также и Бокум сообщал, что «дурное поведение господ [и их нежелание подчиняться] сделали басней для всего города».²³ Понятно, что местная пресса в то время не могла ничего сообщать о подобных событиях; однако о степени известности истории, по меньшей мере в университетской среде, можно судить по свидетельству, оставленному Мишелем Губером (Michael Hubert, 1737—1804), занимавшим в Лейпцигском университете с 1766 г. должность учителя французского языка, обучавшим и русских студентов, который охарактеризовал их в официальном аттестате достаточно лестно: «...весьма удовлетворен их вежливостью и манерами, а также усердием и точностью прихода».²⁴ Между тем в частной переписке он отзывался о своих учениках совсем иначе: так, в письме своему другу, граверу Хансу Георгу Вилле, Губер писал: «Но уверяю Вас, что эти двенадцать русских доставляют нам

¹⁹ См.: *Старцев А.* Университетские годы Радищева. С. 163. Донесение А. М. Белосельского Н. И. Панину от 10 (21) июля 1767 г.

²⁰ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 175.

²¹ *Зиновьев В. Н.* Воспоминания // Русская старина. Т. 23 (1878). № 12. С. 613 и след.

²² См.: *Старцев А. И.* Университетские годы Радищева. С. 107.

²³ Там же. С. 117.

²⁴ Там же. С. 33, примеч. 2.

больше беспокойства, нежели все остальные здешние студенты. Они невзлюбили своего гувернера, награждают его самыми бранными эпитетами, и, думаю, некоторых из них он заслуживает. Недавно они все в полном составе появились в его комнате, набросились на него, а один из них выхватил шпагу и пронзил бы его, если бы бедному майору не пришли на помощь». Это изложение эпизода с Насакиным делает очевидным масштаб распространения слухов в городе. Губер не осмеливался даже продолжать занятия «из опасения быть втянутым в их распри».²⁵ Стоит заметить, что в письмах Губера, пропитанных просветительскими и профранцузскими идеями, проявляется весьма распространенное предубеждение против России, которое отражается и на его отношении к русским студентам и заставляет считать их слишком надменными: «Вообще, господа русские, по-видимому, не слишком высокого мнения о нашей немецкой прозорливости, но зато о собственной высокого, и они, кажется, совершенно убеждены в том, что если и не превосходят все другие нации, то по крайней мере ни в чем им не уступают. Между тем я не видел ни одного русского, который проявил бы яркий талант: они, как правило, способны подражать, но выдумать решительно ничего не могут».²⁶ Серьезность мер, принятых властями, а также открыто высказанная угроза отзыва студентов в Россию, по мнению Губера, привели лишь к «обманчивому миру» между студентами и инспектором.

С другой стороны, официальное расследование позволило снизить заинтересованность группы русских студентов в общественных событиях. Так, никто из них не упоминал позднее о так называемой «Войне муз» или «Войне синиц» (*Musenkrieg* или *Mesenkrieg*; по прозвищу солдат лейпцигского гарнизона — «*Mesen*» или «*Meisen*»), развернувшейся в Лейпциге в летний семестр 1768 г. и ставшей одним из наиболее массовых студенческих волнений своего времени.²⁷ На протяжении июля и августа с утра до вечера Лейпциг в пределах городских стен был наполнен шумными шествиями и беспорядочными волнениями,

²⁵ См. подробнее: *Хексельшнейдер Э.* Еще раз : «Известие о некоторых русских писателях вместе с кратким сообщением о русском театре» (1768) // *Художественный перевод и сравнительное изучение культур* : (Памяти Ю. Левина). СПб., 2010. С. 412 и след. Оригинальный текст на французском языке впервые опубликован: *Espagne M.* Übersetzer in Paris und Leipzig: Michael Huber (1727—1804) // *M. Espagne, W. Greiling* (Hrsg.). *Frankreichfreunde : Mittler des französisch-deutschen Kulturtransfers* (1750—1850). Leipzig, 1996. S. 981.

²⁶ *Хексельшнейдер Э.* Еще раз. С. 413.

²⁷ *Witkowski G.* *Der Leipziger Studentenaufbruch von 1768* // *Goethe-Jahrbuch* / Hrsg. von L. Geiger. Bd. 15. Frankfurt a./M., 1894. S. 206—215.

доходившими и до кровопролитных стычек студентов с солдатами городского гарнизона. Нет никакого сомнения, что проживавшие в центре города русские студенты так или иначе должны были наблюдать эти события; можно сказать, что именно в этих обстоятельствах они — не понимая или не желая понять до конца причин восстания — смогли осознать и собственные проблемы в отношениях с Бокумом; в первую очередь — ограничения в академических свободах. Для русских студентов она заключалась в праве на свободный выбор лекций и в освобождении от мелочной опеки гофмейстера; протест немецких студентов строился вокруг таких вопросов, как запрет на студенческие «виваты» (приветствия излюбленных профессоров), ограничения на право выхода студентов в город; обложение налогом — так называемыми «воротными деньгами» — входа в город в ночное время. Для русских студентов этот налог должен был быть оплачен в полном объеме вперед на два года, что, однако, не было выполнено.²⁸ К этому стоит добавить также злоупотребления городских чиновников и солдат гарнизона в отношении студентов, а также значительные ограничения деятельности популярной, в том числе и в студенческой среде, театральной труппы Х. Г. Коха, которой позволялось давать представления всего два дня в неделю.

Результатом этих усложняющих жизнь студентов мер стали упомянутые беспорядки, продолжавшиеся более семи недель и вовлекавшие в некоторые дни до нескольких сотен участников. Поэтому 2 августа 1768 г. властями в город было переведено 300 солдат из-за его пределов, что означало, по сути, осадное положение и еще более накалило обстановку. Было проведено расследование в отношении 69 студентов; ни одно из требований студентов не было выполнено: «воротные деньги» продолжали взиматься, а 18 октября труппа Коха перебралась в Веймар. В опубликованном 28 октября 1768 г. решении следственной комиссии (работавшей под председательством вице-президента саксонской Главной консистории П. Ф. Гогенталя (Hohenthal), в 1767 г. расследовавшего дело о беспорядках русских студентов и, возможно, за это ставшего в сентябре 1768 г. одним из немногих саксонцев кавалером ордена Святого Александра Невского²⁹) угрозы применения санкций — исключения из университета с сообщением соответствующим правительствам — были обращены также и к студентам-иностранцам.³⁰

²⁸ *Старцев А.* Университетские годы Радишева. С. 83, примеч. 3.

²⁹ *Krebel G. F.* Europäisches Genealogisches Handbuch. Leipzig, 1770. S. 157.

³⁰ Universitätsbibliothek Leipzig. Sondersammlungen. Ms. 0278. Bl. 67B. Дело (рукописное) о «Войне муз».

Следует заметить, что до сих пор отсутствуют сведения о каких бы то ни было дружеских связях русских студентов с немецкими. В деле о пощечине, данной И. Я. Насакиным, как свидетель проскальзывает немецкий студент по фамилии Эрмес, являвшийся, однако, подданным России.³¹ Между тем до сих пор не обращалось внимания на запись в альбоме студента Карла Августа Зегница из Лейпцига, имматрикулированного 31 августа 1770 г.,³² обучавшегося на юридическом факультете до 1777 г. и впоследствии проживавшего в окрестностях Гримма.³³ Заведенный в 1770 г. и включающий записи вплоть до 1817 г., альбом (Stammbuch) Зегница относится к распространенному типу художественно оформленных книг для гостей, куда им предлагалось записывать при знакомстве или посещении приветствия и пожелания. Помимо записи В. Н. Зиновьева, о которой будет сказано ниже, здесь встречаются упоминания нескольких русских студентов, не входивших в начальную группу, прибывшую в 1767 г., но занявших освобождавшиеся со временем места, — Осипа Петровича Козодавлева (латинская запись 21 октября 1770 г.), братьев Сергея и Дмитрия Адамовичей Олсуфьевых (французская запись 11 февраля 1771 г.), а также Николая Волкова (запись на немецком языке 10 ноября 1771 г.) — все они представляют собой обычные галантные заверения в дружбе. Особо примечательна оставленная В. Н. Зиновьевым, по-видимому, при коллективном посещении (тем же числом датирована упомянутая выше запись Н. Волкова) немецкая стихотворная запись:

Ihr, die ihr Tugend liebt, verehret Gellerts Name,³⁴
Doch ehrt IHN nicht allein, sucht IHN auch nachzuahmen,³⁵
Denkt so, wie er gedacht; u[nd] handelt so wie er.
Ein Menschenfreund zu sein? ist dieses denn so schwer?

In Lesung dieser vier Zeilen Erwinnere dich an den
Besten Freund Basilius N. von Sinowiew [1 слово нрзб.]³⁶

³¹ *Erler G.* Die jüngere Matrikel der Universität Leipzig. 1559—1809. Leipzig, 1909. Bd. 3. S. 80. Не вполне ясно, идет ли здесь речь о Каспаре Вильгельме (Caspar Guillaume) или Эрихе Фридрихе (Erich Friedrich) Эрмесе из Ливонии, оба из которых поступили в университет 27 сентября 1764 г.

³² *Erler G.* Die jüngere Matrikel der Universität Leipzig. Bd. 3. S. 386. II.

³³ Universitätsbibliothek Leipzig. Sondersammlungen. Ms. 2657.

³⁴ В подлиннике: Namme

³⁵ В подлиннике: nachzuahmen

³⁶ Universitätsbibliothek Leipzig. Sondersammlungen. Ms. 2657. Перевод: «Вам, любители добродетели, почитателям имени Геллерта, / Не только почитающим ЕГО, но и ЕМУ подражающим, / Думающим, как он, и поступающим, как он, / Сложно ли быть друзьями человечества? — Читая эти четыре стиха, вспоминай об искреннем друге Василии Н. Зиновьеве».

Из этой записи можно сделать следующие выводы. Прежде всего очевидно, что между студентами установилось близкое знакомство (вряд ли можно говорить о большем, поскольку впоследствии, вспоминая о своем пребывании в Лейпциге, Зиновьев ни словом не обмолвился о Зегнице). Помимо этого, очевидной становится степень преклонения русских студентов перед именем Геллерта. И, наконец, можно говорить о степени владения немецким языком, которой достиг Зиновьев, даже если допустить возможное заимствование им стихотворения из какого-либо источника. К сожалению, других упоминаний не только русских студентов, но и вообще российских подданных в обследованных мною альбомах конца 1760—начала 1770-х гг. из собрания библиотеки Лейпцигского университета выявить не удалось.

Упомянуть В. Н. Зиновьева следует и в связи с другим немаловажным для настоящей статьи обстоятельством. Из всех русских студентов (исключая С. Н. Янова, который не вернулся после обучения сразу на родину, но поступил в дипломатическую службу и десять лет служил под началом А. М. Белосельского в русском посольстве при саксонском дворе) только Зиновьев впоследствии возвращался в Лейпциг. По окончании учебы 18 января 1773 г. он был назначен флигель-адъютантом в штабе Г. Г. Орлова и в 1774 г., проезжая через Саксонию в Италию с курьерским поручением, останавливался в Лейпциге. Впоследствии, в 1783—1788 г., он предпринял длительное путешествие по Европе и в том числе на долгий срок задержался в Лейпциге (сам он говорит о восьми месяцах; причиной остановки стала, по-видимому, венерическая болезнь).³⁷

Заметки Зиновьева об этом путешествии и его автобиография дают мало содержательных сведений о времени его учебы. Образование не оказало особого влияния на двенадцатилетнего в то время юношу; судя по всему, разлука с родными оказалась для него настолько тяжелой, что долгое время он размышлял даже о самоубийстве. Оглядываясь назад, наиболее важным для себя в обучении Зиновьев признавал лишь занятия немецким языком и чтение духовной литературы. Более же всего его занимали «детские шалости и даже грехи», как он отзывается о своей связи с одной немецкой служанкой. Его непосредственным немецким гувернером после бегства Бокума был, по-видимому, доктор

³⁷ Лейпцигские впечатления Зиновьева отразились в следующих его материалах: *Зиновьев В. Н.* 1) Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784—1788 гг. // *Русская старина.* 1877. № 10. С. 216—221; 2) Воспоминания // *Русская старина.* 1878. № 12. С. 613—614. О Зиновьеве см.: *Травников С. Н.* Зиновьев Василий Николаевич // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 1 : (А—И). Л., 1988. С. 337.

права Иоганн Адам Готтлиб Кинд, синдик университета и ординарный профессор саксонского права. Зиновьев вновь встретился с ним в Лейпциге в 1783 г. («он мне очень обрадовался») и даже проживал в его доме в центре города, на Гриммайше Гассе. На взгляд Зиновьева, город сильно изменился: «Перемену чрезвычайную нашел в Лейпциге. Роскошь чрезвычайно умножилась. Утеха грешнику себе подобных видеть!»³⁸ Судя по всему, Зиновьев был азартным игроком, о чем говорят многие места в его заметках; он посетил также ярмарку и кратко отметил: «Денег на покупки много промотал».³⁹

Путевые заметки и автобиография Зиновьева позволяют сделать также следующие замечания о связях Лейпцигского университета с Россией во 2-й половине XVIII в. В Лейпциге в 1783 г. Зиновьев встретил своего племянника Николая Александровича Зиновьева, якобы поступившего в университет, которого он должен был отвратить «от беспорядочной жизни»;⁴⁰ судя по всему, безрезультатно. В матрикульных записях университета, изданных Г. Эрлером, встречается лишь записанный 26 февраля 1767 г. «Zinofieff de Nicolaus»,⁴¹ однако это явная описка, поскольку в этот день в университет был записан, несомненно, Василий Николаевич Зиновьев; по-видимому, его племянник лишь посещал лекции как вольный слушатель. Представляется интересным также, что «автобиография» В. Н. Зиновьева была написана им по просьбе тещи Анны Ивановны Брейткопф (Зиновьев был женат на ее дочери Устине Федоровне), влиятельного лица при дворе и впоследствии начальницы Екатерининского института. Ее муж Бернгард Федорович Брейткопф (1749—1820) был выходцем из Лейпцига. 7 апреля 1766 г. он был записан в университет и обучался здесь на юридическом факультете вместе с братом, Кристофом Готтлобом Брейткопфом, а также И. В. Гете и К. И. Кюхельбекером, отцом будущего декабриста. Можно полагать, что Б. Ф. Брейткопф был знаком со студентами русской группы, поскольку, по указанию многократного ректора университета профессора К. А. Беля, в 1773 г. Брейткопф занимался русским языком с духовным наставником русской студенческой группы отцом Павлом. В 1777 г. он отправился в Россию, как тогда говорили, «искать счастья».⁴² В любом случае Зиновьев, по-видимому, должен был лично познакомиться с Брейткопфом позднее в Петербурге.

³⁸ Зиновьев В. Н. Журнал путешествия. С. 218.

³⁹ Там же. С. 219.

⁴⁰ Там же. С. 218.

⁴¹ Erler G. Die jüngere Matrikel der Universität Leipzig. Bd. 3. S. 474.

⁴² См. подробнее: *Hexelschneider E. Kulturelle Begegnungen zwischen Sachsen und Russland. 1790—1849.* Köln; Weimar, Wien, 2000. S. 26—28.

В целом, как было сказано выше, мы все еще слишком мало знаем о месте русских студентов среди их немецких соучеников. Это не должно казаться удивительным, поскольку, даже несмотря на полученные свободы, они продолжали жить достаточно закрытой жизнью. Немного известно и о личных отношениях отдельных студентов с их профессорами. По большей части это были официальные отношения академического начальства и преподавателей со студентами, работавшими по учебному плану, предписанному высочайшей инструкцией, то есть обычные отношения «учитель—ученик». Имена профессоров и прочих преподавателей, как и большая часть учебных планов, достаточно известны; здесь не стоит на них специально останавливаться.⁴³ Значительно сложнее описать отношение преподавателей к вверенным им студентам, поскольку удастся найти лишь отдельные их высказывания об отношениях с учениками или о личностях отдельных студентов (см., например, цитированное выше письмо М. Губера).

Стоит отметить, что некоторые лейпцигские профессора уже имели опыт обучения русских студентов, зачастую перераставшего в теплые отношения. Так, в 1749 г. в Лейпцигском университете учились Г. В. Козицкий и его друг Н. Н. Мотонис. Оба они были нищенски бедны и не знали, каким образом оплачивать учебу, однако были внесены в матрикулы 15 мая. На них обратил внимание профессор Готфрид Гейнзиус (1709—1769), математик, географ и астроном. Он сам в молодые годы (1736—1744) служил в Санкт-Петербургской Академии и как ее почетный член получал пенсию, которую и использовал для поддержки молодых студентов. В августе 1749 г. он написал рекомендательное письмо в Петербург на имя И. Д. Шумахера с просьбой зачислить их на три года пенсионерами Академии наук для изучения иностранных языков, философии и математики. Он предлагал назначить им жалованье по меньшей мере в 150 рублей ежегодно, в Академии эта сумма была снижена до 100 рублей.⁴⁴ Гейнзиус был хорошо знаком с инициатором всего предприятия графом В. Г. Орловым, который в 1762—1765 гг. также обучался у него в Лейпциге. Кроме того, в 1767 г. он являлся советником Бокума в вопросах обучения студентов.⁴⁵

Также стоит отметить отношения с русскими студентами профессора математики и логики Кристиана Гарве (1742—1798).

⁴³ *Старцев А.* Университетские годы Радищева. С. 25—30; *Hexelschneider E.* A. N. Radiščevs Leipziger Studiengang. S. 358—360, 364—365.

⁴⁴ *Степанов В. П.* Козицкий Григорий Васильевич // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2 : (К—П). СПб., 1999. С. 94.

⁴⁵ *Старцев А. И.* Университетские годы Радищева. С. 125.

Известно, что он преподавал им с 1770 г. немецкий язык и положительно отзывался о прилежании молодых людей (в особенности, Кутузова и Янова).⁴⁶ Судя по всему, это были занятия с успевающими, заключающиеся в беседах о философии, педагогике и жизни, а также, конечно, в чтении текстов. О личных контактах Гарве с «колонистами» достоверных фактов установить пока не удалось, однако известно, что примерно в то же время он был более тесно знаком с другим русским студентом — выходцем с Украины «господином Гришановским» (Herr von Grischanowsky), сыном видного украинского начальника («Gouverneur der Russischen Ukräne», как ошибочно сообщил Гарве).⁴⁷ Судя по всему, это был Антон Крижановский, 21 октября 1766 г. записанный в матрикуле Лейпцигского университета как Anton Krizanowski, отец которого — полковник Гадячского полка Антон Степанович Крижановский — всего через год отозвал сына домой. На обратном пути Крижановский останавливался на восемь дней у временно проживавшего в Бреслау Гарве, тот устроил ему теплый прием, включавший в том числе и игру дуэтом на флейтах. Многократно встречая Крижановского в лейпцигском «обществе» (не на занятиях!), Гарве мог убедиться в его «природной сердечности», а профессор И. Я. Эберт расхваливал ему прилежание и любознательность молодого человека. Между тем сам Гарве замечает: «...голова его еще слишком пуста, а речь слишком необразованна, чтобы он был хорошим собеседником». Впрочем, этим визитом отношения профессора и его молодого посетителя не закончились: мы можем говорить о продолжавшейся по меньшей мере в течение года переписке: сохранился отправленный 20 января 1768 г. из Гадяча ответ Крижановского на неизвестное пока письмо Гарве. В эту переписку оставался вовлечен и упомянутый выше профессор Эберт, на лейпцигский адрес которого Крижановский отправил дневник с описанием своих украинских впечатлений.⁴⁸

Судя по всему, Гарве очень интересовался Россией. Помимо Крижановского, следует упомянуть также студента Штайна (Stein), который обучался с сентября 1770 г. на медицинском факультете университета на средства (200 рублей в год) проживавшей в Петербурге немецкой вдовы и мог сообщить Гарве

⁴⁶ Там же. С. 29, примеч. 6.

⁴⁷ *Garve Chr. Vertraute Briefe an eine Freundin*. Leipzig, 1801. S. 158—159. Brief vom 4. Oktober 1767.

⁴⁸ Biblioteka uniwersytetska Wrocławia. Oddział Rękopisów. M., 1293 (list nr 50). За дружеское разрешение воспользоваться этим указанием благодарю госпожу Мариолу Лось.

некоторые сведения и собственные взгляды на Россию.⁴⁹ Помимо этого, сведения о России Гарве должен был получать также от своего друга, также уроженца Бреслау, математика Иоганна Якоба Эберта (1737—1795), который в 1768—1769 гг. был воспитателем детей в доме Г. Н. Теплова (под его началом до отъезда в Лейпциг служил Ф. В. Ушаков), а после возвращения по рекомендации Х. Ф. Геллерта занял место профессора в Виттенберге. Возможно, Гарве получал также какие-то сведения о России, будучи одним из учителей в «русской колонии».

В определенной степени можно говорить о том, что Гарве, обучавший русских студентов немецкому языку, повлиял на них в ряде вопросов наряду с немецкими энциклопедистами; прежде всего — в создании представлений об идеальной модели воспитания. Известно, что он положительно оценивал педагогические труды И. Б. Базедова и, напротив, скептически возражал физиогномическим теориям И. К. Лафатера,⁵⁰ — не отсюда ли сходное восприятие этих теорий проявилось впоследствии у Радищева? Во всяком случае о поддержке Радищевым взглядов лейпцигского профессора можно судить по тому, что позже он назовет «Философские примечания и мнения о книге Цицерона об обязанностях» «изящными примечаниями».⁵¹

Стоит отметить, что историк Готтлоб-Фридрих Кребель (1729—1793), по-видимому не имевший других контактов с выходцами из Российской империи, использовал в своих трудах сведения, полученные от студентов русской группы, которые слушали у него в 1768/69 учебном году курс всеобщей истории. Он прямо говорит об этом в предисловии к своему главному труду — «Словарю европейской генеалогии»: «Главным образом я признаю себя обязанным благодарить за оказанные в составлении этой книги услуги премногих молодых людей знатного происхождения, обучавшихся в здешней лейпцигской высшей школе».⁵² В этом обновлявшемся раз в два года справочнике содержится подробное описание государственного устройства России со времен Петра I с очень точными сведениями о лицах,

⁴⁹ *Garve Chr. Briefe an seine Mutter. Breslau, 1830. S. 103. Am 22. September 1770.*

⁵⁰ Universitätsbibliothek Leipzig. Sondersammlungen. Römer/Autogr. Brief an seine Mutter vom 27. April 1770. См. также: *Opitz G. A. N. Radišev und die pädagogischen Ansichten Basedows und Wolkes // Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. GSR. 26. Jg. (1977). H. 4. S. 325—329.*

⁵¹ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 123. Радищев упоминает здесь Гарве в длинном ряду «мучеников» науки, принесших выдающиеся плоды труда, несмотря на телесные страдания.

⁵² *Krebel G. F. Vorrede // Europäisches Genealogisches Handbuch. Leipzig, 1768 (unpaginiert); сведения о России содержатся в 13-й главе, с. 139—154 (то же в издании 1770 г.).*

занимавших отдельные государственные должности, преимущественно в правление Екатерины II, а также обозрение системы орденов. Эта точность может свидетельствовать о степени контактов профессора с русскими студентами, выступившими здесь в роли информаторов.

То же можно сказать и о профессоре юридического факультета Августе-Фридрихе Шотте (Schott; 1744—1792), одном из основных лекторов русской группы (больше него они слушали лекции только у Беме), обучавшем их навыкам труда юриста. Об этом можно судить по его систематически разработанному «Опыту юридической энциклопедии и методологии». Хотя первое издание этого сочинения вышло в свет лишь в 1772 г., скорее всего, в его основе лежат курсы прочитанных ранее лекций, что позволяет судить об учебном методе Шотта. В частности, в помещенном здесь «Плане распределения учебных часов на весь курс университетских занятий» он указывает как обязательные для юриста занятия судебной медициной, другими естественнонаучными предметами и «изящными искусствами»,⁵³ что во многом соответствует тому объему знаний, которые Радищев и его товарищи получили ко времени своего отъезда из Лейпцига.

Начиная с ноября 1767 г. он начал систематически публиковать в «*Leipziger Zeitungen*» свои замечания о екатеринском «Наказе» и о деятельности Комиссии Нового уложения,⁵⁴ а также поместил в одном из своих сборников обширный отзыв на опубликованный в 1768 г. в Риге и Митаве немецкий перевод «Наказа» вскоре после его выхода в свет.⁵⁵ При оценке этого факта следует иметь в виду, конечно, не только занятия Шотта с русскими студентами, но и тот значительный интерес, который проявляли в конце 1760-х гг. к этому начинанию Екатерины II в Европе.

Более всех любимый студентами за его вдохновенную риторику профессор Эрнст Платнер (Platner; 1744—1818), как было показано А. Г. Татаринцевым, давал Радищеву, Кутузову и Рубановскому факультативные занятия по метафизике и физиологии,⁵⁶ а впоследствии (как свидетельствовал Н. М. Карамзин) тепло

⁵³ Schott A. F. Entwurf einer juristischen Encyclopädie und Methodologie, zum Gebrauch akademischer Vorlesungen. Leipzig, 1772. 2. verm. u. verb. Aufl. Leipzig, 1774. S. 277—282.

⁵⁴ Hillert S. Neue Materialien aus der Leipziger zeitgenössischen Presse. S. 33—35.

⁵⁵ Schott A. F. Unpartheyische Critik über die neuesten juristischen Schriften. 1. Stück. Leipzig, 1768. S. 65—77.

⁵⁶ Татаринцев А. Г. А. Н. Радищев в Лейпциге. С. 636. Вряд ли стоит еще раз специально останавливаться на многократно использованных отзывах о Платнере Н. М. Карамзина и А. И. Тургенева.

отзывался о своих русских учениках; между тем сами они воспоминаний о нем не оставили.

Наконец, следует сказать об отношениях с «русской колонией» наиболее известного в конце 1760-х гг. лейпцигского профессора — Х. Ф. Геллерта (1715—1769). Особое значение его занятий для Радищева и других студентов неоднократно подчеркивалось в исследовательской литературе, тем более что сами ученики часто впоследствии говорили о нем как о несомненном авторитете. Особенно показательно высказывание Радищева в «Житии Федора Васильевича Ушакова»: «Таковым щастием пользовались мы хотя не долгое время в Лейпциге, наслаждаясь преподаванием в словесных науках известнаго Геллерта». ⁵⁷ Помимо прочего, Радищев упоминает о самом Ушакове как о «любезнейшем Геллертовом ученике» и сообщает, что тот «удостоился в сочинениях своих поправляем быть сим славным мужем». ⁵⁸ Между тем это свидетельство следует понимать лишь как указание на то, что знаменитый профессор действительно проверял работы своего студента, однако они носили несомненно учебный характер, и сама проверка была, скорее всего, по общепринятому в то время обычаю, достаточно формальной. Такими же проверками ограничивались и связи Геллерта с Гете. ⁵⁹ Это особенно важно для поднятого здесь вопроса, поскольку с большой долей вероятности можно предположить, что такую же работу по исправлению студенческих сочинений выполнял и Клодиус. Как бы то ни было, почтительное отношение к знаменитому писателю сохранилось у многих русских студентов. ⁶⁰ О том, насколько интенсивным оно было во время их учебы в Лейпциге, говорит и процитированная выше запись В. Н. Зиновьева в альбоме фон Зегнитца, и публикуемое ниже письмо.

Возможно, дополнительные сведения о связях русских студентов с лейпцигской профессурой принесут новые поиски; особое внимание следует уделить материалам известных и предполагаемых учителей Радищева и его товарищей — в первую очередь письмам и мемуарам; по-видимому, надежных результатов можно будет добиться лишь их фронтальным просмотром. О вероятно-

⁵⁷ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 180.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Гете И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда / Пер. с нем. Н. Ман // Гете И. В. Собр. соч. М., 1976. Т. 3. С. 208, 249.

⁶⁰ Не исключено, что в главе «Путешествия из Петербурга в Москву» «Бронницы» Радищев использовал известную статью Геллерта «Почему нехорошо предузнавать свою судьбу» (Warum es nicht gut sey, sein Schicksal vorher zu wissen), переводившуюся в том числе А. М. Кутузовым: Костин А. А. Религиозные взгляды А. Н. Радищева // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 265—271.

сти подобных находок говорит тот факт, что за последние десятилетия наши сведения о связях лейпцигских ученых с Россией, и в том числе с русскими студентами, существенно пополнились, поэтому на будущее поднятой здесь темы следует смотреть с оптимизмом.

Христиан Август Клодиус — биография и связи с Россией

Имя Х. А. Клодиуса до сих пор не упоминалось в работах о русских студентах в Лейпциге; тем более не было известно, что он был одним из их учителей; неизвестен он и истории русской литературы. Сочинения Клодиуса на русский язык почти не переводились; пожалуй, единственным исключением может служить прозаический отрывок «Утро в Вильденфельсе», переведенный в 1798 г. И. Ф. Тимковским.⁶¹ Единственное известное упоминание о нем русским писателем принадлежит Д. И. Фонвизину, в конце августа 1784 г. писавшему родным: «...поехал я с визитом к профессору и секретарю здешнего ученого общества Клодиусу, человеку мне уже знакомому».⁶² Речь идет о созданном в 1774 г. польским воеводой Й. А. Яблоновским «Societas Jabloviana», секретарем которого Клодиус был с 1782 г.; целью его было содействие изучению истории Польши и славянских народов, а также издание трудов, побеждавших на проводившихся обществом конкурсах. Как бы то ни было, полноценной беседы у Фонвизина с Клодиусом не вышло, поскольку последний был занят корректурами своих «премудрых сочинений». Это замечание, по-видимому, иронично, поскольку вполне соотносится с оценкой, данной Лейпцигу русским сатириком зимой 1777 г. (во время предполагаемого знакомства Фонвизина и Клодиуса) как городу, «в котором живут преученые педанты»,⁶³ причем из наблюдения над ними он сделал следующий вывод: «Лейпциг доказывает неоспоримо, что ученость не родит разума».⁶⁴ В 1784 г. Клодиус провел русского путешественника, проявлявшего интерес к искусству, по лейпцигским картинным галереям, после чего Фонвизин отметил, что две из них «содержат в себе много наилучших пиес славных

⁶¹ Приятное и полезное препровождение времени. М., 1798. С. 363—365. Оригинал перевода: *Clodius Chr. A. Phocion. Der neuen vermischten Schriften I. Theil. Leipzig, 1789. S. 176—180* (см.: *Drews P. Deutsch-slavische Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert. München, 1996. S. 225*).

⁶² Фонвизин Д. И. Собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 509. Письмо к родным от 29 августа (9 сентября) 1784 г.

⁶³ Там же. Письмо к родным от 20 ноября (1 декабря) 1777 г.

⁶⁴ Там же. С. 454. Письмо к П. И. Панину от 22 ноября (3 декабря) 1777 г.

мастеров»⁶⁵ (позже Фонвизин указывает, что делает в дневнике «описание картин лейпцигских», однако оно, как и сам дневник, не сохранилось). По предположению В. Ф. Левинсона-Лессинга, под этими особо выдающимися собраниями Фонвизин имел в виду художественное собрание купца и коллекционера Готтфрида Винклера (1731—1795), лейпцигскую достопримечательность, открытую для публичного посещения в 1768 г., а также «Кабинет картин» купца Иоганна Захарии Рихтера (1696—1788).⁶⁶ Можно предположить, что кто-то из русских студентов, в том числе бравший в Лейпциге уроки рисования Радищев, также посещал эти галереи.

Остается задать вопрос: кем был этот Клодиус и что нам известно о его русских связях? Христиан Август Клодиус (1737—1784) родился в Аннаберге в Рудных горах; начальное образование получил в гимназии города Цвиккау, ректором которой с 1748 г. был его отец (отсюда позднейшие семейные связи Клодиуса с этим городом). В 1755—1759 гг. он изучал в Лейпцигском университете литературу, историю древнего мира и философию. По совету Геллерта он решил избрать для себя университетскую карьеру; в 1759 г. получил степень магистра свободных наук; в 1760 г. был избран экстраординарным, а в 1764 г. — ординарным профессором философии (эту должность Клодиус занимал до 1778 г.). Помимо этого, с 1782 по 1784 г. он был профессором поэтики, с 1784 г. — логики; в 1781 г. в соответствии с тогдашним университетским уставом полгода занимал должность ректора университета.⁶⁷ Наиболее известным его сочинением были «Литературно-нравственные опыты» (*Versuche aus der Literatur und Moral*; 1767, 4 тома); были известны также его многочисленные небольшие поэтические и философские сочинения.

Клодиус был лично знаком со многими писателями, оказавшими на него известное влияние, в том числе с Э. Х. фон Клейстом и — особенно — Х. Ф. Геллертом, которого он считал выдающимся учителем поэтики и стилистики. В то же время Клодиус старался установить тесные отношения со студентами. Так, в своем доме на Катариненштрассе он содержал пансион, где за восемь лет проживали до 70 студентов-пансионеров; по

⁶⁵ Там же. С. 509. Письмо к родным от 29 августа (9 сентября) 1784 г.

⁶⁶ Левинсон-Лессинг В. Ф. Д. И. Фонвизин и изобразительное искусство // Левинсон-Лессинг В. Ф. История картинной галереи Эрмитажа 1764—1917. Л., 1985. С. 359 и сл.

⁶⁷ Professorenkatalog der Universität Leipzig // Catalogus Professorum Lipsensis / Hrsg. Lehrstuhl für Neuere und Neueste Geschichte : Historisches Seminar der Universität Leipzig (<http://www.uni-leipzig.de/unigeschichte/professorenkatalog/leipzig/Clodius1341>).

свидетельству жены Клодиуса писательницы Юлии Клодиус (урожд. Штётцель; 1755—1805), они получали в этом доме не только стол и возможность спокойных занятий, но и находились под благоприятным воспитательным влиянием наставника. В пансионе проживали студенты из различных регионов Европы, в том числе и из Курляндии и Лифляндии.⁶⁸ Можно лишь догадываться, бывали ли в этом доме — по собственному желанию или по приглашению — «наши» студенты. Радищев, как и вся «русская группа», с 1768 по 1771 г. жил в центре Лейпцига, на Хайнштрассе,⁶⁹ параллельной улице, где находился дом Клодиуса; однако ничего не известно о контактах Клодиуса, например, с ближайшим другом Радищева, разделявшим с ним в Лейпциге комнату, — А. М. Кутузовым.

Возможно, русских студентов заинтересовало в Клодиусе его отношение к пансионерам и другим слушателям его лекций. Однако более всего, по-видимому, к знакомству располагала сама обстановка занятий у Клодиуса. Как уже говорилось, в соответствии с инструкцией русские студенты могли посещать факультативные занятия по собственному выбору, в том числе и связанные с изучением словесности. В 1769 г. Геллерт и Клодиус читали лекции по схожим темам.⁷⁰ Геллерт начиная с летнего семестра 1769 г. и до своей смерти (он умер 13 декабря 1769 г.) проводил «обычные занятия в немецком стиле». Поскольку его занятия, несмотря на болезнь, привлекали множество слушателей (говорили, что на лекции могли собраться до сотни студентов), можно предположить, что недостаточно хорошо владевшие немецким языком русские студенты вместо них посещали занятия Клодиуса, который параллельно с 9 до 11 часов давал частные занятия по литературе и философии. В этом семестре Клодиус предлагал также «письменные и устные занятия в различных, преимущественно научных, вопросах». Именно это требовалось молодым русским студентам для развития художественного

⁶⁸ *Clodius Chr.* A. Neue vermischte Schriften. Leipzig, 1787. 6. Theil. S. XI.

⁶⁹ О местах, где жили русские студенты в Лейпциге, см.: *Хексельнайдер Э.* Открытие мемориальной доски Радищеву в Лейпциге // XVIII век : А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1977. Сб. 12. С. 247—250. Памятная доска, установленная в 1974 г. на доме 8 по улице Хайнштрассе, была снята кем-то из жителей дома в период политических изменений 1989—1990 гг., передана в архив Музея городской истории Лейпцига и более не доступна широкой публике.

⁷⁰ Долгое время считавшийся утраченным реестр университетских лекций за эти годы был обнаружен лишь недавно: *D. August Friedrich Schotts.* Unpartheyische Critik über die neuesten juristischen Schriften. Leipzig, 1768. Учебный план зимнего семестра 1768 г. находится во втором томе (S. 171—189); летнего семестра 1769 г. — в шестом томе (S. 547—569), зимнего семестра 1769 г. — в 11-м томе (S. 74—90); летнего семестра 1770 г. — в 17-м томе (S. 643—660).

вкуса и навыков в немецком языке. Написание писем почиталось в это время особым искусством, и Геллерт (а под его влиянием и Клодиус) сделал немало, чтобы поднять его на новую высоту. Уже в «Мыслях о хорошем немецком письме» (1742) он ратовал за «искусство писать письма естественно» и пытался доказать, что немецкий язык уже достиг той степени развития, чтобы выражать «чувствования надежды, довольства, боли» и прочих тонких чувств. Его «Письма с приложением практического опыта о хорошем вкусе в письме» (1751) в некотором смысле стали учебником немецкого языка для всех классов общества.⁷¹ Подобные взгляды заставляли в учебной практике ставить в основу обучения умение писать естественные, ориентированные на обычную речь письма. Обмен письмами между учителем и учеником способствовал и педагогическим целям контроля за поведением воспитанников.⁷²

Остается лишь догадываться, посещали ли русские студенты также курс Клодиуса «Критическая история поэзии». В зимний семестр 1770 г. они могли, по-видимому, посещать курс, обозначенный в программе как «Диспутатории, в том числе и с подготовкой к ним». Курс этот мог в первую очередь заинтересовать Рубановского, о котором известно, что в Лейпциге он составил несколько «рассуждений» (сохранилось два их названия) и выполнил четыре перевода с немецкого на французский язык, из которых «некоторые напечатаны в Лейпциге 1771 года».⁷³ И он, и Радищев (а также, возможно, кто-то еще из русских студентов) должны были заинтересоваться курсом Клодиуса, заявленным под названием «Искусство сочинять письма». Возможно, именно его посещение заставило двух друзей писать в сентябре 1769 г. в Цвиккау? Но почему тогда не сохранилось писем Кутузова и Янова, которые входили в тот же дружеский круг и которые, по-видимому, должны были посещать те же лекции? Возможно, их письма просто до нас не дошли? И наиболее важный вопрос: зачем Рубановский и Радищев писали Клодиусу письма во время его, судя по всему, совсем непродолжительного отъезда из Лейпцига, причем письма (как будет показано ниже), по сути совершенно пустые, почти не дававшие никакой информации

⁷¹ *Klinkhardt H. Nachwort // Gellert Chr. F. Sämtliche Fabeln und Erzählungen : Geistliche Oden und Lieder. München, 1965. S. 336 f.*

⁷² Ср.: *Arto-Haumacher R. Gellerts Briefpraxis und Brieflehrer Der Anfang einer neuen Briefkultur. Wiesbaden, 1995.*

⁷³ Опыт исторического словаря о российских писателях / Собрал Николай Новиков. СПб., 1772. С. 193. (Факсимильное издание. М., 1987). Установить, какие именно статьи имеются в виду, на данный момент не представляется возможным.

адресату? Однако, и это делает их особо ценными, публикуемые письма представляют собой примерные образцы галантного стиля своего времени — как например письмо Радищева с его намеками о «прекрасном поле». Легко и несколько фривольно он задает в письме прямые вопросы своему учителю (!): «Чем заняты Вы в Цвикау? Как проводите время? Есть ли прекрасный пол в вашем обществе и находите ли вы в том приятность? Возможно ли при них расслабиться? Их обхождение (если только они не рассержены, ибо тогда они злостью превосходят всех существ земных) столь приятно, столь привлекательно, пробуждает столь нежные чувства, столь воодушевляет жизненные силы, что даже окаменелого под Медузиным взором может вернуть к жизни».⁷⁴

Как мне представляется, смысл писем был в следующем: по-видимому, они были направлены Клодиусу как «учебные опыты» сверх обычной лекционной программы; целью их было укрепить навыки учеников в стиле и показать учителю, насколько ученики усвоили искусство составления писем. На это указывают, как кажется, два места в радищевском письме. Уже в начале письма он помещает обширные риторические фигуры, выливающиеся в утверждение: «что может быть досаднее, чем заполнять в письмо похвалами», после чего следует содержательная связка: «Я *должен* к вам писать» (курсив мой. — Э. Х.). А позже очередной блок точеных галантных комплиментов он завершает упоминанием стихотворения Геллерта «Человек» и пишет: «Но поскольку я *обязан* писать к вам, то поведу разговор о другом» (курсив мой. — Э. Х.).

Письмо Рубановского устроено иначе. Он старается подчеркнуть усердие, с которым он работает над своими (по-видимому, учебными) переводами. При этом он с помощью весьма возвышенных оборотов приводит основания, объясняющие, почему он, хотя и весьма усерден в переводах (с французского на немецкий), но не хотел бы утруждать своего учителя, пока тот находится в Цвикау. Я полагаю, что без разрешения и даже, скорее, указания учителя оба студента едва ли решились бы написать Клодиусу (отсутствовавшему всего несколько дней) письма, не затрагивающие никаких существенных вопросов.

Неизвестно, были ли это первые русские, с которыми встречался Клодиус; но с уверенностью можно говорить что Радищев и Рубановский были его первыми русскими *студентами*. Об отношении Клодиуса к России в целом и к русским студентам в частности до сих пор не упоминалось, между тем источники для

⁷⁴ Все цитаты — из обоих, публикуемых в приложении писем.

его реконструкции имеются, хотя и относятся к более позднему времени. Так, в 1780 г. он посвятил 2-й том (вышедший под названием «Сципион») своих «Новых различных сочинений» (*Neue vermischte Schriften*) «Победоносной российской самодержице», имея в виду, судя по всему, победу России в русско-турецкой войне, завершившейся в 1774 г. Кючук-Кайнарджийским миром. Стоит заметить, что курьером, доставившим в Италию известие о заключении этого мира, был бывший студент русской группы В. Н. Зиновьев. В посвящении к четвертому тому тех же «Новых различных сочинений» Клодиус упомянул о незабвенной беседе брата госпожи «О. фон Б.» (идентифицировать его пока не удалось) со «славным адмиралом Орловым».⁷⁵ Клодиус был настолько «растроган возвышенной красотой» побед А. Г. Орлова-Чесменского в Эгейском море, что намеревался воспеть его в своих произведениях.⁷⁶

В том же посвящении Клодиус процитировал отправленное ему из Парижа письмо графа А. П. Шувалова, желавшего лейпцигскому профессору «всяческих благ». Из процитированного фрагмента можно с уверенностью заключить, что Клодиус и Шувалов были знакомы, однако установить точное время и место их знакомства не представляется возможным. Можно лишь предполагать, что оно состоялось в Лейпциге, поскольку о посещении Клодиусом Парижа ничего не известно, между тем как весьма вероятно, что путь Шувалова во время его путешествий в 1764—1766 или (что более вероятно) в 1776—1781 гг. пролегал через Лейпциг. Важно отметить, что Шувалов отправил Клодиусу свое «Послание г. Вольтеру» (*Épître de Mr. le Comte de Schowalow à Mr. Voltaire, 1765*). По отзыву Клодиуса, в этом стихотворении «дух благородной свободы, соединенный с самой подлинной религиозностью, проявляется столь же горячо и изящно, сколько и рвение к прославлению несравненной российской монархини, а также подлинному искусству и истине».⁷⁷ Клодиус был настолько воодушевлен письмом Шувалова и его «Посланием», что написал стихотворный ответ — «Сельский праздник. Российскому графу Шувалову, остроумному автору послания Вольтеру» (*Das ländliche Fest. Dem Rußischen Grafen von Schuwalow; dem geistreichen Verfasser des Briefs an Voltäre*).⁷⁸ Известно еще одно сочинение Клодиуса на «русскую» тему — стихотворение «Кам-

⁷⁵ *Clodius Chr. A. Widmung // Orosman : Die neuen vermischten Schriften*. 4. Theil. Leipzig, 1780 (ненум.).

⁷⁶ *Ibid.* Стихотворения Клодиуса о Чесменском сражении установить не удалось.

⁷⁷ *Ibid.*

⁷⁸ *Ibid.* S. 235—240.

чатка, или Диковинная жертва»,⁷⁹ навеянное чтением описания Камчатки Г. В. Штеллера, в том числе языческого бога Кутки, однако в нем ни с этнографической, ни с какой-либо другой точки зрения не упоминается Россия.⁸⁰

Значение публикуемых писем для дальнейших биографических разысканий

Публикуемые письма — наиболее ранние из известных писем студентов русской лейпцигской группы. В первую очередь они позволяют говорить о новой фигуре, имевшей определенное влияние на этот круг, — Клодиусе. Они также впервые доказывают, что у студентов этой группы были личные контакты с лейпцигскими профессорами, несмотря на, скорее всего, учебный характер писем и незначительность приведенных в них биографических подробностей. Между тем теперь можно с уверенностью говорить, что связи русских студентов с лейпцигским обществом (как было показано выше, не только профессорами, но и студентами) были значительно более разнообразными, чем это представлялось ранее. О владении Радищева и его товарищей немецким языком до сих пор можно было судить только на основании неопределенных сведений, полученных по большей части из их собственных обмолвок (преимущественно в материалах следствия по делу о бунте против Бокума). Совершенно очевидно, что до отъезда из России разговорной практики в немецком у будущих студентов почти не было. Устранить этот недочет должны были подготовительные занятия по языкам и некоторым другим предметам в первый год пребывания в Лейпциге. Поначалу занятия немецким⁸¹ проходили по два часа (с 7 до 9 утра) четыре дня в неделю,⁸² что оказалось совершенно недостаточным. Уже в первый период «бунта» студенты жаловались на плохое знание немецкого языка как для понимания профессорских лекций, так и для общения. Вторая фаза «бунта» — отказ от лекций Беме и переход к Шмиду, — также в основе имела предпочтение фран-

⁷⁹ *Clodius Chr. A. Scipio* : Der neuen vermischten Schriften zweyter Theil. Leipzig, 1780. S. 64—67.

⁸⁰ *Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka*. Frankfurt; Leipzig, 1774. S. 263—184 (глава 24 «О религии населяющих ее ительменов» (Von der Religion derer Itälmenen)).

⁸¹ С августа 1767 по октябрь 1769 г. немецкий язык русским студентам преподавал профессор Иоганн Иоахим Швабе (1714—1784), а затем Х. Гарве.

⁸² *Старцев А.* Университетские годы Радищева. С. 26.

цузского немецкому как языка обучения.⁸³ Вместе с тем в это время как собственная немецкая речь русских студентов, так и понимание ими текстов настолько усовершенствовались, что газета «*Leipziger Zeitung*» замечала в связи с публичным испытанием, в котором участвовали русские студенты, что их ответы профессорам заслужили одобрение, в том числе и в отношении «навыка в языке».⁸⁴

Немецкий стиль — галантный (у Радищева) и деловой (у Рубановского) — а также орфография публикуемых ниже писем показывают, насколько хорошо ко времени их написания студенты владели немецким языком: по учебной шкале они могут быть оценены в пределах от «хорошо» до «отлично». Ошибок совсем немного — тем более что, учитывая отсутствие единой орфографической нормы в немецком языке середины XVIII в., не вполне понятно, какие из них в действительности могли быть расценены как ошибки. Обращение к немецкому языку галантной эпохи и повышенное в ходе обучения внимание к научной терминологии юридических, философских и исторических предметов могло в результате привести к ошибкам в русской речи при возвращении студентов в Россию. Между тем часто упоминаемое в работах о Радищеве замечание его сыновей о том, что якобы русские студенты за границей вовсе забыли родной язык, неверно. Как убедительно показывает П. Хоффманн, Радищев уже в первой половине 1770-х гг. блестяще владел русским канцелярским языком с его специфическими терминами и оборотами, а добиться этого, перед тем основательно забыв родной язык, было бы невозможно.⁸⁵

Вот уже несколько поколений исследователей жизни и творчества Радищева занимает вопрос о возможном знакомстве кого-либо из студентов русской группы с Гете, который до сих пор не может получить желаемого положительного ответа. Ранее мне уже приходилось указывать с привлечением редко используемых материалов, что возможность подобного знакомства крайне маловероятна, поскольку даже увидеться или узнать о существовании друг друга Гете и русские студенты могли лишь в непродолжительный период с 26 февраля 1767 г., когда первые русские студенты были записаны в матрикулы Лейпцигского университета, по 28 августа 1768 г., когда Гете, поступивший в него 19 октября 1765 г., покинул Лейпциг, то есть для возможного знакомства

⁸³ *Хексельшнайдер Э.* Профессор Христиан-Фридрих Шмид, учитель русских студентов в Лейпциге. С. 220—227.

⁸⁴ *Leipziger Zeitung. Extract der eingelaufenen Nouvelles.* XX. Stück. Leipzig, 1768. 14. Mai.

⁸⁵ *Hoffmann P.* Aleksandr Nikolaevič Radiščev: Neue Materialien — neue Probleme // *Zeitschrift für Slawistik.* 1998. Bd. 34. H. 3. S. 403 f.

у них было всего 590 дней, а это означает, что Радищев и Гете, скорее всего, могли друг друга видеть, но вряд ли проявили друг к другу интерес и познакомились.⁸⁶ Обнаружение писем русских студентов Клодиусу заставляет вновь обратиться к вопросу о возможности этого знакомства, поскольку профессор, как кажется, мог выступить в данном случае невольным посредником. Дело в том, что Гете также, по совету Геллерта, посещал семинар его любимого ученика и в результате создал Клодиусу сомнительную славу колкими и язвительными стихотворениями о нем. Возможно, Радищев и Гете вместе присутствовали на занятиях Клодиуса,⁸⁷ что заставляет относиться к решению вопроса о времени их посещения Радищевым в 1768 г. особенно внимательно.

Из обоих писем мы получаем также сведения об интересах русских студентов к общественной и культурной жизни Лейпцига. Эти чрезвычайно точные указания придают объем картине быта студентов. В частности, с уверенностью можно говорить, какие события осени 1769 г., в частности подготовка к осенней ярмарке, вызывали у студентов наибольший интерес.

В первую очередь заслуживает внимания свидетельство Радищева об открытии театрального сезона, поскольку оно позволяет судить о духовных запросах студентов и о том, какие развлечения интересовали их в городе. Предположения о живом интересе Радищева к театру уже во время его пребывания в Лейпциге высказывались давно, однако до сих пор никаких надежных данных для его подтверждения у нас не было; впрочем, и сведения, приводящиеся в письме, также не вполне достаточны для развернутого суждения по этому вопросу.

Театральная история Лейпцига начинается с существовавшего в 1693—1720 гг. «Театра на улице Брюль», где представлялись по большей части комические оперы; в 1744—1757 гг. ему на смену пришел Театр у Ранштадтских ворот, где начиная с 1752 г. давались преимущественно зингшпили.⁸⁸ О постоянно действующем театре в Лейпциге можно говорить лишь с 1766 г. Его открытие связано с упомянутым в письме Радищева антрепренером Готтфридом Фридрихом Кохом (Koch; 1703—1775), начавшим театральную карьеру в 1728 г. в знаменитой труппе

⁸⁶ *Hexelschneider E.* Noch einmal: Haben sich Goethe und Radišev während ihres Studiums in Leipzig getroffen? // Zwahr H., Schirmer U., Steinführer H. (Hrsg.) Leipzig, Mitteldeutschland und Europa. Beucha, 2000. S. 93.

⁸⁷ Об отношении Гете к Клодиусу см.: *Гете И. В.* Из моей жизни. Т. 3. С. 251—257.

⁸⁸ Зингшпиль — распространенный в Германии и Австрии во 2-й половине XVIII в. смешанный жанр, совмещавший музыкальные номера и прозаические диалоги.

Фридрики-Каролины Нейбер (Neuber; 1697—1760) и основавшим собственное дело в 1750 г. Начиная с весны 1751 г. он давал представления в построенном под руководством И. К. Готшета театре в Квандтс-Хоф в центре Лейпцига, где ранее Ф. К. Нейбер поставила комедию Лессинга «Молодой ученый». Начиная же с открытия осенней ярмарки 1766 г. (10 октября) представления труппы Коха начали проходить в здании у Ранштадтского бастиона (одном из традиционных мест городских развлечений в Лейпциге), принадлежавшем торговцу табаком Г. Б. Цемишу и вмещавшем до 1000 (!) зрителей.⁸⁹ Это событие и принято считать началом театра в Лейпциге. Однако вскоре Кох покинул Лейпциг. Богословский факультет университета посчитал, что частое посещение театра студентами (наряду с посещением увеселительных мест в окрестностях Лейпцига) вело к роскоши и развращению их нравов, а также к пропускам в посещении занятий и небрежению к церковным службам. Поэтому саксонскими властями было установлено, что во время ярмарки театр может давать не более двух представлений в неделю, из-за чего труппа Коха покинула Лейпциг в октябре 1768 г. и вновь появилась в городе лишь на осенней ярмарке 1769 г., чтобы обосноваться здесь до января 1771 г. Об открытии театра после годичного перерыва и пишет в своем письме Радищев, хотя и не вполне ясно, была ли ему известна предыстория этой антрепризы.⁹⁰

Какие спектакли могли увидеть русские студенты (и, конечно, не только они) на почти ежедневных представлениях этой талантливой труппы во время осенней ярмарки 1769 г.? Театр Коха не был репертуарным, то есть каждая пьеса давалась не более двух, а чаще всего лишь один раз. Представления открылись 18 сентября «Шотландкой» (*Das Kaffeehaus oder die Schottländerin*) Вольтера; на следующий день шла комедия Гольдони «Льстец». До 10 октября давалось не менее четырех представлений в неделю, в том числе «Тартюф» Мольера, «Ричард III» Х. Ф. Вайзе, фарс Гольдони «Война» и пр. По большей части репертуар состоял из пьес и комических опер (зингшпилей) ныне прочно забытых

⁸⁹ На первом представлении в театре была трагедия «Герман» (Herrmann) И. Э. Шлегеля, перед которой был показан пролог, написанный К. А. Клодиусом, в конце были даны балет и комедия.

⁹⁰ О театральной жизни Лейпцига в эту эпоху и особенно о Кохе см.: *Witkowski G. Geschichte des literarischen Lebens in Leipzig*. Leipzig, 1909. Nachdruck: München; Leipzig u. a., 1994. S. 437—445; *Ziller C. Leipzigs Theaterleben zwischen 1725 und 1770 // Johann Wolfgang von Goethe und Leipzig: Beiträge und Katalog zur Ausstellung*. Leipzig, 1999. S. 107—119; [*Blümner H.*]. *Geschichte des Theaters in Leipzig*. Leipzig, 1818. Nachdruck: Leipzig, 1979. S. 77 ff.; *Kneschke E.* *Zur Geschichte des Theaters und der Musik in Leipzig*. Leipzig, 1864. S. 39—45.

авторов, а также из пантомим и балетов. Более всего (свыше 20 %) было зингшпелей, прежде всего — Иоганна Адама Хиллера (Hiller; 1728—1804), главного капельмейстера концертного зала Гевандхаус, особенно «Превращенные женщины или Черт на свободе» (*Die verwandelten Weiber oder Der Teufel ist los*; 1766) и «Охота» (*Das Jagd*, 1770; либретто Х. Ф. Вайзе). Посещали ли Радищев и его друзья театр и какие именно пьесы они смотрели, остается неизвестным; возможно, ответить на этот вопрос помогут дальнейшие разыскания.

И. А. Н. Радищев — Х. А. Клодиусу

20 сентября 1769

Письмо занимает 3 листа, формат 220 × 226.1 (л. 1); 223.2 × 266.9 (л. 2); 220.2 × 265.5 (л. 3). Границы строк выделяются знаком «/»; границы листов — знаком «|» с обозначением листа; грубые ошибки подлинника сопровождаются указанием «[sic]».

|Л. 1| Leipzig den 20 Semptember [sic] 1769.

Mein Herr.

Nichts ist so angenehm als seine Empfindung aus / zudrücken; nichts ist so erquickend als sich mit jemanden [sic] dessen Gegenwart man entbehren muß, in Unterredungen / einzulassen; aber nichts ist so verdrießlich als seine Briefe / mit Complimenten auszufüllen — Ich muß an / Sie schreiben. Soll ich meine Dankbarkeit für / ihre Bemühungen in Ansehung meines Unterrichtes an den / Tag legen? Mein Bestreben einen Vorthail von ihren / Kenntnißen zu ziehen, beweist genug wie ich, den Nutzen / den mir ihr Umgang bringt, empfinde. Soll ich meine |Л. 2| Hochachtung gegen Ihre Einsichten und Verdienste um die / Welt bezeugen? Sie ist ebenfalls aus meinem Bemühen / mir Ihre Talente zum Nutzen zu machen, einzusehen. / Und wie wenig würden meine Lobsprüche einem Mann / schmeicheln, der den Beyfall der Welt verdient [sic] hat? / Noch mehr, vielleicht bin ich der Junge der bey [sic] Gellert / das Gemälde bewundert hat.⁹¹ Deswegen halte ich

⁹¹ Полагаю, в данном случае Радищев обыгрывает басню Геллерта «Художник», написанную в 1-й половине 1740-х гг. (первое издание 1745 г.), поднесенную поэтом прусскому королю Фридриху II 11 декабря 1760 г. при посещении им Лейпцига (см.: *Gellert Chr. F. Gesammelte Schriften* / Hrsg. В. Witte. Bd. 1. Berlin; New York, 2000. S. 129 f.). Радищев был знаком с немецким текстом, однако можно лишь гадать, какое именно издание сочинений Геллерта он держал в руках. Возможно, это было издание «Басен и сказок» (*Gellert Chr. F. Fabeln und Erzählungen*. 1-е изд. Leipzig, 1746—1748), в последний раз к моменту

mich / zurück — Wie sehr soll ich mich also in Acht nehmen / um Sie nicht auf eine gar zu verdrießliche Art zu / complimentieren. Doch weil ich an Sie schreiben soll / so will ich von andern Sachen reden.

Was machen Sie in Zwickau? wie bringen Sie die / Zeit zu? haben Sie Frauenzimmer⁹² in Ihrer Gesellschaft / und sind Sie dabey vernügt? Wie kann man bey |Л. 3| denselben einschlaffen? Ihr Umgang, (wenn Sie nur nicht / aufgebracht sind; sonst übertreffen Sie alle Geschöpfe an Bosheit) / hat so viel angenehmes, so viel reizendes, giebt Anlaß / zu so sanften Empfindungen, macht so lebhaft die Lebensgeister / daß auch derjenige den der Anblick [sic] der Medusa starr / gemacht hat, die Empfindung wieder erhalten würde. Verzeihn [sic] / Sie mir die Unbescheidenheit und Freymüthigkeit die / in meinen Fragen seyn möchten. Allein was soll ich / Ihnen sagen? Wie es in Leipzig aussiehet? Eben so / wie vorhero; alles bereitet sich zur Meße⁹³ — Nur / eine Neuigkeit. Gestern hat man zum ersten Mahl den [sic] Theater wieder / geöffnet. Mehr weis ich Ihnen nichts [sic] / zu sagen.

Mein Herr
Ihr ergebenst gehorsamster Diener
Alexander von Radistscheff.

Перевод:

Лейпциг, 20 сентября 1769

Милостивый государь,

Что может быть приятнее, как выразить вполне свое чувство; что более живительно, как вступить в беседу с кем-либо, чьего

пребывания Радищева в Лейпциге переизданное лейпцигским книгоиздателем К. Фричем (Fritsch) в 1767 г. либо же 1-я часть «Избранных сочинений» (*Gellert Chr. F. Sämmtliche Schriften. 1. Theil. Leipzig, 1769*). Русский перевод басни был впервые опубликован лишь в 1788 г. (*Drews P. Deutsch-slavische Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert. S. 228*).

Радищев несомненно имеет в виду мораль сказки: «Когда твое сочинение не нравится знатоку, это дурной знак, но если оно заслуживает похвалы дурака, то самое время его уничтожить». Басня высмеивает лесть, неприятие ее Радищевым известно; поэтому он дает отсылку к юноше (у Геллерта «молодой дурак» (*junger Geck*)), который, разумеется (и в этом — основное различие), льстит и расхваливает сам себя. Радищев, по-видимому, хотел отчетливо отказаться от любой формы лести по отношению к Клодиусу. Остается непонятным, содержит ли этот фрагмент также иронию по отношению к учителю.

⁹² В подлиннике «т» с надстрочным подчеркиванием. Здесь и во всех подобных случаях подобное написание передается через двойную согласную («тт», «пп» и т. п.).

⁹³ Осенняя ярмарка начиналась в Лейпциге 1 октября и продолжалась две недели.

присутствия должно было лишиться; но что может быть досаднее, чем заполнять все письмо похвалами; итак, я должен к вам писать. Нужно ли мне оказать благодарность за все ваши труды в занятиях со мною? Мое стремление извлечь пользу от ваших знаний довольно доказывает, сколько я испытываю прибытку от общения с вами. Должен ли я заверить вас в глубоком уважении к вашим познаниям и заслугам пред светом? Его также видеть можно из моего старания обратить себе в пользу ваши таланты. Да и сколь бы мало польстили мои похвалы человеку, заслужившему восторг всего света. Более еще, не юнец ли я, что у Геллерта восхищался картиной? Потому воздержусь. — Сколь много следует мне остерегаться, чтобы похвалы мои не оказались вам огорчительны. Но поскольку я обязан писать к вам, то поведу разговор о другом.

Чем заняты вы в Цвиккау? Как проводите время? Есть ли прекрасный пол в вашем обществе, и находите ли вы в том приятность? Возможно ли при них расслабиться? Их обхождение (если только они не рассержены, ибо тогда они злостью превосходят всех существ земных) столь приятно, столь привлекательно, пробуждает столь нежные чувства, столь воодушевляет жизненные силы, что даже окаменелого под Медузиным взором может вернуть к жизни. Простите мне нескромность и прямоту, если их можно найти в моих вопросах. Но что же я должен вам сказать? Как обстоят дела в Лейпциге? Так же точно, как и ранее; все готовится к ярмарке. — Но есть и новость: вчера в первый раз вновь открылся театр. Более я, что вам сказать, не знаю.

Милостивый государь,
преданнейший вам и покорнейший слуга
Александр Радицев

П. А. К. Рубановский — Х. А. Клодиусу

21 сентября 1769

Письмо занимает 3 листа, формат 187.1 × 229.8 (л. 1); 186.9 × 229.5 (л. 2); 187.6 × 268.7 (л. 3). Границы строк выделяются знаком «/»; границы листов — знаком «|» с обозначением листа; грубые ошибки подлинника сопровождаются указанием «[sic]».

|Л. 1| Mein liebster Herr / Professor, /

Schon fünf Tage sind verfloßen, / daß ich das Vergnügen entbehre, / mit Ihnen zu sammen zu seyn. / Glauben Sie mir, daß mir die / Zeit anfängt sehr lang zu werden, / bis ich Sie wieder sehe.

Ich muß / unterdeßen bey Ihnen um Verzeihung / bitten, daß ich an der Mittwoch[e] [sic] nicht an Sie geschrieben habe.⁹⁴ Es / waren verschiedene Umstände, / die mich wider meinen Willen / von diesem Vergnügen abhielten. / Jetzt ergreife ich aber begierig / die Gelegenheit, die ich habe, Ihnen / meine Erkenntlichkeit zu erkennen / zu geben. Ich habe zwar ein Paar Uebersetzungen fertig gemacht. / Allein sie Ihnen zu schicken, habe / ich doch nicht gewagt. |Л. 2| Denn als Sie sich zu dieser / Reise deswegen entschloßen / haben, theils um sich von der / Arbeit zu erholen, theils die / Freunde zu genießen, mit Ihren / liebenswürdigsten Verwandten / und Freunden zusammen zu seyn: / so will ich nicht, daß Sie Ihre / angenehmen Stunden mit / Lesung meiner Arbeit / verderben. Denn ob es / zwar keine große Arbeit ist, / Uebersetzungen durchzusehen, / so ist es doch eine Arbeit. Und wenn / man diejenigen, die man / liebt und hochschätzt, / lange Zeit nicht gesehen hat, so wird uns ein Jeder Augenblick in Ihrer Gesellschaft schätzbar. |Л. 3| Leben Sie wohl und vergnügt, / mein liebster Herr Profesor (sic), / und kommen Sie ja wieder recht / gesund zu uns. Ich werde einen / großen Vorrath, von Uebersetzungen / und Aufsätzen bereit haben.

Ich verbleibe zeitlebens mit /
den freundschaftlichsten Gesin / nungen

Ihr,
Gehorsamster Diener
A. von Rubanofsky

Den 21.ten Sept[ember]
1769.
Leipzig.

Перевод:

Мой любезнейший господин профессор,

Вот уж прошло пять дней, как я лишен удовольствия быть вместе с вами. Поверьте мне, время до той поры, как вновь увидимся, стало казаться мне слишком удаленным. Между тем я должен просить у вас прощения, что не писал вам в среду. Различные обстоятельства против моей воли удержали меня от сего удовольствия. Теперь же я спешу воспользоваться удобным случаем выразить вам свою признательность. Я, хотя и закончил уже два перевода, но отослать их вам я все же не отваживаюсь.

⁹⁴ 21 сентября 1769 г. приходилось на четверг, то есть письмо Рубановского должно было быть написано в один день с письмом Радищева, по-видимому, в уговоренный день отправки почты.

Ибо поскольку вы решились на эту поездку, чтобы как отдохнуть от трудов, так и насладиться обществом друзей, побыть с любезнейшими родственниками и друзьями, то я не хочу, чтобы вы губили приятные часы на чтение моей работы. Поскольку хотя это и не большая работа — просмотреть переводы, — но все же работа. А когда долго не видим тех, кого любим и высоко ценим, то каждый миг в их обществе для нас на вес золота. Поживите в удовольствие и приятно, любезнейший господин профессор, и возвращайтесь к нам в полном здравии. Я заготовлю большой запас переводов и сочинений.

Остаюсь во всю мою жизнь
с самыми дружескими чувствами
ваш покорнейший слуга
А. Рубановский

21 сент[ября]

1769.

Лейпциг.

А. А. КОСТИН

А. Н. РАДИЩЕВ КАК ФОЛЬКЛОРИСТ*

Настоящая статья сложилась в процессе подготовки библиографического словаря русских фольклористов, предпринятого А. Л. Топорковым и Т. Г. Ивановой, для которого мне было предложено написать статью о А. Н. Радищеве. Редакторы словаря, охватывающего период начиная с XVIII в., исходили из представления о том, что в статьях о писателях принципиально должно быть отражено не использование ими в творчестве тех или иных фольклорных элементов, а их вклад в изучение, собирание, публикацию и осмысление русского фольклора.¹ Именно с этой позиции мне и пришлось обратиться к творчеству Радищева, попыток к чему до сих пор, по сути, предпринято не было. Работа над статьей вышла за рамки сугубо справочного труда и заставила поставить ряд методологических проблем, что и побудило меня выйти за рамки справочного жанра.

Начать позволю себе с цитаты из одного труда, написанного в 1950-х гг. «От Радищева ведет начало новое понимание фольклора; он <...> провозглашает высокое этическое и эстетическое совершенство народной поэзии. Именем Радищева открывается новая страница в истории <...> фольклористических изучений; впоследствии под знаком радищевских идей выйдет ряд теоретических исследований в области литературы и фольклора. Здесь начало тех тенденций, которые в дальнейшем будут продолжены и развиты декабристами, Пушкиным, Белинским и Герценом, вплоть до Добролюбова и Чернышевского и их ближайших по-

* Исследование проведено в рамках проекта РГНФ «История изучения жизни и творчества А. Н. Радищева в свете их восприятия русской культурой (руководитель А. А. Костин), № 12-34-01226/12, 2012—2014 гг.

¹ Русские фольклористы : Биобиблиографический словарь. Пробный выпуск / Отв. ред. Т. Г. Иванова, А. Л. Топорков. М., 2010. С. 13, 213—214.

следователей».² Этот фрагмент не только входит в классический и лучший труд по истории русской фольклористики — книгу М. К. Азадовского, но и во многом определяет логику, по крайней мере внешнюю, всего ее раздела о XVIII в. Радищев предстает здесь мерилom представлений о народной словесности в XVIII в., как и в большинстве обобщающих трудов (по истории литературы, журналистики, философии и т. п.), где вычитываемый у писателя революционный пафос делает его вершиной развития духовной жизни России XVIII в. в различных ее областях.

Я привел эту цитату совсем не для того, чтобы показать кажущуюся странной идею исследователей прошлого: наши идеи тоже, возможно, через сколько-то лет будут восприниматься не менее странными, дело в другом. При подобной оценке место Радищева в словаре русских фольклористов бесспорно; но насколько оно оправдано, если мы не полагаем а priori, что у этого писателя понимание фольклора достигло высшей для XVIII в. точки? Ответ на этот вопрос лучше всего начинать с моментов частных.

Так, например, вряд ли вызовет сейчас сомнение тот факт, что фольклористика XVIII в. сохраняет для нынешней науки значение в первую очередь своими записями текстов: предисловие к сборнику русских народных песен Н. А. Львова и И.-Г. Прача вызывает лишь исторический интерес, между тем как его записи текстов и музыки остаются одним из важнейших источников; в области эпоса можно отметить как автора одного из важнейших собраний былин — Киршу Данилова, так и первых его публикаторов — А. Ф. Якубовича и К. Ф. Калайдовича, каждый из которых по праву занимает свое место в «Словаре». В связи с этим правомочен вопрос: может ли Радищев считаться собирателем или публикатором фольклора?

Для ответа на этот вопрос используется обычно случай фиксации в «Путешествии из Петербурга в Москву» рекрутского плача; между тем более показательным мне кажется другой пример, из-за отсутствия в составе Полного собрания сочинений Радищева привлекавший, скорее, внимание фольклористов, чем историков литературы. В поздней редакции биографии отца, написанной Павлом Радищевым в середине 1860-х гг., появляются записи пяти сибирских песен, а также величальной и трех игровых песен, исполнявшихся в калужском селе Немцове.³ Указание на позднюю редакцию немаловажно. Биография была впервые на-

² Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958. С. 100—101.

³ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями / Сост. Д. С. Бабкин. М.; Л., 1959. С. 77—79, 89—92.

писана Павлом Радищевым в 1858 г. по просьбе А. А. Корсунова в связи с появлением в печати статьи о Радищеве А. С. Пушкина. Первоначальная редакция представляла собой, собственно, воспоминания и почти не включала в себя печатных свидетельств. Уже вариант ее, опубликованный в «Русском вестнике» Н. Ф. Щербиной, обработанный им, а также М. Н. Лонгиновым,⁴ в значительно большей степени опирался на печатные источники. Следует сказать, что публикация эта значительно изменила финансовые обстоятельства Павла Радищева, перебивавшегося в это время в Таганроге частными уроками: за публикацию в два с половиной листа ему заплатили по расценке, какую предлагали разве что И. С. Тургеневу — 75 рублей за лист. По-видимому, это обстоятельство заставило П. А. Радищева неоднократно впоследствии делать попытки опубликовать сочинения отца со своей статьей, с предложениями о чем он обращался и в цензурное ведомство, ко многим лицам и организациям.⁵ В этих попытках Павел Радищев постоянно перерабатывал и дополнял свою статью; дошедшие до нас черновой и белой варианты пространной редакции, куда включены и записи песен, относятся, по-видимому, к 1865 г. и связаны с обращением в ОИДР. Со временем все большее значение для статьи приобретали печатные материалы: Павел цитирует, например, «Записки» Е. Р. Дашковой; записки Г. Гельбига о России; на нескольких страницах помещает материалы об экспедиции Ж.-Б. Лессепа и т. д.⁶ Все это заставляло отнести к фольклорным записям в статье настороженно и предполагать, что они также были списаны из какой-либо публикации. Между тем сверка текстов с изданиями 1850—1860-х гг.⁷ показала, что, несмотря на то что для ряда текстов имеются близкие варианты (например, в публикациях сибирских песен С. И. Гуляева в 1839 г. в «Отече-

⁴ Александр Николаевич Радищев // Русский вестник. 1858. Т. 18. С. 395—432.

⁵ Известны его обращения к издателям «Современника» (Литературное наследство. М., 1949. Т. 51—52. С. 477); А. И. Герцену (Литературное наследство. М., 1955. Т. 62. С. 504); Д. Е. Кажанчикову (ИРЛИ. № 7064. Л. 6—7); А. А. Корсунову (ИРЛИ. № 7121. Л. 2—2 об.); Обществу истории и древностей российских (РГБ. Ф. 203. № 18. Л. 100—102); Д. Н. Шереметеву (РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. № 572. Л. 1—2); П. А. Ефремову (*Накорякова К. М.* П. А. Ефремов — редактор сочинений Радищева // Книга : Исследования и материалы. М., 1972. Сб. 25. С. 66—179).

⁶ Сведения о литературе, использованной П. А. Радищевым в биографии отца, см.: *Кашин Н. П.* Новый список биографии А. Н. Радищева // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1912. Кн. 2; *Сидоров Н.* Ломоносов, Новиков, Радищев // Голос минувшего. 1913. № 6. С. 240—241.

⁷ Мною просмотрено более 70 изданий народных песен, включенных в библиографический указатель: Русский фольклор. 1800—1855 / Сост. Т. Г. Иванова. СПб., 1996.

ственных записках» и в 1848 г. в «Библиотеке для чтения»⁸), идентичных текстов обнаружить не удалось; ни в одной публикации не встречается полная подборка песен; а для некоторых — как например для сибирской песни «Ой, милая моя, милостивая моя...» — запись Павла Радищева является одной из наиболее ранних и самой ранней, локализирующей песню в сибирской традиции (12 вариантов песни у А. И. Соболевского не зафиксированы восточнее Урала; отмеченные здесь публикации до 1865 г. дают существенно иной текст⁹). Таким образом, аутентичность записи вряд ли должна вызывать сомнение; можно с уверенностью говорить, что такие песни исполнялись в Илимске в 1790-х гг.; но закономерно задать вопрос — были ли песни тогда записаны или воспроизводились Павлом Радищевым по памяти.

Переписка П. А. Радищева показывает, что он мало был знаком с рукописным наследием отца. В первоначальном варианте его биографии он называет, например, «Путешествие из Петербурга в Москву» «Журналом путешествия из Петербурга в Москву»; только из списка М. Н. Лонгинова узнает о существовании песнопения «Творение мира»; А. И. Герцену предлагает напечатать письма отца по иллюзорному их парижскому изданию (в соответствующем письме отразились, по-видимому, слухи о продаже изданного Герценом «Путешествия»¹⁰); он пытается найти бумаги отца и брата Николая у другого брата, Афанасия,¹¹ и т. д. Известные планы изданий указывают, что публикацию сочинений отца он представлял как совокупность «Оставшихся сочинений покойного Александра Радищева», изданных его сыновьями в 1807—1811 гг. с присоединением биографии, «Путешествия», «Вольности» и «Отрывка из путешествия в *** И*** Т***». Доподлинно известно, что в библиотеке Павла отсутствовали по меньшей мере первые четыре тома «Оставшихся сочинений...» отца, включавшие поэтические и прозаические сочинения, а также трактат «О человеке».¹² Между тем некоторые места биографии позволяют заключить, что с какими-то бумагами он мог быть знаком. Прежде всего стоит указать, что, излагая по тексту «Записок» Е. Р. Дашковой, изданных Герценом, историю чтения в Российской академии «Жития Федора Васильевича Ушакова»,

⁸ Гуляев С. И. Этнографические очерки русской Сибири // Библиотека для чтения. 1848. Т. 90 : Науки и художества. С. 87 (вариант песни «Посылал же меня свекор...»), 95 (вариант песни «Ой, на дуб, дуб...»).

⁹ Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевским. СПб., 1895. Т. 1. № 311—322; Т. 7. № 742.

¹⁰ Литературное наследство. М., 1953. Т. 62. С. 376.

¹¹ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. С. 16—17.

¹² ИРЛИ. № 7121. Л. 1; Александр Николаевич Радищев. С. 424, 431—432.

П. А. Радищев замечает, что образцом для «жития» послужила книга П. Гроле, и далее почти дословно цитирует письмо Радищева к А. Р. Воронцову от 26 ноября 1791 г.: «Мысль написать „Житие Ушакова“ подала ему книга „Vie de M. Grosley“, человека ничем не примечательного, но который умел заинтересовать собою читателей»¹³ (ср.: «Si la vie d'un particulier obscure, d'un homme sans renom peut <...> trouver des lecteurs, si Grosley sait se rendre intéressant»¹⁴). Письмо впервые было опубликовано только 6 лет спустя после смерти Павла, в 1872 г., в 5-й книге «Архива князя Воронцова»; вероятность знакомства с ним Павла в воронцовском собрании маловероятна, судя по тому настороженному ответу, который М. С. Воронцов дал ему на вопрос о портрете отца из Андреевского: несмотря на то что портрет Радищева находился в парадном зале дворца, Павлу Радищеву пришел ответ, что таким портретом Воронцов не располагает.¹⁵ По одному месту, о котором речь будет идти позже, можно предположить, что в распоряжении Павла были какие-либо записи, связанные с путешествием из Илимска в Немцово — возможно, список радищевского дневника. Основания эти, однако, слишком зыбкие, поскольку, судя по известным записям поэтических фрагментов в биографии отца, Павел Радищев записывал их, скорее всего, по памяти. Об этом можно судить по ухудшающимся текст различиям в записи радищевской «Эпитафии»; короткому и, вероятно, сохранившемуся в памяти экспромту «Час преблаженный, / День вожделенный! / Мы оставляем, / Мы покидаем, / Илимски горы, / Берлоги, норы!» Форма сохранившегося в бумагах П. А. Радищева фрагмента перевода первых 40 стихов «Орлеанской девственницы» Вольтера, сделанного, по-видимому, в конце 1800-х гг., показывает, что текст также, скорее всего, был записан по памяти: перевод выполнен разностопным ямбом; между тем текст записан плохо владевшим версификацией Павлом без сохранения отступов для коротких стихов.¹⁶ Также с вариантом, обусловленным ошибкой памяти, приведено в статье двестише Карамзина; с ошибками в версификации записан известный только по этому источнику текст оды Пнина на смерть А. Н. Радищева.¹⁷ Таким образом, лишь фантомное наличие у Павла Радищева бумаг отца, неодно-

¹³ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. С. 96.

¹⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1954. Т. 3. С. 403. Далее отсылки к этому изданию даются в тексте статьи в скобках, с указанием римской цифрой тома и арабской — страницы.

¹⁵ ИРЛИ. № 10565.

¹⁶ См.: Костин А. А. Перевод из «Орлеанской девственницы» Вольтера в бумагах П. А. Радищева // Западный сборник. СПб., 2011. С. 187—198.

¹⁷ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. С. 100—101, 104.

кратное использование им при записи фрагментов собственной памяти заставляют предположить, что и фольклорные записи были также выполнены им самим по памяти, а не записаны отцом. В пользу этого предположения говорит и то обстоятельство, что по сравнению с большинством других известных вариантов песен записи П. А. Радищева отличаются фрагментарностью; особенно отчетливо это видно на примере 4-й сибирской песни, явно представляющей собой всего лишь отрывок: «Ночесь моя кроватушка пустым была пуста / Пустым пуста была пустешенька, / Без мил дружка, без Иванушки, / Без сердечного, без заречного, без Алешеньки, без Надеженьки».¹⁸

Я так подробно остановился на эпизоде с записями сибирских песен в труде П. А. Радищева, поскольку, по большому счету, только на их основании мы могли бы говорить о деятельности А. Н. Радищева как собирателя традиционного фольклора. Ни одно другое место в корпусе его сочинений оснований для предположения о том, что он сознательно записывал фольклорные тексты, не дает. Здесь стоит сказать об одном отрывке, традиционно используемом для доказательства того, что Радищев записывал фольклор. В главе «Путешествия из Петербурга в Москву» «Городня», описывающей рекрутский прием, включены причитания по рекруту. Голосят мать и невеста. Повторю высказывание Азадовского, впоследствии неоднократно повторенное и неоспоренное: «Рекрутская причеть в „Городне“ является первым известным нам образцом этого вида народного творчества <...>. Первый плач характерен для такого рода текстов, но второй (причитание невесты, просящей провести с женихом хоть ночку — чтобы «Бог <...> дал <...> паренька на утешенье». — А. К.) чрезвычайно своеобразен и может быть назван уникальным <...> Характер образов не позволяет думать об авторстве Радищева. Подлинность <...> плача совершенно бесспорна».¹⁹ Просмотренные мною собрания рекрутских плачей во многом подтверждают это положение Азадовского: до Радищева печатных упоминаний рекрутских плачей не встречается; содержание причитания матери, действительно, достаточно традиционно. Во многом верно и замечание о том, что нетрадиционно включение в обряд проводов рекрута причитания невесты: в традиционном обряде по холостому рекруту причитают мать, сестра и плакальщицы,

¹⁸ Там же. С. 79. Показательно, что только для этой песни не найдено соответствий составителями сборника «Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока» (Новосибирск, 1997 [Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 14]) — ср. варианты для других сибирских песен П. А. Радищева: № 253, 279, 313, 364.

¹⁹ Азадовский М. К. История русской фольклористики. С. 98.

но не невеста; между тем записи текстов рекрутского обряда, исполняемые от лица невесты, известны — они записаны, например, Барсовым от Ирины Федосовой; одна из них повторяет приведенную Радищевым структуру, при которой на причитания рекрут отвечает «Кому не умирать, тот жив будет. Авось-либо я с полком к вам приду. Авось-либо дослужуся до чина».²⁰ Приведу этот текст:

На заставушки с дружкой разставались,
И розставались слезно обнимались.
<...>
И на прощаньице он наказывал,
И честью-лестью мни уговаривал:
«И помирные живи, любушка,
И повыслужи доброй молодец,
Я во этой службы царской,
И двадцать лет да без изменушки,
Я тогда ж то ведь домой буду,
Я домой буду тебя замуж возьму».²¹

Таким образом, вряд ли стоит сомневаться, что эта часть «Горюхи» основана на передаче Радищевым реального рекрутского обряда. Вместе с тем можно сомневаться в том, что передача его основана на *записи* текстов обряда. Кажется принципиально важным, что для их передачи Радищев перелагает народный стих в прозу, оставляя от него, таким образом, только содержание. Подобные опыты у Радищева не единичны — стоит напомнить не только пересказ собственной «Вольности» в главе «Тверь», но и передачу прозой нескольких известнейших од Ломоносова: «В бездне миров безпредельной, как в морских волнах малейшая песчинка, как во льде, не тающем николи, искра едва блестящая, в свирепейшем вихре как прах тончайший, что есть разум человеческий» (С. 121). Следует заметить также, что ни разу в своих многочисленных рассуждениях о русском стихе Радищев не упоминает стиха народного; нет, по сути, в сочинениях писателя и попыток его имитации, в том числе в таком сочинении, где их логично было бы ожидать, — «Песнях, петых на состязаниях в честь древним славянским божествам»²² (здесь зато дан образец

²⁰ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / Изд. подгот. В. А. Западов. СПб., 1992. С. 108. Далее отсылки к этому изданию даются в тексте статьи в скобках с указанием страницы арабской цифрой.

²¹ Причитанья Северого Края / Собр. Е. В. Барсовым. М., 1882. Ч. 2 : Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. С. 269. Ср. также песни на с. 267—268.

²² Неоднократно указываемый в качестве «русского» стих «Песни исторической» и «Бовы» — четырехстопный хорей — не обладает главным при-

имитировавшего ритмизованную прозу Оссиана безрифменного разностопного ямба и единственный у Радищева образец гекзаметра). Только при подготовке «Путешествия» к переизданию в 1801 г. Радищев, по-видимому, переделал причитание невесты и ответ парня в «народный» четырехстопный хорей с дактилическим окончанием; впрочем, в единственном известном источнике эта поэтическая вставка записана в прозаическую строку.²³

Судя по всему, долгое время русский народный стих вовсе не привлекал Радищева; вообще, текстовая составляющая в народном обряде им никогда не фиксируется — в народном празднике он видит главным образом внешние проявления, в первую очередь пьянство: «поставили нас на квартиру, где пировали помолвку свадебную» (III, 284); «нашли праздник, состоит в том, что все девки, бабы и мужики ходят из двора во двор и пьют пиво; ходили до утра и перепились допьяна» (III, 254); «Без качелей никакой российской город о святой неделе существовать не может <...>. При качелях находятся и все другие принадлежности: вино, пиво, чай, сбитень, пряники, орехи, пироги, оладьи. Всяк по своему, но без питья и пищи веселье на ум не идет» (III, 364). Также и печальный обряд не вызывает у Радищева интереса к текстам: «3 дома крестьянских хороших. В последний из оных не могли въехать, ибо в то самое время хозяин умер; дом наполнен был воплем и стоном» (III, 264). В народных песнях Радищева интересует главным образом музыкальная составляющая — напомним, что известное высказывание о ямщицкой песне в «Путешествии» («...извозчик мой затянул песню, по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого» — С. 8) касается именно музыкальной составляющей: упомянутый здесь «мягкий тон» — дословный перевод немецкого «weicher Ton», то есть минор; с этим наблюдением соотносится замечание в записках путешествия

знаком имитирующего размера, дактилическим окончанием, и поэтому вряд ли может считаться опытом работы Радищева с народным стихом. Примечательно, что размер «Бовы» повторяет размер итальянского стиха «Ah, che caso, che sventura», по-видимому заимствованного из какой-либо итальянской арии.

²³ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. С. 450. Приведу первые стихи причитания невесты и рекрута: «Мне ль, невесте нареченною твоей / Уж не будет больше радости, / ни утехи, ни веселия...»; «Как зовет нас служба царская, / государю слуги надобны. / На меня, знать, выпал жеребий — в этом воля есть Всевышнего...». В то же время в «Памятнике дактилохорейческому витязю» Радищев записал начальные строки двух народных песен: «По той ли по матушке Камышенке реке плывут, выплывают два суденышка» и «Горе мне грешнику сущу» (II, 207; 211).

в Сибирь, где отмечается мажорный характер вотяцких песен: «Вотяки поют, едучи, как русские ямщики. Нравы их склонны более к веселию, нежели к печали» (III, 255).

Таким образом, по-видимому, в тех случаях, когда Радищев все же фиксирует фольклорный текст, он принципиально останавливается только на его содержании или характерных признаках. Этим объясняется, как кажется, явное искажение в главе «Медное» первых стихов «Березки»: «Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли» (С. 92). Этим не фиксируемым ни в одной записи четырехкратным повторением «люли» Радищев намеренно подчеркивает самую яркую особенность песни, которая выступает у него как образец «радостного гласа нехитростного веселия», и которую ему, скорее всего, вряд ли нужно было записывать.²⁴

Возвращаясь к вопросу о возможной записи рекрутских плачей, стоит сказать, что при таком подходе к народной песне запись ее Радищеву не требовалась. Из того, что нам известно о его «творческой лаборатории» (а это в первую очередь записки путешествия в Сибирь и из Сибири), следует заключить, что полевые записи у него по большей части носили самый конспективный характер. Полноценная запись фольклорных текстов в записках Радищева встречается только в отношении речений, которые можно характеризовать как пословия: «...продал пудов 10 орехов по одному рублю, но NB: не прибавлено ли по обыкновению древнему и нынешнему еще сибирскому, ибо вообще приметить можно, что существуют многие древние обычаи, изречения, слова, которые во многих местах России уже истребились» (III, 268); «...пьяный ямщик спорил о лошадях и говорил: „Не преждее вам время, вас возят под чехлом, впереди ведут 60 генералов на канате“» (III, 279); «Про сумских повествуют, что столь разбойничали вьявь, что жены и дети сии, видя с берету, кричивали им: „бери и чашки и ложки“» (III, 298). Чаще всего услышанное фиксируется назывными предложениями из двух-трех слов: «История о притеснениях, грабежах и пр. Уши в уголовной палате» (III, 283); «Постой-гора. Подумай-гора» (III, 270). Таким же образом зафиксированы две проблемы, ставшие основным стержнем главы «Городня» в записке «О злоупотреблениях при рекрутских наборах», представляющей собой конспект несохранившегося фрагмента

²⁴ Кажется сомнительным высказанное О. Е. Лебедевой предположение о том, что песня «Во поле береза стояла...» была услышана Радищевым лишь однажды и записана с ошибкой, поскольку он почти не имел представления о народной поэзии (*Лебедева О. Е. «Во поле береза стояла»: Из комментария к «Путешествию из Петербурга в Москву» // А. Н. Радищев: Исследования и комментарии. Тверь, 2002. С. 66—78).*

юридического труда: «В отдаче купленных рекрут, в отдаче вольных иностранцев или других; в насильственной отдаче между казенных крестьян» (III, 47). Таким образом, можно предположить, что и в случае письменной фиксации рекрутских причитаний она носила такой же конспективный характер, передавая только основное содержание плача, и впоследствии плачи были восстановлены Радищевым с использованием традиционной формульности: «кто закроет мои очи при издыхании»; «кто тело предаст общей нашей матери сырой земле»; «не канет на нее твоя горячая сле-за»; «друг сердечный», «красное солнушко» — все это формулы, традиционные для имитации народной поэзии в XVIII в. Таким образом, запись обряда у Радищева, скорее всего, касалась только внешней стороны обряда, вроде «мать и невеста плачут; парень им отвечает» — такого рода описания неоднократны в записках сибирских путешествий: «Толпа и гулянье под Чувашиами. Образ из Абалака. Торг. Гулянье с карманьяком» (III, 260); «Баранки для милостыни» (III, 262); «Иные росшивы от смолы все черны, даже и мачты, а парус белый, вид траура» (III, 299).

Наконец, следует отметить, что, несмотря на незначительный интерес Радищева к традиционным поэтическим формам фольклора, гораздо большее внимание он уделял малым прозаическим жанрам — анекдотам, преданиям и слухам — тому, что в собственной его терминологии он называет «повестью». Во многом именно на таких текстах основаны некоторые важные эпизоды «Путешествия из Петербурга в Москву». Объясняя на следствии обстоятельства того, как создавалась книга, писатель заявлял: «...на мысль мне пришли многие случаи, о которых я слыхивал и, дабы не много рыться, я вознамерился их поместить в книгу сию».²⁵ Среди таких «услышанных» эпизодов следует в первую очередь упомянуть явно связанные со слухами истории наместника-любителя устриц; свадьбы 78-летней госпожи Ш.; дважды повторенный рассказ о помещике, отнявшем у крестьян все частное имущество; основанную на судьбе известного крепостного поэта Николая Смирнова историю рекрута в «Городне». «Слуховую» подоплеку заметила Екатерина II, читая помещенное в «Едрове» упоминание о помещике, едва не убитом крестьянами в пугачевщину за то, что он «омерзил 60 девиц, лишив их непо-

²⁵ Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952. С. 167. Ср. также ответы на вопросные пункты Екатерины II: «писал по умствованию своему с слышанных им иногда в народной молве якобы происходивших по разным делам злоупотреблениях» (С. 176); «наслышался в народной молве, будто б господ наместники употребляют данную им от ея императорского величества власть иногда по своим прихотям» (С. 176—177); «о сем написал, слыша от других на вельмож жалобы и неудовольствие» (С. 177—178).

рочности»: по этому поводу она замечает: «Едва ли не история Александра Васильевича Солтыкова».²⁶ Наконец, в «Валдаях» помещена история о монахе, который погиб в озере, возвращаясь в монастырь от любовницы — повесть эта ходила, по-видимому, в конце XVIII в. в новгородских землях: как относящуюся к новгородскому Антониеву монастырю ее фиксирует в 1778 г. И. Бернулли.²⁷

Именно к этому типу фольклорных текстов относится большинство фольклорных записей в записках путешествия в Сибирь и из Сибири: здесь и легенды («часовня, в которой виден гроб монаха Варсонофия, убиеннаго в старые времена» — III, 291), и топонимические предания («Постой-гора. Подумай-гора»; «На Шелковом затоне много грабили, и прозвание Шелковый потому, что жители, также воры, единственного селения на сем заливе столь от грабежей избыточествовали всем, что шелковые носили онучи» — III, 298), и исторические («Тут нашелся молодой чичероне и повествовал, что сие здание построено точно диаволом, о чем в духовном правлении имеются записки, что замок сей как-то он был действительно осаждаем некаким богатырем, которому по приступе отрубили ногу, и оная доселе хранится на паперти церковной» — III, 289; «показывают дуб, под коим царь Иван Васильевич имел шатер, возвращаясь в Москву по взятии Казани» — III, 299). В определенный комплекс складываются записи Радищева историй о разбойниках; если изначально они носят краткий конспективный характер («жил крестьянин богатый Тюменев, который разбойничал или, лучше, давал пристанище разбойникам. Около Томска пойманы в Бердске» — III, 274; «ловили они разбойников, у которых атаман, ушедший из острога Иркутского, и подговорил партию в заводе винном близ Тары» — III, 281), то постепенно удостаиваются подробной, насколько это позволяют записки, фиксации. Особенно примечательна история разбойника Ивана Фадеева — упоминание о нем встречается и в отдельной записи: «Повесть о разбойнике Иване Фадееве, как он мучивал дворян, которые своих не щадили крестьян, а щадил добрых. Угрозы его дворянину, который имел воспитанницу. Застали его у мужика, он ему дал 500 руб., чтоб зажег свой дом, и поскакал на тройке; будучи постигаем, начал кидать ассигнации по дороге и тем спасся. Взяли с ним

²⁶ Там же. С. 161.

²⁷ «Менее известна история второго Леандера, который утонул в озере Ильмень, когда, как обычно, хотел переплыть его, направляясь к своей Геро, монахине в Новгороде» (*Коваленко Г. М. Великий Новгород : Взгляд из Европы : XV—начало XX в. СПб., 2010. С. 293*).

до 40 тысяч» (III, 290), и потом в связи с двумя историями («сказывал, что избавил лугининских некогда от разбойников, от приезжавших к нему на судно около Рыбного, может быть товарищей славного вора, который уже взят и который не любил дворян. Как он грозил одному дворянину, у которого была племянница в опеке!» — III, 298; «если еще грабители народные откупались, то разбойнику труднее» — III, 300). Судя по всему, такое внимание связано с тем, что если сначала разбойники интересовали Радищева как элемент опасности в пути, то в связи с историей Ивана Фадеева он почувствовал возможность беллетристического изложения этой истории — об этом говорит развернутый рассказ о Фадееве, изложенный в биографии отца Павлом Радищевым, где запись в несколько строк превращается в двухстраничное повествование.²⁸ Можно предположить либо сохранение у Павла Радищева подробного беллетристического рассказа отца, либо, что более вероятно, история эта неоднократно рассказывалась им родственникам и знакомым и таким образом отложилась в памяти сына. Истории об Иване Фадееве рассказывались на Среднем Поволжье вплоть до конца XIX в.; в 1885 г. их зафиксировал А. А. Титов, причем у него события предания относились уже к 1820-м гг.²⁹

Говоря о записи Радищевым прозаического фольклора, следует, наконец, заметить, что, несмотря на многочисленные выпады против суеверий, Радищев почти нигде не фиксирует отдельных поверий. Единственная подобная запись встречается в записках путешествия из Сибири: «...ночевали у попа Ильи, которого я лечил от лихорадки. Она будто за ним ходила и не давала ему покоя. Болезнь его была чрезмерное движение нервов» (III, 269).

Подводя итог разговору о Радищеве как собирателе фольклора, кажется, можно с определенной степенью уверенности говорить, что в этом отношении он заслуживает внимания в первую очередь как писатель, проявлявший интерес к сюжетному несказочному фольклору. Вместе с тем встает закономерный вопрос — насколько сознавались им жанровые и фольклорные особенности этого материала? Несомненно, соответствующие тексты привлекали его внимание в первую очередь как источники исторического и беллетристического повествования. Судя по всему, Радищев четко различал устные и письменные источники — во всяком случае слова «повесть» и «повествование» имеют у него почти строгое терминологическое различие: первое

²⁸ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. С. 87—88.

²⁹ Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885. С. 288.

относится к устному рассказу, преданию; второе — к письменному, в первую очередь — к историческим сочинениям.³⁰ Примеры употребления этих слов для обозначения определенного жанра показывают, что за повествованием Радищев предполагал значительно большую степень достоверности.³¹ Вместе с тем зачастую не вызывая доверия, повесть интересовала Радищева тем, что в основе своей содержала то или иное истинное происшествие. Это наглядно видно по включению слуха об успешном применении магнетизма в Москве, включенном Радищевым в философский трактат «О человеке»: «Многие повести о таковых чудесах суть лживы, но многие могут быть вероятны <...>. Примеры таковые бывали и бывают и, отложив все баснословное из происшествия излечившейся девки в Москве после сновидения, что она выздоровела без лекаря, то правда» (II, 122). Думается, именно подобное восприятие слухов, анекдотов и преданий, объединяющее в себе настороженное отношение к их достоверности и понимание устной их природы, позволило Радищеву превратить в «Путешествии из Петербурга в Москву» историю о наместнике — любителе устриц (по-видимому, Г. А. Потемкине) в сказку: «Жил-был... — И подлинно на сказку похоже; да как же сказке верить <...> поверю ли я, что были Полкан, Бова или Соловей разбойник. — Да кто тебя толкает в шею, верь, коли хочешь. Но то правда что в старину силы телесные были в уважении и что силачи оные употребляли во зло. Вот тебе Палкан. А о Соловье-разбойнике читай, мать моя, истолкователей русских древностей. Они тебе скажут, что он Соловьем назван красноречия своего ради. — Не перебивай же моей речи. Итак, жил-был где-то государев наместник» (С. 17).

Этим наиболее эксплицитным у Радищева высказыванием о фольклоре можно было бы завершить рассказ о нем как о фольклористе. Несомненно, фольклористом его можно назвать лишь с большой натяжкой: прежде всего потому, что устное народное творчество, судя по всему, не воспринималось им как самостоя-

³⁰ Наиболее показательным для смыслового различия употребления этих слов у Радищева использование их в названиях его произведений — поэмы «Бова. Повесть богатырская стихами» и исторических сочинений «Краткое повествование о приобретении Сибири» и «Краткое повествование о происхождении цензуры».

³¹ Частотность употребления двух слов у Радищева одинакова — 29 случаев для каждого. «Повесть», за исключением использования в стихотворных текстах, не позволявших употребления шестисложного «повествования» («Бова», «Песнь историческая...»), встречается неизменно в значении «устный рассказ» (19 случаев); «повествование» же, за исключением случаев, когда этим словом назван процесс рассказывания, обозначается чаще всего письменный, заслуживающий доверия источник (15 случаев).

тельная сфера духовной жизни, требующая особой рефлексии: и народные песни, и сказки, и «повести» были для него явлением общего культурного поля — того низшего, «наивного» его пласта, который кроме устной традиции включал и печатную: лубочные повести о Бове, различные «Физиогномии», гадательные книги, лечебники и т. д.³² Не зафиксированные Радищевым лично, но известные из его биографии, составленной сыном, народные песни (почти исключительно плясовые, хороводные и игровые) показывают, что эта составляющая быта органично входила в досуг Радищева; характерна здесь следующая запись: «Радищев старался сблизиться с жителями Илимска <...>. Вечером девушки плясали под песни. На масленицу он выезжал на больших санях с Елизаветой Васильевной и детьми кататься по Илимску из конца в конец, и за ним тянулся обыкновенно длинный поезд жителей Илимска».³³ Поэтому обилие фольклорных элементов в его творчестве, которые сами по себе не являются предметом настоящего исследования,³⁴ не должно удивлять: это было использование элементов собственной культуры, не требовавшее особого внимания и фиксации.

Приведу в заключение один только пример, до сих пор не привлекавший интереса исследователей и вместе с тем заслуживающий внимания как по яркому отражению в нем тех особенностей отношения Радищева к фольклору, которые были отмечены ранее, так и по его роли в восприятии содержания «Путешествия из Петербурга в Москву». Помещенный в начале главы «Клин» эпизод исполнения слепым певцом стиха об Алексее, человеке Божиим традиционно используется, чтобы продемонстрировать сопоставление Радищевым высокой культуры «кудрявого напева Габриели, Маркези или Тоди» и не менее значимой народной культуры.³⁵ Само по себе это сопоставление кажется мне показа-

³² Упоминания о подобных печатных изданиях неоднократно встречаются у Радищева, ср.: «Продают книги русские: прологи, четьи-минеи, Квинта Курция, Физиогномия» (III, 257); «если бы во дни просвещения возмнили книги, учащие гаданию или суеверие проповедующие, запрещать или жечь, не смешно ли бы было, чтобы истина приняла жезл гонения на суеверие?» (С. 84); «Я вынул домашний лечебник; искал нет ли в нем рецепта от головной дурноты, происходящей от бреда во сне и наяву» (С. 28).

³³ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. С. 77.

³⁴ См., помимо монографии М. К. Азадовского, следующие работы: *Макогоненко Г. П. Радищев // Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.)*. Л., 1970. С. 409—430; *Позднякова Е. Г. Фольклор в художественной структуре русской литературы XVIII века*. Курган, 2007. С. 74—77; А. Н. Радищев: Исследования и комментарии. С. 20—29; 62—83.

³⁵ См., например: *Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»*. Комментарий. Л., 1974. С. 233; *Иванова И. Е.*

тельным, но хотелось бы отметить и следующее обстоятельство: Радищев здесь не только впервые в своих сочинениях приводит народный стих без искажений («Как было во городе во Риме, там жил да был Евфимиаи князь»), но и использует духовный стих как код, хорошо считываемый читателями. Как и в других случаях, в стихе Радищева привлекает в первую очередь его содержательная, сюжетная составляющая: он и называет его «повествованием»: «Клинской певец, дошед до разлуки своего Ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласом изрекал свое повествование». Выделение во всей народной поэзии не просто одного из самых распространенных ее произведений, но определенного места в нем кажется мне чрезвычайно важным. Описываемое далее рыдание ямского собрания происходит не в логически ожидаемом мелодраматическом финале стиха (когда родители узнают в скончавшемся юродивом своего сына), но в тот момент, когда княжеский сын отказывается от своего княжеского сана и богатства и становится, собственно, юродивым. Значение этого эпизода тем более важно, что Радищев соотносит поведение своего героя с важным элементом высокой культуры: «Я рыдал в след за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как изторгнутые из сердца Вертером». Не исключено, что здесь имеется в виду кульминационный, предшествующий самоубийству момент «Страданий юного Вертера», когда после чтения Вертером его перевода из Оссиана Лотта рыдает, они признаются друг другу в своих чувствах, но понимают, что не будут вместе. Именно в «Клину» в «Путешествии из Петербурга в Москву» появляется упоминание того, что у главного героя произведения есть не только приближающийся к завершению географический путь, но и только начинающийся путь метафизический: «Я не хотел отъехать, не быв сопровождаем молитвою сего <...> приятного небу старца. Желал его благословения на совершение пути и желания моего <...> соблагословение чувствительных душ облегчает стезю в шествии и отъемлет терние сомнительности» (С. 111). По-видимому, все место целиком может быть прочитано следующим образом: как описание самоубийства Кольмы в конце эпизода Оссиана укрепило Вертера в его намерении, так и для путешественника упоминание о решающем поступке в жизни Алексея, человека Божьего, снимает последние сомнения в предприятии «шествия» души. Суть этого шествия можно интерпретировать различно — от привычного для литературоведения середины прошедшего века заявления о разрыве

Духовный стих в «Путешествии из Петербурга в Москву» // А. Н. Радищев: Исследования и комментарии. С. 79—83).

Радищева со своим классом до общего юродства его главной книги; но кажется, что в любом случае оно относится к основной ее задаче — несмотря на условности, высказать в ней важную для автора правду; и представляется не случайным, что для выражения этой мысли Радищев использовал совмещение двух культур, неизменно соотносимых и во всех других местах книги, — высокой дворянской и «наивной» крестьянской.

С. А. МЕЗИН

ДИДРО, РЕЙНАЛЬ И РАДИЩЕВ: ИЗ ИСТОРИИ ФИЛИАЦИИ ИДЕЙ

Об «Истории обеих Индий» Гийома-Тома Рейналя А. Н. Радищев говорил на следствии: «Сию книгу могу я почитать началом нынешнему бедственному моему состоянию. Я начал ее читать в 1780 или 81 году».¹ О влиянии популярного в Европе труда Рейналя на творчество русского просветителя не раз писали исследователи.² Все они отмечали участие Д. Дидро в создании «Истории обеих Индий». Однако текст Дидро при этом не выделялся, указывалось лишь сходство некоторых положений книги Рейналя с «Замечаниями» Дидро на «Наказ» Екатерины II.

Между тем в изучении «Истории обеих Индий» в последние десятилетия достигнут большой прогресс. Д. Годжи,³ а затем Л. Версини⁴ опубликовали тексты Дидро, вошедшие в труд Рейналя. Среди этих материалов особое место принадлежит отрывкам, посвященным России. Французский историк Ж. Дюлак показал, что в этих отрывках была сформулирована оригинальная концепция цивилизации России, оказавшая влияние на развитие политической мысли Европы 1770—1780-х гг.⁵

¹ Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952. С. 188.

² См.: Lang D. M. The First Russian Radical Alexander Radishchev : 1749—1802. London, 1959; Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу. М., 1966; Моряков В. И. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века : Рейналь и Радищев. М., 1981. В Приложении к книге В. И. Морякова дан перевод фрагментов «Истории обеих Индий», в значительной степени вышедших из-под пера Д. Дидро (с. 202—216).

³ Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers : Contributions à l'Histoire des deux Indes / Ed. G. Goggi. Siena, 1977. Т. 1—2.

⁴ Diderot. Œuvres. Т. III: Politique / Éd. L. Versini. Paris, 1995.

⁵ См.: Dulac G. 1) Diderot et la «civilisation» de la Russie // Colloque international Diderot (1713—1784) : Actes réunis et préparés par Anne-Marie Chouillot. Paris, 1985. P. 161—171; 2) Diderot et le «mirage russe»: quelques préliminaires à l'étude

В этой связи встает вопрос: как А. Н. Радищев отнесся к «русским» сюжетам Дидро? Имело ли место заимствование и развитие русским просветителем концептуальных положений Дидро, разработанных на русском материале? Ответить на эти вопросы призвана настоящая статья.

В 1768—1770 гг. Дидро много читал и беседовал о России и начал свое сотрудничество с Г.-Т. Рейналем в «Истории обеих Индий», где и выказал свое отношение к цивилизации и цивилизаторам России. (В это время Дидро уже подошел к пониманию развития культуры в обществе как естественного, длительного, детерминированного многими факторами процесса).

Д. Годжи установил, что отрывок о России в первом издании «Истории обеих Индий» (1770) также принадлежал Дидро.⁶ Здесь Дидро поставил под сомнение господствующую (вольтеровскую) оценку Петра I как создателя новой цивилизованной России: «Восторг, с которым воспринимали, с которым должны были воспринимать Петра Великого, приучил Европу к формированию преувеличенного мнения о его империи».⁷ Вопреки этому мнению, замечал Дидро, «хорошие наблюдатели, которые исследуют результаты деяний, без труда разберутся в черед блестящих ошибок, оставивших обширные области без законов, без свободы, без богатств, без населения и без промышленности». Перечисляя печальные результаты ошибочной политики Петра I, автор называет в негативном плане все те условия, которые он считал необходимыми для строительства подлинно цивилизованного общества. Малочисленность и разбросанность населения в условиях сурового климата едва ли позволят русским создать в своих «пустынях» цивилизованные нравы и правление. Петр I и его преемники все силы потратили на то, чтобы создать армию, флот, порты — и страна от этого больше потеряла, чем выиграла.

В позитивной части отрывка Дидро дал первый набросок программы цивилизации России. Философ предлагал умерить стремление к славе, пожертвовать влиянием в делах Европы, превратить Петербург в обыкновенный торговый порт и перенести столицу внутрь государства. Необходимо, писал Дидро,

de son travail politique de Pétersbourg // Le Mirage russe au XVIII siècle / Éd. S. Karp et L. Wolff. Ferney-Voltaire, 2001. P. 149—192; 3) Quelques exemples de transferts européens du concept de «civilization» (1765—1780) // Les équivoques de la civilization. Montpellier, 2005. P. 106—135.

⁶ См.: Goggi G. Diderot et la Russie : Quelques remarques sur une page de la première édition de l' « Histoire des deux Indes » // L'Encyclopédie, Diderot, l'esthétique : Mélanges en hommage à Jacques Chouillet 1915-1990. Paris, 1991. P. 99—112.

⁷ [Raynal G.-T.]. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. Amsterdam, 1770. T. 2. P. 204—205.

переключить энергию внешних завоеваний на более важные внутренние преобразования. Он считал полезным сплотить и сконцентрировать население внутри страны вплоть до того, чтобы отказаться от некоторых слишком обременительных провинций. Он призывал монарха освободить дворцовых крестьян и тем подать пример дворянству. Освобождение крестьян должно привести к зарождению третьего сословия, «без которого ни у какого народа никогда не было ни искусств, ни просвещения, ни свободы». И только после этих реформ русские, которых хотели сделать немцами, англичанами, французами, перестанут быть чужими в своей стране и приобретут национальный характер. Таким образом нация встанет на естественный путь развития.

Свое дальнейшее развитие взгляды Дидро на Россию нашли в «Политических фрагментах» («*Pensées détachées ou Fragments politiques échappés du portefeuille d'un philosophe*») 1772 г., вошедших во второе (1774), а затем и в третье (1780) издание «Истории обеих Индий» Г.-Т. Рейналя. Их принадлежность перу философа выявлена достаточно давно, но лишь в работах Д. Годжи они получили всестороннее изучение. Итальянский ученый исследовал и опубликовал как рукописный подлинник Дидро, так и его варианты, помещенные в «Литературной корреспонденции» Гримма и в «Истории» Рейналя.⁸ Нас интересует XVI фрагмент, который первоначально назывался «О России» («*Sur la Russie*»),⁹ затем был обнародован Гриммом под названием «О том, что нужно начинать с начала» («*Qu'il faut commencer par le commencement*»)¹⁰ и наконец был расширен для «Истории» Рейналя под названием «О цивилизации России» («*Sur la civilisation de la Russie*»)¹¹ Дидро писал этот текст в виде заметок на полях первого издания «Истории обеих Индий» и в определенной степени развивал идеи Рейналя.

Рассмотрим основные положения отрывка «О цивилизации России» в том порядке, как их писал Дидро (по публикации Д. Годжи), параллельно отмечая их место в третьем издании «Истории обеих Индий», с которым знакомился Радищев. В издании Рейналя отрывок Дидро разделен между 3-м томом (V книга, раздел XXIII «Препятствия, которые противостоят процветанию России. Средства, которые можно использовать для их преодоления») и 10-м томом (XIX книга, раздел II «Правительство»).

⁸ Denis Diderot. *Mélanges et morceaux divers; Goggi G. Les Fragments politiques de 1772 // Studies on Voltaire and eighteenth century*. Vol. 254 (1988).

⁹ Denis Diderot. *Mélanges et morceaux divers*. P. 356—359.

¹⁰ Ibid. P. 350—355; см. также: Diderot. *Œuvres*. T. III. P. 608—611.

¹¹ Denis Diderot. *Mélanges et morceaux divers*. P. 375—389; см. также: Diderot. *Œuvres*. T. III. P. 660—664.

Заметим, что взгляды Дидро на положение России и на средства ее цивилизации в основном сложились еще до поездки философа в Петербург (8 октября 1773—5 марта 1774 г.). В третьем издании «Истории обеих Индий» появилось лишь дополнение, которое указывало на трудности приобщения империи к цивилизации.¹²

Проследим за ходом рассуждений философа, оценивающего состояние России и перспективы ее цивилизации. Для этого сначала надо обратиться к 10-му тому. Мысли о цивилизации предварены здесь рассуждением о «просвещенном деспотизме»: «Между тем можно услышать, что самым счастливым правлением было бы правление справедливого, непреклонного, просвещенного деспота. Какая нелепость! А не случится ли так, что воля этого абсолютного господина войдет в противоречие с волей его подданных? Тогда, несмотря на всю его справедливость и все его просвещение, он окажется несправедлив, лишая их прав даже для их же блага. Позволено ли человеку, каков бы он ни был, обращаться со своими доверителями, как со стадом скотов?»¹³ Автор ставил волю народа выше воли любого монарха, но не отрицал возможности достижения согласия между ними: просвещенный монарх должен стараться просветить народ, вывести его из заблуждения, действовать путем убеждения, но не силой. Опасность деспотической формы правления состоит и в том, что просвещенного деспота может сменить монарх, лишенный его добродетелей, — жертвой окажется вся нация. Деспотизм опасен во всех проявлениях и не может быть надежной основой цивилизации: «...все памятники свидетельствуют, что цивилизация государств была делом скорее обстоятельств, чем мудрости монархов».¹⁴

Далее автор характеризовал естественные трудности на пути цивилизации России: суровый климат, который препятствует росту населения. Дидро еще раз отмечал, что два этих фактора взаимообусловлены и связаны с необходимостью иметь обширные территории, покрытые лесами. Зимой вынужденная праздность населения развивает в нем склонность к игре, распутству, неумеренному употреблению крепких напитков. Огромная протяженность империи, различия народов в обычаях и языках препятствуют законодательной деятельности. Дидро обоснованно

¹² *Годжи Д.* Колонизация и цивилизация: Русская модель глазами Дидро // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 226.

¹³ [*Raynal G.-T.*]. *Histoire philosophique et politique des établissements dans les deux Indes* (далее — HDI). Genève: Chez J. L. Pellet, 1780. Т. X. P. 40; *Diderot. Œuvres*. Т. III. P. 660.

¹⁴ *Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers*. P. 376; HDI. Т. X. P. 43.

полагал, что центральная власть ослабевает по мере удаления от столицы, и это открывает возможности для злоупотреблений чиновников, каждый из которых считал: «До Бога высоко, до императора далеко, и хозяин здесь я».¹⁵

В России все население делится на два класса: господа и рабы, — констатировал Дидро. Тирания держится на рабстве, и тираны никогда не согласятся добровольно его упразднить. К тому же вчерашние рабы, внезапно получив свободу, становятся ленивыми и жестокими. Но цивилизация не может существовать без личной свободы. Поэтому необходимо создать третье сословие, наделенное чувством личной свободы и достоинства. «Положим, найдены к тому средства, сколько же понадобится столетий, чтобы получить заметный результат?»¹⁶ Как видим, Дидро не скрывал своего пессимизма и скепсиса в отношении быстроты цивилизации российского общества.

Создание третьего сословия можно ускорить с помощью учреждения иностранных колоний. Но для их существования нужно юридическое обеспечение, твердое соблюдение законов. Как можно добиться этого, когда в судах заседают только помещики, если везде господствуют взаимная выгода и продажность? «Спрашивается, можно ли там иметь цивилизацию без справедливости и как можно установить справедливость в такой империи?»¹⁷

Отсутствие третьего сословия предопределило слабость городов, которые разбросаны по огромной территории. Но особенно бросается в глаза отсутствие дорог в России и дурное состояние тех, которые имеются. Состояние дорог свидетельствует о развитии коммерции и является в конечном счете показателем уровня цивилизации: «Обойдите все страны на земле и повсюду, где вы не обнаружите легкости торгового общения города с поселком, поселка с деревней, деревни с хутором, скажите, что эти народы суть варвары, и вы, как правило, не ошибетесь».¹⁸ «При таком состоянии дел наибольшим счастьем, которого можно достичь в стране огромной протяженности, не было ли расчленение ее в результате какой-то большой перемены (*grande revolution*) и разделение на множество маленьких смежных государств?»¹⁹ — вопрошал Дидро.

На первый взгляд Россия может показаться страной религиозной терпимости, — замечал автор. Но это верно только в от-

¹⁵ *Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. P. 377; HDI. T. X. P. 45.*

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. P. 378; HDI. T. X. P. 46.*

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ *Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. P. 378; HDI. T. X. P. 46—47.*

ношении Петербурга. Но и здесь надо сделать исключение для иудаизма. Веротерпимость способствовала бы цивилизации, если бы остальное население не было погружено в самое грубое суеверие, если бы оно не разжигалось многочисленным духовенством, невежественным и распутным.

Некоторые особенности национального характера русских также могут, по мнению Дидро, препятствовать реформам: русские имеют о себе слишком высокое мнение, исполнены чувством собственной исключительности. Они уверены в своем превосходстве над остальными народами Европы. Это побудило некоего иностранца, объехавшего большую часть империи, сказать: «Россия сгнила, прежде чем достигла зрелости».²⁰

Что можно сделать для достижения цивилизации России? Необходимо дать народу политическую свободу. Екатерина II понимает значение свободы для достижения общественного блага, — полагал Дидро. Но отказалась ли она от деспотической власти? Можно ли в ее «Наказе» для Уложенной комиссии увидеть нечто большее, чем желание изменить названия: называться монархом, а не самодержцем, называть свой народ подданными, а не рабами? Можно ли обмануть народ подобной «комедией»?²¹

В своей политике реформатор должен опираться на общественную поддержку. Русскому монарху не на что опираться, кроме армии. В России хорошие солдаты, но вокруг Екатерины невозможно найти настоящих государственных деятелей. Удивительно то, что она сделала одна, но, когда ее не станет, кто ее заменит?²² (Эту мысль Дидро прямо высказывал в письме Екатерине II из Гааги 13 сентября 1774 г.: «Екатерина Вторая пришла после Петра Первого, но кто заменит Екатерину Вторую? Этот необычный человек может наследовать ей сразу, или заставит себя ждать века»²³). Таким образом, философ не просто подчеркивал роль личности монарха, но имел в виду необходимость создания общественных и экономических условий для проведения реформ.

Вопреки просветительским иллюзиям, Дидро здраво полагал, что такие проекты, как создание закрытых учебных заведений (а также воспитательных домов для сирот), где дети воспитываются в духе свободы, мало что могут изменить в обществе. Тем

²⁰ Denis Diderot. *Mélanges et morceaux divers*. P. 379; HDI. T. X. P. 48.

²¹ См.: Denis Diderot. *Mélanges et morceaux divers*. P. 379—380; HDI. T. X. P. 48—49.

²² См.: Ibid.

²³ Diderot D. *Correspondance publiée par G. Roth et J. Varloot*. Paris, 1968. Vol. XIV. P. 80.

более что существование этих учреждений целиком зависит от властей.²⁴

Столь же искусственными, по его мнению, являются академии, в которых иностранцы пытаются продвигать науки и искусства. Их учреждение не является результатом общественного развития, а потому таланты не находят себе применения в обществе.²⁵

Анализ российской жизни, представленный Дидро, поражает не только своей логикой и глубиной мысли. Вызывают удивление точность наблюдений и информированность автора.

Дидро еще не терял веры в реформаторские возможности Екатерины. Он пытался дать практические советы. Их мы находим в пятой книге 3-го тома «Истории обеих Индий». Прежде всего, философ отмечал, что для дальнейших преобразований нужна стабильность власти и строгий порядок наследования престола.²⁶ В противном случае страна наполнится восстаниями и междоусобицами. (Дидро имел в виду печальный опыт дворцовых переворотов в России XVIII в.). Он осуждал петровский закон о престолонаследии. Но для народа недостаточно иметь законного монарха, надо, чтобы он заботился о народном благе. В России это невозможно без изменения формы правления. Российский деспотизм держится на всеобщем рабстве. Никто среди подданных не может быть уверенным в безопасности своей личности и имущества. По-видимому, не случайно, говоря о деспотизме и крепостничестве, Дидро обращался к памяти Петра I.

Конечно, Дидро больше интересовало настоящее и будущее России, чем ее прошлое. Но он понимал, что исходным пунктом развития современной России были реформы Петра. Поэтому прежде чем давать Екатерине конкретные советы, он оценивал знаменитого русского реформатора. Здесь мы имеем дело с самой развернутой оценкой деятельности Петра I, вышедшей из-под пера Дидро. Приведем ее полностью:

«Уважение, которое необходимо воздать памяти Петра I, не должно помешать сказать о том, что ему не удалось увидеть в целом благоустроенного государства. Он был рожден гением. Ему внушили любовь к славе. Эта страсть сделала его деятельным, терпеливым, прилежным, неутомимым, способным побеждать трудности, которые природа, невежество, привычка противопоставляли его предприятиям. С этими добродетелями и иностран-

²⁴ См.: *Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers*. P. 380—381; HDI. Т. X. P. 50—51.

²⁵ См.: *Ibid.*

²⁶ См.: *Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers*. P. 382; HDI. Т. III. P. 167.

цами, которых он призвал к себе, ему удалось создать армию, флот, порт. Он создал множество необходимых регламентов для успеха своих смелых замыслов. Но несмотря на славу и титул законодателя, он едва ли издал два или три закона, которые не несли бы отпечатка жестокости. Его не видели поднявшимся до сочетания блаженства своего народа с личным величием. После его великолепных установлений нация продолжала томиться в бедности, в рабстве и угнетении. Он не хотел ничего ослабить в своем деспотизме, а ужесточил его, быть может, и оставил своим преемникам ужасную и губительную идею, что подданные — ничто, а монарх — все».²⁷

Таким образом, Дидро отдавал должное лишь гению Петра, его личному величию. Но он отказывался видеть в нем законодателя и реформатора, принесшего пользу своему народу. Петр не смог вывести Россию из состояния варварства, но он испортил ее.

Дидро верил в добрые намерения Екатерины, но он видел, насколько трудно ей действовать в условиях России. Философ заметил, что она действовала в некоторых случаях иначе, чем Петр. «Этот монарх ожидал наибольшего успеха от возвращения молодых людей, которых он посылал заимствовать образование в наиболее просвещенных странах Европы».²⁸ Екатерина же обратила внимание на воспитание молодых людей, создала школы для дворян. Что еще лучше, она создала школы для простолюдинов, которые могут теперь учиться полезным ремеслам.

Но чтобы ускорить достижение поставленной цели, Дидро предлагал свою идею цивилизации через иностранную колонизацию. Надо призвать «свободных людей из цивилизованных стран», наделить их землей, построить им дома, снабдить всем необходимым для земледелия. Нужно предоставить им свободу вероисповедания. Из этих колоний зародыш свободы может распространиться по всей империи. Правда, колонизация не должна быть такой, какую осуществила императрица в 1764—1765 гг., в результате чего иностранцы в России «нашли только рабство, нищету, смерть, где немногие, избежавшие этих несчастий, томятся в ожидании близкого конца».²⁹

²⁷ Denis Diderot. *Mélanges et morceaux divers*. P. 383—384; HDI. T. III. P. 168—169.

²⁸ Denis Diderot. *Mélanges et morceaux divers*. P. 385; HDI. T. III. P. 171.

²⁹ Denis Diderot. *Mélanges et morceaux divers*. P. 387; HDI. T. III. P. 175. Во время своего визита в Петербург Дидро подал императрице записку неизвестного автора о плачевном состоянии иностранных колоний на Волге и о мерах по улучшению их положения. Записка издана Р. Бартлеттом: Diderot and the foreign colonies of Catherine II // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1982. Vol. 23. № 2.

Если Екатерина захочет подчиниться новому порядку вещей с целью достижения общего блага, она должна умерить свое стремление к славе и не стремиться к военным успехам в Европе (здесь и далее Дидро дословно повторял свои слова из отрывка, написанного для первого издания «Истории обеих Индий»), перенести столицу из Петербурга, уничтожить все виды рабства, обеспечив тем самым появление третьего сословия.

Философ завершал свое наиболее развернутое суждение о цивилизации России, излагая свой план естественного развития общества. Не следует приглашать знаменитых людей из других стран. «Эти экзотические растения погибнут в стране, как гибнут иностранные ростки в нашей почве». «Во всем надо начинать с начала: начало — это приведение в действие ремесел и низших классов. Научитесь возделывать землю, обрабатывать кожи, изготавливать шерстяные ткани, и у вас быстро выделятся богатые семьи».³⁰ Обеспеченное общество само должно породить поэтов, философов, ораторов, скульпторов и живописцев. «Следуйте постоянному ходу природы, бесполезно было бы стараться избежать его».³¹ Если отклониться от естественного хода природы, никакие усилия и средства не принесут ожидаемых плодов, и общество может вернуться в состояние варварства.

Как бы мы ни оценивали сегодня разработанный Дидро план цивилизации России и степень его утопичности, нельзя не признать его доказательной логики, основанной на изучении исторического опыта европейских стран. Автор считал европейский путь цивилизации магистральным для всех народов. Отсюда — его убежденность в необходимости развития таких основ европейской цивилизации, как собственность, личная и политическая свобода. Отсюда исходила и его вера в историческую роль третьего сословия.

Вместе с тем план цивилизации Дидро нельзя рассматривать как простой план европеизации. Институты цивилизованного общества должны естественным путем вырастать на собственной почве, общество должно пройти определенные стадии развития. Дидро отрицал идею Вольтера о трансплантации культуры, олицетворением которой был Петр I. Как показали в своих работах Ж. Дюлак и Д. Годжи, концепция Дидро была тесно связана с теоретическими исканиями века Просвещения, в частности с идеями Д. Юма и представителей шотландской исторической школы.

Р. 221—241; русский перевод опубликован С. А. Мезиным: К истории немецких колоний на Волге // Волга (Саратов). 1997. № 5—6. С. 43—55.

³⁰ Denis Diderot. *Mélanges et morceaux divers*. P. 388; HDI. T. III. P. 176.

³¹ Denis Diderot. *Mélanges et morceaux divers*. P. 388—389; HDI. T. III. P. 177.

Философ строил свою концепцию цивилизации по контрасту с реальным историческим опытом России XVIII в., полагая, что Петровские реформы заложили основы искусственной, ложной цивилизации России. Он исходил из того, что для поступательного развития России необходимо переключить энергию внешних завоеваний на внутренние преобразования, дать свободу крестьянам, способствовать колонизации свободных европейцев и зарождению третьего сословия, законодательно ограничить деспотизм верховной власти.

Рассматривая цивилизацию как естественный и длительный процесс, Дидро не отказывался от мысли о возможности ее ускорения путем реформ сверху. Поэтому он всегда поддерживал политический диалог с Екатериной II, желая научить ее искусству управления или цивилизации страны. В своих советах Екатерине Дидро как будто смотрел на века вперед, поэтому некоторые его мысли о цивилизации и сегодня звучат актуально.

Но Екатерина II была не единственным читателем, откликнувшимся на записки и проекты Дидро. В России был по крайней мере еще один внимательный читатель страниц, написанных Дидро в «Истории обеих Индий», — «зривший сквозь целое столетие» А. Н. Радищев.

Оставим за скобками много раз декларированное исследователями «революционизирующее» влияние на Радищева глав «Истории обеих Индий», посвященных американской революции. Ограничимся вопросом о возможном влиянии на русского просветителя «русских» глав, вышедших из-под пера Д. Дидро. Очевидно, что Радищев разделял содержащуюся там критику самодержавия, крепостничества, деятельности «просвещенного деспота». Но насколько он был близок к Дидро в оценке современного состояния и будущего России? Воспринял ли он концепцию цивилизации России и ее отдельные элементы? Советские авторы видели «концептуальное» сходство Рейналя и Радищева в пропаганде революционных идей.³² Но, как показано выше, сущность концепции Дидро в отношении России состояла отнюдь не в призывах к революции.

Дидро и Радищева в их отношении к России роднил критический пафос, внимание к порокам и недостаткам русской жизни. Но восприятие этих недостатков было разным: непосредственно-чувственное у Радищева и отстраненно-рациональное у Дидро. Каждый из них, разоблачая несовершенство общественных отношений, по-своему пытался преподать урок царям.

³² См.: Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу. С. 96—101.

Оба автора отмечали беззаконие, мздоимство, насилие, тиранию верховной власти и угнетение рабов хозяевами как повседневные явления русской жизни. Конечно, пороки окружающей действительности Радищев изучал не по «русским» страницам Дидро, достаточно было «взглянуть окрест себя» и иметь «душу чувствительную» и «сердце человеколюбивое»: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала».³³ Но определенное созвучие их мнений отрицать не приходится.

Дидро и Радищев были согласны в том, что в России существует самодержавное деспотическое правление, не ограниченное никакими законами. Личные качества монарха, его просвещенность и «мягкосердность», не меняют антинародной сущности режима. За внешней благопристойностью и блеском могут скрываться раболепие, воровство, беззаконие и обман. Даже монаршее милосердие может обернуться «комедией» («Спасская Полесь»). Как отмечал В. А. Западов, в этой главе, «оперируя действительными фактами царствования Екатерины, Радищев создает образ государя, обладающего всеми основными чертами, который должен иметь «просвещенный монарх».³⁴ В этом замечании все верно, кроме того, что Радищев, как и Дидро, разделял понятия «просвещенный монарх» и «просвещенный деспот». В России приходилось иметь дело именно с просвещенным деспотом, обладающим беспредельной, ничем не ограниченной властью.

Дидро не терял надежды на просвещенного монарха в деле цивилизации России, пытался убедить Екатерину изменить саму сущность царской власти, поставить ее под контроль закона и постоянных выборных «законодательных комиссий». Радищев, кажется, был настроен более радикально: он допускал «поражение» монарха, если «оно отмстит порабощение человека».³⁵ Но это революционное действие он допускал в крайнем случае. Истинные патриоты отечества, писал он, «не возмутят <...> гражданского покоя безвременно и без пользы». Оба писателя были наслышаны о Пугачевском восстании. Для них крестьянский бунт не был сколько-нибудь приемлемым способом решения проблем, стоявших перед Россией. «Глупые крестьяне, вы искали правосудия в самозванце!»³⁶ — восклицал русский автор. Дидро писал: «Это волнение, продолжение которого могло опрокинуть государство,

³³ *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / Изд. подгот. В. А. Западов. СПб., 1992. С. 6.

³⁴ *Западов В. А.* История создания «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Вольности» // *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. С. 605.

³⁵ *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. С. 25.

³⁶ Там же. С. 61.

заставило понять, что следовало бы приручить медведей, прежде чем снять их оковы, а также, что хорошие законы и просвещение должны предшествовать свободе». ³⁷ В этом суждении он приводит распространенное мнение, поддержанное самой Екатериной. Но сам Дидро считал, что свобода должна предшествовать просвещению — на этом он строил свою концепцию цивилизации России.

Важно обратить внимание на позитивную программу авторов, на их видение путей преобразования и будущего России. В сущности, отрывок Дидро «О цивилизации России» был таким же «Проектом в будущем», как и тот, что А. Н. Радищев представил в главе «Хотиллов».

Россию будущего Радищев видел страной, в которой «науки, художества и рукоделия» доведены «до высочайшия совершенства степени». В ней будут царствовать «равновесие во властях» и «умеренность в наказаниях». Страна будет наслаждаться «внутренней тишиною, внешних врагов не имея». Духовенство будет проповедовать человеколюбие. ³⁸ Восторжествует свобода вероисповедания. ³⁹ Путь к совершенству общественных отношений, по мнению Радищева, будет долгий и непростой, он потребует прохождения «многих степеней усовершенствования». ⁴⁰ Русский автор «Проекта в будущем» не находил истинного «блаженства» в видимом порядке, господствующем в воинском стане. (Заметим, что Дидро сравнивал Россию и Петербург с военным лагерем). Он почитал пустой «саму славу завоеваний»: «звук, глумление, надутость и истощение». ⁴¹ Все эти положения видимым образом сближают позиции Дидро и Радищева.

Корень зла оба автора видели в господствующем в России рабстве. Оба приветствовали «постепенное освобождение земледельцев в России». Оба мыслителя доказывали преимущество свободного труда. «Корысть» и богатство виделись им естественным двигателем общественного развития. «Следуя сему естественному побуждению, все начинаемое для себя, все, что делаем без принуждения, делаем с прилежанием, рачением, хорошо. Напротив того, все то, на что несвободно подвигаемся, все то, что не для своей совершаем пользы, делаем оплошно, лениво, косо и криво. Таковых находим мы земледельцев в государстве нашем». ⁴² Радищев считал, что только крестьянин-собственник

³⁷ Denis Diderot. *Mélanges et morceaux divers*. P. 384; HDI. T. III. P. 170.

³⁸ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 66—67.

³⁹ Там же. С. 81.

⁴⁰ Там же. С. 68.

⁴¹ Там же. С. 70.

⁴² Там же. С. 71.

может быть по-настоящему полезен обществу. В нем он видел основу общественного благосостояния и процветания в будущем. Как и французский мыслитель, Радищев был озабочен проблемой «размножения народа»: «Тако нива рабства, неполный давая плод, мертвит граждан, им же определены были природою избытки ее». ⁴³

Некоторые исследователи замечали, что мысль о формировании третьего сословия в России не волновала Радищева, ⁴⁴ а созданные им образы российских купцов, откупщиков и ростовщиков не вызывают симпатии. Но ведь воровство и плутовство купечества тоже являлись порождением уродливого общественного и государственного устройства. А свободный крестьянин-собственник в любом случае должен быть основой для формирования третьего сословия. Желательное для Радищева «естественное и гражданское равенство» должно установиться и путем «умаления» дворянских и придворных привилегий (глава «Выдропуск»). ⁴⁵

Радищев хорошо понимал значение коммерции для процветания государства. Наблюдая за прохождением торговых караванов в Вышнем Волочке, он замечал: «Тут видно было истинное земли изобилие и избытки земледелия: тут явен был во всем блеске мощный побудитель человеческих деяний — корыстолюбие». Каналы, шлюзы, дороги — это важнейший признак цивилизации для Радищева (правда, слово «цивилизация», новое для французского языка, не вошло тогда еще в русский язык). «Когда нынешние державы от естественных и нравственных причин распадутся, позлащенные нивы их порастут тернием и в развалинах великолепных чертогов гордых их правителей скрываться будут ужи, змеи и жабы, — любопытный путешественник обрящет глаголющие остатки величия их в торговле». Правда, о русских дорогах Радищев был невысокого мнения: «Римляне строили большие дороги, водоводы, коих прочности и ныне по справедливости удивляются; но о водяных сообщениях, каковые есть в Европе, они не имели понятия. Дороги, каковые у римлян бывали, наши не будут никогда; препятствует тому наша долгая зима и сильные морозы, а каналы и без обделки нескоро заровняются». ⁴⁶ Часто поминаемое автором «Путешествия» скверное состояние дорог в России, как мы видели, у Дидро приобретало характер атрибута нецивилизованной страны.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: *Западов В. А.* История создания... С. 607.

⁴⁵ *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. С. 76.

⁴⁶ Там же. С. 74.

В приведенной выше цитате из главы «Вышний Волочок» нельзя не обратить внимание на фразу о «естественном» распаде «нынешних держав». О том, что она не случайна, свидетельствуют и известные строфы из оды «Вольность», прокомментированные самим Радищевым в главе «Тверь»: «Следующие 8 строф содержат прорицания о будущем жребии отечества, которое разделится на части, и тем скорее, чем будет пространнее. Но время еще не пришло. Когда же оно наступит, тогда

Встрещат заклепы тяжкой ночи».⁴⁷

Исследователи уже указывали на то, что «прорицание» Радищева поразительно напоминает совет Дидро: «При таком состоянии дел наибольшим счастьем, которого можно достичь в стране огромной протяженности, не было ли расчленение ее в результате какой-то большой перемены («grande revolution») и деление на множество маленьких смежных государств? Порядок, введенный в некоторых из них, распространился бы и на другие».⁴⁸

Это совпадение, конечно, свидетельствует о знакомстве Радищева с текстом Дидро. Но в нем просматривается и общепросветительская идея о том, что большие страны склонны к деспотии, а демократическое правление легче установить в маленьких государствах вроде Швейцарии. Очевидным представляется и тот факт, что идея распада империи была истолкована Радищевым в гораздо более революционном духе, чем это было в отрывке Дидро.⁴⁹

Как мы видели, Дидро пытался представить свой план цивилизации как следование естественному ходу природы. Попытки найти естественные законы движения общества слышатся и в рассуждениях Радищева: если гражданские законы удаляются от закона природы, то «производят всегда урода».⁵⁰ Освобождение крестьян для него — восстановление «природного всех равенства».

Еще одна проблема, которая занимала умы Дидро и Радищева в контексте размышлений о настоящем и будущем России, — оценка реформ Петра I.

Дидро, хотя и не без колебаний, пессимистически оценивал результаты петровских реформ. Он отдавал должное гениальной личности царя, но методы проведения преобразований находил порочными. Избранный Петром путь заимствования готовых образцов культуры из Европы противостоял авторской концепции

⁴⁷ Там же. С. 102.

⁴⁸ Denis Diderot. *Mélanges et morceaux divers*. P. 378; HDI. Т. X. P. 46—47.

⁴⁹ См.: Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу. С. 115—116.

⁵⁰ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 56.

естественного пути цивилизации. К тому же Петр укрепил деспотизм и рабство в России — главные оплоты ее полуварварского состояния в глазах Дидро.

Свое понимание роли Петра I в российской истории Радищев яснее всего сформулировал в «Письме к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего».⁵¹ Кстати, это единственное сочинение Радищева, где упоминается имя Дидро.

Как известно, письмо посвящено состоявшемуся 7 августа 1782 г. открытию памятника Петру I на Сенатской площади — «Медного всадника» Э. Фальконе. Описание церемонии открытия и самого памятника основано на сочинении И. Г. Бакмейстера «Историческое известие о изваянном конном изображении Петра Великого» (СПб., 1786; на немецком языке сочинение было опубликовано в 1782 г.). В частности, Бакмейстер писал: «Да будет мне дозволено присовокупить здесь точно собственными словами Дидерота чувствительнейшее его описание совершенств модели, которое он переслал в письме к Фальконету: Ирой и конь его составляют вместе прекрасного кентавра, коего человеческая и мыслящая часть удивительно спокойствием своим противопоставляется части яростного животного. Рука отлично изображает повеление и покровительство».⁵² У Радищева эта фраза интерпретирована следующим образом: «...простертая рука покровительствующая, как ее называет Дидеро, и взор веселый суть внутреннее уверение достижения цели...».⁵³ Речь идет об описании модели памятника в письме Дидро к Фальконе, написанном в декабре 1773 г.: «Герой хорошо сидит. Герой и конь составляют вместе прекрасного кентавра, человеческая и мыслящая часть которого прекрасно контрастирует своим спокойствием с необузданной частью животной. Эта рука хорошо повелевает и покровительствует; это лицо заставляет уважать и верить; эта голова очень характерна; она трактуется благородно и искусно; это прекрасная вещь, которая в конечном счете ставит скульптора на уровень мастеров искусств».⁵⁴

Но «Письмо к другу» интересно не своими описаниями, частично основанными на мнении Дидро. Радищев вставил в них

⁵¹ См.: Радищев А. Н. Избранные сочинения. М., 1952. С. 9—12; Стенник Ю. В. А. Н. Радищев о значении Петра I в истории России // Русская литература. 2000. № 1.

⁵² Бакмейстер И. Г. Историческое известие о изваянном конном изображении Петра Великого. СПб., 1786. С. 49—50.

⁵³ Радищев А. Н. Избранные сочинения. С. 11.

⁵⁴ Diderot D. Correspondance. Paris, 1966. Vol. XIII. P. 117. Впервые переписка Фальконе с Дидро была опубликована в издании «(Euvres d'Etienne Falconet, statuaire...)» (Losanne, 1781).

оригинальные рассуждения о русских царях и о сущности царской власти, выведшие из себя Екатерину II. Современники, по словам Радищева, Петра I «в живых ненавидели, а по смерти оплакивали».⁵⁵ Многие из них льстили царю, ненавидя его. Другие же, «объемлемые ужасом беспредельно самодержавных власти, раболепно пред блеском твоея славы опускали зеницы своих очей». И Екатерина, как и Петр, «смерть и жизнь миллионов себе подобных в руке своей имеет».⁵⁶

Радищев прославлял основание царем Петербурга и завоевание Балтийских берегов. Он славил Петра за учреждения, «к народной пользе относящиеся», за победы над Карлом XII, а главное — за то, что «дал первое стремление столь обширной громаде (России. — С. М.), которая яко первенственное вещество была без действия».⁵⁷ Писатель «вопреки женовскому гражданину» (Ж.-Ж. Руссо) видел в Петре I «мужа необыкновенного, название великого получившего правильно».⁵⁸ В свое время В. И. Семевский не без оснований предположил, что на оценку Петра I в «Письме к другу» повлияли высказывания Г.-Б. Мабли.⁵⁹ Эти высказывания, по-видимому, повлияли и на Дидро как автора отрывка «О цивилизации России». Так, у Мабли, Дидро и Радищева звучат общие мысли о том, что Петр «победитель <...> был прежде, нежели законодатель», что «мог бы Петр славнее быть, возносясь сам и вознося свое отечество, утверждая вольность частную» и что «нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своей власти, сядя на престоле».⁶⁰ Оценка Петра I русским просветителем была в целом более взвешенной и более патриотичной, чем суждения его европейских коллег. Но в принципиальных вопросах осуждения деспотизма царя и его невнимания к «счастью» и свободе подданных их мнения сходились.

Подведем итоги. Разработанная Д. Дидро концепция цивилизации России несомненно повлияла на политическое мировоззрение А. Н. Радищева. Оценивая современное состояние и перспективы развития России, русский писатель также указывал на необходимость следовать естественным путем к отмене в будущем рабства и деспотизма, к созданию на основе труда

⁵⁵ Радищев А. Н. Избранные сочинения. С. 9.

⁵⁶ Там же. С. 10.

⁵⁷ Там же. С. 12.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ См.: Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 23—24; Мабли Г.-Б. Об изучении истории : О том, как писать историю. М., 1993. С. 125—128.

⁶⁰ Радищев А. Н. Избранные сочинения. С. 11—12.

свободных собственников цветущего сельского хозяйства и коммерции, к отказу от завоевательной политики и великодержавия. Но Радищева не увлекла идея цивилизации через иностранную колонизацию, пропагандируемая Дидро. Не разделял он и мысли философа о необходимости перенесения столицы внутрь страны. Радищев открыто не осуждал перенимание «готового» просвещения из Европы. Не мог он принять и скептических высказываний француза о национальном характере русских. Оба автора проявляли непоследовательность в своих теоретических исканиях. Но концепция Дидро отличалась более строгим логическим построением. В ней четче была представлена программа поэтапного цивилизационного развития на собственной экономической основе. Дидро создавал свою концепцию в противовес мысли о плодотворности и даже самой возможности *насилия над природой*. В то время как искренний патриот своей страны, эмоциональный Радищев писал в конце жизни:

О народ, народ преславный!
Твои поздние потомки
Превзойдут тебя во славе...
Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,
*Победят — природу даже...*⁶¹

Рассуждая о филиации идей в европейском культурном пространстве, неуместно говорить о простом заимствовании. Дидро и Радищев дышали воздухом одной культуры — культуры века Просвещения. Знакомство с трудами европейских просветителей заставляло Радищева думать о настоящем и будущем своей родины и в духе времени строить планы ее преобразования. Мысли Мабли, Руссо, Дидро, Рейналя были важными инструментами в творческом арсенале русского писателя.

⁶¹ Радищев А. Н. Избранные сочинения. С. 294.

А. Ю. СОЛОВЬЕВ

**ИСТОРИЯ ТЕКСТА
«ПУТЕШЕСТВИЯ В ПОЛУДЕННУЮ РОССИЮ»
В. В. ИЗМАЙЛОВА**

Несмотря на то что творчество В. В. Измайлова¹ привлекало внимание современников,² а сам он пользовался определенным авторитетом, прежде всего как переводчик и журналист, главное его произведение — «Путешествие в полуденную Россию» — пока не становилось предметом отдельного исследования, хотя во второй половине XX в. постепенно проявлялся интерес к Измайлову как к оригинальному писателю в связи с изучением сентиментализма и широким привлечением творчества литераторов второго ряда при создании историко-литературных концепций.³

Первоочередной задачей предпринимаемого нами исследования является построение творческой истории «Путешествия», которое должно показать, в каком направлении шли поиски авторов сентиментального направления, одним из ключевых жанров которого было путешествие.

Вписывая работу Измайлова над текстом «Путешествия» в контекст произведений этого жанра, мы получим предварительные замечания (пусть и на ограниченном материале, но мак-

¹ См. о нем: *Лобанова Л. П.* Измайлов Владимир Васильевич // Русские писатели : 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 408—409. Наиболее полная библиография произведений Измайлова в: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред. и с примеч. С. А. Венгерова. СПб., 1900. Т. 2. С. 555—558.

² См., например, об использовании мотивов повести Измайлова «Ростовское озеро» А. С. Пушкиным: *Головин В. В.* «Барышня-крестьянка»: Почему Баратынский «ржал и бился» // Русская литература. 2011. № 2. С. 123—124.

³ *Brang P.* Studien zu Theorie und Praxis der russischen Erzählung. Wiesbaden, 1960. S. 216—219, 247—249; *Вацуро В. Э.* Готический роман в России. М., 2002. С. 268—273; *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма: Эстетические и нравственные искания. СПб., 1994. С. 53—55, 176—179.

симально достоверные) об одном из этапов развития сентиментального путешествия.

Проследив движение от ранней редакции к поздней, мы установим, что осталось неизменным в «Путешествии», а это связано с ключевыми жанровыми признаками, которые, собственно, и позволяли отнести это произведение к путешествию как самому автору, так и читателям и исследователям.

Обе задачи решаются на материале двух редакций «Путешествия», изучение которых в исследовательской литературе сводилось ранее к тому, что отмечали зависимость первой редакции от общих мест сентиментального стиля и попытку избавиться от них во второй редакции, вытекающую из эволюции мировоззрения писателя.

Соглашаясь в общих чертах (с существенными оговорками) с двумя первыми пунктами «обвинения», мы стремимся оспорить последнее суждение, которое является следствием недостаточного внимания к творческой истории «Путешествия».

* * *

Текст «Путешествия» существует в нескольких прижизненных вариантах. Это издания 1800, 1802 и 1805 гг. Кроме того, зарегистрированы три публикации отдельных писем в отечественных хрестоматиях (1812—1824)⁴ и две в немецких изданиях (переводы также отдельных писем),⁵ но оснований считать какие-то из них авторизованными нет. Рукописи не сохранились или неизвестны, поэтому о работе Измайлова над текстом произведения можно

⁴ Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе, с прибавлением известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании / Изданы Николаем Гречем. СПб.: В типографии Ф. Дрехслера, 1812. С. 162—173; Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе, изданное Обществом любителей отечественной словесности. СПб., 1817. Ч. 6. С. 168—208 (2-е изд.: 1824. С. 148—184); Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, изданные Андреем Вербицким. Харьков, 1822. Ч. 1. С. 46—51.

⁵ Briefe über Kiew : Aus Ismajlows Reise durch das südliche Rußland // Russische Miscellen / Hrsg. J. Richter. Leipzig, 1803. Hf. 2. S. 41—74; Ueber Pallas. Der krimmische Werther // Russische Miscellen. Hf. 3. S. 140—174; Briefe aus Izmailow's Reise durch das südliche Russland // Pantheon der russischen Literatur / Hrsg. J. de la Croix. Erste Teil. Riga, 1805. S. 56—172. «Сводный каталог русской книги : 1800—1825» (М., 2007. Т. 2: Е—Л. С. 107) называет только перевод И. Рихтера, причем из описания можно понять, что имеется в виду какое-то отдельное издание (указан 1804 г.); поиски такового привели к отрицательному результату.

судить только по переизданиям книги. Обследование всех доступных экземпляров «Путешествия» авторских маргиналий не выявило.⁶

* * *

Предыстория «Путешествия» такова. После смерти отца Измайлов получил наследство и смог осуществить задуманную, видимо, еще раньше поездку. С мая по сентябрь 1799 г. он посетил Украину, Крым, Кавказ и Поволжье, откуда через Тамбов вернулся в Москву. Уже 22 октября Н. М. Карамзин писал И. И. Дмитриеву о работе Измайлова над книгой: «Молодой наш автор Измайлов ездил в Крым и на Кавказскую линию; описал, что видел, и скоро отдаст в печать. Я пришлю тебе книжку его».⁷ Работа шла скоро (что заставляет предположить наличие заметок, набросков, сделанных во время путешествия). Уже в первых числах января Измайлов читал отрывки из составляемой им книги, о чем Андрей Тургенев писал А. С. Кайсарову (письмо от 5 января 1800 г.): «Третьего дня был я в первый раз у Измайлова поутру и в другой раз в тот же день ввечеру. <...> Измайлов читал свое „Путешествие в Киев“».⁸

7 августа 1800 г. в «Московских ведомостях» появилось объявление о продаже книги, напечатанной в Университетской типографии у Х. Ридигера и Х. Клаудия.⁹ Опубликованный том (в восьмую долю листа, 442 страницы) составлял по плану Измайлова первую часть «Путешествия». По-видимому, это все, что

⁶ За исключением подписи Измайлова на титульном листе в одном из экземпляров библиотеки Дмитриевых (Отдел редкой книги научной библиотеки МГУ, шифр Величко 415). Такие же подписи сопровождали каждый из экземпляров второго издания измайловского перевода «Картины Европы» Л. Ф. Сегюра. По свидетельству М. Т. Каченовского, они сделаны для предотвращения незаконного печатания, от которого Измайлов пострадал при первом издании книги (Вестник Европы. 1806. Ч. XXVIII. № 14. С. 119).

⁷ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 113. Это единственное известное нам упоминание о реальном путешествии Измайлова, современное событию.

⁸ Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 91. Неизвестно, были ли это какие-то наброски или уже готовое сочинение.

⁹ Московские ведомости. 1800. 7 авг. № 63. С. 1444. Возможно, рецензент — сам Измайлов. Демонстративный отказ давать какую-либо оценку слогу путешествия («мы не имеем права как издатели ничего сказать об оном») вместе с бесстрастным тоном, точной оценкой содержания и знанием подробностей тогда еще не вышедшего и, вероятно, еще не написанного продолжения выдает автора объявления. По крайней мере это должен был быть кто-то из ближайшего окружения Измайлова.

было написано к тому времени. Об этом говорит указание самого Измайлова в предисловии: «Если сия первая часть удостоится того лестного одобрения, которое она имела счастье заслужить при чтении в некоторых кругах общества, от известнейших людей в литературе, то за нею последует и другая с письмами о Крыме, о Кавказе, об Астрахани, о Сарпинской или Сарептской Колонии и проч.»¹⁰ (курсив мой. — А. С.).

Однако в 1802 г., когда одновременно со второй частью вышло второе издание первой части «Путешествия» (того же формата и объема, но уже у новых издателей в Университетской типографии — у Ф. Люби, Е. Гари и И. Попова), вопреки первоначальному замыслу, каждая часть была разделена еще на две, «для лучшей наружности книги» (1802, 1, 4), как сказано Измайловым в новом предисловии. Таким образом, вместо двух частей книга оказалась разбитой на четыре: единственной части первого издания соответствует первая и вторая части второго, а предполагавшейся второй — третья и четвертая. Пагинация во втором издании отдельная в каждой части, нумерация писем, однако, сохранена сквозная, состав их также не изменился.

Вероятно, идея разбить каждый том на две части пришла не сразу, а когда книга уже пошла в тираж. Во всех доступных мне экземплярах в сигнатуре третьей части со стр. 1 по 240 указано «Часть II», со стр. 241 до конца — «Часть III».¹¹ При этом в части тиража на титульном листе ошибочно указано: «часть вторая» (нам известен один такой экземпляр в отдельном переплете, хранящийся в библиотеке ИРЛИ, шифр 31 3/14).

Три года спустя вышло третье и последнее издание «Путешествия», сокращенное почти вдвое.¹² Сохранилась четырехчастная структура, зато часть писем была исключена, а остальные подверглись коренной переработке.

Итак, история текста «Путешествия» включает в себя переработку первоначального варианта для издания 1802 г., а за-

¹⁰ Путешествие в полуденную Россию : В письмах, изданных Владимиром Измайловым. М., 1800. С. 4. Далее ссылки на «Путешествие» в тексте. В скобках после цитаты указывается год издания (1800, 1802 или 1805), затем через запятую часть (кроме вышедшего в одной части издания 1800 г.) и страница. В ряде случаев приводятся два обозначения через тире. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами, при этом при сравнении цитат из разных изданий сохраняются некоторые особенности языковой манеры писателя. Курсив в неогovorенных случаях авторский.

¹¹ Это отмечено как в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века : 1725—1800» (М., 1962. Т. 1 : (А—И). С. 379), так и в продолжающем его «Сводном каталоге русской книги : 1800—1825».

¹² Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова. М., 1805. Ч. 1—4.

тем — для издания 1805 г. Если вторая отмечена исследователями (но без уточнения ее степени и характера),¹³ то первая не обращала на себя внимания.¹⁴ Между тем оба эпизода представляют интерес, и настоящая работа призвана заполнить существующую лауну.

* * *

Изменения, внесенные Измайловым в текст «Путешествия» в 1802 г., начинаются с первых страниц, и цель большей их части легко уяснить. Согласно указанию на титульном листе издания 1802 г. Измайлов не автор, а издатель книги, но из предисловия становится очевидно, что он не скрывает свое авторство, так как говорит о себе в отличие от издания 1800 г., в первом лице: «Я хотел прежде всего видеть мое отечество — видел прекраснейшую часть — и описал ее. Семейство мое, которому я сообщал в письмах мои впечатления, препоручило мне издать сии письма» (1802, 1, 3). Вместо описания маршрута путешествия и сетований на обстоятельства, не позволяющие автору работать над книгой так скоро, как ему хотелось бы, приведен следующий текст: «Первое издание первой части вышло в течение года, прежде нежели успел я выдать вторую часть. Перепечатывая первую, стараюсь, в доказательство моей благодарности к публике, пользоваться критикою просвещенных умов и в угождение вкусу некоторых моих читательниц разделяю первую часть на две, как и последнюю, для лучшей наружности книги. Автор» (1802, 1, 4).

Из приведенной цитаты не вполне ясно, различал ли Измайлов критику «просвещенных умов» и «некоторых читательниц». С кем он обсуждал свое произведение, неизвестно, но достаточно последовательная правка как будто подтверждает его высказывание. В упомянутом выше письме Андрея Тургенева говорилось о присутствии на вечере у Измайлова «Карамзина, Вышеславцева, двух Пушкиных»,¹⁵ но кто из них участвовал в обсуждении

¹³ Наиболее развернутые отзывы о ней см.: Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. 2-е изд. СПб., 1912. С. 112; Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий: 1790—1840. СПб., 2004. С. 229.

¹⁴ Правда, один из экземпляров «Путешествия» (БАН, шифр 7434) хранит следы чьей-то тщательной работы: начиная со стр. 153 фиолетовыми чернилами исправлены опечатки и отмечены расхождения между двумя первыми изданиями. Но, несмотря на это, ни одной публикации, содержащей сведения о разночтениях, не обнаружено.

¹⁵ Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 91. Имеются в виду В. Л. и С. Л. Пушкины, а также М. М. Вышеславцев (см. о нем: Рак В. Д. Вышеслав-

и, главное, чье мнение и в какой мере автор учитывал, неясно. В круг слушателей также, очевидно, входили И. П. Тургенев и И. В. Лопухин, упоминавшиеся в тексте произведения в контексте рассуждений о «литеральном собратстве». Кроме того, члены «семейства», к которому обращены «письма», братья и сестры Измайлова, могли ему помочь советом.

Часть внесенных в текст исправлений носит технический характер и, действительно, может быть отнесена на счет «утождения вкусу» читательниц и стремления облегчить чтение. Прежде всего это изменения в оформлении книги: заново скомпонован титульный лист, изменены разделители и виньетки, увеличен отступ между письмами (в результате появилось расхождение между нумерациями страниц первого и нового издания, нарастающее к концу тома). То же можно сказать об исправлении опечаток, разграничении строчной/прописной «п» и «н» в словах «природа» и «натура» в зависимости от вкладываемого смысла (вообще, видна большая системность в написании заглавных и строчных букв), употреблении буквы «ё» в ряде иностранных фамилий.

По сравнению с первым изданием расшифрованы некоторые сокращения в именах собственных, но часть их так и осталась зашифрованной — это имена лиц из интимного круга автора: «любезный Т***» (1800, 13—1802, 1, 13), «милая П***» (1800, 29—1802, 1, 29). Это соответствовало установке сентиментализма вносить в текст «элемент некоторой тайны» для создания «особого интимного характера» произведения.¹⁶ То же можно сказать и о географических объектах: когда Путешественник приезжает «в деревню нашу К***», то название ее, знакомое родным и ничего не говорящее посторонним читателям, остается сокращенным (1800, 13—1802, 1, 13), а Симонов монастырь называется теперь полным именем (1800, 188—1802, 1, 192).

Наибольший интерес представляют пропуски и переработки значительных по объему фрагментов. Прежде всего это пропуски предложений, содержащих банальные моральные выводы, которые ничего не добавляют ни к затронутым в «Путешествии» темам, ни к образу Путешественника. Например, исчезло смешное в своей серьезности суждение: «Какие чудеса в природе!» (1800, 278) — произнесенное Путешественником по поводу... саранчи. Некоторые из таких фраз обнаруживают простодушие измайлов-

цев Михаил Михайлович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 182—183).

¹⁶ Кочеткова Н. Д. Литературные посвящения в русских изданиях XVIII—начала XIX века. Статья 1. Особенности жанра // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 81.

ского Путешественника, оказавшегося в типичной ситуации, но не сумевшего взглянуть на нее с иронией. Так, после разговора с малороссийским крестьянином о нравственности Путешественник обращается к читателям: «Как вам кажется такая Философия в простом крестьянине?» (1800, 57). Это обращение совпадает с текстом «Писем русского путешественника»: «Согласитесь, друзья мои, что такая философия в сельской девушке не совсем обыкновенна».¹⁷ Но Путешественник Карамзина продолжает: «Вообще все сюренские жители казались мне умными и счастливыми, может быть от веселого расположения души моей»,¹⁸ и это уточнение снимает однозначность восхищения «крестьянской философией». Также нет дополнительных смысловых оттенков и в комментарии Измайлова к раздаче милостыни: «Одна безделка в хорошем употреблении может доставить человеку неизъяснимое удовольствие, когда сердце в нем добро и ум не испорчен. Так размышлял я сам в себе и гордился бытием моим» (1800, 271). Такая обрисовка кажется обедняющей психологический облик Путешественника на фоне сложной интонации, сопровождающей подобные сцены у Стерна, Карамзина, Радищева.

Следующая группа изменений требует наиболее осторожной интерпретации. Они могут быть связаны с изменившейся после Павла I политической и соответственно цензурной обстановкой, но эта связь не очевидна:

Проезжая только чрез деревню Л*** вздохнул я о судьбе нашего несчастного М*** Л***, который в недрах сладкого уединения, имея детей и подругу, не умел наслаждаться сими чистыми благами жизни, тосковал об шуме света, которого сцена была для него закрыта (1800, 17).

Проезжая только чрез деревню Липицы, вздохнул я о судьбе нашего несчастного родственника, который в недрах заточения, но имея детей и подругу, не умел наслаждаться чистыми благами жизни, тосковал о потере счастья, которое состояло в одном мнении (1802, 1, 17).

Справа, кажется, достаточно очевидный намек на опалу М*** Л***, которой тот подвергся при Павле I и оказался в ссылке в собственной деревне. Об этом в 1800 г. можно было упоминать только завуалированно, и по фрагменту, представленному в левой колонке, невозможно догадаться о причине «сладкого уединения»;

¹⁷ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Избранные сочинения : В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 444.

¹⁸ Там же.

только близкие по инициалам могли узнать, о ком идет речь, и вспомнить его историю.¹⁹

К переработке стиля можно отнести следующие изменения:

...нет утонченной любви, <...> которая <...> наслаждается <...> тихими прогулками, **зелеными рошицами и журчащими ручейками**; нет нравственной любви, которая родилась в душе Платона, **писала письма** новой Элоизы и **текла с пера** Вертера (1800, 206—207).

...на место Полтавской баталии, на то **поприще**, где сражались два венценосные **Ратоборца**; <...> судьба **веси**ла судьбу двух **земных народов**, **веси**ла судьбу двух **Царей** (1800, 237).

...нет утонченной любви, <...> которая <...> наслаждается <...> тихими прогулками; нет нравственной любви, которая родилась в душе Платона; **пылала** в новой Элоизе и **вдыхала** Вертера (1802, 1, 211—212).

...на место Полтавской баталии, на то **поле**, где сражались два венценосные **Героя**; <...> Судьба **веси**ла **славу** двух **земных Владык** (1802, 2, 18).

В приведенных фрагментах явно проведены изменения в духе высказывания Карамзина, осуждавшего «излишнюю высокопарность, гром слов не у места и часто притворную слезливость» молодых авторов.²⁰ Причем в конце второго отрывка переработка текста обнаруживает известную тонкость: неуклюжая параллельная конструкция заменяется объединяющим выражением, вносящим к тому же в смысл фрагмента новый оттенок.

Немногочисленность всех перечисленных изменений, последовательность и прозрачность правки свидетельствуют о том, что тексты первой части «Путешествия» издания 1800 г. и первой и второй частей издания 1802 г. являются вариантами одной редакции: текст был улучшен, но качественной переработке не подвергся.

* * *

Иначе обстояло дело с изданием 1805 г.: «Путешествие» было сокращено более чем на треть (920 страниц в 1800-м, 934 в 1802-м и только 532 в 1805 г.). Прежде всего это произошло за счет исключения 27 из 146 писем (то есть около 1/5 их общего числа),

¹⁹ История передана Измайловым довольно точно: его дальний родственник Михаил Львович Измайлов (1734—1799), заставивший Петра III подписать отречение от престола, был за это пожалован селом Ледиковым с 2135 душами (*Бильбасов В. А. История Екатерины II*. СПб., 1891. Т. II. С. 65, 462), а при Павле I по той же причине не мог избежать ссылки. Однако о наличии у него детей ничего не известно (*Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга*. 2-е изд. СПб., 1895. Т. 1. С. 223).

²⁰ Аониды. М., 1797. Кн. 2. С. V.

еще 26 писем были сокращены и попарно объединены. Новых эпизодов добавлено не было. Изменения коснулись не только объема книги, но и существенных особенностей стиля, сюжета, содержания.

Исключенные письма содержат в первую очередь «чувствительные» сцены (письмо-воспоминание об умершем брате; описание ночи в степи и «приятного утра» в Парфените; восхищение матерью, кормящей младенца; размышления о познаваемости мира на берегу бурной речки Ингулец; игра на арфе возлюбленной «русского Вертера», покончившего с собой из-за отказа ее родителей). При объединении писем сокращению подверглись также в основном чувствительные сцены и описания, мысли и чувства Путешественника при виде разрушительного и благотворного действия сил природы.²¹ Обнаруживаемая последовательность в изменениях, однако, охватывает не все. Историческое «воспоминание» о крещении Владимира, описание черкесской красавицы, сообщения об «индейском капище» в Астрахани и астраханской торговле, рассуждения о пользе общественных диспутов и выращивания садов — столь разнородные элементы, что их невозможно свести к чему-либо одному, тем более к чувствительным и патетическим местам. С другой стороны, многие чувствительные эпизоды сохраняются. Прежде всего это сцена свидания с кормилицей, описание приятного вечера, проведенного Путешественником в Очакове с семейством карантинного директора Матиаса, рассказ о «русском Вертере» и т. д. Однозначного ответа на вопрос о характере изменений, внесенных в текст второй редакции «Путешествия», на основании этих наблюдений дать нельзя.²² Недостаточно четким представляется и критерий «чувствительности» того или иного эпизода, хотя его применение почти неизбежно при рассмотрении проблемы в первом приближении.

Подобная же сложная ситуация наблюдается и с переработкой глав, которая составляет основную массу предпринятой Измайловым правки. Она не ограничивается исключением или заменой отдельных слов и предложений. Изменения, соседствуя, смешиваясь и иногда противореча друг другу, пронизывают все уровни текста — от графики и пунктуации до содержания целых абзацев, переосмысленных с точки зрения ценностных установок.

²¹ Сюда же можно отнести и оригинальные стихотворные вставки в крымских письмах. Во второй редакции осталась лишь одна из трех.

²² А. Шенле считает, что «основное различие обоих изданий заключается в изменении мировоззрения» от «сентименталистского маньеризма» к религиозности (Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. С. 229), но ненадежность этого вывода очевидна уже из приведенных примеров.

Для анализа переработки текста был выбран ряд писем обеих редакций, наиболее репрезентативных для современников: письма, переизданные в хрестоматиях, привлечшие внимание немецких переводчиков, отмеченные в критике и в пародиях.²³ Краткие (исходя из объема статьи) выводы²⁴ дополнены рассмотрением нескольких эпизодов, в которых изменения достигают особенно высокой концентрации.

Графические изменения сводятся к замене в ряде случаев строчной буквы в начале слова на прописную (в словах «Господин», «Герой», «Творец», «Гимн», «Старец») и прописной на строчную (в словах «природа», «натура», «наука» и в некоторых других абстрактных существительных). Впрочем, уверенности в том, что это всегда авторская правка, нет.

Некоторые из изменений в написании и употреблении имен собственных касаются фонетического облика слов (Фоас — Тоас, Салгир — Сальгир), другие связаны с возвращением крымским городам грецизированных названий (вместо татарских при Павле I: Ахмечет — Симферополь), третьи представляют собой расшифровку сложных наименований («мой любезный Женевец» — «Ж.-Ж. Руссо»; 1802, 1, 177—1805, 1, 77).²⁵

В пунктуации обращает на себя внимание, с одной стороны, отказ от частого использования тире, а с другой стороны, появление восклицательного знака на месте точки при соответствующей интонации. Здесь, очевидно, проявилось стремление к более точной передаче интонационного рисунка фразы, выражающего в нужных местах либо бесстрастие повествователя, либо его эмоциональную заинтересованность.

В морфологии внесены исправления в выбор окончаний существительных, глагольного залога, использование степеней сравнения. В результате нелепые иногда метафоры вернули себе буквальное содержание. Так, первая редакция в одном из «исторических воспоминаний» Путешественника в лесу перед въездом в Киев упоминает не дождавшуюся жениха невесту, скитающуюся «под меланхолическою сосною». Во второй редакции Измайлов

²³ Это главы (письма) 20, 26, 38, 53, 62, 77—79, 81, 101, 104, 112, 129, 141 первой редакции и 2, 8, 19 первой части, 3, 9, 22—25 второй части, 13, 14, 22 третьей и 4, 14 четвертой части второй редакции, всего 28 писем из обеих редакций.

²⁴ В классификации разночтений между текстами избранных писем «Путешествия» первой и второй редакции мы ориентировались на классическое исследование В. В. Сиповского в отношении текста «Писем русского путешественника». См.: *Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. С. 158—237.

²⁵ Здесь и далее при сравнении с изданием 1805 г. текст первой редакции «Путешествия» цитируется по изданию 1802 г.

исправил оплошность и поместил девушку «под меланхолическими соснами», что придало поэтическому образу достоверность (1802, 1, 96—1805, 1, 11). Широко представлено использование других форм слова, отличающихся от представленных в первой редакции аффиксами или корневыми вариантами. Целью этого изменения, очевидно, было выравнивание прежде неоднородного стиля, освобождение его как от громоздких форм высокого слога, так и от форм разговорного лексического пласта.

Среди синтаксических особенностей второй редакции нужно назвать разбивку слишком больших предложений на два и соединение тесно связанных по смыслу фрагментов в одно предложение; изменения в согласованиях и управлениях, замену союзов и предлогов, а также некоторых конструкций на синонимичные. Наиболее характерным синтаксическим явлением во второй редакции «Путешествия» по сравнению с первой являются многочисленные инверсии и перестановки однородных членов («праха моего» — «моего праха»; 1802, 2, 71—1805, 2, 12). Синтаксические изменения отчасти преследуют стилистические цели, но также демонстрируют намерение Измайлова сократить объем текста, сохранив при этом существенные особенности авторской картины мира. Например, в следующем отрывке, пожертвовав указанием на чувствительное сердце, он оставляет принципиальное для автора сентиментального путешествия признание в том, что им движет любопытство, с которым он изучает не только киевские памятники древности, но и письма, полученные от родных.

Наконец сердце мое удовлетворено, и я иду насытить любопытство мое, столько раз перерываемое другими предметами; — иду взглянуть на картину Киева (1802, 1, 102).

Наконец любопытство мое удовлетворено и я иду в Киев — иду взглянуть на картину города (1805, 1, 16).

Для лексического уровня характерны изменения, выражающиеся в замене отдельного слова или словосочетания другим, синонимичным ему (по словарю или в контексте). Этим путем прежде всего достигается устранение просторечия и неблагозвучия:

просиживал на палубе (1802, 3, 37).

сидел на палубе (1805, 2, 123).

высокопарности:

изъявлял только одно желание (1802, 2, 71).

имел только одно желание (1805, 2, 11).

и, напротив, усиление поэтичности:

одетые облаками (1802, 2, 202).

увенчанные облаками (1805, 2, 99).

Русскими эквивалентами заменяются иностранные слова:

под эгидою **Философии** (1802, 3, 45). под **щитом** **Философии** (1805, 2, 129).

Ряд замен ведет к обобщениям:

один Херсонский **купец** (1802, 2, 71). один Херсонский **житель** (1805, 2, 11).

или уточнениям:

нежные цветы (1802, 2, 203). цветы **неизвестные в наших странах** (1805, 2, 99).

Из приведенных выше примеров видно, что Измайлов при работе над второй редакцией «Путешествия» стремился к более точной передаче своей мысли и к стилистическому разнообразию. В нейтральных ситуациях используется нейтральная лексика, при описаниях природы, чувств и переживаний Путешественника и персонажей — лексика, стилистически окрашенная. При этом общий колорит становится как раз более однородным; это было замечено еще Т. А. Роболи, назвавшей «Путешествие» Измайлова «наиболее ровным по языку» среди сентиментальных путешествий,²⁶ что связано, как представляется, с более умелым, чем в предыдущей редакции, использованием стилистических средств. Шагом навстречу читателям была и замена иностранных слов, по сути также «выравнивавшая» стиль произведения.²⁷

Нетрудно заметить, что Измайлов шел по пути все более прочного усвоения «языковой программы» Карамзина: «Выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи».²⁸

²⁶ Роболи Т. А. Литература путешествий // Русская проза. Л, 1926. С. 58.

²⁷ Суждения о стиле «Путешествия» в данной работе опираются на традиционное понимание стиля как манеры речи, определяющейся совокупностью используемых выразительных средств, выявляющих авторское видение действительности в произведении. Использование термина «стиль» («слог») объясняется необходимостью установить для анализа те рамки, которые изначально были выдвинуты критиками сентиментальных путешествий и сентиментализма в целом, прежде всего А. С. Шишковым.

²⁸ Карамзин Н. М. Отчего в России мало авторских талантов? // Карамзин Н. М. Избранные сочинения. Т. 2. С. 183. См. о карамзинской «языковой программе» и роли Карамзина в истории русского литературного языка: Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. 3-е изд. М., 1982. С. 197—200; Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX века: Лексика. М., 1964; Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. Подборку высказываний по этому вопросу критиков XIX в. и мнений ученых см. в статье Ю. С. Сорокина (1983) «Язык и стиль карамзинской прозы в оценке

Вместе с тем он явно стремился избавиться от ряда характерных маркеров «чувствительного слога», каковыми противники сентименталистов полагали заимствования, замысловатые метафоры и «нежные» эпитеты.

Любопытно, что Измайлов сам иногда подчеркивал, что использует галлицизмы: сравнивая Стрелецкую слободу Курска с Флоренцией, он дает в переводе замечание Ш. Дюпати о Флоренции, что та «сидит посреди букета цветов», и просит прощения у читателей за то, что «осмелился удержат сей галлицизм» (1802, 1, 42). Можно было ту же мысль выразить по-другому, но писатель выбирает форму, которая ему кажется более продуктивной (а главное, точнее передающей идею Дюпати). Следовательно, Измайлов делал сознательный выбор калек с французских конструкций даже в тех случаях, когда в русском языке уже существовали эквивалентные им выражения. Ставка на эксперимент с трансляцией галлицизмов не оправдала себя и была отвергнута во второй редакции «Путешествия».

Если исключения и вставки отдельных слов в целом сводятся к описанному выше техническим и стилистическим задачам,²⁹ то исключенные предложения и абзацы, вставленные и переписанные заново отрывки можно определить уже как ценностно мотивированные изменения, затрагивающие структуру повествования.

Прежде всего это удаление эпистолярных элементов (не только прямых обращений, иногда весьма большого объема, но и косвенных указаний на адресата и на эпистолярный характер произведения):

излил в сем письме душу мою (1802, 2, 200).

предался я мечтам самым сладким, самым восхитительным (1805, 2, 99—100).

В данном случае замена выражения не влияет на «чувствительный» характер «излияний» Путешественника, но позволяет избежать упоминания переписки, на имитации которой строилась первая редакция «Путешествия».

Распространена во второй редакции переработка текста таким образом, что место подробного описания или высказывания,

современников и последующих поколений : (180 лет с начала споров вокруг «нового слога»)» (Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII—начала XIX века. СПб., 1994. С. 16—57).

²⁹ Например, 27 из 50 вновь добавленных отдельных слов в рассматриваемых главах — эпитеты, уточняющие авторскую мысль:

Там мы виделись уже <...> не на улице (1802, 2, 115).

Там виделись уже мы <...> не на шумной улице (1805, 2, 41).

И т. п.

включающего в себя характерные сентиментальные образы, лексику, отсылки, занимает обобщенная формулировка. В первой редакции, рассматривая особенности киевского общества, Путешественник, жалуясь, что в нем «нет души в разговорах», апеллирует к опыту салонного красноречия, которое требует не учености, а лишь начитанности и ума — и в то же время развивает природные способности человека: «Должно ли только для забавы прикасаться к пуху цветов, не вдыхая в себя их ароматов, не пользуясь ими, как хотела того природа? Нельзя ли выбрать достойнейших предметов разговора из того ума, не важного, но приятного и легкого, который резвился во множестве миров с Фонтенелем, гулял в садах между цветами с Вергилием, Де Лиллем, Сен-Ламбертом и путешествовал с Анахарсисом в отечестве муз, граций и философии?» (1802, 1, 161). Примеры подобраны с ориентацией на культурный багаж сентиментального читателя. Им должны были быть узнаны и «Разговоры о множестве миров» (1686) Б. Фонтенеля, и книга Ж.-Ж. Бартелеми «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию» (1788), и описательные поэмы Ж. Делиля «Сады» (1782), Ж.-Ф. Сен-Ламбера «Времена года» (1769), а также «Георгики» Вергилия.³⁰ Во второй редакции читаем просто: «Нет души в разговорах; нет приятного сообщения чувств и мыслей; нет того истинного духа общежития, которых жаждет юноша с пылкой новою душою, зрелый муж с основательным разумом и старец с богатыми воспоминаниями опытности» (1805, 1, 66—67). Вывод о пользе разговоров здесь строится на афоризме, чью сомнительную справедливость может подтвердить или опровергнуть лишь личный опыт каждого конкретного читателя, а не читательский опыт эпохи.

Похожая ситуация и со следующим фрагментом; в нем соседствуют сентиментальная лексика, пласт культурных цитат и отсылок и тема поиска счастья. Делясь первыми впечатлениями от Крыма, Путешественник замечает:

«Все, что я мечтал о тех прекрасных долинах, где Геснер поселял своих пастухов и пастушек, где Руссо гулял, наслаждался и забывал самого себя, где наш русский путешественник писал жарчайшие из писем своих — все это есть одна романическая тень перед тою долиною, на которой я пишу. <...>

³⁰ «Георгики» переводил названный здесь Измайловым среди других представителей «приятного и легкого ума» Сен-Ламбер. Русский перевод: П. Виргилия Марона Георгики, или О земледелии четыре книги. С приобщением перевода I эклоги Виргилиевой, называемой Титир / С лат. яз. переведено на Вологде, издано в свет с исправлениями во многих местах В. Г. Рубаном. СПб., 1777. Все указанные произведения ориентированы на популяризацию знаний и совещали точность описаний природных явлений с занимательностью изложения.

Предметы любви моей! нежные друзья, драгое семейство!
и ты, ты любезнейшая из всех людей, любезных моему сердцу!
теперь вы одни остались со мною; остаток мира для меня не
существует. <...> Пусть жизнь моя протечет тихо на сей долине;
не хочу никакой славы: встречу с улыбкою час смерти, и буду
счастлив в самом гробе, ежели рука ваша скроет прах мой под
сими зелеными кущами, поставит камень и надпишет только над
ним сии слова: „здесь покоится друг наш“» (1802, 2, 198—200).

В процитированном фрагменте крымский пейзаж интерпретируется сквозь призму литературного опыта (идиллии Геснера и проникнутые преклонением перед дикой и пышной альпийской природой произведения Руссо и Карамзина). Крым не просто уподобляется Швейцарии, эта оценка должна быть подтверждена авторитетом известных писателей, знакомство с творениями которых демонстрирует здесь Путешественник. Характер упоминания многозначен. С одной стороны, Путешественник сам воспринимает действительность через литературу и подчеркивает это, с другой стороны, такой взгляд повествователя формирует восприятие пейзажа читателем, наконец, перечисление знаковых авторов и их книг указывает на совместную с читателем причастность Путешественника (и стоящего за ним автора) к сентиментальной культуре.

Эпистолярная имитация также преследует несколько целей: создание ситуации заочной беседы с родными, отсылающей к сентиментальному культу дружбы, выстраивание образа Путешественника, который даже на лоне прекрасной природы, но вдали от близких ощущает себя как один среди пустыни, и подтверждение подлинности переписки. Наконец, в данном отрывке проявляется линия поиска Путешественником счастья, которое декларируется осуществимым в виде посмертной гармонии и локализуется в живописной долине под Симферополем. Все это уходит при редактировании вместе с самим отрывком.

Новое содержание во второй редакции «Путешествия» — это прежде всего введение фактических сведений, уточнений, причем, поскольку изменения с этой тенденцией сконцентрированы лишь в определенных местах текста, где речь идет о храмах, богослужении, подвиге паломничества, и почти все сосредоточены в киевских главах, это дает повод говорить об усилении выражения религиозного мировоззрения в «Путешествии». Так, при описании Киево-Печерской лавры Путешественник говорит:

взгляните на сию живость, шум и толпу людей, поклоняющихся Богу (1802, 1, 100).

взгляните на зрелище миллиона людей, из отдаленнейших пределов России текущих на поклонение Богу вселенная (1805, 1, 14).

В последнем фрагменте вместо зрительно-слухового образа, вводящего читателя в народное движение, предлагается обобщенная формулировка — осмысление паломничества как национального религиозного феномена.

Среди удаленных подробностей и мелких деталей подавляющее большинство касается личности повествователя. Это, например, цитирование надписи, сделанной им самим на памятнике Говарду: «Покойся в мире, друг людей!» (1802, 2, 72), особое отношение к Руссо, намеки на обстоятельства своей жизни (упоминавшиеся в первой редакции, а во второй последовательно снятые, например, потеря брата) и перенос внимания на сами обстоятельства с их восприятия. Убираются указания на местопребывания Путешественника, описания его душевных состояний. Таким образом, признаваемый и даже культивируемый в литературе сентиментализма интерес к личности частного человека, находивший свое выражение в первой редакции измайловского «Путешествия» в наполнении его мелкими деталями, касающимися жизни Путешественника, во второй редакции определяет характер произведения в значительно меньшей степени.

Наконец, из второй редакции удаляются также высказывания, цель которых — подчеркнуть реальную, а не воображаемую природу описываемого Путешественником. Это относится прежде всего к его замечаниям о колонии гернгутеров Сарепте. В первой редакции Путешественник настойчиво повторяет, что идиллическое описание жизни колонистов не плод его воображения, а реальность, в которой можно убедиться, приехав туда. Такие фрагменты исключены в издании 1805 г. Это изменение следует рассматривать как последовательное удаление свидетельств авторского размышления о художественной природе созданного текста. Если в первой редакции повествователю свойственно постоянное балансирование на грани документа и вымысла и ему требуются оговорки, убеждение скорее самого себя, чем читателя, в том, что это «не роман», то во второй эта проблема бесследно пропадает. При переработке «Путешествия» Измайлов явно учитывал, что к 1805 г. выработалась традиция восприятия произведений в жанре путешествия: всякий автор волен описывать то, что он хочет, и не обязан указывать на фактическую основу книги.³¹

Подводя предварительные итоги, следует прежде всего обратить внимание на взаимосвязанность изменений, цельность прав-

³¹ Следы этой традиции см. в рецензиях П. И. Макарова а также в: Вестник Европы. 1806. Ч. 25. № 1. С. 42—54; Журнал российской словесности. 1805. Ч. 2. № 7. С. 160—167.

ки. Стилистические изменения согласуются с содержательными: те и другие направлены на устранение литературных аллюзий повествования. Одновременно размываются оговоренные повествователем в первой редакции границы романа и реальности. Расширяется фактическая основа, и для подтверждения документальности достаточно свидетельства самого текста. Следствием этого становится появление того, что можно было бы назвать религиозной окраской. Очевидно, что дело здесь не в эволюции мировоззрения, а в замене стержневой конструкции текста, строившегося на отсылках к книгам, слогу и ситуациям сентиментальной литературы. На смену разрушающимся основам должна прийти новая связка, и киевские главы начинают держаться на привычной для читателя схеме паломничества, осмысленной, правда, человеком эпохи Просвещения. При этом существенно, что другие группы глав не нуждаются в такой поддержке, их скрепляет интерес к новизне, экзотике и истории.

Изложенное выше — общая концепция, которая не объясняет каждого конкретного случая. Но на примере рассказа о крещении киевлян (о котором Путешественник «вспоминает», стоя на Крещатике) можно показать комплексный характер изменений. Различия начинаются с первых слов:

Вот гора Андрея Первозванного!
Прекрасные виды! прекрасное место!

На сей горе воздвигнуто было знамение того священного учения, которое заключает в великом семействе людей союзы братского дружества, возвещает устами Божества законы сердца и природы и показывает за земными бурями тихое пристанище и блестящую звезду вечности (1802, 1, 129).

Вот гора Андрея Первозванного!

Здесь, по древнему преданию, в первый раз возгремел глас Апостола и в первый раз воссияло знамя веры на земле Славянской; здесь священный крест, водруженный на горе рукою Апостола, был долго безмолвным вестником того учения, которое союзом братской любви соединяет великое семейство людей, именем Божества утверждает законы сердца и за бурями земными показывает вечность мирную и блаженную; здесь Андрей Первозванный, благословляя юное царство Славянского народа, в пророческом вдохновении так гласил о близких днях его славы: *«На сих горах воссияет благодать Божия, град великий и в нем множество храмов благолетных...»* (1805, 1, 42).

Вместо эстетической оценки («прекрасное место!») появляется ссылка на апокрифическое летописное предание о появлении

на Киевских горах апостола Андрея Первозванного. Эта замена влечет за собой следующую: в первой редакции дальше Путешественник высказывался о горе как о достойной того, «чтобы расцвело на ней древо Христианства» и «чтобы новый Боссюет гремел на ней с душевным красноречием <...> о величестве миролюбивого Бога» (1802, 1, 129). Этот оценочный абзац во второй редакции убран, зато расцвет «древа Христианства» перенесен из предполагаемого будущего в область реальности исторического прошлого. Здесь апостол Андрей, в первом случае упоминавшийся только как тот, кому посвящена церковь, становится полноправным героем повествования. К нему отчасти отходит от Путешественника функция наблюдателя.

Следующий в первой редакции и удаленный во второй абзац также содержал индивидуальный взгляд на стоящую на горе церковь — взгляд самого Путешественника, его оценки («великолепно», «прекрасна»), возникающие у него образы (соединение неба с землей, ступени перед храмом — «эмблема лестницы, которая соединяет Бога с человеком» (1802, 1, 129)).

Таким образом, происходит смена модальности высказывания. Ответственность за него переносится с Путешественника, оценивающего достоинство святого места исходя из своих личных пристрастий (соответствующих представлениям своего времени о Ж. Б. Боссюэ как об образцовом проповеднике) на исторический, религиозный — национальный авторитет.

Продолжительное и красноречивое слово митрополита, объясняющего необходимость принятия христианства, заменяется краткой формулировкой: «народы земные, внимайте! Есть в мире Провидение!...», а следование собравшихся людей примеру первосвященника, ставшего на колени перед Богом по окончании своей речи, вообще опускается. В результате описанию поклонения Всевышнему и утверждению, что «в сию минуту все сердца чувствуют его присутствие», не достаёт достоверности.

То же можно сказать об обозрении Путешественником вновь обращенных христиан: из беседы отца и сына «о долге христианина» исключается само содержание беседы (вероятно, не очень правдоподобной сразу после крещения), и немотивированной остается реакция юноши, который «вооружается щитом веры и летит подкреплять слабых, угнетенных, всех страждущих в мире». Сокращая текст «Путешествия» и избавляясь от вымысла, Измайлов в данном случае нарушает художественное правдоподобие, хотя в остальных местах это призвано показать стремление к нему.

В целом вторая редакция «Путешествия» предстает развивающей намеченное в первой. Во многом точнее выражается

своеобразная исследовательская позиция автора. Роль отдельных клише и того, что было вызвано общими свойствами сентиментального стиля, уменьшена. Различия между редакциями, какими бы существенными они ни выглядели, не меняют принципиальной оценки произведения, но анализ этих различий помогает глубже проникнуть в логику авторского замысла.

В переработке Измайловым своей книги отразилась и «внутренняя» критика, исходившая от единомышленников-литераторов карамзинского круга, и логика литературного процесса: в преимущественности авторов сентиментализма лежит не набор заданных «основателем» и воспроизводимых «подражателями» клише, а нечто более существенное. В «Путешествии в полуденную Россию» главное — мировоззрение, в центре которого находится многоаспектная проблема природы. Способы выражения этого мировоззрения в тексте произведения и определяют специфику «Путешествия» Измайлова.

Издав первую часть «Путешествия» в 1800 г., Измайлов продолжал и совершенствовал свое произведение на протяжении пяти лет. Принципы правки 1802 г. (переработка композиции, облегчение чтения, соответствие вкусам публики) легли в основу редакции 1805 г., существенно отличающейся от первой, но решающей те же художественные задачи. Исследование истории текста «Путешествия в полуденную Россию» позволило не только ответить на ряд частных вопросов, связанных с реконструкцией авторского замысла, мировоззрения писателя, но и указать направление в разработке более общих проблем, касающихся описания и принципов развития сентиментальной школы.

Е. Д. КУКУШКИНА

ПЬЕР КОРНЕЛЬ В РОССИИ

«...Он был довольно высокого росту; благородные черты лица, глаза, исполненные пламени, улыбка простая, чисто-сердечная отличали физиономию его; от природы меланхолик, он говорил мало, еще менее украшал слова свои, но надобно читать творения Корнейля, чтобы узнать истинный гений».

(Журнал для сердца и ума. 1810. Ч. 1.
№ 2. С. 190)

В начале XVIII в. русские образованные читатели знакомились с произведениями Корнея главным образом по французским изданиям и благодаря языкам-посредникам. Известно, что Феофан Прокопович читал трагедию «Сид» в польском переводе.¹ В составе обширной библиотеки видного дипломата Петровского времени П. П. Шафирова (1669—1739), который еще в молодости изучил несколько иностранных языков, было много драматических произведений французских авторов, в том числе анонимные издания трагедий Корнея.²

В 1730-е гг., когда культурная ориентация на Францию приняла в России форму государственной политики, начался систематический ввоз в страну французских книг.³ Владение французским языком становилось необходимым условием светского общения, свидетельством образованности. Уже к концу 1730-х гг. у обра-

* Исследование проведено в рамках проекта РГНФ «Трагедии П. Корнея в переводе Я. Б. Княжнина: подготовка к изданию» (руководитель А. О. Дёмин), № 08-04-00111а, 2008—2009 гг.

¹ История русского драматического театра. Т. 1 : От истоков до конца XVIII века [автор тома В. Н. Всеволодский-Гернгросс]. М., 1977. С. 85.

² Копанев Н. А. Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // Французская книга в России в XVIII в. : Очерки истории. Л., 1986. С. 21—22.

³ Копанев Н. А. Французская книга и русская культура в середине XVIII в. Л., 1958. С. 45.

зованной части русского общества не было языкового барьера, который мешал бы восприятию творчества Корнеля.

Однако чем более широкое распространение получали трагедии классицизма в России, с тем большей осторожностью воспринимались они поначалу как произведения поучительные, но в то же время и опасные. В «Письме госпожи Делаंबर к ее дочери», печатавшемся в 1735 г. в Примечаниях на «Санкт-Петербургские ведомости» (Ч. 94—95), говорилось: «Стихи могут легко иметь всякие злые следствия. Однако ж бы я изрядные Корнелиевы трагедии не охотно читать запрещала. Только часто случается, что разум читателей побужден бывает к порокам, хотя они и изрядные правила добродетели в себе содержат».⁴

Развитию русско-французских культурных связей способствовала разносторонняя деятельность А. Д. Кантемира. В 1730 г. он перевел трактат Фонтенеля «Разговоры о множестве миров».⁵ В примечаниях и дополнениях, которыми переводчик снабдил текст, поясняя слова «декорации», «партер», «опера», «актер», «комедия», «трагедия», он знакомил русского читателя с устройством французского театра и малознакомыми ему театральными жанрами.⁶ В 1738 г. Кантемир был назначен послом в Париж. Помимо занятий основной, дипломатической деятельностью он приложил немало усилий для ангажирования к русскому двору французской театральной труппы Жана Батиста Дюкло.⁷ В Париже Кантемир познакомился с Ш. Монтескье, Фонтенелем и деятелями французского театра П. Мораном, П.-К. Нивель де ла Шоссе и Л. Риккобони.

Итальянец Луиджи Риккобони, известный актер, с 1716 по 1728 г. руководил итальянской труппой, выступавшей в Париже сначала на итальянском, а затем на французском языке. Выйдя в отставку, он написал несколько трудов по истории театра, а в 1743 г. опубликовал книгу о реформе театра,⁸ которую посвятил, очевидно по совету А. Д. Кантемира, императрице Елизавете Петровне.

Проект Риккобони предполагал основание в России театра на русском языке, свободного от недостатков аристократического западноевропейского театра. По мнению автора, сформулированному в пространном Посвящении, это могло быть легко осуществлено «нацией, лишь мимолетно знакомой со спектаклями и еще не

⁴ Примечания на Санкт-Петербургские ведомости. 1735. № 95. С. 371.

⁵ Фонтенель Б. Разговоры о множестве миров. СПб., 1740.

⁶ Ферраци М. Комедия дель арте и ее исполнители при дворе Анны Иоанновны. 1731—1738. М., 2008. С. 199—202.

⁷ Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны : Документальная хроника : 1741—1750. Вып. 2. Ч. 1 / Сост. Л. М. Старикова. М., 2003. С. 416—422.

⁸ Riccoboni L. De la Réformation du théâtre. Paris, 1743.

остановившей свой вкус на каком-либо жанре». Риккобони полагал, что такой театр будет «прививать молодежи утонченную добродетель», он способен «воспитать мудрых политиков, бесстрашных солдат, хороших граждан, неподкупных судей, радеющих о государстве».⁹ С точки зрения воспитательной задачи будущего театра Риккобони проанализировал в своем труде известные французские трагедии и разделил их на три группы. В первую группу он включил пьесы, которые, по его мнению, полностью подходили для будущего Российского театра, во вторую — те, которые необходимо исправить, а в третью — пьесы, от которых следует отказаться.

Наравне с «Андромахой» Ж. Расина Риккобони включил в первую группу трагедию П. Корнеля «Ираклий», пьесу с необыкновенно запутанным и неправдоподобным сюжетом, которая подкупила его деликатностью в изображении любви: «Это тот род любви, который ни древние, ни современники не описывали до Корнеля».¹⁰ К тому же разряду пьес, способных исправлять и воспитывать зрителя, Риккобони отнес героическую комедию Корнеля «Дон Санчо Арагонский», которую, как он считал, можно воспринимать «как школу, где женщины и мужчины будут учиться направлять любовную страсть по пути, какой им укажут добрая мораль и уважение общества».¹¹ К этой группе пьес он отнес и трагедию Корнеля «Полиевкт» — «шедевр, во все времена сделавший честь современному театру».¹²

Трагедии Корнеля «Цинна» и «Гораций», по мнению Риккобони, нуждаются в исправлениях, которые сделают их более правдивыми. Для этого нужно, чтобы Эмилию и Цинну «связывали лишь чувства настоящей любви и совершенного доверия», а не желание мести.¹³ Что касается «Горация», то Риккобони посчитал необходимым убрать из пьесы роль Камиллы: «Девушке благородного происхождения не пристало столь страстно выражать свои чувства при известии о смерти своего возлюбленного, даже если он и был предназначен ей в супруги. Такое исступление ранит чувства, кои должно питать к своей отчизне, а также чувства, к которым обязывает благопристойность. Таким образом, оскорбление нанесено всему женскому роду <...> Примеры подобного рода должны быть изгнаны из театра, поскольку они могут оставить опасный след в сердцах юношества».¹⁴

⁹ Театральная жизнь России... Вып. 2. Ч. 2. С. 149—150 (Перевод Н. Э. Звенигородской).

¹⁰ Там же. С. 179.

¹¹ Там же. С. 182.

¹² Там же. С. 183.

¹³ Там же. С. 192.

¹⁴ Там же. С. 194.

В разряд пьес, от которых следует решительно отказаться, Риккобони включил наряду с «Митридатом» Расина трагедии Корнеля «Сид» и «Родогуна», как способные развращать человеческие сердца. Любовные чувства и страсти, ведущие к тому, что Химена, героиня «Сида», выходит замуж за убийцу своего отца, «никогда не должны быть показаны зрителям».¹⁵ По мнению Риккобони, обе героини «Родогуны» руководствуются в своих поступках низменными чувствами, не соответствующими «величию души трагических персонажей». Предложение Родогуны сыновьям Клеопатры заслужить любовь убийством их матери «кощунственно для любой нации». Трагизм пьесы создается благодаря ужасу от самой этой мысли, а мужские персонажи пьесы проявляют «ложный героизм и настоящую слабость».¹⁶

Риккобони передал Посвящение русской императрице еще до напечатания книги. После опубликования тиража автор отправил ей через Кантемира несколько экземпляров книги, в том числе именной. Однако смерть Кантемира в 1743 г., а возможно, и какие-то другие обстоятельства спутали его планы. Проекту Риккобони не суждено было осуществиться. 28 июля 1745 г. он, находясь «в великом беспокойстве», писал из Парижа к канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину с просьбой уведомить его о судьбе своей книги: «Я Вас всенижайше прошу о исходатайствовании от Ея Императорского Величества мне хотя единое за то милостивое слово, дабы не рассуждали здесь, что оное молчание знаком есть малой апробации императрицы на мою книгу, чрез которую б я вновь получил ту честь, которую Ея Величество мне учинить изволила принятием моей дедикации».¹⁷

Идеи Риккобони, по-видимому, все-таки заинтересовали императрицу Елизавету Петровну, по крайней мере привлекли ее внимание к французской драматургии. Об этом свидетельствует объявление, опубликованное в 1751 г. в издании «Bibliothèque impartiale», выходявшем в Лейдене: «Литературные новости. Россия. Санкт-Петербург. С успехом была представлена трагедия на русском языке в присутствии императорского двора. Предполагается перевести на этот язык самые лучшие пьесы великого Корнеля».¹⁸ Упомянувшейся трагедией был «Синав и Трувор» А. П. Сумарокова, впервые показанный 21 июля 1750 г. Намерение перевести на русский язык произведения Корнеля практического осуществления тогда не получило.

¹⁵ Там же. С. 203.

¹⁶ Там же. С. 205—206.

¹⁷ Там же. С. 145—146.

¹⁸ *Копанев Н. А.* Распространение французской книги... С. 64.

В установлении русско-французских литературных и театральных связей сыграло роль и немецкое посредничество. В 1740 г. при русском дворе выступала немецкая труппа. Возглавлявшая ее Каролина Нейбер (1697—1760) стала проводить в России реформу театра, начатую в Германии И. К. Готшедом, — замену прежних театральных зрелищ (балет, комедия дель-арте, опера-буфф) репертуаром нового классицистического театра. Пьесы Ж. Расина, И.-К. Готшеда, с которыми труппа Нейбер выступала в Дрездене и Гамбурге, были перенесены на русскую сцену. По-видимому, ставила она и трагедию Корнеля «Полиевкт».¹⁹ Пьесы Вольтера, Мольера, Ла Шоссе были в репертуаре французской труппы антрепренера Сереньи, выступавшей в Санкт-Петербурге в 1742 г. и внесшей заметный вклад в популяризацию французского театра на русской почве. С. Порошин, воспитатель наследника русского престола Павла Петровича, 14 сентября 1765 г. записал в своем дневнике: «Едучи из комедии, разговаривали мы в карете, между прочим, о начале здесь театральных зрелищ. Его превосходительство Никита Иванович (Панин. — *Е. К.*) рассказывать мне изволили, что прежде всего началась здесь итальянская комедия, а потом оперы в правление государыни императрицы Анны Иоанновны. Потом выписаны первые французские комедианты, как государыня Елизавета Петровна на престол вступила. Первый из них был Сереньи».²⁰

Важную роль в возникновении интереса к литературе французского классицизма сыграл Сухопутный шляхетный кадетский корпус, открытый в Петербурге в 1731 г. Французский язык стал в этом учебном заведении одной из важнейших дисциплин. Кадеты вскоре стали привлекаться к участию в придворных любительских комедиях, массовых оперных и балетных сценах. Как свидетельствуют камер-фурьерские журналы, начиная с 1748 г. кадеты получали роли во французских комедиях и трагедиях (названия их не установлены), которые разыгрывались в оперном доме: «4 дня генваря, пополудни, в оперном доме в присутствии Ея императорского величества и их Императорских Высочеств отправлялась на французском языке кадетами трагедия. Для смотрения, кроме придворных, не впускали».²¹ В 1760-е гг. в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе был учрежден первый русский

¹⁹ *Старикова Л. М.* Документальный комментарий к теме «Ф. К. Нейбер и Россия» // Памятники культуры : Новые открытия. Ежегодник РАН. 1998. М., 1999. С. 66—69.

²⁰ *Порошин С.* Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. 2-е изд. СПб., 1881. Стб. 428.

²¹ Театральная жизнь России... Вып. 2. Ч. 1. С. 41—42, 790, 791, 805.

театр, которому суждено было сыграть важную роль в пропаганде творчества Корнеля в России. Наряду с пьесами А. П. Сумарокова, также воспитанного в Корпусе, кадеты разыгрывали и французские трагедии. Эта традиция сохранялась на протяжении многих лет. С. Н. Глинка, учившийся в Корпусе в 1782—1792 гг., вспоминал: «Первые лица в трагедиях представляли с жаром, выражением и душою».²² Учитель французской риторики Аллер внушал кадетам «раболепное благоговение к французскому театру», провозглашая «высокопарным слогом своим»: «Корнель владычествует на небесах, Расин на земле, а Кребильон в областях преисподних». Он любил повторять: «У меня в карманах вся французская словесность».²³ В этой особой атмосфере любви к французской культуре возникли и развились литературные и театральные таланты В. А. Озерова, проведенного в корпусе около 12 лет (с 1776 по 1787 г.) сначала кадетом, потом преподавателем. По словам С. Н. Глинки, «в памяти Озерова вмещался весь театр Корнеля, Расина, Вольтера. Превосходно знал он французский язык, играл французские трагедии в некоторых домах вельмож и с блеском высказывал свои речи». «Чувствительность», с которой он изображал персонажей трагедии, истощала его физические силы и привела к преждевременной смерти.²⁴

Интерес к великой французской драматургии приобретал разные формы. В 1755 г. на страницы «Ежемесячных сочинений» выплеснулась полемика о подлинности сражения Горациев с Куриациями — события, сведения о котором Корнель почерпнул в трудах Тита Ливия и положил в основу своей трагедии «Горации». Автором статьи был В. К. Третьяковский, скрывший свое имя за инициалами «В. Т.». Он констатирует: «Считают, что некоторые истории перенесены в Римскую историю из греческой, в том числе и это сражение, которое было между греческими аркадийскими народами тегеатянами и фенеатцами. Слишком баснословна Римская история». И, подводя итоги спора, пишет: «Закрываю я без всякого сомнения, что битва Горациев с Куриациями есть праведная и была подлинно в Италии, а греческая Аркадийская, по-видимому, едва ль не подложная и списана с Римския».²⁵ История соперничества Горациев с Куриациями становилась известна многим поколениям учащихся. Куриациями и Горациями называли команды учеников, соревнующихся в риторике, латинском языке или красноречии.

²² Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895. С. 60.

²³ Там же. С. 106—107.

²⁴ Там же. С. 171.

²⁵ Ежемесячные сочинения. 1755. Март. С. 205, 212.

Рецепция французской драматургии в России происходила на нескольких уровнях. Она началась с переводческой деятельности. В январе 1759 г. в Петербурге в стихотворном переводе Н. Хрущева была представлена трагедия Корнеля «Полиевкт — мученик», носившая в оригинале название «Полиевкт — христианский мученик». В этой трагедии пересеклось много тем, образов и мотивов классицистической драматургии, прежде всего идея сильной воли, побеждающей личные чувства, отречение от личного счастья ради морального долга. Действие трагедии происходит в эпоху распространения христианства в условной стране Армении, отдаленной римской провинции. Герой трагедии Полиевкт принимает крещение и тем самым бросает вызов Риму. Его жена Паулина страдает: она все еще любит римлянина Севера, ставшего прославленным полководцем. Персонажи трагедии обураваемы простыми человеческими чувствами. Север мечтает о земном счастье с Паулиной. Ее отец Феликс испытывает страх перед полководцем, которого когда-то разлучил со своей дочерью. Идя на смерть за свои религиозные убеждения, Полиевкт уступает Паулину ее возлюбленному. Но восхищенная смелостью и благородством мужа, она решает остаться верной ему и также становится христианкой. Текст русского перевода не сохранился, поэтому невозможно судить о том, насколько точно были переданы переводчиком сюжетные линии и дух оригинала. Спектакль, по-видимому, не имел успеха у зрителей, так как был представлен на сцене только один раз. Однако эта трагедия Корнеля продолжала интересовать русских авторов. В 1759 г. А. П. Сумароков перевел монолог Полиевкта, являющийся кульминационным моментом трагедии Корнеля, и опубликовал его в сентябрьской книжке «Трудолюбивой пчелы».²⁶ В переведенном отрывке Полиевкт на пороге смерти решительно отрекается от «пагубных прельщений» и утех мирской жизни, «ломких, как стекло». Он предсказывает страшные наказания «немилосердному монарху», этому «ненасытному тигру», за невинную кровь христиан. Корнель привлекал Сумарокова прежде всего как выразитель близких ему идей. Позже, в Примечании к «Эпистоле о стихотворстве», Сумароков писал: «Корнелий, нареченный Великий, преславный трагик французский <...>. Великим назван он не столько от хорошего стихотворства, как от великого духа и высоких мыслей. Лучшие его трагедии суть: Цинна, Родогуна, Гораций, Цид, Полиевкт, Помпей и Ираклий».²⁷

²⁶ Трудолюбивая пчела. 1759. Сент. С. 568 — 570.

²⁷ Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений. М., 1781. Ч. 1. С. 350.

Французская драматургия постепенно завоевывала себе место в России, проникая во все слои общества. Как свидетельствует записка, сделанная С. Порошиным 15 декабря 1764 г., «государь великий князь изволил <...> разбирать и устанавливать в библиотеке новые свои книги. Накуплено ему великое множество авторов театральных <...>. Разговаривали <...> сперва о славных трагических писателях Корнелии и Расине <...> После обеда изволил Его высочество сам читать Детушеву комедию».²⁸ В том же году «Московские ведомости» (№ 7, 28 янв.) сообщали читателям, что «в Московском университете открыт публичный класс, в котором лучшие авторы французские во всех родах, так же и лучшие переводы, находящиеся на сем языке, хороших сочинителей, прославляющих Англию, Германию и Италию, читаны и толкованы быть имеют».²⁹ Драматургия французского классицизма стала входить в круг чтения образованных женщин. А. И. Соколова (1741—1822), внебрачная дочь И. И. Бецкого, вышедшая замуж за будущего основателя Одессы О. М. де Рибаса, знала произведения Вольтера, Расина и Корнеля. Княгиня З. А. Волконская (1789—1862) с ранних лет читала французских классиков и с увлечением декламировала их. В 1785—1797 гг. в Париже издавалась «Всеобщая библиотека для дам» («Bibliothèque universelle des Dames»). Маленькие книжки этого изящного издания в кожаном переплете с золотым обрезом издавались обществом литераторов, в которое входили Ж.-А. Руше, Б. Эмбер, А. Перрен и др. Книжки рассказывали читательницам об истории, путешествиях, сельском хозяйстве, медицине, музыке, давали представление о философии, науках и искусствах. Показательно, что театру было посвящено три тома. В один из них вошли «Сид» Корнеля и его жизнеописание, сделанное Фонтенелем, в другой — трагедии «Гораций» и «Цинна» с предисловием и комментариями Вольтера. Среди подписчиков этого издания в 1785 г. числится княгиня Н. П. Голицына, жившая во Франции в 1785—1790 гг.³⁰

«Мнение во сновидении о французских трагедиях» А. П. Сумарокова, написанное в 1769—1770 гг., в котором последовательно проанализированы трагедии французского классицизма, свидетельствовало о начале критического осмысления творчества Корнеля в России. Публикуя «Мнение...» в «Полном собрании всех сочинений Сумарокова», Н. И. Новиков сделал Примеча-

²⁸ Порошин С. Записки... Стб. 182—183.

²⁹ Копанев Н. А. Распространение французской книги... С. 64.

³⁰ Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски : Русская литература на французском языке : (XVIII—первая половина XIX века). М., 2010. С. 122, 128, 154—156.

ние: «Сие мнение, кажется, написано покойным сочинителем к г. Вольтеру».³¹ Известно, что в феврале 1769 г. Вольтер ответил на письмо Сумарокова, переданное им в Ферней через Ф. А. Козловского.³² Сумароков искал поддержки у Вольтера, защищая жанр трагедии от тех последователей Д. Дидро и П. Бомарше, которые считали его устаревшим и пропагандировали новый, смешанный жанр — «слезную драму».³³ Является ли «Мнение...» Сумарокова фрагментом его письма к Вольтеру или написано позже, в ответ на его одобрительное письмо, — остается неясным. Очевидно, однако, что в своем критическом анализе пьес Корнеля он опирался на примечания Вольтера к его изданию «Театр Пьера Корнеля» (1764).

Еще в 1764 г. Сумароков намеревался познакомиться с театральной жизнью Италии, Франции и Голландии, но эти планы не осуществились.³⁴ «Мнение...» — произведение умозрительное. Оно написано в жанре, широко практиковавшемся самим автором в сатирических целях,³⁵ но в данном случае имеет характер дружеского послания с критическим и скрыто-полемическим подтекстом. Опираясь на тезис Буало «волнует зримое сильнее, чем рассказ», Сумароков описывает как реальность не только свои впечатления от якобы увиденных спектаклей, но и предполагаемую реакцию французских зрителей на них. Он во многом соглашается с Вольтером, иногда спорит с ним, развивает его наблюдения, делает собственные замечания. Особое внимание Сумароков обращает на цельность действия и характеров, психологическое правдоподобие.

«Мнение...» предваряется небольшим предисловием. Сумароков сетует, что «разные обстоятельства отвратили» его от театра и «прелюбезной» Мельпомены, музы-покровительницы трагедии, которая дороже ему «паче жизни». Однако его встревожил сон: «Был я сновидением на театральных представлениях парижских и видел некоторые трагедии так живо, как наяву».³⁶

³¹ Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений. Ч. 4. С. 327.

³² Степанов В. П. Сумароков А. П. // Словарь писателей XVIII века. Вып. 3 : (Р—Я). СПб., 2010. С. 197.

³³ Стенник Ю. В. А. П. Сумароков о классиках французской трагедии XVII—XVIII вв. (Статья «Мнение во сновидении» о французских трагедиях) // Некоторые вопросы теории и истории французской литературы XVII века. Материалы Междунар. науч. конф. «Третьи Лафонтеновские чтения» (11—13 апреля 1997 г.). СПб., 1997. С. 48.

³⁴ Степанов В. П. Сумароков А. П. С. 194.

³⁵ Сенников Г. И. О сатирических «снах» в русской литературе XVIII века // Проблемы изучения русской литературы XVIII века : От классицизма к романтизму. Л., 1974. Вып. 1. С. 71.

³⁶ Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений. Ч. 4. С. 327.

Разбор начинается «Цинной» Корнеля. «Ждал я, — пишет Сумароков, — что начнется сия драма излишним и критикованным монологом, по мнению Боало, Вами несколько извиненным и мною отверженным <...> а здесь во прекрасных стихах ничево Корнелий не объявляет, и только начало трагедии и страсть встревоженного геройского Емилиного духа ослабляет <...>. Прекрасное начало и достойное имени Великого Корнелия. Праведно Вы критиковали, что слово *seulement* попортило первого действия окончание <...>. А ежели бы онаго слова не было, так бы дозвоительно было не напомнать ему ни о славе, ни о друзьях. Речь Августова Цинне и Максиму весьма хороша. Монолог Цинны крайне хорош, исключая сии два стиха:

*Qui du peu que je suis fait une telle estime ?
Qui me comble d' honneurs, qui m' accable de biens, —*

и последний стих:

Mais voici de retour cette aimable inhumaine,

которые и Вы критиковали: оба сии стихи гадки. Четвертое явление третьего действия достойно Корнелия. Как окончилось сие действие... весь партер был в восторге, а сему восторгу громкий плеск воспоследовал, а я воскричал: «О, Корнелий! Праведно ты Великим наречен Корнелием». Монолог Августов хорош, только долог. Речь Августова Цинне хороша <...>. Циннино замешетельство хорошо, но договор Августов с Цинною, чтоб он молчал, не нравится мне, а сии пени:

Tu tiens mal ta promesse —

гадки мне; и сие ребячество и крайняя малость заставили меня на одно мгновение, заставили меня почести не вкусным автором. Остаток трагедии хорош, так же как и вся трагедия весьма хороша, и будет вечно славою Франции и короною Корнеливою, но лучше бы было, ежели бы Август показал милосердие свое без сих слов:

*O! siècles! o, mémoire!
Conservez à jamais ma dernière victoire, —*

и ежели бы Ливия не пророческим духом Августу благоденствие предвещала и не говорила бы в присутствии главных и едва только прощенных бунтовщиков <...>. А вместо того сказала бы лучше: добровольно буду повиноваться власти твоей...».

Затем Сумароков переходит к критике «Родогуны». Ему не нравится, что «пролог составляют наперстники». Как в свое вре-

мя Л. Риккобони, он отмечает, что «героя тут нет ни одного <...> да они же и явление потом прервали, вознамерившись договорить начатую речь после: вымысел автора самого малого, ищущего новые красоты в безобразии. Во втором действии явился Корнелий, как и вы в примечаниях написали, во всей своей пышности. Не скрывается Корнелий во всем действии сем до самого конца». В третьем действии Сумарокову «весьма нравится» монолог Родогуны: «Гомера, казалось мне, я в сих вижу стихах. А что сии стихи вашей критике подвергались, так я того не порочу, ибо я и сам еще и до ваших примечаний того же мнения; но восхищенное мое ими сердце всю мою на них критику преодолело». Он высоко оценивает мастерство Корнелия на протяжении всего действия, «исключая последнее явление, Антиохов монолог, а особливо вмещенный медицинский рассудок». Имеется в виду эпизод в конце третьего действия, когда братья Антиох и Селевк осознали равную жестокость своей матери и Родогуны, но Антиох высказывает надежду на то, что их злоба утихнет, и успокаивает брата. Сумароков отмечает «преизрядный» монолог Клеопатры, завершающий четвертое действие, хвалит пятое действие: «Окончание сей трагедии достойно славы Великого Корнелия и славы всех лучших трагиков на свете».³⁷

Критический разбор Сумароков завершает пьесами Ж. Расина («Ифигения», «Федра», «Аталия») и Вольтера («Заира», «Альзира», «Меропа»).

Французская драматургия оказала влияние на творчество русских драматургов, прежде всего в жанровом и сюжетном отношении. «Русскому поэту-трагику открывалась значительная свобода в построении текста. Если он полагал приоритетным возвышенное, то есть предметы политические и военные, этот выбор вел к созданию жанрового типа героической (или политической) трагедии по образцу Корнелия. Когда, напротив, предпочтение отдавалось любовной тематике, произведение приближалось к жанровому типу любовной трагедии, главным представителем которой в XVIII веке считался Расин».³⁸ Б. Н. Асеев отметил сходство первой русской трагедии, написанной по правилам классицизма, — «Хорева» (1747) Сумарокова с «Сидом»: герой из чувства долга вынужден сражаться с отцом своей возлюбленной.³⁹ Один из источников трагедии Сумарокова «Семира»

³⁷ Там же. С. 327—331.

³⁸ Клейн И. Пути культурного импорта : Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 266.

³⁹ Асеев Б. Н. Русский драматический театр XVII—XVIII веков. М., 1958. С. 104—105.

(1751) исследователи усмотрели в «Цинне». Сумароков реализует намеченный, но не развитый Корнелем сюжет, а именно неудачный исход замысла Цинны — предательство друга. В «Семире» неверный друг предает Оскольда, раскрыв его замысел Олегу.⁴⁰ Образ христианского мученика, жертвующего жизнью ради веры, созданный Корнелем в «Полиевкте», возник в трагедии М. М. Хераскова «Пламена», действие которой происходит во времена введения на Руси христианства.⁴¹

Монолог Эмилии из «Цинны», отмеченный Сумароковым как прекрасное начало трагедии, достойное имени Корнеля, привлек внимание 16-летнего каптенармуса Измайловского полка М. Н. Муравьева. В 1773 г. он подал доношение в Академию наук с просьбой о напечатании сборника «Переводные стихотворения», в который вошли также его переводы из Анакреона, Буало, Вольтера. Отрывок из «Цинны» был единственным переводом из драматического сочинения. Он заинтересовал начинающего поэта, по-видимому, изображением противоречивых чувств героини, которая жаждет отмщения за смерть отца, но понимает, что оно навеки разлучит ее с возлюбленным. В посвящении сборника кн. П. А. Голицыну Муравьев писал: «...все великие люди были любители стихов, и те, которых имена достойны суть восхваляемы быть в песнях бессмертных муз, защищали их покровительством своим. Блажен, если и мои посильные произведения удостоятся внимания».⁴²

В 1768 г. по инициативе Екатерины II и на ее средства при Академии наук было учреждено Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. Первое время переводами были заняты академические переводчики, но уже со следующего года к работе были привлечены новые лица. В числе 112 книг, переведенных за годы деятельности Собрания, то есть до 1783 г., оказались и трагедии Корнеля.

Возможно, проект издания трагедий Корнеля в русском переводе был инициирован Екатериной II, которая всегда одобрительно отзывалась о его творчестве. Об этом свидетельствует, в частности, ее переписка с известным французским критиком Ф.-М. Гриммом, завязавшаяся в 1774 г., после его посещения Петербурга по случаю бракосочетания великого князя Павла Петровича и Наталии Алексеевны. Еще раньше, в 1760-е гг., Ека-

⁴⁰ Стенник Ю. В. Жанр трагедии в русской литературе : Эпоха классицизма. Л., 1981. С. 64.

⁴¹ Стенник Ю. В. Драматургия русского классицизма : Трагедия // История русской драматургии. XVII—первая половина XIX века. Л., 1982. С. 90—91.

⁴² Переводные стихотворения лейб-гвардии Измайловского полку каптенармуса Михайла Муравьева. СПб., 1773. С. 3.

терина II стала получать дважды в месяц известия и критические заметки Гримма о новостях французской литературы, которые он рассылал иностранным дворам. В письме Гримму от 2 января 1780 г. Екатерина II признавалась: «Я люблю Корнеля, он всегда возвышает мою душу». В 1785 г., когда в Петербург по приглашению Дирекции императорских театров прибыл известный французский актер Ж. Офрен, Екатерина II писала Гримму: «Офрен здесь, но я его еще не видела. Я просила, чтобы он дебютировал с понедельника в восемь „Цинной“, единственной трагедией, которую я люблю» (письмо от 10 августа). Спустя два дня она делилась своими впечатлениями от спектакля: «Перед отъездом в Царское Село я видела игру Офрена. Играя Цинну с благородной простотой, он помнил свою роль Августа. Это, по моему мнению, превосходный актер» (письмо от 12 августа).⁴³ По «особенному повелению» императрицы «Цинна» была представлена на сцене Эрмитажного театра также 13 декабря 1789 г.⁴⁴

Трагедии Корнеля перевел Я. Б. Княжнин, для которого переводческая деятельность была в это время единственным занятием, дающим средства к существованию. Издание планировалось в двух частях. Первую должны были составить «Сид», «Смерть Помпеева» и «Цинна». Об этом свидетельствует общая пагинация их страниц и указания в начале каждого листа, в нижней его части, «часть I». Во вторую часть должны были войти «Родогуна», «Гораций» и, возможно, еще одна трагедия. Тираж первой части, составивший 600 экземпляров, был отпечатан к октябрю 1775 г., но выкуплен Н. И. Новиковым и поступил в продажу в 1779 г., причем трагедии продавались отдельно. Перевод «Родогуны» был напечатан в типографии Компании типографической Новикова в 1788 г.⁴⁵ Трагедия «Гораций» была отдана в печать в типографию Академии наук в 1777 г., печатание было начато, но затем прервано «за нужнейшими делами».⁴⁶ По-видимому, как это не раз случалось, типография не справлялась с печатанием документов самой Академии наук.

О характере работы Княжнина над переводами можно судить по его черновым рукописям, сохранившимся в архиве Г. Р. Дер-

⁴³ Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1744—1790), изданные с пояснительными примечаниями Я. К. Грота // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1878. Т. 23. С. 167, 358, 360.

⁴⁴ Дневник А. В. Храповицкого : 1782—1793. СПб., 1874. С. 320.

⁴⁵ История русской переводной художественной литературы : Древняя Русь. XVIII век. Т. II : Драматургия. Поэзия. СПб., 1996. С. 69.

⁴⁶ Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериною II : 1768—1783 : Историко-литературное исследование. СПб., 1913. С. 70.

жавина (ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 14). Переводам «Цинны» и «Сиды», сделанным белыми стихами, предшествовал прозаический перевод-подстрочник. Перевод «Родогуны» Княжнин первоначально назвал «Клеопатра», по-видимому потому, что жажда власти и воля именно этой героини являются основной движущей силой действия. Трагедию «Гораций» Княжнин переводил также белыми стихами, вероятно, по какому-то из изданий, опубликованных после 1648 г., когда Корнель сократил 5-е действие, излишне затянутое. Отсутствует оно и в переводе. Здесь Княжнин не пользовался подстрочником и стремился, насколько возможно, следовать оригиналу, хотя в отдельных случаях не удержался от некоторых корректив.⁴⁷

«Сид» в переводе Княжнина был представлен на сцене Московского театра 28 мая и 22 сентября 1791 г. Критическому разбору спектаклей посвящена рецензия Н. М. Карамзина, опубликованная в «Московском журнале». Карамзин сравнивает перевод с оригиналом, анализирует оба текста с точки зрения следования психологическому правдоподобию. Он отмечает, что переводчик «переменил порядок приключений: Сид выходит на поединок с Дон-Санхом прежде сражения с маврами, и против сих последних идет он не добровольно с друзьями отца своего, но сам король посылает его и Дон-Санха, поручая им свое войско и обещая Химену тому, кто окажет более храбрости».⁴⁸ Однако он оставляет за «сочинителем русской трагедии» право на отступление от оригинала и на вымысел. Так, по его мнению, поступил сам Корнель, работая над «Сидом». Он выбрал самые лучшие и трогательные сцены из двух испанских драм на тот же сюжет. Еще одно изменение Карамзин отметил в начале пьесы, в сцене, являющейся сюжетной завязкой, когда отец Химены в ссоре обезоруживает престарелого полководца Дон-Диега, отца Родриго, и дает ему пощечину. Посщечина, за которую Корнеля порицал Вольтер, в переводе Княжнина отсутствует. Изменена эта сцена и в переводе М. М. Хераскова, напечатанном в 5-й части его «Творений» (М., 1796—1803).⁴⁹ В пылу ссоры соперники обнажают шпаги, и дон Гормас обезоруживает соперника и «повергает» его. Вопрос о том, допустима ли пощечина в высокой трагедии, возникал позже, со ссылкой на Корнеля, у Лессинга и у Пушкина.⁵⁰

⁴⁷ См.: Кукушкина Е. Д. Трагедия П. Корнеля «Гораций» в переводе Я. Б. Княжнина // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26. С. 368—423.

⁴⁸ Московский журнал. 1791. Ч. 3. Кн. 1. Июль. С. 89.

⁴⁹ Цид. Трагедия, переделанная из трагедии П. Корнелия // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. [Б. г.]. Ч. 5. С. 1—80.

⁵⁰ Данилевский Р. Ю. Г. Э. Лессинг и Россия: Из истории русско-европейской культурной общности. СПб., 2006. С. 52.

Значительно требовательнее относится Карамзин к необходимости «производить в зрителе» сильные несмешанные чувства радости или горести. Здесь он отступает от анализа перевода и переходит к рассмотрению оригинала. Карамзину решительно не нравится развязка трагедии Корнеля, когда добродетельная Химена соглашается стать супругой убийцы своего отца. Доводы Вольтера, что это бракосочетание не происходит в пьесе, что Химена лишь дает свое согласие на него, не кажутся ему убедительными. По мнению Карамзина, мысль о том, что «Химена рано или поздно будет мучима совестью», смутит зрителя и помешает ему радоваться соединению любовников. Он соглашается с Далламером, что драматические произведения Корнеля холодны и лишены действия, им не хватает «ужаса и жалости», которые являются «душой трагедии» и волнуют зрителя «в Шекспире и в некоторых немецких драматических сочинителях». «Сид» мог нравиться французской публике, «потому что в нем есть хорошие сцены и трогательные чувства, потому что в нем много прекрасных стихов», но теперь он годится «лучше для чтения, чем для представления». Нетрудно заметить, что Карамзин предъявляет к Корнелю требования новой драматургической эстетики, уже завоевавшей себе место в России, где с успехом шли пьесы Г. Э. Лессинга, Ф. Шиллера, И. В. Браве и появлялись «мещанские трагедии» и исторические драмы на сюжеты из русской истории. Впрочем, возвращаясь к «русскому Сиду», Карамзин вынужден признать, что пьеса «была очень хорошо принята московскою публикой», чему способствовали прекрасные актеры М. С. Синявская, И. Ф. Лапин и В. П. Померанцев. «Многие стихи были замечены, и громкие рукоплескания раздавались в партере и в ложах».⁵¹

Уже упомянутый перевод «Сиды» Хераскова на сцену не попал, хотя переводчик, за счет сокращения некоторых персонажей и сцен, несколько усилил динамизм действия. В его переводе отсутствуют влюбленная в Родриго донна Уррака и ее воспитательница Ленор. Донна Уррака, как ее задумал Корнель, не влияла на развитие сюжета, но была нравственным мериллом для страстей, переживаемых персонажами. Благородная, верная своему долгу, готовая пожертвовать личным счастьем во имя благоденствия народа, она воплощала образ идеального монарха, каким он представлялся во Франции в начале XVII в.

Представ на сцене в русском переводе с большим историческим запозданием, трагедия Корнеля вынуждена была уступить место пьесам нового театрального репертуара и переместиться в область истории драматургии.

⁵¹ Московский журнал. С. 93—95.

Опубликованное в 1790 г. «Собрание некоторых театральных сочинений, с успехом представленных на Московском публичном театре» (Ч. 1—3), открывалось статьей «О происхождении и успехах драматического стихотворства», в которой анонимный автор кратко изложил историю французского театра, начиная с XII в. Он останавливается и на творчестве Корнеля, который, по его мнению, смог «исполиновыми шагами пробежать промежуток от посредственности до совершенства, собрать все правила и составить из того целое, явить в блистательном виде стихотворство, важность, разнообразность и совокупление характеров и выдать наконец превосходные творения, которые не уступают приобретшим бессмертие Софоклу и Эврипиду». Однако упорядоченность и стилизованность законченность трагедий, суровые и цельные характеры персонажей представляются теперь лишенными правдоподобия и жизненной полноты: «Корнелий, прилепленный единственно к возвышению чувствований и к выдерживанию благородства характеров, почитал любовь посторонним средством, чувствованием приличным токмо к доставлению превосходства картинам от него изображаемым; он мало старался обнаруживать действия сей пылкой страсти». Вкусам русских зрителей в конце XVIII в. более отвечали «галантные» трагедии Расина, который «проложил себе новую дорогу <...> Он взялся за такой род, которым сей великий муж пренебрегал. Он сделал из любви основание своим пьесам и украсил их всем тем, что изящность слога и приятность стихов имеют в себе трогательнейшего и прелестнейшего. Наконец он выдал такие превосходные сочинения, которые сравняли его с Корнелием».⁵² Однако и Расину не нашлось места в этом собрании пьес. Оно включало драмы Л.-С. Мерсье и Ж. М. Монвеля, комедии А. Ж. Дюманьяна, Бонуара (псевдоним А. Л. Бертрана де Робино), Ж. Патрата, Б. Ж. Марсолье де Виветьера.

Известность Корнеля в России как создателя трагедий затмила его славу комедиографа, а между тем именно комедии, восторженно принятые французской публикой, принесли ему первую славу. Единственная комедия Корнеля, появившаяся на русской сцене, «Лжец», была представлена в Санкт-Петербурге 18 мая 1796 г. Сохранившийся рукописный список пьесы⁵³ указывает имя ее переводчика: Янкович. По-видимому, это И. Ф. Янкович Де Мириево (1778—1811), в 1790-е гг. с увлечением занимавшийся литературным трудом. Подобно тому как Корнель позаимствовал сюжет «Лжеца» у испанских драматургов, но переделал его под

⁵² Собрание некоторых театральных сочинений, с успехом представленных на московском публичном театре. М., 1790. Ч. 1. С. 20, 22—23.

⁵³ СПб ГТБ. Шифр I.XX.3.90.

обычай и правила своих соотечественников,⁵⁴ русский переводчик перенес место действия в современный ему Петербург, изменил имена действующих лиц. Аронт стал Здравомыслом, Дорант — Ветраном, Клариса — Прелестой, Аргант — курским дворянином Доброседом. Ветран, чтобы увлечь Прелесту, утверждает, что воевал в Польше. Успеха пьеса, по-видимому, не имела, в печать она не попала. Феерические фантазии и вдохновенная ложь Доранта-Ветрана (предшественника Хлестакова), делавшие его образ по-своему обаятельным, откровенно провокационные финальные слова пьесы: «О, вы, которые сомневались в его искусстве, вот вам пример. Следуйте ему и учитесь лгать!» — могли восприниматься как поправление нравственных устоев.

Влияние Корнеля на русскую комедиографию еще предстоит изучить. Оно ощущается, например, в композиции комической оперы М. А. Матинского «Санкт-Петербургский Гостиный двор». В нее была включена жанровая бытовая сценка в Гостином дворе. Барышни Крепышкина и Щепеткова требуют у продавца показать им атлас, тафту и модные чепчики, шелковые чулки и пьюсовые ленты. Это напоминает комедию Корнеля «Дворец правосудия, или Подруга-соперница» (1633), действие в которой дважды прерывали сцены в модных книжных, галантерейных и бельевых лавках.⁵⁵

Всем известные сюжеты трагедий Корнеля продолжали свою жизнь иногда в других жанрах. «Московские ведомости» сообщали, что 10 февраля 1802 г. на Петровском театре будет представлен «большой трагический и пантомимический балет в пяти действиях, называемый „Горации и Куриации“, взятый из Римской истории, сочинение г-на балетмейстера Соломони, муз. г-на Стацера. Сей спектакль не в счет годовых лож, но в пользу г. Соломони, который со своими детьми ласкает себя надеждою, что почтеннейшая публика удостоит сей спектакль своим присутствием».⁵⁶

В начале XIX в. формирующаяся новая система литературных стилей начала старательно отрекаться от классицизма. Я. А. Галинковский посвятил критическим разборам сочинений Корнеля немало страниц в своем журнале «Корифей, или Ключ литературы», который был задуман им как краткая история искусств. Одна из книг этого журнала за 1803 г. целиком была посвящена жанру трагедии. Галинковский публикует отрывок из первого явления IV действия «Родогуны», параллельно на французском и русском

⁵⁴ *Большаков В. П.* Корнель : Жизненный и творческий путь. М., 2001. С. 169.

⁵⁵ Там же. С. 57.

⁵⁶ *Московские ведомости.* 1802. № 12. 8 февр.

языках (С. 106—110),⁵⁷ и свои «Примечания, сделанные при чтении на трагедию „Гораций“» (С. 134—141). Он отмечает несколько лексических повторов в монологе Куриация (д. 1, явл. 4) и «противные слуху» стихи, оканчивающиеся односложными словами. Его суждения обнаруживают непонимание особенностей классицистической драматургии XVII в. Галинковскому представляются «слишком риторическими» обращения персонажей трагедии к душе, добродетелям или к своему сердцу, как в монологе Камиллы: «обращение к своему сердцу самое мещанское» (С. 137). Убийство Горацием своей сестры, оплакивающей возлюбленного, кажется ему «не сходным с природою», а пространные монологи Валера (54 стиха) и Горация (60 стихов) — «это целая тяжба <...> Эти монологи вовсе не шекспировские. В них более скуки, пустословия, нежели поэзии» (С. 139—140). Впрочем, Галинковский признает удачным характер Горация, который «выдержан сильно, оттушеван жесткими, но смелыми, римскими чертами». Другие персонажи ему не нравятся: «Сабина говорит для того, чтоб сказать что-нибудь новое. Камилла плачет, не умея плакать, и подобное. Следуйте за сими примечаниями вдоль по пьесе. Вы найдете много мест превосходных, — но как далеко все это от какого-нибудь *Гамлета*, *Царя Лира*, *Ю. Кесаря*, даже от *Аталии*, *Федры*... от *Катона* <...>. Язык устарел, но дело идет не о языке: о хорошем Идеале, о той изящной обдуманности, которую тщеславятся нации, о живописи страстей, характеров, о величестве самой поэзии. Этого я никогда не ищу в театральных сочинениях французов и, по-моему, не ошибаюсь» (С. 140—141).

В первое десятилетие XIX в. П. Корнель упоминается едва ли не в каждом литературном журнале. «Минерва» публикует под названием «Корнель и Расин» эссе трех авторов — Лабрюйера, Фонтенеля и Лагарпа, посвященные этим драматургам,⁵⁸ а в другом номере, в разделе «Ученые анекдоты» печатает рассказ о необыкновенной доброте Корнеля.⁵⁹ О доброте и простодушии Корнеля писал «Вестник Европы» в разделе «Характеры некоторых известных стихотворцев».⁶⁰ Журналы зафиксировали появление нового отношения к Корнелю. Он воспринимался уже не только как основоположник французского театра, но и как своего рода духовный наставник. В «Вестнике Европы» печатается краткая сравнительная характеристика творчества Корнеля и знаменитого

⁵⁷ Корифей, или Ключ литературы. 1803. № 2. Здесь и далее указания на страницы даны в тексте.

⁵⁸ Минерва. 1806. Ч. 1. С. 37—45.

⁵⁹ Там же. Ч. 3. С. 19—20.

⁶⁰ Вестник Европы. 1803. Ч. 37. № 4. Февр. С. 325—326.

французского проповедника Жака Бенина Боссюэта (1627—1704), написанная Даламбером. По мнению Даламбера, и того и другого отличала возвышенность духа, но у Корнеля она близка к республиканской гордости, а у Боссюэта — к благочестивому восторгу. У них много общего, но и много отличий: «Корнель презирает величество и могущество, Боссюэт попирает ногами и то и другое и стремится к самому Богу; один, показывая нам человека во всем достоинстве его, возвеличивает нас в собственном мнении нашем; другой, представляя нам человека ничтожным, парит выше человеческого рода. Выспренность поэта наполнена глубокими мыслями и резкими чертами, выспренность оратора состоит в величии, в силе, в картинах; погрешности Корнеля происходят от утомления и недостатка, Боссюэтовы от излишнего жара и обилия...».⁶¹

С эпизодом из истории французского театра познакомил читателей «Драматический вестник», пересказав анекдот из сочинений П. А. де Ла Мота. Речь шла о возможности различного толкования трагедийных характеров в разные эпохи. Актеры прежде с «чрезмерной суровостью» произносили реплику Горация, обращенную к Куриацию перед их сражением: «Альба назначила тебя, и я тебя более не знаю», и «сей стих всегда производил над публикою неприятное действие». Актер Барон первым начал произносить эти слова с некоторым состраданием, «публика с восхищением ему рукоплескала», и Корнель поздравил актера с удачной находкой. С тех пор «все следовали Баронову произношению, но теперь его забыли. Чем более актер при этом стихе показывает в голосе жестокости, тем более партер ему рукоплещет». Это, по мнению автора статьи, показывает, «сколько с тех пор национальный французский характер переменился».⁶² В другом номере под названием «О правилах театра»⁶³ были опубликованы в переводе А. А. Писарева отрывки из трактата П. Корнеля «Рассуждение о полезности и частях драматического произведения». В них затрагивался вопрос, в какой форме возможно поучение на театре и всегда ли полезное является в театральном сочинении под видом приятного. Опираясь на авторитет Корнеля, издатели журнала (в их числе А. Н. Оленин, И. А. Крылов, А. И. Ермолаев, редактор А. А. Шаховской) реализовывали задачи своего издания — помогать отвращению дурного вкуса, который, «царствуя в новых иностранных творениях, развращающих ум и сердце, угрожает заразить и нашу словесность».⁶⁴

⁶¹ Вестник Европы. 1806. Ч. 25. Февр. С. 272—273.

⁶² Драматический вестник. 1808. Ч. 3. № 78. С. 199—200.

⁶³ Там же. Ч. 2. № 35. С. 65—69.

⁶⁴ Там же. Ч. 1. № 1. С. 8.

Переводы из сочинений основоположников классицизма оставались необходимым элементом самообразования молодых поэтов. В 1810 г. В. А. Жуковский составил программу для собственных литературных занятий, в которую входило сравнительное изучение трагедий Корнеля, Расина, Вольтера и Крепильона.⁶⁵ Сохранились его наброски перевода 2-го явления 3-го действия трагедии Корнеля «Sertorius».⁶⁶ Интерес Жуковского к этой трагедии, вероятно, был связан с ростом патриотических настроений в русском обществе. Жуковский сократил текст, усилив его динамику. Лирическая форма монолога в сочетании с его патриотическим пафосом были у истоков поисков Жуковским новых форм, приведших его к созданию гражданской лирики.⁶⁷

В первой четверти XIX в. в связи с развитием русского театра и необходимым расширением его репертуара усиливался интерес к драматургии французского классицизма. Он выразился в попытках нового толкования трагедийных характеров. П. А. Катенин в 1811 г. перевел трагедию Томаса Корнеля «Ариана».⁶⁸ Она была впервые показана в бенефис Е. С. Семеновы и шла в Москве в 1811 г., а на петербургской сцене периодически с 1811 по 1824 г. В 1817 г. А. И. Чепегов, А. А. Жандр, А. А. Шаховской и П. А. Катенин перевели трагедию П. Корнеля «Гораций», по одному действию каждый. Пятое действие, в котором ставилось под сомнение право Горация на убийство сестры, было опущено. 9 октября 1817 г. эта трагедия в их переводе под названием «Горации и Куриации» была представлена в Санкт-Петербурге в бенефис актера Я. Г. Брянского. Защита просвещенной монархии, содержавшаяся в пьесе французского драматурга, потеряла свою актуальность. В трагедии Корнеля литераторы, близкие к декабристскому обществу, искали героев, способных идти на жертвы и подвиги ради высоких гражданских побуждений. Свободолюбие, нравственная независимость, решимость к подвигу приобретали романтическую окраску. Эта пьеса была еще 8 раз показана в Петербурге в 1817—1823 гг. и лишь дважды в Москве (в 1820 г.), где в театральном репертуаре преобладала мелодрама.

⁶⁵ Лебедева О. Б. Неопубликованные переводы Жуковского из Софокла // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 260.

⁶⁶ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Пг., 1916. Вып. II. С. 497—498.

⁶⁷ Сакура С. С. Ранние драматические опыты В. А. Жуковского // Критика. Драматургия. Театр : Из докладов, представленных на I—IV Чтениях молодых ученых памяти Л. Я. Лившица : Сб. науч. статей / Харьковский гос. пед. ун-т им. Г. С. Сковороды. Харьков, 1999. С. 104—109.

⁶⁸ Рукопись со значительной правкой и указанием исполнителей хранится в СПб ГТБ. Шифр I.XX.3.63.

Перевод был предназначен исключительно для сцены и издан не был, за исключением 4-го действия, напечатанного в числе сочинений Катенина.⁶⁹ Три десятилетия спустя в журнальной статье, посвященной творчеству А. А. Шаховского, Р. М. Зотов, служивший с 1812 г. в театральной дирекции канцелярским служителем, а затем инспектором русской труппы и начальником репертуарной части, объяснил, почему эта пьеса не имела успеха. Он писал: «Времена сурового классицизма начинали ослабевать, и пьесы Вольтера более уже имели успеха, нежели Корнеля и Расина. Даже самый перевод в компании был тогда охуждаем. Знаменитое „Qu'il mourût“ не произвело эффекта, и в этом обвиняли перевод: „Что б должен сделать он против троих? — Умри! / Иль славной смерти позор свой предвари“. Этот ответ значил: умри, или умри, тогда как у Корнеля вторая фраза, хотя весьма надутая и запутанная <...> значила: умри или победи. Пьесу перестали уже играть, а полемические споры все еще продолжались».⁷⁰

Интерес П. А. Катенина к творчеству Корнеля не ограничился переводом фрагментов одной трагедии. В 1818 г. он переложил монолог Цинны,⁷¹ а в 1822 г. трагедию «Сид».⁷² Опираясь на классическую традицию, используя архаизированную «высокую» лексику, Катенин отстаивал принципы «романтического историзма». «Сид» в переводе Катенина был представлен на Большом театре 14 декабря 1822 г. в пользу 20-летнего В. А. Каратыгина (1802—1853),⁷³ дебютировавшего в 1820 г. в трагедии В. А. Озерова «Фингал», но уже заслужившего любовь зрителей. Перевод Катенина вызвал горячие отклики критиков. Они были опубликованы в журнале «Благонамеренный», издававшемся А. Е. Измайловым. Рецензия А. И. Розинга, члена Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, напечатанная в разделе «Театр»,⁷⁴ была в большей мере посвящена характеристике перевода, чем театральному спектаклю. Рецензент прежде всего отметил отступления переводчика от подлинника: Катенин «выключил совершенно ненужное лицо Инфанту, но с тем вместе испортил роль

⁶⁹ Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина. СПб., 1832. Ч. 2. С. 43—56.

⁷⁰ Зотов Р. М. Материалы для истории русского театра : Князь Шаховской А. А. // Репертуар и Пантеон. 1846. Т. 14. С. 21.

⁷¹ Катенин П. А. Отрывок из Корнелева «Цинны» // Сын Отечества. 1818. № 12. С. 229—231.

⁷² Сид. Трагедия. Сочинение П. Корнеля / Перевод [в стихах] с французского Павла Катенина. СПб., 1822.

⁷³ Каратыгин Большой, или Старший, как его называли. Его брат Петр Андреевич (1805—1879), также актер, носил прозвище Каратыгин Меньший, или Младший.

⁷⁴ Благонамеренный. 1823. Ч. 21. № 1. Подпись: -ъ-ъ. Указания на страницы — в тексте.

Химены, начав трагедию с 6-го явления». В результате зрителю становится неизвестна любовь Химены к Родриго, и «он не принимает большого участия в ссоре их отцов» (С. 41—42). Дальнейший анализ пьесы свелся к пространному цитированию с краткими комментариями критического характера. Рецензент иронизирует над частым употреблением Катениным в 1-м явлении 4-го действия глаголов, обозначающих движение (*бегал; двигая вперед; приходящих; гоня*): «Какая передвигательная картина...» (С. 43), хотя они вполне закономерны в рассказе Родриго о том, как он одержал победу над маврами. Реплика Химены «Я двух соперников вооружила длань» также вызывает его насмешку: «У двух рыцарей одна длань! Как мешкотен⁷⁵ должен быть их поединок!» (С. 49). О стихах «Крик страшный подняли бегущи сопостаты / Скочили в корабли...» критик замечает: «И я *скочил* с кресел, когда услышал в театре этот стих» (С. 49). Метафора «тело, дымящееся кровью», представляется ему «забавной картиной»: «Рыцарь, у которого из всех мест выходит дым!» (С. 51). Но больше всего его возмутило употребление Катениным архаизмов: *ковы плесть; чтоб; свидетельми* и других: «*Ужи* <...> не последнее также занимают здесь место и, как видно, пользуясь особенною благосклонностью переводчика, получили от него позволение ползать, где им заблагорассудится, — потому что куда ни взглянешь... *уж*, как тут: *и после уж решишь*... И местоимения имеют ту же привилегию, с той только разницею, что им позволено гулять компаниями: *С отцом моим во мне он*...» (С. 53). А. И. Розинг выразил сомнение в том, что французы узнали бы своего великого Корнеля, «если б вздумалось какому-нибудь французу перевести для забавы „Сид“ с русского на свой язык со всем запасом этих литературных редкостей» (С. 52). Само представление также получило его весьма посредственную оценку: Каратыгин Младший в роли Феликса «понимал стихи, но читал их дурно», один только Каратыгин Большой «выдержал роль (д. Родрига) так, как должно. Он не мог скрасить дурных стихов, зато ловил посредственное и делал из него хорошее», «театр был почти пуст» (С. 55).

Иного мнения придерживался И. Истов. Он считал, что сокращения, которым подверглась трагедия Корнеля в переводе Катенина, несколько не испортили пьесу: «...все выпущенные сцены так мало имеют связи с главным предметом и ходом пьесы <...> трагедия через то ничего не потеряла в полноте содержания и ясности действия» (С. 322).⁷⁶ А некоторые места перевода столь хо-

⁷⁵ От прилагательного мешкотный — медлительный, вялый. — Е. К.

⁷⁶ *И. Ис-въ [И. Истов]*. Разбор перевода Корнелевой трагедии Сид с кратким замечанием на представление оной // *Благонамеренный*. 1823. Ч. 22. № 11. С. 313—328; № 15. С. 186—209. Указания на страницы — в тексте.

роши, что по своей выразительности превосходят оригинал. Таков монолог оскорбленного Диего, в котором «слабый старец — некогда мужественный — не могущий более владеть мечом, называет его дорогим товарищем юности своей: как сообразно это духу тогдашнего времени!» (С. 324). В трагедии Корнеля Диего, желая, чтобы сын отомстил за него, спрашивает его: «Rodrigue, as-tu du coeur?» — то есть «Сын, мужествен ли ты?» или «Сын, храбр ли ты?». Переводчик же, «желая дать всю возможную силу последнему выражению, сделать его разительнейшим для Родрига в устах отца его, заставил Д. Дьегу обратиться к нему вопрос с умышленным сомнением и укоризною, от коей бы, так сказать, вспыхнуло сердце благородного юноши (особливо во времена «рыцарства»): „Сын, храбр ты, или трус?“ Это простое слово <...> на деле должно бы возбудить все мужество Родрига. Выразить это была цель автора, и переводчик, если не совершенно, то по крайней мере близко достиг ее» (С. 325).

Статья И. Истова интересна и тем, что в ней затрагивались теоретические и практические вопросы художественного перевода: «Переводить из стихов в стихи, особливо драматическое сочинение, сохраняя все достоинства онаго, — чрезвычайно трудно. Иногда одно *слово*, одно *выражение*, счастливо употребленное, составляет важную красоту и производит сильный аффект на театре; легко случиться может, что хотя этому слову или выражению и найдутся равносильные в том языке, на который переводят, но или по многосложности своей, или по неприятному для выговора стечению букв употреблены они быть не могут; что ж переводчик должен делать? — Кажется, в подобном случае отступление от подлинника извинительно» (С. 326—327).

Основные упреки критика касались лексической стороны перевода, сделанного Катениным. Жанр трагедии требует «высокого» слога, «в изъяснении высоких мыслей неприличны простые слова и обороты», а «обветшалые» слова вроде славянского «вкупе», «поставленные между обыкновенными и даже самыми простыми словами, кажутся какими-то *антиками*, выставленными напоказ не у места» (С. 320—321).

Проблема адекватного перевода трагедий классицизма рассматривалась и во второй части «Разбора Сиды». И. Истов отмечает, что, несмотря на весьма резкие суждения некоторых критиков, он находит многие стихи Катенина в переводе свободными, чистыми, близкими к подлиннику. В то же время он категорически не приемлет употребления им «простого слога», близкого к разговорному. По его мнению, «обыкновенный, впрочем, *благородный* слог» может быть употреблен лишь «в разговорах лиц, кои по званию и характеру своему близки к натуральной простоте». Стоит

исправить слог — и перевод «Сиды» «послужил бы украшением нашей словесности» (С. 192—194). С сожалением он отмечает, что первое представление прошло в полупустом зале: «в двух ярусах лож никого почти не было» (С. 195). «Сид» был представлен на театре еще дважды.

В творческих поисках Катенина А. С. Пушкин увидел его «обособленный, самостоятельный» путь в литературе. Откликаясь на вышедшие из печати «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина»,⁷⁷ Пушкин говорил о «несправедливой холодности, оказываемой публикою» его сочинениям. Отметив отсутствие подлинной отечественной критики, он писал: «Быв один из первых апостолов романтизма и первый введши в круг возвышенной поэзии язык и предметы простонародные, он первый отрекся от романтизма и обратился к классическим идолам, когда читающей публике начала нравиться новизна литературного преобразования».⁷⁸

Интерес к творчеству Корнеля возобновился в России лишь к концу XIX в. Трагедии неоднократно переиздавались, но представлены на сцене не были. Они перешли в разряд учебной литературы. Несколько изданий выдержал «Сид», причем как в оригинале,⁷⁹ так и в переводах.⁸⁰ «Гораций» был издан трижды.⁸¹ В оценке «Родогуны» Л. Риккони оказался отчасти прав. Эта трагедия не получила одобрения в России. После перевода Княжина она была напечатана только один раз.⁸²

⁷⁷ Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина. СПб., 1832. Ч. 1—2.

⁷⁸ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» от 1 апреля 1833 г. № 26. С. 206—207. Цит. по изд.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.* Т. XI : Критика и публицистика : 1819—1834. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 220.

⁷⁹ *Le Cid. Tragédie par P. Corneille (1636)*. С этюдом, кратким очерком франц. стихосложения, примеч. и словарем / Сост. Александр Алексеев (для школьного употребления и для самообучения). СПб., 1888, 1893, 1894; *Le Cid. Tragédie en 5 actes en vers / Для чтения в учебных заведениях снабдил [вступ. статьей и] объясн. В. С. Игнатович.* СПб., 1888; *Сид / Текст с введением, примеч. и словарем. Объяснил В. Баралевский.* СПб., 1893, 1899.

⁸⁰ *Сид. Драма (трагикомедия) Корнеля, написанная им в 1636 г. / Пер. [в стихах] Ефрем Барышов.* СПб., 1881; *Сид. (Le Cid). Трагедия в 5-ти актах Корнеля / Пер. с французского в стихах В. С. Лихачева.* СПб., 1891.

⁸¹ *Horace. Tragédie en cinq actes et en vers. Tragédie par P. Corneille (1636).* Для чтения в учеб. заведениях снабдил объяснениями В. С. Игнатович. СПб., 1893; *Гораций. Трагедия в 5 д. Петра Корнеля / Пер. М. Чайковский.* СПб., 1893; *Гораций. Трагедия в 5 д. в стихах П. Корнеля / Перевод в стихах размером подлинника Льва Поливанова с очерком жизни Корнеля и объясн. статьями.* М., 1895.

⁸² *Родогюна. Трагедия Корнеля, написанная им в 1646 г. / Пер. [в стихах] Ефрем Барышов.* СПб., 1880.

Несмотря на репутацию Корнеля как основоположника классицизма, как гения, «возвысившего дух нации»,⁸³ и на его широкую известность, полного и цельного представления о его творчестве ни в XVIII, ни в XIX в. Россия не получила. Из 34 пьес, написанных им, были переведены на русский язык семь, а представлены на театре в русском переводе — четыре. Корнель сыграл свою роль в формировании русской драматургии, но его творчество не вписалось в изменившуюся систему театральных жанров. В начале XVIII в. в России не было возможности для достойного сценического воплощения пьес Корнеля, в конце века его трагедии расходились с требованиями новой драматургии. Русские литераторы воспринимали Корнеля через призму вольтеровских «Комментариев». В то же время трагедии Корнеля оставались востребованными для чтения. Читатели окрашивали переживания персонажей своими чувствами и учились новому отношению к литературному произведению — не нравоучительному толкованию пьесы в целом, а внимательному и чуткому прочтению текста, часто афористичного. Идеи мужества и патриотического долга, поэтически воплощенные в пьесах Корнеля, привлекали к ним внимание в критические моменты истории. 24 марта 1941 г. Н. П. Акимов выступил перед труппой Театра комедии с докладом о предполагаемой постановке «Сида» в переводе М. Л. Лозинского.⁸⁴ Этому проекту не суждено было осуществиться.

⁸³ Биографии великих людей // Журнал для сердца и ума. 1810. Ч. 1. № 2. С. 190.

⁸⁴ Цимбал С. Л. Неосуществленная постановка Н. П. Акимова // Театр. 1971. № 4. С. 79—80.

С. И. НИКОЛАЕВ

ПОДРАЖАНИЯ КАНТЕМИРУ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII—XX ВЕКОВ

Репутация русских поэтов XVIII в. на протяжении последующих веков складывалась по-разному. Так, М. В. Ломоносов и Г. Р. Державин еще при жизни заняли высшие места на российском Парнасе и по достоинству занимают их по сегодняшний день. Прижизненная слава А. П. Сумарокова уже к середине XIX в. незаслуженно померкла, в XIX в. его стихи вообще не издавались ни разу отдельными книгами. Напротив, насмешки еще современников над В. К. Третьяковским нанесли непоправимый удар по его репутации, и только к концу XX в. началась переоценка его творчества и вклада в русскую литературу, а в начале XXI в. появились и новые издания его произведений. Другое дело — А. Д. Кантемир. В 1845 г. В. Г. Белинский писал: «Несмотря на страшную устарелость языка, которым писал Кантемир, несмотря на бедность поэтического элемента в его стихах, Кантемир своими сатирами воздвиг себе маленький, скромный, но тем не менее бессмертный памятник в русской литературе. Имя его уже пережило много эфемерных знаменитостей, и классических и романтических, и еще переживет их многие тысячи».¹ Белинский оказался прав, репутация Кантемира всегда оставалась безупречной и благородной. Правда, она была несколько однобокой и подразумевала только сатиру, что и закрепилось в рифме-мифологеме (термин предложен А. А. Илюшиным): «сатира-Кантемира» (ср. соответственно: «Ломоносов-россов», «Сумароков-пороков»)². Эта рифма-мифологема и определила репутацию Кантемира

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 614.

² См.: Илюшин А. А. Проблема барочной поэтической антропонимии : Имя поэта и его литературная репутация // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 229—233.

в последующие века. К сожалению, образ Кантемира-сатирика почти полностью затмил Кантемира-поэта.

Почитание Кантемира-сатирика начал Третьяковский в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» 1735 г., в котором была напечатана единственная при жизни поэта строка — «из первой сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, без сомнения главнейшего и искуснейшего пииты российского».³ Перечисляя далее «авторов наиславнейших, которым надлежит подражать во всех сих родах выше помянутых поэзии», а в этот перечень вошли только иностранные авторы, Третьяковский доходит до сатиры и после латинских и французских авторов приводит имя единственного в «Новом и кратком способе» отечественного автора: «На российском: князь Антиох Дмитриевич Кантемир, которого первый стих, из первой его сатиры, часто предлагаем был в правилах моих примером нашего эксаметра. <...> При том же и сие мне к тому дало повод, то есть дабы чрез сию перемену объявить оному благородному и никогда между нашими, нынешними и будущими, пиитами в памяти умереть не имеющему автору, что коль чрез малую перемену и легкий способ можно из старых наших стихов новые сделать, буде он благоволяет еще когда забаву иметь, для препровождения своего времени, в сложении стихов, и буде высокие, к тому ж и важные упражнения и дела (которые острой его прозорливости и бодрому попечению, при дворе великобританском в характере полномочного министра ныне вверены) к тому его допускают».⁴ Так Третьяковский начал строительство русского Парнаса, поместив в него Кантемира — «в памяти умереть не имеющему автору».

Укреплению репутации Кантемира способствовали, конечно, и переводы его сатир, появившиеся еще при жизни. Как кажется, ни одного русского поэта до Державина столько не переводили на иностранные языки. Русский дипломат Александр Вешняков писал Кантемиру 26 ноября 1732 г. из Константинополя в Лондон: «Я получил несколько Ваших прекрасных произведений, дорогой князь, и даже кое-что перевел, как мог, на французский язык по просьбе одного из Ваших друзей».⁵ Полгода спустя, в письме от 21 мая 1733 г., Вешняков извещает Кантемира о том, что он подготовил прозаический перевод «первыя <...> сатиры» Кантемира:

³ Третьяковский В. К. Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 370.

⁴ Там же. С. 418—419.

⁵ Grasshoff H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa : Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literatur und Kunst. Berlin, 1966. S. 280.

«С нетерпеливостью буду ожидать знаков вашей ко мне милости присылкою стихов, я же с радостию бы прислал перевод первыя вашей сатиры, но имянно, милостивой государь мой, время не допустило переписать, однако ж с доброю оказиею, повинуюсь повелению вашему, я исполнить не премину». ⁶ В 1740 г. Г. Н. Теплов перевел с русского на латынь несколько сатир Кантемира, ⁷ а сам Кантемир (видимо, с помощью аббата Гуаско) перевел свои сатиры на итальянский язык — все эти переводы не сохранились. Зато были опубликованы переводы на французский и немецкий языки, причем амстердамское и берлинское издания были выполнены по заказу из России. ⁸ Наконец, в 1772 г. появился перевод 6-й сатиры на польский язык, выполненный с французского языка. ⁹ Неудивительно, что в 1760 г. И. Х. Готшед признал Кантемира основателем русского Парнаса. ¹⁰ Примечательна и обратная связь. В России сатиры Кантемира впервые были напечатаны лишь в 1762 г., причем необходимость их издания обосновывалась и тем обстоятельством, что «Кантемировы сочинения на разных языках давно уже в свет изданы». ¹¹

Исключительно почтительное отношение Третьяковского к Кантемиру в «Новом и кратком способе» говорит о том, что Кантемир, имея от роду всего 26 лет, был объявлен поэтом, заслуживающим подражания. И Кантемир был счастлив в подражателях еще при жизни. В 1730—1760-х гг. разными авторами были написаны три сатиры в подражание Кантемиру. Это сатира «На состояние сего света. К Солнцу». Здесь подражание Кантемиру наиболее очевидно, поскольку она была даже включена в корпус его сочинений. ¹² Две другие сатиры, обнаруженные и опубликованные в 1928 г. В. Н. Перетцом, «Сатира на скупого человека» и «Descriptio

⁶ Майков Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903. С. 21.

⁷ См.: Евгений (Болховитинов). Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 2. С. 207.

⁸ См.: Грассгоф Х. Первые переводы сатир А. Д. Кантемира // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 101—111; Копанев Н. А. О первых изданиях сатир А. Кантемира // XVIII век : Русская литература XVIII в. в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. Сб. 15. С. 140—154.

⁹ См.: Николаев С. И. А. Кантемир в польском журнале XVIII в. // Русская литература. 1993. № 3. С. 64—65.

¹⁰ См.: Gottsched J. Ch. Handlexikon oder Kurzgefasstes Wörterbuch der schönen Wissenschaften und freyen Künste / Hrsg. J. Christoph. Hildesheim; New York, 1970. Sp. 329—330.

¹¹ Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 656.

¹² См.: Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 181—189; Муравьева Л. Р. Проблема т. н. «девятой» сатиры А. Д. Кантемира // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 153—178; Калачева С. В. Кантемир и рукописная традиция :

Vaschi»,¹³ также откровенно подражают Кантемиру, а в одной есть и прямые из него заимствования. При всем исключительно искусном подражании в так называемой «девятой» сатире нет следов особого поэтического языка и стиля Кантемира («стихотворного наречия»), она написана гладко и усвоила (как и вся дальнейшая русская сатира) лишь просторечие сатирика. В этих сатирах нет привычной у Кантемира классической подкладки, а в примечаниях нет и следа блестящей и разнообразной эрудиции Кантемира. Что касается введенной в русскую поэзию системы подробных авторских примечаний к своим стихам, то можно предположить, что именно по образцу Кантемира написал обширные примечания и Петр Буслаев к своей поэме «Умозрительство душевное, описанное стихами о преселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марии Яковлевны Строгоновой», которая была написана в Москве, но издана в петербургской академической типографии в 1734 г., возможно, не без содействия Тредиаковского.

Однако столь удачно начавшиеся подражания Кантемиру к 1760-м гг. заканчиваются, несмотря на издание в 1762 г. его «Сатир и других стихотворческих сочинений», сделавшее сочинения Кантемира гораздо доступнее. Дело было не только в том, что в литературной жизни России появились новые лица — Ломоносов, Сумароков и сам Тредиаковский. Реформа русского стихосложения, которую Кантемир решительно не принял, а затем и развитие русского литературного языка привели к тому, что на фоне новой русской поэзии сатиры Кантемира могли, вероятно, производить впечатление стилистической неупорядоченности. А. С. Пушкин в черновых набросках статьи «О ничтожестве литературы русской» справедливо заметил: «Влияние Кантемира уничтожается Ломоносовым».¹⁴ Конечно, высочайший авторитет Кантемира-сатирика оставался непререкаемым, новая русская литература усвоила жанр, но не поэтический стиль Кантемира.

Неожиданный всплеск интереса к Кантемиру пришелся на первые десятилетия XIX в. Н. М. Карамзин дает блестящую характеристику его языку и чувству гармонии в «Пантеоне российских авторов» (1802), А. С. Шишков отводит его сатирам десять страниц в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (1803), а затем посвящает ему обширный очерк, опубликованный в «Чтении в Беседе любителей русского слова»

(Был ли Кантемир автором сатиры «К Солнцу. На состояние света сего»?) // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1962. № 4. С. 175—183.

¹³ См.: *Перетц В. Н.* Неизвестные подражатели кн. А. Д. Кантемира // ИОРЯС. 1928. Т. 1. № 2. С. 335—357.

¹⁴ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 494.

(1813). М. Н. Муравьев издает разговор «Гораций и князь Антиох Димитриевич Кантемир» (1810), В. А. Жуковский в том же году пишет «Критический разбор Кантемировых сатир», К. Н. Батюшков в 1819 г. пишет известный разговор «Вечер у Кантемира». О Кантемире пишут также А. Ф. Мерзляков и В. Г. Анастасевич, публикуется русский перевод биографии Кантемира, написанный аббатом Гуаско. В журналах печатаются сведения об обнаруженных рукописях поэта, дипломатические депеши Кантемира из Лондона, С. Г. Саларев публикует одно из писем, ставших позднее известными под названием «Письма о природе и человеке». Складывается впечатление, что в истории русской литературы не было двух других десятилетий столь пристального интереса к Кантемиру ведущих писателей и поэтов, публиковавших свои размышления и разыскания в самых разных журналах. Кантемир становится *arbiter elegantiarum* и, что важно для нашей темы, «Российских стран Горацием» и признанным горацианцем, особенно это чувствуется в разговоре Муравьева. Венчает эту череду публикаций статья Белинского 1845 г., в которой он признавался: «Развернуть изредка старика Кантемира и прочесть которую-нибудь из его сатир есть истинное наслаждение. По крайней мере для меня гораздо легче и приятнее читать сатиры Кантемира, нежели громозвучные оды Ломоносова, поэмы Хераскова и даже многие оды Державина. <...> от всех этих од и поэм можно заснуть, а от сатир Кантемира проснуться».¹⁵ Здесь не лишне напомнить, что «старик Кантемир» не дожил и до 35 лет.

Обилие литературно-критических материалов о Кантемире в начале XIX в. вызвало и стихотворные подражания. В 1805 г. в журнале «Московский курьер» было опубликовано анонимное стихотворение «Пилигримы» с примечанием: «Вольное переложение 6-й сатиры князя Антиоха Кантемира»:

Лишь тот блажен в сем бурном свете
И счастлив участью своей,
Не езда кто в золотой карете
И не увеча лошадей,
Достатком средственным доволен,
От мыслей суетных уволен,
И добродетель возлюбя —
Ее законы исполняет,
С веселием на смерть взирает,
Чтет счастливым в бедах себя.¹⁶

¹⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 633—634.

¹⁶ *N. N.* Пилигримы. («Лишь тот блажен в сем бурном свете...»): Вольное переложение 6-й сатиры князя Антиоха Кантемира // Московский курьер. 1805. Ч. 1. № 21. С. 321—335.

Неизвестный автор, подписавшийся буквами N. N., выбрал для переложения самую горацианскую по характеру сатиру Кантемира. Но надо признать, что это чересчур вольное переложение: в нем 400 стихов против 162 у Кантемира. Лишь в самом начале в процитированном отрывке можно при сравнении заметить следы подлинника, а затем автор удаляется от Кантемира и если бы не примечание, то угадать, что автор перелагает Кантемира, было бы сложно. Но важнее другое: при переложении силлабического стиха в 4-стопный ямб «стихотворное наречие» Кантемира пропадает начисто.¹⁷

Следующее подражание вышло из-под пера поэта-самоучки Е. И. Алипанова и вошло в его книгу «Стихотворения крестьянина Егора Алипанова» (1830). Это был «Отрывок из послания в сатирическом роде, подражание ямбами сатире Кантемира, написанной экзаметрами»:

Почтенный гражданин, приятель дорогой,
Ты страсти одолев — обрел себе покой,
И обществу всему соделался полезным,
Семейству и друзьям, и ближним стал любезным.
Ты доброю душой порочных посрамил,
Возвысил род простой, путь к чести проложил,
Не ропщешь на судьбу, хоть в бедном положении,
Терпение хранишь в напастьях и гоненьях.¹⁸

Такими унылыми стихами написано все небольшое послание, завершающееся банальным восклицанием:

Так недовольны мы, но где бы нам не жить,
Хлопот не миновать, заботы не избыть.
Везде есть трудности, где ищем мы блаженства,
Ах! видно не найти в сей жизни совершенства.

Известно, что Алипанов был по преимуществу имитатором литературных образцов. Скорее всего, он даже и не обращался к изданию сочинений Кантемира, а воспользовался 5-й сатирой поэта, процитированной Шишковым в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» 1803 г.

¹⁷ См.: Николаев С. И. 1) Трудный Кантемир : (Стилистическая структура и критика текста) // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 3—14; 2) «Сродный порядок слов» в поэтическом синтаксисе А. Кантемира // *Natales grate numeras?* : Сб. статей к 60-летию Г. А. Левинтона. СПб., 2008. С. 409—413.

¹⁸ Алипанов Е. Стихотворения. СПб., 1830. С. 35.

Единственный, кажется, случай подражания не сатирам Кантемира отыскивается у А. Е. Измайлова, который в 1818 г. напечатал в «Благонамеренном» эпиграмму:

Послушаешь одних, так очень глуп Мирон;
Другие говорят: умен!
Кому же верить должно?
Не лжет ли кто-нибудь? — Никак!
Когда Мирон молчит, его счесть умным можно;
Заговорит — дурак!

К эпиграмме автор сделал примечание: «Каюсь пред всеми в грехе: эта эпиграмма украдена мною у покойного князя А. Д. Кантемира. Вот оригинал» и далее Измайлов привел по изданию 1762 г. эпиграмму «На Брута».¹⁹

Представляется, что приведенные подражания подтверждают уже сказанное — при попытке перевести Кантемира из силлабического стихосложения в силлаботоническое пропадает все очарование поэзии Кантемира. Складывается впечатление, что поэты XIX в. не подражают его стихам, а перелагают в ямбы авторские прозаические объяснительные примечания к сатирам, остается только сама тема сатиры, а между тем эти темы присущи всей истории жанра.²⁰

Несмотря на замечательный отзыв Белинского, во второй половине XIX в. чтение Кантемира постепенно переходит в университетскую и академическую ученую среду. Он становится просто классиком. Его издают и изучают, но живого интереса, сравнимого с двумя первыми десятилетиями XIX в., он не вызывает. После научного издания сочинений Кантемира под редакцией П. А. Ефремова (1867—1868) стихи Кантемира особо и не печатаются. Кантемир-сатирик затмил Кантемира-поэта и не вызывал особого научного интереса. Так, Г. А. Гуковский в своей книге «Русская поэзия XVIII века» (1927) не отвел отдельной главы для Кантемира (а также для Тредиаковского), да и в его учебнике 1939 г. главу «Кантемир. Тредиаковский» написал Л. В. Пумпянский. Гуковский, разумеется, прекрасно знал Кантемира, но он был ему, видимо, не интересен либо слишком понятен. Возможно, имело значение в данном случае и то обстоятельство, что Кантемир не принимал непосредственного участия в русской литературной жизни и литературных полемиках.

¹⁹ Благонамеренный. 1818. Ч. 4. № 12. С. 273. Ср.: Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Л., 1959. С. 371—372, 700.

²⁰ Ср.: Щеглов Ю. К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб., 2004.

Приведу два случайных примера из литературы уже второй половины XX в. В неизвестном романе одиозного в интеллигентской среде писателя Ивана Шевцова «Во имя отца и сына» (1970) в заводском Дворце культуры выступают молодые поэты Артур Воздвиженский и Новелла Капарулина. Во время выступления этих поэтов, прототипы которых легко угадываются, положительный герой романа Саша «дурашливо вполголоса проговорил» соседям: «Антигром, „Анти-Дюринг“, антилопа, антимир, Антиох Кантемир».²¹ Нет сомнения, что имя поэта XVIII в. вставлено тут (и не только для рифмы!) в ряд туманных, непостижимых и даже сомнительных понятий. Но не лучше обстояло дело с пониманием Кантемира и в другом лагере. Во второй половине 1970—начале 1980-х гг. Лев Лосев, видимо уже в эмиграции, написал небольшой цикл «Выписки из русской поэзии», куда вошли главки — «Кн. Шаховской-Харя, Полоцкий Симеон, Евстратий, Козанский 2-й, Кантемир (Молдавия), Андрей Белобоцкий, Кантемир (Петербург), Петров, Батюшков, Пушкин». Цикл вошел в книгу «Чудесный десант» (1985). Кантемир упомянут тут даже дважды. Главка «Кантемир (Молдавия)» не очень интересна и не совсем понятно, имеет ли она отношение к Антиоху Кантемиру, а вот главка «Кантемир (Петербург)»:

Не натопить холодного дворца.
Имея харю назамен лица,
дурак-лакей шагает, точно цапля,
жемчужна на носу повисла капля.
В покоях вонь: то кухня, то сортир.
Ах, невозможно не писать сатир.²²

Материал, конечно, невелик, но трудно избавиться от впечатления, что автору Кантемир не интересен — это просто имя в хронологическом ряду русских поэтов и, безусловно, память о рифме-мифологеме «сатира—Кантемира».

Тем не менее как раз 60-е гг. XX в. дали, как кажется, лучшие подражания Кантемиру. Это стихи И. Бродского «Подражание сатирам, сочиненным Кантемиром. На объективность» (1966)²³ и послание «К стихам» (1967).²⁴ Особенно удачным представляется второе стихотворение, с эпиграфом из Кантемира:

²¹ Шевцов И. Во имя отца и сына. М., 1970. С. 112.

²² Лосев Л. Стихотворения из четырех книг. СПб., 1999. С. 47.

²³ См.: Бродский И. Сочинения. СПб., 1992. Т. 2. С. 7—10.

²⁴ Там же. С. 39; Бродский И. Стихотворения и поэмы. СПб., 2011. Т. 1. С. 186.

Не хотите спать в столе. Прытко
возражаете: «Быв здраву,
корчиться в земле суть пытка».
Отпускаю вас. А что ж? Праву
на свободу возражать — грех.
Мне же хватит и других — здесь, мыслью,
не стихов — грехов. Все реже
сочиняю вас. Да вот, кислу
мину позабыл аж даве
сделать на вопрос «Как вирши?
Прибавляете лучей к славе?»
Прибавляю, говорю. Вы же
оставляете меня. Что ж! Дай вам
Бог того, что мне ждать поздно.
Счастья, мыслью я. Даром,
что я сам вас сотворил. Розно
с вами мы пойдем: вы — к людям,
я — туда, где все будем.

До свидания, стихи. В час добрый.
Не боюсь за вас; есть средство
вам перенести путь долгий:
милые стихи, в вас сердце
я свое вложил. Коль в Лету
канет, то скорбеть мне перву.
Но из двух оправ — я эту
смело предпочел сему перлу.
Вы и краше и добрей. Вы тверже
тела моего. Вы проще
горьких моих дум — что тоже
много вам придаст сил, мощи.
Будут за всё то вас, верю,
более любить, чем ноне
вашего творца. Все двери
настежь будут вам всегда. Но не
грустно эдак мне слыть нищу:
я войду в одне, вы — в тыщу.

Несомненная удача этого подражания-стилизации заключается не только в некоторой лексической архаизации и не очень привычном размере (хорей с нарушениями метрической схемы). Бродский неоднократно среди близких ему поэтов называл Кантемира,²⁵ что вообще-то является большой редкостью, если не

²⁵ См.: *Вайль П., Генис А.* В окрестностях Бродского // Литературное обозрение. 1990. № 8. С. 27; *Ранчин А. М.* Иосиф Бродский и русская поэзия XVIII—

исключением для поэтов XX в. Думается, что эту близость можно пояснить двумя обстоятельствами. Во-первых, оба они — гора-цианцы, что в случае стихотворения «К стихам» особенно важно, поскольку Кантемир сам указал свой образец — «Письмо сие сочинено в Париже в начале 1743 году в подражание двадцатого письма Орачиева, книги I». Во-вторых, «стихотворное наречие» Кантемира также близко Бродскому, в том числе межстиховые переносы или инверсии. Рассматривая концепцию затрудненной поэтической речи в истории русской поэзии, В. А. Кузнецов возводит особенности поэтического синтаксиса Бродского к поэтической практике Третьяковского,²⁶ между тем родоначальником этой концепции является как раз Кантемир, который последовательно и вместе с тем очень рационально воплотил ее во второй редакции сатир. Таким образом, представляется, что и в современной поэзии подражания Кантемиру, пусть только сатирам, вполне возможны. Но при соблюдении двух условий — гора-цианского подхода к предмету изображения и воплощению доступными средствами поэтического синтаксиса Кантемира.²⁷

И последнее — всем крупным русским поэтам XVIII в. не только подражали, но и пародировали их: и Ломоносова, и Третьяковского, и Сумарокова и других, в том числе и после смерти, причем пародировали иногда зло и жестоко. Кантемиру же только подражали, более или менее удачно, а вот пародии на него неизвестны.²⁸ Над причинами такой избирательности стоит задуматься, но не последнюю роль в этом сыграло его благородство, как поэта, так и человека.

XX веков. М., 2001. С. 99; Лосев Л. Иосиф Бродский : Опыт литературной биографии. М., 2008. С. 44, 113; Бродский И. Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 488.

²⁶ См.: Кузнецов В. А. И. Бродский и риторическая традиция русской поэзии XVIII—XX вв. // Онтология стиха : Памяти В. Е. Холшевникова. СПб., 2000. С. 312—328.

²⁷ Возможны и неожиданные решения. С 2010 г. рок-группа «Отцы и дети», в которую входят преподаватели и студенты Псковского государственного педагогического университета, исполняет на своих концертах композицию «Уме недозрелый (песня двоечника)». Песня (4 четверостишия и припев) составлена из стихов первой сатиры Кантемира. Текст Кантемира несколько отредактирован для лучшего восприятия на слух. Этими сведениями и текстом песни я обязан любезности участницы рок-группы проф. Т. Г. Никитиной (Псков).

²⁸ См.: Мнимая поэзия: Материалы по истории поэтической пародии XVIII и XIX вв. М.; Л., 1931; Русская стихотворная пародия (XVIII—начало XX в.). Л., 1960.

ПУБЛИКАЦИИ

С. И. НИКОЛАЕВ

РУССКАЯ ИДИЛЛИЯ 1750-х ГОДОВ

(Новые материалы)

История русской классицистической пасторальной поэзии начинается в середине 1750-х гг., как показал в своей монографии «Пасторальная поэзия русского классицизма» И. Клейн.¹ В 1750-е гг. в печати появилось всего 7 любовных идиллий, в 1760-е — 16.² Первыми были опубликованы идиллии А. Сумарокова и В. Тредиаковского, затем появились идиллии М. Хераскова и А. Ржевского. Первые публикации, особенно сумароковские, дали образцы нового жанра, которые вызвали и подражания во второй половине века. Новый и довольно обширный материал к истории любовной идиллии в самом начале ее появления в русской поэзии дает рукописный сборник 1750-х гг. из собрания Российской национальной библиотеки.³

Рукописный сборник анонимных «Идиллий» (название вытеснено на корешке переплета рукописи) уверенно датируется второй половиной 1750-х гг. не только по филиграну и внешнему виду. Первоначально сборник идиллий составлял одну рукопись с другим произведением — «История о Зелиме и Дамазине, писана 1756 года, апреля».⁴ Эта повесть, переведенная с французского

¹ См.: Клейн И. Пасторальная поэзия русского классицизма // Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII в. М., 2005. С. 19—215.

² См.: Там же. С. 86, 204—205.

³ См.: РНБ. Q.XIV.18, 103 л. Филигрань: Pro Patria, см.: Uchastkina Z. V. A History of Russian Hand Paper-mills and their Watermarks. Hilversum, 1962. № 696 = 1757 г. Всего в рукописи 13 тетрадей по 8 листов в каждой, все тетради пронумерованы от 1 до 13. В рукописи постраничная пагинация, к ней и даются отсылки в данной статье. В рукописи пронумерована каждая пятая стихотворная строчка.

⁴ См. описание рукописи: Строев П. Второе прибавление к описанию славяно-российских рукописей <...> графа Федора Андреевича Толстого. М., 1827.

языка, известна в двух списках,⁵ а в 1761 г. перевод повести появился в печати.⁶

Всего в рукописи 25 произведений, общий объем стихотворных строк — 4072. Открывается сборник драматической идиллией «Даметас, Дафнида» (599 строк), остальные 24 идиллии насчитывают от 72 до 400 строк, средний объем — около 90 строк. Таким образом, только один этот рукописный сборник по объему превосходит все идиллии, опубликованные в журналах 1750—1760-х гг.

Во многом рукописные идиллии сходны с известными идиллиями Сумарокова, Хераскова или Ржевского. Все действие идиллий разворачивается в условно-литературной Аркадии, которая никак не конкретизируется. Персонажи носят типичные пасторальные имена (за одним исключением), известные по античной или новоевропейской пасторальной поэзии или стилизованные под них — Дафнида, Тирсис, Сильвий и Сильвия, Доринда, Тирсандр, Флориза, Лицида, Филамендр, Дорант, Целимена и подобные. Совпадает и главная тема идиллий — любовные терзания и сетования на любовные неудачи и разочарования. Тем более заметно одно важное отличие. Известные нам по журнальным публикациям идиллии середины XVIII в. — это по преимуществу лирический монолог, тогда как рукописные идиллии — всегда диалог, без пейзажных зарисовок и авторских вступлений, причем реплика героя может быть в одну строку, а в редких случаях она занимает и половину строки. Это, безусловно, придает идиллиям из рукописного сборника динамизм, хотя, разумеется, некоторые реплики являются развернутым лирическим монологом. Вот пример подобного диалога:

М а р и а н н а

Кто здесь есть Даметас?

Д а м е т а с

Я. А что вам надо?

С. 76. В настоящее время этот список повести хранится в РНБ, шифр: Q.XV.6. Возможно, обе рукописи разделил П. М. Строев, в распоряжении которого долгое время находилось собрание Ф. А. Толстого. О подобных случаях в работе Строева с рукописями см.: *Уо Д. К. К* изучению истории рукописного собрания П. М. Строева // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 201.

⁵ См.: *Пытин А. Н.* Для любителей книжной старины : Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII в. М., 1888. С. 26—27.

⁶ См.: *Ле Живр де Ришбург.* Селим и Дамасина: Африканская повесть / Переведена с французского [И. И. Акимовым]. СПб., 1761. (СК 3563).

М а р и а н н а

Я, тебя сыскавши, это очень рада.
Подь сюда, пожалуй, я хочю открыти,
что тебе велели здесь чтоб объявити.
Знаешь ты Дафниду? Та тя будет ждати
там, где сам ты хочешь оной приказати,
Для тово, что хочет там преговорити,
что не может больше от тебя таити.
И она крушится, ты что презираешь
и любовна пламя к ней не ощущаешь.
Что велишь в ответ ей от себя сказати
и чтобы та знала, где тебя ей ждати?

Д а м е т а с

Сам теперь не знаю, место где избрати,
чтоб нам не мешали с нею побывати.
А, вот объяви ей, чтобы дожидала
меня на том же месте, прежде где видала.
Больше ныне нету ей мне приказати,
лишь изволь вот только от меня сказати.

(С. 7—8)

Другая важная особенность рукописных идиллий заключается в их языке. В целом писатели XVIII в. были согласны в том, что язык пасторальной поэзии должен ассоциироваться с разговорной речью, но это должна быть речь образованного дворянства, «приятная» и «изящная».⁷ Язык рукописных идиллий более пестрый, в нем много просторечных слов и выражений, свойственных даже не литературной песне, имеющей с идиллией много общего, а любовной лирике первой половины XVIII в., в которой вырабатывался «любовный жаргон» литературы Нового времени.⁸ Вот примеры таких выражений: «И не слышишь бедна мово сердца стону» (С. 33), «Вон там за дарошкой, фу! сколько цветочков» (С. 31); многочисленные восклицания «ах» и «ох»: «Здешни все забавы, ах! уничтожаешь» (С. 1), «Чювство с смыслом в грусти, ах! окаменело» (С. 1), «Все, ах! элементы против мя воюют» (С. 165), «Но по всей хвале, ах! лишь слова теряя» (С. 170), «Зделали без чювства мя, ах! и без мочи» (С. 5), «Мнится, всио противу мя, ах! востаает» (С. 20), «Ой, Дафнида, друг мой, ты меня очами» (С. 6); многократно встречаются частицы «вить», «чай», «лих»: «Здесь бы, чай, тебе что веселее было» (С. 3), «Мо-

⁷ См.: *Клейн И.* Пасторальная поэзия русского классицизма. С. 52—55, 200.

⁸ См.: *Перетц В. Н.* Очерки по истории поэтического стиля в России : (Эпоха Петра Великого и начало XVIII столетия). СПб., 1905—1907. Вып. 1—8.

жешь вить и кроме жизни одинакой» (С. 3), «Я ей говорил: вить ты не замочила» (С. 4), «Лих за то сердита ты, что разлучаешь» (С. 21), «Но лих мне богиня та сладчае мнится» (С. 23), «Лих чрез поцелуи сердце пуще тает» (С. 29), «Вось либо увидя, будет мя любити» (С. 40), «Ин прости, драгая, мя коль презираешь» (С. 12), «Ин бы ты в сей речке, моясь, простудилась» (С. 17) и т. д. Обращения возлюбленных друг к другу и характеристики вновь напоминают лексику любовных песен первой половины века: «дружочик» (С. 6), «мой светик» (С. 5), «светик мой» (С. 2), «свет мой» (С. 141), «щочки дарагие» (С. 5), «губки дарагие — факалы горящи» (С. 29), «жар зельны» (С. 29) и т. д. Встречаются, наконец, и вовсе неизвестные словарям лексемы, например «незговорность» (С. 13) или «незговорна» (С. 27).

Для классицистической идиллии характерна логическая точность, ясность и краткость.⁹ Синтаксис идиллий рукописного сборника более архаичен, вот примеры:

Я тогда драгие горки зря, весь тает
и в тот час згорит что, я всю сердце чаел.
(С. 5)

Что тебе сказал он? Хочет ли он быти
Иль так и не знает всю, что он любити.
(С. 8)

Чтобы дней дражайших после не жалети,
Их когда возвратно уж нельзя имети.
(С. 15)

Не кажи, что был здесь, никому и вида.
(С. 16)

Очи без драгова мнятся сиротеют,
Светлы дни пред глазами без нево темнеют.
(С. 24)

Страсть, о беспокойна! о! за что терзаешь!
(С. 24)

Будь владетель всей мя, о плен! о победа!
(С. 152)

⁹ См.: *Клейн И.* Пасторальная поэзия русского классицизма. С. 67.

Встречается в тексте и двойственное число («Дианна з двумя нимфами», С. 23). Перечисленные лексико-синтаксические особенности позволяют, как кажется, отнести неизвестного автора скорее к школе Трелиаковского, чем Сумарокова. Нумерация стихов в рукописи также напоминает о манере Кантемира или Трелиаковского. Здесь уместно отметить, что большая часть идиллий написана хореическими стихами, хотя встречаются и ямбические, а также нерифмованные идиллии.

Рукопись идиллий представляет собой список, вероятно, с оригинала. Об этом говорят, например, оставленные в середине нескольких строк места, которые копиист, видимо, не разобрал. В нескольких местах отдельные строки или имена героев вписаны между строк. Если неизвестный автор был не только талантливым, но и книжным человеком, о чем говорит хотя бы и нумерация стихов, то переписчик явно уступал ему во всем. Рукопись написана довольно небрежным почерком, в ней почти отсутствует пунктуация, а орфография не выдерживает никакой критики. Создается впечатление, что копиист проговаривал переписываемый текст и записывал его со своего голоса, отсюда такие написания как «адной», «нада», «дарагая», «вадой», «немношко», «табой», «жжошь», «растоватся», «друк», «для чово отшодчи», «разы» (т. е. розы) и т. д. Копиист был поклонником буквы э и иногда переправлял уже написанную им е на э. Замечательный пример — слово «эщо». Некоторые написания вызывают оторопь — «тресилны Ёвиш», при этом в том же самом тексте встречается «Юпитер». К сожалению, характер рукописной копии несколько затрудняет издание идиллий.

Один из важнейших вопросов, который возникает при чтении идиллий, касается их происхождения: это перевод или оригинальное русское сочинение? А если это подражание, то какому автору — иностранному или русскому? Совершенно очевидно, что автор был знаком с пасторальной поэзией, и не только с русскими образцами, поскольку таковых почти и не было во второй половине 1750-х гг. Просмотр ряда изданий идиллий первой половины века (Ж. Р. де Сегре, А. У. де Ла Мотта, Б. Фонтенеля и некоторых других) пока не позволил выявить вероятный иноязычный оригинал, но возможность его последующего обнаружения вовсе не исключена. Не помогает делу и лексика — лексический состав идиллий довольно ограничен, а отдельные слова, например «элементы» или «шляпа», мало помогают. Двустиишие

Вяньте, вяньте, розы, вяньте, фиолеты,
Уж из вас не стану я вязать пукеты

(С. 19)

могло бы указывать на французский язык, но с тем же успехом и на немецкий. А ориентация автора на еще не устоявшийся язык первой половины XVIII в. не позволяет твердо опираться на этимологический анализ этих слов. Дважды в рукописи встречается словосочетание «без руля и мачты» (С. 24, 42), но в русском языке XVIII в. еще не было такого устоявшегося фразеологизма, утвердился он позднее и в другой форме, а соответствия ему найдутся в нескольких европейских языках. Таким образом, вопрос о возможном иностранном источнике пока остается открытым. Нельзя исключать, что это русское подражание популярному жанру пасторальной поэзии. Уже упоминалось, что одно имя героини не повторяет традиционных пасторальных имен. Это имя — Катенька из идиллии «Пастух и Катя», которая публикуется в Приложении 2. Вот начало идиллии:

П а с т у х

Подь сюда с гор, светик, Катя дорогая,
Я уж весь растаял, на тебя взирая;
Вить забав не только, чтоб плести веночки
С зеленью и с розы, с лавровы листочки.
Что ты чрез цветочки, светик, украсился,
Коль без всех убранств мой светик лутче зрится.
Красота довольно всех прикрас вложила,
Ничево, даря тя, та не позабыла.

Разумеется, и для этой идиллии со временем может быть обнаружен иностранный источник, тем не менее на данном этапе позволительно предположить, что сборник идиллий является оригинальным русским сочинением, написанным в подражание очень популярному в середине XVIII в. пасторальному жанру.

Вводимый в научный оборот сборник идиллий обладает несомненно большим историко-литературным значением. В частности, он показывает, что у пасторальной поэзии могло быть и еще одно стилистическое и языковое обличье. Однако дальнейшее развитие русской идиллии показало, что верх одержало сумароковское решение жанровых и стилистических задач нового жанра.

В Приложении 1 публикуется состав сборника с указанием количества стихов в каждом произведении и приведением первых четырех строк; в Приложении 2 публикуются три идиллии. В Приложении 1 тексты приведены с сохранением орфографии и пунктуации рукописи, в Приложении 2 орфография и пунктуация модернизированы.

1) С. 1—32: «Даметас, Дафнида». Акт 1, сцена 1—7 (415 ст.);
Акт 2, сцена 1—3 (184 ст.).

Что в тебе я вижу за премену злую,
Чем напала смута чрез беду какую.
Больше на свирелке ты уж не играешь,
Здешни все забавы ах уничтожаешь.

2) С. 33—47: «Силвий, Доринда», 300 ст.

Предражайший Силвий пастушок любезны
Что тебе друг рощи мнятся столь полезны
Что любви не знаешь ни еио закону
И не слышишь бедна мово сердца стону.

3) С. 47—67: «Флоринд и Силвия», 400 ст.

Ночи тма злым зверям волю даровала
Близ коль стад бродити оным позволяла
Те когда чрез эту волность тут бродили
И Флоринда с стадом здесь не позабыли.

4) С. 67—84: «Тирсандр, Дорис», 350 ст.

При Парнасе саном (*так!*) тут где музы жили
Пред горой фантаны всею силой били.
А прекрасны рощи близ лугов лежали
И места к забавам оны украшали.

5) С. 84—98: «Атис и Долиза», 250 ст.

Ах ----- где мой Атис делся,
Чем пред глазами свет мой ах увы затмелся,
Дарагая радость где тебя сыскати,
Свет мой или в веки болше не видати.

6) С. 98—110: «Касандер, Флориза», 262 ст.

О премена злая ты мой смысл затмила
Волю ах в неволю сладку пременила
Ах но что за сладость я коль рыдаю
Младость красность с жизнью тою проклинаю.

7) С. 111—119: «Клиран и Милитена», 136 ст. + 3 строфы по
7 ст.

Смолкни смолкни эхо плач мой повторяти
И стишись на час хоть друга поминати

И не отзывай мне имя предрагое
А когда ты хочешь так тверди другое.

8) С. 119—126: «Филамендер и Дарена», 150 ст.

Громы с молнии ветры стада пробежали
Дожди лить пресилны на землю престали
Прежде красно время уже наступило
Небо цвет всегдашний ясны получило.

9) С. 127—132: «Лицыда и Риса», 110 ст.

Стихла как натура где не слышно стало
Шуму треску грому никому нимало
Тьма когда всю землю черностью покрыла
А в красе звездами ту луна затмила.

10) С. 133—137: «Меналкас, Аминта», 92 ст.

Очень было грусно мысль когда скучала
Пастуху бродящу с самого начала
А чрез что те грусти к сердцу приходили
Ах и сам не ведал но лишь слязды лили.

11) С. 137—142: «Дорант, Елидора», 92 ст.

Море с полунощных ветров зашумело
И волнуня страшно всуды посинело
Волны от пагоды на брега плескались
Чем в луга патоки быстры проливались.

12) С. 142—147: «Ежина, Рампита», 92 ст.

Скажи притчину мне зачем сюда зашла
Иль ты лутче мест сих пасть овцы не нашла
Здесь рощей нет вблизи хороших нет цветов;
Не знать опричь нигде претиомных здесь лесов.

13) С. 147—152: «Пастух и Катя», 114 ст.

Подь сюда с гор светик Катя дорогая
Я уж весь растаял на тебя взирая
Вить забав не толко чтоб плести веночки
С зеленью и с розы с лавровы листочки.

14) С. 152—156: «Терезиана», 72 ст.

Лучи светлы солнца свет опять достали
Овцы стада вместе все теперь збежали

Красно солнце уже за леса садится
А пастух пред глазами мой еще не зрится.

15) С. 156—160: «Лисандер и Целимена», 92 ст.

Тмись о небо тмися солнце тмись с звездами
Померкай день, красны будь равен с ночами
Засыхайте рощи и лужайки чисты
Свянте вы о розы и лавровы листы.

16) С. 160—165: «Эраст и Флора», 92 ст.

В красной день как солнце за леса садилось
И когда приятство верх чрез красны зрилось
Воздух на светлом через ясны лучи
Зрит что не мешали чрез помехи тучи.

17) С. 165—169: «Клоринд и Луция», 92 ст.

Все ах элементы против мя воюют
Члены от нападку их столь зла горюют
Солнце зрю с лучами тмою помрачено
Сердце вижу в грусти Луции лишено.

18) С. 170—175: «Палемос, Исмена», 114 ст.

Палемос с любовью весь горя к Исмене
Ту не мог привести никак к любви премене
Жизнь пастушью сладку оной похваляя
Но по всей хвале ах лишь слова теряя.

19) С. 175—180: «Целериана», 110 ст.

Переменились нравы вдруг Целерианы
От жестокой в сердце данной бедной раны
Рощи и истоки уж не милы стали
Нужды нет во овцах ей хоть бы все пропали.

20) С. 180—184: «Флоринд и Силвия», 86 ст.

Плачте лесы рощи о моей злой части
И луга зелены видя мя в напасти
Плачте горы рощи плачте овцы стада
Радости забавы болше мне не нада.

21) С. 184—188: «Дамон и Клара», 90 ст.

Не надейся друг мой на мою столь слабость
И не разгайся попущаясь в сладость

Хоть шути знай меру не чини безстыдно
И старайся мне чтоб не было обидно.

22) С. 189—192: «Леандер и Клеренема», 70 ст.

Три дни миновались и миную скуке
Как Леандр с драгою мучился в разлуке
Разделились стады не пасущи вскоре
Зря себя лишенных пастушка в злом горе.

23) С. 192—196: «Пимант», 92 ст.

Дафнида, Элиза с ними и Филиса
При вечере вышли взяв с собой Исмену
В рощицы играти зеленью убравшись
Как роса на землю ту мочить спадала.

24) С. 197—200: (без названия), 80 ст.

О Миртилло друг мой друг душа любезна
Ты коли бы ведал Амарилла слезна
Жар какой имеет в сердце к тебе тая
Позабыл бы звать ту жестокость называя.

25) С. 200—205: (без названия), 114 ст.

Бедной Тирсис как лежал под дубом высоким
Что прекрасно там стоял над ручьом глубоким
Вода чистая текла на берега плескаясь
И с слезами всио ево вместе съединялась.

Приложение 2

ПАСТУХ И КАТЯ

П а с т у х

Подь сюда с гор, светик, Катя дорогая,
Я уж весь растаял, на тебя взирая;
Вить забав не только, чтоб плести веночки
С зеленью и с розы, с лавровы листочки.
Что ты чрез цветочки, светик, украсился,
Коль без всех убранств мой светик лучше зрился.
Красота довольно всех прикрас вложила,
Ничего, даря тя, та не позабыла.
Смотришь ли на руки — в оных мысли зрятся
Взглянешь ли на щеки — розы тем красятся.
На приятны очи, что уж и с глазами

И без глаз, коль в сердце с гор перят стрелами.
Что, мой свет, играешь, нудя сердцу тлеться?
А сама не хочешь, Катя, и ожечься?
Светик, или дале побеги за горы,
Иль сяды ступени с гор друг сделай споры.
Издали смотреть мне, только разгораться,
Видючи красотку, с нею мне не зняться.

К а т я

Перестань манить мя ты в свои, друг, сети,
А коль ты пронзаю, перестань смотрети.
Я тебя не нужу, ты чтоб разгорался,
И пойми сетьми, чтобы оплетался.
А когда охота есть, чтобы любиться,
Инь любись с другою, хочет.кто пленится.
Мне мнить о любви кажется ужасно,
Не стремись склонять мя, право, все напрасно.
Лучше плеть венки мне, нежели любиться,
Не хочу и думать, вами чтоб лишиться.
И чтобы всечасно сердце трепетало,
Таючи в любви пленным воздыхало.
Не трудись, напрасно время в том теряя,
Я твоя¹⁰ не буду в веки дорогая.

П а с .

Катя, сжался, радость, и престань терзати,
Не страши, дружочик, нудя мя отстати.
Мне отстать не можно, ты хоть принуждаешь,
Катенька, опомнись, мя за что терзаешь?

К а т я

Я тебя терзаю? Нет, да и не буду.

П а с .

Я свирепость вижу, я твою! Откуда?

К а т я

То ль моя свирепость, в плен что не ступаю
И чрез то ли вина, что любви не знаю?
Злобствовать во веки, верь, тебе не стану,
А вить в том невинна, ты что слышишь рану.
В сердце от любви мне язвить некстати,
Я когда любви не имею знати.

¹⁰ *Испр., в ркп. твои.*

П а с .

Ты хоть и не знаешь, очи ранят¹¹ сами,
Я ж коль теми ранен, так поранен вами.
Очи, чем ты светишь, вить твои, драгая,
Так дала мне рану ты, а не иная.

К а т я

Прочь возьми рассказы, прочь из глаз скоряе,
Без тебя одной мне будет здесь миляе!
Что ты натялся (*так!*) мне, что волочь мя в сети?
Прочь из глаз скоряе и престань мя зрети!
А коли причина стала злой сей раны,
Вить целить не знаю, хоть и мной те даны.

П а с .¹²

Катенька, мой светик, хоть тебе досадно,
Что не йду прочь дале, да лих то нескладно,
Чтоб покинуть душу здесь мою с горами,
Тело жить не может без тебя полями.
Не полями дышу, а дышу тобою,
Так расстаться можно ль, светик мой, с душою?
Катя дорогая, будь не столь сердита!
Сердце вить тобою ж, друг, мое пробито.¹³
Видишь, ты мя ранишь, я уничтожаю,
Ты меня терзаешь, я, тебя зря, таю.
Рассуди, мой светик, в чем тебе я виновен?
Иль люблю что сердцем, да за то противен?

К а т я

Что с тобой мне делать, я сама не знаю,
Ах, пастух любезный, уж и я вздыхаю.
Прочь из глаз скоряе, прочь, не знай мя боле!
Ах, что отгоняю и в его¹⁴ я стала воле.
Бедная, крепися, ты чуть не склонилась,
А хоть и не склонна, да уже влюбилась.
О, любовь проклята, можно ль отступиться!
Не хочу тобою злою веселиться!
Для тебя вить сердце надобно крепчае,
А мне, бедной, вольность мнится быть миляе.
Не имея сердца, все чтобы сносило
И в кругу печалей, плача, не грустило.

¹¹ *Испр., в ркп. рань.*

¹² *Доб., в ркп. нет.*

¹³ *Испр., в ркп. пробита.*

¹⁴ *Испр., в ркп. ее.*

П а с .

Сердце коль некрепко, светик мой, имеешь,
Так скажи с упорством, что же ты медлешь.
Для любви надо сердце вить такое
Мягкое, драгое, у тебя какое.
Уж когда натура, друг, велит любиться,
Так престань, драгая Катенька, крепиться.

К а т я

Ин скажу уж вправду, что тобою пленна,
Воля уж в неволю стала переменна.
Только, друг мой, в сети я хоть и влекуся,
Лише с уговором я тобой люблюся.
Пламень крой¹⁵ весь в сердце, верен будь до гроба,
Коль сердца сплетенны стали вместе оба.

П а с .

Верь, дорогая радость, что люблю сердечно
И любить тя тайно, свет мой, буду вечно.
Лишь, драгое сердце, ты не пременяйся,
А о мне, дружок, ввек не сомневайся.

К а т я

Покидаю горы и иду прочь стада,
Потеряла вольность и быть пленной рада.
Уж плести не стану я цветочков боле,
Не в своей коль стала, но в пастушьей воле.
Вместо той работы есть уже другая,
Я любовью стала коль теперь иная.
Должна поцалуи сладки отбирати,
Таючи, драгова в жаре обнимати.
Свет мой, зри, твоя ли сердцем и душою,
Коль тебе сужуся я сама собою,
Будь владетель всей мя, о плен! о победа!
Для меня бы слаще дарагие меда.

П а с .

Катенька драгая, где суровость делась,
На горах очами ты с которой зрелась?
Светик мой и радость, ты уж стала пленна,
да, небось, дружок, воли не лишена.
Кем ты мнися пленна, воли отлученна?
он тобою больше зрится побежденна.
Прочь, несклонность, холод, мы теперь от жара
с Катенькой драгою стали в веки пара.

¹⁵ Испр., в ркп. край.

ЕЖИНА

Р а м п и т а

Скажи причину мне, зачем сюда зашла?
Иль ты лутче мест сих пасть овцы не нашла?
Здесь рошей нет вблизи, хороших нет цветов,
Не знать опричь нигде претемных здесь лесов.
Смотри сама — везде лишь множество болот
И смешенных с грязью стоящих мутных вод.
Не умела ль быть там, в хороших тех местах,
Ушла когда сюда пасть овцы здесь в лесах?
Оставь, оставь леса и грязи здесь покинь
И в сем младом цвету в пустынях здесь не гинь.
У нас там тьма плодов и лучшие цветы,
Так можно с нами жить иль стала ты не ты?
Когда противу всех рассудков ты и прав,
Зачала переменять веселый прежде нрав,
Послушай и поди, и вспомни в том себя,
Что ж я хочу таво, так что люблю тебя.

Е ж и н а

У вас когда мне жить, так разве сердце жечь,
От жарких мне лучей и светлых свеч
У вас меж тех цветов сгорит моя вся кровь,
Сгорит, увы, сгорит, сгорит через любовь.
А здесь меня никто не может уж прельстить,
Очам коль пастуха в лесах не можно зрить.
Не йду к вам, не хочу, вить это все обман!
И так уж тошно мне сердечных, ах! от ран.

Р а м п и т а ¹⁶

А он велел тебе, мой друг, о том сказать,
Ему свирепством что велишь там умирать.
И чем тебе он там, сказала, досадил,
Опричь тово, что ты всем сердцем он любил.

Е ж и н а

Вот то-то и обман, меня что ты зовешь,
Ах, полно говорить, ты дух мой пуще рвешь.

Р а м .

Не веришь, что ль тому, тобой что он не цел,
Не цел, поверь мне в том, от острых этих стрел.
Тоскует, рвется, верь, не знает и ночей,
Все мысля, что он стал лишен твоих очей.
Проснетя, закричит «Ежины нету здесь!»

¹⁶ пита *приписано другим почерком и другими чернилами.*

В такой же он тоске с утра и день, ах! весь.
Так можно ли престать без милости терзать
Иль больше ты его не хочешь впредь и знать?

Е ж и .

Рампита, отступись, поди, люби его,
А мне не говори об нем ты ничего.

Р а м .

Так вправду ты его не хочешь знать, любить?
И вправду знать, что тем желаешь уморить?
О, бедный ты пастух, склонить ее нельзя,
Тебе ж за всю любовь заплатит¹⁷ смертью вся.
Об чем ты залилась? Опомнись, что ти в том,
Что слышишь вести мной, а плачешь ни об нем?

Е ж и .

Рампита, отступись, престань мне сердце рвать!
А плачу я об чем, ты можешь ли узнать?
Поди, скажи теперь ты другу своему,
Чтоб плакать перестал, вить слезы те к чему?
Когда не можно мне ему в том пособить,
Причину ж ты скажи, не смею что любить.

Р а м .

Сказать то знаю лзя, но только знай совсем,
Что он услыша мной, отойдет в вечностем. (*так!*)

Е ж и н а

Мне нужды в этом нет, поди ты, откажи,
И чтобы без меня он жил, ему скажи.

Р а м .

Так вправду это так, что ты велишь сказать
И что в том нужды нет, что хочет умирать?

Е ж и н а

Сказала я тебе, пускай его умрет,
Но знал бы, что меня к себе не призовет.
Я ж стану бремя здесь одна в пустыне несть,
В протчем знаю все от вас, что это лесь.

Р а м .

Не лесь, божаю в том богами я теперь,
А веры коль не имешь, пожалуй, ин не верь.

¹⁷ *Испр., в ркп. заплати.*

Меж тем прости и знай, не буду что опять,
Когда не хочешь ты, мне веры в этом нять.

Е ж и н а

Постой, постой на час, дай слово мне сказать!

Р а м .

Нет, вечер уж пришел, мне должно поспешать.

Е ж и н а

Рампита, мой дружок, полслова дай сказать,
Лишь дай уняться мне слез реки проливать.
Мне хочется сказать, что стыд и страх претит,
Но что любовь, ах! скрыть мне больше не велит.
Люблю, скажи ему, и я что вить его,
Люблю, люблю, скажи и лучше что всего.

Р а м .

А нужды в этом нет, что он хоть и умрет.

Е ж и .

Быть правду говорить, скажу, что наперед
Боюсь, что любви должна была сказать
И что хотела ту до время укрывать.
Что ж, правду говорю, смотри как слезы льют,
И знать, что от любви реками те текут.
Что в нем мне¹⁸ нужды нет, я молвила когда,
Не знала, где сама с тоски была тогда,
Ты ж, радость, мой дружок Рампита, мне поверь
И то ему скажи, что я его теперь.

Р а м .

Ин ну пойдем к нему и стадо возьмем прочь,
Пойдем пока светло, а то спешит уж ночь.

Е ж и .

Ин быть к нему идти, вы, овцы, ну за мной!
Мне полно уже слыть пастушкой лихой.
Ступайте из лесов, ступайте вы в поля,
Я стала с стадом всем тепере не своя.
Любовна к пастуху теперь, мысль, расти!
А ты, о вольность, вся моя навек прости!

¹⁸ В ркп. слово заключено в скобки.

ПИМАНТ

Дафнида, Элиза с ними и Филиса
При вечере вышли, взяв с собой Исмену
В рощицы играти, зеленью убравшись,
Как роса на землю ту мочить спадала.
И между издевок много говорили
то-то-то, другое, с другом друг играя.
Между чем Дафнида, прибежав к Исмене,
По плечу ударяя, оной говорила:

Д а ф н и д а

Где ты родилась, светик мой Исмена?
Я тебя на свете краше не видала.
От чего Исмена, будто пристыдившись,
Кажучись, что это будто как неправда.

И с м е н а

Как тебе стыда нет, оной говорила,
Ты меня, Элиза, и Филиса краше.
Что тебе я эдак, друг мой, показалась,
Что меня хвалити, коль сама я лучше?

Д а ф .

Ты сама то знаешь, нас что всех ты краше.
Вот, спроси Элизы, и она то ж скажет.
Так ли? Молвь, Элиза, молвь лишь только правду.
Взглянь и ты, Филиса, что я не солгала.

Э л и з а

Да, Исмена, лучше ей дала натура,
Все красы собравши, негу и румяность,
Белизну и очи, очи голубые,
Волосы столь светлы, цвету светлоруса;
Губки самы алы, кругленькие горки,
Так стоит приятна, молвит — еще краше.
Весела нет меры, сколь красы прибудет,
А печальна жалость той же прибавляет,
Плачет ли смеется, все краса безмерна.

Ф и л и с а

Повторю и я то — нет из нас тя краше.
Я вчерась тя зрила, ты как полоскалась
В речке там за рощей, право, я прельстилась.
И была, смотрясь ты, должна подивиться —
Нет на всем и теле вить такова места,
Чтоб Пимант в тебя уж не хотел влюбиться.

Да ф .

Что там за Пиманта ты припомянула?
Ты ж что вдруг, мой светик, вся переменялась?
Так что он всех лучше, так он ей и пара!

Н и м .

Я не переменялась, все смотрю как прежде,
Ну, да от чего мне этим переменится?
Что мне до Пиманта нет нимало дела!
Он слывет Пимантом, я слыву Исмена.
Нет мне до Пиманта дела ни немножко,
И чрез это имя отчего стыдиться?

Э л и .

Будто мы не знаем? Эх пошли обманы:
Нет ей до Пиманта ни немножко дела.
Есть, и ни немножко, тем у вас что дружба.

И с м е .

С пастухами дружбы я и не искала,
И вперед искати не хочу стараться.
Сколь любовь мила мне, чаю, вы слышали,
И сколь этой злости, трепеща, боюся.

Да ф .

Да то было прежде, а теперь влюбилась
И всегда охоча стала ты играти,
Как бывала прежде, с нами веселяся.
Есть тебе тепере, чем иным играти.
Чай, об нем, мой свет, ты лишь и помышляешь.

И с м е .

Что это? Престаньте, можно ль отвязаться?
Я опять гуляти с вами и не буду,
Вы на толь мя звали, здесь чтоб мне смеяться?
Что они желают, на меня то клепят!
Ты, Элиза, помнишь, мне что объявляла,
Что Пимант принудил век тебя вздыхати?
А теперь с себя да на меня валит,
И будто б я вправду зачала любить.
И мои ль те¹⁹ леты, чтоб в любовь вступати?
А еще не знаю, что и за имя.

¹⁹ Слово написано по затертному.

Ф и л .

Да хоть и не знаешь, что это за имя,
Лишь только знаешь, что это за дело.
И не скучишь, право, с ним ты цаловаться.

И с м е .

Что ж, хотя б любила, что вам в этом нужды?
Ин люблю за то, что и он меня любит.
Вить хоть я стыжуся, говорю бесстыдно —
Любимся мы оба, что вам в этом дела?
Привязались трое: «любишь, любишь, любишь!»
Вить любить не можно вам мне запретити!
Я ему веночки из цветков сплетаю,
Он за то приносит розни мне цветочки.
А когда с ним знаюсь, как не цаловаться?
Я вить в том не дура или не сурова.
Он ко мне с губами, мне б отворотится
Или за любовь ту мне б в заплату плюнуть?
Не того я нраву, так чтоб поступати
С тем, кто мил мне вправду. Полно, перестаньте!

Э л и .

Ну так ин спасибо ж, нам что объявила,
А мы, право, в этом и не уверялись,
Что ты рассмеялась? Не на эти ль речи?

И с м е .

Что вы мя сказати это принудили,
А я, рассердившись на себя, болтала.

Д а ф .

Не крушись, не бойся, мы того не скажем.

Э л и .

Быть так, что его ты у меня отняла.

Д а ф .

Ну, пойдём мы к стаду там, а теперь уж позно.

Ф и л .

Так простимся ж, это вить идти всем розно.

И. Ю. ФОМЕНКО

«МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЕ ДОМАШНИЕ МОИ РАССУЖДЕНИЯ» Ф. И. КОЛОКОЛОВА

Одной из магистральных тем литературы русского реализма была тема маленького человека, а одной из характерных модификаций этой темы была повесть о бедном и «нечиновном» чиновнике. Традицию формируют такие шедевры русской классики, как «Медный Всадник» А. С. Пушкина, «Шинель» и «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя, «Бедные люди» и «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского.

Фигура бедного, но глубоко чувствующего юноши-чиновника возникает в русской литературе в конце XVIII в. Особую роль в формировании этого образа сыграл цикл повестей о «российском Вертере», написанных под непосредственным влиянием романа И. В. Гете «Страдания юного Вертера».¹ Однако в рамках поэтики сентиментальной повести социальная среда, как правило, давалась достаточно условно. Только литературе реализма удалось выделить и описать бедного чиновника как особый социально-психологический тип, исследовать и описать ту среду, которая его породила.

Дневник Ф. И. Колоколова, провинциального почтмейстера Павловской эпохи, озаглавленный им «В Твери. Меланхолические домашние мои рассуждения во время скуки», показывает, что человеческий документ способен опередить художественную литературу в постановке ключевых тем и проблем. Рукопись хранится в фонде Научно-исследовательского отдела рукописей

¹ Эта традиция подробно исследована В. М. Жирмунским в: «Гете в русской литературе» (Л., 1981); см. также: *Фоменко И. Ю.* набросок М. Н. Муравьева «Анекдот» в ряду повестей о «Российском Вертере» // Михаил Муравьев и его время : Сб. статей и мат-лов Второй Всероссийской науч.-практ. конф. Казань, 2010. С. 3—6.

Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).² Она датируется концом XVIII в., годами царствования императора Павла I, который упомянут в одной из записей как царствующий император. Датировка подтверждается записью: «Сие рассуждение написано по получении самого первого известия о кончине главного директора почт Александра Андреевича Безбородко» (А. А. Безбородко умер 1 апреля 1799 г.).

Рукопись не является дневником в узком смысле слова. Это сборник, насчитывающий 33 прозаических этюда. Заполнив тетрадь, Колоколов находит на одной из первых страниц место для оглавления: «Канцелярия», «Скука», «Осень», «Свеча» (в этом этюде автор уподобляет себя и свои писания колеблющемуся пламени свечи) и другие, а на последней странице проставляет «Конец первой части». Правда, на предыдущей странице он написал просто «Конец» (Л. 65 об.—66).

Автор дневника получил образование в Тверской семинарии. Он хорошо знает латынь, разбирается в литературе сентиментализма и преромантизма и не чужд литературных амбиций. В одной из записей упомянут Э. Юнг, которого автор читает перед сном: «Почитаю любимую свою книжку: Юнговы Ночи. Глаза мои слипаются, — погашу свечку, усну. — Как усну, то увижу во сне <...> весел ли или печален я встану и встану ли еще. Кто мне ручается в том. Сон образ смерти».

Выбор Юнга для вечернего чтения — свидетельство популярности литературы преромантизма в самых широких читательских кругах России. Настроения автора, само то, что он дважды называет свои записи «Меланхолическими рассуждениями», тоже свидетельствует о знакомстве с модными новинками европейской литературы. Избранная Колоколовым для своих записей форма прозаического этюда, эссе также была особенно популярна в литературе сентиментализма и преромантизма. Запись «Страшный суд», в которой возникает образ «огнеобразных шаров» (Л. 18), — свидетельство его интереса к космизму и поэтике ужасного (эти темы тогда только начинали осваиваться русской литературой, в первую очередь С. С. Бобровым).

Записи Колоколова позволяют восстановить основные моменты его биографии, достаточно типичной для русского чиновника конца XVIII в. Он родился в селе, называемом Дубенское устье, «где Дубня река впадает в Волгу», около 1760 г. (в одной из записей он упоминает, что ему недавно исполнилось 40 лет), в небогатой семье, скорее всего, священника. Семья была многодетной:

² ОР РГБ. М. 19852. Поступила от Т. Н. Волковой в 1947 г. № 14. В дальнейшем цитаты из рукописи даются в тексте с обозначением листа.

«Четыре брата родные учитель Иван Колоколов, Тверской семинарии философии, студент Федор Колоколов, Тверского уездного училища ученик высшего класса Петр Колоколов и низшего класса ученик Дмитрий Колоколов» (Л. 33 об.). Запись, открывающая дневник, обращена к «братцу», священнику Алексею Ивановичу Колоколову (Л. 2).³ Один из младших братьев Ф. И. Колоколова, видимо Дмитрий, «ученик Ескулапа», в последние годы XVIII в. — лекарь в суворовских полках, участник швейцарского похода Суворова (Л. 29).

Если верить дневниковым записям, во время учебы в Тверской семинарии Ф. И. Колоколов проявлял незаурядные способности, единственный из 37 студентов уже «на 19 году» преподавал латынь (Л. 56). По окончании учебы, в 1779 г., Ф. И. Колоколов преподавал в Новгородской семинарии, где, согласно его смутным намекам, впервые пострадал за свой характер: «Все настоящие и прошедшие злоклучения мои последовали от неопытности моей в жизни человеческой, последовали от перемены в Новгороде состояния моего. Всегда я жалел и буду жалеть завсегда, что я в то время не имел в себе духа Еразма Роттердамского» (Л. 50).

В последние годы XVIII в. Колоколов служил в Твери почтмейстером в чине губернского секретаря. Скончался он в 1808 г. в Зарайске: «Сочинитель и маратель сих рассуждений Федор Иванович г-н Колоколов преставился 1808-го года декабря 5 дня в городе Зарайске. Коему да будет вечная память» (Л. 43 об.). И хотя близкие родственники отнеслись к писаниям Колоколова без особого пиетета («сочинитель и маратель»), однако тетрадь не выбросили, она пережила революции и войны, а вскоре после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. была сдана в ОР РГБ, где ныне и хранится.⁴

Самые яркие из записей Ф. И. Колоколова посвящены изображению канцелярии, в которой он служит в момент создания «Меланхолических рассуждений». Канцелярия обрисована с необыкновенной выразительностью, причем некоторые из записей исполнены определенного довольства собою и своим положением, которое позволяет ему жить в относительном достатке, ничего не делая: «Вот и теперь, под преклонность уже

³ На л. 43 об. есть запись: Села Кимры благочинный священник Алексей Иванович преставился 1800 году декабря 1 го в первом часу пополудни <нрзб.> 46 лет и девяти месяцев. Коему да будет вечная память.

⁴ Документ упомянут в статье: *Кудрявцев И. М., Ошанина Е. Н., Швабе Н. К.* Обзор новых поступлений. Рукописи, поступившие в 1941—1947 гг. // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1950. Вып. 11. С. 100. Фамилия, однако, была прочитана неточно: «Колокольников».

дней своих, сижу я в присутствии и ничего не делаю. Сие по-видимому значит, что я времени неприятель. <...> За то только я и беру жалованье, что ничего не делаю, что время понапрасну трачу. — Мне же легче. — А жалованье мне в год, при казенной квартире, четыре ста рублей. Слава Богу, изрядный кусок хлеба» (Л. 38 об.).

Однако у Колоколова возникают проблемы по службе. Вследствие интриг некоего «злодея и ядовитого крючкодея» его обходят местом, которое, по его убеждению, он был достоин занять. Возмущение и оскорбленное самолюбие Колоколов изливает в записях «Бедный я секретарь» и «Не гоюсь я секретарем быть, вот что говорят обо мне». Обе записи продолжают сатирические традиции русской литературы XVIII в., в которых чиновники предстают в облике «ябед», «крюкотворов». Колоколов ярко рисует быт чиновников, порожденную им особую социальную психологию. Канцелярия предстает под его пером как особый, неправильный, неестественный мир, в котором царят зависть и некомпетентность, а «дарования» могут только повредить: «Везде дарования мои были во уважение, кроме только здешнего места. В здешнем месте вот что говорят обо мне: не гоюсь я быть секретарем. — Почему же так, я сам себя спрашиваю?» (Л. 56 об.).

В этих записях звучат фантазмагорические мотивы, характерные в дальнейшем для описаний канцелярии от Гоголя до Достоевского: «А если <1 сл. нрзб.> какая-нибудь белобокая сорока, которая, ухвативши носящею бурею перо на воздухе и приделавши его на когти свои, умела влететь в открытое окно, сесть на стуле и за красное сукно? и сим самым пером не законы подставляет, но бумагу секретарскую только гадит и марает. <...> Какой хаос! Какое явление! Какое превращение! <...> Сороки, галки, <1 сл. нрзб.>, хамелеоны, слоны, тюлени и пиявицы <...> правят перами, закрепляют листы, дуют, <1 сл. нрзб.>, пыхтят, кряхтят, ломаются, коверкаются, зевают <1 сл. нрзб.> и потягиваются с утра от <1 сл. нрзб.> ночного кавардака, вовсе на тот час забыв на столе крюкотворное свое перо! О, <1 сл. нрзб.> одни крылатые да четвероногие, крылатые да четвероногие. Так вот почему и не гоюсь-то я секретарем-то быть!» (Л. 57).

Разумеется, оставшаяся неизвестной широким читателям рукопись Колоколова не оказала прямого воздействия на литературный процесс. Однако, как предельно точно сформулировал А. В. Чичерин в статье «Ранние предшественники Достоевского»: «...все подлинно великое накапливается и создается усилиями многих поколений, усилиями многих мыслящих и чувствующих людей. Известные нам художественные произведения разных

эпох — только вспышки вырывающегося наружу, но вечно живого огня».⁵ Этот «живой огонь» очевиден в цитируемых записях.

Приводимые ниже записи позволяют, кроме того, утверждать, что автор «Меланхолических рассуждений» Ф. И. Колоколов и «Фдр Кклв», «переложивший прозою в Твери» «Избраннейшия печальныя елегии Овидия», — одно и то же лицо.⁶ Перевод был опубликован в 1796 г. в Смоленске,

В пользу этой гипотезы говорит не только совпадение времени и места. Важно и то, что перевод прозаический — Ф. И. Колоколов стихи не писал: «Я подлинно не стихоткач» (Л. 56). Видимо, не случайно, описывая канцелярию, Колоколов апеллирует к таланту Овидия: «Назон! Оставь мрачные свои тени, приди к нам, посмотри на нас, очини свое перо» (Л. 57 об.).

Мотивы социальной несправедливости, обиды, зависти с равной силой звучат и в переводе Овидия, особенно в предваряющем его обращении переводчика к читателю, и в рукописных «Меланхолических рассуждениях». Переводчик сообщает: «Цель моя, с которою я в досужее время упражнялся в преложении печальных Назоновых елгиев прозою, была единственно домашняя утеха моя в злосчастной некоей доле моей. Подлинно, яд скуки, разлившийся коварною рукою по всем членам моим, расторг спокойные движения сердца моего; но острие ума сего сладчайшего стихотворца, пылкий оборот его мыслей <...> и самые печальные ощущения его, по многим видам сообразные чувствования моим, наполнили дух мой чистым и несмущенным веселием».⁷ А вот как звучит Овидий в переводе русского чиновника: «Что я ныне нахожусь под гневом вашего величества: все сие я приписую единым только стихам моим. — И се, за все мои ученые труды, за все песнопения мои, которые с великим тщанием старался я писать; и се в награду получил одно только наказание».⁸ И далее: «Ежели же и сие самое, то есть что я пожалован от вашего величества кавалером, ни мало не служит к доказательству непорочности моей, и ежели все мои добродетели остаются без всякого награждения, так, по крайней мере, я то почитаю за великое удовольствие себе, что вы меня не заметили ни во едином преступлении моем».⁹

Очевидно полное совпадение характерных особенностей индивидуального стиля Ф. И. Колоколова и «Фдра Кклва», однако

⁵ Чичерин А. В. Ритм образа. М., 1973. С. 138.

⁶ См.: Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 2 : (К—П). СПб., 1999. С. 105—106.

⁷ Публия Овидия Назона Избраннейшия печальныя елегии. Преложены прозою в Твери Фдрм Кклвм. Смоленск, 1796. С. 4.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 13.

прямые документальные свидетельства в пользу этой гипотезы в настоящее время не обнаружены. Возможно, в архивах Северо-Запада России, особенно Новгорода и Твери, еще будут выявлены материалы о Федоре Колоколове и его семье.

В любом случае смоленское издание элегий Овидия остается одной из первых и очень любопытной попыткой создания «русского Овидия»,¹⁰ а «Меланхолические рассуждения» — удивительным человеческим документом, приоткрывающим окно в своеобразный мир русской провинции. Судьба Ф. И. Колоколова, человека, безусловно не лишенного дарований, безусловно не блестящего здоровьем и психически неуравновешенного, наводит на печальные мысли. С другой стороны, материалы, относящиеся к его жизни и творчеству, не только позволяют лучше понять многие социально-бытовые реалии конца XVIII в., но по-новому высвечивают классические тексты русской литературы XIX в.

Ф. И. КОЛОКОЛОВ

[ИЗ «МЕЛАНХОЛИЧЕСКИХ ДОМАШНИХ
МОИХ РАССУЖДЕНИЙ»]

(Письмо к брату, священнику Алексею Ивановичу Колоколову)

Пречестивый отец иерей и любезный братец Алексей Иванович! Посылаю вам сочинения мои, под названием «Случайные меланхолические рассуждения». — Они писаны мною во время скуки и в свободные часы при должности моей, на разные мыслиам и глазам моим встречающиеся предметы. Что бы я ни писал, то все писал для себя, для пользы своей. Я нимало не думал блистать какими-нибудь дарованиями пред взором человеческим. Я их не имею. Хвалиться мне нечем. Довольно и без меня писателей. Я за ними не стремлюсь; я с ними не равняюсь. — Я сим пером моим разгонял одну только скуку, обличал досады, учил себя, хоть уже и поздно, как на свете жить и раскаиваться в весьма важных проступках моих. Вы сами увидите, что признания мои были искренни. <1 сл. нрзб.> Я желаю, чтоб вы, читая сии рассуждения мои и имея детей у себя, замечали в строчках все слабости

¹⁰ Черняев П. Н. Следы знакомства русского общества с древне-классической литературой в век Екатерины II // Филологические записки. Воронеж, 1904. Вып. 5—6. С. 89—92.

мои. Я в них нимало не закрывался. Когда я прямо говорил о них, тогда чувствовал некоторое облегчение в совести моей. — Я теперь начинаю думать о последних шагах, приближающих меня к вечности. — Дай Бог, чтоб начинать ей <следовать?> в душе моей. Прощайте. Ваш и прочее Федор Колоколов (Л. 2—2 об.).

Канцелярия [фрагмент]

Писал, писал, да и устал — отдохну, отдохну. Еще перо попытаю, хорошо ли оно марает. — Не нравится, — выну ножик, счищу его. Ножик от долговременного употребления притупился, не таковы ли уже и чувства мои становятся. Однако приложу его поперек — не режет. Полно, — брошу писать, не стану горевать. Час с полудени бил, а я сижу в приказе с седьмого часа. Пойду обедать. У меня хоть небогатый стол, но нужды ни в чем имею. О приятных соусах не помышляю. Не оставлю вотчины и богатства купцам. Отобедал; лягу спать. — уснул — встал. Пойду прогуляюсь, разовью кручину свою по воздуху, с чистого воздуха опять пойду к перу; им почерчу. Был, сидел, чертил; вот <с четырех и девять уже с половиною часов?>. Брошу шляпу на голову, перчатки суну на пальцы, побегу домой ужинать. — Разделся, есть не хочется. Причиною тому иль нети мои, от которых желудок мой расстроился, или жизнь сидячая, заразившая гнилостью физические соки мои. — Без ужина лягу на постелю. По той привычке, как бывало привык учивал и уроки мои, засвечу я и теперь свечку. Почитаю любимую свою книжку: Юнговы Ночи. Глаза мои слипаются, — погашу свечку, усну. — Как усну, то увижу во сне, который час меня пробудит, весел ли я, печален ли я встану, и встану ли еще. Кто мне ручается в том. Сон образ смерти. Сколько раз засыпаю, столько раз и умираю. Сколько подобных мне людей сон сей обманул. Между собою <1 сл. нрзб.> сон и смерть (Л. 3).

Портрет брата моего [фрагмент]

Я первый плод чрева матери моей, а брат мой сей, которого приятными оттенками я всегда люблю, есть последний. Он был учеником Ескулапа, оказал довольные успехи в науке своей. По надлежащем испытании в знаниях его, до медицины относящихся, сделался он лекарем, и отправлен сего ЧЗ <96> года в непобедимые суворовские полки, стоявшие за несколько прежде сего в Вене. Ныне слежу, что брат, следуя путем сего Российского

Архистратига, сего нового Цезаря, наполняющего всю Европу как удивлением и славою, так страхом и ужасом, находится уже теперь в Швейцарии. Наша родительница, сокрушаясь о разлуке своей с ним и в жизни его отчаиваясь, умножает болезни свои, обыкновенно с старостию сопряженные (Л. 29).

Бедный я секретарь

Давно уже я сам за собой замечал, что я родился под несчастною звездой. Неоспоримы мнения тех философов, которые утверждают, что планеты имеют влияния на физические наши тела. Когда на дворе ветер, дождь, град, буря, слякоть, снег и вьюга, то я, в задумчивости сидя у своего окошка, люблюсь внутренно сими для других скучными, а для меня приятными воздушными переменами. Сии ощущения мои в замечаниях моих весьма важны. Я имею с ними симпатию, или природное дружество. Я догадываюсь, что, конечно, телосложение, вся кровь моя, все кости и жилы мои и самые жизненные соки мои сходны в оборотах и составах своих с сими естественными превращениями; потому-то и милы они мне. И подлинно, счастье мне весьма мало и <иногда> когда в жизни моей мелькало. Сие я многими уже опытами дознал. Не успею вить только рассмотреть приятные уловки его, как вдруг и скрывается оно от меня. Имел я честь наслаждаться благодеяниями великих людей, но благодетели сии или по превратности собственной судьбы моей, или по злосчастной доле самих покровителей моих, были весьма непродолжительны. Они все, по разным обстоятельствам, то пали от славы своей недоброжелательством человеческим, то невидимо увяли под неумолимую смерти косою. — Однако при всем том укреплял я себя всегда философскими наставлениями. Когда счастье освещало меня златоблестящими крылами <своими>, не вверял я себя сему ложному очарованию его <мне?>. Когда гнала меня немилосердная судьба, не опрокидывал я духа моего. Никогда ничего не боялся, не страшился, не трепетал; потому что в жизни моей привык к утратам.

Был много раз и счастливым, и несчастливым я человеком. Надо мною все то совершилось, что должен видеть и чувствовать человек, идучи дорогою ко гробу своему. Вот и теперь, под преклонность уже дней своих, сижу я в присутствии и ничего не делаю. Сие, по-видимому, значит, что я времени неприятель. Если не сидеть, если ничего не делать, так не будет мне жалованья. За то только и беру жалованье, что ничего не делаю, что время понапрасну трачу. — Мне же легче. — А жалованье мне в год,

при казенной квартире, четыре ста рублей. Слава Богу, изрядный кусок хлеба. — Но такие люди, каков я, водятся не в одном только приказе моем. Есть множество их и в других местах, которые только и знают, что берут жалованье, а пером чертить или вовсе не умеют, или ленятся, или другими посторонними должностями занимаются. Однако не сам я от себя ничего не делаю. Я расположен к трудам и люблю всегда трудиться. Один мой злодей и общий всем ядовитый крючкодей причиной тому. Он, тайно скрежеща зубами своими на какие-либо дарования мои и, страшась, дабы я не заступил гордого места его и не помрачил мнимой только славы его, отторг меня разными ухищрениями своими, единственно из зависти проистекающими, от принадлежащей собственно мне секретарской должности. — Я принужден теперь <брать?> дела из-под рук чужих. Что-то и когда дают, то и должен делать.

Сколь несчастен тот, которому собственные дарования служат в пагубу!.. Не дарования мои пагубны для меня, но зависть, сии дарования мои терзающая. Она-то приводит меня к огорчению и к нередкому сожалению о обогащении меня сими бесценными небесными дарами. — К сожалению. —

Нет, нет, я сим прогневаю Бога, даровавшего мне их. Я паче благодарю его за неизреченную благодать его ко мне. — Мне честь, когда не за пороки, но за дарования мои ненавидят и гонят меня. Мне похвала, когда завистники мои, хотя во внутренних своих изгибах сердца, но хорошо думают обо мне. Мне радость, когда занимаются они душою моею день и ночь. Мне велико-лепное торжество, когда они от каких-либо дарований моих заимствуя электрический огонь, освещают им исступленные свои умы. Нет беды мне в том, что я не умею ласкать, не умею притворяться, не умею обожать <рожденных счастьем детей?>. Я не родился хамелеоном, но прямо человеком. Как должно понимать и чувствовать человеку, так я и живу, так я и поступаю. Я искренне люблю умных, уважаю честных и добрых людей, но гордецов, льстецов, лукавцев и ехидников, а при всем том еще и <1 сл. нрзб.> ненавижу, не терплю, бегаю и презираю. У меня с ними вечная и <неугасимая?> война. У меня с ними, по Писанию, око за око, зуб за зуб.

Так. — Конечно, для того-то оный враг мой, который побудил меня сие писать, и возненавидел меня, что я не низко нагибаю пред ним шею свою, что я, хотя мы чинами с ним и оба равны, не хожу к нему в мундире для поклонения в светлые и торжественные праздники, что я не наливаю пузыря его гремящим в ушах пунштом и не услаждаю гортани его со вкусом приправленными в славном Новгородском здесь трактире яствами и закусками.

Но будет ли сносно для меня ласкать и приветствовать какого-нибудь, на пр<имер>, извозчика, одетого в темно-зеленый Почтовый мундир? Можно ли без досады мне со лба забегать к тому поклонами и поздравлениями моими, который при многих других, и самых грубых, нелепостях пишет в высочайших по команде отношениях иногда вместо <потопление> воды подтопление воды и как, на пр<имер>, недавно он впопыхах своих размахнулся, расчеркнул в одном месте так: приказать лошадям сойти с таких-то почтовых станов? Я, сидя с ним за одним столом, право, внутренне всему тому смеялся, но обнаружить смеха своего боялся по ядовитости его. Если б не знал я поколения и рода его, непременно заключил бы, что он или фореиторский, или бореиторский есть сын, хорошо разумеющий язык животных сих и с ними, явно разумными тварями, всегда обращение свое имеющий. Итак, сего-то Приказателя лошадям буду я уважать, любить или вместе с ним <1 сл. нрзб.> дело иметь. Нет, не хочу я во зло употреблять те руки мои, которые к благотворению другим, а не для обнажения головы моей пред скотами сотворены. Не хочу я на лесть продавать язык мой, который дан мне на прославление Божиих чудес. Не хочу я треугольного сердца своего на все стороны кривить, когда должна во мне обитать одна только христианская простота. Не отдам души моей никому, кроме того, кто даровал мне ее.

Что мне до того, что я беден, а враг мой богат? Бедность не есть порок. Кто может совершенною бедностию сравниться с младенцем, который и наг, и голоден, и холоден рождается, однако никто его за сие не презирает. Бедность, можно сказать, есть учительница разума и верная наставница добродетели.

Часто под смрадным рубищем скрывается небесное сокровище. Часто под богатыми одеяниями гной, тина, тлен и прах земной таятся. Древние мудрецы, кроме ветхого плаща и посоха, ничего у себя не имели, а иной, <лишась> даже и покроя, защищающего его от воздушных перемен, жизнь свою проводил в бочке, согреваем одними только солнечными лучами. Что в том, что я беден, но в бедности своей спокоен.

Напрасно говорят, что бедность есть тягость для человека. Биант из объятого пламенем города своего Приены¹ хотя с голыми выходил руками, но с спокойным сердцем. Когда спросили его в то время, для чего он ничего с собою не несет, сказал он, что я все свое несу с собой, то есть мудрость и добродетель. Достойный мудрого философа ответ. Достойн быть изображен. <2 сл. нрзб.> Признаюсь я, что я люблю бедность. Она предохраняет

¹ Биант из Приенны — древнегреческий философ, один из семи мудрецов.

меня от роскоши, от невоздержания, от чванства, от злоречивых беседований, от всяких неблагопристойных и срамных дел. — Пусть они хвалятся богатством своим, хвалятся умом, молодостью и красотой, а я буду превозноситься тем, что я беден, слабоумен, не умен, не пригож, не хорош. Что же делать. Не всем быть равными. Мне такой предел положен. Таким мне быть сам Бог судил, законы его неизменны. Я никогда, никогда и ни в чем не позавижду тебе, богач, тебе, честолюбец, тебе, гордец и льстец. Теки ты по усыпанным розами и лилеями стезям, а я останусь доволен долею своею, жребием своим, состоянием своим.

Non in foro soli, in foro poli.² <конец фразы нрзб.>
Губернский секретарь Федор Колоколов.

(Л. 38—39)

Неудача нового пера моего [фрагмент]

Замарав новое перо чернилами и держа его над бумагою, думаю, о чем бы мне писать. — Мысли мои летели бы на колкую какую-нибудь сатиру, но я стремлюсь их удерживать. Я боюсь врагов, которых у меня и без <1 сл. нрзб.> сей весьма много.

Да и на что без причины вооружать их на себя? Зачем умножать без нужды количество <их?>. От написанной мной сатиры никакой пользы мне не будет, кроме вреда. Она не утешит меня, она не преобразит наклончивые ко злу сердца, не исправит нравов человеческих. Славные римские сатирики Гораций, Ювенал и Тертый не исправили мир.

Французский почтенный Боало и российский остроумный князь Кантемир разительными творениями своими никакого не произвели действия ни в современниках, ни в читателях своих. Незнатность рода, которую многие из римских вельмож в укору Горацию вменяли, была ему почти славною причиною писать свои сатиры, в коих он наиболее всего доказывает, что прямое благородство человека состоит не в знатности и древности предков и не в великом достоинстве, но единственно в добродетели, которой знатные римские вельможи для безмерной роскоши весьма мало последовали. Но все его сатиры бесплодны были в сердце римлян.

Ювенал, заключив в пятойнадесять сатире своей описание египетских суеверий, сколько ни осмеивал египтян в многобожии, говоря:

² Не суд человеческий, а суд Божий (лат.).

О коль суть святы те пред прочими народы,
У коих полны все богами огороды,³

однако не достиг в желании своем конца. То же самое можно сказать и о последних оных трех сатириках, то, что они в исправлении нравов своего времени ни какой <силы> не имели. Злосчастные писатели сатир! Да и <I сл. нрзб.> читатели их только что любят едкими выражениями, нимало не прикладывая их к сердцу своему. Они только в них читают пороки других, не усматривая собственно своих. Они только там научаются <I сл. нрзб.> бранить других, а не нравы свои поправлять. — О нет, не хочу я быть поводом к злословию, не хочу других <I сл. нрзб.> и бранить, кроме самого себя. А я сам с собою управляюсь и без сатиры. И так не для чего мне писать сатиры.

Написал бы я, мне кажется, комедию под названием «Любимец фортуны», в которой изобразил бы тщетное упование на счастье, безумную гордость и величавость людей, и при самых малых или и никаких душевных дарованиях своих, восхождение их на степени честей и достоинств одною хитростию, лукавыми происками, лестию, обманом и разными пронырствами. Крайнее ослепление их ума и сердца и, наконец, с одной стороны, ужасное, а с другой, по человечеству, и жалкое падение их, мои сии черты не лучшую долю будут иметь, как и сатира моя. И так не для чего мне и за комедию приниматься.

Начал бы я еще, от досугов моих, как думается мне, какую-нибудь идиллию или эклогу, но нет во мне Сумарокова огня, которым не горел бы я в любви, но рыгал бы повсюду пламенем ее; нет во мне духа виргилиева, которым мог бы я оживотворить пастушескую песню свою. Я не смею, как они, возбуждать юную и прекрасную Ирину от сладчайшего того исступления, в котором покоит ее Морфей. Я не смею заставить ее погнать своих овечек в те же зеленые луга, где с приятным журчанием протекают чистые источники, или в те благорастворенные рощи и дубравы <I сл. нрзб.>, где щебечет соловей, где раздастся свист и шум всех птиц и где Мелибей,⁴ опираясь на посох свой и паша также свои стада в лугах, тает весь от прихода ее, кидая алчный взор свой для встречи ее то туда то сюда, готовит для красавицы своей милый венок, собственными руками его из благовонных белых роз сплетенный, и стремится к поднесению пламенного поцелуя своего черным и круглым бровям ее, ее глазам, проникающим до самой глубины сердца его, бело-розовым ее ланитам,

³ Цитата из Ювенала в переводе М. В. Ломоносова.

⁴ Мелибей, персонаж Первой эклоги Вергилия.

ее нежным устам, и ее от пылких и частых вздохов возносящейся алебастровой груди. Хотел бы, говорю, изобразить все чувства сии, но иссохла уже во мне прозрачная Иппокренина струя. Погас во мне пламень пылающий некогда в крови моей. Я холодом теперь объят.

Коснулся бы я, по мнению моему, истории текущего века сего, со всеми достопамятными происшествиями, но <1 сл. нрзб.> обстоятельства мои не позволяют мне сего.

Начертал бы я, как в мысли моей воображаю <3 сл. нрзб.> при верноподданнической моей любви, похвальное слово государю императору Павлу Первому, но и в красноречивой кисти сей потребен не кто другой, как Плиний, украсивший бессмертными похвалами Траяна своего, или воспел бы я дела его величества песнями. Но я не родился высокопарным стихотворцем, который целыми веками рождается только один. Для сего важнейшего предмета должно из мертвых воскреснуть или самому Марону, или прекрасному певцу поемы Петра Великого.⁵ Сие только бессмертным песнопевцам <довлеет?> восхвалить наследника духа Петра Первого, а не мне.

Мне ли петь на тихой лире
Павла Первого в порфире,
Коего обнимет свет?
Лишь безумец зажигает
Свечку там, где Феб сияет, —
Бедный чижик не дерзает
Петь гремящей Зевса славы,
Он любовь одну поет.
С нею в рощице живет.
Блеск Российския державы
Очи бранные слепит. —
Там на первом в свете троне
В лучезарнейшей короне
Первой Павел возседит,
Правит царств судьбами,
Правит миром и сердцами,
Скиптром счастье дарит.
Взором бури укрощает,
Словом милость изъясняет
И улыбкой всех живит.
Что Монарху моя ода,
Он есть царь, краса всего.
Гром побед, его народы,

⁵ Имеется в виду «Петр Великий» — героическая поэма М. В. Ломоносова, впервые опубликованная в 1760 г.

Похвала дела его.
Им дивясь умолкаю
И хвалить позабываю.⁶

И так за что ни примусь, на что ни посмотрю, что ни вообразу, то все велико и силам моим не соразмерно, или, смотря по обстоятельствам, опасно и страшно для меня представляется. — Несчастливо новое перо мое. — Видно, что я ныне сел за него, не перекрестясь, не <благовидно>, не в добрый час. Потерплю, подожду, посмотрю, не будет ли голова моя завтра или послезавтра <веселее?> — чище и легче. Час на час не приходит. Иногда и в оный час сделаешь больше, нежели в пять или шесть часов в другое какое-нибудь время. Если кто хочет пером хорошо владеть, тот должен приниматься за него, когда душа спокойна (Л. 41—43).

Не гоюсь я быть секретарем, вот что говорят обо мне

Сии слова держат за уши меня, и добро бы так... Они пронзают душу мою. — Когда учил я еще аз, и буки, и старинный юс, хвалили меня. Когда сидел я за часовником, также за успехи мои хвалили меня. Когда я принялся за гусли Давидовы, и бряцал на них <1 сл. нрзб.>, почти без всякого руководства учителя моего, и тогда похвалами не обходили меня. Когда учился еще перо в руках своих держать и им переводить русскую всю азбуку на бумагу свою, восхищались от радости родители мои: и вот с которого времени маленьким переводчиком стал я слыть. Когда я стал писать склады, и писал их месяц и другой, и третий, писал уже, могу сказать, так, что все руке моей дивились. Принялся я за бе, це, де и далее, и тут меня, как осьмилетнего еще мальчика, по головке все гладили. — Дали, наконец, мне в руки и Лебедеву грамматику⁷ — тут я маленько сперва позаартачился, да и не удивительно, ибо я Дубенского,* а не Тулусканского**⁸ климата. Матерний

⁶ На л. 44 имеется примечание: «Сей <листок?> мной найден между бумагами моими <сего года> ноября 6 го дня. Сочинен в самый первый день вступления на высочайший престол его имп. величества». Текст является переделкой стихотворения Н. М. Карамзина «Ответ моему приятелю...» (1793).

⁷ Имеется в виду одно из изданий «Краткой грамматики латинского языка» в переводе В. И. Лебедева (в 1762—1792 гг. выдержала 7 изданий).

⁸ Звездочками выделены места, снабженные примечаниями автора: *«Родина моя есть село, называемое Дубенское устье, где Дубня река впадает в Волгу»; **«Тулускан есть покойная деревня, в которой Цицерон иногда жил и писал философические сочинения свои»; ***«Словесница» — риторика.

язык с млеком еще матерним в себя всосал, а к другому со временем и с не малыми трудами привыкал. Так говорю и не хочу греха таить, что позаартачился было тогда сперва, всегда и все начала обыкновенно бывают с трудностями сопряжены. — Потом, как стал я вникать в нее, почаще заглядывать в нее, учить и твердить ее, иногда, по детской моей резвости, и физически страдать за нее, не в долгом времени вся грамматика моя сделалась для меня, как Отче наш или Помилуй мя, Боже. Не более у меня протекло времени от а, б, це и де до Словесницы,*** как три года <1 сл. нрзб.>. Поспешность моя заплачена была мне четырехлетними задержками в латинском и российском краснословии. Одиннадцать лет мальчику, да еще дубенскому, деревенскому, не весьма, на первый случай, заманчиво вдруг знакомство с Виргилием или Горацием, с Цицероном или Плинием. Год <1 сл. нрзб.> я сидел тут, как куколка. Однако твердо учил свои уроки и <привыкал> к сочинению периодов и других всяких малых и пространных риторических и пиитических упражнений. На третий год, как на том, так и на другом языке, имел я похвалы смешанные, положительные и превосходительные, а на четвертый одни уже превосходительные. Здесь должен я мимоходом принести короткую жалобу на природу мою, лишившую меня дара к стихосложению. Любил я лирические творения не в Фивах, но в Колмогорах рожденного Пиндара и Северного Расина и других в сем роде соотечественников моих.⁹ Любил я также Гомера и Виргилия, Горация и Овидия и Вольтера в французской его «Генриаде», но любил я только читать творения их, а не сам писать. — Далеко тонконогую журавлю равняться полетом своим с бойкими соколами и с высокопарными орлами. Правда, и я писал стихи и басенки, но стыдом меня ныне покрывающие. Начал писать басню (о содержании ее не упомяну я теперь) загремел так:

Плыла чрез реку велика собака,
Она же и была великая кусака

.....
.....

Я о сем гнусном литерерстве своем и забыл было ныне, ибо тридцать лет тому уж назад прошло, но один искренний мой друг, любя меня, вспомнил мне об них. Я подлинно не стихоткач. Но в сем случае прекрасно защищает меня ученейший <мудрец?>, говоря: *Oratores fiunt, poetae nascuntur*. Ораторы делаются ораторами, а стихотворцы рождаются стихотворцами.¹⁰ Я не родился

⁹ Речь идет о М. В. Ломоносове.

¹⁰ «Мудрец» — Цицерон, автор цитируемого афоризма.

стихотворцем. — Так как же мне быть стихотворцем. Чего природа мне не дала, того взять негде. И напротив того, чем кого природа одарила, того никто отнять не может. — Но при всех сих каких-либо упражнениях моих в классе риторическом, учился я также греческому и французскому языкам и вообще всей истории. На шестнадцатом году введен я в торжественный храм Любомудрия, где и говаривал, во время обыкновенных состязаний, в присутствии знатнейших посетителей философические речи и диссертации, с первою похвалою, которые и ныне еще у меня хранятся. — Осьмнадцатый год под руководством некоего отца учителя провел я во внутреннем святилище Бога. <1 сл. нрзб.> Каковы были успехи мои и во время сие, доказательством может быть мне то, что я, не окончив еще богословского <учения?>, и из тридцати семи студентов богословия, сделан один, на девятнадцатом году жизни моей, учителем первого и высшего латинских классов и географии и в то же самый год учителем латинского и российского красноречия, с препоручением мне публичного преподавания истории и обучения французскому языку. На двадцать третьем, двадцать четвертом году учил я не учеников, а детей моих мирскому и христианскому Любомудрию, которые оказывали препохвальные успехи во время публичных словопрений.

Все сие погрузил бы я в летейских водах, оставил бы в обычном мраке, или все то, что написал, тотчас бы предал пламени, если бы злодеи мои жалом своим не поощрили меня к сему. — Какая мне нужда себя хвалить? Я знаю, что собственная похвала есть похвала смердящая. Я себя отнюдь не хвалю. Если я что и пишу, то пишу единственно на тот конец, чтоб мне домашним образом, во время скуки своей, утешить себя и чтоб вспомнить о тех <1 сл. нрзб.> обстоятельствах моих, когда я во всех местах, в которых был, имел принадлежащее мне всегда первенство и заслуживал себе от <1 сл. нрзб.> честь, любовь и похвалу. — Везде дарования мои были во уважение, кроме только здешнего места. В здешнем месте вот что говорят обо мне: не гожусь я быть секретарем. — Почему же так, я сам себя спрашиваю? Я сам собою думаю: употребления здравых чувств, кажется, я еще не лишен. Мне не надобно очков для разбирания бумаг. Я вижу и без оправленных зеркальцев сих, как люди, не имея собственного своего ума, дышат и живут всегда <1 сл. нрзб.> бумагами, выдавая за собственные свои. Повторения в приказаниях не любят уши мои. Довольно для них произнесенного слова один раз. Рука моя на бумаге не скользит, перо не скрипит, не оглядывается во все стороны, не задумывается, не путается, не шатается, не правит по три раза написанных одних каких-нибудь трех строчек. <1 фр. нрзб.>

Понятия мои, какими угодно было Промыслу меня одарить, хотя не велики и не завидны, но довольны к разумению истины от лжи. Я умею, как кажется, написать приказную, но не на ябеде основанную бумагу, разложить и связать ее надлежащим образом, дать ей вес и цену приличными ей законами и расцветить ее, смотря по обстоятельствам, белыми или черными красками. Так почему же не гожусь я быть секретарем? Или секретарство есть отличный какой-нибудь дар. Секретарь не стихотворец, не рождается веками или с секретарским даром. Природа обидела меня, как я выше сказал, в даре стихотворства, а не в даре секретарства. Секретарство есть навык один, да и то малым еще трудом приобретаемый. Почему я не гожусь быть секретарем? Я прежних способностей своих не лишился, не сошел с ума. Почему же я не гожусь... — Разве кто здесь искушал способности мои, измерял мой ум, весил мои силы, мои движения, мои расположения. Но испытания сего никто не делал надо мною. Почему же я не гожусь... — Потому ли, что я стар, как брешут некоторые. Но мне лишь только сорок лет. В сорок лет человек не есть такой остарок, который не годился бы ни для какой должности. Люди ворочают и не секретарскими делами в восемьдесят лет и более, а сорок лет что такая за неспособная старость, что за фигура, что за диковина. Почему я не гожусь секретарем-то быть?..

О, какая таинственная каббала секретаря перо! О! какая непостижимая мудрость управляет криводушными секретарскими чертами и особенно в том месте, где почти никакого не требуется ума, где одна только должна быть механика в голове и где все делается механически!

Нет, нет, вижу, вижу... причины тому не неспособности мои и не старость моя, но ядовитая человеческая зависть приказная, честолюбие секретарское, коротко: фу, фръ, ерь, еры, я — я-то экой радымакер,¹¹ <я-то быв, один секретарем, я то бы один умом своим, которого, кроме хитрости, никакого нет, славился?>. Я то бы один был уважаем, почитаем и одобряем. Я то бы в год по шестисот рублей жалованья получал. О, проклятые слова, я-то, я-то этакой радымакер. Но кто такой я-то. А если <1 сл. нрзб.> какая-нибудь <1 сл. нрзб.> белобокая сорока, которая, ухвативши носящею бурею перо на воздухе и приделавши его на кохти свои, умела влететь в открытое окно, сесть на стуле и за красное сукно и сим самым пером не законы подставляет, но бумагу секретарскую только гадит и марает. Я то экой радымакер! Какой хаос! Какое явление! Какое превращение! — Назон! Оставь мрачные свои тени, приди к нам, посмотри на нас, очини свое

¹¹ «Радымакер» и ниже «радемакер» — от нем. «Rademacher» (гравер).

перо. — Сороки, галки, <1 сл. нрзб.>, хамелеоны, слоны, тюлени и пиявицы, чу... чушь.... фар... фарда... шебарда... и хаварда, правят перами, закрепляют листы, дуют, <1 сл. нрзб.> пыхтят, кряхтят, ломаются, коверкаются, зевают <1 сл. нрзб.> и потягиваются с утра от <1 сл. нрзб.> ночного кавардака, вовсе на тот час забыв на столе крючкотворное свое перо! О, <1 сл. нрзб.> одни крылатые да четвероногие, крылатые да четвероногие. Так вот почему и не гожусь-то я секретарем-то быть! (Л. 55—57 об.).

Г. А. ГУКОВСКИЙ

РАСИН В РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

От переводчика

Статья Г. А. Гуковского (1902—1950) «Racine en Russie au XVIIIe siècle» была впервые напечатана в журнале «Revue des études slaves» парижского Института славяноведения (Institut d'études slaves) в 1927 г.,¹ затем переиздана в сборнике ранних научных сочинений Гуковского в 2001 г. методом репринта.² Для настоящей публикации текст был подготовлен в соответствии с принципами, о которых см. ниже.

Исследование рецепции драматургии Ж. Расина в русской литературе XVIII в. входит в круг работ Гуковского, создававшихся в ходе подготовки к защите кандидатской диссертации «Русская поэзия XVIII в.» в Научно-исследовательском институте языков и литератур Запада и Востока при Ленинградском государственном университете (1924—1927) и опубликованных в 1926—1929 гг.³

¹ Racine en Russie au XVIIIe siècle: La critique et les traducteurs, par Grégoire Gukovskij // Revue des études slaves. Т. 7 (1927). Fasc. 1—2. P. 75—93; Racine en Russie au XVIIIe siècle: Les imitateurs, par Grégoire Gukovskij // Revue des études slaves. Т. 7 (1927). Fasc. 3—4. P. 241—260.

² См.: Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Общ. ред. и вступ. статья В. М. Живова. М., 2001. С. 329—367.

³ Гуковский Г. А. 1) Von Lomonosov bis Deržavin // Zeitschrift für Slavistik. Bd. 2 (1925). S. 323—365; 2) О сумароковской трагедии // Поэтика : Сб. статей Л.: Academia, 1926. С. 67—80 (Временник Отд. словесн. иск. Ин-та истории иск. Вып. 1); 3) Русская поэзия XVIII века. Л.: Academia, 1927; 4) Из истории русской оды XVIII века: (Опыт истолкования пародии) // Поэтика : Сб. статей Л.: Academia, 1927. С. 120—147 (Временник Отд. словесн. иск. Ин-та истории иск. Вып. 3); 5) К вопросу о русском классицизме: (Состязания и переводы) // Поэтика : Сб. статей Л.: Academia, 1928. С. 126—148 (Временник Отд. словесн. иск. Ин-та истории иск. Вып. 4); 6) О русском классицизме // Поэтика : Сб. статей. Л.: Academia, 1929. С. 21—65 (Временник Отд. словесн. иск. Ин-та истории иск. Вып. 5).

Проблематика и текст «Расина в России в XVIII веке» наиболее близки к статье «О сумароковской трагедии» и вступительному разделу «Русской поэзии XVIII века». В них утверждается идея самостоятельности и независимости от иноземных образцов русского литературного классицизма и опора на национальные традиции в развитии его основных жанров и в творчестве выдающихся писателей, особенно А. П. Сумарокова и его «школы». В работе «Расин в России в XVIII веке» на примере рассматриваемых критических отзывов в статьях и художественно-публицистических произведениях, переводов драматических сочинений Расина и подражаний им автор стремится показать, что критические отзывы о французском трагике были формальны, переводы его трагедий немногочисленны и вольны, подражания ему редки, ограничены общераспространенными драматическими ситуациями или краткими словесными формулами и в большинстве случаев могут быть возведены к уже имевшимся русским образцам. Имя Расина для русских литераторов XVIII в. является не отсылкой к определенной совокупности конкретных текстов или творческой манере, но знаком мастерства в драматическом роде литературы. Молодой исследователь (ко времени создания статьи ему еще не исполнилось двадцати пяти лет) заявляет, что полемизирует с распространенной и устоявшейся точкой зрения.⁴ Можно отметить при этом, что взгляд на драматическую литературу русского классицизма как на точный «сколок» французской классической драмы XVII в. и особенно Расина был изложен в хронологически близких ко времени создания «Расина в России» статьях, книгах и публикациях В. И. Резанова (1867—1936), недавно избранного членом-корреспондентом АН СССР (1923).⁵ Приводимый Гуковским материал замечателен по своей библиографической полноте и разнообразию, особенно в отсутствие еще не сформированных к тому времени основных справочных

⁴ О полемической направленности научного творчества Гуковского по отношению к изысканиям и выводам ученых старшего поколения в этот период см.: *Осват К. А. Гуковский в 1927—1929 гг.: К истории «младоформализма»* // Тыняновский сборник. 12, 13, 14-е Тыняновские чтения : Исследования. Материалы. М., 2009. Вып. 13. С. 570—586.

⁵ См. особенно: *Резанов В. И.* 1) Из истории русской драмы: Школьные действия XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910; 2) Экскурсы в область театра иезуитов: Из истории русской драмы. Нежин, 1910; 3) Трагедии Ломоносова // Ломоносовский сборник. 1711—1911. СПб., 1911. С. 235—265; 4) Расиновская трагедия на русской почве: По поводу книги П. О. Потапова «Из истории русского театра. Жизнь и деятельность В. А. Озерова» (Одесса, 1915). Примечательно, что уже в 1935 г., за год до его смерти, «Литературная энциклопедия» отказала работам Резанова в «крупном научном значении». См.: Резанов // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1929—1939. Т. 9. 1935. Стб. 582—583.

систем и каталогов по истории русской литературы XVIII в., разборы его точны и проницательны, умозаключения доказательны, тон в высшей степени убедителен. Однако для окончательного категорического вывода было бы необходимо предпринять оставшееся за пределами его работы рассмотрение театральной рецепции драматических произведений Расина на русской почве, особенно в исполнении гастролировавших иностранных трупп, исследование театральных впечатлений русских писателей за границей. Было бы не лишним привлечение рукописного материала, материала учебных пособий по истории литературы, сравнение «независимых» мнений русских писателей о Расине с общими местами современной им иноземной критики. Необходим также более пристальный взгляд на первые два десятилетия XIX в., литературное развитие которых естественным образом вытекает из историко-литературного процесса второй половины XVIII в. и когда наблюдается резкий рост популярности произведений Расина в России.

Обстоятельства публикации статьи «Расин в России в XVIII веке» в журнале «Revue des études slaves» раскрываются благодаря ценным материалам и консультациям, предоставленным покойным главным редактором журнала, профессором университета Париж-Сорбонна Жаном Брейяром (Breuillard, 1945—2011). Журнал, основанный в 1921 г. А. Мейе, П. Буайе и А. Мазоном, способствовал поддержанию академических контактов в области славистики, среди прочих стран, между РСФСР, затем СССР и Францией, помещая на своих страницах работы российских ученых, продолжавших трудиться на родине, и эмигрантов. Работа Французского комитета научных сношений с Россией (Comité français des Relations scientifiques avec la Russie), созданного в Париже 12 ноября 1925 г. по инициативе П. Ланжевена и С. Леви, в условиях восстановления дипломатических отношений между СССР и Францией 28 ноября 1924 г. немало способствовала расширению и активизации научных контактов советских и французских ученых. В задачи Комитета входили: обмен печатными работами, организация поездок для ученых в обе страны, научное сотрудничество (обучение и преподавание, публикации за границей, участие в международных конференциях).⁶ В работу Комитета деятельно включился Мазон. В 1926—

⁶ См.: Boyer P. Les relations scientifiques entre la France et la Russie // La revue du mois scientifique. 1926. Avril. P. 199—200; Mazon A. Le Comité français des Relations scientifiques avec la Russie // Ibid. P. 200—202. Более подробно о деятельности Мазона в области франко-русских научных контактов см.: Rjéoutski V. André Mazon et les relations scientifiques francosoviétiques (1917—

1927 г. он лично ходатайствовал перед министрами иностранных дел Эдуардом Эрио и Аристидом Брианом о предоставлении французских виз советским ученым, в частности Л. В. Щербе, супругам Томашевским, Н. Я. Марру, устраивал поездки молодых французских исследователей в СССР, сам посетил Ленинград весной 1927 г. В эту пору Гуковский имел множество способов завязать не только заочное, но и личное знакомство с Мазоном и даже передать ему рукопись своей статьи. И, по-видимому, такое знакомство действительно состоялось, о чем свидетельствует почтовая карточка, сохранившаяся в фонде Мазона в парижском Институте славяноведения. Ниже приводится ее текст с сохранением мелких орфографических оплошностей.

Carte postale.
[Cachet de la poste]: 10. 6. 26. Ленинград
Кому:
M. André Mazon
140 avenue de Suffren
Paris (XIVe)
France

[vs.]

Monsieur !

J'eus l'honneur aujourd'hui de vous envoyer mon article sur la poésie russe du XVIII siècle, publié dans le «Zeitschrift» de M. Max Vasmer. Je crus devoir soumettre à votre jugement ce petit ouvrage, sachant bien que vous vous intéressez à tout ce qui paraît concernant notre histoire littéraire. J'espère que vous serez bienveillant à ce premier résultat de mes recherches scientifiques et m'excuserez les défauts et les lacunes qui se trouveront assurément dans mon ouvrage.

Veillez, Monsieur, agréer les sentiments du plus profond respect de votre très humble et très obéissant serviteur.

Grégoire Gukovsky.

Leningrad. Canal Griboedoff, 24. ap. 5.
10. VI. 1926

Перевод:

Почтовая карточка
[Почтовый штемпель]: 10. 6. 26. Ленинград
Кому: г-ну Андре Мазону
Авеню Сюффрен 140
Париж (14 округ)
Франция

1939) // Revue des études slaves. T. 82 (2011). Fasc. 1 : André Mazon et les études slaves. P. 95—114.

Сударь!

Я имел честь сегодня отправить Вам мою статью о русской поэзии XVIII века, опубликованную в «Zeitschrift» г-на Макса Фасмера.⁷ Я подумал, что должен подвергнуть вашему суду этот небольшой труд, зная, что Вы интересуетесь всем, что выходит касательно нашей литературной истории. Надеюсь, вы будете благосклонны к этому первому итогу моих научных изысканий и простите мне огрехи и пропуски, которые несомненно отыщутся в моем труде.

Благоволите, сударь, принять чувства глубочайшего почтения от Вашего всенижайшего и всепокорнейшего слуги.

Григорий Гуковский.

Ленинград. Канал Грибоедова, 24, кв. 5
10 июня 1926.

Карточка отправлена на домашний адрес Мазона, что может свидетельствовать о неформальном знакомстве отправителя с адресатом. Ее текст демонстрирует характер и уровень владения Гуковского французским языком. Немного устаревший, местами даже намеренно архаизированный, отмеченный небольшими стилистическими и орфографическими погрешностями против эпистолярного этикета и описками, и при этом весьма изящный, французский язык Гуковского был, по-видимому, вполне достаточен для того, чтобы перевести готовую статью или самостоятельно изложить результаты исследования для публикации. Среди бумаг ученого, хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга, не сохранилось документов, связанных с работой над статьей «Расин в России в XVIII веке».⁸ Рукопись или машинопись ее отсутствует также среди бумаг Мазона в парижском Институте славяноведения. Она могла бы находиться в архиве журнала «Revue des études slaves», но его документы, относящиеся к 1920-м гг., к сожалению, не сохранились. Поэтому пока остается предположить, что французский текст работы был составлен самим Гуковским и передан в редакцию одним из способов, которых в то время у него было достаточно.

Для настоящей публикации выполнен перевод на русский язык, сверены все библиографические ссылки и цитаты. Если в тексте Гуковского дается неполное описание издания, отсут-

⁷ Имеется в виду статья Г. А. Гуковского «Von Lomonosov bis Deržavin».

⁸ Обзор его рукописных материалов и документов, относящихся, среди прочего, к 1920-м гг., см.: *Малышев О. И.* Документы литературоведа Г. А. Гуковского в фондах ЦГАЛИ СПб. // Археографический ежегодник за 2001 год. М., 2002. С. 388—392.

ствуют номера страниц или выходные данные, то эти сведения приводятся в тексте перевода без дополнительных замечок. Если ссылка Гуковского содержит только имя автора или только название произведения, то полная ссылка помещается в примечании переводчика с пометой «имеется в виду». Если в тексте Гуковского цитата дана со значительными отклонениями от текста источника, то полный или исправный текст приводится в примечании переводчика. Все цитаты из текстов на русском языке, переведенные Гуковским на французский, публикуются по их указанным источникам, погрешности перевода Гуковского не оговариваются. Цитаты из «*Journal étranger*», по замыслу Гуковского, приводятся на французском языке, в примечаниях переводчика дан их перевод по «*Полному собранию всех сочинений*» А. П. Сумарокова. Цитаты из произведений Ж. Расина сверены по изданию: *Œuvres de J. Racine / Nouvelle édition revue sur les plus anciennes impressions et les autographes et augmentée de morceaux inédits, des variantes, de notices, de notes, d'un lexique, des mots et locutions remarquables, d'un portrait, de fac-simile, etc., par M. Paul Mesnard. Paris, 1865—1873. Т. 1—8*, которое упоминает автор. Поскольку имеющиеся русские стихотворные переводы драматических сочинений Расина нередко пропускают или передают лишь приблизительно цитируемые отрывки, они печатаются в тексте статьи по-французски, а в примечаниях переводчика даются в подстрочном переводе. Также фрагмент из оды А. П. Шувалова на смерть М. В. Ломоносова опубликован в тексте на французском языке, а его перевод — в примечании переводчика. Название трагедии «*Athalie*» в русских переводах дается согласно вариантам, принятым переводчиками: «Аталия», «Афалия», «Гафалия», «Гофолия». Таким же образом приводится имя персонажа трагедии Расина «*Fédra*» *Théramène*: Терамен или Ферамен. Примечания переводчика помещены после текста статьи; места в тексте, к которым они относятся, помечены звездочкой. Конъектуры переводчика вносятся в угловых скобках.

Статья Г. А. Гуковского «Расин в России в XVIII веке» печатается с любезного разрешения редакции журнала «*Revue des études slaves*».

А. О. Дёмин

Критика и переводчики

Изучая русскую трагедию XVIII в., нужно прежде всего, и против мнения, одно время благосклонно принимаемого, отказать видеть в ней точную копию классической французской

трагедии. Сегодня уже нельзя представить себе какую-либо форму искусства, переходящую без изменений в иную языковую среду и в обстановку иного исторического развития; известно, что системы классической трагедии в России, как и во Франции, противятся фиксации в ясно очерченных формах. Мало того, пристально изучая русский театр, замечаешь, что он развивался более или менее самостоятельно и в значительной мере является плодом опыта древнерусской литературы. Правда, русская литература испытала кризис в тридцатые годы XVIII в.: тогда она повернулась к загранице, но лишь затем, чтобы в ее школе открыть секрет собственного творчества, отличного от образца. К тому же россияне обращаются тогда не только к французам, они многое перенимают от немцев, итальянцев, от англичан и особенно от древних. Что касается трагедии, в России много читают французские сочинения, но умеют свободно использовать извлекаемые из них подходящие драматургические приемы, тогда как черты, противоречащие системе разрабатываемой национальной трагедии, оставляют в стороне.

То, как россияне XVIII в., писатели и читатели, относились к Расину, долгое время почитаемому корифеем классической французской трагедии, с этой точки зрения весьма поучительно.

* * *

В 1735 г. Тредиаковский в своем «Способе к сложению российских стихов», где он старается познакомить Россию с развитием литературной науки и словесности на Западе и перечисляет величайших драматических поэтов древности и современного мира, называет Расина наряду с двоими Корнелями и Вольтером.^{1*} Кажется, это первое упоминание поэта на русском языке. Впрочем, простое упоминание и не обязывавшее Тредиаковского видеть в человеке, которого он возводил в ранг самых прославленных трагиков, непогрешимого мастера своего искусства; его замечание принадлежит скорее историку литературы, чем теоретику жанра. Действительно, в позднейшей статье 1750 г.² Тредиаковский осуждает и отвергает как «ни к чему годные» все французские трагедии, содержащие катастрофу с гибелью героя, а этот приговор касается большинства трагедий Расина.

¹ Сборник материалов для истории Академии наук в XVIII веке / Изд. А. Куник. СПб., 1865. Т. 1. С. 72.

² [Тредиаковский В. К.]. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю // Там же. С. 495.

Только через тринадцать лет имя Расина вновь появляется в нашей словесности, в одном пассаже «Эпистолы о стихотворстве» Сумарокова (1748). Годом раньше Сумароков опубликовал первую русскую трагедию в классическом стиле и созданную согласно правилам, — «Хорева», и одновременно с «Эпистолой» выпускал вторую трагедию — «Гамлета». «Эпистола о стихотворстве» напоминает «Поэтическое искусство» Буало, за которым часто прямо следует. Сумароков дает в ней основные правила трагедии и, чтобы проиллюстрировать примерами трагические положения, кратко излагает основные пункты действия в некоторых пьесах Расина. Перед читателем по очереди проходят «Ифигения», «Федра», «Андромаха», «Британик», «Митридат», «Аталиа», местами возникают подражания двум-трем стихам из них (фрагменты из «Федры» и «Андромахи»). Это изложение сопровождается похвалами Расину; «Федре» и «Аталии» особенно посчастливилось понравиться Сумарокову. Помимо двух трагедий Расина, сочиненных до «Андромахи»,* в «Эпистоле» не упомянуты лишь «Баязет», «Береника» и «Есфирь». И это не случайно. Сумароков добавил к своим стихам прозаические примечания, где он дает краткие сведения о названных им поэтах. Там сказано о Расине, что он «великий стихотворец, преславный трагик французский...», что «стихотворство его всякую похвалу превосходит; лучшие его трагедии суть: „Аталиа“, „Федра“, „Ифигения“, „Митридат“, „Андромаха“, „Британик“». Сумароков был знаком с хронологией пьес Расина;* значит, нужно толковать порядок упоминания пьес как оценочный: вновь на первом месте «Ифигения» и «Федра», а трагедии, не упомянутые в стихах, равным образом обойдены молчанием и в прозе.

В 1762 г. С. Г. Домашнев, молодой писатель сумароковской школы, в статье «О стихотворстве» дает краткий исторический обзор всей известной ему словесности, восточной и западной, и он называет Расина среди величайших французских писателей. В связи с этим он высказывает мнение, весьма сходное с тем, какое мог вынести читатель из «Эпистолы» Сумарокова. Он пишет: «Расин <...> был великий и славный писатель трагедий, из которых „Федра“, „Андромаха“* и „Аталиа“ в рассуждении нежности и живости изображения страстей суть бессмертные сочинения».³ В коротком замечании Домашнева о Расине впервые подчеркивается характерная черта мастера, которая делается как бы общим местом: «нежность в изображении страстей».

Представление о независимости, с какой о Расине судили русские читатели по поводу этой пресловутой «нежности», мож-

³ Полезное увеселение на месяц июнь 1762 года. С. 229.

но получить из замечания Ф. Эмина в одной статье из «Адской почты» (1769), посвященной сравнению заслуг Ломоносова и Сумарокова в поэзии: «...г. С<умароков> в сем своем пути странствовал счастливо, и если находятся в его трагедии пороки, то такие, каких и в Корнелие и Расине есть довольно. Любовь есть общая зараза театра, без которой и славнейшие сочинители в трагических своих сочинениях почти обойтись не могли. Расин не мог того миновать, чтоб Митридата, Александра и Пора не представить щеголями любовными; а в Корнелие редко можно сыскать трагедию без такой любви, которая во многих в нем местах весьма нехорошо описана, потому что положена не у места».⁴ Ту же независимую позицию встречаем в 1783 г. в статье М. Н. Муравьева о различии стилей: «Рассуждение о различии слогов высокого, великолепного, величественного, громкого и надутого».⁵ В качестве характеристики слога «великолепного» (то есть «изысканного, цветистого, изящного»)* он дает две цитаты из Расина с такими комментариями: «„Brûlé de plus de feux que je n'en allumai“.* Как будто бы пламень любовный был тот же самый, которым сожжена Троя» — или еще: «Паче всего великолепный слог прохладяет страсти: надобно иметь довольно равнодушия, чтоб делать блистающие описания. Нет ничего прекраснее сих стихов повествования Тераменова, но все соглашаются, что они не имеют вероятности, приличной изъявлению страсти».⁶

Такая позиция по отношению к Расину, в ком видят «одного из славнейших авторов», но кого могут и подвергнуть резкой критике, свойственна и Сумарокову, оставившему первую сколько-нибудь развернутую статью о Расине: равноценной ей нельзя найти вплоть до начала XIX в. Эта статья, принадлежащая перу создателя трагедии в России, имеет особый вес. Она была опубликована четыре года спустя после смерти автора, и заголовок «Мнение во сновидении о французских трагедиях» ей дал несомненно издатель, Н. И. Новиков.⁷ По правде говоря, это не статья, а нечто вроде длинного письма, адресованного Вольтеру. Мне трудно сказать, было ли оно ему послано. Время его сочинения должно приходиться на период между 1759 и 1768 г. Сумароков заявляет, что видел во сне представление ряда французских трагедий, за-

⁴ Адская почта, или Переписки хромоногого беса с кривым. Ежемесячное издание. СПб., 1769. С. 271.

⁵ Опыт трудов вольного российского собрания при императорском Московском университете. М., 1783. Ч. 6. С. 1—24. Статья не подписана, однако на с. 28 этой же шестой части автор назван.

⁶ Там же. С. 7—8.

⁷ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений... М., 1787. Ч. 4. С. 327—356.

тем оценивает каждую из них, останавливаясь на сценах и даже на репликах и приводя многочисленные выдержки. Он знакомит нас со своим мнением о трагедиях Корнеля, Расина и Вольтера, но больше всего места уделено Расину. После разделов о «Цинне» и «Родогуне» он рассматривает «Митридата», «Ифигению», «Федру», «Аталию», затем трагедии Вольтера («Брут», «Заира», «Альзира», «Меропа»). Здесь находится целый ряд восторженных суждений о Расине. Раздел о «Митридате», например, начинается следующими словами: «Третье представление была трагедия французского Еврипида, сего великого мужа, которого и вы толико же много, колико и я почитаю...». Об «Ифигении» автор пишет: «Начало трагедии прекрасно. Стихи великого вкуса. Пролог весь есть дело достойное Расина. Второе явление прекрасно. Третье прекрасно». О третьем явлении четвертого действия: «Вся последняя речь Клитемнестры писана Музами»; в конце этого отрывка: «Волосы на мне дыбом, сердце затрепетало, замерло; а по окончании явления, в минуту громчайшего плеска, полилися из очей моих слезы. В сей статье взошел французский Еврипид на самый верх Парнаса». О «Федре» читаем следующее заключение: «Сия трагедия превосходит похвалу: а я только то скажу, что доколе не исчезнет род человеческий, никто и никогда лучше сей трагедии не сделает, ибо в ней Расин дошел до последнего границы искусства человеческого». И в самом конце статьи, после разбора пьес Вольтера, Сумароков возвращается к «Федре»: «„Альзира“, „Цинна“ и „Аталия“, кажется мне, должны уступить первенство „Меропе“ и „Федре“. Сии две трагедии будут вечною честью своим авторам и Мельпомене и вечною славою Франции, Европе и всему роду человеческому».⁸

Сумароков совсем не считает, будто Расина нужно представлять себе лишь как художника нежной страсти; заметно, что он совершенно не согласен с тем, что Митридат якобы воздыхатель. Он пишет: «Второго действия, третьего явления первая Митридатова речь кажется мне самим Гомером писана: вот колико несмысленны те, которые Расину едину приписуют нежность». О пятом действии «Аталии» пишет: «В шестом явлении речь Аталии показывает Корнелиеву Клеопатру и что Расин в возвышении не уступает Корнелию, а притом чище и красноречивее его всегда».

И все же, — что весьма важно, — объявляя о своей слабости к Расину, восхваляя его на каждом шагу, Сумароков оттого не ме-

⁸ Сумароков комментирует таким же образом и другие пассажи. Особенно он хвалит в «Митридате» — Д. II, явл. 3 (начало), 4, 6; V, 1, 2; в «Ифигении» — III, 6, 7; IV, 4, 5, 6, 8; V, 2, 3, 4; в «Федре» — I, 3; III и IV (целиком); в «Аталии» — I, 2; II, 2; IV, 3, 5; V, 5, 6.

нее ясно видит в нем поэта иноземной традиции, традиции более или менее отличающейся от той, которую следовало бы создать в России. Восторг от поэтического гения, испытываемый им при чтении, не ведет его к некритическому созданию на основе этого образца правил для собственного творчества. Сумарокова поддерживает здесь и высокое мнение о себе самом, сохраняемое им на протяжении всей его писательской карьеры: в глубине души он считает свои сочинения равными сочинениям Расина и полагает, что французская система и его собственная могут не совпадать. Со своей точки зрения как автора, он считает нужным отбросить некоторые приемы французского драматурга.

Он довольно живо критикует некоторые пассажи, так в «Митридате»: «В четвертом явлении третьего действия, в монологе Митридата:

Mais par où commencer?
Qui m'en éclaircira? Quels témoins? Quel indice?*

Извлекло Расину скорый переворот:

Le ciel, en ce moment, m'inspire un artifice.*

Такое скоропоспешное и слабое в ломке заключение есть дело не Расиновой музыки. Сие действие мне не нравится, хотя стихи и хороши: и вся сия завязка принадлежит комедии, да и то характерам нижнего рода, а не трагическим героям» (речь идет об уловке, с помощью которой Митридат неожиданно раскрывает тайную любовь Мони́мы и Кифареса).

Таким же образом сторонник трагической системы, сведенной к самому простому принципу и к концепции единства действия, упрощенного до крайней скудости, вплоть до удержания на протяжении всей пьесы одного неизменного отношения между минимальным числом персонажей, Сумароков возмущается эпизодической ролью Эрифилы в «Ифигении», поскольку эта героиня расщепляет интригу и таким образом разрушает единство пьесы, как он его понимает. Он пишет об этом: «Второго действия первое явление меня не трогало, ибо сия епиеда* меня не оживляет, но усыпляет и отъемлет у сей прехвальной трагедии много чести. Второе явление хорошо; но все сие действие почти не трогало сердца моего. Четыре первых явлений прекрасны, только Ерифиллина роля меня отвлекает от настоящей истории. Пятое явление весьма хорошо. Удар театральный был бы чрезвычайно хорош, ежели бы не было на театре противной мне, или паче несносной Ерифилы <...> Четвертого действия первое явление не стоит моего примечания» (здесь снова Эрифилла беседует с Доридой). Сума-

роков более снисходителен к роли Арисии в «Федре», хотя ее тоже можно считать расщепляющей действие пьесы, и здесь он снова подчеркивает, что не принимает самого принципа драматического действия между двумя группами персонажей, следовательно, с двумя центрами интереса: «Арисия, хотя и эпизодическая особа, но мне не противна, и Расин не испортил ею своей драмы, но еще украсил».

Можно заметить, что столь же характерно замечание о последней сцене «Ифигении»: «Рассказ вестника прекрасен. Но окончания трагедии рассказами не суть по моему вкусу». Действительно, в своих первых трех пьесах Сумароков использовал повествовательные развязки, но впоследствии он оставляет этот прием, и развязки у него происходят или прямо на сцене, или доводятся до сведения зрителя через обмен репликами. Размышляя таким образом об «Ифигении», автор остается верен собственной системе: он подчеркивает, в чем не согласен с Расином. Рассказ Терамена вызывает у него такое же недовольство: «Рассказ Фераменов достоин Расина; жаль только, что не перехвачен так, как у Еврипида, а здесь того больше требовалось». В общем, он осуждает эпический характер этого пространного рассказа, внесенного в диалог без растворения в нем.

Необходимо отметить еще следующие размышления Сумарокова об «Аталии»: «Хоров я не люблю»; и далее: «Осьмое хоральное явление я прехожу», и о четвертом действии «Ифигении»: «Во втором явлении взошла Клитемнестра с Эгиною на театр, а Эрифилла с Дорисою сошли. Сие противно театру и хорошему вкусу, и все сие крайне принужденно и натянуто ради последующих явлений». Сумароков никогда не позволял себе разрыв между сценами и создал даже особую технику сцепления сцен. Он чувствовал свою независимость и достаточно сохранял свою свободу, как мы видим, чтобы строго судить любимого писателя.

После статьи Сумарокова почти ни один русский писатель во второй половине XVIII в. не остановился на оценке или даже на разборе трагедий Расина. Можно указать, например, послание «К Якову Борисовичу Княжнину 1784 года»* Д. И. Хвостова (написанное в 1784 г., но напечатанное позже), посвященное Расину: в нем, стихах в пятидесяти, мы найдем собрание общих и банальных похвал; автор заявляет, что во время представления «Ифигении» он полностью поддается иллюзии, которую хотел создать автор, что он страдает вместе с Ахиллом и тревожится за судьбу героини (то же есть и у Сумарокова, но короче); он хвалит «нежность», «сладостность» Расина, вслед за Сумароковым называет его «французским Еврипидом», ставит в пример его искусство

пленять «чувствием и плавностью идей», верное живописание сердец, сладость стихов.⁹

Эти похвалы, совершенно не порочащие их автора, сами являются единичным фактом. Другие писатели ограничиваются внешними знаками почтения к Расину, как к тому, кто заслуживает канонизации историей, но сам, похоже, находится уже за ее пределами. Впрочем, и Сумароков, как можно заметить, уже использует имя Расина в условном, почти символическом значении. Отныне Расин воплощает, так сказать, классическую французскую трагедию и даже трагедию вообще; имя его священно, но его метод, разумеется, не является непререкаемым и, по правде говоря, уже устарел. Его ставят так высоко, что делают из него такого корифея трагического Парнаса и больше не представляют на том месте, которое он занимает в истории, и не считают, что он может оказывать реальное воздействие на искусство современников. Так, Сумароков, желая сказать, что дал России трагический репертуар, пишет:

Расинов я театр явил, о россы, вам;
Богиня! а тебе поставил пышный храм...¹⁰

В другом месте, отказываясь от стихотворства и, в частности, давая клятву никогда больше не сочинять трагедий, он восклицает:

Пускай, Расин, твоя Монима жалко стонет,
Уж нежная любовь ея меня не тронет.¹¹

Почтительное упоминание Расина наряду с другими давно прославленными писателями можно встретить у определенного числа авторов. В анонимной статье в «Свободных часах» (1763. С. 718) читаем, что «Расин с Корнелем и Мольером суть сочинители драм, наиболее способные образовать вкус».* Н. П. Николев коротко, как бы походя, говорит, что Расин умеет описывать сердце и вызывать вздохи зрителей.^{12*} Безымянный рифмоплет в чет-

⁹ *Хвостов Д. И.* Полное собрание стихотворений. СПб., 1817. Ч. 2. С. 32—39.

¹⁰ Элегия 18. К г. Дмитревскому на смерть Ф. Г. Волкова <1763> // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений... Ч. 9. С. 77. Богиня, к которой обращено это воззвание, — Мельпомена.

¹¹ Элегия 17 // Там же. С. 76. Ср. пьесу, где Ломоносов назван «*Racine malgré lui*» («Расин поневоле»)* (см.: *Ломоносов М. В.* Сочинения / С объяснительными примечаниями М. И. Сухомлинова. СПб., 1891. Т. 1. С. 435).

¹² *Николев Н. П.* Ея сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой лиро-дидактическое послание с пополнительными примечаниями // Николев Н. П. Творения. М., 1796. Ч. 3. С. 121.

веростишии в честь Княжнина уподобляет его Софоклу, Вольтеру и «самому чувствительному Расину».¹³ Радищев¹⁴ и Херасков¹⁵ вписывают имя Расина в перечни великих гениев мировой литературы. Эти простые упоминания имени, сопровождаемого иногда банальным эпитетом или двумя-тремя бесцветными словами, не производят впечатления, что речь идет о писателе, дорогом, близком, необходимом: это важная персона, которую поневоле зовут за стол, не испытывая к ней привязанности; соблюдают этикет и хороший тон, требующие чтить память Расина, однако живого чувства к его творениям не питают.¹⁶ Любопытно заметить, что Державин, который, в общем, чувствительно отражает вкус своей эпохи, один раз нарушает закон протокола в одной своей эпиграмме,¹⁷ порицая подражание у трагических поэтов, русских и французских: Сумароков и Княжнин трепещут при встрече с Корнелем, Расином и Вольтером, а те должны признать свой плагиат, оказавшись перед лицом Эсхила, Софокла и Еврипида.¹⁸

Нужно ли заключить из всего этого, что Расин, в общем, не имел никакого успеха у русских читателей? Конечно, нет. Он пробудил интерес, он нашел читателей, которые полюбили его сочинения, читали их и перечитывали. Таков Сумароков. Но сами эти читатели, почитавшие его, видели в нем превосходного поэта, но не мэтра, и Расину приходилось быть, таким образом, любимцем небольшого числа дилетантов, эклектиков, поклонников поэтических традиций, украшенных розовыми туманами прошлого. Читательской массе Расин остался чужд и не снискал у нее никакой популярности.¹⁹ Ни один русский писатель не подумал для оправдания собственного сочинения прибегнуть к авторитету драматургического опыта французского мастера, как

¹³ *Княжнин Я. Вадим Новгородский, трагедия* / С предисл. В. Саводника. М., 1914. С. 23 первой пагинации.

¹⁴ *Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву* // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. / Под ред. проф. А. К. Бороздина., проф. И. И. Лапшина, П. Е. Щеголева. СПб.: Изд. М. И. Акинфиева, 1907. Т. 1. С. 191.

¹⁵ <*Херасков М. М.*>. Полидор, сын Кадма и Гармонии. М., 1802. Ч. 2. С. 320 (Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. Ч. 11).

¹⁶ Об уважении к иерархии и литературном этикете вплоть до 20-х гг. XIX в. см.: *Гинзбург Л. Вяземский литератор* // Русская проза : Сб. статей. Л., 1926. С. 102—134.*

¹⁷ *Державин Г. Р. Сочинения* / С объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3. С. 249.*

¹⁸ См. также: *Державин Г. Р. Сочинения* / С объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3; СПб., 1880. Т. 8. С. 268—269.

¹⁹ Нужно указать еще одну статью о Расине, несомненно переведенную с французского языка,* находящуюся в 11-м томе «Словаря исторического, или сокращенной библиотеки». К ней приложена подробная библиография, разбор всех пьес, с отзывами критики, но ничего о Расине и его русских читателях.

это происходило с авторитетом Вергилия, Гомера, Ломоносова, и это потому, что для большого числа современников Расин был всего лишь именем. Почему Расин не нашел своего места в русской литературе XVIII в. в целом? Конечно, потому, что, в общем, иноземный элемент проникает в отечественную традицию лишь тогда, когда он ей необходим, то есть когда он занимает то место, где ничего нет; и в этом отношении Расин был не нужен русской драме, поскольку она выработала себе оригинальную традицию, удовлетворявшую эстетическому чувству современников. Не следует забывать, кроме того, что эпоху Екатерины и даже Елизаветы от эпохи Расина уже отделял важный отрезок времени: литературная деятельность целого века в России и во Франции постепенно отдаляла от французского поэта средних читателей и даже писателей, не склонных углубляться в прошлое.

* * *

Сказанное сейчас о Расине и русской публике подтверждает один факт: малое число переводов этого поэта. Однако если просмотреть журналы XVIII в., нетрудно заметить, что молчание о великих иностранных писателях — это далеко не общее правило. Например, часто и много пишут о Вольтере. Поэты древности, такие как Овидий и Анакреон, пользуются довольно широкой популярностью, реальность которой проявляется в частых переводах. Овидий переведен много раз с постоянством, свидетельствующим об упорном стремлении передать его лучше и лучше (Санковский, В. Майков, Колоколов, Тиньков, Рубан; в прозе — Козицкий, Рембовский). Переводят также Горация и Анакреона. Вообще, в России XVIII в. любят переводить. Эта эпоха, желающая усвоить иноземные литературные системы, чтобы обогатить ими национальные традиции, заставляя иностранные сочинения переходить на русский язык, силится дать им место в литературе своей страны. Не следует думать, будто знание французского языка, распространенное в образованных кругах, делало ненужными переводы. Действительно, французов переводят столько же, сколько и древних: так, только «Телемах» Фенелона насчитывал до 1805 г. пять переводов и десять изданий, «Велизарий» Мармонтеля, с 1768 по 1803 г.* — четыре перевода и десять изданий; Вольтер тоже хорошо расходуется. И в этих обстоятельствах знаменательно, что вплоть до 1800 г. были переведены только четыре трагедии Расина: «Андромаха» (дважды), «Ифигения», «Есфирь» и «Аталия», и это без учета отрывков, переведенных Сумароковым; только в 1805 г. переведена «Федра». «Ата-

лия» переведена лишь прозою. Первый по времени перевод — это «Есфирь», прозою: она появилась только в 1783 г., так что до этого времени нельзя было прочесть ни одного сочинения Расина целиком на русском языке. Первый стихотворный перевод, «Адромаха», появляется только в последнее десятилетие века, в 1791 г. Остается перевести еще семь трагедий и «Сутяг». Из недраматических сочинений также ничего не выпущено; появилось только вольное переложение Херасковым оды «Слово Молвы к Музам»: русский поэт делает из нее, сокращая, похвалу Елизавете.²⁰

Только в 1756 г. в журнале «Ежемесячные сочинения» мы встречаем первый фрагмент из Расина, переведенный Сумароковым: знаменитый рассказ Терамена из «Федры» (д. V, явл. 6).²¹ Второй фрагмент извлечен из того же самого явления:* это диалог Федры и Эноны, который был напечатан лишь после смерти Сумарокова, в 1779 г.²² Третий фрагмент, часть второго явления первого действия «Адромахи» (диалог Ореста и Пирра), фигурирует в 1781 г. в первом томе «Полного собрания всех сочинений» Сумарокова,* опубликованного Н. И. Новиковым.²³ Помимо этих трех отрывков есть еще четыре, среди различных поэтических фрагментов, без заголовка или каких-либо других указаний; они наверняка были найдены Новиковым среди бумаг поэта. Это 20 стихов реплики Клитемнестры («Ифигения», IV, 4), 12 стихов Клеофилы («Александр», III, 6), 22 стиха, произносимых Ипполитом («Федра», II, 2), и 4 стиха из роли Федры («Федра», I, 3).^{24*}

Переводы Сумарокова отличаются от всех удивительной буквальностью: они следуют за текстом Расина вплоть до мелочей. К примеру, повествование Терамена начинается в переводе так же, как в оригинале, вторым стихом двустушия (без соответствующей рифмы в переводе);²⁵ чередование мужских и женских рифм

²⁰ М<ихаил> Х<ерасков>. Ода к Музам, подраженная г. Расину // Полезное увеселение на месяц апрель 1760 года. С. 131—134.

²¹ Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1756. Ч. 1. С. 422—425.

²² Модное ежемесячное издание. 1779. Ч. 1. С. 103—106.

²³ Первые два пассажа там же перепечатаны.*

²⁴ Некоторые оригиналы этих переведенных фрагментов находятся в статье Сумарокова «Мнение во сновидении...», все из «Федры» и отрывок из «Ифигении» (в статье реплика дана целиком). Здесь можно указать, что особенности стиля и даже правописания этой статьи дают нам право думать, что русский текст не принадлежит Сумарокову: несомненно, это Новиков перевел французский оригинал (он также не опубликовал немецкий оригинал «Письма ко приятелю» (Свободные часы. 1763. Март. С. 186—191), а только русский перевод; правда, на этот раз тоже принадлежавший автору).

²⁵ Сумароков пропускает три стиха, произносимых Тезеем после первой части рассказа, и начинает вторую часть рассказа вновь стихом без рифмы.

соответствует чередованию во французском тексте. Перевод почти слово в слово и стих в стих. При этом нужно отметить, что Сумароков следует правилам собственного поэтического синтаксиса, не желая при этом менять порядок стихов Расина, объединенных подчинительными связями и более или менее сложными синтаксическими оборотами; это вынуждает его разрушать сплетения фраз, разделяя их и ставя рядом. Для стремящегося к точности переводчика это — неизбежное следствие применения к перелагаемому шаг за шагом оригиналу системы, достаточно сильной, чтобы противостоять системе его образца. В общем, едва уловимые оттенки смысла каждого слова, словарный запас в целом, повороты фразы определенно отличают стиль Расина от стиля его переводчика. Вся утонченная изысканность, изящество языка Расина исчезают. Сумароков запечатлевает на своих переводах собственную характерную манеру: ясную, сухую и предельно простую.²⁶ Только один фрагмент нам кажется переданным менее буквально, а именно часть первого действия, явления второго «Андромахи», которую Сумароков перевел менее близко к оригиналу и местами даже свободно, с перестановками в порядке тем, с развитием, добавлениями; при этом число стихов неизменно соответствует количеству стихов оригинала. Здесь есть одна особенность, которую, несомненно, следует объяснять желанием автора попробовать свои силы в другой манере и, может быть, показать своим ученикам и современникам, что он умел приспособляться к самым разным типам перевода; это было вполне в духе Сумарокова, ибо у него можно найти подобные подходы в сходных обстоятельствах.²⁷ Как кажется, переводы Сумарокова весьма ценились. В любом случае, поэт его школы, А. А. Ржевский, еще в конце 80-х гг. писал по поводу одного стихотворного перевода «Генриады», которым был недоволен: «Я, с моей стороны, не могу вспомнить другого перевода стихотворного, чтоб переложен был из стиха в стих с равною энергиею подлинника и

²⁶ Переход с «вы» на «ты» в устах героев явно обозначает перемену тона.

²⁷ Любопытно заметить, что последние девять стихов переданы точно стих в стих, как в других переводах. Хотел ли Сумароков показать в одном отрывке пример двух разных подходов? У Сумарокова, надо иметь в виду, практика не отвечает теории; в своей «Эпистоле о русском языке» он советует переводчикам не следовать рабски оригиналу и передавать мысль, не привязываясь к каждому слову и выражению. В этом есть противоречие, но «Эпистола» была сочинена, когда автор был молод (она появилась в 1748 г.), и изложенная в ней теория, наверно, ему не принадлежит. Правда, в 1774 г. Сумароков сократил эту «Эпистолу» и оставил этот пассаж целиком, но тогда он, в общем, ограничивался сокращением, а не исправлением (см. также: Наставление <хотящим быти писателями> // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений... М., 1781. Ч. 1. С. 359).

без упущения мыслей, как только два небольшие отрывка покойного Александра Петровича Сумарокова из Расиновой „Федры“: повествование Тераменово о смерти Ипполита и одной сцены Федры с Еноною...».^{28*}

В 1783 г. появился анонимный перевод «Есфири» в прозе, и в 1784 г. — «Афалия». Оба были изданы в Москве Новиковым и, несомненно, принадлежали одному автору. Вероятно, это был один из тех литературных ремесленников, которым Новиков давал работу по случаю своих широких издательских начинаний. Эти два перевода — из числа самых буквальных. С какой-то наивностью переводчик сохраняет, насколько возможно, даже порядок слов и членов предложения. В результате его русский язык часто темен и весь наполнен неловкими оборотами. Мы имеем дело не с одаренным писателем, как, впрочем, и не с совершенным знатоком французского языка, о чем свидетельствуют некоторые ошибки понимания. Стиль в традиции русского трагического стиля — «высокий», то есть изобилует славянизмами.²⁹ Эти два перевода, выполненные, вероятно, на заказ, не имеют целью удовлетворить эстетическое чувство современной публики, они только отвечают тогдашнему стремлению московского масонства направить литературу в сторону мистики и морали. Сходное усилие обновления трагического репертуара в религиозном духе мы находим в прозаической трагедии «Иеффай» монаха Аполлоса (Байбакова), переизданной Новиковым.³⁰ Массоны, впрочем, в этой попытке не преуспели, и русская трагедия была призвана развиваться другими путями, нежели те, что они желали ей навязать.

Том 37 «Российского феатра», неперiodического сборника русских драматических сочинений, появившийся в Петербурге в 1791 г., содержит анонимный стихотворный перевод «Андромахи».* Имя Расина не указано на титуле, и несомненно нужно приписать небрежности издателя включение этой пьесы в собра-

²⁸ Сухомлинов М. И. История Российской академии. СПб., 1885. Вып. 7. С. 116. Ржевский имел в виду эти два фрагмента такими, какими они были до их перепечатки в «Полном собрании всех сочинений...».

²⁹ Среди прочих деталей можно заметить, что в «Есфири» пропущен пролог и что трагедия, согласно французским изданиям 1702, 1713, 1722, 1768 гг., разделена на пять действий (см.: *Racine J. Œuvres / Nouvelle éd. <...> par P. Mesnard. Paris, 1865. Т. 3. 475, 490, 509, 516, 525*). * Имена собственные слегка изменены: «Assuérus» становится «Ассур», «Zarès» — «Зара», «Thamar» — «Фамарь».

³⁰ Иеффай, священная трагедия, коея содержание в библейских книгах Судей, главе II к концу. М., 1778; 2-е изд. М., 1782; То же // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. СПб., 1787. Ч. 6. С. 241—272.

ние специфически русских произведений. Этот перевод в общем добросовестен. Его автор стремится подражать Сумарокову, поскольку соблюдает скрупулезную верность по отношению к французскому тексту, но верность эта не без изъяна: важные части переданы стих в стих, но перевод в целом оказывается на 176 стихов длиннее оригинала.³¹ Точность увеличивается от начала к концу пьесы и достигает самой высокой степени к пятому действию: несомненно, переводчик совершенствовался по мере продвижения в своем труде. И все же литературная ценность этой «Андромахи» весьма мала; кроме того, ее нельзя приписать никому из заметных поэтов XVIII в. Действительно, она не сделала эпохи в истории русской трагедии; она не отвечала поэтическим запросам эпохи и вызвала мало интереса: доказательством нам служит тот факт, что три года спустя уже появился новый стихотворный перевод «Андромахи» (СПб., 1794).

Он был произведением Д. И. Хвостова. Автор старался подражать Сумарокову. Прежде всего он желал передать оригинал со всей возможной точностью. Он сам говорит о своем труде в предисловии ко второму, исправленному, изданию, появившемуся в 1811 г., следующее: «...прежде, нежели отдал на театр, сам прочитывал с подлинником в руках два или три раза; и не только сверял местами, но почти сводил стих со стихом».* В общем счете перевод превосходит длиной оригинал всего на 12 стихов.³² Точность не оставляет желать лучшего, ибо на всем протяжении пьесы автор позволил себе внести некоторые изменения смысла только в 18 стихах.³³ И все же, как и в прозаических переводах «Есфири» и «Афалии», за стремление к буквальности приходится платить ясностью. Результатом этого прилежного стремления передать во всех подробностях французский стиль мог быть только приговор Расину остаться чуждым русской литературе. Написать по одному русскому александрийскому стиху на один французский было прекрасным начинанием, но случилось так, что часть смысла терялась по дороге. В любом случае выполненный таким методом перевод неизбежно был весьма тяжел, языку недоставало непринужденности и вольного течения; ко многим стихам приходилось искать ключа в оригинале. Любопытно, что, преследуя

³¹ Первое действие: 40 стихов; второе действие: 44; третье действие: 58; четвертое действие: 28; пятое действие: 6; это удлинение чаще всего происходит от развития поэтических тем Расина. Переводчик не остановился и перед добавками собственного изготовления, есть и пропуски.

³² Действие второе: на 2 стиха меньше; действие третье: на 12 стихов больше; действие четвертое: на 2 стиха больше.

³³ См., напр.: С. 57, 60, 81, распространенные стихи; С. 24, 25, 69, сокращенные стихи.

эту гибельную точность, Хвостов использовал поверхностные приемы русификации, применявшиеся его предшественниками. Его стиль был упрощен по сравнению с синтаксическим рисунком оригинала; он пользовался славянизмами, заставлял своих персонажей обращаться друг к другу на русский лад.³⁴ Все это приспособление не могло обеспечить переводу Хвостова в истории русской трагедии места, достойного Расина.³⁵ Перевод имел слишком заметные недостатки даже для современников, и молодое поколение, вообще расположенное трунить над Хвостовым, «графом-графоманом», увидело в нем лишь череду несерьезных упражнении. Когда Хвостов был избран в 1812 г. в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» в Петербурге, Д. В. Дашков произнес речь, в которой похвалы скрывали жестокую иронию по адресу злосчастного поэта; тогда не была пощажена и русская «Андромаха», были высмеяны ее темнота, тяжеловесность, неуклюжесть.³⁶

Тот же никудышный и поверхностно русифицирующий стиль находится в стихотворном переводе «Есфири», анонимном труде, появившемся в 1795 г. в Москве.³⁷ Общее количество стихов, не учитывая хоры, меньше количества стихов оригинала на 25.³⁸ Общее стремление к переводу стих в стих сохранено, и группы из двух-четырёх стихов, соответствующие одной строчке оригинала, встречаются исключительно редко. При этом уважения к тексту

³⁴ Персонажи говорят друг другу «ты», Гермиону называют «княжна», слово «царица» употребляется по отношению к Андромахе вместо «Madame», «Seigneur» передается как «царь» по отношению к Пиру и «князь» по отношению к Оресту или «государь» по отношению к обоим. Обращение на «ты» наблюдается также в переведенном Сумароковым фрагменте из «Андромахи» 1781 г.*

³⁵ В 1811 г. в Петербурге появилось второе, исправленное, издание перевода Хвостова. В качестве предисловия Хвостов присоединил к нему пространную статью из «Лицея» Лагарпа (Т. 4, гл. 3. О Расине). В 1815 г. также в Петербурге появилось третье издание с той же статьей Лагарпа, к которому были добавлены «Предупреждение французского издателя» и маленькая статья «Рассуждение об идеальной красоте и характере Андромахи». После текста трагедии, исправленного по сравнению со вторым изданием, находились комментарии эстетического и литературного порядка длиной в 110 страниц, составленные Хвостовым, и еще один отрывок из Лагарпа. Второе и третье издания объясняются возобновлением интереса к Расину в 10-е гг. XIX в. Было еще два издания в 1821 г.*

³⁶ См.: Тихонравов Н. С. Д. В. Дашков и граф Д. И. Хвостов в Обществе любителей словесности, наук и художеств в 1812 г. // Тихонравов Н. С. Сочинения. М., 1898. Т. 3. Ч. 2 : Русская литература XVIII и XIX вв. Приложения. С. 141—142.

³⁷ Как и в переводе 1783 г., «Есфирь» разделена здесь на пять действий.

³⁸ Это происходит оттого, что 34 стиха Расина пропущены, а в других местах есть случаи распространения общей сложностью в 9 стихов.

меньше, чем у Сумарокова или Хвостова,³⁹ и больше неточности в передаче смысла. Интересна хоровая часть, потому что здесь переводчик позволил себе большие вольности. Используемый им свободный ямб не соответствует, и это естественно, свободному стиху Расина; кроме того, переводчик заметно сокращает, обрывает тирады, целые страницы и в довершение действует со всей непринужденностью, заменяя несколькими стихами пропущенные отрывки, реплики, по-новому распределяя персонажей хора.⁴⁰ В силу этого факта вместо великолепных библейских картин Расина, выполненных с сильным восточным колоритом, мы находим лишь описания на отвлеченном языке, языке псалмов Сумарокова, Ломоносова, Державина или их эпигонов. И все же, какими бы слабыми ни были достоинства этого перевода, его следует указать в качестве первой попытки приблизить Расина к современной литературной действительности с заметными изменениями в тексте хоров. Несомненно, изменения эти совсем неудачны: они остаются посредственными, но свидетельствуют о желании представить французского писателя литературному свету в том виде, какой мог бы быть ему необходим; в любом случае оно свидетельствует об активной позиции по отношению к тексту Расина. Эта вольность с поэтом показывает также, что почтение к тексту Расина не было столь распространено среди читателей, чтобы устроить дерзкого переводчика. В конце XVIII в. Расин все еще в определенной мере оставался иноземцем. Но на дворе 1795 г., и близятся новые времена.

Эта независимая позиция по отношению к тексту Расина проявляется еще более заметно в анонимном стихотворном переводе «Ифигении», появившемся в Москве в 1796 г. Есть основания думать, что речь здесь идет о произведении Ф. Г. Карина, писателя старшего поколения, сверстника Державина и Княжнина, однако доныне это — спорное предположение.⁴¹ Приемы обработки тек-

³⁹ Это явствует, например, из факта, что переведены не все сценические указания оригинала (пропущены три из них в д. III, явл. 4), а Ассур назван Артаксерксом.*

⁴⁰ Так, например, лишь начало перевода хоров II, 8 (как и начало I, 2 и I, 5) более или менее точно. Потом следует лакуна с 740-го по 823-й стих, и вместо этих 83 пропущенных стихов переводчик внес 20 стихов похвал Богу весьма общего характера. В явлении 3 действия III стихи 960—968 неточно переведены двенадцатью стихами четырехстопного ямба; стихи 995—1015 пропущены, и переводчик ввернул вместо них четыре стиха собственного сочинения. В III, 9 после стиха 1253 находим только 9 стихов вместо 44 и т. д.

⁴¹ Митрополит Евгений приписывает этот перевод Карину (*Евгений, митрополит* ([Болховитинов Е. А.]). Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. I : От А до К. С. 276), но С. Венгеров (Собрание произведений русских поэтов... / Под ред.

ста, отмеченные нами в хорах «Есфири», здесь сделались системой и распространились на всю пьесу. Переводчик, полностью отдавая себе отчет в своих действиях, так формулирует заглавие пьесы: «Ифигения: трагедия в пяти действиях, на российские стихи свободно переложенная с господина Расина», и первым эпиграфом избирает четвертый стих из «Эпистолы о русском языке» Сумарокова, где ясно изложена теория вольного перевода, передающего смысл, а не букву оригинала. Поэтому «Ифигения» претерпела значительное сокращение, а именно 438 стихов. Русский автор выбрасывает части и даже целые группы реплик. От одного явления остается только начало и конец (д. II, явл. 2); от другого только краткое изложение в несколько стихов. Так, в действии II, явлении 3 вместо диалога Эрифилы и Ифигении с большой тирадой последней в переводе появляется только короткий монолог Ифигении; явления 4 и 5 действия II, оба довольно пространные, слиты в одно маленькое явление (д. II, явл. 4 перевода), явления 6 и 7 действия II, 3 действия III совсем изъяты. В других местах перемещены части монологов, многие стихи один за другим переделаны. Нередко также, что часть явления или реплики передается неточно. Однако наряду с изъятиями и перемещениями нужно указать довольно значительную часть кусков, перешедших в перевод и переданных точно и зачастую стих в стих. Здесь трудно не признать авторитет определенной традиции, не позволявшей отбросить принцип буквальности даже автору, решившему изменить структуру композиции и ход диалога. В остальном, по мере удаления от начала пьесы, вольность переложения возрастает и число фрагментов, переданных в манере, близкой к оригиналу, снижается, и потому, несмотря на все сохраненное без изменений из текста Расина, эта «Ифигения» заслуживает названия обработки или, скорее, подражания, чем перевода.

Для полноты нам необходимо упомянуть о переводах Расина, относящихся к первым годам XIX в., переходной эпохе. В 1805 г. в Петербурге появился стихотворный перевод «Федры» В. Анастасевича, перевод весьма буквальный, передающий оригинал стих в стих (только изредка один французский стих распространен двумя русскими). В 1809 г. Державин переводил «Федру» (с помощью подстрочника, составленного для него его родственницей Е. Н. Львовой), но до нас дошел только отрывок этого труда, опубликованный самим автором при жизни: рассказ Терамена.

С. А. Венгерова. СПб., 1897. Т. 1 (Вып. 1—6) : XVIII век : Эпоха классицизма. С 23 портретами. Отд. 3: Мелкие поэты 18 века, дополнения и библиографические примечания. С. 217) выражает сомнение в этой догадке, опираясь на изыскания В. И. Саитова о Ф. Г. Карине* (впрочем, он не упоминает Евгения).

Судя по этому куску, перевод пьесы должен был быть на редкость точным.^{42*}

Все описанные нами переводы не смогли обеспечить Расину места в русской литературе даже в конце XVIII в.; их совокупность также не свидетельствует о широком и глубоком интересе русской публики к французскому поэту. Это столь очевидно, что новое доказательство кажется нам бесполезным. К тому же современники сознавали это. Так, Анастасевич, этот в высшей степени образованный человек, который жил на рубеже двух эпох и мог охватить одним взглядом путь, пройденный русской литературой за последние десятилетия XVIII в., завершал предисловие к своему переводу «Федры»: «Федра заслуживает быть не однажды переведенною. Теперь останусь доволен и тем, если сие упражнение, которое услаждало меня на досуге, по крайней мере, припомнит имеющим высшие дарования, сколь приметно всякому праздное место, остающееся для Расина во храме нашей словесности».*

Век XIX, со своими новыми литературными направлениями и новыми эстетическими проблемами, знаменовал новое отношение к Расину. В борьбе зарождающегося романтизма с архаизирующими направлениями запоздалых классиков, в борьбе, которая начинается в первое десятилетие XIX в. и развивается в последующее,⁴³ Расин будет использоваться классиками против их врагов как символ чистого классицизма в трагедии. В результате интерес к Расину возрастет и возникнет целая череда переводов:* в 1813 г. напечатана «Ифигения» в переводе Лобанова; в 1816 г. «Федра» и «Афалия, или Гофолия» переведены С. Тучковым,* «Есфирь» — Катениным;* в 1820 г. аноним снова переводит «Афалию», и в 1821 г. еще один аноним заново переводит «Федру»;* в 1823 г. у нас появляется «Федра» Катенина;* в 1824 г. — «Федра» Окулова, в 1827 г. — «Федра» И. Чеславского (седьмой перевод XIX в.) и «Баязет» Олина;* в 1836 г. появляется «Гофолия» Кашкина.* Заслуживает особого исследования соот-

⁴² Любопытно заметить, что Сумароков и Державин, переводя стих: «Sa soufre se recourbe en replis tortueux», где наблюдается определенный эффект изобразительной гармонии, постарались произвести сходный эффект на русском языке. В 1810 г. в «Вестнике Европы» (Ч. 51. № 11. С. 201—204) был помещен отрывок «Гафалии» (Сон) А. М. Пушкина замечательной точности (ср.: *Расин Ж. Гофолия (Athalie): Трагедия в пяти действиях, в стихах (1691) / Пер. с фр. размером подлинника Льва Поливанова. М., 1892*). Известно, когда были сделаны переводы двух фрагментов «Есфири» (III, 9) и «Гофолии» (I, 4) Озерова (см.: *Озеров В. А. Сочинения. 5-е изд., дополненное и сверенное по рукописям автора. СПб., 1828. Ч. 3. С. 116*).

⁴³ Помимо старых статей см. об этом: *Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Пушкин в мировой литературе : Сб. статей. Л., 1926. С. 215—286.*

ношение этих переводов с новым взглядом на Расина русского читателя, характерным для первых двадцати лет XIX в. Действительно, начинается совсем другая эпоха.

Подражатели

Если проследить историю мнения, согласно которому Сумароков якобы заимствовал свою драматическую систему у французских писателей, и особенно у Расина, создав тем самым традицию, которой суждено было надолго пережить его, можно заметить, что немногие суждения были бы менее этого основаны на критическом рассмотрении фактов.

Мы заметим нечто вроде первого наброска этого ошибочного мнения в эпоху самого Сумарокова, когда поэтические произведения этого автора вызывали огонь критики. Первая черта его принадлежит Третьяковскому, который в 1750 г. писал во враждебной статье: «Что ж до сея трагедии „Хорева“, она вся на-все выбрана из многих французских трагедий, как Корнелиевых, так Расиновых и Волтеровых, хотя, впрочем, все ее существенное основание есть Рассинова „Федра“». ⁴⁴ Сумароков приготовил ответ на эту критику, оставшийся неизданным; он писал там: «„Хорев“, — говорит он, — взят весь из Корнелия, Расина и Вольтера, а паче из Расиновой „Федры“. Это неправда, а что есть в ней подражания, а стихов пять-шесть есть и переводных, что я и укрывать не имел намерения, для того что то нимало не стыдно. Сам Расин, сей великий стихотворец и преславный трагик, в лучшие свои трагедии взял подражанием и переводом из Еврипида в „Ифигению“ *** стихов, в „Федру“ *** стихов, чего ему никто не поставил в слабость, да и ставить невозможно». ⁴⁵ Сумароков был прав. «Хорев» очень мало походит на «Федру».

Другие критики, враги литературной манеры Сумарокова, возобновили обвинения в плагиате, начатые Третьяковским.

⁴⁴ Сборник материалов для истории Академии наук в XVIII веке / Изд. А. Куник. СПб., 1865. Т. 1. С. 485.

⁴⁵ Сумароков, несомненно, отложил на потом указание точного числа стихов, сочиненных по образцу или переведенных, но статья при его жизни не появилась. Ее можно найти в посмертном издании его сочинений: *Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений...* 2-е изд. М., 1787. Ч. 10. С. 103. По крайней мере еще два раза в XVIII в. вспомнят, что Расин много пользовался Еврипидом при создании «Федры» и «Ифигении» и что его собственные приемы оправдывают подражателей. Сумароков скажет это в своем «Мнении во сновидении...» (*Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений...* 2-е изд. М., 1787. Ч. 4. С. 340—341) и Д. И. Хвостов в «Послании к Княжнину», а также в примечаниях к нему.

В 1765 г. один из сторонников Ломоносова граф А. П. Шувалов описывает нам Сумарокова как поэта, который:

...copiste insensé des défauts de Racine,
De l'Homère du Nord hait la Muse divine.*

Он развивает эту черту в следующем примечании: «Mr. Somorokof (sic <— G. G.>), auteur de quelques tragédies, où l'on remarque une imitation servile de Racine et la manie de copier ce grand homme jusques dans les faiblesses qu'on lui reproche».⁴⁶ Друзья Сумарокова находили ответы в том же духе, в каком сам поэт отвечал Тредиаковскому, но, к сожалению, более расплывчатые. Так, Эмин представляет нам в одной статье спор сторонников Ломоносова и Сумарокова, где защитник последнего (которому, впрочем, принадлежат симпатии автора) выражается так: «Многие и то г. С<умарокову> приписывают в порок, что он в некоторых местах подражал Расину. Имитация, или подражание, есть лучшая стихотворства добродетель; Расин сам очень много подражал Еврипиду, а г. Л<омоносов> Гинтеру, которого никак с Расином ни в хорошем вкусе, ни в возвышении мыслей, ни в твердости рассуждений сравнять не можно».⁴⁷ Этот ответ вполне в духе его эпохи, того времени, когда подражание никого не шокировало. Но если именно Сумароков, тоже находивший законным заимствование у других, так заботится о своей защите от обвинений в копировании Расина и уточняет число заимствованных у него стихов, то можно обнаружить, что его апологет некоторым образом предает его, подспудно считая обоснованной позицию противной стороны. Сумароков не более обласкан в статье, впрочем довольно хвалебной, появившейся на французском языке в «Journal étranger» («Чужестранном журнале») в апреле 1755 г.⁴⁸ и посвященной разбору его трагедии «Синав и Трувор». Вот что среди прочего можно прочесть о рассказе вестника в пятом действии: «Après quelques discours entrecoupés, il lui fait le récit suivant dont le commencement paraît imité de celui

⁴⁶ Сборник материалов для истории Академии наук... С. 208.

⁴⁷ Адская почта, или Переписки хромоногого беса с кривым. Ежемесячное издание. СПб., 1769. С. 272.

⁴⁸ Sinave et Trouvore, tragédie russe en vers, par M. Soumarokoff // Le journal étranger: Ouvrage périodique. Paris, 1755. Avril. P. 114—156. Эта статья была вскоре переведена на русский язык другом Сумарокова Г. В. Козицким и напечатана в «Ежемесячных сочинениях» (1758). Перепечатка находится в десятой части «Полного собрания всех сочинений...» Сумарокова. Предполагалось, что Сумароков был причастен к публикации этой статьи на русском языке. Это неверно. Факт, что переводчик — Козицкий, установлен по письму Сумарокова к императрице от 1 февраля 1770 г. (см.: Русская беседа. М., 1860. Т. 20. С. 230).

de Théràmène».* А завершается статья так: «Il semble, au reste, que M. Soumarokoff avait acquis la connaissance de quelques théâtres étrangers, avant que d'enrichir de cette tragédie celui de sa nation. Elle lui en doit plus de reconnaissance. Quelque génie, quelque talent qui éclate dans sa composition, peut-être aurait-il peint l'amour et la jalousie avec moins de force et de vérité, s'il n'avait jamais lu Racine ni Shakespeare. Doit-on rougir de cette école? <...> On peut encore moins attaquer M. Soumarokoff sur la ressemblance qui se trouve entre le fond de son sujet et celui de plusieurs tragédies françaises. Deux frères rivaux font également le fond de l'intrigue, dans quelques-unes des plus excellentes qui soient restées au théâtre: Rodogune, Nicomède, Mithridate, Britannicus, Rhadamiste, etc. Mais il serait inutile d'y chercher d'autres rapports avec Sinave et Trouvore. C'est de quoi l'on peut se convaincre par la plus légère comparaison».^{49*}

В XIX в. уже не ощущался полемический смысл этих суждений о Сумарокове, и их посчитали выражающими действительность. Подозрения тем вернее успокаивались, что современники часто называли Сумарокова «северным Расином» и что действительный смысл этого выражения истолковывался неверно. Те, кто его создал, не имели в виду, что Сумароков, так сказать, повторял Расина на русском языке, но только что он достиг в трагедийном жанре совершенства, символизируемого Расином. Это подразумевает Новиков, когда говорит о Сумарокове: «И хотя первый он из россиян начал писать трагедии по всем правилам театрального искусства, но столько успел во оных, что заслужил название северного Расина».⁵⁰ К другим писателям применяли сходные обозначения, вскоре сделавшиеся банальными: Ломоносова называли «росским Пиндаром» или «северным Гомером», последний титул он делил с Херасковым, Фонвизин был «Мольером», Е. В. Хераскова становилась «российской де ля-Сюз», Державин — «российским Горацием». Используя эти расхожие комплименты, никто бы не подумал устанавливать связь зависимости между творчеством поэта, которому хотел польстить, и творчеством иноземца, чье имя к нему прикладывали. К тому

⁴⁹ Мы даем текст по французскому оригиналу, существование которого оспаривалось. Русский перевод озаглавлен: «Перевод с французского языка из чужестранного Журнала месяца апреля 1755 года, стран. 114 и след., напечатанного в Париже» (*Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений...* 2-е изд. М., 1787. Ч. 10. С. 162—190). Выражение «чужестранный журнал» было принято в общем смысле, в то время как это был перевод названия периодического издания: «Le journal étranger». Статья действительно находится на Р. 114—156.

⁵⁰ Материалы для истории русской литературы / Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867. С. 102.*

же случилось, что современники звали Сумарокова и «наш Корнель» (Н. Струйский).

Особенно же не следует полагать, что это сближение имен Расина и Сумарокова подразумевало общую драматическую систему. У нас имеется свидетельство самого Сумарокова, как кажется исправляющее суждение, высказанное одним французским критиком, где он утверждает, что начал писать не под влиянием Расина. В одной своей статье 1759 г. («К бессмысленным рифмотворцам») он пишет: «Я будто сквозь дремучий лес, сокрывающий от очей моих жилище Муз, без проводника проходил и, хотя я много должен Расину, но его увидел я уже тогда, как вышел из сего леса и когда уже Парнасская гора предъявилася взору моему. Но Расин француз, и в русском языке мне дать наставления не мог».* Почти то же самое он повторяет в одной своей элегии:

Без провождения я к Музам пробивался
И сквозь дремучий лес к Парнасу прорывался.⁵¹

Расин оказал влияние на Сумарокова, он это признает, но оно сказалось только в заимствовании выражений и приемах ведения интриги.

Классическая русская трагедия, созданная Сумароковым и развивавшаяся после него, построена совершенно иначе, нежели трагедия французская и особенно трагедия Расина. Лучшим доказательством тому было бы сравнение двух систем, русской и французской, но мы не сможем изложить здесь во всей полноте результаты такого сопоставления.⁵² Вот его основные линии. Ходу действия под воздействием внешних событий и психологической сложности интриги, используемой Корнелем, ходу действия, вызываемому развитием чувств, предпочитаемому Расином, Сумароков противопоставляет интригу, абсолютно чистый рисунок которой сводится к самому простому действию и обходится безо всякого движения, ограничиваясь единственной ситуацией. У него различные действия пьесы не имеют собственной функции, предмет интереса не перемещается, сложные экспозиции и развязки, требующие рассказов, больше не существуют. Наперсники преобразены, если от них нельзя избавиться, и Сумароков старается придать всем своим персонажам равную важность (отсюда обилие монологов): в общем, он еще больше Расина старает-

⁵¹ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений... / 2-е изд. М., 1787. Ч. 9. С. 76.

⁵² Я описал основные черты трагедии Сумарокова в статье: О сумароковской трагедии // Поэтика : Сб. статей Л., 1926. С. 67—80 (Временник Отд. словесн. иск. Ин-та истории иск. Вып. 1).

ся сократить число персонажей и всего, что участвует в действии. Кроме того, если расиновская трагедия имеет чисто эстетическую цель, то сумароковская сильно окрашена морализаторством: от этого определенные персонажи особенно выделены (чистые сердца и черные злодеи) и развязка обычно благоприятна для добродетельных героев. По всем этим чертам видно, сколь мало сумароковские пьесы следуют образцу расиновских. Подозревать русских трагических поэтов XVIII в. в заимствованиях заставляет то, что Сумароков первый обратился к Западу в поисках некоторых характерных черт «правильной» классической пьесы для русской трагедии: таково использование стихов (александрийских), пять действий, отсутствие эпизодических событий и комических элементов, «высокий» стиль, единства. И еще иллюзия близкого родства русских и французских авторов (особенно Расина) оказывается усилена целым рядом сближений, которые можно сделать относительно ситуаций и частей диалогов.

Нам остается поговорить об этих заимствованиях, но прежде мы хотели бы подчеркнуть, что перенос мотива из одной трагедии иноземного автора в пьесу автора местного — не достаточный знак того, что правомерно говорить о влиянии. Можно заимствовать какую-то подробность у автора, не подражая ему, отвергая его манеру, считая его посредственным. Единственный факт, что избрана эта подробность, указывал бы на то, что ансамбль, где она находится, неудовлетворителен и что поставлена цель использовать ее лучшим образом. Подробный разбор этих локальных заимствований русских поэтов у Расина мог бы с точностью показать, мне думается, как элементы могут быть использованы, а их значение изменено в произведениях, свидетельствующих о близких и при этом не тождественных системах.

* * *

Сейчас мы рассмотрим некоторые темы, ситуации и особенности стиля русских трагических поэтов XVIII в., которые кажутся заимствованными у Расина.

Пьесы Сумарокова могут предоставить нам множество примеров. Мы привели суждение Третьяковского, согласно которому «Хорев», первая трагедия поэта, весь был соткан из заимствований из «Федры». Сумароков не принимал этого суждения и был прав: его пьеса не имела ничего общего с пьесой Расина. Единственный пассаж находит соответствие в «Федре». Это объявление любви Хорева Оснельде, весьма близкое признанию Ипполита Арисии: здесь тоже юный герой признается, что раньше был

чужд любви, что считал себя созданным для военных подвигов, а ныне влюблен и больше не может противиться своей страсти. Этот основной пассаж является общим, существует большое сходство между самими характерами Хорева и Ипполита, гордых воинов, возросших в героических трудах и радостях. Есть даже один переведенный Сумароковым стих:

Contre vous, contre moi vainement je m'éprouve.*
Против тебя, против себя вооружался.⁵³

Мы не считаем необходимым показывать, как этот заимствованный у Расина фрагмент получает в русской пьесе совершенно другой оттенок, а также иное значение в структуре пьесы. Достаточно прочесть «Хорева», чтобы в этом убедиться.

Близость, которую можно установить между основной ситуацией «Гамлета» и одним из положений «Британика», более или менее тесна. Тиран (Клавдий) тщится отнять невесту (Офелию) у героя (Гамлета) и силой жениться на ней, одновременно стараясь уничтожить героя, опасного претендента на трон. Как расиновский Нерон, Клавдий женат, но дабы удовлетворить свою страсть, он без колебаний избавляется от жены (у Сумарокова убивает). Злому советнику Нарциссу соответствует Полоний, которого Клавдий поощряет к этому преступлению. При этом отношения родства между персонажами не соответствуют друг другу, и здесь Сумароков следует Шекспиру. Зато можно установить параллель между явлением первым третьего действия «Гамлета» (где Полоний открывает Офелии желание тирана жениться на ней) и явлением вторым второго действия «Британика» (где Нерон сообщает о подобном решении Юнии): Офелия, как и Юния,

⁵³ Сумароков должен был быть счастлив, что сумел подражать этой сцене из второго действия, ибо он несколько раз говорит о ней с восхищением. В «Эпистоле о стихотворстве» он пишет:

В прекрасной описи в Расиновых стихах
Трезенский князь забыл о рыцарских играх,
Воспламенение почувствовавши крови,
И вечно быть престал противником любви;
Пред Арисию, стыдяся, говорит,
Что он уже не стал сей гордый Ипполит,
Который некогда стрелам любви ругался
И сим презрением дел нежных величался.

Затем в статье «Мнение во сновидении...» пишет: «Второе <явление> крайне прекрасно. Открытие любви Ипполитовой несравненно в рассуждении прекрасного стихотворения. Сии стихи достойны Расина». Далее он почти полностью приводит тираду Ипполита, и этот перевод находится вместе с пассажами из Расина, которые Сумароков переложил в русские стихи.

изумлена; она смущается и упоминает уже существующий брак короля, на что ей отвечают, что первая жена исчезнет с ее пути.

Третья трагедия Сумарокова, «Синав и Трувор», также дает материал для сближений с Расином. Ее ситуация не может не напомнить «Андромаху»: женщину принуждают (у Сумарокова — ее отец) выйти замуж за императора, которого она не любит, и она решает покончить с собой, как только совершится обряд бракосочетания. Более убедительные параллели можно также установить между конкретными пассажами. Так, можно сравнить часть явления второго четвертого действия «Синава и Трувора» и часть явления второго действия четвертого «Митридата». Терзаемый ревностью Синав страдает тем сильнее, что не знает, кто его соперник, и говорит Трувору, что уже давно бы указал:

... чью кровь мне должно лить,
И грудь, в которую мне сей острый меч вонзить.

На что Трувор, тайный соперник Синава, отвечает:

Лишенный вольности, надежды и покою,
Пролей, о государь, кровь, винну пред тобою!
Свирепствуй, варварствуй и устремляйся в месть,
Коль можешь острый меч на друга ты вознести!
Вонзай оружие, сражай его бессловна;
Вот грудь, которая перед тобой виновна!

С и н а в

Мечту я зрю!.. ах! ты отъемлешь жизнь мою!..

Точно так же Кифарес не знает своего врага (который здесь не его соперник, а только предатель), и он открывает Мониме испытываемый от этого гнев:

Pour surcroît de douleur, Madame, je l'ignore,
Heureux si je pouvais, avant que m'immoler
Percer le traître cœur qui m'a pu déceler.*

Тогда Монима сразу же признается и говорит:

Hé bien! Seigneur, il faut vous le faire connaître.
Ne cherchez point ailleurs cet ennemi, ce traître;
Frappez! aucun respect ne vous doit retenir.
J'ai tout fait: et c'est moi que vous devez punir.

X i p h a r è s

Vous...*

Определенное сходство обнаруживается между явлением третьим третьего действия «Синава» и явлением первым пятого действия «Федры». Трувор осужден князем, своим братом, на изгнание и хочет убедить Ильмену отправиться вместе с ним, но она отвечает, что приказ отца удерживает ее, как священный долг, без которого, говорит она:

В уединении, в убожестве с тобою
Со всей охотою спокойно б я жила
И младость бы свою в весельи провела.

Точно так же, когда Ипполит, изгнанный своим отцом, хочет упросить Арисию бежать вместе с ним, ее первое чувство, — что честь не может ей позволить слушать этот совет, и все же:

Hélas! qu'un tel exil, Seigneur, me serait cher!
Dans quels ravissements, à votre sort liée,
Du reste des mortels je vivrais oubliée!*

Автор французской заметки об этой пьесе уже заметил, что рассказ вестника о смерти Трувора (V, 3) «кажется быть подражанием речи Фераменовой». Действительно, вестник начинает так:

С плачевной мыслию он город сей оставил
И в путь по Волховским брегам стопы направил,
В молчании его один был слышен стон.

У Расина тоже находится указание на город, покинутый Ипполитом; говорится о его молчании, задумчивом виде. Упоминание колесницы встречается у обоих авторов. Сумароков заставляет умереть своего героя иначе, нежели Ипполит (он пронзает себе грудь), но дает ему произнести несколько слов, обрывааемых кончиной:

«Прости, Ильмена, я до смерти верен был
И, испуская дух...» Сим словом заключил,
Оставив суеты колеблемого света,
И речь он и живот в свои молодые лета.

Также и финальная сцена «Синава» содержит прямые реминисценции из Расина: Синав, ставший причиной смерти Трувора, вызывает также смерть Ильмены, которая убивает себя, не желая пережить возлюбленного, а он впадает в некое помешательство от сожаления и отчаяния. Здесь можно узнать рисунок последней сцены «Андромахи», где Орест в безумии воображает, что вновь видит Пирра и Гермину. Имеются даже стихи, свидетельствующие о прямом заимствовании:

Претемный облак свет от глаз моих закрыл...
...Mais quelle épaisse nuit tout à coup m'environne?*

Ильмена на меня прегневный мечет взгляд!
Где я? Скажите мне...

...Dieux! quels affreux regards elle jette sur moi!*

...De quel côté sortir? D'où vient que je frissonne?⁵⁴*

И в других трагедиях встречаются пассажи, где Сумароков подражает Расину. Так, «Артистона» представляет нам такую ситуацию: невеста царя (Федима), отстраненная, потому что государь почувствовал новую любовь, хотя и безответную, горит мщением (Гермиона была в сходном положении). Федима требует у своего друга убить ее соперницу Артистону (вспоминается весьма близкая сцена между Гермионой и Орестом). После этого Федима выражает свои чувства в монологе, соответствующем диалогу между Гермионой и ее наперсницей, и в голову обеих героинь приходит одна и та же мысль:

В моем то чувствии отмщение безместно,
Коль Дарию оно пребудет неизвестно.
Потщусь и о себе и о тебе сказать,
Чтоб Дарий знал, что я могла его карать.

...Va le trouver: dis-lui qu'il apprenne à l'ingrat
Qu'on l'immole à ma haine et non pas à l'Etat.
Chère Cléone, cours: ma vengeance est perdue
S'il ignore en mourant que c'est moi qui le tue.*

Другой пассаж из «Артистоны» вдохновлен «Британиком»: Артистона любит Орканта и любима им, но царь, влюбленный в Артистону, вынуждает ее написать возлюбленному, что она отвергает свою первую любовь (II, 1). Нерон поступает точно

⁵⁴ Можно также сравнить слова, произносимые Синавом и Орестом, узнающими о глубине их поразившего несчастья:

Уже ты все теперь, судьбина, совершила!
Ты все свирепости явил, о рок, на мне...

...Grâce aux dieux! mon malheur passe mon espérance!
Oui, je te loue, ô ciel, de ta persévérance.
Applique sans relâche au soin de me punir,
Au comble des douleurs tu m'as fait parvenir.*

Сходная сцена помешательства с теми же мотивами встречается в «Хореве» (V, 5) и с тем же восклицанием: «Где я?» Однако здесь мы гораздо дальше от «ярости» Ореста.

так же с Юнией (III, 3), с той только разницей, что Юния должна ограничиваться притворным выражением холодности в беседе с Британиком.⁵⁵ Письмо Артистони позволяет Сумарокову избежать, по его обыкновению, эффектных эпизодов: короткий рассказ героини наперснице оповещает нас о том, что открывает нам искусный диалог у Расина. При этом русский автор посчитал за благо дать психологическое обоснование этой перемене. Наперсница спрашивает Артистону, не лучше ли «то дать знать языком». И получает на это ответ:

...Могла ль бы я сокрыть,
Отказ ему сказав, презрение притворно
И, зря его, начать с ним речь вдруг толь упорно?⁵⁶

Можно также соотнести две сцены из «Артистони» (II, 4) и «Британика» (III, 7), где насильственный разрыв между двумя влюбленными находит счастливое разрешение.

Сумароков еще раз разработал ту же самую ситуацию в следующей своей трагедии «Ярополк и Димиза» (1758), где родство с текстом Расина становится столь близко, что можно говорить о настоящем заимствовании. Князь, отец Ярополка, хочет разлучить своего сына с Димизой, любимой им и любящей его женщиной. Он призывает ее к себе и велит отречься от возлюбленного, а когда она противится, грозит ей смертью Ярополка. Тогда она восклицает:

Спрягай меня с другим
И разлучи навек с любовником драгим.⁵⁷

Готовая на все, она согласна выполнить приказ объявить Ярополку, что больше его не любит. Князь выходит, оставляя свидетелем разговора своего наперсника Русима; именно такова тактика Нерона, но с той лишь разницей, что он говорит, что сам

⁵⁵ Имеются даже два совсем близких стиха:

И чтоб старался быть любимым он иною.
...Qu'il doit porter ailleurs ses vœux et son espoir.*

⁵⁶ Можно сравнить со словами Юнии к Нерону:

Moi! Que je lui prononce un arrêt si sévère!
Ma bouche mille fois lui jura le contraire.
Quand même jusque là je pourrais me trahir,
Mes yeux lui défendront, Seigneur, de m'obéir.*

⁵⁷ Юния:

Hélas! si j'ose encor former quelques souhaits,
Seigneur; permettez-moi de ne le voir jamais.*

будет скрыто присутствовать при беседе. Затем у обоих авторов следует короткая сцена между героиней и наперсником, который будет за ней наблюдать. Потом, как Британик, приходит Ярополк. Тогда Димиза просто объявляет своему возлюбленному, что лучше им перестать любить друг друга, в то время как у Расина, мы помним, игра сложнее. В следующем действии в той и в другой пьесе любовник узнает истинную причину холодности возлюбленной: Юния сама открывает правду Британику,* тогда как Русим, наперсник одновременно князя и его сына и добродетельный человек, оповещает Ярополка.⁵⁸ При этом нужно заметить в качестве черты, хорошо обрисовывающей манеру двух авторов, что действие путаницы от ложного признания длится у Расина на протяжении восьми диалогических сцен (с II, 3 по III, 7), а у Сумарокова — лишь в течение двух монологов, не вносящих ничего нового в действие. То, что у Расина — лишь один из элементов запутанной интриги, у Сумарокова становится единственным центром интереса. Наконец, можно сравнить ситуации в «Британике» и в предпоследней пьесе Сумарокова «Димитрий Самозванец», написанной в 1771 г. Здесь также тиран, Димитрий, влюблен в невесту героя, и он готов ее у него похитить, а также решает удалить собственную жену.⁵⁹

* * *

Современники и ученики Сумарокова тоже могли бы дать примеры вдохновения, почерпнутого у Расина, а иногда и прямых подражаний.

Ломоносов, принявшийся писать трагедии по желанию императрицы Елизаветы, построил в 1751 г. свою вторую пьесу из элементов, большей частью заимствованных из «Андромахи». В исследовании, посвященном театру Ломоносова, это демонстрирует В. Резанов.⁶⁰ Он не только показал, что план обеих пьес был одинаков,⁶¹ но и что можно обнаружить целый ряд параллельных сцен и текстовых заимствований. Ломоносов, правда, писал свои пьесы по приказу и без охоты и держался в стороне от движения, нача-

⁵⁸ Русим иногда играет роль Бурра (ср.: IV, 4 и V, 2, «Британик», IV, 3).

⁵⁹ Ср. особенно: I, 5 «Британика», II, 3. Можно найти еще две очень близкие сцены (Сумароков, II, 2; Расин, III, 8), где император, увидев любимую, беседующую с ее возлюбленным, ссорится с ним и велит страже арестовать его.

⁶⁰ Резанов В. И. Трагедии Ломоносова // Ломоносовский сборник. 1711—1911. СПб., 1911. С. 258—265.

⁶¹ Орест, Пирр, Гермiona, Андромаха соответствуют Полимнестору, Демофону, Филлиде и Илионе.

того счастливыми опытами Сумарокова, и, конечно, он наименее оригинальный трагик своего времени. К тому же его пьесы не имели никакого успеха, хотя даже у него можно различить следы усилия по-новому сложить заимствованные у Расина элементы.

Третья трагедия Хераскова «Мартезия и Фалестра» 1767 г. напоминает своей интригой «Ариадну» Тома Корнеля, целый ряд совпадений в деталях действия и даже стиля указывают, что это не случайность. Кроме того, в ней находится пассаж, прямо навеянный «Андромахой» Расина. Герой пьесы, Аякс, влюбился в Фалестру, сестру любящей его Мартезии. Мартезия узнает об этом и имеет с Аяксом объяснение, близко напоминающее сцену такого же рода между Пирром и Гермией (Андромаха, II, 5):

Не с тем я и пришел, чтоб страстными речами
Скрыть сердце чистое и мысли пред очами;
Другой бы, может быть, тебе в ответ сказал,
Что сердце он с тобой невольно обязал...

Je ne viens point, armé d'un indigne artifice,
D'un voile d'équité couvrir mon injustice;
<...>
Un autre vous dirait que dans les champs troyens
Nos deux pères sans nous formèrent nos liens
Et que, sans consulter ni mon choix ni le vôtre,
Nous fûmes sans amour attachés l'un à l'autre.*

...Коль ты признанием моим огорчена,
Давай злодейские теперь мне имена;
Я все готов сносить и слушать безопасно,
Не гнев ужасен твой, молчанье мне ужасно.

...Après cela, Madame, éclatez contre un traître
Qui l'est avec douleur, et qui pourtant veut l'être.
Pour moi, loin de contraindre un si juste courroux,
Il me soulagera peut-être autant que vous.
Donnez-moi tous les noms destinés aux parjures:
Je crains votre silence, et non pas vos injures.^{62*}

⁶² Когда Аякс говорит Мартезии, что он ее никогда не любил, та восклицает:

Не любил меня! что ж делал ты, мучитель!

Что весьма напоминает восклицание Гермией:

Je ne t'ai point aimé, cruel! Qu'ai-je donc fait?*

Конец этого явления и первые стихи следующего также напоминают монолог Гермией: «Le cruel, de quel œil...»,* если не просто заимствованы у Т. Корнеля («Ариадна», III, 5).

И в четвертой написанной Херасковым трагедии «Борислав» (1774) обнаруживается типичная ситуация «Британика», уже дважды использованная Сумароковым; поэтому трудно выяснить, заимствовал ли ее автор из оригинальной пьесы или из русских обработок. Князь Борислав приказывает своей дочери отречься от ее возлюбленного, Пренеста, которого он казнит, если она не объявит ему, что больше его не любит (III, 1). Девушка отвечает отцу, как Юния Нерону, хотя и более пространно.⁶³ Потом идет очень короткая сцена вынужденного объяснения (III, 2), а за ней еще две (III, 3 и 4), где князь и его наперсник Вандор подтверждают любовнику объявленную ему перемену. Наконец Вандор, персонаж, напоминающий больше Русима из «Ярополка и Димизы», чем Нарцисса из «Британика», открывает юноше всю правду.⁶⁴

«Юлиан Оступник», тоже принадлежащий Хераскову, напоминает одной сценой ситуацию из «Британика»: император-тиран хочет жениться на женщине, когда она напоминает ему, что он уже женат, отвечает, что сумеет разорвать эти узы (II, 4).⁶⁵

Среди произведений трагиков, принадлежащих к поколению после Хераскова, мы ненадолго остановимся на «Пальмире» Н. П. Николаева (1781). В явлении первом второго действия героиня сообщает наперснице ужасную тайну своей любви к пленнику, и их беседа напоминает диалог Федры и Эноны («Федра», I, 2). Несколько стихов явления четвертого этого же второго действия, вероятно, навеяны «Андромахой»: это монолог, где героиня сетует на ледяной прием, оказанный любимым ее признанию в любви:

С какой холодностью бежит меня злодей!⁶⁶
Ни страсть моя к нему, ни стон души моей,
Ничто мучителя во жалость не приводит!
Как жертву, поразил и, как злодей, отходит!

⁶³ Херасков распространяет в одиннадцати стихах материал четырех стихов Расина:

Как вымолвить пред ним я слово то могу?
Я небу, я себе и князю в том солгу <...>
Уста наполнены нежнейших клятв ему,
Откуда речи я суровые возьму и т. д.

Вспоминается: «Moi! que je lui prononce un arrêt si sévère...» и т. д.

⁶⁴ Кроме того, как у Сумарокова, князь, принуждающий к ложному признанию, — не соперник героя. И здесь тоже Херасков ближе к русскому мастеру, чем к французскому.

⁶⁵ Ср. диалог между Нероном и Юнией («Британик», II, 3) и пассажи, указанные нами в «Гамлете» и в «Димитрии Самозванце» Сумарокова.

⁶⁶ Мартезия у Хераскова говорит в сходных обстоятельствах:

С какой холодностью, Фалестра, вышел он! (III, 2).

Монолог Гермионы («Андромаха», V, 1) совсем близок по тону:

Le cruel! de quel œil il m'a congédiée...

При этом трудно утверждать, что здесь имело место заимствование.

Можно также указать в анонимной трагедии «Траян и Лида», появившейся в 80-е гг.⁶⁷ пассаж, где героиня, принуждаемая к браку с императором, решает покончить с собой, как только совершится обряд (V, 1): это решение напоминает решение Андромахи; поскольку оно уже было присвоено Сумароковым в «Синаве и Триворе», можно сомневаться, обратился ли анонимный автор к оригинальному образцу или ограничился подражанием русскому мастеру.⁶⁸

* * *

Кажется, мы достаточно множили сравнения, чтобы можно было судить об их характере. Все они относятся к отдельным ситуациям, к деталям интриги, фрагментам диалогов и монологов. Нет ничего похожего на полный перенос всего сюжета целиком какой-нибудь пьесы Расина; исключение составляет один Ломоносов, но известно, что он стоит вне традиций русского театра. Во всех рассмотренных случаях мы видели, как Сумароков и его последователи строят свои пьесы по формуле, Расину не принадлежащей, но вносят в них по случаю то сценическую игру, то тираду из французского поэта. В таком заимствовании нет ничего неуклюжего.⁶⁹ присвоенные мотивы не вырваны из оригинального сюжета, чтобы затем с грехом пополам быть вставленными в новое произведение, и не заметно, чтобы ненужные обрывки «пришли» вместе с основным куском, обличая тем самым неловкость хищения. Работа была сделана хорошо, вырезано аккуратно. Кажется, это подтверждает, что русские писатели были совершенными мастерами своего дела и пользовались Расином, которого знали, но не следовали за ним.

⁶⁷ Она появилась в седьмом томе «Российского феатра» (1787). Была подписана: Прапорщик В. Л.*

⁶⁸ Прямое подражание французскому образцу кажется маловероятным, ибо отношения, связывающие персонажей «Траяна и Лиды», в общем, вполне соответствуют отношениям между персонажами «Синава и Тривора».

⁶⁹ Оно напоминает образ действий юного Пушкина, когда он пользовался Байроном, как это показал В. М. Жирмунский: *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин : Из истории байронической поэмы. Л.: «Academia». 1924.

При этом одно время Княжнин действовал иначе, нежели Сумароков и его эпигоны. Этот поэт, которого Пушкин неспроста называет «переимчивым» (то есть «подражателем»), попытался освободиться от канонов русской трагедии, установленных Сумароковым, поскольку ее манера начинала утомлять зрителей и читателей. Чтобы дать новый образ театру, он захотел ошутимо приблизиться к французским драматическим системам: заимствовал то у Вольтера, то у Корнеля и стремился сплавить свои заимствования в единое целое, которое бы понравилось русской публике. Ему вздумалось даже привить расиновскую пьесу древу русской трагедии. Эта прививка оказалась грубой — трагедия Расина почти целиком, и не только в ситуациях, стилевых эффектах, даже принципах композиции, как раньше было с Вольтером и Корнелем.⁷⁰ Вдохновение было неудачным, ибо Расин, пересаженный целиком, имел меньше всего шансов приняться на русской почве. Напрасно автор украшал заимствования запутанной интригой во вкусе Вольтера и сдобривал моралью в манере Сумарокова, его трагедия «Владимир и Ярополк», ибо именно об этой драме нам хотелось бы сказать, осталась пьесой Расина и принадлежала Княжнину лишь потому, что он поставил на ней свою подпись.⁷¹ Не только главные действующие лица соответствуют персонажам «Андромахи»,⁷² но вся интрига, со всеми основными подробностями находится в русской пьесе. Различия ничтожны: действие перенесено в Древнюю Русь, Владимир (Орест) и Ярополк (Пирр) братья, прежде враги, потому что были соперниками в любви к Рогнеде* (Гермионе), но примирившиеся ныне, потому что один из них, Ярополк (Пирр), влюбился в греческую пленницу Клеомену (Андромаху); Рогнеда ненавидит Владимира (Ореста), который когда-то погубил ее отечество и отца, но в конце пьесы она себя не убивает; Клеомена (Андромаха) девица, но трепещет за жизнь своего малолетнего брата, играющего роль Астианакса, и она оплакивает

⁷⁰ В общем, у Княжнина больше всего чувствуется влияние Вольтера. А. Кадлубовский заметил то же влияние на «Сорену и Замира» Николева (1784): *Кадлубовский А. П.* «Сорена и Замир» Николева и трагедии Вольтера // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 12. (1907 г.). Кн. 1. С. 185—204.

⁷¹ Это обстоятельство уже было вскользь отмечено эрудитами: [Галахов А. Д.]. Сочинения Княжнина (Якова Борисовича). Две части (Полное собрание сочинений русских авторов) / Издание Александра Смирдина. СПб., 1847. Статья первая // Отечественные записки. 1850. Т. 69. Отд. 5. С. 54; Тихонравов Н. С. О заимствованиях русских писателей // Тихонравов Н. С. Сочинения. М., 1898. Т. 3. Ч. 2. Русская литература XVIII и XIX вв. Приложения. С. 317.

⁷² Владимир=Орест, Рогнеда=Гермиона, Ярополк=Пирр, Клеомена=Андромаха.

жениха. Пьеса открывается прибытием Владимира (Ореста), затем все действие разворачивается по канве, тождественной канве «Андромахи».⁷³ Множество пассажей переведены, другие стали предметом близкого подражания; примеры бесполезны: достаточно открыть русскую пьесу и прочесть вслед за ней французскую трагедию.

Опыт Княжнина остался единичным. Последний русский трагический поэт преромантической эпохи Озеров часто заимствовал два-три стиха у Расина, но его манера пользоваться французским поэтом повторяет введенную еще Сумароковым.⁷⁴ У него даже нельзя больше встретить ситуаций, сходных с положениями в пьесах Расина; он будет заимствовать блестящую мысль, выражение и вправлять их в драгоценности собственнойковки и рисунка.

* * *

Нам остается сказать несколько слов о судьбе «Сутяг» в России XVIII в. И здесь также нужно упомянуть Сумарокова как первого, кто воспользовался этой комедией. В его «Чудовищах» 1750 г.⁷⁵ среди прочего высмеиваются нравы судебных. Пьеса открывается сценой между женой и мужем, вздорщицей и трусом, сцена эта напоминает диалог между Интиме и Шикано («Сутяги», II, 4): муж угрожает обращением к правосудию: «Разве у нас прав нет?» За это он получает пощечину и следующее предложение: «Поди ж да бей челом...».⁷⁶ Тогда муж прибегает к помощи ябедника по имени Хабзей (I, 3): «Я, друг мой, до тебя превеликую имею нужду, — говорит он ему, а затем поясняет, что дело началось пощечиной. — В такой силе, что она дала мне пощечину». Есть ли хотя бы свидетели, вопрошает Хабзей: «Имеются ли у вашего высокородия свидетели?» А у мужа, как и у Шикано,

⁷³ Соответствия между произведениями Княжнина и Расина следующие: I, 2=I, 1; I, 3=I, 2; I, 4=I, 4; II, 1=II, 1; II, 2=II, 2; II, 3=II, 4; II, 4=II, 5; III, 1=III, 1; III, 6=III, 6, 7; IV, 1=IV, 2; IV, 3=IV, 3; IV, 4=IV, 4; IV, 5=IV, 5, 6; V, 1=V, 1; V, 2=V, 2 и IV, 4; V, 3=V, 3; V, 4=V, 4. Следующие сцены из Княжнина не находят соответствия у Расина: III, 2, 4, 5, 7; IV, 2.

⁷⁴ См.: *Потапов П. О.* Из истории русского театра: Жизнь и деятельность В. А. Озерова. Одесса, 1915 (Записки имп. Новороссийского ун-та ист.-филол. факультета. Вып. 11). Особенно: С. 521, 525—528, 641, 728—733, 740, 741, 855—862. Можно оспаривать отдельные сближения, но целое вполне убедительно.

⁷⁵ Эта комедия называется еще «Третьей суд». * См.: *Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 208.

⁷⁶ Ср.: *L'Intimé: Vous aurez la bonté de me le bien payer // Chicanneau: Moi payer? En soufflets... Tiens, voilà ton payement // L'Intimé: Un soufflet! Ecrivons!**

осталась лишь горящая щека.⁷⁷ Все это, как видим, напоминает немало подробностей сцены между Леандром и Шикано («Сутяги», II, 5). Тогда Хабзей дает обиженному формуляр для подачи челобитной против его жены в суд, составленный на смешном подьяческом языке (II, 4).⁷⁸ В третьем действии Сумароков, как и Расин, представляет нам пародию на суд, изложенную, однако, немного иначе.⁷⁹ Несмотря на все эти точки соприкосновения, русская пьеса в целом ощутимо отличается от «Сутяг»: она задумана как череда интермедий, шутливых диалогов, и сцена суда по поводу пощечины имеет все особенности буффонад с обменом грубостями и побоями в конце. Сумароков мог здесь заимствовать из местного репертуара, потому что одна из дошедших до нас интермедий начала XVIII в.⁸⁰ представляет суд, где Херликин⁸¹ выступает с длинной челобитной на смеси старославянского и русского, где требует правосудия против мух и комаров; ему позволяют их убивать, и он принимается лупить мух, сидящих на судье и секретаре. Если вспомнить, что Сумароков задумывал свои первые комедии (среди которых «Чудовищи») по образцу старинных интермедий (также и комедии дель арте), можно признать весьма возможным, что Сумароков в этой сцене пользовался не только Расином.

Нужно было еще несколько раз просмотреть пародии на суды. В комедии М. Веревкина «Так и должно» 1773 г., которая является почти слезной комедией, мы видим в четвертом действии судью и секретаря за делом. Однако здесь буффонада уступает место сатире, суровое мешается с приятным. Читается длинная челобитная, но это не пародия: это документ, где отражено мошенничество судейских; и во время чтения — черта, напоминающая Расина, — судья засыпает, и разбудить его не так-то просто. В другой пьесе Веревкина, «Точь-в-точь» 1785 г., мы снова

⁷⁷ Точнее, намек на горящую щеку звучит лишь в третьем действии: «Так меня ударила, что я насилу на ногах устоял, и теперь еще горит».

...Monsieur, tâtez plutôt:
Le soufflet sur ma joue est encore tour chaud...*

⁷⁸ У Расина жалобы Шикано и графини (II, 4) того же порядка.

⁷⁹ В пьесе Сумарокова выносятся настоящее судебное постановление, впрочем, нам не объясняется, почему суд переместился в частный дом. Слуга играет в нем роль официального лица, как у Расина. Он говорит, среди прочего, усаживаясь в судейское кресло: «Вот я судья теперь; а что дела не знаю, это судейству моему не остановка; есть судьи, которые еще и меня меньше знают» (III, 6). Ср. у Расина: «Сутяги» (II, 12): «Voilà votre portier...».*

⁸⁰ Одиннадцать интермедий XVIII века / ОЛДП. [СПб.] 1915 (Памятники древней письменности и искусства. [Вып.] 187). С. 19—22. Интермедия 6.*

⁸¹ Слуга у Сумарокова зовется «Арликин».*

встречаем суд на сцене (II, 2, 3): здесь судейские не высмеиваются, но рассматриваемое ими дело имеет шутовской характер: жена и муж, насильно разлученные сторонниками Пугачева, просят позволения снова жить вместе.

Наконец, в замечательной комедии Капниста «Ябеда» 1798 г. в первом действии мы присутствуем при сцене суда, развернутого во всех подробностях. Тон сатирический, шутовства очень мало. Заседание проходит в доме судьи:⁸² читаются показания двух сторон, написанные типичным канцелярским языком, но на этот раз в стихах (Сумароков и Веревкин писали комедии в прозе).

Таким образом, «Сутяг» можно сблизить со многими комедиями, где судейские выводятся на сцену за исполнением своих обязанностей, но нужно признать, что сходство чаще всего ограничивается более или менее сатирической пародией на суд. В изобретении подробностей и находках выражений русские авторы обнаруживают всю свою оригинальность.

* * *

Вывод, который можно сделать из различных собранных нами наблюдений, ясен: Расина нельзя назвать ни главным вдохновителем русских трагических поэтов XVIII в., ни одним из любимейших авторов тогдашней публики. Его память чтили, но переводили мало, и мало говорили о нем. У него заимствовали детали интриги, отрывки диалогов, выражения, но оставались верны типу трагедии, впервые разработанному Сумароковым. Другие французские авторы в то же время оказывали влияние в России: особенно Корнель и Вольтер; однако неосновательно говорить, что Расина можно характеризовать как автора, оказавшего более глубокое действие. Трагедия Сумарокова в ее предельной простоте не более близка к трагедии Расина с изощренными психологическими ходами, чем к трагедии Корнеля, усложненной и романной, или к трагедии Вольтера, в которой театральные эффекты, стремление к локальному колориту, философский замысел играют столь важную роль. Сумароков как-то писал Вольтеру: «Вы есть автор, коем я еще большим обязан, нежели Расину».^{83*}

⁸² Дабы сохранить единство места, правдоподобие обеспечивается заявлением, что здание суда сгорело, а в «Точь-в-точь», — что потолок в зале заседаний рухнул.

⁸³ См.: «Мнение во сновидении...» // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений... М., 1787. Ч. 4. С. 351. См. об этом недавнюю статью г-на Ж. Патуйе: *Patouillet J. Un épisode de l'histoire littéraire de la Russie: La lettre de Voltaire à Soumarokov (26 février 1769) // Revue de littérature comparée. VII (1927). P. 438—458.*

Если не усматривать в этой фразе банального комплимента, ее можно истолковать так, что Сумароков, будучи на самом деле обязан Вольтеру весьма немногим, Расину должен уж совсем мало... Прямые ученики Сумарокова останутся в русле, проложенном их учителем, и лишь когда Княжнин и его современники попытаются приблизить свои трагедии к французским моделям, манера Вольтера и Корнеля и Кребильона станет близка русским. А вот Расин навсегда останется в стороне.

Ленинград, январь 1927.

Примечания переводчика

С. 440. *ТрEDIAKОВский* ~ называет Расина наряду с двумя Корнелями и Вольтером. — Речь идет о Пьере Корнеле (1606—1684) и его брате Тома Корнеле (1625—1709). ТрEDIAKОВский называет фамилию французского трагика в форме, не укоренившейся в русском языке: *Рацин*.

С. 441. *Помимо двух трагедий Расина, сочиненных до «Андромахи»...* — Речь идет о трагедиях Расина: «Фиваида, или Братья-враги» (1664) и «Александр Великий» (1665).

Сумароков был знаком с хронологией пьес Расина... — Неясно, из чего можно сделать такой вывод.

«Андромаха» — В издании опечатка: «Андромана».

С. 442. *...то есть «изысканного, цветистого, изящного»...* — В цитируемой статье нет такого определения «великолепного слога»; оно внесено Гуковским.

Brûlé de plus de feux que je n'en allumai... — Перевод: Бóльшим числом огней палимый, нежели сам зажег.

С. 444. *Mais par où commencer? ~ Quel indice?* — Перевод: Но с чего начать? Кто просветит меня? Какие свидетели? Какой знак?

Le ciel, en ce moment, m'inspire un artifice. — Перевод: Небо мне сейчас хитрость внушает.

...сия епиеда... — Так в издании. Имелось в виду, скорее всего, слово «эпизода» («эпизод — в значении: «вставка, не связанная с основным действием драмы»). Гуковский ставит вместо него слово «Эрифил».

С. 445. *«К Якову Борисовичу Княжнину, 1784 года...»* — В оригинале это произведение названо: «Второе послание к Княжнину». Причина такого именования неясна, поскольку это единственное стихотворное послание Хвостова к Княжнину.

С. 446. *...Расин с Корнелем и Мольером суть сочинители драм, наиболее способные образовать вкус.* — В издании: «Для стихотворства отец мой особливо приказывал мне читать Боало, так как наилучшего для совершення вкуса, прилагая к оному эпистолы и оды Руссовы, притчи Фонтелловы [так! — очевидно «Фонтеповы». — А. Д.], стихотворства госпожи Дезульеры и Волтеровы, театральные пьезы Корнелия, Расина и Мольера с стихотворческою библиотекою, наказывая, чтобы примечала более красоту нравоучительных мыслей». Отрывок находится в статье «Проект о составе элексира из книг для употребления игрокам, не имеющим времени учиться» и содержится в одном из писем к персонажу журнала Химику, который

составляет такой проект. Таким образом, статья является сатирической, вымышленной и, скорее всего, переводной. См.: Свободные часы. 1763. Декабрь. С. 702—720.

Н. П. Николев ~ говорит, что Расин умеет описывать сердце и вызывать вздохи зрителей. — В издании:

Внимая чувствам души,
С Расином сердце опиши,
С Мольером глупости и нравы.

«Расин поневоле». — Речь идет не о пьесе, только о ее названии в шутовой афише, хранящейся в РГАДА.

С. 447. *Гинзбург Л. Вяземский литератор ~ С. 102—134.* — Собственно об отношении к литературным авторитетам у П. А. Вяземского: С. 121—123.

Державин Г. Р. Сочинения ~ С. 249. — Упомянутая эпиграмма Державина «Суд о трагиках» находится на с. 520. На с. 249—250 напечатана эпиграмма «На Сороку в защищение Кукушек», в которой высмеивается заносчивость, злоязычие и глупость Сумарокова.

Нужно указать еще одну статью о Расине, несомненно переведенную с французского языка... — См.: Расин (Иоанн) // Словарь исторический, или Сокращенная библиотека... М., 1793. Ч. 11. С. 232—245. В основу издания действительно положена книга Л. М. Шодона (Chaudon, 1737—1817) «Nouveau dictionnaire historique portatif, ou Histoire abrégée de tous les hommes qui se sont fait un nom par des talents, des vertus, des forfaits, des erreurs etc...» (1766).

С. 448. *«Велизарий» Мармонтеля, с 1768 по 1803 г... — В оригинале ошибочно: 1709.*

С. 449. *Второй фрагмент извлечен из того же самого явления... — Это неверно. Упомянутый диалог находится в д. IV, явл. 6.*

...фигурирует ~ в первом томе «Полного собрания всех сочинений» Сумарокова... — См.: Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений... М., 1781. Ч. 1. С. 298—300.

Это 20 стихов реплики Клитемнестры ~ и 4 стиха из роли Федры... — См.: Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений... М., 1781. Ч. 1. С. 313; Там же. С. 314; Там же. Ч. 9. С. 234—235; Там же. Ч. 9. С. 235.

Первые два пассажа там же перепечатаны. — См.: Там же. С. 287—292.

С. 451. *...одной сцены Федры с Еноною... — В издании: Юноною.*

...анонимный стихотворный перевод «Андромахи». — Андромаха, трагедия в пяти действиях // Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. СПб., 1791. Ч. 37. С. 125—246.

Racine J. Œuvres ~ 475, 490, 509, 516, 525. — Гуковский указывает страницы: 475, 491, 517, 527. Из них страницы 517 и 527 даны ошибочно. Общее указание на деление «Есфири» на пять действий находится на странице 453.

С. 452. *...прежде, нежели отдал на театр ~ почти сводил стих со стихом.* — См.: Андромаха, трагедия г. Расина / Переведена с французского стихами графом Д. Хвостовым... 2-е изд. СПб., 1811. С. 7 первой пагинации.

С. 453. *Обращение на «ты» наблюдается также в переведенном Сумароковым фрагменте из «Андромахи» 1781 г.* — В оригинале ошибочно указан 1791 г. Отрывок из перевода «Андромахи» был напечатан в первом издании «Полного собрания всех сочинений...» Сумарокова (1781).

В 1811 г. в Петербурге появилось второе, исправленное, издание перевода Хвостова. ~ Было еще два издания в 1821 г. — Порядок следования текстов в издании 1811 г. таков: <Посвящение великой княгине Екатерине Павловне>, «Предисловие русского переводчика», «Предисловие французского издателя», «Рассуждение об идеальной красоте и характере Андромахи», «Первое предисловие сочинителя», «Второе предисловие сочинителя», «Андромаха, трагедия», «Примечания», «Суждение г. Лагарпа об „Андромахе“ Расиновой», «Погрешности». Таким образом, в издании имеется только один отрывок из Лагарпа, тогда как из примечания Гуковского можно заключить, что их два. Хотя Гуковский упоминает два издания «Андромахи» 1821 г., удалось разыскать только одно: Андромаха, трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Расина / Пер. графа Д. Хвостова. 5-е изд. СПб., 1821. Предположение о двух изданиях 1821 г. могли вызвать слова «Изд. 5-е», тогда как изданий «Андромахи» в переводе Хвостова достоверно известно только четыре (1794, 1811, 1815 и 1821).

С. 454. ...*Ассуэр назван Артаксерксом.* — В русской традиции переводов библейских книг, в драмах на тему книги Есфирь, а также в переводе трагедии Расина Б. Лифшица (1937) имя этого царя передается именно как Артаксеркс.

С. 455. ...*изыскания В. И. Саитова о Ф. Г. Карине...* — Имеется в виду статья: *Саитов В. И.* Федор Григорьевич Карин : Один из малоизвестных писателей второй половины XVIII в. СПб., 1893 (отдельный оттиск из журнала «Библиограф»).

С. 456. *Судя по этому куску, перевод пьесы должен был быть на редкость точным.* — Сохранившийся полный текст перевода трагедии, выполненного Державиным, изобилует вольностями. См.: *Дёмин А. О.* Державин — переводчик «Федры» Расина // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26. С. 238—253.

Федра заслуживает быть не однажды переведенною ~ во храме нашей словесности. — См.: [*Анастасевич В. Г.*]. От переводившего // Федра, трагедия в пяти действиях / Соч. Ив. Расина; Перев. В. А-ч. СПб., 1805. С. 9.

В результате интерес к Расину возрастает и возникнет целая череда переводов... — Гуковский приводит неполный перечень только полных переводов трагедий, изданных отдельно или в собраниях сочинений. Число отрывков, опубликованных в периодике, собраниях сочинений, в составе полемических статей, а также оставшихся в рукописях, гораздо больше.

«Федра» и «Афалия, или Гофолия» переведены С. Тучковым... — Кроме «Федры» и «Гофолии» С. А. Тучков перевел также трагедии Расина «Александр Великий» и «Митридат». См.: *Тучков С. А.* Сочинения и переводы. СПб., 1816. Ч. 2. С. 109—219 («Александр Великий»), С. 221—348 («Митридат») и Ч. 3. С. 1—114 («Федра»), С. 115—254 («Афалия, или Гофолия»).

«Есфирь» — Катениным. — *Расин Ж.* Есфирь, трагедия из Священного писания / Пер. с фр. Павел Катенин. СПб., 1816.

...в 1820 г. аноним снова переводит «Афалию», и в 1821 г. еще один аноним заново переводит «Федру»... — См.: *Расин Ж.* Афалия, трагедия из Священного писания / Соч. Расина; Пер. с фр. в стихах. М., 1820; *Расин Ж.* Федра, трагедия / Пер. с фр. М., 1821.

...в 1823 г. у нас появляется «Федра» Катенина... — Это ошибка, в 1823 г. вышел перевод «Федры» М. Е. Лобанова: *Расин Ж.* Федра, трагедия в 5 д. СПб., 1823.

...в 1824 г. «Федра» Окулова, в 1827 г. — «Федра» И. Чеславского (седьмой перевод XIX в.) и «Баязет» Олина... — См.: *Расин Ж.* Федра, трагедия

в 5 д., в стихах / Пер. Г. Окуловым. СПб., 1824; *Расин Ж.* Федра, трагедия в 5-ти действиях / Пер. И. Чеславского. СПб., 1827; *Расин Ж.* Баязет, трагедия в 5 д. в стихах / Пер. с фр. В. Н. Олин. СПб., 1827.

...в 1836 г. появляется «Гофолия» Кашкина. — Гофолия, трагедия в пяти действиях, почерпнута из Священного Писания / Сочинение Расина; Перевод с французского. М., 1836 // Кашкин Д. Е. Переводы. М., 1836. Т. 3. С. 409—560. Кашкин перевел также «Британика». См.: Британик, трагедия. В пяти действиях / Перевод с французского. Сочинение Расина. М., 1836 // Кашкин Д. Е. Переводы. М., 1836. Т. 2. С. 177—316.

С. 458. ...*copiste insensé ~ hait la Muse divine.* — Перевод: ...безумный подражатель погрешностей Расиновых // Гомера северного Музу дивную ненавидит.

Mr. Somorokof ~ qu'on lui reproche. — Перевод: Г-н Сомороков (так), автор нескольких трагедий, где замечают рабское подражание Расину и пристрастие повторять в точности сего великого человека, вплоть до слабостей, в коих его упрекают.

С. 458—459. *Après quelques discours entrecoupés ~ celui de Thérampène.* — См.: *Le journal étranger: Ouvrage périodique.* Paris, 1755. Avril. P. 153. Перевод: После недолгого разговора с частыми прерывками рассказывает он ей печальную сию весть следующими словами, коих начало кажется быть подражанием речи Фераменовы. (См.: *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений... 2-е изд. М., 1787. Ч. 10. С. 182).

С. 459. *Il semble, au reste ~ par la plus légère comparaison.* — См.: Там же. P. 154—155. Перевод: Впрочем, кажется, что господин Сумароков прежде, нежели обогатил российский театр сею трагедиею, имел знание о некоторых чужестранных театрах, за что ему Россия тем более благодарение приносить должна. Сколь ни остроумен он от природы, сколь ни блистают естественные его дарования везде в сем сочинении, однако, может быть, не столь сильно, не столь с правдою сходственно изобразил бы он любовь и ревность, если бы никогда не читал Расина и Шекеспира. Что ж? Должно ли стыдиться такого училища? <...> Еще меньше можно винить господина Сумарокова в том, что содержание его трагедии сходственно со многими французскими. Двух братьев, влюбившихся в одну особу, находим мы в некоторых самых лучших трагедиях, которые до сего времени остались на театре, например: в «Родогуне», «Никомиде», «Митридате», «Британнике», «Радамисте» и прочих; однако никакого другого сходства не сыщется в них с «Синавом и Трувором». В чем можно легко увериться, снося оную со всеми вышесказанными (см.: *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений... 2-е изд. М., 1787. Ч. 10. С. 188—189).

Материалы ~ С. 102. — По «Материалам для истории русской литературы» приводится текст издания: Опыт исторического словаря о российских писателях... / Собрал Н. Новиков. СПб., 1772.

Я будто сквозь дремучий лес ~ мне дать наставления не мог. — См.: *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений... 2-е изд. М., 1787. Ч. 9. С. 277—278.

С. 462. *Contre vous, contre moi vainement je m'éprouve.* — Перевод: Против вас, против себя я тщетно себя испытую.

С. 463. *Pour surcroît de douleur ~ qui m'a pu déceler.* — Перевод: К вящей горести, сударыня, я его не знаю, счастлив был бы, когда бы мог до того как себя умертвить, сердце предательское сие пронзить, кое могло меня выдать.

Monime: Hé bien! ~ Xipharès: Vous! — Перевод: Монима: Ну, что же, государь, следует вам его указать. Не ищите на стороне сего врага, сего предателя; разите! никакое почтение удерживать вас не должно. Все сделала я, и меня карать вы должны. Кифарес: Вы?

С. 464. *Hélas! ~ je vivrais oubliée! — Перевод: Увы! сколь изгнание сие, государь, мне было бы дорого! В каких восторгах, с судьбою вашею связана, я, всеми остальными смертными позабыта, жила бы.*

С. 465. *...Mais quelle épaisse nuit tout à coup m'environne? — Перевод: ... Но какая густая ночь вдруг меня окружает?*

...Dieux! quels affreux regards elle jette sur moi!.. — Перевод: ...Боги! какие ужасные взоры на меня она мечет!

...De quel côté sortir? D'où vient que je frissonne? — Перевод: ...Где выхода искать? Почто трепещу?

...Va le trouver ~ c'est moi qui le tue. — Перевод: ...Ступай, отыщи его; скажи ему, пусть откроет неблагодарному, что в жертву его приносят ненависти моей, а не государству. Дорогая Клеона, беги: месть моя напрасна, коли он, умирая, знать не будет, что я его убиваю.

...Grâce aux dieux! ~ tu m'as fait parvenir. — Перевод: ...Благодарение богам! Несчастье мое надежду мою превосходит! Да, восхваляю тебя, о небо, за твое упорство. С прилежанием неустанным меня преследуй, к вершине горестей ты меня привело.

С. 466. *...Qu'il doit porter ailleurs ses vœux et son espoir. — Перевод: ... Что он должен в иное место нести обеты свои и упование.*

Moi! Que je lui prononce ~ de m'obéir. — Перевод: Я! Чтобы я ему столь суровый приговор произнесла! Уста мои тысячу раз клялись ему в противном. Пускай до сего я и могла бы себе изменять: очи мои, государь, ему воспретят повиноваться.

Hélas! ~ ne le voir jamais. — Перевод: Увы, когда я смею еще иметь желанья, государь; позвольте мне его никогда не видеть.

С. 467. *Юния сама открывает правду Британику. — В оригинале: Нарциссу. Это неверно.*

С. 468. *Je ne viens point ~ attachés l'un à l'autre. — Перевод: Явился я не затем, чтобы, вооружившись недостойною хитростью, завесой справедливости неправоту мою скрывать. <...> Другой сказал бы вам, что в троянских полях наши отцы без нас узы наши совершили и что без спроса о моем выборе и о вашем мы без любви друг с другом сопряжены были.*

...Après cela, Madame ~ et non pas vos injures. — Перевод: После сего, сударыня, понесите изменника, что стал изменником с горечью и все ж им быть желает. Меня, отнюдь, столь праведный гнев сдерживать не желающего, он, равно как и вас, облегчит. Дайте мне все имена, клятвопреступникам предназначенные: я молчания вашего страшусь, а не оскорблений.

Je ne t'ai point aimé, cruel! Qu'ai-je donc fait? — Перевод: Я не любила тебя, жестокий! Что же я делала?

Le cruel, de quel œil... — Перевод: Жестокий! каким взором <со мной простился>...

С. 470. *Она появилась в седьмом томе «Российского феатра» (1787). Была подписана: Прапорщик В. Л. — См.: Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. СПб., 1787. Ч. 7. С. 175—240. В настоящее время трагедия приписывается В. А. Левшину (1746—1826). Имеется отдельное издание: [Левшин В. А.]. Трагедия Троян и Лида, в пяти действиях / Сочиненная прапорщиком В. Л. СПб., 1780.*

Рецензия на трагедию помещена в журнале: Санктпетербургский вестник. 1780. Ч. 6. С. 292—295.

С. 471. ...были соперниками в любви к *Рогнеде*... — В оригинале здесь и далее: «*Rogdena*».

С. 472. Эта комедия называется еще «Третьейный суд». — В оригинале: «Третьейский суд».

L'Intimé: Vous aurez la bonté de me le bien payer. ~ Un soufflet! Ecrivons! —
Перевод: Интиме: Вы соизволите мне за это заплатить. Шукано: Заплатить? Оплеухами... Держи, вот твоя плата. Интиме: Оплеуха! Запишем!

С. 473. ...*Monsieur, tâtez plutôt ~ encore tour chaud*... — *Перевод: ...*
Сударь, потрогайте скорее, оплеуха на моей щеке еще совсем горячая...

Voilà votre portier... — *Перевод: Вот ваш привратник...*

Интермедия 6. — В оригинале ошибочно указана интермедия 4.

Слуга у Сумарокова зовется «Арлекин». — В оригинале ошибочно: «Арлекин».

С. 474. *Вы есть автор, коему я еще большим обязан, нежели Расину.* — Точная цитата: «Восхищение и поражение сим явлением моего сердца препятствуют устам моим изобразить чувство души моей и жертвовати похвалою французскому Софоклу, Расинову, Метастазиеву и, может быть, и моему совместнику, которому я еще больше должен, нежели Расину». Речь идет о явлении 5 действия III трагедии Вольтера «Брут».

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД «СЛОВАРЕМ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА»

С. И. НИКОЛАЕВ

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ О ПЕТРЕ СУВОРОВЕ*

В работе над «Словарем русских писателей XVIII века» авторы статей ставили, в частности, перед собой задачу выявить разнообразные связи между писателями — родственные, служебные, творческие и др. Установление таких связей существенно помогает в воссоздании более полной картины литературного процесса в XVIII в. Обычно для обозначения таких связей вполне достаточно простого выделения фамилии курсивом, отсылающего к соответствующей статье «Словаря». Несложная с виду операция — выделение курсивом фамилии — иногда требовала редакторских вмешательств, а изредка попадались и действительно трудные случаи. С одним из них редколлегия столкнулась в работе над 3-м томом «Словаря».

В 1965 г. П. Н. Берков опубликовал статью «Петр Суворов — забытый поэт 1730-х гг. : (К истории школы В. К. Тредиаковского)», в которой извлек из забвения неизвестного поэта и проанализировал оду Суворова «Песнь торжественная о состоявшейся оружия тишине с кратким изъяснением Хотинской баталии в прославление преславного имени <...> Анны Иоанновны, сочиненная чрез л.-гв. Измайловского полку каптенармуса Петра Суворова в Санкт-Петербурге февраля 17 дня 1740 года», изданную в том же 1740 г.¹ Никаких биографических сведений о Петре Суворове П. Н. Беркову найти не удалось, но он предположил, что автором «Песни...» мог быть Петр Иванович Суворов, сын И. В. Суворо-

* Исследование проведено в рамках проекта РГНФ «Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3» (руководитель Н. Ю. Алексеева). № 03-04-00131а, 2003—2005 гг.

¹ См.: Берков П. Н. Петр Суворов — забытый поэт 1730-х гг. : (К истории школы В. К. Тредиаковского) // Проблемы современной филологии : Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965. С. 327—334.

ва, числившегося в начале XVIII в. «сыном боярским» в Вятке. О нем известно лишь то, что он родился в 1721 г., а в 1795 г. в чине гвардии сержанта был смотрителем полиции Павловского казенного винокуренного завода. Все немногочисленные сведения, собранные П. Н. Берковым, вошли в словарную статью о Петре Суворове,² включая и предположение о сержанте Петре Ивановиче Суворове. Новых биографических сведений о Суворове автору статьи М. П. Лепехину обнаружить не удалось.

Но вопрос, возникший при редактировании словаря, был связан не с этой статьей, а со статьей о В. К. Третьяковском. В перечислении однокашников Третьяковского в Славяно-греко-латинской академии, в статье были названы В. Е. Адодуров и Петр Суворов.³ Сначала в статье о Третьяковском фамилия Суворова была выделена курсивом. И для этого были весомые аргументы. Если мы примем предположение, что каптенармус Измайловского полка в 1740 г. и однокашник Третьяковского по Славяно-греко-латинской академии в 1723—1725 гг. Петр Суворов⁴ — это одно лицо, то тогда становятся понятны отмеченные П. Н. Берковым особенности «Песни торжественной» 1740 г. Это и знание латыни, и латинизированный синтаксис прозаического посвящения «Песни» Густаву Бирону, и знание классической латинской поэзии, и школьно-латинская стилистическая система (в образах, эпитетах и сравнениях), и ее смешение с библейской стилистикой. Все это Петр Суворов мог усвоить в Славяно-греко-латинской академии. Если предлагаемое отождествление верно, то становится понятно, почему Суворов подражал «Оде торжественной о сдаче города Гданска» Третьяковского и почему ода Суворова была напечатана в типографии Академии наук — вероятно, не без участия Третьяковского.

Здесь стоит напомнить об одной черте Третьяковского. Продвигаясь по служебной и социальной лестнице, он не порывал старых связей. Так, он поддерживал отношения с астраханскими знакомыми. Например, в 1737 г. он встречался с астраханским купцом Федором Чепраковым и обещал ему достать для другого астраханского купца, Панкратия Курочкина, конкорданцию на Библию на латинском языке.⁵ Но особенно крепки были его связи с духовной средой, в том числе со Славяно-греко-латинской акаде-

² См.: Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 3 : (Р—Я). СПб., 2010. С. 180—181.

³ См.: Там же. С. 256.

⁴ См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1901. Т. 10 : (1730 г.). Стб. 1333.

⁵ Марков А., Попов В. За обложкой «Конкорданции» // В мире книг. 1974. № 4. С. 85—86.

мией и ее выпускниками. По возвращении из Европы в Петербург он поселился на квартире своего одноклассника Адодурова. После выхода «Езды в Остров Любви» в 1730 г. он поехал в Москву, где встречался со своими бывшими академическими наставниками. Другой выученик академии, немногим старше Третьяковского, Иван Григорьевич Комаровский, был его духовником, именно ему Третьяковский сделал предсмертные распоряжения после избиения у А. П. Волынского в 1740 г. Кстати сказать, в это время Иоанн Комаровский был священником Преображенского полка.⁶ В 1739 г. Третьяковский помог издать в типографии Академии наук «Эпиникион», посвященный все той же победе при Хотине, Стефана Витынского, протеже близкого знакомого Третьяковского белгородского архиепископа Петра Смелича, у которого Третьяковский провел весь 1738 г. В двух письмах к А. Д. Кантемиру 1743 г. Третьяковский просит передать письма Петру Витынскому, в которых он зовет его обратно на Украину, и деньги от архимандрита Кирилла Флоринского на покрытие долгов и на обратную дорогу. Надо полагать, что речь идет о родственнике Стефана Витынского.⁷ Не исключено, что и в Париж Петр Витынский попал не без советов и рекомендаций Третьяковского.

В совокупности все эти обстоятельства и дают основание отождествить ученика Славяно-греко-латинской академии Петра Суворова с автором «Песни торжественной» 1740 г. Однако по некотором размышлении курсив в статье о Третьяковском был снят. Дело не в том, что если предположение верно, то пришлось бы внести существенные уточнения в статью о Петре Суворове. Просто имеющиеся сейчас сведения о Петре Суворове оканчиваются 1730 г. В 1724 г. Петр I, уступая неоднократным просьбам сербского митрополита Моисея (Петровича), решил направить в Сербию учителя для организации там славянских школ. Выбор пал на Максима Суворова, которому тоже посвящена в «Словаре» отдельная статья. В 1725 г. он выехал в Сербию вместе с женой, детьми и младшим братом Петром, еще учившимся в академии. В 1730 г. основанная ими школа захирела, а братьям было вовсе отказано в помощи. Только в марте 1737 г. Максим Суворов вернулся в Россию. За 12 лет, проведенных за границей, старший брат потерял нескольких детей, жену, женился вторично.⁸ К сожа-

⁶ См.: Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 73, 79; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. 10. Стб. 1337.

⁷ См.: Два письма Василья Кирилловича Тредьяковского: К Ивану Логиновичу Кутузову и князю Антиоху Кантемиру // Отечественные записки. 1823. Ч. 13. Февр. С. 304; Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С. 51.

⁸ См.: Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 3 : (Р—Я). С. 180.

лению, пока не удалось установить, вернулся ли с ним младший брат Петр и пережил ли он вообще многолетние заключения. Если же Петр вернулся в Россию в 1737 г. вместе с Максимом, то поступление на службу в Измайловский полк и возобновление знакомства с Третьяковским, уже ставшим известным поэтом, который мог приобщить его к литературному труду, — все это очень и очень вероятно, но остается в кругу гипотез до тех пор, пока не обнаружатся новые сведения о жизни Петра Суворова после 1730 г. Стоит добавить, что отмеченное П. Н. Берковым знание автором «Песни торжественной» немецкого языка также получает простое объяснение — братья несколько лет после отъезда из Сербии прожили в Вене.

Упоминание о Петре Суворове в словарной статье о Третьяковском оставлено, как сигнал для будущих разысканий, но во избежание недоразумений к имени добавлена первая буква отчества братьев — Терентьевич, а в этом виде фамилию соученика Третьяковского в статье о нем уже можно было не выделять курсивом.

А. А. КОСТИН

ПРО ИВАНОВ СОКОЛОВЫХ*

Это сообщение посвящено одному частному эвристическому случаю и между тем может служить примером того, насколько успех в поиске биографических сведений о малоизвестных писателях зависит, с одной стороны, от настойчивости поисков, а с другой — от простой исследовательской удачи.

Принять участие в работе над «Словарем русских писателей XVIII века» мне пришлось уже только на завершительном этапе подготовки 3-го тома. Когда мне был предложен для выбора список «незанятых» статей, оказалось, что он почти целиком состоит из писателей не только не первого, но даже и не второго плана. Я выбрал себе вначале двух переводчиков «моего» периода — конца 1780—1790-х гг. (М. М. Сонцов, К. Рембовский), а также одного писателя, о котором словник сообщал только, что он «переводчик „Выбранных историй“ с латинского (1764—1765)»;¹ даты жизни его были неизвестны, отчество — также, звали же его Иваном Соколовым. Следует сказать, что в тот момент опыт написания биографических статей у меня отсутствовал и я не мог представить, с какими трудностями мне придется столкнуться из-за этого имени.

Трудности эти не замедлили проявиться. Сведений об этом писателе в биографических словарях не было. В энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона сообщались извлеченные из указателя А. Н. Неустроева² данные о том, что Иваном Соколовым

* Исследование проведено в рамках проекта РГНФ «Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3» (руководитель Н. Ю. Алексеева), № 03-04-00131а, 2003—2005 гг.

¹ Словарь русских писателей XVIII века: Принципы составления. Образцы статей. Словник. Л., 1975. С. 81.

² Неустроев А. Н. Указатель всех имен и статей, встречающихся в русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. и в Историческом розыскании о них. СПб., 1892. С. 638.

были помещены переводы в журнале «Полезное увеселение».³ Этих сведений, однако, было достаточно, чтобы начать поиск со студентов Московского университета конца 1750—начала 1760-х гг. (журнал издавался при университете в 1760—1762 гг.⁴). Эти начальные поиски дали, однако, неутешительный результат. По материалам Н. А. Пенчко оказывалось, что в это время в университете училось по меньшей мере трое Иванов Соколовых — Иван Яковлевич, член театральной труппы Федорова Волкова, впоследствии драматург;⁵ Иван Иванович, переведенный в 1762 г. в Академию художеств, впоследствии один из первых ее выпускников и архитектор.⁶ О третьем же, «просто» Иване Соколове, Пенчко сообщала: «Студент, назначен корректором ун<иверсите>тской типографии вместо Третьякова в 1760 г., до того обучал латинский класс. Отправлен учителем в кадетский корпус в мае 1762 г.»⁷ Никаких строгих логичных доводов в пользу того, чтобы один из них был признан переводчиком «Выбранных историй», не было. Все они к 1764 г. перебрались из Москвы в Петербург, где вышли «Выбранные истории»; в пользу «просто» Ивана мог свидетельствовать тот факт, что книга вышла в типографии Сухопутного шляхетного корпуса, куда этот Иван Соколов был переведен учителем. Однако, учитывая распространенность имени, эвристическую сложность которого я начал к тому времени осознавать в полной мере, довод этот был достаточно слабым, как и то предположение, что переводчика следует искать среди московских университетских студентов.

Не добавили ясности и сведения, полученные с помощью справочника В. П. Степанова «Русское служилое дворянство».⁸ Просмотр всех адрес-календарей 1760—1780-х гг., где упоминались не только Иваны Соколовы «просто», но и Алексеичи, Васильевичи, Григорьевичи, Егоровичи, Ивановичи, Осиповичи, Петровичи, Федоровичи и Яковлевичи, стал полезен разве что в апофатическом, отрицательном плане: как оказалось, большин-

³ Энциклопедический словарь / Под ред. И. Е. Андреевского. СПб., 1900. Т. 60. С. 731.

⁴ См. о нем: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 129—139.

⁵ См. о нем: Стенник Ю. В. Соколов Иван Яковлевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. С. 145—147.

⁶ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1767—1914. Т. 2 : Список русских художников : К юбилейному справочнику Императорской Академии художеств / Сост. С. Н. Кондаков. СПб., 1915. С. 388.

⁷ Пенчко Н. А. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1960. Вып. 1. С. 374.

⁸ Степанов В. П. Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764—1795). СПб., 2003. С. 589.

ство из них были провинциальными чиновниками невысоких чинов, вероятность участия которых в литературной жизни столицы была крайне низкой; в столицах служили только в конце 1760-х гг. некий «просто» Иван Соколов — секретарем конторы Невских кирпичных и черепичных заводов и Иван Иванович — секретарем третьего департамента юстиц-коллегии в Москве.⁹ Очевидно, что для того чтобы связать этих лиц с переводом латинской книги середины 1760-х гг., требовалось четкое документальное указание, найти которое можно было в фондах этих учреждений в РГАДА (РГИА с его коллекцией материалов придворного ведомства был к тому времени уже закрыт для переезда), в материалах Герольдии в РГАДА, а также в хранящихся в РГВИА делах Сухопутного шляхетного корпуса, касающихся как собственно учителя Ивана Соколова, так и издательской деятельности корпуса в середине 1760-х гг. Работа по этому плану, как я теперь понимаю совершенно случайно и во многом благодаря исследовательскому везению, увенчалась в результате успехом.

Прежде всего была проведена тщательная работа с указателями к фонду Герольдии в РГАДА, в результате которой к просмотру были намечены 54 дела, где встречались сведения о различных Иванах Соколовых. Поскольку оказалось, что в большинстве дел содержатся сведения только об одном Иване, между тем как в нескольких — о двух или трех, было решено просмотр начать с дел последнего типа, заведенных в 1760-е гг. (решающим критерием стало то обстоятельство, что в РГАДА за день дел по Герольдии можно было просмотреть не более трех, а командировка моя была ограничена 8 днями). Эта волонтаристская методика неожиданно принесла результат: уже во втором просмотренном мною деле обнаружили документы, связанные с присвоением в 1769 г. чина провинциального секретаря Ивану Соколову, сыну новгородского священника Ивана Артемьевича Соколова, в 1748 г. поступившему в Новгородскую семинарию, переведенному в 1755 г. в Московский университет, а в 1762 г. — учителем в Сухопутный шляхетный корпус, откуда он ушел в мае 1765 г. казначеем в Канцелярию опекунов иностранных.¹⁰ Это дело оказалось

⁹ Адрес-календарь российский на лето от Рождества Христова 1767. СПб., 1767. С. 107 (Иван Соколов из Конторы кирпичных и черепичных заводов); Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1769. СПб., 1769. С. 102 (первое упоминание о И. И. Соколове — секретаре третьего департамента Юстиц-коллегии; последнее упоминание о нем — Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1782. СПб., 1782. С. 77).

¹⁰ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 554. Л. 366—371, 662—686. За дополнительную сверку указанных документов при подготовке настоящей публикации сердечно благодарю А. С. Бодрову.

интересно не только тем, что позволило с точностью установить отчество третьего из университетских Иванов Соколовых, но и указанием на круг предметов, прослушанных им в университете, — логика, метафизика, чистая математика, физика, минералогия и химия.¹¹ Этот перечень, не включающий указания на языковые курсы, в сопоставлении с тем, что перед отправлением в Петербург Соколов вел в университете занятия в латинском классе, показывают, что по крайней мере часть студентов первого набора университета — выходцев из семинарий — владела латынью в достаточной степени, чтобы сразу приступить к слушанию лекций иностранных профессоров.

Сведения, касающиеся службы этого Ивана Соколова в Шляхетном корпусе, как и ожидалось, обнаружались в то же время в РГВИА в специально выделенных делах об учителях, поступивших в корпус в 1762 г.,¹² а также об издательской деятельности корпуса в 1764 г. Первое дело подтвердило сведения Герольдии о недолгой службе Соколова в корпусе: в конце 1764 г. он по собственной просьбе перевелся отсюда в Канцелярию опекунов иностранных казначеев, поводом к чему послужила, по-видимому, отчасти та самая книга, которая обусловила попадание Соколова в словник «Словаря». Поскольку в деле об издании книги особо отмечено, что переводчик ее — учитель Корпуса, перешедший на службу в Канцелярию опекунов иностранных, вопрос о соотношении ее с определенным Иваном Соколовым решался однозначно: это был тот самый попович, выпускник Московского университета, ранее известный как просто «Иван Соколов».¹³ «Выбранные из языческих писателей истории»¹⁴ представляют собой перевод популярнейшей латинской хрестоматии французского педагога швейцарского происхождения Жана Эзе, впервые выпущенной в Париже в 1727 г.¹⁵ и претерпевшей в XVIII в. десятки переизданий в нескольких странах, продолжавшей, хотя и менее интенсивно, издаваться вплоть до конца XIX в. Содержащая преимущественно выдержки из сочинений Цицерона и Сенеки, книга эта давала юному читателю свод примеров из римской истории, иллюстрировавших широкий круг нравоучительных положений (части книги носили названия: «О божестве», «О бла-

¹¹ Там же. Л. 669.

¹² РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. № 3146, 3184, 3191.

¹³ Там же. № 3227. Л. 106, 124, 287.

¹⁴ Выбранные из языческих писателей истории, к которым присоединены честного жития различные правила, из тех же писателей взятые, переведенные в пользу общества с латинского языка Иваном Соколовым. СПб., 1764—1765.

¹⁵ *Selectae e profanis scriptoribus historiae, quibus admista sunt varia honeste vivendi praecipua ex iisdem Scriptoribus deprompta.* Paris, 1727.

горазумии», «О справедливости» и т. д.). Книга эта, скорее всего, могла быть памятна Соколову по собственному учению и могла употребляться им как пособие для собственного курса истории, который он вел в корпусе. Между тем книга была издана корпусом не как учебное пособие за казенный счет, а на собственные средства Соколова. Издание это, можно с уверенностью сказать, стало важной вехой в его жизни. Издание было осуществлено в долг полным заводом; первая часть была получена из типографии в октябре 1764 г.; за полгода, к марту 1765 г., из 1200 экземпляров было продано только 11 (из них 3 — обязательные экземпляры для библиотеки корпуса). В результате, когда вышла в свет вторая часть, Соколов оказался должен корпусу более 1000 рублей. Для поповича, получавшего не более 200 рублей жалованья в год, сумма эта была огромной. Продаже книги не помогло и посвящение ее Н. И. Панину,¹⁶ и это неудивительно. Дело в том, что перевод Соколова выполнен языком, о котором сказать, что он изобилует латинизмами, было бы даже некоторым преуменьшением: перевод представляет собой, по сути, непрерывную кальку.¹⁷ Приведу пример: «Марий великое желание имел быть консулом, он к получению котораго достоинства видел себя не в состоянии, вознамерился порочить К. Метелла, мужа и гражданина знатнаго, у котораго был он послом, чтобы по отнятии его славы за оконченную Югуртинскую войну сам был послан в Нумидию консулом. И так все свои меры употребил словами и делом, чем только мог притти в любовь. Много Метелла понося речами, ругал, и о себе много великолепнаго говорил. Что война от вождя с намерения продолжается, для того только, что он человек пышный и величавостью подобной Государям желает во власти пожить. А о себе говорил, что он в короткое время будет иметь Югурту в оковах, ежели половина ему дастся войска. Потом за те от Метелла сослан был в Рим, когда то же говорил в Риме, что прежде в войске, и обещал о себе нечто великое: на конец получил желаемое. Того

¹⁶ Следует заметить, что в 1764—1765 гг. французский перевод «Избранных историй» (*Histoires choisies des auteurs profanes, où l'on a mêlé divers préceptes de morale, tirés des mêmes auteurs, traduites en françois avec des notes morales et historiques, par Charles Simon. Paris, 1752*) входил в круг чтения воспитанника Панина, великого князя Павла Петровича; в частности, в январе 1765 г. рассуждениями этой книги он оправдывал свое непринятие театра (Семена Порошина записки, служащие к истории Его императорского высочества ... Павла Петровича. СПб., 1844. С. 249). За указание на это обстоятельство сердечно благодарю А. Г. Евстратова.

¹⁷ При подготовке книги, рассчитаной на чтение латинских текстов учениками самого раннего этапа, Ж. Эзе во многом адаптировал латинский синтаксис к французским нормам, что отмечали первые рецензенты книги (*Journal des savants. 1727. Jan. P. 276*).

ради зделан был консулом: но должности верности и справедливости не сохранил, что вождя своего ложным пороком привел в ненависть».¹⁸

Оставалось выяснить дальнейшие обстоятельства жизни этого Ивана Ивановича Соколова. Как оказалось, благодаря другой истории, также малоприятной для самого Соколова, сведения о нем были выделены в отдельное дело в фонде Канцелярии опекунов иностранных, благодаря чему и были найдены мной. В результате проверки бухгалтерских книг Канцелярии в 1767 г. выяснилось, что в них допущены многочисленные ошибки. Соколов был отстранен от должности, и над ним началось разбирательство, длившееся до 1772 г., и показавшее в итоге, что все ошибки в бухгалтерии носили исключительно формальный характер и не были связаны со злоупотреблениями; Соколов был оставлен в Канцелярии, хотя, конечно, и не на месте казначея.¹⁹ Дальнейших сведений о нем установить не удалось.

Все изложенное, а также полученные мною сведения о других Иванах Соколовых, живших в XVIII в., заставляет признать, что полная литературная история Иванов Соколовых в XVIII в. потребует еще немало разысканий и при отсутствии везения останется, вероятнее всего, незавершенной. Так, например, вряд ли с уверенностью можно сказать, кому из трех Иванов Соколовых Московского университета периода «Полезного увеселения» принадлежат четыре перевода в журнале, подписанные этим именем. С одной стороны, три из них можно соотнести с вышедшей четыремя годами позднее книгой: «Рассуждения, выбранные из Сенеки», «Речь Мария к народу», «Из разговоров Эразмовых: трезвый пир»; а червертый — «О комедиях и трагедиях и всех драматических сочинениях, что они или исправляют, или портят наши наравы» — с последующей сценической и драматургической биографией Ивана Яковлевича Соколова. Однако такое предположение носит только гипотетический характер: строго говоря, нельзя исключать, что все четыре перевода были, например, выполнены третьим Соколовым. Только гипотетически можно приписывать Ивану Яковлевичу Соколову полемические стихотворения в известном казанском сборнике «Разные стиходейства»²⁰ (эпиграммы «Восплачь, Чулков: твое вчерашне представленье...») и «В оглоблю вышины хоть рост ты и имеешь»), подписанные

¹⁸ Выбранные из языческих писателей истории... Т. 1. С. 126—127.

¹⁹ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. № 149.

²⁰ ОРРК Научной библиотеки Поволжского (Казанского) государственного университета. № 4542. Описание: Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Императорского Казанского университета, составленное А. И. Артемьевым. СПб., 1882. С. 177—194.

инициалами «И. С.»; об их предполагаемом авторе говорит только театральный характер полемики с М. Д. Чулковым.

Но точно неизвестно, какой Иван Соколов перевел с немецкого повесть «Луиза Г., или Торжество невинности» (М., 1788) — учитель нижнего арифметического класса Московского университета с 1782 по 1786 г.²¹ или кто-то из тех учеников гимназии, кто в 1780-х получал награждения в классах греческого синтаксиса, вышнем немецком классе, классе древностей и т. д.²² А кто из Иванов Соколовых помещал за своей подписью переводы в конце 1790-х гг. в «Новых ежемесячных сочинениях» — студент академического университета²³ или обер-секретарь Военной коллегии Иван Григорьевич?²⁴ Или какой-то еще неведомый Иван Соколов? Возможно, такие же случайные находки смогут появиться и в будущем. Но для подобного везения обязательно одно условие — поиск.

²¹ Московские ведомости. 1782. Прибавл. к № 99. С. [3]; 1785. Прибавл. к № 58. С. [5]; 1786. Прибавл. к № 58. С. [7].

²² Московские ведомости. 1782. Прибавл. к № 99. С. [4 («из казенных дворян»), 5]; 1783. Прибавл. к № 55. С. [1—3 («из обучающихся на университетском содержании»); 3—4 («из своекоштных разночинцев»)]; 1785. Прибавл. к № 58. С. [5 («из своекоштных разночинцев»)]; 1786. Прибавл. к № 58. С. [4 («из своекоштных разночинцев»)]; 1787. Прибавл. к № 57, с. [2]; 1788. Прибавл. к № 55, с. [1].

²³ Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. XVIII в. : Обзор архивных документов. СПб., 2001. С. 104.

²⁴ Первое упоминание о нем в адрес-календарях: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1784. СПб., 1784. С. 56; последнее — Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1795. СПб., 1795. С. 48.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ* — Архив внешней политики Российской империи
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург)
- ОПИ ГИМ* — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (Москва)
- ПСЗРИ* — Полное собрание законов Российской империи
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
- РГАЛИ* — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
- РГБ* — Российская государственная библиотека (Москва)
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
- РГИА* — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)
- РНБ* — Российская национальная библиотека (С.-Петербург)
Сб. РИО — Сборник Российского исторического общества
СПб. ГТБ — Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека
- СПб. ИИ РАН* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
- СПФ АРАН* — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
- СК* — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. М., 1963—1967. Т. 1—5
- СККИЯ* — Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. Л., 1984—1986. Т. 1—3
- ТОДРЛ* — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аввакум Петров 205
Аверьянова А. П. 27
Адодуров В. Е. 30—33, 41, 482, 483
Азадовский М. К. 311, 315, 323
Акимов И. И. 398
Акимов Н. П. 386
Акинина Л. Н. 160—161
Акинина Н. Н. 160—161
Акинфиев М. И. 447
Аксаков С. Т. 163
Аламбер Ж. Ле Рон д' 212, 376, 380
Александр I, российский император 54, 56, 194, 201, 238, 242, 246, 252, 273, 274
Александр, крепостной Н. А. Львова 151—152
Александренко В. Н. 30
Алексеев А. 385
Алексеева Н. Ю. 5, 14, 22, 187, 191, 203, 481, 485
Алипанов Е. И. 392
Аллер, учитель риторики в Сухопутном шляхетском корпусе 367
Аллец П. О. 158
Альберт Великий 165
Амвросий (Юшкевич), архиепископ Новгородский 60
Анакреон Теосский 8, 35, 44, 201, 373, 448
Анастасевич В. Г. 391, 455, 456, 477
Ангальт Ф. Е. 242—243, 245
Андреев А. Ю. 280—281
Андреев Л. Г. 87
Андреевский И. Е. 486
Анисимов Е. В. 191
Анна Иоанновна, российская императрица 14, 28, 363, 366, 481
Анна Леопольдовна, российская правительница 26
Аполлос (Байбаков А. Д.) 451
Аракчеев А. А. 273—274
Арбенева А. Н. (урожд. Вельяминова) 169—170
Арзуманова М. А. 244
Аристотель, греческий философ 22, 66, 89, 91—93, 95, 114, 126
Арндт Б. Ф. 251
Артемон, собиратель писем Аристотеля 126
Артемьев А. И. 490
Арцыбышев Н. С. 69
Асеев Б. Н. 372
Асклепий, греческий врачеватель 66
Астраханский В. С. 31
Бабаева Е. Э. 20, 26—28, 32, 35, 40
Бабкин Д. С. 144, 200, 277, 279, 311, 319
Бабушкин Павел 173
Бабушкина Е. Д. 173
Багров С. М. 163
Базедов И. Б. 231—236, 248, 250, 256, 292
Базедов Эмилия 239
Байрон Дж. Г. Н. 470
Бакмейстер И. Г. 340
Бакунин А. М. 138, 144
Бакюлар д'Арно Ф.-Т.-М. 173—174, 205
Бальмен А. Б. 239, 245
Баралевский В. 385
Баратынский Е. А. 343
Барон М. 380
Барсов Е. В. 316

- Бартеlemi Ж.-Ж. 356
 Барлетт Р. 333
 Барышов Е. 385
 Баттё Ш. 131
 Батюшков К. Н. 43, 123, 391, 394
 Бахтияров А. А. 88, 417
 Бейль П. 66—67
 Бекман И. Г. 159
 Белен де Монтерзи, ориенталист и переводчик 182
 Белинский В. Г. 85, 87, 310, 343, 387, 391, 393
 Беллинсгаузен Ф. Ф. 102
 Белобочкий Ян 394
 Белосельский-Белозерский А. М. 283, 288
 Бель К. А. 289
 Беляев Н. С. 262
 Беме И. Г. 278, 283, 293, 301
 Беме Я. 270
 Берков П. Н. 18, 86, 87, 206, 222, 481, 482, 486
 Бернулли И. 320
 Бертран де Робино А.-Л. (Бонуар) 377
 Бессонов П. А. 263
 Бестужев А. А. 205
 Бестужев-Рюмин А. П. 365
 Бецкой И. И. 264, 267, 369
 Биант Приенский, греческий мудрец 425
 Бибиков В. И. 155
 Бильбасов В. А. 350
 Бирон Г. 482
 Бланк Б. К. 185
 Бланк Павел 185
 Блескина О. Н. 230, 231
 Блюментрост Л. Л. 29
 Боборыкин В. Д. 168
 Боборыкин Д. Л. 168
 Бобров С. С. 417
 Богданов А. И. 27
 Богданович И. Ф. 105—111, 113, 120, 214—215, 219
 Бодрова А. С. 487
 Боева Л. 58
 Бокум Е. Ф. 280, 282—284, 286, 288, 290, 301
 Боленко К. Г. 231—232, 234, 247, 249
 Болотов А. Т. 69—84
 Болотов М. П. 72
 Болотов П. А. 70
 Большаков В. П. 378
 Бомарше П.-О.-К. 270, 370
 Бонуар, см. Бертран де Робино А.-Л.
 Боровиковский В. Л. 275
 Бороздин А. К. 447
 Боссюэ Ж.-Б. 360, 380
 Бочкарева И. А. 148
 Бозций Аниций Манлий 93
 Браве И. В. 376
 Браико Г. Л. 107—110
 Брейткопф А. И. 289
 Брейткопф Б. Ф. 289
 Брейткопф К. Г. 289
 Брейяр Ж. 436
 Бриан А. 437
 Бродский И. А. 25, 394—396
 Брокгауз Ф. А. 263, 485
 Бросет К. 8
 Брюс П. А. (урожд. Румянцева) 57—59, 62, 64
 Брюс Я. В. 32—33
 Брянский Я. Г. 381
 Буайе П. 436
 Буало-Депрео Н. 8, 370, 371, 373, 426, 475
 Булич Н. Н. 347
 Бурде де Вильгюе Ж. 101, 103
 Буслав Петр 390
 Бухаркин П. Е. 130
 Бьельке, корреспондентка Екатерины II 49
 Бюлер К. 128

 Вайзе Х. Ф. 304, 305
 Вайль П. Л. 395
 Валла Неий Нумоний 10
 Васильев Владимир 184—185
 Васильчиков А. А. 162
 Вахрушев А. 270
 Вацуро В. Э. 125, 170, 180, 343
 Вачева А. 49, 55, 58, 66—68
 Вейсман Э. 30, 32, 43
 Вейтбрехт И. Я. 247
 Величковский Иван 86
 Вельяминов Н. И. 169
 Вельяминов П. Л. 132—133, 139, 145—148, 150
 Вельяминова Н. А. (урожд. Бунина) 169
 Венгеров С. А. 343, 454—455
 Вербицкий А. 344

- Вергилий Марон Публий 17, 52, 66,
89, 98, 101, 356, 427, 428, 430, 448
- Веревкин М. И. 473, 474
- Версини Л. 326
- Верто д'Обеф Р.-О. 106
- Веселова А. Ю. 69, 79, 162
- Веселовский А. А. 6, 18
- Вестман Яков 184
- Вешняков А. А. 388
- Вигель Ф. Ф. 170, 171, 175, 176
- Виланд К. М. 127, 179, 225
- Вилле Х. Г. 284
- Вильмонт К. 209
- Вильмонт М. 209
- Винклер Г. 296
- Виноградов В. В. 93, 354, 481
- Винокур Г. О. 28, 121
- Виролайнен М. Н. 170, 208
- Витынский Петр 483
- Витынский Стефан 483
- Владимир Мономах, великий
князь Киевский 177
- Владимир Святославич, великий
князь Киевский 107, 109, 115,
117, 351
- Волков Николай 287
- Волков Ф. Г. 446, 486
- Волкова Т. Н. 417
- Волконская А. М. 172
- Волконская Е. М. 172
- Волконская Е. П. (урожд. Макуло-
ва) 172
- Волконская З. А. 369
- Волконский М. П. 172
- Волконский П. М. 157
- Волынский А. П. 483
- Вольке К. Г. 220—261
- Вольке Софи 236
- Вольтер 49, 50—53, 64, 66, 181, 184,
211, 213, 314, 366, 370, 372, 373,
375, 381, 430, 440, 442, 443, 447,
448, 457, 471, 474, 475, 480
- Вороблевский В. Г. 158, 161
- Воронов А. С. 247
- Воронцов А. Р. 133, 135, 279, 314
- Воронцов М. С. 314
- Воронцов Р. И. 135
- Воронцов С. Р. 133
- Всеволодский-Гернгросс В. Н. 362
- Вышеславцев М. М. 347
- Вяземский А. А. 196, 204, 206, 207,
209, 267
- Вяземский П. А. 130, 154, 476
- Габриелли К. 323
- Гавриил Бужинский 35
- Гаврюшин Н. К. 90, 91
- Гагарин Г. П. 155, 166
- Гагарин П. Г. 166
- Гай Юлий Вер Максимин Фраки-
ец, римский император 66
- Галахов А. Д. 471
- Гален, греческий врачеватель 66
- Галинковский Я. А. 378, 379
- Галлер А. 180
- Ганнинг С. 178
- Гарве К. 290—292, 301
- Гари Е. 346
- Гаррингтон У. 28
- Гаспаров М. Л. 213
- Гейнзиус Г. 290
- Геллерт Х. Ф. 83, 171, 287, 288,
292, 294, 296—299, 303, 305,
306
- Гельбиг Г. 312
- Гельдерлин И. Х. Ф. 127
- Генис А. А. 395
- Герасим Влах 20
- Геринг П. Ф. 184
- Герцен А. И. 205, 310, 312, 313
- Гершкович З. И. 6
- Геснер С. 184, 356, 357
- Гете И. В. 127, 203, 224, 225, 289,
294, 302, 304, 416
- Гетце, магистр 243
- Гинзбург Л. Я. 199, 200, 447, 476
- Гинтер И. Х., см. Гюнтер И. Х.
- Гинцбург Н. С. 19, 213
- Гиппократ, греческий врачеватель
66
- Глаголева Т. 47
- Глазунов И. П. 87
- Глинка В. Н. 180
- Глинка С. Н. 161, 180, 181, 367
- Глюк И. Э. 30
- Говард Дж. 358
- Гогенталь 286
- Гоголь Н. В. 416, 419
- Годжи Д. 326—329, 334
- Голенищев-Кутузов И. Л. 167, 483
- Голенищева-Кутузова Е. И. (урожд.
Бибикова) 167
- Голицын А. И. 181
- Голицын А. Н. 273
- Голицын П. А. 181, 373
- Голицын С. И. 174, 181, 182
- Голицын С. Ф. 174—176

- Голицына В. В. (урожд. Энгель-
 гардт) 174—177
 Голицына Н. П. 369
 Головин В. В. 343
 Головкина Е. А. 151—153
 Головнин В. М. 102
 Голубцов В. В. 148
 Голубянский Козьма 160, 161
 Гольбурт Л. 205
 Гольдони К. 304
 Гомер 52, 66, 213, 430, 443, 448, 458,
 459, 478
 Гораций Квинт Флакк 5—26, 39—
 41, 43, 46, 212, 213, 391, 396,
 426, 430, 448, 459
 Горлицкий И. С. 31
 Горчаков Н. Д. 185, 186
 Горчакова Д. Д. 185, 186
 Готшед И. Х. 304, 389
 Градова Б. А. 5, 27
 Грассгоф Х. 28, 37, 222, 388, 389
 Граф А. де 97
 Грациан-и-Моралес Б. 198
 Гребенюк В. П. 187
 Грефе Г. 230, 244
 Греч Н. И. 344
 Гречаная Е. П. 369
 Гримм Ф.-М. 49—51, 54, 236, 328,
 373, 374
 Гроле П. 314
 Гросс Г. 37
 Гросс Хр. 7, 37
 Грот Я. К. 49, 133, 134, 140, 144, 145,
 153, 175, 187, 190, 193, 199, 207,
 215, 220, 253, 258, 374, 447
 Гуаско О. 26, 43, 44, 389, 391
 Губер М. 284, 285, 290
 Гуковский Г. А. 3, 203, 205, 226, 393,
 434, 435, 437—439, 475—477
 Гуляев А. И. 312
 Гуляев С. И. 313
 Гурьев Д. А. 273, 274
 Гюлленборг А. Г. 58, 62, 66
 Гюнтер И. Х. 458
- Даниил, митрополит Московский
 90
 Данилевский Р. Ю. 155, 170, 173,
 179, 220, 226, 375
 Данилов Кирша 311
 Дасье А. 9, 10—12, 14—21, 23
 Дашков Д. В. 453
- Дашкова Е. П. 187, 188, 191—193,
 195, 197, 204, 206, 208—211,
 214—218, 312, 313, 446
 Де ла Сюз А. 459
 Дезульер А. 475
 Декомбль М.-А. 31
 Деламбер (?) 363
 Деламот Ж.-Б.-В. 264
 Делиль Ж. 270, 356
 Демидов П. А. 170
 Демидов П. Г. 170, 171
 Демидова Е. А. (урожд. Жеребцо-
 ва) 170, 171, 185
 Демидова Е. П. 170, 171
 Дёмин А. О. 362, 477
 Демокрит, греческий философ 22
 Державин Г. Р. 3, 8, 133—136, 138,
 139, 141, 144, 145, 150, 175,
 187—219, 220, 221, 228, 251—
 254, 256, 257, 260, 270, 374,
 375, 387, 388, 391, 434, 438, 447,
 454—456, 459, 476, 477
 Державин Н. А. 263
 Державина Д. А. (урожд. Дьякова)
 136
 Державина Е. Я. (урожд. Бастидон)
 133, 136
 Державина О. А. 187
 Дерибас О. М. 369
 Дёринг Д. 278, 282
 Детуш Ф.-Н. 369
 Дзюбанов С. Д. 148
 Дидро Д. 212, 326—342, 370
 Димитрий Ростовский 64—67
 Диоген Синопский, греческий фи-
 лософ 80
 Дишин П. Н. 160, 165
 Дмитриевский И. А. 446
 Дмитриев И. И. 110, 145, 149, 208,
 273, 345
 Дмитриева Е. Е. 83, 131
 Добролюбов Н. А. 310
 Долгоруков Ф. Я. 199, 205
 Домашнев С. Г. 242, 441
 Достоевский Ф. М. 416, 419
 Дрехслер Ф. 344
 Дружинин П. А. 130
 Дубровин Н. Ф. 263
 Дубровский А. И. 86, 96
 Дудин Николай 177
 Дудина А. П. 177
 Дурново И. Н. 160
 Дурново Н. Д. 160

- Дюкло Ж.-Б. 363
 Дюлак Ж. 326, 334
 Дюманьян А.-Ж. 377
 Дюпати Ш.-М. 355
 Дюпюи Ла Шпель Н. 183
- Евгений Болховитинов 389, 454, 455
 Еврипид, греческий трагик 377, 443, 445, 447, 457, 458
 Евстратов А. Г. 489
 Евфросин, инок 88
 Екатерина I, российская императрица 59, 63, 65
 Екатерина II, российская императрица 3, 49—68, 113, 115, 117, 181, 187—190, 192—195, 197, 199, 201, 204—208, 210, 214, 217, 218, 231—233, 236, 240, 248, 250, 251, 255, 257, 258, 260, 262, 264, 268, 280, 283, 293, 319, 326, 331—336, 341, 350, 373, 374, 421
 Екатерина Павловна, российская великая княжна 477
 Елагин И. П. 113, 115—117, 208
 Елизавета Петровна, российская императрица 56, 61—63, 65, 190—191, 213—214, 363, 365, 366, 467
 Елизарова Е. М. 263—265
 Ермолаев А. И. 380
 Ершов Г. П. 165
 Ершов П. И. 165
 Ефремов П. А. 5, 6, 312, 393, 459
 Ефрон И. А. 263, 485
- Жандр А. А. 381
 Жанлис С.-Ф. 173, 184
 Женнет Ж. 127
 Жерар Ф.-Л. 177, 178
 Жеребцов Александр 166
 Живов В. М. 29, 30, 34, 38, 40, 44, 189, 190, 434
 Жирмунский В. М. 416, 470
 Жоффри Л.-Ф. 185
 Жуков В. М. 217
 Жуковская Л. П. 90
 Жуковский В. А. 130, 169, 170, 226, 227, 381, 391
 Жюбе де ла Кур Ж. 26
- Зальцманн К. Г. 247, 248, 256
 Замятнин М. А. 185
 Замятнина С. К. (урожд. Бланк) 185
 Западов В. А. 148, 189, 190, 193, 199, 316, 323, 336, 338
 Запольская Н. Н. 32, 35
 Захарьин П. М. 137
 Звенигородская Н. Э. 364
 Зегниц К. А. 287, 288, 294
 Земскова Е. Е. 220
 Зенон Элейский, греческий философ 22
 Зизаний Л. И. 88, 94
 Зиновьев В. Н. 283, 284, 287—289, 294, 300
 Зиновьев Н. А. 289
 Зиновьева У. Ф. (урожд. Брейткопф) 289
 Зорин А. Л. 50, 53, 55, 56
 Зорич С. В. 180
 Зотов Г. К. 279
 Зотов Р. М. 382
 Зубов В. А. 205
 Зубов П. А. 205, 206
- Иваненко Григорий 172
 Иваненко Мария 172
 Иванова И. Е. 323
 Иванова Т. Г. 310, 312
 Игнатович В. С. 385
 Измайлов А. Е. 382, 393
 Измайлов В. В. 3, 343—355, 358, 360, 361
 Измайлов М. Л. 350
 Изяслав Ярославич, великий князь Киевский 109
 Ильинская И. С. 125
 Илья, кучер Александра I 274
 Илья, поп 321
 Илюшин А. А. 387
 Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский 42
 Иоанн Дамаскин 89—93
 Иоанн IV Васильевич Грозный, русский царь 43, 320
 Иоанн, экзарх Болгарский 91
 Иосиф Наседка 88
 Иосиф, патриарх Московский и всея Руси 88
 Исаков С. Г. 220
 Исаков С. К. 273
 Искюль С. Н. 165, 174

- Истов И. 383, 384
Иткин М. И. 92
- Кадлубовский А. П. 471
Кажанчиков Д. Е. 312
Кайперт Г. 27, 30
Кайсаров А. С. 345
Калайдович К. Ф. 91, 311
Калачева С. В. 389
Кампе И. Г. 235, 248
Кант И. 241
Кантемир А. Д. 3, 5—48, 155, 159, 363, 365, 387—396, 401, 483
Кантемир М. Д., сестра А. Д. Кантемира 26, 27
Капнист В. В. 133, 143, 144, 194, 199, 200, 253, 474
Карабанов П. Ф. 156
Карамзин В. М. 180
Карамзин Н. М. 29, 105, 106, 109—114, 116, 118—120, 133, 145, 146, 179, 180, 203, 223, 273, 293, 314, 345, 347, 349, 350, 352, 354, 357, 375, 376, 390, 429
Каратыгин В. А. 382, 383
Каратыгин П. А. 382, 383
Карин Ф. Г. 454, 455, 477
Карл XII, шведский король 341
Карп С. Я. 52, 327
Карякин Ю. Ф. 335, 339
Касаткина Н. Г. 203
Кастриоти Георг Скандербег 182
Катенин П. А. 381—385, 456, 477
Катто-Кальвиль Ж.-П.-Г. 165, 166
Кафанова О. Б. 173
Каченовский М. Т. 345
Кашин Н. П. 312
Кашкин Д. Е. 456, 478
Квинтиллиан Марк Фабий 39
Келлер Ф. 223
Кинд И. А. Г. 289
Кириак Т. П. 155
Кирилл (Флоринский) 483
Кирова М. 54
Кирличников А. И. 86
Киселева Л. Н. 180
Клаудий Х. 345
Клейн Й. 187, 372, 397, 399, 400
Клейст Э. Х. фон 296
Клепиков С. А. 71, 230
Клодиус Х. А. 3, 277, 278, 280, 294—301, 303—306
Клодиус Ю. (урожд. Шгётцель) 297
Клопшток Ф. Г. 203
Княжнин Я. Б. 211—215, 217—219, 362, 374, 375, 385, 445, 447, 454, 457, 471, 472, 475
Ковалева (Жемчугова) П. И. 162
Коваленко Г. М. 320
Кованько И. А. 178
Козицкий Г. В. 290, 448, 458
Козлова Александра 172
Козлова Н. П. 87
Козловский Ф. А. 370
Козодавлев О. П. 208—211, 213, 214, 216, 218, 219, 287
Койтен А. А. 220, 223
Кокоринов А. Ф. 264
Колеков Г. 100
Колоколов А. И. 418, 421
Колоколов Д. И. 418
Колоколов И. И. 418
Колоколов П. И. 418
Колоколов Ф. И. 3, 416—422, 426, 448
Кольбе К. В. 241, 251
Комаровский И. Г. 483
Комисаров И. Я. 269
Кондаков И. В. 42
Кондаков С. Н. 486
Кондратович К. А. 177
Кононко Е. Н. 175, 191, 192, 194—196, 201, 203, 207, 215
Консетт Т. 31
Константин Павлович, российский великий князь 56, 242
Копанев Н. А. 362, 365, 369, 389
Копелевич Ю. Х. 27
Копиевский (Копиевич, Копьев Илья) И. Ф. 97
Корнель П. 3, 362—386, 440, 442, 443, 446, 457, 460, 468, 471, 474, 475
Корнель Т. 440, 475
Корсаков А. И. 169
Корсаков Н. И. 169
Корсакова А. И. 169
Корсунов А. А. 312
Корф М. А. 220
Корф Н. А. 75
Косиков Г. К. 87
Костин А. А. 278, 279, 294, 310, 314, 485
Костин М. Н. 244, 249
Костров Е. И. 215
Кох Г. Ф. 303—304

- Кох Х. Г. 286
 Кохановский Симон 35
 Коцебу А. Ф. фон 220, 221, 223, 260, 261
 Кочеткова Н. Д. 154, 157, 162, 164, 166, 167, 178, 181, 185, 206, 207, 209, 226, 263, 265, 343, 348
 Кочубей В. П. 273, 274
 Кощиенко И. В. 85
 Краузольд Л. И. 159
 Кребель Г. Ф. 286, 292
 Кребильон (Кребийон) П.-Ж. де 367, 381, 475
 Кредок Дж. 182
 Крекшин П. Н. 158
 Кречетников М. Н. 157
 Крижановский А. С. 291
 Критон, греческий философ 22
 Крихтон В. 241
 Кросс Э. Г. 159
 Круглов В. М. 35, 36
 Крузенштерн И. Ф. 102
 Крылов И. А. 226, 380
 Кудрявцев И. М. 418
 Кузнецов В. А. 396
 Кузьмин А. И. 158
 Кузьминова Е. А. 88
 Кукушкина Е. Д. 182, 362, 375
 Кулакова И. П. 168
 Кулакова Л. И. 201—203, 211, 323
 Кулябко Е. С. 208, 210
 Куник А. А. 440, 457
 Куракин А. Б. 130
 Курганов Н. Г. 3, 85—104, 149
 Курилов А. С. 187
 Курочкин Панкратий 482
 Курций Руф Квинт 323
 Кутузов А. М. 291, 293, 294, 297, 298
 Кюбьер М. де 182
 Кюхельбекер К. И. 289

 Ла Мот П.-А. де (?) 380
 Ла Рибадьер А.-Ф.-К. де 270
 Ла Шоссе П.-К.-Н. де 366
 Лабзин А. Ф. 3, 262, 263, 270—276
 Лабзин Ф. М. 270
 Лабзина Е. В. 270
 Лабрюйер Ж. де 379
 Лагарп Ж.-Ф. 379, 453, 477
 Лазарчук Р. М. 70, 71, 76, 78, 81, 121, 132, 133

 Ламп И. В. 165
 Ланжевен П. 436
 Ланской А. Д. 180
 Ланской Д. С. 180
 Лапин И. Ф. 376
 Лаппо-Данилевский К. Ю. 121, 134, 144, 208
 Лапшин И. И. 447
 Лафатер И. К. 292
 Лафонтен Ж. (Фонтен, Фонтелл) 475
 Ле Живр де Ришбург 398
 Ле Фефр Т. (Танаквилл Фабер) 15
 Лебедев В. И. 429
 Лебедева О. Б. 318, 381
 Леви С. 436
 Левин В. Д. 354
 Левин Ю. Д. 174, 226, 227, 285
 Левинсон-Лессинг В. Ф. 296
 Левинтон Г. А. 392
 Левкович Я. Л. 125
 Левшин А. А. 157
 Левшин В. А. 156, 157, 479
 Левшин Г. Ф. 156
 Левшин Н. И. 157
 Левшин П. А. 157
 Левшин П. Ф. 156, 157
 Ленин (Ульянов) В. И. 188
 Леопольд Фридрих Франц, князь Ангальт-Дессауский 233, 239
 Лепехин М. П. 167, 169, 482
 Лессепс Ж.-Б. 312
 Лессинг Г. Э. 304, 375, 376
 Летурнер П. 164
 Либуркин Д. Л. 14
 Ливий Тит 367
 Лившиц Л. Я. 381
 Липсий Юст 35
 Лисаневич Василий 163
 Лисянский Ю. Ф. 102
 Литтлтон Дж. 166
 Лифшиц Б. К. 477
 Лихачев В. С. 385
 Лихачев Д. С. 134
 Лобанов М. Е. 456, 477
 Лобанова Л. П. 343
 Лобанов-Ростовский А. Б. 350
 Лозинский М. Л. 386
 Локателли Фр. 37, 44, 45
 Локк Дж. 232
 Ломоносов М. В. 27, 46, 86, 89, 94—96, 109, 111, 131, 187—191, 202, 210, 213, 215, 219, 312, 316, 387,

- 390, 391, 396, 427, 428, 430, 434,
435, 438, 439, 442, 446, 448, 454,
458, 459, 467, 470
- Лонгинов М. Н. 312, 313
- Лопухин А. В. 168
- Лопухин В. А. 168
- Лопухин В. И. 164
- Лопухин И. В. 164, 165, 348
- Лопухин П. В. 129, 139, 141—143
- Лопухина Е. И. (урожд. Исаева)
164
- Лосев А. Ф. 92, 93
- Лосев Л. В. 394, 396
- Лось М. 291
- Лотман Ю. М. 43, 111, 112, 120, 203
- Лудольф Г. В. 34
- Лукулл Луций Лициний 18
- Лутовинов А. И. 184
- Львов Н. А. 113, 119, 121, 129, 130,
132—136, 138—141, 143—146,
149—153
- Львов П. П. 146, 148
- Львов П. С. 147—149
- Львова А. П. 148
- Львова Е. Н. 455
- Львова М. А. (урожд. Дьякова) 133
- Львова П. И. (урожд. Соймонова)
148
- Люби Ф. 346
- Людовик XIV, французский ко-
роль 211
- Людовик XV, французский король
29, 181
- Людовици К. Г. 155
- Мабли Г.-Б. 278, 341, 342
- Магницкий Л. Ф. 99
- Магомет (Мухаммед), пророк ис-
лама 254
- Магомет II, Великий 116
- Мадариага И. де 231
- Мазон А. 436—438
- Майелларо Дж. (Луиджина) 27, 40
- Майков В. И. 448
- Майков Л. Н. 389
- Макаров П. И. 358
- Макеева В. Н. 27
- Макогоненко Г. П. 208, 323
- Максимов Ф. 29
- Маларм Ш. де 182
- Малаховский В. А. 125
- Малиновский К. В. 31
- Малышев О. И. 438
- Ман Н. (Вильям-Вильмонт Н. С.)
294
- Манассия Константин 28, 35
- Манкиев А. И. 110
- Мантейфель Э. 236, 237
- Мантейфель Ю. Э. 237
- Марасинова Е. Н. 131
- Мариво де Шамблен П. К. де 127,
265
- Марий, римский полководец и по-
литик 489, 490
- Мария Федоровна, российская им-
ператрица 50, 51
- Маркези Л. 323
- Маркер Г. 56, 59, 63, 64
- Марков А. С. 482
- Мармонтель Ж.-Ф. 173, 212, 265,
448, 476
- Марр Н. Я. 437
- Марсолье де Виветьер Б.-Ж. 377
- Мартин Б. 185
- Мартос И. Р. 274
- Мартынов И. Ф. 107
- Марченко Н. А. 203
- Матиас, карантинный директор
351
- Матинский М. А. 378
- Медведев Г. В. 179
- Медведев И. В. 179
- Медведева-Томашевская И. Н. 437
- Мезин С. А. 37, 326, 334
- Мейе А. 436
- Мелетий Смотрицкий 88, 89, 91,
92, 94, 95
- Менгден И. И. фон 148
- Менгден С. В. фон 148
- Мерзляков А. Ф. 391
- Мерсье Л.-С. 270, 377
- Мертген 168
- Метастазио П. 480
- Метелл (Метеллус), римский пол-
ководец и политик 489
- Меценат Гай Цильний 18
- Мещерский П. С. 184
- Миллер Г. Ф. 46
- Миних Х. С. 237
- Михальчи Д. Е. 30, 36
- Модзалевский Б. Л. 263, 264, 272,
273
- Моисеева Г. Н. 118
- Моисей (Петрович), митрополит
Сербский 483

- Мольер Ж.-Б. 304, 366, 446, 459, 475
Монвель Ж.-М. 377
Монтескье Ш.-Л. 66, 127, 363
Моран П. 363
Мораччи Дж. 208
Морков И. П., дядя 184
Морков Иван, племянник 184
Моряков В. И. 326
Мотонис Н. Н. 290
Муравьев М. Н. 132, 373, 391, 416, 442
Муравьева Л. Р. 389
Муравьева О. С. 177
Мюллер К. В. 246
Мюре М.-А., дядя 15, 159
Мюре М.-А., племянник 159
- Накорякова К. М. 312
Нарышкин А. Л. 144
Нарышкин К. С. 159
Нарышкин С. К. 159
Насакин И. Я. 284, 287
Наталья Алексеевна, российская великая княгиня 50, 373
Невская Д. Р. 105
Нейбер Ф. К. 304, 366
Нелединский-Мелецкий Ю. А. 208
Неоптолем Парионский (Паросский), греческий философ 22
Неплюев Николай 184
Неплюев С. А. 184
Нестор, летописец 108, 111, 112, 117
Неустроев А. Н. 485
Нивель де ла Шоссе П.-К. 363
Никитина А. Б. 133
Никитина Т. Г. 396
Никифоров П. П. 168
Никифоров П. Ф. 168
Никифоров С. П. 168
Никифорова Н. П. 168, 169
Николаев П. А. 6
Николаев С. И. 7, 13, 31, 35, 36, 156, 159, 199, 202, 244, 387, 389, 392, 397, 481
Николай I, российский император 53
Николаи Х. Ф. 234
Николев Н. П. 446, 469, 471, 476
Нилов К. А. 177
Нилов П. А. 177, 178
Нилова Е. К. (урожд. Бороздина) 177, 178
- Новиков Н. И. 95, 98, 164, 226, 298, 312, 369, 374, 442, 449, 451, 459, 472, 478
Новикова А. М. 147—149
Нума Помпилий, римский царь 43
- Овидий Публий Назон 420, 430, 448
Овцын Василий 184
Озерецковский Н. Я. 172
Озеров В. А. 367, 382, 435, 456, 472
Окулов Г. А. 456, 477, 478
Олег, великий князь Киевский 109, 112, 113, 115, 116
Оленин А. Н. 144, 273, 380
Олин В. Н. 456, 477, 478
Олсуфьев А. В. 282, 283
Олсуфьев Д. А. 283, 287
Олсуфьев С. А. 287
Олсуфьева М. В. 155
Ольга, княгиня Киевская 109, 112—114
Омарова Г. Б. 125
Опиц Г. 230, 231, 234, 236, 237, 240, 241, 243, 246, 252, 292
Ориотти, дядя И. Я. Комисарова 269
Орлов А. В. 159, 160
Орлов А. Г. 300
Орлов В. Г. 159, 233, 290
Орлов Г. Г. 160, 288
Орлов С. 155
Орлова М. Г. 178
Осипов В. И. 31
Осипов Н. П. 162
Осповат А. Л. 125
Осповат К. А. 435
Остерман-Толстой А. И. 274
Оуэн (Аудознус) Дж. 86, 87
Оффен Ж. 374
Ошанина Е. Н. 418
Ошероф С. А. 101
- Павел I, российский император 175, 205, 232, 233, 270, 272, 349, 350, 366, 373, 417, 428, 489
Павел, иеромонах при русских студентах в Лейпциге 280, 289
Палере Ж. 168, 184
Паллас П. С. 344

- Пальм, фактор Академии художеств 266
- Панин Н. И. 208, 267, 366, 489
- Панин П. И. 295
- Панов М. В. 45
- Панфилова Н. Н. 110
- Панченко А. М. 96
- Паперно И. 187
- Патра (Патрат) Ж. 377
- Патуйе Ж. 474
- Паус (Паузе) И. В. 30, 32, 34, 36
- Пекарский П. П. 7, 389, 483
- Пенчко Н. А. 486
- Перетц В. Н. 389, 390, 399
- Перрен А. 369
- Петр I, российский император 35, 44, 45, 51, 53, 56, 60, 63—65, 94, 95, 102, 113, 147, 148, 158, 190, 199, 211, 250, 292, 327, 331, 332, 334, 339—341, 428, 483
- Петр III, российский император 67, 350
- Петрарка Ф. 126
- Петров В. П. 394
- Петров П. Н. 263, 264, 266
- Петровский Ф. А. 101
- Пиндар 188, 430, 459
- Пиранези Д. Б. 266
- Писарев А. А. 380
- Писарев С. И. 159
- Платнер Э. 293
- Платон, греческий философ 16, 66, 80, 98, 193
- Плимак Е. Г. 335, 339
- Плиний Гай Цецилий Секунд (Младший) 126, 428
- Плутарх Херонейский 66, 98
- Пнин И. П. 314
- Погосян Е. А. 187, 200, 204
- Подобедов С. И. 280
- Позднякова Е. Г. 323
- Полежаев Т. А. 158
- Поливанов Л. И. 385
- Полидор Вергилий 90, 91, 94, 95
- Поликарпов-Орлов Ф. П. 29, 34, 40, 45, 89—95
- Польтерманн А. 224, 225
- Полянский В. И. 267
- Померанцев В. П. 376
- Попов В. 482
- Попов В. М. 173
- Попов И. В. 346
- Попов М. И. 96
- Порошин С. А. 366, 369, 489
- Порфирион Помпоний 22
- Посошков И. Т. 177
- Потапов П. О. 435, 472
- Потемкин Г. А. 155, 174, 322
- Прач И. Г. 139, 311
- Прийма Ф. Я. 5
- Приклонский Павел 177
- Проскурина В. А. 50, 53
- Протасова Е. А. 169, 170
- Псевдо-Деметрий, ритор 126
- Пумпянский Л. В. 393
- Пуфендорф С. 35
- Пухов В. В. 156, 162
- Пушкин А. М. 456
- Пушкин А. С. 3, 87, 123, 205, 310, 312, 343, 375, 385, 390, 394, 416, 456, 470, 471
- Пушкин В. Л. 347
- Пушкин С. Л. 347
- Пыпин А. Н. 59, 398
- Рабинович А. 184
- Радищев А. А. 313
- Радищев А. Н. 3, 107, 162, 190, 277—309, 310—328, 335—342, 349, 447
- Радищев Н. А. 313
- Радищев П. А. 311—315, 321, 323
- Радищева Е. А. 277
- Радовский М. И. 30
- Разумовская В. П. (урожд. Шереметева) 162
- Разумовская М. В. 162, 168, 172
- Разумовский А. К. 162
- Райсснер Э. 220, 222, 223
- Рак В. Д. 95, 96, 98, 155, 184, 226, 347
- Ранчин А. М. 395
- Расин Ж. 364—366, 369, 372, 377, 379, 381, 382, 430, 434—436, 438—478, 480
- Рахманинов И. Г. 226
- Редкин П. Г. 93
- Резанов В. И. 381, 435, 467
- Резевиц Ф. Г. 247, 248, 259
- Рейналь Г.-Т. 326—329, 342
- Рейфенштейн И. Ф. 266
- Рембовский К. 448, 485
- Ржевский А. А. 96, 208, 397, 398, 450, 451
- Ридигер Х. 345

- Ридингер К. П. 239
 Рижский М. И. 100
 Риккобони Л. 363—365, 372, 385
 Риккобони М.-Ж. 68
 Рихтер И. 344
 Рихтер И. З. 296
 Рицци Д. 27
 Ричардсон С. 79, 127
 Роболи Т. А. 354
 Рогинская О. О. 79
 Рогнеда Рогволдовна, полоцкая княжна 109
 Рогов Михаил 88
 Рождественский С. В. 233, 247
 Розинг А. И. 382, 383
 Роллен Ш. 19
 Романус А. И. 182
 Романус Аврам 182
 Рондо К. 28
 Росси Л. 132
 Росслин В. 174
 Рохов Ф. Э. 247, 248
 Руа Ж. 171
 Рубан В. Г. 159, 199, 200, 356, 448
 Рубановская Е. В. 323
 Рубановский А. К. 3, 277, 283, 293, 298, 299, 302, 307—309
 Руммель В. В. 148
 Рунич Е. П. 181, 182
 Рунич П. С. 181
 Руссо Ж.-Б. 475
 Руссо Ж.-Ж. 127, 231, 256, 341, 342, 352, 357, 358
 Руше Ж.-А. 369
 Рылеев Александр, переводчик 183
 Рюрик, князь Новгородский 140—141
 Саблукова Е. А. 185
 Саверьен А.-Ж. 100
 Саводник В. 447
 Сазонова Л. И. 187
 Сайтов В. И. 455, 477
 Сакура С. С. 381
 Саларев С. Г. 391
 Салтыков А. В. 320
 Салтыков А. М. 3, 262—267, 276
 Салтыков Б. М. 264
 Салютати К. 126
 Санадон Н.-Э. 10, 16, 22
 Санковский В. Д. 448
 Сапожников М. И. 155
 Сапожников Ф. И. 155
 Сартти Дж. 151, 152
 Саси К.-Л.-М. 155
 Свечина М. Н. (урожд. Вельяминова) 169, 170
 Свишов Алексей 182
 Свишов М. А. 182
 Севел Вилим 32, 33
 Севинье М. де 127
 Сегре Ж.-Р. де 401
 Сегюр Л.-Ф. 345
 Семевский В. И. 341
 Семевский М. И. 71, 75
 Семенко И. М. 125
 Семенников В. П. 233, 374
 Семенова Е. С. 381
 Сенека Луций Анней (Младший) 488, 489
 Сен-Ламбер Ж.-Ф. 356
 Сенников Г. И. 370
 Сенявин Д. Н. 102
 Сергеев Алексей 184
 Сериньи Ш. 366
 Серков А. И. 168
 Серман И. З. 8, 106
 Сечихин И. М. 36
 Сидоров Н. 312
 Силинская Г. Г. 168
 Сильвестр Медведев 20
 Симеон Полоцкий 394
 Синявская М. С. 376
 Сиповский В. В. 352
 Скалигер Иосиф Юст 17
 Скворцов К. П. 275
 Скворцов, управитель Е. А. Головкиной 151
 Смелич Петр 483
 Смирдин А. Ф. 471
 Смирнов Н. С. 319
 Собко Н. П. 263—265
 Соболевская М. М. 162
 Соболевский А. И. 313
 Соколов И. А. 487
 Соколов И. Г. 491
 Соколов И. И. 485—490
 Соколов И. Я. 486, 490
 Соколов Иван 487, 491
 Соколова А. И. 369
 Соколовы 485, 487, 490, 491
 Солнцев Ф. Г. 273
 Соловьев А. Ю. 343
 Соломони Дж. 378
 Сонцов М. М. 485

- Сорен Б. 265
 Сорокин Ю. С. 354
 Сороколетов Ф. П. 35
 София Алексеевна, русская царе-
 на 56
 София Доротея, княжна Вюртем-
 бергская, см. Мария Федо-
 ровна, российская императ-
 рица
 София Фредерика принцесса Ан-
 гальт-Цербстская, см. Екате-
 рина II, российская импера-
 трица
 Софокл, греческий трагик 377, 381,
 447, 480
 Спафарий Н. Г. 91
 Срезневский И. И. 20
 Сталин (Джугашвили) И. В. 188
 Станислав II Август Понятовский,
 польский король 59
 Старикова Л. М. 363, 366
 Старов И. Е. 266
 Старцев А. И. 277, 278, 281, 282,
 284, 286, 290, 301
 Стахийев Андрей 185
 Стацер (?) 378
 Стенник Ю. В. 188, 340, 370, 373,
 486
 Степанов В. П. 168, 185, 208, 217,
 244, 264, 290, 370, 486
 Степанов Н. Л. 121—125, 127, 130
 Степанов Ю. С. 127
 Стерн Л. 349
 Стоюнин В. Я. 5, 29
 Строганов А. С. 177
 Строгонова М. Я. 390
 Строев П. М. 106, 397, 398
 Струйский Н. Е. 460
 Суворов А. В. 140, 145, 418
 Суворов В. И. 75, 76
 Суворов И. В. 481
 Суворов М. Т. 483, 484
 Суворов П. И. 481—484
 Суворов П. Т. 484
 Сумароков А. П. 96, 98, 111, 191,
 264, 365, 367—373, 387, 390,
 396—398, 401, 434, 435, 439,
 441—476, 478
 Сумароков Н. Н. 165
 Сумароков Н. С. 165
 Сухомлинов М. И. 451
 Сушкова М. В. (урожд. Храповиц-
 кая) 215
 Тальман П. 36, 46
 Тамерлан (Тимур ибн Тарагай Бар-
 лас) 254
 Тарковская Л. Р. 16
 Тарковский Р. Б. 16
 Татаринов А. В. 134
 Татаринов А. Г. 277, 281, 293
 Татищев В. Н. 27, 31, 109, 113
 Татищев И. И. 20, 21
 Теплов Г. Н. 389
 Тертий (?) 426
 Тибулл Альбий 16
 Тимковский И. Ф. 295
 Тиньков А. В. 448
 Титов А. А. 321
 Титова Е. И. 184
 Тихонравов Н. С. 453, 471
 Тишевская А. С. 173
 Тишевский Сергей 173
 Тодд III У. М. 125
 Тоди М. Ф. Л. 323
 Тодоров Ц. 127
 Толстой Л. Н. 201
 Толстой Ф. А. 397, 398
 Томашевский Б. В. 437
 Топорков А. Л. 181, 310
 Травин А. Ф. 72
 Травина М. Т. 72
 Травников С. Н. 168, 288
 Траян Марк Ульпий Нерва, рим-
 ский император 428
 Третьяков В. К. 7, 22, 23, 31,
 36, 37, 41, 46, 96, 191, 367, 387—
 390, 393, 396, 397, 401, 440, 458,
 475, 481—484
 Третьяков И. А. 486
 Трубецкой Н. Ю. 7
 Тузов В. В. 98
 Тулубьев Н. Е. 69—84
 Тумим Е. 283
 Тургенев Андрей И. 345, 347
 Тургенев А. И. 123, 130, 170, 293
 Тургенев И. П. 348
 Тургенев И. С. 312
 Тучков С. А. 456, 477
 Тынянов Ю. Н. 121—123, 125, 127,
 132, 456
 Тюменев, крестьянин 320
 Удар де Ламотт А. 401
 Уоррен О. 125, 127
 Уортман Р. С. 53, 55

- Урусова А. А. (урожд. Волкова) 185
 Успенский Б. А. 26, 29, 31, 32, 33,
 35—37, 41, 43, 46, 189, 203, 354
 Участкина З. В. 397
 Ушаков Ф. В. 283, 284, 292, 294, 313,
 314
 Ушаков Ф. Ф. 102
 Уэллек Р. 125, 127
- Фадеев Иван, разбойник** 320, 321
 Файбисович В. М. 273, 274
 Фальконе Э. 340
 Фасмер М. 437, 438
 Федосова И. А. 316
 Фельбигер И. И. 235
 Фельдман О. М. 110
 Фелькнер Ф. Х. 262, 263, 267—269,
 276
 Фенелон Ф. 38, 168, 448
 Феофан Прокопович 40, 362
 Феофил, иеромонах 5
 Ферраци М. 162, 363
 Ферьер де, комедиограф 162
 Филдинг Г. 79, 181
 Флориан Ж.-П.-К. 166, 167, 172, 184
 Фома Кемпийский 35
 Фоменко И. Ю. 155, 196, 416
 Фонвизин Д. И. 132, 154, 155, 198,
 199, 207—209, 211, 218, 295,
 296, 459
 Фонтенель Б. ле Бовье де 39, 41,
 356, 363, 379, 401
 Френсис Ф. 23, 24
 Фридлиндер Г. М. 125
 Фридрих II, прусский король 58,
 305
 Фрич К. 306
 Фролов Э. Д. 7
- Хабургаев Г. А. 32
 Хамицаева О. А. 96
 Хассельбах И. П. 230, 244, 252
 Хвостов Д. И. 445, 446, 452—454,
 457, 475—477
 Хексельшнайдер Э. 277, 281, 283,
 285, 289, 290, 297, 302
 Хемницер И. И. 143
 Хенрици К. Э. 278
 Херасков М. М. 96, 265, 373, 375,
 376, 391, 397, 398, 447, 449, 468,
 469
- Хераскова Е. В. 459
 Хиллер И. А. 305
 Хитрово Н. Д. 270
 Хлебников В. М. 152
 Ходовецкий Д. Н. 232, 233, 245, 249,
 256
 Холшевников В. Е. 396
 Хоффманн П. 281, 302
 Храповицкая А. И. 161
 Храповицкая П. И. 161
 Храповицкая С. И. 161
 Храповицкий А. В. 208, 374
 Храповицкий И. Ю. 161
 Хрипунов В. И. 135
 Хрисолор Мануил 159
 Хрущев А. Ф. 35, 36
 Хрущев Николай 368
- Цвилленев А. И.** 71
 Цебриков Р. М. 244
 Цезарь Юлий Гай 423
 Цемиш Г. Б. 304
 Цивьян Т. В. 204
 Цимбал С. Л. 386
 Цицерон Марк Туллий 39, 100, 126,
 430, 488
- Чайковский М. И.** 385
 Чекалевский П. П. 269, 273
 Челищев И. Е. 72
 Чемесов Е. П. 263, 266
 Чепегов А. И. 381
 Чепраков Федор, купец 482
 Черемисинов А. Г. 182, 183
 Черемисинов Г. И. 182, 183
 Черкасов А. И. 58, 62
 Чернышевский Н. Г. 310
 Черняев П. Н. 421
 Чеславский И. Б. 456, 477, 478
 Чечулин Н. Д. 154, 163
 Чихачев А. П. 275
 Чичерин А. В. 419, 420
 Чичерин Д. И. 157
 Чулков М. Д. 98, 149, 177, 490, 491
- Шагаров П. Ф.** 168
 Шагаров Ф. Ф. 168
 Шарф К. 231
 Шафиоров П. П. 362
 Шаховской А. А. 380—382

Швабе И. И. 301
Швабе Н. К. 418
Шванвиц М. 31
Шевцов И. М. 394
Шекспир У. 376, 459, 462, 478
Шереметев Б. П. 158
Шереметев Д. Н. 312
Шереметев Н. П. 162
Шереметев П. Б. 158, 162
Шереметевы, графский род 161
Шешковский И. С. 162
Шешковский С. И. 162
Шёнле А. 347, 351
Шиллер Ф. 376
Шимко И. И. 28
Шишкин А. Б. 26, 27, 31
Шишков А. С. 354, 390, 392
Шлегель И. Э. 304
Шлейермахер Ф. Д. Э. 224, 225
Шлейснер П. К. 169
Шлецер А. Л. 114, 235
Шлихтер Б. А. 281, 282
Шмид Х. Ф. 283, 301, 302
Шмитт Х. 229, 232, 234, 235
Шнор И. К. 220, 247, 249, 278, 279
Шодерло де Лакло П.-А.-Ф. 127
Шодон Л. М. 476
Шотт А. Ф. 293, 297
Шоффен Д. 182
Штайн, студент 291
Штеллер Г. В. 301
Шувалов А. П. 300, 439, 458
Шувалов И. И. 131, 264, 266
Шульц Ю. Ф. 87
Шульц, гравёр 249
Шумахер И. Д. 290

Щеглов Ю. К. 26, 393
Щеголев П. Е. 447
Щепкин М. С. 110
Щерба Л. В. 437
Щербатов М. М. 107, 109
Щербина Н. Ф. 312
Щербинин Е. А. 163

Эберт И. Я. 291, 292
Эзе Ж. 488, 489
Эзоп 16
Эйдельман Н. Я. 106
Эйхенбаум Б. М. 121
Эккарстгаузен К. 270

Эмбер Б. 174, 176, 369
Эмин Ф. А. 70, 81, 113—119, 442, 458
Эпинус Ф. 234, 235
Эразм Роттердамский 418, 490
Эрио Э. 437
Эрлер Г. 287, 289
Эрмерт К. 126
Эрмес К. В. 287
Эрмес Э. Ф. 287
Эсхил, греческий трагик 447

Ювенал Децим Юний 426, 427
Ювеналий (Воейков) 156
Юлий Виктор, ритор 126
Юм Д. 184, 334
Юнг Э. 164, 417
Юнг-Штилинг И. Г. 270
Юстин Марк Юниан 28, 35, 38, 41, 44
Юсупов Н. Б. 184
Юшкова В. А. 170

Яблоновский Й. А. 295
Якобсон Р. О. 128
Яков из Венеции 93
Якубович А. Ф. 311
Яник Д. 128
Янкович де Мириево И. Ф. 234, 250, 377
Янов С. Н. 278, 288, 291

Alewyn R. 202
Arto-Haumacher R. 298

Barner W. 198
Bartlett R. 211
Blumenberg H. 193
Blümmer H. 304
Boehme E. 222
Brang P. 343
Brant S. 198
Brown P. 211
Buck A. 188, 201
Buhks N. 131
Bünz E. 278, 282
Burckhardt J. 211, 212

Cavaion D. 162
Chouillet J. 327
Chouillot A.-M. 326
Colin A. 55
Collis D. 85
Criveller C. 162
Crusius S. L. 239
Cugusi P. 126

De la Croix J. 344
Dreus P. 295, 306
Drux R. 188

Ehrhard M. 29
Elias N. 209
Enenkel K. A. E. 188
Enzensberger H. M. 188
Espagne M. 285

Fauchery P. 55
Fehmer 221

Garstka Ch. 188
Geiger L. 285
Goggi G., см. Годжи Д.
Grafton A. 15
Grasshoff H., см. Грассгоф Х.
Greiling W. 285
Greiner N. 227
Griffith D. 211
Grosley P., см. Гроле П.

Hardison O. B., jr. 191, 212
Heldt K. 188
Hildesheim J. Ch. 389
Hillert S. 282, 293
Hinrichs F. T. 229
Huterer A. 30

Iversen 221

Jauß H. R. 193

Kayser W. 202
Kiesel H. 198, 200

Klinkhardt H. 298
Kneschke E. 304
Koponik I. 226
Kruedener J. 209
Kummer P. G. 221

Laucevicius E. 72
Lempa H. 229, 233, 235
Loen J. M. von 198
Loewen D. 196
Luther A. 222

Martens W. 198
Martignac 10
Matthes E. 37
Mesnard P. 439, 451
Mingati A. 162
Molin A. 10
Molin H. 10
Müller W. G. 203

Nieser B. 235

Parthey G. 259
Patouillet J., см. Патуйе Ж.
Pellet J.-L. 329
Peyre H. 200
Pinloche A. 229
Pütz P. 188

Raynal G.-T., см. Рейналь Г.-Т.
Reclam C. H. 253
Reißner E., см. Райсснер Э.
Rjéoutski V. 436
Rosendahl G. 203
Roth G. 331
Rüdersdorf M. 278, 282

Schirmer U. 303
Schmid U. 205
Schröder K. 229
Senger A. 226
Simon Ch. 489
Smidt P. L. 126
Steinführer H. 303
Stowers S. K. 126
Syndicus H. P. 213

Thyrêt I. 59
Topsch W. 229
Trilling L. 200

Uchastkina Z. V., см. Участки-
на З. В.

Varloot J. 331
Verweyen Th. 188

Wiedemann C. 188
Witkowski G. 285, 304
Wolf U. 229
Wolff L. 327
Woltner M. 232
Worstbrock F. J. 126

Ziller C. 304
Zinsel E. 211, 213
Zwahr H. 303

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
<i>Н. Ю. Алексеева</i> (Петербург). Примечания Антиоха Кантемира к «Письмам Горация»	5
<i>Е. Э. Бабаева</i> (Москва). Язык в зеркале размышлений поэта. (К реконструкции лингвистических воззрений Антиоха Кантемира)	26
<i>А. Вачева</i> (София). София-Екатерина. Имя и мифология в автобиографии Екатерины II	49
<i>А. Ю. Веселова</i> (Петербург). Переписка А. Т. Болотова с Н. Е. Туглубьевым как исторический и литературный источник	69
<i>И. В. Коциенко</i> (Петербург). Эпиграфы в учебных пособиях Николая Курганова	85
<i>Д. Р. Невская</i> (Рига). Русские писатели XVIII века об исторической и эстетической значимости мифа	105
<i>К. Ю. Лапто-Данилевский</i> (Петербург). Дружеское литературное письмо: специфика, истоки	121
<i>Н. Д. Кочеткова</i> (Петербург). Семейные посвящения в русских изданиях XVIII века	154
<i>Й. Клейн</i> (Беркли). Истина и искренность в панегирической поэзии Державина	187
<i>А. А. Койтен, Е. Е. Земскова</i> (Бремен, Москва). Филантропист и «Фелица». (Историческое пояснение к неизвестному немецкому переводу державинской оды в учебной книге К. Г. Вольке, 1785)	220
<i>Н. С. Беляев</i> (Петербург). Русские литераторы XVIII века — конференц-секретари Императорской Академии художеств (А. М. Салтыков, Ф. Х. Фелькнер, А. Ф. Лабзин)	262
<i>Э. Хексельшнайдер</i> (Лейпциг). Новое о студенческих годах А. Н. Радищева и его друзей. Два неизвестных письма к Х. А. Клодиусу. Перевод А. А. Костина	277
<i>А. А. Костин</i> (Петербург). А. Н. Радищев как фольклорист	310
<i>С. А. Мезин</i> (Саратов). Дидро, Рейналь и Радищев: Из истории филиации идей	326
	509

<i>А. Ю. Соловьев</i> (Петербург). История текста «Путешествия в полуденную Россию» <i>В. В. Измайлова</i>	343
<i>Е. Д. Кукушкина</i> (Петербург). Пьер Корнель в России	362
<i>С. И. Николаев</i> (Петербург). Подражания Кантемиру в русской поэзии XVIII—XX веков	387

ПУБЛИКАЦИИ

<i>С. И. Николаев</i> (Петербург). Русская идиллия 1750-х годов (Новые материалы)	397
<i>И. Ю. Фоменко</i> (Москва). «Меланхолические домашние мои рассуждения» <i>Ф. И. Колоколова</i>	416
<i>Г. А. Гуковский</i> . Расин в России в XVIII веке. <i>Перевод с французского языка и примечания А. О. Дёмина</i>	434

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД «СЛОВАРЕМ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА»

<i>С. И. Николаев</i> (Петербург). Предположение о Петре Суворове	481
<i>А. А. Костин</i> (Петербург). Про Иванов Соколовых	485
Список сокращений	492
Указатель имен	493

Научное издание

XVIII ВЕК

СБОРНИК 27

Пути развития русской литературы XVIII века

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук*

Редактор издательства Н. М. Пак
Художник Е. В. Кудина
Технический редактор И. М. Кашеварова
Компьютерная верстка Е. С. Егоровой

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 17.06.13. Подписано к печати 18.11.13.
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 32.0. Уч.-изд. л. 33.9.
Тираж 500 экз. Тип. зак. № 3950. С 221

Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.com

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины с отделами «Книга—почтой»

- 119192 Москва, Мичуринский проспект, 12, корп. 1;
(код 495) 932-78-01
Сайт: <http://LitRAS.ru/>; e-mail: okb@LitRAS.ru
- 199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1;
(код 812) 328-38-12; e-mail: naukaspb1@yandex.ru

Магазины «Академкнига» с указанием букинистических отделов

- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298;
(код 3952) 42-96-20; akademkniga@list.ru
- 660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;
(код 3912) 27-03-90; akademkniga@bk.ru
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
(код 499) 124-55-00 (Бук. отдел)
- 119192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
(код 495) 932-74-79 (Бук. отдел)
- 127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2;
(код 495) 621-55-96 (Бук. отдел)
- 101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8, строение 4;
(код 495) 624-72-19 (Бук. отдел)
- 142290 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1;
(код 49677) 3-38-80
- 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57;
(код 812) 272-36-65; academkniga.spb@bk.ru
(Бук. отдел)

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24

Сайт: <http://LitRAS.ru/>

E-mail: info@LitRAS.ru

Склад, телефон: (код 495) 932-74-71

Факс: (код 499) 143-84-24